

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

МАШИНЫ ВРЕМЕНИ

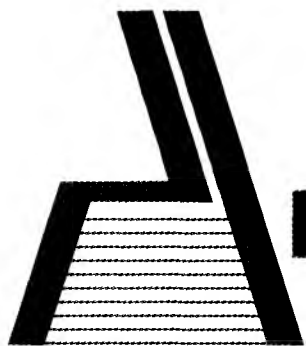
Аванта

АНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

АНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Машина времени

том 2

Москва, *Аванта*
2003

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-445
A72

Совет директоров

М. Аксенова, Г. Храмов

Главный редактор
издательства

Е. Хлебалина

Главный художник

Е. Дукельская

Куратор серии

А. Чулков

Ведущий
редактор серии

Д. Володихин

Ответственный
редактор серии

Г. Елисеев

Помощник
ответственного редактора

Е. Бычкова

Антология мировой фантастики. Том 2. Путешествия
A72 во времени / Вел. ред. Д. М. Володихин, отв. ред. Г. А. Елисеев. — М.:
Аванта+, 2003. — 608 с.

ISBN 5-94623-039-5 (т. 2)

ISBN 5-94623-036-0

В пятнадцати томах «Антологии мировой фантастики» собраны произведения лучших зарубежных и российских мастеров этого рода литературы, всего более сотни блистательных имен. Каждый том серии посвящен какой-нибудь излюбленной теме фантастов: контакт с инопланетным разумом, путешествия во времени, исследования космоса и т. д. В составлении томов приняли участие наиболее известные отечественные критики и литературоведы, профессионально занимающиеся изучением фантастики. В каждую книгу серии вошли справочные материалы, а также обзор фантастической литературы по теме, которой посвящен этот том.

«Антология мировой фантастики» рассчитана на всех интересующихся такого рода литературой, но особенно полезна будет для школьников. Сон разума рождает чудовищ. Фантастика будит разум.

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-445

ISBN 5-94623-039-5 (т. 2)
ISBN 5-94623-036-0

© Составление, оформление.
«Издательский центр „Аванта+“», 2003

Читатель!

Время. Нечто, казалось бы, самое простое — всем известное, легко измеримое, — то, в чем живем, что, собственно, и определяет жизнь. Время — непостижимо. Мы не знаем — что это. Постоянное — и неудержимо ускользающее. Начавшее существовать одновременно с пространством — или дело обстояло как-то иначе? Возможен ли конец времени? И наконец: можно ли им, временем, овладеть?

В качестве первого рубежа — найти возможность передвигаться в нем по собственному усмотрению. Для начала хотя бы по прямой: вперед — назад, в будущее, опережая течение, — или в прошлое, наперекор волнам; для начала — потому что не сказано, что время обладает лишь одним измерением. После первого рубежа возникнет наверняка и второй: утилизация времени, использование его в качестве сырья или источника энергии, ускорение и замедление...

Наверное, это врожденный инстинкт человека — стремиться овладеть всем, до чего он только может дотянуться. Поверхностью земли. Ее недрами. Воздухом. Атомом и его ядром. Космическим пространством, наконец.

Всем этим серьезно занималась и занимается наука. Всем этим занималась и занимается фантастика, сразу создающая общую картину. Порой — вопреки сегодняшним постулатам. Подобно тому, как атакующие армии не берут приступом укрепленные районы противника, но обтекают их и устремляются дальше.

Фантастика — лучший учитель свободомыслия. Она не признает ограниченной мысли, в какой бы категоричной форме та ни была высказана, на какие авторитеты бы ни опиралась. Она — воздушный десант мысли, выброшенный в глубокий тыл Знания, чтобы создать плацдарм, к которому позже пробьется наука с техникой в своем втором эшелоне.

В тылу Времени мысль десантировалась уже давно — и продолжает наращивать успех. Предлагаемый том — прекрасное тому свидетельство.

А прежде чем начать читать — мой вам совет.

Никогда не говорите и не думайте: «Этого не может быть!».

Я давно пришел к выводу: что представимо — то возможно. За пределы возможного нам заглянуть не дано. Даже самой великой фантазии.

Так что думайте: «МОЖЕТ!».

Владимир Михайлов

A handwritten signature in black ink, reading "Владимир Михайлов". The script is cursive and fluid, with the first letter 'В' being particularly large and stylized. The signature is written on a light background.

Герберт Уэллс

МАШИНА ВРЕМЕНИ

1

Путешественник во Времени (давайте будем называть его так) рассказывал нам нечто непостижимое. Его серые глаза искрились и сияли, а лицо, обычно бледное, покраснело и оживилось. В камине ярко пылал огонь, а мягкий свет электрических лампочек, ввинченных в футляры в виде серебряных лилий, отражался в пузырьках, поднимавшихся со дна наших бокалов. Наши стулья — изобретение хозяина — казалось, мягко охватывали и нежили сидящих, и в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль изящно скользит, утратив всякие ограничения и определенность. Путешественник во Времени говорил, отмечая самое важное движения тонкого указательного пальца, пока мы сидели на стульях, лениво удивляясь тому, как он серьезно относится к своему новому парадоксу (так мы это называли) и собственной изобретательности.

— Слушайте меня внимательно. Мне придется опровергнуть пару-тройку представлений, которые признаются почти всеми. Например, геометрия, которую нам преподавали в школе, построена на недоразумении...

— Не слишком ли это серьезная вещь, чтобы с нее начинать? — сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик.

— Я и не намерен требовать от вас, чтобы вы согласились со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но скоро вам придется признать ровно столько, сколько мне от вас будет нужно. Вы, конечно, знаете, что математическая прямая, не имеющая толщины, не существует в реальности. Вас ведь этому учили? Не существует и математической плоскости. Все это просто абстракции, отвлеченные понятия.

— Совершенно верно, — согласился Психолог.

— Точно так же не существует и куба, имеющего только длину, ширину и высоту...

— Здесь я бы с вами поспорил, — заявил Филби. — Несомненно, твердые тела существуют. А все существующие предметы...

— Так думает большинство людей. Но подождите немного. Может ли существовать вневременной куб?

— Что-то я вас не понимаю, — сказал Филби.

— Можно ли признать реальным кубом то, что не существует ни единого мгновения?

Филби погрузился в размышления.

— Следовательно, — продолжал Путешественник во Времени, — каждое реальное тело должно существовать в четырех измерениях: оно должно иметь Длину, Ширину, Высоту и Продолжительность существования. Но вследствие нашей естественной неспособности, о которой я вам сейчас расскажу, мы не ощущаем ничего подобного. Итак, существуют четыре измерения, три из которых мы называем пространственными, а четвертое — временным. Однако существует тенденция проводить неестественную грань между тремя первыми измерениями и последним. Но это лишь потому, что наше сознание от начала жизни и до конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого самого последнего измерения.

— Это, — произнес Очень Молодой Человек, делая невероятные усилия, чтобы зажечь от лампы свою сигару, — это... все вполне понятно.

— Примечательно, однако, что это постоянно упускают из виду, — продолжал Путешественник во Времени, слегка повеселев. — Некоторые из тех, кто говорит о Четвертом Измерении, сами не знают, о чем говорят. А это всего лишь иной взгляд на Время. Нет никаких различий между Временем и любым из трех измерений Пространства, кроме того что наше сознание движется во Времени. Однако некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, разумеется, слышали, что они говорят о Четвертом Измерении?

— Я не слышал, — заявил Провинциальный Мэр.

— Это очень просто. Пространство, как его понимают наши математики, имеет три измерения, которые называются Длиной, Шириной и Высотой, и оно всегда определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Но некоторые философы задавались вопросом: почему только три измерения, почему не может существовать еще одно направление, находящееся под прямым углом к трем остальным? Они даже пы-

тались создать четырехмерную геометрию. Всего около месяца тому назад профессор Саймон Ньюкомб рассказывал об этом в Нью-Йоркском математическом обществе. Вы знаете, что на плоской поверхности, имеющей только два измерения, можно представить чертеж трехмерного тела, и предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно представить четырехмерный предмет, если овладеть его перспективой. Понимаете?

— Кажется, да, — пробормотал Провинциальный Мэр; нахмурив брови, он углубился в себя и шевелил губами, будто повторяя какие-то заклинания.

— Да, мне кажется, я теперь понял, — произнес он через некоторое время, и его лицо просияло.

— Ну вот, мне хотелось бы рассказать вам, как одно время я занимался четырехмерной геометрией. Некоторые из моих выводов весьма любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой — когда ему исполнилось пятнадцать, третий — семнадцать, четвертый — двадцать три и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое представляет собой вполне определенную и неизменную величину.

— Ученые, — продолжал Путешественник во Времени, немного помолчав, чтобы мы лучше усвоили сказанное, — очень хорошо знают, что Время — только разновидность Пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Эта линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он держался вот на такой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и пополз вверх, пока не дошел вот досюда. Понятно, что ртуть не рисовала этой линии ни в одном из известных нам пространственных измерений. Но она тем не менее все же провела ее, и значит, эта линия была проведена во Времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально рассматривая угли в камине, — если Время — всего лишь четвертое измерение Пространства, то почему же на него всегда смотрели как на нечто иное? И почему мы не можем двигаться во Времени точно так же, как движемся в других измерениях Пространства?

Путешественник во Времени улыбнулся.

— Неужели вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Мы можем достаточно свободно пойти вправо или влево, назад или вперед, и люди всегда делали это. Я готов признать, что мы свободно движемся в двух измерениях. Ну а как насчет движения вверх и вниз? Нас в этом ограничивает сила тяготения.

— Не совсем, — заметил Доктор. — Ведь существуют же воздушные шары.

— Однако прежде, чем появились воздушные шары, человек не мог свободно передвигаться по вертикали. Все, что он мог — это неуклюже прыгать по неровностям земной поверхности.

— Но все же можно было немного двигаться вверх и вниз, — сказал Доктор.

— Проще, значительно проще и легче вниз, чем вверх!

— Но двигаться во Времени и вовсе невозможно, вы никуда не сможете уйти от настоящего момента.

— Мой дорогой, как раз тут вы и ошибаетесь. В этом ошибался и весь мир. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша душа, нематериальная и не имеющая размера, с постоянной скоростью движется во Времени от колыбели к могиле. Мы движемся точно так же, как двигались бы вниз, начав свое существование в пятидесяти милях над поверхностью земли.

— Однако главное затруднение состоит в том, — прервал его Психолог, — что, имея возможность перемещаться во всех направлениях Пространства, мы неспособны точно так же перемещаться во Времени!

— В этом-то и заключается суть моего великого открытия. Вы ошибаетесь, утверждая, что мы не можем передвигаться во Времени. Если я, например, очень живо воспроизвожу в памяти какое-либо событие, то при этом я возвращаюсь ко времени его свершения: я как бы мысленно отсутствую в настоящем. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом — подобно тому, как дикарь или животное не могут повиснуть в воздухе на высоте шести футов над землей. Но в этом отношении цивилизованный человек превосходит дикаря. Он способен победить силу притяжения, взлетев на воздушном шаре. И почему бы ему не надеяться на то, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение во Времени? Или даже отправиться в противоположную сторону?

— О, это совершенно невозможно... — начал было Филби.

— Почему же? — спросил Путешественник во Времени.

— Это противоречит здравому смыслу, — ответил Филби.

— Какому смыслу? — сказал Путешественник во Времени.

— Конечно, с помощью всяких аргументов вы можете доказывать, что черное — это белое, — сказал Филби, — но вы никогда не убедите меня в этом.

— Возможно, у меня не получится, — согласился Путешественник во Времени. — Но попытайтесь взглянуть на объект моих исследований с точки зрения четырехмерной геометрии. Давным-

давно у меня появилась смутная мечта создать машину...

— Чтобы путешествовать по Времени! — воскликнул Очень Молодой Человек.

— Чтобы двигаться в любом направлении Пространства и Времени по желанию того, кто управляет машиной.

Филби едва сдерживал смех.

— И я подтвердил эту возможность с помощью опыта, — сказал Путешественник во Времени.

— Это было бы весьма удобно для историка, — заметил Психолог. — Можно было бы, например, отправиться в прошлое, чтобы проверить всем известное описание битвы при Гастингсе!

— А вы не думаете, что это могло бы привлечь излишнее внимание? — спросил Доктор. — Наши предки не были склонны терпеть анахронизмы.

— Можно было бы изучать греческий язык, слушая самого Гомера или Платона, — сказал Очень Молодой Человек.

— И конечно, вы провалились бы на экзамене. Ведь немецкие ученые так усовершенствовали древнегреческий язык!

— А будущее! — воскликнул Очень Молодой Человек. — Вы только представьте себе! Можно было бы в настоящем поместить все свои деньги в банк под проценты — и вперед!

— Чтобы в будущем обнаружить общество, — сказал я, — основанное на строго коммунистических началах.

— Это весьма экстравагантная теория!.. — начал было Психолог.

— Да, мне тоже так казалось, но я не говорил об этом до тех пор, пока...

— Пока не смогли проверить это на опыте! — воскликнул я. — И вы можете доказать это?

— Требую опыта! — закричал Филби, который уже устал от рассуждений.

— Да, покажите нам такой опыт, — сказал Психолог. — Хотя, конечно, все это вздор.

Путешественник во Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем все с той же легкой усмешкой, засунув руки в карманы брюк, медленно вышел из комнаты, и мы услышали шарканье его туфель в длинном коридоре, который вел в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

— Интересно, что он собирается сделать?

— Устроить какой-нибудь трюк или что-то в этом роде, — предположил Доктор, а Филби принялся рассказывать о фокуснике, которого он видел в Барселеме. Однако прежде, чем он

завершил свое повествование, Путешественник во Времени вернулся.

Он держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет размером чуть больше маленьких часов. Предмет был изготовлен из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества. Теперь я постараюсь быть очень точным в своем рассказе, так как за этим последовали совершенно невероятные и необъяснимые события. Хозяин придвинул один из маленьких восьмиугольных столиков, расставленных по комнате, к камину — так, чтобы две его ножки оказались на каминном коврике. На этот столик он поставил свой механизм. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще и небольшая лампа с абажуром, яркий свет от которой падал на модель. В комнате горело около дюжины свечей: две, в бронзовых подсвечниках, стояли на каминной доске, остальные — в канделябрах; все помещение было великолепно освещено. Я сел в низкое кресло, стоявшее близко к огню, и подвинул его вперед так, что оказался между камином и Путешественником во Времени. Филби уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали справа, а Психолог — слева. Очень Молодой Человек стоял за Психологом. Все мы ощущали сильное беспокойство. Мне кажется невероятным, чтоб при таких условиях нас можно было обмануть при помощи фокуса, каким бы хитрым и искусным он ни был.

Путешественник во Времени посмотрел на нас, затем на свой аппарат.

— Ну? — сказал Психолог.

— Этот маленький механизм — всего лишь модель, — начал Путешественник во Времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом. — По ее образу я делаю машину для путешествий во времени. Видите, как необычно она выглядит? Например, эта пластинка странно мерцает, как будто она не совсем реальна...

Он указал на нее пальцем.

— Вот здесь находится маленький белый рычажок, а здесь — другой.

Доктор встал со стула и начал рассматривать модель.

— Великолепно сделано, — сказал он.

— На это ушло два года, — ответил Путешественник во Времени. Затем, после того как мы все по примеру Доктора, осмотрели модель, он сказал: — Теперь мне хотелось бы, чтобы вы поняли: если нажать на этот рычажок, машина начнет скользить в будущее, а второй рычажок вызывает обратное движение. Вот седло, в котором может сидеть путешественник. Сейчас я нажму рычаг — и ма-

шина начнет двигаться. Она исчезнет, умчится в будущее и скроется из виду. Осмотрите ее как следует. Осмотрите еще и стол, убедитесь, что это не фокус. Я не собираюсь, потеряв свою модель, получить за это репутацию шарлатана.

Наступило минутное молчание. Психолог, кажется, хотел что-то сказать мне, но передумал. Путешественник во Времени протянул палец к рычагу.

— Нет, — сказал он вдруг. — Дайте-ка мне вашу руку.

Повернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец. Получилось так, что Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я абсолютно уверен, что здесь не было обмана. Подул ветер, и пламя лампы задрожало. Одна из свечей, стоявших на камине, погасла, а маленькая машина закачалась, стала едва видна, показавшись нам каким-то призраком из поблескивавшего хрусталя и слоновой кости, — а затем исчезла! На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Потом Филби выругался.

Психолог оправился от изумления и заглянул под стол. Тут Путешественник во Времени весело рассмеялся.

— Ну как? — спросил он, намекая на сомнения Психолога.

Затем, поднявшись со стула, Путешественник во Времени взял с камина жестянку с табаком и, вернувшись к нам, стал набивать трубку.

Мы переглянулись.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Неужели вы действительно верите, что ваша машина отправилась в путешествие по Времени?

— Конечно, — ответил Путешественник во Времени, наклоняясь к камину, чтобы поджечь ключок бумаги. Затем, закулив трубку, посмотрел прямо в лицо Психологу. (Психолог, желая показать, что ничуть не взволнован, достал сигару и попытался зажечь ее, позабыв обрезать кончик.) — Скажу более, — продолжал он, — я почти закончил работать над большой машиной... Она там. — Он указал в сторону своей лаборатории. — Когда она будет готова, я намерен совершить путешествие.

— Вы считаете, что эта машина отправилась в будущее? — спросил Филби.

— В будущее или в прошлое — этого я точно не знаю.

Через несколько секунд на Психолога вдруг снизошло озарение.

— Машина должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась, — сказал он.

— Почему? — спросил Путешественник во Времени.

— Потому что если она, не двигаясь в пространстве, отправилась бы в будущее, то все время оставалась бы здесь: ведь и мы движемся туда же!

— Но если бы она отправилась в прошлое, — заметил я, — то мы видели бы ее здесь, когда только пришли в эту комнату и в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг и так далее!

— Это серьезные возражения! — сказал Провинциальный Мэр с видом полного беспристрастия и повернулся к Путешественнику во Времени.

— Нет, — парировал тот и, обращаясь к Психологу, сказал: — Вы сами легко можете это объяснить. Это ниже порога нашего восприятия, неуловимо для чувства.

— Конечно, — ответил Психолог, уверенно обращаясь к нам. — С психологической точки зрения это просто. Я должен был понять сразу. Это великолепно объясняет ваш парадокс. Мы действительно не можем воспринять движение этой машины, подобно тому, как не можем видеть спицу быстро вращающегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то она воспринимается только в одной пятидесятой или одной сотой доле обычного восприятия. Это очень просто. — Он провел рукой по тому месту, где стояла машина. — Видите? — сказал он, посмеиваясь.

Целую минуту, а может, и больше, мы не сводили взгляда с пустого стола. Потом Путешественник во Времени спросил, что мы думаем обо всем этом.

— Это кажется вполне правдоподобным сегодня вечером, — ответил Доктор. — Но давайте подождем до завтрашнего утра. Известное дело — утро вечера мудренее.

— Не хотите ли взглянуть на саму Машину Времени? — спросил Путешественник во Времени.

И взяв в руки лампу, он повел нас по длинному холодному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, силуэт его темной большой головы впереди, пляску наших теней на стенах. Мы шли за ним, озадаченные и недоверчивые, а потом увидели в лаборатории увеличенную копию маленького механизма, недавно исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости, а часть их, несомненно, была вырезана из горного хрусталя. В общих чертах машина была готова, лишь на скамье рядом с чертежами лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых

стержней, которые, судя по всему, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы рассмотреть получше. Похоже, он был изготовлен из кварца.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Или это все же фокус — вроде того привидения, которое вы показывали нам в прошлое Рождество?

— С помощью этой машины, — сказал Путешественник во Времени, держа лампу над головой, — я собираюсь исследовать Время. Понимаете? Еще никогда в своей жизни я не был более серьезен, чем сейчас.

Никто из нас не знал, как следует отнестись к его словам.

Выглянув из-за плеча Доктора, я поймал взгляд Филби. Тот многозначительно подмигнул мне.

2

Думаю, в тот момент никто из нас не поверил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник во Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было верить: всегда казалось, что он себе на уме, и мы постоянно искали в его фальшивой откровенности какую-нибудь заднюю мысль или хитроумную уловку. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы по отношению к нему значительно меньше скептицизма. Мы понимали бы, чем он руководствуется — Филби мог понять любой колбасник. Но характер Путешественника во Времени был слишком сложен, и мы не доверяли ему. Открытия и выводы, которые прославили бы менее умного человека, в его исполнении казались лишь хитрыми трюками. Делать все со слишком большой легкостью — это ошибка. Серьезные, умные люди, воспринимавшие всерьез и его, никогда не были уверены в том, как он себя поведет, и их репутация в его руках напоминала тончайший китайский фарфор, случайно попавший в комнату для детских игр. Именно поэтому, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии во времени. Хотя, без сомнения, оно очень заинтересовало нас всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и то замешательство, которое оно вызвало бы, — все это очень занимало нас. Что же касается меня, то я особенно заинтересовался фокусом с моделью. Помню, я спорил об этом с Доктором, которого встретил в пятницу в Обществе Линнея. Он сказал, что видел нечто

подобное в Тюбингене, при этом он придавал большое значение тому, что одна из свечей во время эксперимента погасла. Но как все это было проделано, он объяснить не смог.

В следующий четверг я опять поехал в Ричмонд — так как был одним из наиболее частых и даже постоянных гостей Путешественника во Времени. Немного запоздав, я застал четверых или пятерых своих знакомых уже в гостиной.

Доктор стоял перед камином с листом бумаги в одной руке и часами в другой. Я огляделся в поисках Путешественника во Времени...

— Половина восьмого, — сказал Доктор. — Мне кажется, уже пора обедать.

— А где хозяин? — спросил я.

— А, ведь вы только что пришли? Знаете, это довольно странно. Он, судя по всему, задерживается. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов — в случае, если не вернется. Обещает объяснить все, когда появится.

— Жаль, если обед будет испорчен, — сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил в колокольчик.

Из гостей, побывавших на предыдущем обеде, кроме меня и Доктора, здесь был только один Психолог. Зато появились новые: Бленк — уже упомянутый мной Редактор, еще один, по виду явно журналист, а также какой-то застенчивый, скромный бородач, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, за весь вечер не сказал ни слова. За обеденным столом звучали всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин дома. Я полушутя предположил, что он путешествует во времени. Редактор попросил объяснить, что это означает, и Психолог начал нудно рассказывать о «невероятном парадоксе и остроумном фокусе», очевидцами которого мы были ровно неделю назад. Он уже добрался до середины рассказа, когда дверь, ведущая в коридор, медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив нее, и первым увидел это.

— Привет! — воскликнул я. — Наконец-то! — Дверь распахнулась настежь, и Путешественник во Времени предстал перед нами.

У меня вырвался крик изумления.

— Господи, что с вами случилось? — крикнул Доктор, который тоже его увидел. Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Путешественник во Времени в самом деле выглядел странно. Его сюртук был в грязи и пыли, на рукавах виднелись зеленые пятна; всклокоченные волосы показались мне посеревшими — то ли от пыли, то ли оттого, что они внезапно поседели. Лицо его было мертвенно-бледным; на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся шрам; взгляд выражал неподдельное страдание и блуж-

дал. На мгновение он остановился в дверях, словно ослепленный светом. Затем вошел в комнату, прихрамывая, как бродяга, который натер ноги. Мы все смотрели на него в ожидании.

Путешественник во Времени молча заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил шампанского в бокал и пододвинул ему. Он немедленно выпил его до дна, и, казалось, почувствовал себя лучше. Он обвел взглядом стол, и на его лице мелькнуло подобие привычной улыбки.

— Где вы были? — спросил Доктор.

Путешественник во Времени, казалось, не слышал его.

— Не беспокойтесь, — сказал он слегка дрожащим голосом. — Со мной все в порядке.

Он замолчал, еще раз наполнил бокал и снова выпил залпом.

— Хорошо, — сказал он.

Глаза его заблестели, на щеках показался слабый румянец. Путешественник во Времени взглянул на нас с каким-то вялым одобрением, а потом прошелся по теплой и уютной комнате. Затем вновь заговорил, запинаясь и с трудом подыскивая слова.

— Сейчас я хотел бы принять ванну и переодеться, а затем вернуться и все вам расскажу... Только оставьте мне немного от этого куска баранины. Я смертельно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

— Подождите немного, — сказал Путешественник во Времени. — Видите, в каком я виде. Через минуту все будет в порядке.

Он поставил бокал на стол и направился к двери, ведущей на лестницу. Я снова обратил внимание на его хромоту и шаркающую походку и, привстав со стула, когда он выходил из комнаты, поглядел на его ноги. На ногах не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь за ним закрылась. Я хотел броситься за Путешественником во Времени, но вспомнил, как он ненавидит суету. Некоторое время я не мог собраться с мыслями.

— Удивительное поведение знаменитого ученого, — услышал я вдруг голос Редактора, который по привычке мыслил газетными заголовками. Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

— В чем дело? — спросил Журналист. — Он нас разыгрывает? Ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом и прочел отражение собственных мыслей на его лице. Я подумал о путешествии во времени и о самом Путешественнике, который теперь ковылял наверх по лестнице. Похоже, я был единственным, кто заметил его хромоту.

Первым опомнился Доктор. Он позвонил в колокольчик (Путешественник во Времени терпеть не мог, чтобы прислуга находилась в комнате во время обеда) и велел подать горячее.

Проворчав что-то, Редактор занялся обедом, и Молчун-бородач последовал его примеру. Все вернулись к еде. Некоторое время разговор состоял из одних удивленных восклицаний, между которыми царил молчание, а тем временем любопытство Редактора достигло предела.

— Не пополняет ли наш общий друг свой скромный доход, занимаясь нищенством? — начал он снова. — Или у него бывают периоды сумасшествия, как у царя Навуходоносора?

— Я уверен, что это имеет отношение к Машине Времени, — сказал я и продолжил рассказ о нашей предыдущей встрече с того самого места, где остановился Психолог. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор начал возражать.

— Ничего себе путешествие во времени! — воскликнул он. — Не мог же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе!

Эта мысль показалась ему забавной, и он принялся острить:

— Неужто в будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, выдав целую кучу насмешек. Оба они были журналистами нового типа — веселыми молодыми людьми с легким налетом здорового хамства.

— Наш специальный корреспондент сообщает из послезавтрашнего дня! — сказал или, скорее, даже выкрикнул Журналист, как только Путешественник во Времени вернулся. Он был теперь в своем обычном вечернем костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов того, что меня так поразило.

— Знаете ли, — весело сказал Редактор, — эти парни утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о нашем премьер-министре? Сколько вы хотите за свою информацию?

Путешественник во Времени молча подошел к оставленному для него месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

— Где моя баранина? — спросил он. — Какое это удовольствие — снова воткнуть вилку в кусок мяса!

— Рассказывайте! — закричал Редактор.

— К черту все рассказы! — воскликнул Путешественник во времени. — Я хочу есть. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. Передайте-ка мне соль, пожалуйста.

— Одно только слово, — сказал я. — Вы путешествовали во Времени?

— Да, — ответил Путешественник, жуя мясо, и кивнул головой в подтверждение.

— Плачу по шиллингу за строчку вашего рассказа! — крикнул Редактор.

Путешественник во Времени пододвинул к Молчуну свой бокал и постучал по нему пальцем. Молчун, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил ему вина.

Всю оставшуюся часть обеда я чувствовал себя неудобно. С трудом мне удавалось удерживаться от вопросов, и уверен, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты. Однако Путешественник во Времени полностью погрузился в процесс уничтожения обеда и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, наблюдал за ним. Молчун нервно, бокал за бокалом, пил шампанское.

Наконец Путешественник во Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

— Думаю, что я должен извиниться перед вами, — сказал он. — Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

— Перейдемте в курительную. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее над грязными тарелками.

И позвонив прислуге, он повел нас в соседнюю комнату.

— Рассказывали ли вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? — спросил он меня, откидываясь на спинку кресла и указывая на троих новых гостей.

— Но ведь это всего-навсего парадокс, — сказал Редактор.

— Сегодня я не в силах спорить. Рассказать не против, но спорить не могу. Я расскажу о том, что со мной случилось, если хотите, но прошу вас не прерывать меня. Мне очень хочется рассказать все. Но, к сожалению, уверен, что мой рассказ покажется вам вымыслом. Что ж! Все-таки это правда — от первого до последнего слова... Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории и с тех пор... за три часа прожил восемь дней... Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Только тогда я смогу заснуть. Не прерывайте меня. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Редактор.

И все мы отошлись, словно эхо:

— Хорошо!

И Путешественник во Времени начал свой рассказ, который я привожу здесь. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался весьма утомленным. Потом немного оживился. Пересказывая его историю, я понимаю, что не могу передать ее во всех подробностях и красках. Вероятно, вы прочтете ее с достаточным вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика в ярком кругу света, не услышите интонаций его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени, потому что свечи в курительной комнате не горели, а лампа освещала только лицо Журналиста да ноги Молчуна.

Сначала мы переглядывались. Но вскоре прекратили это и смотрели только на Путешественника во Времени.

3

— В прошлый четверг я уже объяснял некоторым из вас принцип действия Машины Времени и показывал ее, еще не законченную, в мастерской. Там она находится и сейчас. Правда, Машина немного пострадала в ходе путешествия. Один из костяных стержней сломался, а бронзовая полоса погнута, но все остальное в порядке. Я рассчитывал закончить Машину Времени еще в пятницу, но, собрав все, заметил, что одна из никелевых деталей на целый дюйм короче, чем нужно. Пришлось снова ее переделывать, так что эта штука была готова только сегодня. В десять часов утра первая в мире Машина Времени должна была отправиться в путь. В последний раз я осмотрел все винты и, напоследок смазав кварцевую ось, уселся в седло. Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает точно такое же странное чувство. Одной рукой я взялся за пусковой рычаг, а другой — за тормоз, быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне показалось, что я покачулся, испытав кошмарное ощущение падения, но, оглядевшись, увидел свою лабораторию такой же, как и прежде. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что мои предшествующие рассуждения оказались просто ошибочными. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало одиннадцатого, а теперь — около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, повернул пусковой рычаг обеими руками. Лаборатория погрузилась в туман и темноту. Вошла миссис Уотчет и, судя по всему, не замечая меня, направилась к двери, ведущей в сад. Для того чтобы пройти комнату, ей понадобилось, веро-

ятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась мимо, как ракета. Я нажал на рычаг до отказа. Неожиданно наступила ночь, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение рассвело. Лаборатория становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь следующего дня, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее и быстрее. У меня в ушах раздавался шум ветра, и странное, смутное, глухое ощущение наполнило мое сознание.

Боюсь, что не смогу передать вам своеобразных ощущений путешествия во времени. Чтобы понять меня, их надо испытать самому. Они весьма неприятны. Будто мчишься куда-то с головокружительной быстротой. Чувство ужасающего падения не покидает путешественника. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобные взмахам черных крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу с востока на запад. Каждая новая минута отмечала наступление нового дня. Я решил, что лаборатория разрушена, а я очутился под открытым небом. Было такое чувство, словно я нахожусь на эшафоте, но я мчался слишком быстро, чтобы подумать о происходящем вокруг. Самая медленная из больших улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света вызывала боль в глазах. В моменты, когда наступала темнота, я видел луну, которая быстро пробежала по небу, меняя фазы от новолуния до полнолуния, и замечал слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться, все время набирая скорость, день и ночь слились в сплошную серую пелену; небо приобрело удивительный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в сплошную полосу огня, в великолепную арку, соединяющую восток и запад, а луна — в такую же полосу слабого света. Я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, вспыхивающие в синеве небес.

Пейзаж вокруг меня был смутным и туманным. Я все еще находился на склоне холма, где и сейчас стоит этот дом, и стена его, серая и расплывчатая, возвышалась надо мной. Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму, подобно клубам дыма, они росли, то желтея, то зеленея, увеличивались, дрожали и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, как во сне. Вся поверхность земли изменялась, как бы растекалась и таяла на моих глазах. Маленькие стрелки на круглых циферблатах, показывавшие скорость Машины, крутились все быстрее и быстрее. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу — от летнего солнцестояния к зимнему,

то есть я пролетал более года в минуту. И каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой, но очень недолгой весенней зеленью.

Неприятные ощущения, которые были у меня в начале полета, стали уже не такими острыми. Меня охватило какое-то исступление. Я заметил странное качание машины, объяснить которое не мог. В голове царил хаос, мне казалось, что я схожу с ума, все больше удаляясь в будущее. Я уже не думал об остановке, не думал ни о чем, кроме своих новых ощущений. Вскоре эти ощущения перешли в любопытство, смешанное со страхом. «Какие удивительные достижения прогресса, по сравнению с нашей примитивной цивилизацией, — думал я, — могут открыться передо мной, если я более пристально взгляну на мир, смутно мелькающий сейчас перед моими глазами!» Я видел, как мимо проносились огромные, великолепные сооружения, гораздо более величественные, чем современные, но они, казалось, были сотканы из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью и она оставалась на нем круглый год — летом и зимой. Даже несмотря на туман, царивший в моем сознании, зрелище показалось мне прекрасным. Мне очень захотелось сделать остановку.

Однако особый риск заключался в том, что пространство, где должны были оказаться я и моя Машина, могло быть уже занято. Пока я с огромной скоростью мчался по времени, это не имело значения. Ведь я находился, так сказать, в бесплотном, разжиженном состоянии и, словно пар, скользил между встречавшимися предметами. Но, остановившись, я должен был, молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути; атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бурная химическая реакция — возможно, мощный взрыв, — после чего и я, и мой аппарат оказались бы вне всех измерений, в неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я собирал машину. Но тогда я считал, что это необходимый риск. Теперь я стоял непосредственно перед лицом опасности и не мог относиться к ней так же легко, как раньше. Дело в том, что абсолютно незнакомый мне мир вокруг, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения — все это полностью расстроило мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, разозлившись, решил это сделать. Как последний глупец, я резко рванул тормоз, машина тут же перевернулась, и я кувыркком полетел по воздуху.

Раздались звуки, напоминавшие раскаты грома. На некоторое время я оглох. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со

свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой машиной. Все казалось по-прежнему серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел. Я еще раз осмотрелся. Я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, окруженной кустами рододендронов, лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины ударяли по мне и моей машине. В одно мгновение я промок до костей. «Нечего сказать, очень гостеприимно, — произнес я, — так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет».

Я подумал, что мокнуть дольше было бы глупо. Встал и осмотрелся. Сквозь стену дождя и града за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Больше ничего видно не было.

Трудно описать словами мои ощущения. Когда град стал падать реже, я внимательнее рассматривал белую фигуру. Она была очень велика — высокий серебристый тополь едва доставал ей до плеч. Высечена она была из белого мрамора и напоминала сфинкса, но крылья его не были сложены, как обычно, нет — он распростер их, словно собирался взлететь. Пьедестал, судя по всему, был сделан из бронзы и позеленел от времени. Лицо изваяния было обращено в мою сторону, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, а по губам скользила улыбка. Дожди и град за много лет сделали свое дело — скульптура была словно изъедена болезнью. Я стоял и глядел на нее — не знаю, может быть, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, сфинкс то приближался, то отступал, в зависимости от того, гуще или реже падал град. Наконец я на минуту отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось, и вот-вот появится солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру сфинкса и неожиданно понял все безрассудство своего путешествия. Что я увижу, когда ненастье полностью рассеется? Ведь люди за это время могли совершенно измениться! Что если повседневная жестокость стала здесь нормой? Что если они совсем утратили людской облик и превратились во что-то нечеловеческое, мерзкое и невообразимо прочее? А может быть, они стали какими-нибудь доисторическими дикими животными, только еще более ужасными и отвратительными в силу своего человекоподобия — мерзкими тварями, которые заставляют только смерти?

Я увидел вдали какие-то очертания — огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами. Они отчетливо проступали на фоне лесистого холма, который смутно вырисовывался передо мною сквозь утихающую грозу. Мною вдруг овладел панический страх. Как безумный, я бросился к Машине Времени, чтобы

попытаться вновь запустить ее. Тем временем солнечные лучи стали пробиваться сквозь грозовые облака. Серая завеса расплылась и исчезла, словно призрак. Надо мной, в густой синеве летнего неба, растаяло несколько темных туч. Ясно и отчетливо были видны огромные здания, блесквшие после умывшей их грозы и засыпанные белым слоем градин. Я ощущал себя незащищенным в этом неведомом мире. Наверное, так же чувствует себя птичка в небе, видя, как ястреб простирает над ней свои крылья. Мой страх почти достиг уровня настоящего безумия. Я собрался с силами, стиснул зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и перевернулась. При этом она сильно ударила меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой — за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с возможностью быстрого отступления ко мне снова вернулась смелость. Теперь я смотрел на этот мир далекого будущего скорее с любопытством, чем со страхом. Высоко на стене ближайшего дома, в большом круглом отверстии, я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах.

Затем я услышал приближающиеся голоса. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бегущих людей. Один из них выскочил на тропинку, ведущую к небольшой лужайке, где стоял я рядом со своей Машинкой. Это было маленькое существо, вероятно, не более четырех футов ростом, одетое в пурпурную тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то деревянные котурны — я в этом плохо разбираюсь. Ноги до колен были обнажены, и голова не покрыта. Увидев все это, я впервые почувствовал, каким теплым был вокруг воздух.

Человек показался мне прекрасным, грациозным, но при этом чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой — ту самую «чахоточную красоту», о которой так часто приходится слышать. При виде его я внезапно почувствовал доверие и убрал руку от Машины.

4

В следующий момент мы уже стояли лицом к лицу — я и это хрупкое существо из далекого будущего. Человек смело подошел ко мне и рассмеялся, глядя прямо в глаза. Это полное отсутствие страха сильно поразило меня. Он повернулся к двум другим, подошедшим вслед за ним, и заговорил на странном, очень приятном и певучем языке.

Тем временем подошли другие, и скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них что-то сказал мне. Мне вдруг пришло в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я лишь покачал головой, указал на свои уши, а потом вновь покачал головой. Существо сделало нерешительный шаг вперед и дотронулось до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений к плечам и спине. Они хотели убедиться, что я существую на самом деле. В их движениях не было ничего, что могло бы внушить опасение. Более того, в этих милых маленьких существах было что-то, вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, — целую дюжину сразу. Однако, заметив, что их маленькие розовые ручки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вовремя вспомнил то, о чем совершенно забыл, — что она может внезапно исчезнуть, — и поэтому вывинтил, нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Потом снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объясниться.

Позже, рассмотревшись в их черты более внимательно, я подумал, что они почти так же изящны, как дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лицах не было заметно ни малейшего признака растительности, а уши казались удивительно маленькими. Рты у них были крошечными, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, маленькие подбородки — остроконечными. Глаза большие и кроткие, но — только не сочтите это моим тщеславием! — в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я мог бы ожидать.

Они больше не делали попыток объясняться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом, как будто нежно воркуя. И тогда я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, а потом на себя. После этого, поколебавшись и не зная, как лучше выразить понятие о времени, указал на солнце. Тотчас одно изящное существо в пестром, пурпурно-белом одеянии повторило мой жест и сильно удивило меня, издав громоподобный звук.

Несколько секунд я пребывал в полном изумлении, хотя смысл его жеста был вполне ясен. Неожиданно у меня в голове возник вопрос: может быть, все эти существа — просто дураки? Вы едва ли поймете, как это меня поразило. Я всегда считал, что люди в 802 000 году, куда я попал, продвинуты значительно дальше нас в науке, искусстве и всем остальном. И вдруг один из них задает

мне вопрос, который в наше время мог бы задать разве что пятилетний ребенок: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы! Кроме того, мне показалась подозрительной эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование. В этот момент мне показалось, что я напрасно трудился над Машиной Времени.

Кивнув головой и указав на солнце, я довольно искусно изобразил гром. Все отскочили от меня на шаг или два, а после присели от страха. Затем один из них, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных, совершенно неизвестных мне цветов и обвил ими мою шею. Это сопровождалось мелодичными одобрительными возгласами всех остальных. Затем они принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать ими меня, пока я не начал задыхаться. Вы, не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные цветы создала культура невообразимо далекого от нас времени. Кто-то, видимо, подал мысль выставить меня, их игрушку, в таком виде в ближайшем здании. Они повели меня к покрытому трещинами каменному дворцу, мимо сфинкса из белого мрамора, который, казалось, с легкой усмешкой смотрел на мое удивление. Идя рядом с ними, я с трудом удержался от смеха, вспоминая о том, как самоуверенно рассуждал несколько дней назад о серьезности и глубине ума людей будущего.

Здание, куда меня вели, имело гигантский вход да и вообще было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал растущую толпу малюток и большие открытые двери, от которых веяло темнотой и таинственностью. Впечатление от окружающего было таково, словно весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, как давно запущенный, но еще не заросший сорняками сад. Я видел множество высоких стеблей и нежных головок странных белых цветов около фута в диаметре, с прозрачными восковыми лепестками. Они росли дико, среди разнообразных кустарников, но тогда я не смог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась брошенной на поляне среди рододендронов.

Арка входа была украшена чудесной резьбой, но и ее тоже я не успел как следует рассмотреть, хотя, когда я проходил под ней, мне показалось, что она сделана в древнефиникийском стиле. Однако меня поразило, что резьба сильно стерта. На пороге меня встретили еще несколько существ в более светлых одеждах, и я вошел внутрь, чувствуя, что в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века выгляжу экстравагантно, — я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнующейся толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одеяния, сиявших белизной обнаженных рук и ног, смеявшихся и мелодично ворковавших.

Большая дверь вела в не менее огромный зал с занавешенными коричневой тканью стенами. Потолок его был затенен, через окна с яркими цветными стеклами лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из гигантских блоков какого-то очень твердого белого металла — это были не плитки и не пластинки, а прямо-таки целые глыбы. Однако ноги бесчисленных поколений людей даже в этом металле проделали кое-где довольно глубокие колеи. Посреди зала стояло множество низких столов, сделанных из полированных каменных плит, высотой не больше фута, и на них лежали целые груды плодов. Некоторые казались похожими на огромные ягоды малины, другие — на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами оказалось разбросано множество подушек. Мои спутники расселись на них и знаками указали мне сделать то же самое. Отбросив всякие церемонии, они принялись есть плоды — попросту брали их руками и бросали кожуру и огрызки в круглые отверстия по бокам столов. Я последовал их примеру, так как чувствовал сильный голод и жажду. Подкрепившись, я принялся осматривать зал, в который попал.

Что меня особенно поразило, так это его обветшалый вид. Цветные оконные стекла со строго геометрическими узорами, во многих местах были разбиты, а занавеси казались еще тяжелее из-за покрывавшего густого слоя пыли. Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, был отколот. Тем не менее в целом зал производил вполне приятное и живописное впечатление. Там было около двухсот человек, причем большинство из них, проявляя большой интерес, расселось как можно ближе ко мне, их глазки весело блестели. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты, судя по всему, были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на некоторое время мне пришлось сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе. Впоследствии я выяснил, что лошади, коровы, овцы, собаки к тому времени разделили печальную судьбу ихтиозавров, полностью исчезнув. Однако плоды были просто восхитительны, в особенности один вид, который, по-видимому, созрел как раз во время моего пребывания в будущем, — с мучнистой мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу, и именно он стал моей основной пищей. Я был поражен видом удивительных плодов и странных цветов, но лишь позднее понял, откуда они здесь берутся.

Итак, это был мой первый обед в далеком будущем. Слегка утолив голод, я решил сделать смелую попытку научиться языку этих

людей. Понятно, что это было необходимо. Плоды показались мне подходящим предметом для того, чтобы начать с них изучать язык, и, взяв один из них, я попробовал объясниться при помощи вопросительных звуков и жестов. Оказалось, что это очень трудно — заставить их понимать себя. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и взрывы смеха, но вдруг одно маленькое белокурое существо вроде бы поняло мои намерения и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться, а потом вместе начали весело обучать меня своему языку. Однако мои первые попытки повторить их короткие слова вызывали только новые взрывы веселья. Несмотря на то, что я брал у них уроки, я все-таки ощущал себя школьным учителем среди детей. Скоро я уже знал десятка два существительных, затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают моих вопросов. Поэтому пришлось брать уроки понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. Удавалось это не так уж часто — я никогда не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

Больше всего меня здесь поразило полное отсутствие у людей интереса к чему бы то ни было. Они, словно дети, подбегали ко мне с криками изумления, но потом, быстро осмотрев, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда обед и одновременно первый урок языка закончились, я впервые заметил, что почти все, кто окружал меня в начале, уже ушли. И, как ни странно, я быстро почувствовал, что и мне эти малыши совершенно не интересны. Как только я перестал чувствовать себя голодным, я снова вышел на яркий солнечный свет. По пути я всюду встречал множество этих маленьких людей будущего, которые какое-то время следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, потеряв интерес, представляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, снаружи уже царила вечерняя тишина, и все вокруг было окрашено теплыми лучами заходящего солнца. Сначала пейзаж показался мне странным. Все здесь так сильно отличалось от того мира, который я знал, даже цветы. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне речной долины, но Темза как минимум на милю передвинулась со своего теперешнего русла. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восемьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры. Именно такую дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

По пути я пытался найти хоть какое-нибудь объяснение тому состоянию гибнущего великолепия, в котором я нашел мир, — ведь это была, несомненно, гибель. Немного выше, на холме, я увидел груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми росли удивительно красивые растения, похожие на крапиву, но их листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими. Это оказались руины какого-то огромного здания непонятного предназначения. Здесь мне предстояло пережить весьма своеобразный опыт и сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом — а сейчас все по порядку.

Я присел на склоне холма, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись, заметил, что совсем не видно маленьких домов. По-видимому, частные дома и частное домашнее хозяйство просто исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, — но ни одного домика или коттеджа, которые так характерны для современного английского пейзажа.

«Коммунизм», — подумал я.

Сразу за этой мыслью пришла другая. Я взглянул на полдюжины маленьких фигурок, которые следовали за мной. И вдруг заметил, что на всех этих людях одежда одинакового покроя, у всех них похожие нежные лица без признаков растительности, а конечностям свойственна какая-то девическая округлость. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше. Но ведь все вокруг меня было таким необычным! Теперь же я видел это совершенно ясно. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами — короче, ни одним из тех признаков, по которым мы привыкли их различать. А дети, казалось, были всего лишь миниатюрными копиями родителей. Я решил, что, видимо, дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней мере, в физическом отношении, и впоследствии мое мнение подтвердилось.

При виде беспечности и безопасности, в которой жили эти люди, сходство полов показалось мне вполне объяснимым: сила мужчины и душевная мягкость женщины, семья, разделение труда, военные нужды — это лишь жестокая необходимость века, управляемого грубой физической силой. Но там, где народонаселение многочисленно и балансирует на грани равновесия, рождение многих детей нежелательно для государства; там, где насилие — редкое явление, а люди чувствуют себя в безопасности, нет почти никакой необходимости в существовании семьи, в разделении полов, которое вызвано всего лишь необходимостью воспи-

тивать детей. Первые признаки этого явления наблюдаются и в наше время, а в том далеком будущем они развились значительно сильнее. Таковы, скажу я вам, были мои тогдашние выводы. Позднее я смог убедиться, как далеки они были от реальности.

Пока я размышлял обо всем этом, мое внимание вдруг привлекла небольшая, приятная на вид постройка, похожая на колодец под куполом. Странно, подумал я, что до сих пор существуют колодцы, но затем снова погрузился в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, я чувствовал себя великолепно, и, продолжая свою приятную прогулку, скоро остался один — все отстали. Я испытывал странное чувство свободы и близости приключений, когда поднялся на вершину холма.

Там я обнаружил скамью из неизвестного мне желтого металла. В некоторых местах она была разведена какой-то красноватой ржавчиной и утопала в мягком мхе, а ее подлокотники были отлиты в виде голов грифонов. Я сел на скамью и стал смотреть вдаль, на пейзаж, освещенный лучами догорающего заката. Это была великолепная, небывалая картина. Солнце только что скрылось за горизонтом, запад горел золотом, в котором виднелись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, где, словно изогнутая полоса сверкающей стали, лежала Темза. Я уже говорил об огромных старых дворцах, которые были разбросаны среди самой разнообразной зелени. Некоторые уже превратились в руины, другие были еще обитаемы. Тут и там в этом огромном, напоминающем сад пространстве виднелись белые или серебристые изваяния, а кое-где острыми вертикальными линиями вздымались вверх купола и обелиски. Нигде не было изгородей, не было никаких следов частной собственности и признаков земледелия; вся земля превратилась в сад.

Наблюдая все это, я старался понять то, что увидел, и в результате пришел к некоторым выводам. (Позже я понял, что они были односторонними, или, лучше сказать, содержали лишь половину правды.)

Я решил, что вижу человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса солнечного заката заставила меня подумать о закате человеческого рода. Впервые я начал осознавать неожиданные последствия, к которым привело развитие нашего общества. Теперь я понимаю, что это были вполне логичные результаты. Сила диктуется необходимостью; жизнь без опасностей ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни — так называемый прогресс, делающий наш мир все более и более безопасным, — продолжалось все это время и достигло своей кульминации. Триумф человечества над природой был другой стороной прогресса. То, что сей-

час кажется всего лишь мечтами, осуществилось в реальности. И итогом было то, что я теперь видел перед собой!

Очевидно, что здравоохранение и земледелие находятся сегодня еще в зачаточном состоянии. Наука объявила войну только малой части человеческих болезней, но она методично и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы тут и там уничтожают сорняки, выращивая лишь немногие полезные растения, а остальным предоставляют право бороться за существование. Мы улучшаем некоторые избранные нами виды растений и животных путем постепенного отбора лучших; мы выводим новый сорт персика, виноград без косточек, более душистый и крупный цветок, более полезную нам породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и лишь приблизительны, а знания крайне ограничены. Природа же слишком робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Но когда-нибудь мы сможем организовать все лучше. Прогресс не остановишь! Весь мир в конце концов станет разумным, образованным, все будут сотрудничать между собой; это приведет ко все более быстрому и полному покорению природы. В конце концов мы сможем мудро и заботливо установить равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших потребностей.

Это должно произойти и действительно было сделано за тот отрезок времени, который я преодолел на своей машине. В воздухе уже не было комаров и мошек, а на земле — сорных трав и плесени, всюду росли сочные плоды и красивые душистые цветы; разноцветные бабочки порхали тут и там. Был достигнут идеал профилактической медицины. Болезни перестали существовать. По крайней мере, за время своего пребывания там я не видел даже малейших признаков инфекционных заболеваний. Скажу больше — даже процессы гниения и разложения стали совсем другими.

Была достигнута большая победа и в области социальных отношений. Я увидел человечество живущим в великолепных дворцах, одетым в роскошные одежды и освобожденным от тяжелого труда. Не было даже следов борьбы — ни общественной, ни экономической. Торговля, промышленность, реклама, дорожное движение — все, что составляет основу нашего мира, исчезло. Естественно, что в тот вечер, на фоне золотистого заката, мне показалось, будто я попал в земной рай. Опасность перенаселения исчезла, поскольку численность людей, видимо, перестала увеличиваться.

Однако изменение условий неизбежно влечет за собой приспособление к новой ситуации. Что, в самом деле, движет человеческим умом и энергией, если только вся наша биология не представляет собой сплошного набора ошибок? Труд и свобода! Таковы

условия, при которых деятельный, сильный и ловкий выживает, а слабый уходит со сцены; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, тем, кто умеет владеть собой, терпеть и действовать решительно. Семья и возникающие на ее основе чувства — ревность, любовь к потомству, родительская самоотверженность — оправданы перед лицом неизбежных опасностей, которым подвергается молодое поколение. Но где теперь эти опасности? Уже сейчас, в наше время проявляется и все более нарастает протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей; все эти чувства сегодня не так необходимы, как это было прежде, — они делают нас несчастными и, будучи остатками первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я размышлял о физической слабости этих маленьких людей, их неразвитых умах, а также об огромных развалинах, которые меня окружали, и все это подтверждало мое предположение о том, что природу удалось покорить окончательно. После битвы наступили покой и блаженство. Человечество было сильным, энергичным, умным, люди употребляли все свои силы на изменение условий своей жизни. А теперь эти измененные условия оказали влияние на человечество.

В новых условиях комфорта и безопасности неутомимость и энергичность, которые в наше время считаются преимуществом, должны были превратиться в недостаток, в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, становятся источником его поражений. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее мешают жить цивилизованному человеку. В государстве же, основанном на физическом равновесии и полной безопасности, превосходство — физическое или умственное — было бы совершенно неуместно. Я понял, что на протяжении бесчисленных лет на земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, требующих мобилизации всех сил организма на борьбу с ними; не существовало и необходимости в тяжком труде. При таких условиях те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные. Более того, они оказались даже лучше приспособлены, потому что сильные не могли найти применения кипящей в них энергии. Не было сомнений в том, что удивительная красота виденных мною зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии с условиями, в которых жило, — последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии, оказавшейся

в безопасности. Она еще ищет выхода в искусстве, в чувственности, а затем наступают расслабление и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглухнуть, и они почти заглухли в то время, которое я наблюдал. Украшение себя цветами, танцы и пение под солнцем — вот и все, что осталось от духа искусства. Но даже это в конце концов должно было смениться полным бездействием. Все наши чувства и способности могут оставаться острыми только тогда, когда есть точильный камень труда и необходимости, а этот ненавистный камень был наконец-то разбит.

Пока я сидел в сгущающейся тьме, мне казалось, что с помощью подобного простого объяснения я разрешил загадку этого мира и открыл секрет прелестного маленького народа. Возможно, они нашли удобные средства для ограничения рождаемости, и численность населения даже уменьшалась. (Этим вполне можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов.) Моя теория была очень проста и правдоподобна — как и большинство ошибочных теорий!

5

Пока я размышлял о слишком полном торжестве человека, из серебряного пятна на северо-востоке неба появилась желтая полная луна. Маленькие светлые фигурки людей внизу перестали появляться, надо мной бесшумно пролетела сова, и я вздрогнул от ночной прохлады. Я решил спуститься с холма и найти место, где можно было бы переночевать.

Я поискал глазами знакомое здание. Мой взгляд пробежал по фигуре Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и по мере того как восходящая луна светила все ярче, фигура становилась все более четкой. Я мог даже рассмотреть стоявший около нее серебристый тополь. А вот и густые рододендроны, черные при свете луны, и та лужайка. Я снова взглянул на нее. Ужасное подозрение охладило мое самодовольство. «Нет, — решительно сказал я себе, — это не та лужайка».

Но это была та самая лужайка. Бледное, будто изъеденное проказой лицо сфинкса было обращено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда понял, что это именно она! Машина Времени исчезла!

Меня словно ударили хлыстом по лицу — я с ужасом подумал, что никогда не вернусь назад, навеки останусь, беспомощный, в этом чужом новом мире! Сама эта мысль была мучительна. Мое горло сжалось, дыхание пресеклось. В следующий момент я в

ужасе огромными прыжками кинулся вниз по склону. Я тотчас упал и поранил лицо, но даже не попытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя теплую струйку на щеке и подбородке. Я бежал и все время говорил себе: «Они просто немного передвинули ее, поставили под кустами, подальше от дороги». Но несмотря на это, я бежал изо всех сил. С уверенностью, которая иногда возникает из мучительного страха, я с самого начала знал, что все это самоутешение — вздор; я чувствовал, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Мне было трудно дышать. От вершины холма до лужайки было около двух миль, но я думаю, что преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я вовсе не молод. Я бежал, громко проклиная свою безумную доверчивость, побудившую меня оставить Машину здесь, и задыхался от проклятий. Я громко кричал, но никто мне не ответил. Ни одного живого существа не было видно в лунном свете, заполнявшем все вокруг!

Когда я достиг лужайки, мои худшие опасения подтвердились. От Машины не осталось и следа. Похолодев, смутно осознавая, что происходит, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников. Потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь совсем недалеко, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале в ярком свете луны возвышался сфинкс, бледный, светящийся, будто пораженный проказой. Казалось, он насмеялся надо мной.

Я мог бы утешиться, представив себе, что маленький народец спрятал аппарат под каким-нибудь навесом, если бы не был уверен в том, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня страшило другое: мысль о том, что мое изобретение было уничтожено какой-то, доселе не принимавшейся мной в расчет силой. Я был уверен только в одном: если в каком-нибудь другом веке не изобрели точно такого же механизма, моя машина не могла бы самостоятельно отправиться в путь. Не зная способа закрепления рычагов — я вам потом его покажу, — нельзя было никоим образом переместить ее отсюда. Ее перенесли, спрятали где-то в пространстве, а не во времени. Но где?

Казалось, я просто обезумел. Помню, как я, будто сумасшедший, метался среди освещенных луной кустов вокруг сфинкса; помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при лунном свете принял за небольшую лань. Помню, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные ветки. Потом, рыдая, в полном изнеможении я побрел к большому каменному зданию. Оно было темным и пустынным, в нем царила мертвая тишина. Я поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу.

Зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых я уже упоминал.

Там я обнаружил второй большой зал, устланный подушками, на которых спали десятка два маленьких людей. Без сомнения, мое вторичное появление показалось им очень странным — ведь я внезапно вынырнул из ночной тишины с отчаянным криком и с зажженной спичкой в руке. В их времени о спичках давно уже забыли. «Где моя Машина Времени?» — вопил я, как рассерженный ребенок, хватая и тряся их. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались растерянными. Когда я увидел их, стоящих вокруг меня, я понял, что стараться пробудить в этих людях чувство страха — просто глупо. Вспоминая их поведение днем, я понял, что это чувство ими позабыто.

Бросив спичку и сбив с ног кого-то, попавшегося на пути, я снова пробрался по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Я услышал крики ужаса и топот маленьких спотыкающихся ног. Не помню того, что я делал при лунном свете. Вероятно, я совершенно обезумел от неожиданной потери. Я чувствовал себя безнадежно отрезанным от своих современников, странным животным в неведомом мире. В бреду я бросался то туда, то сюда, плача и проклиная Бога и судьбу. Помню ужасающую усталость после того, как ночь ушла. Я рыскал в самых невероятных местах, ощупью пробирался среди озаренных луной развалин, натыкаясь в темных углах на странных белых существ, а потом упал на землю около сфинкса и рыдал в полном отчаянии. Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело, и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгала стайка воробьев.

Я сел, овеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как попал сюда и почему ощущаю только ужасающее одиночество и отчаяние. Вдруг я отчётливо вспомнил все, что произошло. Но при свете дня у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо обстоятельствам. Я осознал всю дикую нелепость своего вчерашнего поведения и принялся рассуждать. «Предположим самое худшее, — сказал я себе. — Предположим, что Машина утеряна навсегда и, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, добыть необходимые материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, сумею сделать новую Машину». Это теперь была моя единственная надежда, правда, очень слабая, — но она все же лучше отчаяния. И, в конце концов, меня окружал прекрасный и интересный мир.

«И, кстати, вполне вероятно, что моя машина просто где-нибудь спрятана. Значит, я должен спокойно и терпеливо искать, где она находится, и постараться взять ее силой или хитростью». С этими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках места, где можно было бы искупаться. Я чувствовал себя утомленным, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызвала у меня желание тоже стать чистым и свежим. Волнение истощило меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился тому, как вчера вел себя. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни тупо смотрели на меня, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило огромных усилий удержаться и не броситься с кулаками на этих весельчаков. Это, конечно, было бы крайне глупо, но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще был силен и пытался овладеть мною.

Мне очень помогла густая трава. На полпути между пьедесталом сфинкса и моими следами, там, где я возился с опрокинутой Машиной, на земле виднелась свежая борозда. Были заметны и другие знаки: странные узкие отпечатки, похожие, как мне показалось, на следы ленивца. Это заставило меня более внимательно осмотреть пьедестал. Он, как я, кажется, уже упоминал, был сделан из бронзы. Но это была не простая плита — с обеих сторон пьедестал был отделан довольно красивыми панелями. Я подошел и постучал по ним. Пьедестал был пуст внутри. Внимательно осмотрев панели, я понял, что они не составляют единого целого со всей конструкцией. На них не было ни ручек, ни замочных скважин, но, вероятно, они открывались изнутри, если играли роль дверей. Во всяком случае, одно стало мне ясно. Не нужно было особенно раздумывать, чтобы понять, что моя Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда — это еще оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, шедших ко мне сквозь кусты, над которыми возвышалось несколько цветущих яблонь. Улыбаясь, я повернулся к ним и помахал рукой. Они подошли, и я, указав им на бронзовый пьедестал, постарался объяснить, что хотел бы его открыть. Однако при первом же моем жесте они повели себя очень странно. Не знаю, смогу ли я объяснить вам, какое выражение появилось на их лицах. Представьте себе, что вы сделали крайне неприличный жест перед благовоспитанной дамой — и вот таким был бы ее ответный взгляд. Они ушли, как будто я их чрезвычайно грубо оскорбил. Я попытался подозревать к себе миловидное существо в белой одежде, но с тем же результатом.

Поведение этих людей привело к тому, что мне стало стыдно. Но, как вы понимаете, мне нужна была Машина Времени, и я сделал еще одну попытку обратиться к человеку в белом. Малыш с отвержением отвернулся от меня, как и все остальные, и я окончательно потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полой его же одежды, потащил к сфинксу. Но тут на его лице я увидел такой ужас и отвращение, что мне ничего не оставалось, как отпустить его.

Но я еще не считал положение безвыходным, поэтому стал бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось — послышался звук, похожий на хихиканье, — но я решил, что это мне лишь почудилось. Тогда я подобрал у реки большой камень, вернулся назад и принялся колотить им, пока не расплющил одно из украшений, а зеленая короста не стала осыпаться на землю. Маленькие существа, должно быть, слышали грохот на расстоянии мили вокруг, но у меня ничего не вышло. Я видел целую толпу их на склоне холма, они украдкой смотрели на меня. Злой и усталый, я присел на землю и осмотрелся. Но я не мог долго сидеть на месте без дела, для этого я был слишком европейцем по натуре. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть двадцать четыре часа в полном бездействии — это было совсем не то, к этому я не привык.

Довольно скоро я встал и начал бесцельно бродить среди кустарников, а потом направился к холму. «Терпение, — сказал я себе. — Если хочешь вернуть свою Машину, оставь сфинкса в покое. Если ты думаешь, что они не хотят отдать тебе ее, вовсе не обязательно портить их бронзовые панели; если же все не так плохо, ты получишь ее, как только найдешь способ попросить об этом. Нет никакого смысла, находясь здесь, в незнакомом мире, в одиночку пытаться решить эту загадку. Так можно и с ума сойти. Изучи этот мир. Познай их нравы, наблюдай за ними, не спеши с выводами! В конце концов ты во всем разберешься!» Мне ясно представилась вся потрясающая ирония ситуации, в которую я попал: я подумал, что потратил годы напряженной учебы и труда, чтобы попасть в будущее, а сейчас единственное, чего мне хочется, — как можно быстрее выбраться отсюда. Я своими руками загнал себя в самую сложную и безвыходную ловушку, какая когда-либо была создана человеком. Я сам был во всем виноват и не мог помочь себе ни в чем. Я громко расхохотался.

Войдя в зал огромного дворца, я заметил, что маленькие люди избегают меня. Может быть, мне это только казалось, но я решил, что их отчуждение могло быть связано с моей попыткой открыть бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегали меня. Но

постарался не придавать этому значения, не пытался более заговаривать с ними, и через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык, а время от времени, когда удавалось, производил исследования. Может быть, их язык был слишком прост или я что-то упускал в нем, но, по-моему, он почти исключительно состоял из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало или, скорее, совсем не было, а слова, имеющие переносный смысл, почти не употреблялись. Фразы обыкновенно были весьма просты и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось ни высказать, ни уловить ничего, кроме простейших предложений. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под сфинксом я запрятал в самый дальний уголок памяти — до тех пор, пока накопившиеся знания не приведут меня к разгадке естественным путем. Однако некое чувство, которое каждому из вас будет понятно, все время удерживало меня поблизости от места моего прибытия.

Насколько я мог убедиться, весь окружавший меня мир был столь же богатым и роскошным, как и долина Темзы. С вершины каждого нового холма, на который я взбирался, я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по строительному материалу и стилю; видел повсеместно те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Там и тут серебром блестела зеркальная гладь воды, а вдали возвышались волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной дымке. Мое внимание довольно быстро привлекли круглые колодцы, как мне показалось, чрезвычайно глубокие. Один из них располагался на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Подобно другим колодцам, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих сооружений и глядя вниз, в непроглядную тьму, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения зажигаемых мной спичек. Но оттуда постоянно слышался какой-то грохот: «тук, тук, тук», как будто работала какая-то огромная машина, а по тому, как колебалось пламя спички, я смог убедиться, что в колодцы постоянно поступает свежий воздух. Более того, я бросил в «пасть» одного из них кусочек бумаги, и, вместо того, чтобы медленно скользить, он быстро полетел вниз и тотчас исчез.

Через некоторое время я заметил некую связь между этими колодцами и высокими башнями, стоявшими тут и там на склонах холмов; над ними можно было заметить массы колеблющегося воздуха, вроде тех, что наблюдаются в жаркий день над берегом моря. Сопоставив увиденное, я пришел к выводу, что все это со-

ставляет обширную систему какой-то загадочной подземной вентиляции. Сначала я подумал, что она служит каким-нибудь санитарным целям этого народа. Такое заключение казалось очевидным, но потом выяснилось, что оно было совершенно неправильным.

Вообще я должен признать, что за время своего пребывания в будущем я очень мало узнал относительно водоснабжения, средств связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. В некоторых фантастических произведениях и рассказах о грядущих временах, которые я читал, мне встречалось множество подробностей насчет домов, общественного порядка и тому подобного. Можно легко придумать сколько угодно всяких подробностей, если весь этот мир находится лишь в голове автора, но настоящему путешественнику во времени такое почти недоступно. Представьте себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон, а потом вернулся в свое племя. Что он сможет рассказать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефонной и телеграфной связи, службах перевозки и почтовых учреждениях? А ведь мы, конечно, весьма охотно согласились бы все ему объяснить! Но даже и то, что он узнает из наших рассказов, сможет ли он передать своим друзьям, не совершившим такого путешествия, и как он заставит их поверить? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, а пропасть между мною и людьми Золотого века просто громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду; но, помимо общего впечатления какой-то механической организации всего общества, боюсь, я смогу рассказать вам лишь немного.

Я нигде не видел следов погребений, к примеру, не встретил даже подобия крематория или чего-нибудь, похожего на могилу. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) оказались просто-напросто где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить поначалу не мог. Такая ситуация удивила меня и подтолкнула к дальнейшим наблюдениям, поразившим меня еще сильнее: среди людей будущего совсем не было старых и немощных.

Должен сознаться, что мои первоначальные теории о механической цивилизации и упадке человечества не особенно долго удовлетворяли меня. Но пока я не мог придумать ничего другого. Впрочем, у меня уже возникали некоторые трудности. К примеру, все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями — это были огромные столовые

и спальни. Я не видел нигде машин или каких-либо других приспособлений. Тем не менее на этих людях была прекрасная одежда, которую надо было обновлять, а их сандалии, хоть и без всяких украшений, были довольно сложны в изготовлении. В любом случае эти вещи нужно было сделать. А маленький народец совершенно не проявлял никаких склонностей к созданию чего бы то ни было. Здесь не было ни мастерских, ни лавок, вообще ни малейших следов торговли. Все свое время люди будущего проводили в играх, купании, эротических забавах, поедании фруктов и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

Но вернемся к Машине Времени: кто-то, мне неведомый, прятал ее в пустом пьедестале Белого Сфинкса. Зачем? Я этого даже представить себе не мог! Вдобавок — безводные колодцы, башни, над которыми колеблется воздух... Я чувствовал, что не нахожу ключа ко всем этому. Я чувствовал... как бы вам это лучше объяснить? Представьте себе, что вы нашли где-то надпись на хорошем английском языке, где понятные слова перемешаны с совершенно вам незнакомыми. Вот как на третий день моего пребывания там я воспринимал мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот день я нашел себе в некотором роде друга. Случилось так, что, когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на мелководье, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение оказалось довольно быстрым, но в общем-то даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей попытки спасти малютку, которая с криками тонула на их глазах. Увидев это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив несчастную, легко вытащил ее на берег. Небольшое растирание привело ее в чувство, я с удовольствием увидел, что она чувствует себя достаточно неплохо, и сразу же оставил ее. Я был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. Однако в этом случае я ошибся.

Это было утром. После полудня, возвращаясь к месту своих исследований, я снова встретил ту же маленькую женщину — она подбежала ко мне с громкими криками радости и преподнесла огромную гирлянду цветов, видимо, приготовленную специально для меня. Это показалось мне заслуживающим внимания. Вероятно, тогда я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей свою благодарность. Мы вместе сели в небольшой каменной беседке, обмениваясь улыбками. Дружеские чувства этого маленького существа радовали меня, как радовала бы привязанность ребенка. Мы обменялись цветами,

и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Потом я попробовал заговорить и узнал, что ее зовут Уина. Я не понимал, что могло бы означать это имя, но мне казалось, что ей оно подходит. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась — об этом я вам еще расскажу!

Она во всем была похожа на ребенка. Ей постоянно хотелось быть со мной. Уина сопровождала меня повсюду, так что вскоре мне захотелось утомить ее ходьбой и бросить, не обращая внимания на ее жалобные крики. Зато проблема, думал я, будет решена. Я не для того попал в будущее, говорил я себе, чтобы заниматься жалким флиртом. Однако ее отчаяние в этом случае было слишком велико, а в ее восклицаниях, когда она начала отставать, звучало иступление, и в конце концов ее привязанность тронула меня — я вернулся, и с этих пор она стала доставлять мне столько же забот, сколько и удовольствия. Все же она оказалась для меня большим утешением. Сначала я думал, что она испытывала ко мне лишь простую детскую привязанность. И только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже потому, что эта малышка проявляла ко мне нежность и заботу, я, возвращаясь к Белому Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и добравшись до вершины холма, быстро отыскивал глазами знакомую фигурку в бело-золотой одежде.

Это от нее я узнал, что чувство страха все же не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и испытывала ко мне полное доверие. Более того, однажды у меня возникло глупое желание напугать ее страшными гримасами, но она лишь весело рассмеялась. Зато Уина боялась темноты, густых теней и черных предметов. Темнота была для нее совершенно непереносимой вещью. Она испытывала настолько сильные эмоции, что это вновь заставило меня наблюдать и размышлять. Я выяснил, между прочим, что с наступлением темноты маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью означало вызвать среди них смятение и панику. Я ни разу не видел, чтобы с наступлением темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал под открытым небом. И все же я был таким идиотом, что не обращал на это внимания и, несмотря на страдания Уины, продолжал спать один.

Это ее очень беспокоило, но в конце концов привязанность ко мне взяла верх, и все пять ночей за время нашего знакомства, считая и самую последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, рассказывая о ней, я отклоняюсь от главной темы.

Кажется, в ночь накануне ее спасения я проснулся на рассвете. Ночь прошла отвратительно, мне снился очень неприятный

сон — будто бы я утонул в море, и морские анемоны касались щупальцами моего лица. Я вдруг проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскочило из комнаты. Я попытался снова заснуть, но чувствовал тревогу и беспокойство. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, а все вокруг кажется бесцветным и нереальным, несмотря на резкость контуров. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел наружу. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из случившегося, я решил посмотреть на восход солнца.

Луна закатывалась, ее последние лучи и первые проблески наступающего дня смешивались в ужасающий полусвет. Кусты были черными, как чернила, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным. На вершине холма, как мне показалось, появились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры. Дважды мне почудилось, что я заметил какое-то одинокое белое обезьяноподобное существо, которое быстро бежало к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу — они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро. Я не понял, куда потом исчезли существа. Казалось, будто они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, понимаете? Меня охватило неопределенное предрассветное ощущение холода, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не доверял своим глазам.

Когда небо на востоке посветлело, и лучи дня возвратили всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не нашлось и следов тех белых фигур. По-видимому, это была просто игра теней. «Может быть, это привидения, — сказал я себе. — Интересно, из какого они времени...» Я подумал так потому, что вспомнил любопытный вывод Гранта Аллена. Он говорил, что если бы каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов мир переполнился бы ими. Согласно этой теории, их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу четырех. Эта шутилая мысль меня, конечно, не успокоила, и я все утро думал о белых фигурках, пока появление Уины не вытеснило их из моей головы. Непонятным образом призраки ассоциировались у меня с белым животным, которое я вспугнул при первых поисках Машины Времени. Уина на время отвлекла меня. Однако скоро белые фигуры снова завладели моими мыслями.

Кажется, я уже говорил, что климат Золотого века значительно теплее нашего. Причину объяснить не берусь. Может быть, Солнце стало горячее, или Земля приблизилась к нему. Принято считать, что Солнце постепенно будет охлаждаться. Однако люди, незнако-

мые с такими идеями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приблизиться к центральному светилу и в конце концов упасть на него. После каждой такой катастрофы Солнце будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта судьба постигла тогда одну из планет. Какова бы ни была причина, факт остается фактом: Солнце грело значительно сильнее, чем сейчас.

В одно жаркое утро — насколько помню, четвертое по моем прибытии, — когда я собирался укрыться от жары и яркого света в гигантских руинах (недалеко от большого дворца, где я спал и ел), со мной случилось странное происшествие: карабкаясь среди каменных груд, я наткнулся на узкую галерею, частично заваленную глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне совершенно темной. Я вошел в нее на ощупь, потому что от солнечного света перед глазами у меня плыли цветные пятна. Вдруг я остановился, как зачарованный. Из темноты на меня, отражая проникающий в галерею дневной свет, смотрела пара блестящих глаз.

Древний инстинктивный страх перед дикими животными охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светящиеся глаза. Мне было страшно оглянуться. На мгновение в голову пришла мысль о той, казалось, абсолютной безопасности, в которой жили люди будущего. И почти одновременно я вспомнил их загадочный страх перед темнотой. Пересилив свой ужас, я шагнул вперед и заговорил. Должен признать, что мой голос был слишком резким и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону, и нечто белое промелькнуло мимо. Сердце у меня ушло в пятки, я повернулся и увидел маленькое обезьяноподобное существо с опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству. Оно налетело на гранитную глыбу, шатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполным, однако я заметил, что оно казалось грязно-белым, со странными большими серовато-красными глазами; его голова и спина были покрыты светлой мягкой шерстью. Однако, как я уже сказал, оно слишком быстро убежало, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли существо на четырех лапах или же просто у него были слишком длинные руки. После минутного замешательства я бросился ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в кромешной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых я уже говорил. Только этот колодец был наполовину прикрыт упавшей

колонной. Мне в голову неожиданно пришла одна мысль. Не могла ли эта тварь спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое удалялось, глядя на меня. Меня охватила дрожь отвращения. Это было нечто вроде человекообразного паука. Существо спускалось вниз по стене колодца, и теперь я заметил множество металлических скоб для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но в этот момент догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла. Когда же я зажег другую, маленькое чудовище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, всматриваясь в глубину колодца. Тем не менее прошло достаточно времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мною существо тоже было человеком. Истина открылась передо мной: человек перестал быть одним видом и разделился на два — изящные дети Верхнего мира не были единственными нашими потомками. Нет, это белесое отвратительное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником прошедших веков.

Я подумал о воздухе, который дрожал над колодцами и о своей теории подземной вентиляции. Теперь я начал подозревать их истинное значение. Но какую роль, хотелось бы понять, мог играть этот лемур в моей схеме сбалансированной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежному существованию прекрасных жителей Верхнего мира? Что скрывалось там, на дне этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне нечего бояться и что я должен спуститься туда, чтобы получить ответ на все мои вопросы. Однако я все равно боялся это сделать! Пока я колебался, двое прекрасных наземных жителей, увлеченных любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство. Мужчина преследовал женщину, бросая в нее на бегу цветами.

Они, казалось, очень огорчились, обнаружив, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавшую колонну. Очевидно, здесь было принято не замечать эти отверстия — как только я указал на колодец и попытался задать вопросы на их языке, их смущение стало еще заметнее, и они отвернулись от меня. Но мои спички заинтересовали их, и мне пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить эту пару. Я вновь попытался узнать что-нибудь про колодцы, и опять потерпел неудачу. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и выяснить все у нее. В моем сознании происходил переворот, появлялись новые, пока еще нечеткие идеи. У меня уже явно был ключ, чтобы понять значение этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений,

не говоря уже о бронзовых дверях и о судьбе, постигшей Машину Времени! Одновременно я чувствовал, что скоро смогу разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Моя новая теория теперь выглядела так. Ясно, что второй вид людей живет под землей. Три различных обстоятельства привели меня к такому заключению: прежде всего, они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая животным, обитающим в темноте, — вспомните, например, о белых рыбах, которые живут в пещерах штата Кентукки. Глаза, отражающие свет, — это тоже характерная черта ночных животных, таких, например, как кошки или совы. И наконец, явное замешательство при дневном свете, поспешное неуклюжее бегство в темноту, особая манера опускать на свету лицо — это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Земля под моими ногами, видимо, была изрыта туннелями, в которых обитала новая раса. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов — всюду, кроме долины реки, — показывало, что туннели образуют огромную, разветвленную сеть. Разве не естественно было предположить, что в искусственном Подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы? Мысль эта была настолько правдоподобна, что я тотчас принял ее и стал размышлять дальше, отыскивая причину разделения человечества. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я в скором времени убедился, насколько она была близка к истине.

Мне казалось ясным, что постепенное углубление теперешнего социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к разгадке. Это покажется вам ироническим преувеличением, но ведь уже теперь существуют обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Все чаще проявляется тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, которой не нужны изыщества: существует, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и туннели, существуют подземные мастерские и рестораны, причем они растут и множатся. Я думаю, эта тенденция все усиливалась, и промышленность в конце концов совсем исчезла с поверхности земли. Все глубже и глубже под землю уходили мастерские, где рабочим приходилось проводить все больше времени, и наконец... Даже теперь — разве искусственные условия жизни какого-нибудь ист-эндского рабочего не отрезают его фактически от поверхности земли?

А тенденция, характерная для богатых людей и вызванная все большей утонченностью жизни, — тенденция расширять пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли. В окрестностях Лондона и других больших городов уже, наверное, добрая половина самых красивых мест недоступна для посторонних! А неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования, а также стремление богатых к утонченным привычкам — разве не приведет это к тому, что соприкосновение между классами станет все менее частым? В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только имущие, наслаждающиеся удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все неимущие — рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить имущим за вентиляцию своих жилищ. Если же они откажутся от этого, то умрут с голода или задохнутся. Неприспособленные и бунтовщики просто вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей уцелевшие неимущие приспособятся к условиям подземной жизни и сделаются такими же счастливыми, на свой собственный лад, как и жители Верхнего мира. Как мне казалось, утонченная красота одних и бесцветная бледность других имели вполне естественное происхождение.

Окончательный триумф человечества, о котором я мечтал, принял теперь в моих глазах совершенно иной вид. Это не был триумф морального прогресса и всеобщего сотрудничества, который я воображал себе. Нет, я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и потрудившуюся для логического завершения современной индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над людьми. Такова была моя теория на этот момент. У меня не было проводника, как в книгах об Утопии. Может быть, мое объяснение абсолютно неверно. Но все же я и сейчас думаю, что оно самое правдоподобное. Однако даже эта, по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Чрезмерная безопасность жителей Верхнего мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно четко. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все увиденное мной показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем «элои» — прекрасная наземная раса.

Теперь я все больше беспокоился. Зачем морлоки похитили мою Машину Времени? Теперь я был уверен, что это именно они похитили ее. И почему элои, если они здесь господствуют, не могут вернуть ее мне? Почему они так панически боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном мире Уину, но меня снова ждало разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем просто отказалась отвечать. Она так дрожала, как будто этот разговор был для нее невыносим. Когда я начал слишком резко настаивать, она расплакалась. Это были единственные слезы, которые я увидел в Золотом веке, кроме тех, что пролил сам. Я тотчас перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с лица Уины исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

6

Это может показаться вам странным, но прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать свои изыскания в новом направлении. Я ощущал необъяснимый страх перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей и другие создания, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал какой-то отвратительный холод! Этот страх отчасти объяснялся и моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало передаваться и мне.

В следующую ночь я спал крайне плохо. Вероятно, мое здоровье несколько расстроилось. Недоумение и сомнение угнетали меня. Пару раз я пережил необъяснимое чувство ужаса. Помню, я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди, в том числе и Уина, и их присутствие успокоило меня. Мне тогда еще пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней четверти и наступят темные ночи, когда должны участиться появления этих белых лемуров, новых страшных паразитов, пришедших на смену старым. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство человека, уклоняющегося от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину Времени, только проникнув в тайну Подземного мира. Однако я все еще не решался встретиться с этой тайной лицом к лицу. Будь у меня товарищ, все было бы по-другому. Но я был так ужасно одинок, что даже сама мысль спуститься в темную глубину колодца была невыносима. Не знаю, поймете ли вы мое состояние, но я отнюдь не чувствовал себя в безопасности.

Вероятно, это беспокойство и ощущение страха заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку. Продвигаясь на юго-запад, к возвышенности, которая сейчас называется Ком-Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находился городок Бэнстид, большое зеленое здание, совершенно непохожее по стилю на дома, виденные мной до сих пор. Размеры его превосходили самые огромные дворцы, а фасад был отделан в восточном духе; выкрашенный блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком, он напоминал дворец из китайского фарфора. Такое своеобразие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом предназначении, и я намеревался получше осмотреть дворец. Однако впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда день клонился к вечеру; поэтому решил отложить осмотр до следующего дня и вернулся домой, к ласкам маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство относительно Зеленого Фарфорового Дворца было чем-то вроде самообмана, изобретенного для того, чтобы еще на день отложить то, чего я так боялся. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев. Я направился к ближайшему из них, расположенному возле кучи гранитных и алюминиевых обломков.

Маленькая Уина бежала рядом. Она протанцевала вслед за мной до самого колодца, но когда увидела, что я перегнулся через край и смотрю вниз, пришла в ужасное волнение. «Прощай, маленькая Уина», — сказал я, целуя ее, а затем, отпустив свою спутницу и перегнувшись через стенку, принялся ощупывать металлические скобы. Я делал это торопливо, опасаясь, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом она издала жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттаскивать прочь своими маленькими ручками. Мне кажется, ее поступок и побудил меня действовать решительно. Я оттолкнул ее, может быть, немного резко и быстро спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы успокоить ее. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, которые прогибались под моим весом.

Мне нужно было спуститься на глубину примерно двухсот ярдов. Так как металлические скобы, расположенные по бокам колодца, были приспособлены для спуска небольших существ, то очень скоро я почувствовал усталость. И не только усталость! Одна скоба неожиданно согнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого не решался более останавливаться для отдыха. Скоро я ощутил жгучую боль в руках и спине, но все же продолжал спускаться

так быстро, как только мог. Посмотрев вверх, я увидел в отверстии колодца голубой кружок неба, в котором виднелась одна звезда. Головка Уины казалась на фоне неба темным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка вверху, было черным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Мной овладела мучительная тревога. В голове даже мелькнула мысль вернуться вверх и оставить Подземный мир в покое. Но все-таки, несмотря ни на что, я продолжал спускаться вниз. Наконец, не знаю через сколько времени, я с облегчением увидел или, скорее, почувствовал справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это вход в узкий горизонтальный туннель, где я смог бы прилечь и отдохнуть. Это было просто необходимо. Руки ныли, спину ломило, я дрожал от ужаса, думая, что могу упасть вниз. К тому же меня угнетала непроницаемая темнота. Вокруг раздавался гул машин, накачивавших в глубины воздух.

Не знаю, долго ли я там пролежал. Очнулся я от мягкого прикосновения к моему лицу. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел три сутуловатые белые фигуры, которые быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и поэтому их глаза были необычайно велики и очень чувствительны, они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, как зрачки глубоководных океанских рыб. Я не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте, и отпугивал их только свет. Едва я зажег новую спичку, они обратились в бегство и исчезли в туннелях, откуда сверкали только их блестящие, чужие глаза.

Я попытался заговорить с ними, но их язык, вероятно, отличался от языка наземных жителей, так что мне пришлось положиться на собственные силы, и снова у меня мелькнула мысль бежать, бросив исследование. Но я сказал себе: «Надо довести дело до конца» и, двигаясь ощупью по туннелю, заметил, что с каждым шагом гул машин становится все громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, понял, что нахожусь в просторной сводчатой пещере. Моя спичка быстро погасла, и я не успел все рассмотреть как следует.

Разумеется, мои воспоминания весьма смутны. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые тени, в которых укрывались бледные, едва различимые морлоки. Было душно, в воздухе чувствовался слабый запах свежeproлитой крови. Чуть подальше, примерно в середине пещеры, стоял небольшой, видимо, обеденный стол из белого

металла, где лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки были плотоядными! Помню, уже тогда я с изумлением подумал: что за домашнее животное сохранилось от прежних времен? Все было видно очень смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие темноты, чтобы приблизиться ко мне! Догоревшая спичка обожгла мне пальцы и упала на землю, тлея красной точкой в непроглядном мраке.

С тех пор я много раз думал, как плохо подготовился к такому исследованию. Отправляясь в путешествие на Машине Времени, я испытывал нелепую уверенность в том, что люди будущего смогли опередить нас во всех отношениях. Я пришел к ним без оружия, без лекарств, без табака — а временами мне так хотелось курить, — и даже спичек у меня было слишком мало. Ах, если б я только сообразил захватить фотоаппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный мир и потом, на досуге, спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня природа, — руками, ногами и зубами; только это да всего четыре спички, оставшиеся у меня.

Я побоялся идти дальше, в темный проход между машинами, и только при последней вспышке зажженной спички увидел, что коробок почти опустел. До этой минуты мне и в голову не приходило, что нужно беречь спички. Я истратил почти половину своего запаса, удивляя наземных жителей, для которых огонь был диковинкой. Теперь же, когда у меня осталось только четыре спички, а сам я очутился во тьме, я снова почувствовал, как тонкие пальцы ощупывают мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне казалось, что я ощущаю дыхание целой толпы этих ужасных существ.

Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня за одежду. Мне было неприятно ощущать присутствие невидимых созданий. В темноте я впервые ясно осознал, что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул изо всех сил. Морлоки отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, опять крикнул, еще громче. Однако в этот раз они уже не так испугались и почти сразу вернулись, издавая странные звуки, похожие на тихий смех. Меня охватил самый настоящий ужас. Я решил зажечь еще одну спичку и бежать под защитой ее света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, поджег его и отступил назад в узкий туннель. Но едва я вошел туда, мой факел погас от сквозняка и стало слышно, как морлоки зашуршали в туннеле,

словно сухие листья на ветру, а их шаги зазвучали негромко и час-то, как капли дождя...

Тут же меня схватили сразу несколько рук, пытаясь втащить назад в пещеру. Я зажег еще спичку и помахал ею прямо перед их подслеповатыми физиономиями. Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими были эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами, дико смотревшие на меня в своем слепом отупении! Впрочем, сами понимаете, я недолго разглядывал их. Я опять отступил и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она почти догорела, когда мне удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, у меня кружилась голова от стука огромного насоса вниз. Затем я вроде бы нащупал скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку, но она тотчас погасла. Однако, ухватившись за скобы и рассыпая ногами пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и стал быстро взбираться по стене колодца. Они же стояли внизу и, моргая, смотрели на меня. Все, кроме одной маленькой твари, которая какое-то время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Подъем показался мне бесконечным. Преодолевая последние двадцать или тридцать футов, я чувствовал смертельную тошноту. Только невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов оказались ужасны. Больше не было сил. Несколько раз у меня начинала кружиться голова. Падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как добрался до отверстия колодца и, шатаясь, вылез на солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля показалась мне здесь чистой и благоуханной. Помню, как Уина целовала мои руки и лицо, а вокруг меня раздавались голоса других элоев. После же я на некоторое время потерял сознание.

7

Теперь я оказался в еще худшем положении, чем прежде. Если не считать минут отчаяния в ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства, однако новые открытия пошатнули ее. До сих пор я видел препятствие лишь в детской непосредственности маленького народа и в каких-то неведомых мне силах, понять которые, казалось, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь появилось новое обстоятельство — отвратительные морлоки, нечто нечеловеческое и враждебное. Я почти инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, упавшего в яму: думал

только о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я ощущал себя зверем, попавшим в ловушку и чующим, что враг близко.

Враг, о котором я говорю, может вас удивить — темнота перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими, поначалу непонятными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало приближение Темных Ночей. Луна убывала, темнота становилась все более непроницаемой. Теперь я хоть отчасти понял причину ужаса жителей Верхнего мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в ночи перед новолунием. Теперь я был окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элов над морлоками полностью неверна. Конечно, раньше жители Верхнего мира были привилегированным классом, а морлоки — их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие в результате эволюции общества, переходили или уже перешли к совершенно иным отношениям. Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще владели поверхностью земли, тогда как морлоки, жившие в продолжение бесчисленных поколений под землей, в конце концов стали совершенно неспособны выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали одежду для элов и заботились об их повседневных нуждах, но лишь вследствие старой привычки работать на них. Они делали это, скорее всего, бессознательно, как конь бьет копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали свою печать на человечество. Но ясно, что изначальные отношения двух рас стали прямо противоположными. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливицам. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своего ближнего солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Отныне элои начали заново учить уроки жизни. Они вновь познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое заметил в Подземном мире. Не знаю, почему мне это пришло в голову: это было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как выглядело мясо. Оно уже тогда показалось мне каким-то знакомым, но чем именно — я понять не мог.

Маленький народ был беспомощен в присутствии существ, наводивших на него непреодолимый страх, но я был не таков. Я был сыном века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком случае, я мог защищаться. Без промедления я решил найти себе оружие и безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы сохранить некоторую долю той уверенности, которой я лишился,

узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока мой сон не будет защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз рассматривали меня спящим.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел убежища, которое казалось бы надежным. Здания и деревья казались легко доступными для таких ловких, умеющих хорошо лазать существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я вспомнил о высоких башенках и гладких стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, к себе на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в пасмурный день, когда расстояния кажутся меньше. Теперь же, когда я двинулся в путь, у меня к тому же оторвался каблук, а в ногу впивался гвоздь — это были старые башмаки, которые я носил только дома, — поэтому я хромал. Солнце уже давно село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным силуэтом на бледном фоне неба.

Уина была в восторге, когда я понес ее на плече, но потом она решила сойти на землю и семеняла рядом, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их в мои карманы. Карманы всегда поражали Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели... И кстати!... Переодеваясь, я нашел...

(Путешественник во Времени замолчал, опустил руку в карман и положил перед нами на столик два увядших цветка, напоминавших крупные белые мальвы. Потом продолжил рассказ.)

Землю уже окутала вечерняя тишина, а мы еще шли по холмам к Уимблдону. Уина все больше уставала и хотела вернуться в здание из серого камня. Однако я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище, спасемся от ее страха.

Знакома ли вам мертвая тишина, которая наступает перед сумерками? Не шевелятся даже листья на деревьях. На меня эта вечерняя тишина всегда навевала какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное; только на западе виднелось несколько полос легких облачков. Однако к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства как будто сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я могу ощущать пещеры в земле у себя под ногами, могу чуть ли не видеть морлоков, кишящих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они приняли мое вторжение за объявление войны. И зачем они украли мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в вечерней тишине, а сумерки тем временем все сгущались. Голубая даль померкла, одна за другой стали загораться звезды. Земля под ногами становилась плохо различимой, деревья — черными. Страх и усталость овладевали Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, а затем — статуи, изображавшей, как мне показалось, некое подобие фавна, но только без головы. Здесь росли акации. Морлоков не было видно. Но ведь ночь только начиналась, и самые темные часы перед восходом ущербной луны, были еще впереди.

С вершины следующего холма я увидел густую чащу, которая тянулась широкой и черной полосой. Я остановился в нерешительности. Лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым — у меня сильно болели ноги, — я снял с плеча Уину и сел на землю. Я не видел Зеленого Дворца и сомневался, в правильном ли направлении мы движемся. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могло скрываться в ее глубине. Под густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня и не подстерегала опасность — та опасность, мысль о которой я гнал от себя, — там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб.

К тому же я был слишком измучен волнениями этого дня, а поэтому решил не идти в лес, а провести ночь на холме.

Уина уже крепко спала, и это меня очень обрадовало. Укутав ее своей курткой, я сел рядом с ней и стал ждать восхода луны. На склоне холма было тихо и пустынно, но из лесной тьмы доносились временами какие-то шорохи, которые явно производили живые существа. Надо мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Звездное мерцание успокаивало меня. На небе не было знакомых созвездий: они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы только по истечении сотен человеческих жизней. Один Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже Сириуса. И среди мерцающих точек мягко и ровно сияла одна большая планета, словно спокойно улыбающееся лицо старого друга.

При свете звезд заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными. Я подумал о том, как бесконечно далеки звезды, как медленно они движутся из неведомого прошлого в будущее. Подумал об огромных кругах, которые описывает в пространстве

земная ось. Всего сорок раз описала она этот круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за это время вся общественная деятельность, все традиции, вся сложная организация, все национальности, все языки, вся литература, все человеческие стремления и даже само воспоминание о Человеке, каким я его знал, исчезли. Зато появились хрупкие существа, забывшие о своем высоком происхождении, и белесые твари, от которых я бежал в ужасе. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо я видел в Подземном мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка в небе, и попытался отбросить эту страшную мысль.

Всю долгую ночь я старался не думать о морлоках и убивал время, пытаясь найти в путанице звезд следы старых созвездий. Небо было совершенно чистым, виднелись только несколько легких облачков. По всей видимости, время от времени я ненадолго засыпал. Когда такое бдение окончательно утомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву бесцветного пожара, и вскоре появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все более наливавшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам; в эту ночь я даже не видел никого из них. Со светом наступающего дня все ночные страхи стали казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, а пятка болела; я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь.

Я разбудил Уину, и мы пошли вниз, в лес, зеленый и приветливый, а не черный и зловещий, как ночью. Мы нашли несколько плодов и позавтракали. Потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в природе никогда не существовало ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я всем сердцем пожалел о слабом ручейке, оставшемся на земле от некогда могучего потока человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, некоторое время они питались крысами и прочими паразитами. Даже в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, — значительно менее разборчив, чем обезьяна. Предубеждение против человеческого мяса — не слишком глубоко укоренившийся инстинкт. И эти бесчеловечные потомки людей... Ну вы понимаете!

Я постарался взглянуть на дело с научной точки зрения. Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и ещё дальше от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А высокоразвитый ум, который сделал бы такое положение вещей невыносимым, в будущем окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться, — думал я. — Эти элои — просто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьеподобные морлоки, — вероятно, они даже следят, чтобы элои были хорошо откормлены...» А маленькая Уина тем временем танцевала около меня!

Я попытался подавить охвативший меня ужас и подумал, что такое положение вещей — суровая кара за человеческий эгоизм. Люди хотели жить в роскоши за счет тяжкого труда своих собратьев и оправдывались необходимостью. А теперь, когда настали иные времена, та же необходимость повернулась к ним другой стороной. Я, подобно Карлейлю, даже пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но это мне не удалось. Несмотря на их умственное вырождение, элои все же сохранили в своей внешности слишком много человеческого, они были мне симпатичны, и я невольно сочувствовал им, разделяя их унижение и страх.

У меня пока не было никаких идей насчет того, что нужно делать. Прежде всего я хотел найти безопасное убежище и раздобыть металлическое или каменное оружие. Это было просто необходимо. Затем я надеялся обнаружить средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это лучшее оружие против морлоков. А еще я хотел сделать какое-нибудь механическое приспособление, чтобы выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался создать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, что у морлоков хватило бы сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил забрать в наше время. Обдумывая эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое, как мне казалось, могло стать нашим жилищем.

8

Около полудня мы дошли до Зеленого Дворца и обнаружили, что он опустошен и почти разрушен изнутри. В окнах торчали осколки стекол, а большие куски зеленой облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, посмотрев на северо-восток, я изумился, увидев большой эстуарий или, скорее, бухту, там, где, по моим со-

ображениям, раньше находились Уондсворт и Бэттерси. Я еще подумал о том, что же произошло теперь с существами, населяющими морские глубины, но долго размышлять об этом не стал.

Материал, из которого был построен дворец, в самом деле оказался фарфором, и вдоль его фасада я увидел надпись, сделанную неизвестными мне буквами. Мне пришла в голову нелепая мысль, что Уина может разобрать ее, но тут же оказалось, что она понятия не имеет о письме. Она всегда казалась мне более человеком, чем была на самом деле — может быть, потому, что ее привязанность ко мне была такой человеческой.

За огромными поломанными створчатыми дверями, распахнутыми настежь, мы увидели вместо обычного зала длинную галерею с рядом окон. С первого же взгляда я понял, что перед нами музей. Паркетный пол покрывал густой слой пыли, и такой же серый покров лежал на разнообразных предметах, в беспорядке валявшихся повсюду. Среди прочего посреди зала я увидел нечто странное и высохшее — это была нижняя часть огромного скелета. По форме ног я определил, что это вымершее животное наподобие мегатерия. Рядом в густой пыли валялись его череп и кости верхних конечностей, но в одном месте, где крыша протекала, кости почти полностью рассыпалась. Еще в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение о том, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи находилось то, что я принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины, такие же, как в наше время. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся экспонатам.

Ясно, что мы оказались среди развалин огромного музея, подобного Южно-Кенсингтонскому, но относившегося к более поздним временам. Здесь был палеонтологический отдел с чудесной коллекцией окаменелостей, однако неизбежное разрушение, утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибков большую часть своей силы, все же верно, хотя и медленно продолжало свою работу. В разных местах я находил следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные на куски или нанизанные на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны — я решил, что это сделали морлоки. Дворец был пуст. Слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины, тихонько взяла меня за руку и встала рядом.

Я был так поражен видом этого разрушающегося памятника века разума, что не подумал о той пользе, какую мог бы из него из-

влечь. Даже мысль о Машине Времени вылетела у меня из головы.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологический отдел: вероятно, тут были и исторические отделы и библиотека. Для меня это было бы интереснее, чем геологические древности. Принявшись за дальнейшие исследования, я обнаружил вторую, короткую галерею, пересекавшую первую. По-видимому, это был минералогический отдел, и вид куса серы навел меня на мысль о порохе. Но я не мог отыскать селитры или каких-нибудь нитратов. Без сомнения, они разложились много сотен лет назад. Но сера не выходила у меня из головы и заставляла постоянно размышлять. Все остальное здесь мало меня интересовало, хотя, пожалуй, этот отдел сохранился лучше всего. Я не специалист по минералогии, и поэтому отправился дальше, в полуразрушенное крыло здания, параллельное первой галерее, через которую я вошел.

Судя по обстановке, этот отдел был посвящен естественной истории, но все в нем изменилось до неузнаваемости. Несколько съездившихся и почерневших останков того, что было чучелами зверей, высохшие коконы в банках, некогда заполненных спиртом, темная пыль, оставшаяся от засушенных растений, — вот и все, что я здесь нашел! Я пожалел об этом; было бы интересно проследить медленные, терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над живой природой. Затем мы попали в огромную, но очень плохо освещенную галерею, ее пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, с того конца, где мы стояли. С потолка свешивались белые шары; некоторые из них были треснутыми или разбитыми вдребезги, и у меня невольно возникла мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я почувствовал себя в своей стихии, потому что по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, по большей части сильно поврежденные и поломанные; некоторые, однако, были еще сравнительно целы. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что многое поразило меня новизной и непонятностью. Я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они служили. Мне казалось, что если я разрешу загадку их предназначения, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг Уина прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я был просто потрясен. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы внимания на покатысть пола. Конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и освещался через немногие узкие окна. Однако по мере того, как мы шли дальше,

склон холма подступил к окнам, постепенно заслонив их, так что наконец осталась только щель, как в Лондоне в полуподвалах, и через нее просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины, и это занятие совершенно поглотило меня. Поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возрастающий страх Уины не привлек моего внимания. Только тогда я заметил, что галерея уходит в непроглядную темноту. Остановившись в нерешительности и осмотревшись вокруг, я увидел, что слой пыли здесь был тоньше и лежал неровно. Еще дальше, в темноте, на пыльном полу как будто виднелись небольшие узкие следы. Я почувствовал, что морлоки находятся где-то поблизости и решил, что даром теряю время на осмотр машин. Уже перевалило далеко за полдень, а я все еще не имел оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко в глубине темной галереи я услышал тот же особенный шорох, тот же странный шум, что и тогда, в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Но внезапно мне в голову пришла новая мысль, я оставил Уину и направился к машине, из которой торчал рычаг, вроде тех, что употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись обеими руками за рычаг, я навалился на него. Уина, оставшись одна в проходе, принялась хныкать. Я рассчитал правильно: рычаг сломался после минутного усилия, и я вернулся к Уине с палицей в руке, достаточно надежной, чтобы проломить череп любому морлоку, попавшемуся нам на пути. А мне ужасно хотелось убить хотя бы одного! Быть может, вам это желание уничтожить одного из наших потомков покажется бесчеловечным. Но к этим отвратительным существам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность, что может пострадать Машина Времени, если я вздумаю удовлетворять свою жажду убийства, удержали меня от попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и начать истребление копошившихся там тварей.

И вот, держа палицу в правой руке, а левой обнимая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую — с виду еще большую, — которую я сначала принял за военную часовню с изорванными знаменами. Однако скоро в этих коричневых и черных, будто обгорелых лоскутьях, которые висели по стенам, я узнал остатки истлевших книг. Они давно рассыпались на куски, в них не осталось даже следов букв. Лишь кое-где валялись покоробившиеся корешки и треснувшие металлические застёжки, достаточно красноречиво свидетельствовавшие о своем назначении. Будь я писателем, при виде всего этого я, возможно, пустился бы фило-

софствовать о тщете всякого честолюбия. Но меня всего сильнее поразила потеря колоссального труда, о которой говорили эти груды истлевшей бумаги. Должен сознаться, что в ту минуту я вспомнил о журнале «Философские записки» и о своих собственных семнадцати статьях по оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы попали в новое помещение, которое было некогда отделом прикладной химии. У меня была надежда найти здесь что-нибудь полезное. За исключением одного угла, где обвалилась крыша, галерея прекрасно сохранилась. Я подходил к каждой уцелевшей витрине. Наконец в одной из них, закупоренной воистину герметически, я нашел коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они даже не отсырели. Я повернулся к Уине. «Танцуй!» — воскликнул я на ее языке. Теперь у нас было оружие против существ, которых мы так боялись. И вот в этом заброшенном музее, на густом ковре пыли, к величайшему восторгу Уины я принялся исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Шотландия». Это был частью канкан, частью полонез, частью вальс и частью мое собственное изобретение. Вы же знаете, что я действительно изобретателен.

Эта коробка спичек, сохранившаяся в течение стольких лет вопреки разрушительному действию времени, была необычайной и счастливой случайностью. К своему удивлению, я сделал еще одну неожиданную находку — камфору. Я нашел ее в запечатанной банке, которую, как я думаю, случайно закупорили герметически. Сначала я принял вещество за парафин и разбил банку. Но запах камфоры не оставлял никаких сомнений. Среди общего разрушения это летучее вещество пережило, возможно, многие тысячи столетий. Она напомнила мне об одном рисунке, сделанном чернилами, приготовленными из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью миллионы лет тому назад. Я хотел было выбросить камфору, как вдруг вспомнил, что она легко воспламеняется и горит ярким пламенем, так что из нее можно сделать отличную свечку. Я положил камфору в карман. Зато я нигде не нашел взрывчатых веществ или каких-либо других средств, чтобы взломать бронзовые двери. Железный рычаг был пока что самым полезным орудием, на которое я здесь наткнулся. Тем не менее я вышел из галереи воодушевленным.

Не могу пересказать всего, что я увидел за этот долгий день. Пришлось бы сильно напрягать память, чтобы по порядку рассказать обо всем. Помню галерею со ржавым оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо железного рычага? Но я не мог унести и то и другое, а железный

лом был более пригоден для штурма бронзовых дверей. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, отлично сохранились. Однако патроны и порох давно рассыпались в пыль. Один угол галереи был совершенно разрушен; вероятно, это произошло в результате взрыва экспонатов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, — короче собранных со всех концов земли. И здесь, уступив непреодолимому желанию, я написал свое имя на носу каменного уродца из Южной Америки, особенно меня поразившего.

К вечеру мое любопытство ослабело. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой груды обугленных обломков. В одном месте я наткнулся на модель рудника, а затем, совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона. «Эврика!» — воскликнул я с радостью и разбил стекло. Но вдруг меня одолели сомнения. Я остановился в раздумье. Выбрав маленькую боковую галерею, я произвел опыт. Никогда в жизни я не ощущал такого разочарования, как в те пять-десять минут, пока ждал взрыва и ничего не дождался. Без сомнения, это были муляжи, я мог бы догадаться уже по их виду. В ином случае я тотчас бы кинулся к Белому Сфинксу, отправил его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и, надо полагать, уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

Насколько я могу припомнить, мы вышли в маленький открытый дворик внутри дворца. Среди зеленой травы росли три фруктовых дерева. Там мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я принялся обдумывать наше положение. Ночь надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Но теперь меня это мало беспокоило. В мои руки попала лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, — провести ночь на открытом месте под защитой костра. Утром же я хотел приняться за розыски Машины Времени. Единственным средством для этого, правда, был железный лом. Но теперь я иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находится по другую сторону. Однако они не казались мне очень прочными, и я надеялся, что легко взломаю их при помощи рычага.

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не спряталось за горизонтом. Я решил на следующий день, рано утром, вернуться к Белому Сфинксу, а пока, до наступления темноты, рассчитывал пробраться через лес, задержавший нас по пути сюда. В этот вечер я надеялся пройти как можно больше, а затем, разведя костер, лечь спать под его защитой. По дороге я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы шли медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне тоже страшно хотелось спать; когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы остановиться. Я не спал всю прошлую ночь и два дня находился в лихорадочном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подбирается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы стояли в нерешительности, я увидел сзади на темном фоне кустов три фигуры, пригнувшиеся к земле. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что мы не могли чувствовать себя в безопасности. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Если бы нам удалось выйти на открытый склон, то, как мне казалось, мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Я думал, что спичками и камфорой можно будет освещать дорогу среди деревьев. Но чтобы зажигать спички, я должен был бросить сучья, набранные для костра; нехотя мне все же пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу брошенный хворост. Позже я понял, какое это было безумие, но тогда подобный маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какой редкостью бывает пламя в умеренном климате, там, где нет человека. Солнечный жар почти не способен зажечь какое-нибудь дерево даже в том случае, если капли росы, словно зажигательные стекла, собирают его лучи, как это иногда происходит в тропиках. Молния убивает, но редко служит причиной пожара. Гниющая растительность тлеет от теплоты внутренних химических реакций, но не загорается. А в этот период упадка было позабыто само искусство добывания огня. Красные языки, лизавшие груды хвороста, были для Уины чем-то совершенно новым и поразительным.

Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, Уина даже бросилась бы в огонь, не помешай я ей сделать это. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, увлек за собой в лес. Некоторое

время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх по холму. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям за моей спиной. Там царил полнейший мрак, а Уина судорожно прижималась ко мне. Однако мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не наткнуться на стволы. Над головой было темно, и только кое-где сияли клочки серого неба. Я не зажигал спичек, потому что руки были заняты. На левой сидела малышка Уина, а в правой я держал лом.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и биения сердца в ушах. Затем я услышал позади какой-то стук или топот. Тем не менее я продолжал идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки, которые я уже слышал в Подземном мире. Очевидно, за нами гнались морлоки. Буквально в следующее мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Именно сейчас необходимо было зажечь спичку. Но чтобы достать ее, я должен был опустить Уину на землю. Я так и сделал, но пока рылся в кармане, около моих ног в темноте началась возня. Уина молчала, и лишь морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и после этого увидел белые спины убежавших в чащу морлоков. Вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился его зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я посмотрел на Уину. Она лежала ничком, обхватив мои ноги, совершенно неподвижно. Со страхом я наклонился к ней. Казалось, она едва дышала. Я поджег кусок камфоры и бросил его на землю. Расколовшись, он ярко запылал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. Из леса позади нас слышалось бормотание огромной толпы.

Скорее всего, Уина лишилась чувств. Я осторожно положил ее на плечо, встал и собрался идти дальше, но вдруг с ужасом осознал всю опасность нашего положения. Совершая маневры со спичками и с Уиной, я несколько раз повернулся и теперь не имел ни малейшего понятия, куда идти. Может быть, я опять шел назад, к Зеленому Дворцу. Меня прошиб холодный пот. Нужно было что-то срочно предпринять. Я решил развести костер и остаться там, где мы были. Положив все еще неподвижную Уину на покрытый мхом пенек, я стал торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня, подобно рубинам, в темноте светились глаза морлоков.

Камфора в последний раз вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белые существа, приближавшиеся к Уине, быстро

отбежали в сторону. Одно из них было так ослеплено светом, что натолкнулось на меня, и я почувствовал, как от удара моего кулака хрустнули его кости. Существо закричало от ужаса, сделало, шатаясь, несколько шагов и упало. Я зажег второй кусок камфоры и продолжал собирать хворост для костра. Скоро я заметил, что листья здесь совершенно сухие, так как со времени моего прибытия, то есть уже целую неделю, не было дождя. Я перестал разыскивать хворост и начал прыгать и обламывать нижние ветви деревьев. Скоро разгорелся дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся назад, где рядом с моим железным ломом лежала Уина. Всеми силами я старался привести ее в чувство, но она лежала словно мертвая. Я не мог даже понять — дышала она или нет.

Внезапно мне пахнуло дымом прямо в лицо. Моя голова, и без того тяжелая от запаха камфоры, отяжелела еще больше. По моим расчетам костра должно было хватить примерно на час. Смертельно усталый, я присел на землю. Среди деревьев носился какой-то непонятный сонливый шепот. Мне показалось, что на секунду я уснул. Но теперь вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела. Страхнув с себя их цепкие пальцы, я принялся искать в кармане спички, но их там не оказалось! Морлоки снова окружили меня со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул, а костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Лес, казалось, был наполнен запахом гари. Меня схватили за шею, за волосы и за руки, пытались повалить. Ужасны были во тьме прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, будто я попал в какую-то чудовищную паутину. Морлоки пересилили меня, и я упал. Я почувствовал, что острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение моя рука нащупала железный рычаг. Это придало мне силы. Страхнув с себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им, стараясь попасть по их головам. Я ощущал, как под моими ударами обмякали их тела, слышал, как хрустели кости, и на некоторое время освободился от них.

Странное возбуждение, которое, говорят, так часто приходит во время боя, охватило меня. Я знал, что мы оба с Уиной погибли, но решил сделать так, чтобы морлоки дорого заплатили за свой завтрак. Я стоял, опираясь спиной о дерево, и размахивал перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие вопли морлоков. Прошла минута. Голоса их звучали также пронзительно, но движения становились все быстрее. Однако ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-то разглядеть в темноте. Неожиданно у меня появилась надежда. Может быть,

морлоки испугались? И тут произошло нечто необычайное. Казалось, окружающий меня мрак начал проясняться. Я стал смутно различать фигуры морлоков, трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали в глубь леса. Спины их казались уж не совсем белыми, а слегка красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу между деревьями, освещенными сиянием звезд. В этот момент я понял, откуда взялся запах гари и однообразный шорох, перешедший постепенно в страшный рев и красное зарево, обратившее в бегство морлоков.

Отступив от дерева и оглянувшись назад, я увидел между черными стволами пламя лесного пожара. Меня догонял мой первый костер. Я искал Уину, но ее нигде не было... Свист и шипение позади, треск горевших ветвей — все это не оставляло времени для размышлений. Схватив лом, я побежал за морлоками. Пламя следовало за мной по пятам и, пока я бежал, обогнало меня справа, так что я был вынужден броситься влево. Наконец я выбежал на небольшую поляну, причем один из морлоков, ослепленный, наткнулся на меня и промчался мимо прямо в огонь.

После этого я увидел самое невероятное и ужасное зрелище из всех, что мне пришлось наблюдать в будущем. От огненного зарева стало светло, как днем. Посреди моря огня возвышался холмик, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм со всех сторон был окружен огненной стеной. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков. Ослепленные огнем и обезумевшие от жары, они метались и натывались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались ко мне, в безумном страхе принимался яростно наносить удары, убив одного и искалечив нескольких. Но, увидев, как один морлок ощупью пробирался в багровом свете среди кустов боярышника, и услышав его стоны, я убедился в полной беспомощности морлоков и больше никого не трогал.

Временами некоторые из них натывались на меня и так дрожали от ужаса, что я сразу уступал им дорогу. Один раз, когда пламя немного угасло, я испугался, что эти гнусные существа меня заметят. Я даже подумывал о том, не убить ли мне нескольких из них, прежде чем это случится. Однако пламя снова ярко вспыхнуло, и я оставил эту затею. Я бродил среди этих тварей по холму, избегая столкновений, и старался найти хоть какие-нибудь следы Уины. Но Уина исчезла.

Я присел наконец на вершине холма и стал рассматривать это необычайное сборище слепых существ, бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени.

Громадные клубы дыма плыли по небу, и сквозь зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали иной вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Почти всю ночь, как мне кажется, продолжался этот кошмар. Я кусал себе руки и кричал, испытывая страстное желание проснуться. Я бил кулаками по земле, вставал, потом садился, бродил взад-вперед и снова опускался на землю. Я тер глаза и умолял Бога дать мне очнуться от этого кошмара. Три раза я видел, как обезумевшие морлоки, опустив головы, кидались в огонь. Наконец над утихшим пламенем пожара, клубами дыма, почерневшими стволами деревьев и жалким остатком этих мерзких существ сверкнули первые лучи солнца.

Я снова принялся искать Уину, но ее нигде не было. Видимо, ее маленькое тельце осталось в лесу. Все же, как я подумал, она, по крайней мере, избежала той ужасной участи, которая была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избивание беспомощных отвратительных созданий, но сдержал себя. Холмик, как я уже сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь смог разглядеть Зеленый Дворец и определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму. Я обмотал ноги какой-то травой и по дымящемуся пеплу, меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, потому что выбился из сил и хромал. Я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было настоящей катастрофой. Теперь, когда я сижу здесь, в привычной обстановке, это кажется мне скорее тяжелым сном, чем настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, об этом очаге, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Идя по дымящемуся пеплу под ясным утренним небом, я сделал неожиданное открытие. В кармане брюк оказалось несколько спичек. По-видимому, коробка разломилась, прежде чем ее у меня похитили.

10

В восемь или девять часов утра я добрался до скамьи из желтого металла, откуда в первый вечер после моего прибытия осматривал окружающий мир. Я не мог удержаться и горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманным выводам я пришел в тот вечер.

Передо мной была та же дивная картина, та же роскошная растительность, те же чудесные дворцы и величественные руины, та же серебристая гладь реки, катившей свои воды среди плодородных берегов. Под деревьями мелькали яркие одежды очаровательно-прекрасных маленьких людей. Некоторые из них купались на том месте, где я спас Уину, и это причинило мне душевную боль. Однако над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, поднимались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в Подземный мир. Я понял теперь, что маскировала красота жителей Верхнего мира. Их день был столь же радостным, как у скота, пасущегося в поле. Подобно скоту, они не знали ни врагов, ни повседневной нужды. И таков же был их конец.

Мне стало горько при мысли о том, как кратковременно было торжество человеческого разума. Человеческий род совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к обществу без конфликтов, лозунгом которого была обеспеченность и стабильность, — и они достигли цели, но только чтобы прийти к такому концу... Жизнь и собственность были теперь почти в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему были обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в этом прекрасном мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем. И великий покой последовал за всем этим.

Таков закон природы, который мы обычно упускаем из виду — гибкость ума является наградой за пережитые опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, живущее в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простой механизм. Природа не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен, нет и разума. Им обладают только те существа, которые сталкиваются с нуждами и опасностями.

Таким путем, как мне кажется, человек Верхнего мира и пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного мира — к своей чисто механической промышленности. Но даже для этого уравновешенного положения вещей при всем его внешнем совершенстве недоставало одного — полной неизменности. С течением времени запасы Подземного мира истощились. Матушка Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала свою работу снизу. Жители Подземного мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме навыков, требовало все же работы мысли, невольно удержали в озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, че-

го долго не допускали старые привычки. Вот как все представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, может быть, ошибочно, поскольку смертным свойственно ошибаться. Но таково мое мнение, и я его высказал.

После трудов, волнений и страха последних дней, несмотря на тоску по бедной Уине, эта скамья, мирный пейзаж и солнечный свет показались мне прекрасными. Я очень устал, меня клонило ко сну, и, вяло размышляя, я вскоре задремал. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на земле, погрузился в долгий сон.

Я проснулся незадолго до заката. Теперь я уже не боялся, что морлоки схватят меня во сне. Потянувшись, я сошел с холма и направился к Белому Сфинксу. В одной руке я держал лом, другой нащупывал спички в кармане.

Однако меня ждала большая неожиданность. Подойдя к Белому Сфинксу, я увидел, что бронзовые двери открыты. Обе их половинки были утоплены в специальных пазах.

Я ненадолго остановился перед ними, не решаясь войти.

Внутри оказалось небольшое помещение, и в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее лежали у меня в кармане. Итак, после всех приготовлений к штурму Белого Сфинкса меня ожидала покорная капитуляция. Я отбросил свой лом, почти сожалел о том, что не пришлось им воспользоваться.

Но в ту минуту, когда я уже наклонился, чтобы войти, у меня мелькнула внезапная мысль, и я остановился у входа. Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я увидел, что она тщательно смазана и вычищена. Позже мне даже пришло в голову, что морлоки разбирали Машину на части, стараясь понять ее назначение.

Теперь я стоял и смотрел на свою Машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, и как раз тут случилось то, чего я ожидал. Бронзовые панели вдруг скользнули вверх и с грохотом закрылись. Я попался и оказался в полной темноте. Так думали морлоки. Эта мысль опять вызвала у меня веселый смех.

Я уже слышал, как они бежали ко мне со своим противным бормотанием. Я хладнокровно чиркнул спичкой. Мне оставалось лишь укрепить рычаги и умчаться от них, подобно призраку. Но я упустил из виду одно обстоятельство. Это были отвратительные спички, зажигающиеся только о коробок.

Вообразите, как быстро исчезло мое спокойствие! Маленькие твари уже окружали меня. Кто-то из них прикоснулся ко мне. От-

биваясь рычагами, я полез в седло Машины. Меня схватила чья-то рука, потом другая. Мне пришлось с трудом вырывать рычаги из цепких пальцев и одновременно ощупывать гнезда, в которых они крепились. Один раз морлоки вырвали у меня один из рычагов. Когда он выскользнул из моих рук, мне пришлось, чтобы найти его на полу в темноте, отбиваться от них головой, и я слышал, как черепа морлоков трещали под моими ударами. Мне кажется, эта схватка была еще упорнее, чем сражение в лесу. И она была последней.

В конце концов я смог укрепить рычаги и повернул их. Цепкие руки соскользнули с моего тела. Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума, о которых я уже вам рассказывал.

11

Я уже говорил вам о тех болезненных и неприятных ощущениях, которые вызывает путешествие во времени. На этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись. Какое-то время я провисел таким образом, не замечая, как Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришел в себя и посмотрел на циферблаты, то был поражен. На одном из них отмечались дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвертом миллиарды дней. Оказалось, вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привел их в действие так, что Машина помчалась вперед. Взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, двигалась с быстротой секундной стрелки, — я уносился в будущее.

Я двигался вперед, а тем временем все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид. Дрожащая серая пелена стала темнее. Потом снова (хотя я все еще продолжал двигаться с невероятной скоростью) начались мерцающие смены ночи и дня, обычно указывавшие на не слишком быстрое движение машины, причем это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Вначале я очень удивился. День и ночь не так быстро сменяли друг друга, как раньше. Солнце тоже постепенно замедляло свое движение по небу, пока мне не показалось, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь временами прерывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Полоса от Солнца над горизонтом исчезла. Солнце больше не закатывалось — оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь все более огромным и кровавым. Луна исчезла бесследно. Звезды, двигавшиеся по круговым орбитам, превра-

тились из сплошных полосок света в отдельные, едва ползущие по небу точки. Наконец, перед тем, как я остановился, Солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и на мгновения полностью потухавший. Один раз оно запыхало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело утрово-красный цвет. Из того, что Солнце перестало всходить и закатываться, я сделал вывод, что периодическое торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, отныне она была обращена к Солнцу одной стороной, точно так же, как в наше время обращена к Земле Луна. Вспомнив о своем предыдущем стремительном падении, я осторожно стал замедлять движение. Стрелки крутились все медленнее, пока наконец та, что указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, перестала очерчивать сплошной круг. Я еще больше замедлил движение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Я очень осторожно остановился и, не слезая с Машины Времени, огляделся. Небо перестало быть голубым. На северо-востоке оно походило на чернила, и из глубины этого мрака ярким и неизменным светом сияли бледные звезды. Прямо над моей головой небо было цвета красного дерева и без звезд, а к юго-востоку оно светлело и становилось пурпурным; там, рассеянное линией горизонта, кровавое и бездвижное, гигантской горой застыло Солнце. Скалы вокруг меня были темно-коричневыми, и единственным признаком жизни, который я заметил сначала, была растительность, покрывавшая юго-западные выступы на скалах. Эта густая, пышная зелень походила на лесные мхи или пещерные лишайники — растения, которые обитают в постоянной полутьме.

Машина теперь стояла на крутом берегу. К юго-западу до самой линии горизонта под бледным небом расстиралось море. Не было ни прибоя, ни волн, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Только слабая ровная зыбь была заметна на поверхности воды, море будто тихо дышало, сохраняя признаки своей вечной жизни. Вдоль берега, там, где вода отступила, виднелась толстая соляная корка, розовая из-за того, что отражала свет этого неестественного неба. Голова у меня была словно налита свинцом, и я заметил, что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения на гору, и я осознал, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдруг я услышал пронзительный писк и вдали, на туманном берегу, увидел нечто похожее на огромную белую бабочку, которая взлетела и, описав несколько неровных кругов, исчезла за холмами. Звук, который она издала, был таким зловещим, что я невольно

вздрагнул и покрепче уселся в седле. Оглядевшись снова, я увидел, как то, что я сначала принял за красноватую скалу, стало медленно приближаться ко мне. Это было чудовищное существо, походившее на краба. Представьте себе краба размером с этот стол, со множеством медленно шевелящихся ног, с огромными клешнями, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Его спина была вся в отвратительных буграх и выступах, местами ее покрывал зеленоватый налет. Я заметил, как шевелятся и дрожат многочисленные щупальца у его пасти.

В ужасе глядя на это подползающее чудовище, я вдруг почувствовал легкое прикосновение к щеке. Казалось, будто на нее села муха. Я попробовал отогнать ее взмахом руки, но ощущение сразу же возобновилось. Почти одновременно я почувствовал такое же прикосновение возле уха. Дрожа от страха, я обернулся и увидел, что это было щупальце другого чудовищного краба, очутившегося у меня за спиной. Его свирепые глаза вращались, рот был раскрыт в предвкушении добычи, огромные, неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и чудовищ отделил от меня целый месяц. Но я все еще находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они ползали взад и вперед под мрачным небом, среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу передать вам, какое страшное запустение царило в мире. На востоке — багровое небо, на севере — темнота, мертвое соленое море и каменистый берег, по которому медленно ползали мерзкие чудовища. Ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, вызывающий боль в легких, — все это производило ужасное впечатление! Я перенесся на столетие вперед и увидел все то же багровое солнце — только немного больше и тусклее, — тот же умирающий океан, тот же серый холодный воздух и тех же ракообразных, ползающих среди красных скал и зеленых лишайников. А на западе, над самым горизонтом, я увидел бледный серп, напоминавший огромную нарождающуюся луну.

Так я продолжал передвигаться по времени огромными прыжками, каждый в тысячу лет и больше, увлеченный судьбой Земли, и в почти гипнотическом состоянии наблюдая, как Солнце на западе становится все более огромным и тусклым. Наконец, примерно через тридцать миллионов лет огромный красный купол Солнца заслонил собой десятую часть потемневшего неба. Я остановился, так как многочисленные крабы уже исчезли. Красноватый же берег казался безжизненным и был покрыт лишь бледными мхами и лишайниками. Местами виднелись пятна снега. Я

ощущал ужасный холод. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке, под звездами, усеявшими траурное небо, блестел снег и высились иззубренные вершины красновато-белых гор. Прибрежную полосу моря сковал лед, и на воде были видны огромные ледяные глыбы; однако большая часть соленого океана, кровавого от лучей негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся в поисках каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Однако ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах показывали, что жизнь еще не совсем угасла. Море отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я вгляделся пристальнее, то ничего не заметил; я решил, что зрение подвело меня и это был просто черный камень. На небе горели яркие звезды, и мне показалось, что они почти перестали мерцать. Вдруг я увидел, что диск Солнца на западе стал менять свои очертания. На его краю показалась какая-то трещина или впадина, которая все более увеличивалась. С минуту я в ужасе смотрел, как на Солнце напозала темнота, а потом понял, что начинается затмение. Наверное, Луна или Меркурий проходили перед солнечным диском. Разумеется, прежде всего я подумал о Луне, но позже решил, что в действительности очень близко к Земле перед Солнцем прошла одна из крупных планет нашей системы.

Тьма на двигалась быстро. Восточный ветер налетал холодными порывами, и в воздухе еще гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня донеслись всплески волн. Но кроме этих мертвенных звуков, ничего не было — в мире царила тишина. Невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни: блеяние овец, пение птиц, жужжание насекомых, движение и суета, которые нас окружают, — все отошло в прошлое. Мрак сгущался, снег падал гуще, белые хлопья плясали у меня перед глазами, мороз усиливался. Белые вершины далеких гор одна за другой погружались в темноту. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень приблизилась ко мне. Через мгновение на небе остались только бледные звезды, а вокруг была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас перед безбрежной тьмой охватил все мое существо. Пронизывающий холод и боль при дыхании стали невыносимы. Я дрожал и чувствовал сильную тошноту. Затем, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я внезапно снова увидел на отмели, среди красноватой морской воды, какое-то движение. Теперь сомневаться не приходилось. Это

оказалось нечто круглое, величиною с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца. Мяч казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Однако ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня забраться в седло.

12

И тогда я отправился назад. Долгое время я лежал без чувств на Машине. Опять начались мерцающие смены дней и ночей, снова Солнце заблестело золотом, а небо — прежней голубизной. Я дышал с большей свободой. Внизу подо мной быстро изменялись очертания земли. Стрелки на циферблатах вертелись в обратную сторону. Наконец я вновь увидел неясные очертания зданий периода упадка человечества. Они изменялись, исчезали, появлялись другие. Когда стрелка, показывавшая миллионы дней, остановилась на нуле, я уменьшил скорость. Я начал узнавать знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отмечавшая тысячи дней, возвращалась ко времени отправления, ночь и день сменяли друг друга все медленней. Стены лаборатории снова сомкнулись вокруг меня. Я осторожно замедлил движение Машины.

Мне пришлось пронаблюдать странное явление. Я уже говорил, что, когда отправился в путь и еще не развил большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвращался, то снова миновал минуту, в которую она проходила по лаборатории. Однако теперь каждое ее движение было обратным. Сперва открылась дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за дверью, в которую прежде вошла. Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, будто вспышка.

Я остановил Машину и снова увидел свою любимую лабораторию, инструменты и приборы — в том же виде, в каком я их оставил. Полностью разбитый, я сошел с Машины и присел на скамью. Дрожь пробежала по моему телу. Затем понемногу я начал приходить в себя. Лаборатория была той же, что всегда. Мне казалось, что я спал и все это мне приснилось.

Но нет, совершенно точно нет! Машина Времени отправилась в путешествие из юго-восточного угла лаборатории, а вернулась в северо-западный. Она остановилась напротив той стены, у которой вы ее видели. Точно такое же расстояние было от лужайки до

пьедестала Белого Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Некоторое время мое сознание пребывало в состоянии застоя. Наконец я встал и прошел сюда по коридору, хромая. Пятка моя еще болела, к тому же я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Pall Mall Gazette». Она была сегодняшняя, а взглянув на часы, я увидел, что было около восьми. Потом я услышал ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти: я был слишком слаб и утомлен! Но затем я почувствовал приятный запах еды и открыл дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и рассказал вам свою историю.

— Я знаю, — сказал Путешественник во Времени, помолчав, — все это кажется совершенно невероятным. Для меня же самое невероятное состоит в том, что я сижу здесь, в этой знакомой комнате, вижу ваши дружелюбные лица и рассказываю вам про свои приключения.

Он взглянул на Доктора.

— Нет, я не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь, за пророчество... Считайте, что я увидел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте, что я раздумывал о будущем человечества и придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но даже относясь к моей истории как к выдумке, что вы обо всем этом думаете?

Он вынул изо рта трубку и начал по старой привычке нервно постукивать ею о прутья каминной решетки. С минуту все молчали. Затем послышался скрип стульев и шарканье ног по полу. Я отвел глаза от лица Путешественника во Времени и посмотрел на его слушателей. Они сидели в тени, а блики от огня в камине скользили по их лицам. Доктор пристально вглядывался в лицо рассказчика. Редактор, закулив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел часы в руках. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Глубоко вздохнув, Редактор поднялся с места.

— Какая жалость, что вы не пишете статей, — сказал он, кладя руку на плечо Путешественника во Времени.

— Вы не верите?

— Ну, видите ли...

— Я и не надеялся.

Путешественник во Времени повернулся к нам.

— Где спички? — спросил он.

Он зажег спичку и, раскурив трубку, сказал:

— По правде говоря... я и сам себе верю с трудом, но все же...

Его глаза с немым вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Затем он повернул руку, в которой держал трубку, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и начал рассматривать цветы.

— Какие странные пестики у этих растений, — сказал он.

Психолог наклонился вперед и протянул руку к одному из цветков.

— Ручаюсь головой, что уже четверть первого, — сказал Журналист. — Как же мы доберемся домой?

— На станции полно свободных кэбов, — сказал Психолог.

— Странная вещь, — произнес Доктор. — Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собой?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

— Разумеется, нет, — наконец сказал он.

— Серьезно, где вы их взяли? — спросил Доктор.

Путешественник во Времени приложил руку ко лбу. Казалось, он старается сосредоточиться на какой-то мысли, которая только что пришла ему в голову.

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал во времени.

Он оглядел комнату.

— Все плывет у меня в глазах. Эта комната, вы и вся знакомая обстановка не вмещаются в моей голове. Строил ли я когда-нибудь Машину Времени или ее модель? Может быть, это был сон? Говорят, вся жизнь — только сон. К тому же скверный, жалкий, короткий сон, но другой все равно не приснится. Бред какой-то. И откуда взялся этот сон?.. Я должен посмотреть на мою Машину. Существует ли она?..

Он схватил лампу и пошел по коридору. Пламя колебалось и временами вспыхивало красным. Мы последовали за Путешественником во Времени. Освещенная трепещущим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами предстала та же самая Машина из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я дотронулся до нее. Она была здесь, осязаемая и реальная. Темные пятна покрывали слоновую кость, а на нижние части налипли комья травы и мха. Одна из металлических полос была погнута.

Поставив лампу на скамью, Путешественник во Времени потрогал поврежденную полосу.

— Все ясно, — сказал он. — То, что я вам рассказал, правда. Простите, что я привел вас сюда, на холод..

Он взял лампу. Никто не сказал ни слова, и мы молча вернулись в курительную.

Провожая нас, Путешественник во Времени помог Редактору надеть пальто. Доктор посмотрел Путешественнику в лицо и неуверенно сказал, что он переутомлен, чем вызвал у того громкий смех. Помню, как Путешественник во Времени, стоя в дверях, крикнул нам вслед несколько раз: «Спокойной ночи!».

Я ехал в одном кэбе с Редактором. По его словам, услышанный нами рассказ был «эффектным вымыслом». Что касается меня, то я не мог сделать никаких заключений. Этот рассказ был невероятным и фантастическим, но тон рассказчика казался слишком искренним и правдивым. Почти всю ночь я не спал и думал об услышанном. На другое утро я решил снова увидеть Путешественника во Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Однако лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени и дотронулся рукой до рычага. В тот же миг она, вроде бы такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как лист от порыва ветра. Это потрясло меня, и в голове мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я пошел обратно. Пройдя по коридору, в курительной я столкнулся с Путешественником во Времени. Он собирался уходить. В одной руке он держал небольшой фотографический аппарат, в другой — сумку. При виде меня Путешественник рассмеялся и протянул для пожатия локоть.

— Я очень занят, хочу опять побывать там, — сказал он.

— Значит, это правда? — спросил я. — Вы действительно путешествуете во времени?

— Да, действительно и несомненно.

Он посмотрел мне в глаза. На его лице отразилась нерешительность.

— Мне нужно всего полчаса, — сказал он. — Я знаю, зачем вы пришли, и это очень мило с вашей стороны. Посмотрите пока журналы. Если вы подождете до завтрака, я докажу вам возможность путешествия во времени, доставлю образцы и все прочее... Вы позволите мне уйти?

Я согласился, не осознав всего значения его слов. Он кивнул и вышел в коридор. Я услышал, как хлопнула дверь лаборатории, сел и начал читать газету. Что он собирается делать до завтрака? Взглянув на одно из объявлений, я внезапно вспомнил, что в два часа обещал встретиться с Ричардсоном по делам издательства. Я посмотрел на часы и понял, что опаздываю. Я встал и двинулся по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику во Времени.

Взявшись за ручку двери, я услышал короткое восклицание, треск и удар. Когда же я открыл дверь, то очутился в водовороте

воздуха и услышал звук разбитого стекла. Путешественника во Времени в лаборатории не было. Мне почудилось, что передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на вращающейся массе из черного дерева и бронзы. Фигура была настолько призрачной, что скамья позади нее, где лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Однако едва я успел протереть глаза, как это видение исчезло. Пропала и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виднелось легкое облако оседающей пыли. Одно из стекол окна оказалось разбито.

Я стоял в изумлении. Я видел, что случилось нечто необычное, но не мог понять, что именно. Пока я стоял, дверь, ведущая в сад, открылась, и на пороге показался слуга.

Мы посмотрели друг на друга. В голове у меня мелькнула внезапная мысль.

— Скажите, мистер... вышел из двери? — спросил я.

— Нет, сэр, никто не выходил. Я думал, он здесь.

Я все понял. Рискую рассердить Ричардсона, я остался ждать возвращения Путешественника во Времени, дожидаться его нового, может быть, еще более странного рассказа и образцов и фотографий, которые он мне обещал. Теперь я подозреваю, что никогда его не дождусь. Прошло три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся.

ЭПИЛОГ

У нас нет выбора — нам остается лишь гадать. Вернется ли когда-нибудь Путешественник во Времени? Может быть, он унесся в прошлое и попал к дикарям палеолита? Или в пучину мелового моря? Или оказался среди чудовищных ящеров и огромных земноводных юрского периода? Может быть, и сейчас — если слово «сейчас» здесь допустимо — он бродит в одиночестве по какому-нибудь кишашему плезиозаврами коралловому рифу или по пустынным берегам морей триасового периода? А может быть, он отправился в будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из менее отдаленных веков, когда люди еще оставались людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и общественные проблемы, доставшиеся им в наследство от нашего времени? Сам я не могу поверить, что наш век, век только что начавшихся исследований, бессвязных теорий и разногласий по основным вопросам науки и жизни оказался кульминационным пунктом развития человечества! Так, по крайней мере, я думаю. Что же до него, то он

придерживался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом еще до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда скептически относился к прогрессу человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочной груды материала, которая в конце концов должна рухнуть и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить, думая, что этого не произойдет. Для меня будущее неведомо, наполнено загадками и только кое-где освещено его удивительным рассказом. В утешение я храню два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как доказательство того, что даже в то время, когда исчезли сила и интеллект человека, благодарность и нежность продолжали жить в его сердце.

1895

Кэмпбелл Джон

СУМЕРКИ

— Поговорим о попутчиках, — сказал Джим Бенделл с несколько смущенным видом. — На днях я подобрал одного человека, и он не походил на обычного парня. — Джим рассмеялся, но как-то неестественно. — Он рассказывал невероятные вещи. Большинство из них ведь говорит только о том, как потеряли хорошую должность и теперь стремятся найти работу на Западе. Они не знают, сколько народу живет здесь. Они думают, что эта огромная прекрасная страна необитаема.

Джим Бенделл — агент по продаже недвижимости, и я понял, о чем пойдет речь дальше. Это его излюбленная тема, знаете ли. Он действительно обеспокоен положением с земельными участками в нашем штате. И при этом любит порассуждать о нашем прекрасном крае, хотя никогда не уезжает далеко от города. Пустыня его пугает. Так что я поспешил вернуть его к начавшемуся было рассказу.

— И что он заявлял? Будто он старатель, который не может найти земли для изысканий?

— Это не смешно, Барт. Нет, он даже ничего не заявлял. Он не заявлял — просто рассказывал. Видишь ли, он не говорил, что это правда, он только рассказывал. Это не дает мне покоя. Я знаю, что это не может быть правдой, но как он это рассказывал. О, я не знаю...

Я понял, что он в затруднении. Джим Бенделл обычно говорил на очень чистом английском — и всерьез гордился этим. Если он запинается, то, значит, по-настоящему обеспокоен. Как

в тот раз, когда принял гремучую змею за палку и хотел положить в огонь.

Джим продолжал:

— И еще его странная одежда. Она выглядела как серебряная, но была легкой как шелк. И в ночи она немного светилась.

Я подобрал его в сумерках. Именно «подобрал». Он лежал в десяти футах от обочины Южной Дороги. Сначала я подумал, что кто-то сбил его и не остановился. Видишь ли, было не очень хорошо видно. Я поднял его, положил в машину и тронулся. Мне надо было проехать еще три сотни миль, и я рассчитывал оставить его в Уоррен Спринге, у доктора Вэнса. Но он пришел в себя через пять минут и открыл глаза. Он огляделся вокруг, рассмотрел машину, потом взглянул на Луну.

— Слава Богу! — сказал он, и только затем посмотрел на меня. Это привело меня в шок. Он был красив. Нет, он был прекрасен.

Нет, даже не так. Он был восхитителен. В нем было шесть футов и два дюйма, как мне кажется, волосы коричневые с красно-золотистым оттенком. Они напоминали тонкую проволоку, но курчавились и изгибались. Его лоб был широк, вдвое шире, чем мой. Черты лица оказались изящными, но потрясающе выразительными, глаза были серые, почти стального цвета и куда больше моих. Его костюм напоминал купальный в паре с пижамными брюками. Руки — длинные и загорелые, как у индейца. Но он был белым, а загар — скорее золотистый, чем коричневый.

Но он был великолепен. Самый чудесный человек, которого я когда-нибудь видел.

— Хеллоу! — сказал я. — Попали в аварию?

— Нет. Не в этом времени, во всяком случае.

И голос его тоже был восхитителен. Это был необычный голос. Он звучал, подобно органу, но только исходил из уст человека.

— Мой разум еще не пришел в норму. Я проводил эксперимент. Назовите мне сегодняшнюю дату, день и год. Тогда посмотрим... — продолжил он.

— Что?.. 9 декабря, 1932, — сказал я.

Это явно не обрадовало его. Кривая усмешка пробежала по лицу.

— Больше тысячи, — произнес он задумчиво. — Не так плохо по сравнению с семью миллионами. Я не могу жаловаться.

— Семью миллионами чего?

— Лет, — сказал он спокойно. Будто это вовсе и не трогало его. — Однажды я проводил эксперимент. Или хотел провести его. Или проведу его. Эксперимент в 3059 году. Я исследовал пространство. Время здесь не причем, я уверен. Это было пространство. Я почувствовал, что попал в это поле, но не смог вырваться наружу.

Поле гамма-Эйч 481, интенсивностью 935 по шкале Пеллмана. Оно засосало меня, но затем я вырвался. Я думаю, что оно сделало небольшой разрыв в пространстве, в том месте, где будет находиться Солнечная система. Оно забросило меня в будущее через высшие измерения, эффективно превысив скорость света.

Он не рассказывал это мне, понимаешь. Он будто размышлял или бредил. А затем снова осознал, что я рядом.

— Я не мог настроить их инструменты, семь миллионов лет эволюции изменили все. И поэтому немного промахнулся. Я живу в 3059 году. Но расскажите мне, какое самое значительное научное изобретение существует в ваше время?

Он поразил меня так, что я ответил прежде, чем подумал.

— О, телевидение, я полагаю. Радио. И самолеты.

— Радио — хорошо. Здесь должны быть инструменты.

— Но подождите, кто вы?

— А... Извините. Я забыл. — Извинение слышалось в его музыкальном голосе. — Я Арес Сен Кенлин. А вы?

— Джеймс Уотерс Бенделл.

— Уотерс — что это значит? Я не могу распознать.

— Что... Это имя, естественно. Почему вы должны распознавать его?

— Я понял — у вас нет классификации. «Сен» означает «ученый».

— Откуда вы взялись, мистер Кенлин?

— Откуда взялся? — Он улыбнулся, и голос его был тих и мягок. — Я пришел из пространства, отделенного от этого семью миллионами лет. Или больше. Они потеряли счет годам, эти люди. Машины ликвидировали все казавшиеся излишними службы. Поэтому не знаю — в каком точно году я был. Но до этого, моим домом был Нева-Сити в 3059 году.

Вот тогда я подумал, что он, псих.

— Я был экспериментатором, — продолжил он. — Ученым, как я уже сказал. Мой отец тоже был ученым, но в области человеческой генетики. Я сам оказался его экспериментом. Он доказал свою правоту, и весь мир последовал за ним. Я был первым из новой расы.

— Новая раса! О, святые небеса... Какой же... Какой же будет...

— Каков будет конец? Я почти его видел. Я видел их — маленьких людей, недоумевающих, потерянных. И машины.

— Может ли это быть? И ничего нельзя изменить?

— Слушайте. Я спою песню.

Он запел. После этого он уже мог дальше не рассказывать мне об этих людях. Я все понял. Я услышал их голоса, их странные,

скрипучие, неанглийские слова. Я смог почувствовать их недоумение, их заглушающие желания. Все звучало в минорном ключе, как мне кажется. Песня звала, звала и спрашивала, и безнадежно искала ответ. И сквозь нее слышался шум и рокот неизвестных, забытых машин.

Машин, которые никогда не останавливались. Потому что однажды их запустили, а теперь маленькие люди забыли — как можно остановить их. И все, что они могли, — смотреть на них, слушать и поражаться. Они не умели больше читать или писать, и язык тоже изменился, видишь ли, так что звуковые записи предков ничем не могли им помочь.

Но песня продолжалась, и в ней зазвучало удивление. Они смотрели в пространство и видели теплые, дружественные звезды — так далеко. Девять планет они исследовали и населили. Но глядя в бесконечные расстояния, они не видели других рас, новой жизни.

И сквозь все это — два мотива. Машины. Тоже недоумевающие и полностью забытые. И, может быть, еще что-то. Что?

Эта песня обдала меня холодом. Ее нельзя слушать людям нашего времени. Песня убивала нечто. Она убивала надежду. После этой песни я поверил ему.

Когда он закончил петь, то молчал некоторое время. Он будто пребывал в шоке.

— Вы не поймете, — продолжил он. — Но я в самом деле видел их. Они стояли вокруг, маленькие потерянные люди с огромными головами. Однако эти головы были пусты. Они имели машины, которые думали, но никто не использовал их давным-давно и не знал, как их остановить. И не только в этом было их несчастье. Они имели чудесные мозги. Гораздо лучше ваших или моих. Но прошли, должно быть, миллионы лет с тех пор, как они пользовались ими, и они просто разучились думать. Дружелюбный маленький народ. Это было единственное, что у них осталось.

Когда я очутился в этом поле, оно захватило меня, подобно гравитационному полю, прижимающему космический транспорт к планете. Оно всосало меня, а затем выплюнуло. Только с другой стороны — более чем на семь миллионов лет в будущем. Вот где я оказался. Это должна была бы быть та же самая точка на поверхности Земли, но я не знал, так ли это.

Была ночь, и я увидел город неподалеку. Луна уже поднялась, и все виделось очень ясно. Видите ли, за семь миллионов лет человек изменил околоземное пространство, очистив его от астероидов и тому подобного космического мусора, чтобы свободно дви-

гаться по космическим линиям. К тому же семь миллионов лет — достаточно долгий срок, чтобы позиции небесных тел изменились естественным путем. Теперь Луна находилась на пятьдесят тысяч миль дальше. И она вращалась вокруг своей оси. Я лежал в молчании и наблюдал за ней. Даже звезды изменились.

Над городом летали воздушные корабли. Назад и вперед, двигаясь как по проволоке — только по силовой проволоке, естественно. Нижняя часть города была залита светом, напоминавшим сияние ртутных ламп. Сине-зеленым. Я понял, что люди не живут здесь, свет был неприятен для глаз. Вершина городских зданий была едва освещена.

Затем я увидел, как нечто спустилось на город с неба. Оно было ярко освещено. Огромный шар, который опустился в центр большой черно-серебряной массы, находившейся в городе.

Не знаю почему, но я осознал, что город пуст. (Странно, что я смог это сообразить, ведь никогда раньше я не видел опустевших городов.) Однако я прошел пятнадцать миль и ступил на его улицы. Здесь были видны машины — ремонтные машины, скорее всего. Они работали, так как не могли понять, что нет необходимости в функционировании города, и не могли поэтому остановиться. Я нашел такси, которое выглядело достаточно привычно. И верно — у него было ручное управление, с которым я мог справиться.

Я не знаю, как давно город опустел. Позже некоторые из людей в других городах говорили, что это случилось сто пятьдесят тысяч лет назад. Другие утверждали, что больше — триста тысяч. Триста тысяч лет нога человека не ступала на мостовые этого города. Но такси было в отличном состоянии и работало. Оно было чистым, так же как и весь город — чист и в полном порядке. Я решил подъехать к ресторану, потому что сильно проголодался. Но еще больше я хотел поговорить с людьми. Однако здесь никого не было.

В ресторане можно было выбрать любые блюда, и я сделал заказ. Как я думаю, еда тоже было триста тысяч лет, но машины обслужили меня. Они спокойно работали, по-прежнему делая вещи синтетические, но превосходные. Когда строители создавали эти города, они забыли одну вещь. Невозможно создать ничего, что будет необходимо вечно.

Потом мне понадобилось шесть месяцев, чтобы подготовить мое возвращение в прошлое. И в течение всего этого времени машины действовали так же слепо, с невообразимым совершенством, которое их создатели вложили в них. Совершенством, сохранившимся после смерти их создателей и сыновей создателей, и даже когда сыновья их сыновей перестали использовать эти машины.

Когда Земля замерзнет и Солнце умрет, машины будут работать. Когда Земля начнет разрушаться, эти совершенные, безупречные машины попытаются починить ее...

Я покинул ресторан и поехал по городу на такси. У машины был небольшой электрический мотор, но энергия к нему, я уверен, подавалась из огромного центрального излучателя. К этому моменту я уже твердо осознал, что нахожусь далеко в будущем. Город был разделен на две секции, а секции на множество уровней, где машины слаженно работали, издавая низкий мурлыкающий звук, эхом распространявшийся вокруг, подобно нескончаемой песни энергии. Металлические корпуса в других местах отзывались на этот звук, передавали его, мурлыкали в унисон. Это было легкое, успокаивающее и утешающее пение.

Здесь было не менее тридцати уровней над землей и более двадцати под ней — прочные блоки металлических стен, металлические этажи, металлические, стеклянные и силовые машины. И единственное освещение — сине-зеленое сияние ртутных ламп. Лучи ламп были обогащены высокочастотной энергией, со стимулированием атомов щелочных металлов к фотоэлектрической активности. Или подобная технология еще не известна ученым ваших дней? Я забыл.

Но создатели города использовали этот свет, потому что многие из работающих машин должны были видеть. И все машины были чудесны. Пять часов я бродил по просторным энергетическим площадям на обширных уровнях, наблюдая за ними, и оттого что они двигались, вели свою механическую псевдожизнь, я почувствовал себя менее одиноким.

Использовавшийся машинами энергетический генератор, как я увидел, был основан на изобретении, которое некогда сделал я сам. Они преобразовывали энергию из материи, я уверен, и поэтому думаю, что они смогут работать еще бесчисленное количество лет.

Самый нижний блок города был целиком заполнен машинами. Тысячами. Но большая часть из них стояла в бездействии. Я отыскал телефонный аппарат, но он молчал. В городе не было жизни. Правда, когда я нажал маленькую кнопку рядом с экраном на стене комнаты, машины начали работать, не останавливаясь. Они были готовы, хотя в этом не было никакой необходимости. Люди знают, как умирать, и будут умирать, но машины — нет.

Наконец я поднялся на вершину города, на высший уровень. Здесь находился рай.

Кустарники, деревья и трава освещались легким сиянием, казалось, возникавшим из воздуха. Сияние распространялось в прост-

ранстве — легкий серебряный и одновременно чуть розовый свет, и сады были освещены им. Люди выращивали здесь растения пять миллионов лет или больше. А потом они их забросили на два миллиона лет. Но машины не забыли о растениях. Сейчас машин не было видно, но я знал, что днем они придут и будут работать в этих садах, сохраняя рай для своих мертвых хозяев.

В пустыне за городом было прохладно и очень сухо. Здесь же воздух был легким, теплым и свежим; в нем ощущался аромат цветов, который люди совершенствовали сотни и тысячи лет.

Затем где-то зазвучала музыка. Она звенела в воздухе, мягко распространяясь вокруг. Луна только зашла, и после ее исчезновения ушло и розовато-серебристое сияние, а музыка стала громче.

Она шла отовсюду и ниоткуда. Она проникала внутрь меня. Я не знаю, как это делалось. И не знаю, как вообще такая великолепная музыка могла возникнуть.

Дикари создают музыку слишком простую, чтобы она была прекрасной, но она может взволновать. Полудикари пишут музыку прекрасно простую и просто прекрасную. Ваши негритянские мелодии просто превосходны. Негры не только слышат музыку, они ощущают ее своей кровью. Полуцивилизованные народы создали великие музыкальные произведения. Но то, что я слышал, было выше любого из них. Это была вершина в развитии музыки.

Я всегда считал музыкальные сочинения своего времени прекрасными. Но то, что сейчас звучало в воздухе было песней достигшей зрелости расы, песней человечества в эпоху его триумфа. Величественные звуки гремели вокруг, они звали меня за собой, показывали то, что лежало впереди, и уносили туда.

А затем звуки погасли в воздухе, и я вновь увидел опустевший город. Машины забыли, о чем эта песня. Их хозяева тоже — давным-давно.

Я вошел в один из заброшенных домов. Полуосвещенный дверной проем был едва виден, но когда я подошел к нему, светильник, не работавший триста тысяч лет, загорелся зелено-белым светом, похожим на мерцание светлячка. Я перешагнул через порог комнаты, и внезапно что-то случилось с воздухом за дверью — он стал непрозрачным как молоко. Все в комнате, казалось, было сделано из металла и камня. Камень походил на застывшую смолу с поверхностью, напоминавшей вельвет, а металл выглядел как серебро и золото. Здесь был ковер на полу из материала, похожего на тот, в который я одет, но более плотного и мягкого. Диваны стояли по всей комнате, низкие и покрытые тем же мягким металлическим материалом. И они тоже были черные, золотые и серебряные.

Я никогда не видел ничего подобного. И не увижу в дальнейшем, я думаю. И ни мой, ни ваш язык не смог бы все это толком описать.

Строители этого города имели полное право создать и исполнять ту песню окончательного триумфа, триумфа покорителей девяти планет и пятнадцати обитаемых лун.

Но здесь их больше не было, и я решил уйти. Я отправился дальше и увидел телефонный пункт, где вскоре обнаружил карту. Старый мир изменился мало. Семь или даже семьдесят миллионов лет почти ничего не значили для старой матушки Земли. Она будет успешно существовать, пока будут приходить в негодность чудесные города машин. Она будет существовать сотни и тысячи миллионов лет после того, как они вообще исчезнут.

Я пытался дозвониться до различных городов, обозначенных на карте. (Систему связи я понял, как только испробовал центральный аппарат.)

Я позвонил один раз, два, три, дюжину... Йок-Сити, Ланон-Сити, Пари, Шкаго, Сингпор и другие. Я начал подозревать, что нет больше людей на Земле. Меня потрясло то, что только машины отвечали мне в каждом городе. Только они были даже в более обширных городах, нежели Нева-Сити, откуда я звонил. Это ведь был маленький город. Йок-Сити, например, достигал более чем восьмиста километров в диаметре.

В каждый город я звонил по нескольким служебным номерам. Наконец я позвонил в Сан-Фриско. Внезапно раздался отвечающий голос, а затем появилось изображение человека на маленьком мерцающем экране. Я мог видеть, как человек изумленно посмотрел на меня. Затем он попытался заговорить. Я ничего не понял, естественно. Я могу понимать вашу речь, а вы — мою, потому, что от вашего времени дошли многочисленные записи и они повлияли на наш язык.

Кое-что, конечно, изменилось. Названия городов, в частности. Это произошло потому, что они многосложные и часто использовались. Люди стремились упростить их, сократить. Я нахожусь в Не-ва-де — так вы говорите? Мы говорим только Нева. И Йок-Сити. Но Огайо и Айова произносятся по-прежнему. Через тысячу лет изменения были небольшими, потому что оставались записи.

Но прошло уже семь миллионов лет, люди забыли о старых книгах и документах, перестали их использовать, и язык изменился до такой степени, что они не могли прочитать никаких записей. И они не записывают ничего нового, конечно же.

Некоторые люди пытались возродить прошлое расы и изучить его, но неудачно. Древние записи можно перевести, только если

известны базовые правила. И вот голоса прошлого ушли — когда раса забыла законы науки и принципы работы мозга.

Его речь была так странна для меня, слушавшего по телефону. Его голос был высок, слова — плавные, тон — мягкий. Когда он говорил, это больше походило на песню. Он разволновался и позвал других людей. Я не мог понять их, но знал, где они были. И я хотел отправиться к ним.

Итак, я решил покинуть райские сады, но, готовясь уйти, посмотрел на небо. Странно мерцающие звезды тускнели и гасли. Только одна звезда светила на привычном месте — Венера. Теперь она сияла золотым светом. Вспомнив о том, как я в первый раз разглядывал эти чужие небеса, я понял, что первое впечатление было ошибочным. Звезды были абсолютно иными.

В мое время и в ваше тоже Солнечная система — это одинокий странник, который движется по перекрестку галактических путей. Звезды, которые вы видите ночью, — это звезды из движущихся скоплений. Фактически наша система проходит сквозь сердце скопления Большой Медведицы. Около полудюжины звездных групп располагаются в пределах пятисот световых лет вокруг нас.

Но за семь миллионов лет Солнце покинуло эту группу. Для глаз наблюдателя небеса были почти пусты. Только кое-где мерцали одинокие звезды. Да широкой полосой пересекала черное небо лента Млечного Пути. Небеса были пустынные.

И это было то, что также отразилось в песнях людей будущего и тенью легло на их сердца. Одиночество — даже без знакомых, дружелюбных звезд. От нас звезды находятся в полудюжине световых лет. В будущем же люди говорили мне, что измерили расстояние до ближайшей звезды и поняли, что она находится в ста пятидесяти световых годах от них. Она сияла сверхъестественным светом. Ярче, чем даже Сириус в наших небесах. И она казалась совсем чужой, потому что была бело-голубым сверхгигантом. Наше Солнце могло бы служить этой звезде спутником.

Я стоял и наблюдал, как умирает розовато-серебряное сияние светильников и могущественные кроваво-красные лучи Солнца появляются над горизонтом. Я видел звезды после того, как оказался в миллионах лет от своего времени, но в первый раз увидел поднимающееся Солнце. И его нездоровый красный свет заставил меня подумать, что оно тоже умирает.

И вот Солнце появилось, кроваво-красное и огромное. Оно поднималось выше, свет менялся, и через полчаса на небе сиял привычный желто-золотой диск.

Он не изменился за все прошедшие годы.

И было бы безумием думать иначе. Семь миллионов лет — если это ничто для Земли, то что могло произойти с Солнцем? Более двух тысяч тысяч тысяч раз оно поднималось на небо, с тех пор, как я последний раз видел его восход. Две тысячи тысяч тысяч дней. Прошло множество лет, но я не мог отметить никаких изменений.

Вселенная движется медленно. Одна только жизнь непродолжительна, одна только жизнь меняется легко. Восемь коротких миллионов лет. Восемь дней жизни Земли — и раса умирает. После нее останутся машины. Но и они умрут, даже если и не понимают этого. Так я считал. Возможно, я что-то изменил. Я расскажу вам об этом. Позже.

Когда Солнце поднялось высоко, я осмотрел небо и землю с высоты в пятьдесят этажей. Я хотел отправиться к границе города.

Машины давно выровняли поверхность пустыни. Вдалеке широкая серая линия пересекала землю с запада на восток. Я видел, что она слабо сверкает под лучами Солнца, — это была дорога для наземных машин. Но на ней не было движения.

Я увидел воздушный корабль, летевший с востока. Он двигался с легкостью, сопровождаемый звуком, напоминающим детский плач; и он увеличивался на глазах, словно раздувающийся шар. Корабль оказался просто огромным, когда сел на большую посадочную площадку в городе. Затем я услышал лязг и ворчание машин, разгружавших доставленные материалы. Одни машины заказывали материалы. Другие поставляли их из соседних городов. Грузовые машины доставляли материалы сюда.

Сан-Франсиско и Джексвилль были двумя городами в Северной Америке, где еще обитали люди. Но машины работали и во всех других городах, потому что не могли остановиться. Никто не отдавал им такого приказа.

Затем высоко над городом, над его центральной частью появились три небольших розовых сферы. Как и у грузового корабля, у них не было заметно двигателя. В небе же, подобно черной звезде в голубом небе, внезапно возникла маленькая луна. Три сферы встретили ее высоко в воздухе. Затем они вместе опустились в центр города, где я их уже не мог видеть.

Это был грузовой транспорт с Венеры. Я уверен, что еще один, только прилетевший с Марса, я видел ночью.

Я пошел прочь, надеясь обнаружить что-нибудь вроде летающего такси. Но ничего похожего найти так и не смог. Я обыскал верхние уровни, где видел брошенные воздушные корабли, но они

либо оказывались слишком большими для меня, либо у них просто не было приборов управления.

Наступил полдень, и я снова поел. Еда была все так же хороша.

Мне стало казаться, что этот город засыпан прахом человеческих надежд. Надежд не одной-единственной расы, белой, желтой или черной, но надежд всего человечества. Я хотел покинуть этот город. Однако я боялся ехать по наземной дороге на такси — я слишком хорошо понимал, что оно подпитывается от некоего источника энергии в городе и наверняка остановится через несколько миль.

Было уже далеко за полдень, когда я обнаружил маленький ангар возле одной из стен пустого города. В нем находились три корабля. Поиски же я начал с нижних уровней секции для людей. Здесь были рестораны, магазины и театры. Я вошел в одно здание, и в этот миг зазвучала легкая музыка, и на экране передо мной появился цвет.

Это опять была триумфальная песня возмужавшей расы, только сопровождавшаяся изображением и светом. Песнь расы, которая шла вперед в течение пяти миллионов лет, пока ее путь не оборвался, а сама она не остановилась и не умерла. И города ее тоже умерли — но не остановились. Я поспешил уйти оттуда — и песня, которая не звучала триста тысяч лет, умерла за моей спиной.

Но все-таки я нашел ангар. Это явно было частное владение. Три воздушных корабля. Один был, должно быть, пятидесяти футов в длину и пятнадцати в диаметре. Это была яхта, космическая яхта, возможно. Другой — также пятидесяти футов в длину и пяти в диаметре. Это был, наверное, воздушный корабль для всей семьи. И наконец, третий был небольшим аппаратом, менее десяти футов длиной и двух в диаметре. Очевидно, я должен был использовать его.

Корабль был снабжен перископическим устройством, дававшим мне возможность глядеть как назад, так и по направлению движения. Из окна можно было смотреть вниз. И отдельный аппарат управлял картой на экране — холодном ровном стекле. На карте крестик отмечал мое положение.

Я потратил полчаса, чтобы разобраться в устройстве машины. Ее создатели были людьми, обладавшими познаниями пяти миллионов лет развития науки и превосходными машинами своего времени. Я ведь хорошо знаю принципы механики и правила работы различных механизмов. Но здесь не было проводов, только бледные лучи, которые пульсировали так легко, что их пульсацию трудно было заметить. Они сияли так в течение трехсот тысяч лет. А возможно, и больше.

Я сел в машину, шесть лучей безостановочно замерцали вокруг, и дрожь пробежала по моему телу. В этот момент я понял, что машина построена на принципах нейтрализации гравитации. Я надеялся только на то, что уже работал с похожими пространственными полями, вроде того, что открыл перед катастрофой.

Но за прошедшие миллионы лет люди построили совершенные и бессмертные машины. Вес моего тела включил механизмы корабля, и они приготовились к работе. Затем искусственная гравитация, равная земной, охватила меня.

Машина была готова. Она была полностью заправлена и автоматически оснащена всем необходимым. Эти машины — они ведь были почти живыми существами. Робот-механик осматривал их, снабжал необходимым, ремонтировал, когда это было нужно. Если же этого не делалось, как я понял позднее, они автоматически отправлялись в службу обмена и заменялись на точно такие же машины.

Корабль спокойно ждал старта. Управление было простым, очевидным. Рычаг, находившийся слева, при движении вперед направлял машину по курсу, а при движении назад — в обратную сторону. Справа был укреплен горизонтальный, вращающийся стержень. Если вы поворачивали его налево, корабль шел налево, если направо — то направо. Поднимите его — и поднимется корабль, опустите — опустится и он.

Я легко коснулся рычага, и пол ушел вниз. Я передвинул другой, и корабль быстро двинулся через раскрывшиеся ворота. Движение машины было плавным, не чувствовалось даже воздушных колебаний. На приборной доске появилось изображение моей позиции, но я не мог его расшифровать. Карта же не двигалась, как я надеялся до этого. Но все же я начал путешествие на запад.

Я почти не чувствовал ускорения этой замечательной машины. Поверхность просто внезапно ушла вниз, и в один момент город исчез. Карта теперь быстро двигалась, и я понял, что улетаю на юго-восток. Я повернул слегка севернее и сверился с компасом. Затем окончательно скорректировал курс, и корабль полетел вперед.

Я настолько заинтересовался картой и компасом, что был почти испуган резким звонком, после которого помимо моей воли машина поднялась и повернула к северу. Оказывается, на моем пути была гора, я ее не заметил, но корабль отреагировал.

Я также обнаружил кое-что, первоначально меня не заинтересовавшее, — две маленькие ручки, управлявшие картой. Я стал вращать одну из них, раздалось звяканье, и ход машины изменился. В один момент скорость упала, и корабль лег на новый курс. Я пытался повернуть его направо, но приборы управления не реагировали.

Все дело было в карте. Она следовала за курсом или курс следовал за ней — все равно. Я сдвинул карту, и машина взяла контроль за полетом на себя. Здесь была маленькая кнопка, я нажал ее, но не знаю — когда. В конце концов я справился с управлением, но только когда мы остановились в семи дюймах от земли среди руин огромного города — Сакраменто, скорее всего.

Я разобрался с настройкой карты, установил курс на Сан-Франсиско, и корабль опять полетел. Он развернулся среди масс разрушенного камня, нацелился и двинулся вперед — похожая на пулю, самоконтролирующаяся стрела.

Корабль не опустился на землю, когда достиг Сан-Франсиско. Просто раздался гул, и зазвучала легкая музыка. Дважды. Затем он остановился. Я ждал и осматривался кругом.

Здесь были люди. Я впервые видел людей этого времени. Это были маленькие человечки, растерянные, гномоподобные, с огромными непропорциональными головами. Но они не вызывали отвращения.

Меня поразили их глаза. Они были громадны, и когда человечки смотрели на меня, в них чувствовалась сила, но сила слишком глубоко спящая и даже не пытающаяся проснуться.

Я перешел на ручное управление и приземлился. Но как только я вышел, корабль поднялся и улетел. Здесь, оказывается, существовала система автоматической парковки. Корабль прибыл в общественный ангар, недалеко, где его обслужили и припарковали. Существовала и система заказа кораблей — я мог позвонить и вызвать его.

Собравшиеся вокруг меня человечки стали переговариваться друг с другом. (Их речь напоминала пение.) К ним неторопливо подходили все новые и новые люди. Мужчины и женщины, но я не заметил ни стариков, ни слишком молодых. Позже я узнал, что с молодыми здесь обращались с особой осторожностью, следили за каждым их шагом и охраняли от любых опасностей.

Но на это были свои веские причины. Люди будущего жили потрясюще долго. Некоторые проживали более трех тысяч лет. Затем просто умирали. Они не становились при этом стариками, и никто не знал, почему их настигает смерть. Сердце останавливалось, мозг переставал работать — и все заканчивалось. А дети появлялись в будущем очень редко, и поэтому с ними обращались так осторожно. В городе в течение месяца рождался один ребенок на сто тысяч жителей. Человеческая раса постепенно становилась стерильной.

Говорил ли я вам, что люди в будущем были страшно одиноки? Их одиночество было безнадежным. Видите ли, прежде чем человечество

достигло зрелости, оно уничтожило все формы жизни, мешавшие ему. Блезнетворные бактерии. Вредных насекомых. Затем вообще всех насекомых и, наконец, хищных животных.

Равновесие в природе нарушилось настолько, что она просто умерла. Произошло то же, что и с машинами. Люди запустили их — и уже не могли выключить. Люди начали уничтожать жизнь — и уже не смогли остановиться. Сначала они уничтожили сорняки всех сортов, затем множество форм безобидных растений. Затем травоядных: оленей, антилоп, кроликов и лошадей. Те стали угрозой, так как пытались пасть на создаваемых машинами посадках зерновых для людей. Люди ведь тогда еще питались натуральными продуктами.

Вы понимаете меня. Все вышло из-под контроля. И в конце концов люди убили даже обитателей моря — скорее, из самообороны. Без наземных существ, питавшихся с ними, морские твари размножились без предела. Но вот пришло время, когда синтетическая пища заменила натуральную. Воздух подвергся очищению от всякой жизни примерно через два с половиной миллиона лет после нашего времени. От всякой, даже микроскопической жизни.

После этого и воды Земли были очищены. Так пришел конец жизни в океанах. Исчезли микроорганизмы, которые жили за счет бактериальных форм, и мелкие рыбы, питавшиеся микроорганизмами, и рыбы побольше, что пожирали мелких, и огромные рыбы, поедавшие больших, — вся цепочка была уничтожена. Моря стали безжизненными в течение одного поколения. Это прибавило тысячу пятьсот лет жизни людям. Исчезли даже морские растения.

И вот на всей Земле отныне существовал только человек и живые организмы, которым он покровительствовал, — декоративные растения и один вид домашних животных, живших теперь почти столько же, сколько их хозяева. Собаки. Они были замечательными животными. Человек достиг своей зрелости, и теперь его друг-животное, друг, что сопровождал его тысячи тысячелетий до ваших дней и моих и продолжал сопровождать четыре тысячи тысячелетий до дней расцвета человечества, стал разумным.

В древнем музее — в чудесном месте, где среди прочего сохранялись и тела величайших представителей человеческой расы, рождавшихся и умиравших на протяжении пяти с половиной миллионов лет, — в этом музее, теперь пустынном, я увидел чучело одного из таких псов. Его череп был почти так же велик, как и мой. Люди будущего создали простейшие наземные машины, которыми собаки могли управлять, и проводили гонки, в которых участвовали эти разумные псы.

Так человечество достигло зрелости. Этот период продолжался целый миллион лет. В течение этого времени человек настолько ушел вперед, что собаки перестали быть его друзьями. Все меньше и меньше в них нуждались. Но когда миллион лет прошел и род человеческий стал клониться к упадку, собаки уже исчезли. Они вымерли.

И вот отныне в Солнечной системе не было форм жизни, которых люди могли бы сделать своими наследниками. Раньше, когда одна цивилизация гибла, на ее прахе рождалась другая. Теперь же не было ни других цивилизаций, ни других рас, ни даже других видов, кроме некоторых уцелевших растений. Однако человек был слишком стар, чтобы дать разум и возможность передвижения растениям. Но он сохранил лучшие из них.

Другие миры люди заселили в течение миллиона лет. Каждая планета и каждая луна системы были освоены человечеством. Но теперь только на планетах жили люди, спутники опустели. Плутон был оставлен еще до моего прибытия, и теперь люди уходили с Нептуна, двигаясь к Солнцу и своей родной планете. Большинство этих странных, спокойных людей в первый раз видело планету, давшую жизнь человеческой расе.

Едва я вышел из корабля и стал осматриваться вокруг, я понял, — почему человеческая раса умирает. Я смотрел на лица этих людей и читал на них ответ. Одно-единственное качество покинуло их великий разум — более великий, чем ваш или мой. Я просил одного из людей будущего помочь мне в решении некоторых проблем. В пространстве, видите ли, существует двадцать координат, десять из них равны нулю, шесть имеют фиксированные значения и еще четыре представляют собой изменяющиеся, хорошо знакомые нам измерения пространства-времени. Это значило, что мне надо произвести интегрирование не второго, третьего или четвертого — но десятого порядка.

Это могло задержать меня надолго. Я никогда не решил бы эту задачу сам. Я не мог использовать математические машины будущего, а мои, естественно, остались в прошлом, в семи миллионах лет отсюда. Но один из людей будущего заинтересовался и помог мне. Его звали Рео Лантал. Он рассчитывал интегралы четвертого и пятого порядка с переменными экспоненциальными пределами в уме!

Но только когда я просил его. Потому что одна вещь, делавшая человека великим, покинула людей. Когда я посмотрел в их лица и глаза после приземления, я понял это. Они только глядели вокруг, слегка интересовались странно выглядевшим чужаком и уходили. Они пришли посмотреть на прибытие корабля. Редкое событие, видите ли. И они лишь дружелюбно приветствовали меня. Они

не любопытствовали! Человечество утратило инстинкт любопытства.

О нет, не целиком! Их поражали машины, они восторгались звездами. Но больше ничто их не интересовало. Любопытство не окончательно покинуло людей будущего. Но оно умирало. Шесть коротких месяцев я прожил среди них. И за это время я узнал больше, нежели они за две или даже три тысячи лет жизни среди машин.

Можете представить, какое ощущение безнадежности охватило меня? Я, человек, влюбленный в науку, считавший ее средством спасения и возвышения людей, видел чудесные машины, продукт зрелости человечества, забытыми и брошенными. Чудесные, превосходные машины, которые защищали и хранили этих маленьких, добродушных человечков, чувствовавших себя такими одинокими!

Они просто потерялись среди машин. Город поразительными развалинами возвышался над ними, обступал их со всех сторон. Он казался совершенно непонятным явлением, частью природного мира. Он словно и не был построен когда-то; он просто был. Точно так же, как горы, пустыни и вода в морях.

Вы не понимаете — как вы можете понять, что машины существовали дольше, чем все то время, что прошло от зарождения человеческой расы до наших дней? Разве мы знаем легенды наших предков? Помним ли мы их знания о лесе или пещерах? Секрет обработки камня до острого бритвенного лезвия? Секрет выслеживания и убийства саблезубого тигра да еще способ не быть убитым им самим?

Они оказались в подобном положении, потому что прошло слишком много времени, язык слишком изменился и из поколения в поколение о них заботились машины.

Да, внешне планета Плутон была пустынна — но там были обширные шахты, где добывались металлы; машины продолжали функционировать. Их работа охватывала всю Солнечную систему. Единая система превосходных машин.

Но люди будущего еще знали, что если совершить ряд операций, то получится определенный результат. Точно так же, как люди средних веков знали, что если взять некоторый материал, например, дерево, и поджечь его, то оно сгорит и возникнет тепло. При этом они не знали, что дерево начнет окисляться с выделением тепла и образованием двуокиси углерода и воды. Точно так же люди будущего не понимали, как действуют машины, что кормили, одевали и перевозили их.

Я провел у людей будущего три дня. И затем отправился в Джексвилль. Потом — в Йок-Сити. Он был огромен. Все, что на-

ходило на севере от Бостона и на юге до Вашингтона, — все теперь называлось Йок-Сити.

(— Я не поверил, когда он сказал это, — произнес задумчиво Джим. Я понял, в чем было дело. Практичный Джим прикидывал возможность покупки земли в тех местах. С расчетом, что она вырастет в цене. Я знаю Джима. Ему казалось, что семь миллионов лет мало чем отличаются от семи сотен и его отдаленные потомки еще смогут эти земли выгодно продать.)

— Как бы то ни было, — продолжал Джим, — он сказал, что это случилось потому, что города слишком разрослись. Бостон рос на юг. Вашингтон — на север. И Йок-Сити — во все стороны. А города, находившиеся между ними, были просто поглощены.

И это была одна огромная машина, продолжал странник по времени. Она содержала себя в полном порядке и чистоте. Здесь была и транспортная система, доставившая меня с севера на юг города за три минуты. (Я засек время.) Машины научились создавать безопасное ускорение.

Затем я отправился на одном из громадных космических лайнеров на Нептун. Некоторые из них еще летали. И некоторые люди — тоже.

Корабль был огромен. Должно быть, его использовали как грузовик. Он медленно отплывал от Земли, огромный металлический цилиндр в три четверти мили длиной, в четверть мили диаметром. За пределами атмосферы корабль стал разгоняться. Я мог видеть уменьшающуюся Землю. Я летал однажды на одном из наших лайнеров к Марсу, и в 3048 году он вез меня пять дней. Во время полета на лайнере будущего уже за полчаса Земля стала похожа на звезду, рядом с которой светилась другая, маленькая, тускловатая звездочка. Через час корабль пролетел мимо Марса. Восемь часов спустя мы высадились на Нептуне. Находившийся здесь город назывался М'Рин. Он был больше, чем Йок-Сити в мое время, но при этом совершенно безлюдным.

Планета была темной и холодной, ужасающе холодной. С ее поверхности Солнце смотрелось как маленький, бледный диск, негреющий и почти не дающий света. Но город оказался вполне комфортабельным. Воздух был свеж, прохладен и насыщен запахом цветов. И вся огромная металлическая конструкция города слегка содрогалась от шума мощных машин, построивших и обслуживавших его.

Я изучил и расшифровал древние записи, так как уже знал и древние языки, к которым они восходили, и язык эпохи, когда человечество умирало. Поэтому и сумел узнать, что город был построен через три миллиона семьсот тридцать тысяч сто пятьдесят

лет после моего рождения. И с того времени его машин не касалась рука человека.

Но воздух здесь был по-прежнему превосходен. И теплое, серебристо-розовое сияние висело в воздухе, заменяя любую иллюминацию.

Я посетил несколько других городов, где еще жили люди. И там, на окраине человеческих владений, я услышал песню. Песнь Стремлений, как я ее назвал. И другую — Песню Забытых Воспоминаний. Слушайте.

(— Он запел новую песню. Я попробую повторить ее, — сказал Джим.

Нотки неуверенности так странно звучали в его голосе, но в этот момент я его хорошо понимал. Я-то сам сидел рядом с обычным человеком, а Джим общался лицом к лицу со странником во времени и вслушивался в его музыкальный голос. Теперь я понимал, что подразумевал Джим, утверждая: Он не был обычным человеком. Обычный человек не смог бы придумать такую песню. Это правда. Когда Джим запел, я почувствовал нечто большее, чем просто глубокую печаль. Я ощущал, как его разум ищет что-то, что он забыл, пытается вспомнить то, что должен был помнить, и стремится узнать то, что знал некогда... И я чувствовал — это нечто навсегда ускользнуло от него.

Но вот он издал звук, похожий на расстроенное всхлипывание — и песня кончилась. Однако уже под самый конец Джим пропел еще несколько нот. У него не было хорошего музыкального слуха — но прозвучавшее оказалось слишком мощным, чтобы просто его забыть. Это были только несколько невнятных нот. Джим не обладает сильным воображением, я уверен, потому что, когда странник во времени пел ему, он мог бы сойти с ума. Это не должен был слышать современный человек; это не предназначено для него. Вы слышали когда-нибудь разрывающие сердце крики некоторых животных, так похожие на человеческие? Или вопли безумцев? Сумасшедших, которых смертельно мучают?

Подобному здесь было не место. Песня заставляла вас чувствовать то, что ощущал поющий. В ней была заключена сущность последнего крушения человечества. Каждый ведь готов посочувствовать тому, кто потерпел поражение, несмотря на все усилия. Теперь же я слышал песню о том, как все человечество старалось изо всех сил и все же проиграло. И знал, что не будет возможности отыгаться — потому что не будет продолжения игры.

— Он сказал, — продолжал Джим, — что некоторое время жить в будущем было еще интересно. Особенно наблюдать за ма-

щинами, которые не могли остановиться. Но под конец и он не выдержал.)

Я осознал, сказал странник, что не могу жить здесь дальше. В это время человек на Земле вымирал, тогда как я начал жить в эпоху подъема юной расы. Люди будущего смотрели на меня с тем же безнадежным удивлением, с каким взирали на звезды и машины. Они знали, кто я такой, но это их мало интересовало.

Я начал готовиться к возвращению.

Это заняло шесть месяцев. Я уже говорил, что это было тяжело, так как существовавшие тогда приборы мне не подходили. Но как бы то ни было, я все же нашел нужные инструменты. Ведь машины продолжали использовать и создавать их.

И Рео Лантал помог мне, чем сумел. Я все-таки вернулся назад.

И я сделал одну вещь перед самым отбытием, нечто, что может помочь людям будущего. Я, может, еще попробую вернуться туда. Только чтобы посмотреть — что вышло из задуманного мной.

Я же говорил, что они имели машины, способные мыслить? Но что те остановились давным-давно и никто не знал, как запустить их вновь?

Я обнаружил кое-какие записи и смог расшифровать их. После этого я запустил одну из мыслящих машин и поставил перед ней великую задачу. Машина была подготовлена исключительно для ее решения. Она будет работать над этим вопросом не только тысячу, но даже и миллион лет, если будет нужно.

Затем я включил еще пять таких машин, соединив их вместе, как предписывали инструкции.

Они должны были попытаться привить другим машинам кое-что из утраченного человеком. Это звучит комично. Но подождите смеяться. И представьте Землю такой, какой я видел ее с наземного уровня Нева-Сити. Перед тем как Рео Лантал щелкнул переключателем, отправляя меня в прошлое.

Сумерки — солнце уже село. Пустыня вокруг сияет таинственными, изменчивыми цветами. Огромные металлические корпуса машин, стеной окружающие город людей, разрушенные шпили и башни, огромные деревья, покрытые цветами... Серебристо-розовое свечение в райских садах наверху.

Весь гигантский город содрогается от деятельности совершенных и бессмертных машин, построенных три миллиона лет назад. Мертвый город. Люди, которые здесь жили, надеялись, строили, давно умерли, оставив все маленьким человечкам, способным лишь удивленно смотреть вокруг да поддерживать полузабытые традиции людского товарищества. Они бродили по пустынным

городам, построенным их предками, зная о них меньше, чем знают машины.

И песни. Они лучше всего рассказывали о случившемся. Маленькие, потерявшие надежду, потрясенные люди среди непонятных, слепых машин, которые работают уже три миллиона лет — и неизвестно, когда остановятся. Машины были смертны — но не умирали и не останавливались.

Но я вызвал к жизни другие машины, поставив перед ними задачу, которую они со временем выполнят.

Я приказал мыслящим аппаратам создать машину, которой будет присуще то, что человечество утратило.

Машину, обладающую любопытством.

А после мне захотелось покинуть их и отправиться назад как можно быстрее. Я родился в полдень человеческой расы. Я не мог жить в меркнувшем и умирающем сиянии окончательного заката человечества.

И вот я вернулся. Немного дальше, чем следовало. Но скоро я доберусь и до своего времени.

— Ну вот и вся его история, — сказал Джим. — Он не утверждал, что это правда, — и вообще больше ничего не сказал. Однако он заставил меня так глубоко задуматься, что я даже не увидел, как он ушел в Рено, где мы остановились заправиться. И он не был обычным человеком, — повторил Джим слегка вызывающим тоном.

Как вы понимаете, Джим сделал вид, что не верит рассказу странника. Но он поверил. Это ясно из того, как упорно он заявлял, что его попутчик — не обычный человек.

И он не был таковым. Я верю, что он жил и умер в тридцать первом веке. И я думаю, что он действительно видел сумерки человечества.

1934

Брэдбери Рэй

И ГРЯНУЛ ГРОМ

Объявление на стене расплылось, словно его затянуло пленкой скользкой теплой воды; Экельс почувствовал, как веки, смыкаясь, на долю секунды прикрыли зрачки, но и в мгновенном мраке горели буквы:

А/О САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ
ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДОБЫЧУ
МЫ ДОСТАВЛЯЕМ ВАС НА МЕСТО
ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ

В глотке Экельса скопилась теплая слюна; он судорожно глотнул. Мускулы вокруг рта растянули губы в улыбку, когда он медленно поднял руку, в которой покачивался чек на десять тысяч долларов, предназначенный для человека за конторкой.

— Вы гарантируете, что я вернусь из сафари живым?

— Мы ничего не гарантируем, — ответил служащий, — кроме динозавров. — Он повернулся. — Вот мистер Тревис, он будет вашим проводником в Прошлое. Он скажет вам, где и когда стрелять. Если скажет «не стрелять», значит — не стрелять. Не выполняйте его распоряжения, по возвращении заплатите штраф — еще десять тысяч, кроме того, ждите неприятностей от правительства.

В дальнем конце огромного помещения конторы Экельс видел нечто причудливое и неопределенное, извивающееся и гудящее, переплетение проводов и стальных кожухов, переливающийся яркий ореол — то оранжевый, то серебристый, то голубой. Гул был такой, словно само Время горело на могучем

костре, словно все годы, все даты летописей, все дни свалили в одну кучу и подожгли.

Одно прикосновение руки — и тотчас это горение послушно даст задний ход. Экельс помнил каждое слово объявления. Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усладят воздух, седые волосы станут черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут всходить на западе и погружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращение в пору, предшествующую зачатию. И это будет сделано одним лишь движением руки...

— Черт возьми, — выдохнул Экельс; на его худом лице мелькали блики света от Машины. — Настоящая Машина времени! — Он покачал головой. — Подумать только. Закончись выборы вчера иначе, и я сегодня, быть может, пришел бы сюда спасаться бегством. Слава богу, что победил Кейт. В Соединенных Штатах будет хороший президент.

— Вот именно, — отозвался человек за конторкой. — Нам повезло. Если бы выбрали Дойчера, не миновать нам жесточайшей диктатуры. Этот тип против всего на свете — против мира, против веры, против человечности, против разума. Люди звонили нам и спрашивались — шутя, конечно, а впрочем... Дескать, если Дойчер будет президентом, нельзя ли перебраться в 1492 год. Да только не наше это дело — побеги устраивать. Мы организуем сафари. Так или иначе, Кейт — президент, и у вас теперь одна работа...

— ...убить моего динозавра, — закончил фразу Экельс.

— *Tyrannosaurus rex*. Громогласный Ящер, отвратительнейшее чудовище в истории планеты. Подпишите вот это. Что бы с вами ни произошло, мы не отвечаем. У этих динозавров зверский аппетит.

Экельс вспыхнул от возмущения.

— Вы пытаетесь испугать меня?

— По чести говоря, да. Мы вовсе не желаем отправлять в прошлое таких, что при первом же выстреле ударяются в панику. В том году погибли шесть руководителей и дюжина охотников. Мы предоставляем вам случай испытать самое чертовское приключение, о каком только может мечтать настоящий охотник. Путешествие на шестьдесят миллионов лет назад и величайшая добыча всех времен! Вот ваш чек. Порвите его.

Мистер Экельс долго смотрел на чек. Пальцы его дрожали.

— Ни пуха, ни пера, — сказал человек за конторкой. — Мистер Тревис, займитесь клиентом.

Неся ружья в руках, они молча прошли через комнату к Машине, к серебристому металлу и рокошущему свету.

Сперва день, затем ночь, опять день, опять ночь; потом день — ночь, день — ночь, день. Неделя, месяц, год, десятилетие! 2055 год. 2019, 1999! 1957! Мимо! Машина ревела.

Они надели кислородные шлемы, проверили наушники.

Экельс качался на мягком сиденье — бледный, зубы стиснуты. Он ощутил судорожную дрожь в руках, посмотрел вниз и увидел, как его пальцы сжали новое ружье. В машине были еще четверо. Тревис — руководитель сафари, его помощник Лесперанс и два охотника — Биллингс и Кремер. Они сидели, глядя друг на друга, а мимо, точно вспышки молний, проносились годы.

— Это ружье может убить динозавра? — вымолвили губы Экельса.

— Если верно попадешь, — ответил в наушниках Тревис. — У некоторых динозавров два мозга: один в голове, другой ниже по позвоночнику. Таких мы не трогаем. Лучше не злоупотреблять своей счастливой звездой. Первые две пули в глаза, если сумеете, конечно. Ослепили, тогда бейте в мозг.

Машина взвыла. Время было словно кинолента, пущенная обратным ходом. Солнца летели вспять, за ними мчались десятки миллионов лун.

— Господи, — произнес Экельс. — Все охотники, когда-либо жившие на свете, позавидовали бы нам сегодня. Тут тебе сама Африка покажется Иллинойсом.

Машина замедлила ход, вой сменился ровным гулом. Машина остановилась.

Солнце остановилось на небе.

Мгла, окружавшая Машину, рассеялась, они были в древности, глубокой-глубокой древности, три охотника и два руководителя, у каждого на коленях ружье — голубой вороненый ствол.

— Христос еще не родился, — сказал Тревис. — Моисей не ходил еще на гору беседовать с богом. Пирамиды лежат в земле, камни для них еще не обтесаны и не сложены. Помните об этом. Александр, Цезарь, Наполеон, Гитлер — никого из них нет.

Они кивнули.

— Вот, — мистер Тревис указал пальцем, — вот джунгли за шестьдесят миллионов две тысячи пятьдесят пять лет до президента Кейта.

Он показал на металлическую тропу, которая через распаренное болото уходила в зеленые заросли, извиваясь между огромными папоротниками и пальмами.

— А это, — объяснил он, — Тропа, проложенная здесь для охотников Компанией. Она парит над землей на высоте шести дюймов. Не задевает ни одного дерева, ни одного цветка, ни одной травинки. Сделана из антигравитационного металла. Ее назначение — изолировать вас от этого мира прошлого, чтобы вы ничего не коснулись. Держитесь Тропы. Не сходите с нее. Повторяю: не сходите с нее. Ни при каких обстоятельствах! Если свалитесь с нее — штраф. И не стреляйте ничего без нашего разрешения.

— Почему? — спросил Экельс.

Они сидели среди древних зарослей. Ветер нес далекие крики птиц, нес запах смолы и древнего соленого моря, запах влажной травы и кроваво-красных цветов.

— Мы не хотим изменять Будущее. Здесь, в Прошлом, мы незваные гости. Правительство не одобряет наши экскурсии. Приходится платить немалые взятки, чтобы нас не лишили концессии. Машина времени — дело щекотливое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь важное животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида.

— Я что-то не понимаю, — сказал Экельс.

— Ну так слушайте, — продолжал Тревис. — Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет — верно?

— Да.

— Не будет потомков от потомков от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну и не десяток, а тысячу, а миллион — миллиард мышей!

— Хорошо, они сдохли, — согласился Экельс. — Ну и что?

— Что? — Тревис презрительно фыркнул. — А как с лисами, для питания которых нужны были именно эти мыши? Не хватит десяти мышей — умрет одна лиса. Десятью лисами меньше — подохнет от голода лев. Одним львом меньше — погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющей весь мир, голимый голодом, выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, друг мой, раздавив одну мышь, тем самым раздавили всех тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе, не просто один человек, нет! Это целый будущий народ. Из его чресел вышли бы десять сыновей. От них произошло бы сто — и так далее, и возникла бы целая ци-

вилизация. Уничтожьте одного человека — и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно что убить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь — это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека — смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь — и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с нее!

— Понимаю, — сказал Экельс. — Но тогда, выходит, опасно касаться даже травы?

— Совершенно верно. Нельзя предсказать, к чему приведет гибель того или иного растения. Малейшее отклонение сейчас неизмеримо возрастет за шестьдесят миллионов лет. Разумеется, не исключено, что наша теория ошибочна. Быть может, мы не в состоянии повлиять на Время. А если и в состоянии — то очень незначительно. Скажем, мертвая мышь ведет к небольшому отклонению в мире насекомых, дальше — к угнетению вида, еще дальше — к неурожаю, депрессии, голоду, наконец, к изменениям социальным. А может быть, итог будет совсем незаметным — легкое дуновение, шепот, волосок, пылинка в воздухе, такое, что сразу не увидишь. Кто знает? Кто возьмется предугадать? Мы не знаем — только гадаем. И покуда нам не известно совершенно точно, что наши вылазки во Времени для истории — гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным. Эта Машина, эта Тропа, ваша одежда, вы сами, как вам известно, — все обеззаражено. И назначение этих кислородных шлемов — помешать нам внести в древний воздух наши бактерии.

— Но откуда мы знаем, каких зверей убивать?

— Они помечены красной краской, — ответил Тревис. — Сегодня, перед нашей отправкой, мы послали сюда на Машине Лесперанса. Он побывал как раз в этом времени и проследил за некоторыми животными.

— Изучал их?

— Вот именно, — отозвался Лесперанс. — Я прослеживаю всю их жизнь и отмечаю, какие особи живут долго. Таких очень мало. Сколько раз они спариваются. Редко... Жизнь коротка. Найдя зверя, которого подстерегает смерть под упавшим деревом или в асфальтовом озере, я отмечаю час, минуту, секунду, когда он гибнет. Затем

стреляю красящей пулей. Она оставляет на коже красную метку. Когда экспедиция отбывает в Прошлое, я рассчитываю все так, чтобы мы явились минуты за две до того, как животное все равно погибнет. Так что мы убиваем только те особи, у которых нет будущего, которым и без того уже не спариться. Видите, насколько мы осторожны?

— Но если вы утром побывали здесь, — взволнованно заговорил Экельс, — то должны были встретить нас, нашу экспедицию! Как она прошла? Успешно? Все остались живы?

Тревис и Лесперанс переглянулись.

— Это был бы парадокс, — сказал Лесперанс. — Такой путаницы, чтобы человек встретил самого себя, время не допускает. Если возникает такая опасность, Время делает шаг в сторону. Вроде того, как самолет проваливается в воздушную яму. Вы заметили, как Машину тряхнуло перед самой нашей остановкой? Это мы миновали самих себя по пути обратно в Будущее. Но мы не видели ничего. Поэтому невозможно сказать, удалась ли наша экспедиция, уложили ли мы зверя, вернулись ли мы — вернее, вы, мистер Экельс, — обратно живые.

Экельс бледно улыбнулся.

— Ну все, — отрезал Тревис. — Встали!

Пора было выходить из Машины.

Джунгли были высокие, и джунгли были широкие, и джунгли были навеки всем миром. Воздух наполняли звуки, словно музыка, словно паруса бились в воздухе — это летели, будто исполинские летучие мыши из кошмара, из бреда, махая огромными, как пещерный свод, серыми крыльями, птеродактили. Экельс, стоя на узкой Тропе, шутя прицелился.

— Эй, бросьте! — скомандовал Тревис. — Даже в шутку не цельтесь, черт бы вас побрал! Вдруг выстрелит...

Экельс покраснел.

— Где же наш *Tyrannosaurus rex*?

Лесперанс взглянул на свои часы.

— На подходе. Мы встретимся ровно через шестьдесят секунд. И ради бога — не прозевайте красное пятно. Пока не скажем, не стрелять. И не сходите с Тропы. Не сходите с тропы!

Они шли навстречу утреннему ветерку.

— Странно, — пробормотал Экельс. — Перед нами — шестьдесят миллионов лет. Выборы прошли. Кейт стал президентом. Все празднуют победу. А мы — здесь, все эти миллионы лет словно ветром сдуло, их нет. Всего того, что заботило нас на протяжении нашей жизни, еще нет и в помине, даже в проекте.

— Приготовиться! — скомандовал Тревис. — Первый выстрел ваш, Экельс. Биллингс — второй номер. За ним — Кремер.

— Я охотился на тигров, кабанов, буйволов, слонов, но видит бог: это совсем другое дело, — произнес Экельс. — Я дрожу, как мальчишка.

— Тихо, — сказал Тревис.

Все остановились.

Тревис поднял руку.

— Впереди, — прошептал он. — В тумане. Он там. Встречайте Его Королевское Величество.

Безбрежные джунгли были полны щебета, шороха, бормотания, вздохов.

Вдруг все смолкло, точно кто-то затворил дверь.

Тишина.

Раскат грома.

Из мглы ярдах в ста впереди появился *Tyrannosaurus rex*.

— Силы небесные, — пролепетал Экельс.

— Тсс!

Оно шло на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах.

Оно на тридцать футов возвышалось над лесом — великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги — могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тутими каналами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина. Каждое бедро — тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеиная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубов-кинжалов. Вращались глаза — страусиные яйца, не выражая ничего, кроме голода. Оно сомкнуло челюсти в зловещем оскале. Оно побежало, и задние ноги смяли кусты и деревья, и когти вспороли сырую землю, оставляя следы шестидюймовой глубины. Оно бежало скользящим балетным шагом, неправдоподобно уверенно и легко для десятитонной махины. Оно настороженно вышло на залитую солнцем прогалину и пощупало воздух своими красивыми чешуйчатыми руками.

— Господи! — Губы Экельса дрожали. — Да оно, если вытянется, луну достать может.

— Тсс! — сердито зашипел Тревис. — Он еще не заметил нас.

— Его нельзя убить. — Экельс произнес это спокойно, словно заранее отметал все возражения. Он взвесил показания очевидцев и вынес окончательное решение. Ружье в его руках было словно пугач. — Идиоты, и что нас сюда принесло... Это же невозможно.

— Молчать! — рявкнул Тревис.

— Кошмар...

— Кру-гом! — скомандовал Тревис. — Спокойно возвращайтесь в Машину. Половина суммы будет вам возвращена.

— Я не ждал, что оно окажется таким огромным, — сказал Экельс. — Одним словом, просчитался. Нет, я участвовать не буду.

— Оно заметило нас!

— Вон красное пятно на груди!

Громогласный Ящер выпрямился. Его бронированная плоть сверкала, словно тысяча зеленых монет. Монеты покрывала жаркая слизь. В слизи копошились мелкие козявки, и все тело переливалось, будто по нему пробегали волны, даже когда чудовище стояло неподвижно. Оно глухо дохнуло. Над поляной повис запах сырого мяса.

— Помогите мне уйти, — сказал Экельс. — Раньше все было иначе. Я всегда знал, что останусь жив. Были надежные проводники, удачные сафари, никакой опасности. На сей раз я просчитался. Это мне не по силам. Признаюсь. Орешек мне не по зубам.

— Не бегите, — сказал Лесперанс. — Повернитесь кругом. Спрячьтесь в Машине.

— Да. — Казалось, Экельс окаменел. Он поглядел на свои ноги, словно пытался заставить их двигаться. Он застонал от бессилия.

— Экельс!

Он сделал шаг — другой, зажмурившись, волоча ноги.

— Не в ту сторону!

Едва он двинулся с места, как чудовище с ужасающим воем ринулось вперед. Сто ярдов оно покрыло за четыре секунды. Ружья взметнулись вверх и дали залп. Из пасти зверя вырвался ураган, обдав людей запахом слизи и крови. Чудовище взревело, его зубы сверкали на солнце.

Не оглядываясь, Экельс слепо шагнул к краю Тропы, сошел с нее и, сам того не сознавая, направился в джунгли; ружье бесполезно болталось в руках. Ступни тонули в зеленом мху, ноги влекли его прочь, он чувствовал себя одиноким и далеким от того, что происходило за его спиной.

Снова затрещали ружья. Выстрелы потонули в громовом реве ящера. Могучий хвост рептилии дернулся, точно кончик бича, и деревья взорвались облаками листьев и веток. Чудовище протянуло вниз свои руки ювелира — погладить людей, разорвать их пополам, раздавить, как ягоды, и сунуть в пасть, в ревущую глотку! Глыбы глаз очутились возле людей. Они увидели свое отражение. Они открыли огонь по металлическим векам и пылающим черным зрачкам.

Словно каменный идол, словно горный обвал, рухнул Tyrannosaurus rex.

Рыча, он цеплялся за деревья и валил их. Зацепил и смял металлическую Тропу. Люди бросились назад, отступая. Десять тонн холодного мяса, как утес, грохнулись оземь. Ружья дали еще залп. Чудовище ударило бронированным хвостом, щелкнуло змеиными челюстями и затихло. Из горла фонтаном била кровь. Где-то внутри лопнул бурдюк с жидкостью, и зловонный поток захлестнул охотников. Они стояли неподвижно, облитые чем-то блестящим, красным.

Гром смолк.

В джунглях воцарилась тишина. После обвала — зеленый покой. После кошмара — утро.

Биллингс и Кремер сидели на Тропе; им было плохо. Тревис и Лесперанс стояли рядом, держа дымящиеся ружья и чертыхаясь.

Экельс, весь дрожа, лежал ничком в Машине Времени. Каким-то образом он выбрался обратно на Тропу и добрал до Машины.

Подошел Тревис, глянул на Экельса, достал из ящика марлю и вернулся к тем, что сидели на Тропе.

— Оботритесь.

Они стерли со шлемов кровь. И тоже принялись чертыхаться. Чудовище лежало неподвижно. Гора мяса, из недр которой доносилось бульканье, вздохи — это умирали клетки, органы переставали действовать, и соки в последний раз текли по своим ходам, все отключалось, навсегда выходя из строя. Точно вы стояли возле разбитого паровоза или закончившего рабочий день парового катка — все клапаны открыты или плотно зажаты. Затрещали кости: вес мышц, ничем не управляемый — мертвый вес, — раздавил тонкие руки, притиснутые к земле. Колыхаясь, оно приняло покойное положение.

Вдруг снова грохот. Высоко над ними сломался исполинский сук. С гулом он обрушился на безжизненное чудовище, как бы окончательно утверждая его гибель.

— Так. — Лесперанс поглядел на часы. — Минута в минуту. Это тот самый сук, который должен был его убить. — Он обратился к двум охотникам: — Фотография трофея вам нужна?

— Что?

— Мы не можем увозить добычу в Будущее. Туша должна лежать здесь, на своем месте, чтобы ею могли питаться насекомые, птицы, бактерии. Равновесие нарушать нельзя. Поэтому добычу оставляют. Но мы можем сфотографировать вас возле нее.

Охотники сделали над собой усилие, пытаясь думать, но сдались, тряся головами.

Они послушно дали отвести себя в Машину. Устало опустились на сиденья. Тупо оглянулись на поверженное чудовище — немой

курган. На остывающей броне уже копошились золотистые насекомые, сидели причудливые птицеящеры.

Внезапный шум заставил охотников оцепенеть: на полу Машины, дрожа, сидел Экельс.

— Простите меня, — сказал он.

— Встаньте! — рявкнул Тревис.

Экельс встал.

— Ступайте на Тропу, — скомандовал Тревис. Он поднял ружье. — Вы не вернетесь с Машиной. Вы останетесь здесь!

Лесперанс перехватил руку Тревиса.

— Постой...

— А ты не суйся! — Тревис стряхнул его руку. — Из-за этого подонка мы все чуть не погибли. Но главное даже не это. Нет, черт возьми, ты погляди на его башмаки! Гляди! Он соскочил с Тропы. Понимаешь, чем это нам грозит? Один бог знает, какой штраф нам прилепят! Десятки тысяч долларов! Мы гарантируем, что никто не сойдет с Тропы. Он сошел. Идиот чертов! Я обязан доложить правительству. И нас могут лишить концессии на эти сафари. А какие последствия будут для Времени, для Истории?!

— Успокойся, он набрал на подошвы немного грязи — только и всего.

— Откуда мы можем знать? — крикнул Тревис. — Мы ничего не знаем! Это же все сплошная загадка! Шагом марш, Экельс!

Экельс полез в карман.

— Я заплачу сколько угодно. Сто тысяч долларов!

Тревис покосился на чековую книжку и плюнул.

— Ступайте! Чудовище лежит возле Тропы. Суньте ему руки по локоть в пасть. Потом можете вернуться к нам.

— Это несправедливо!

— Зверь мертв, ублюдок несчастный. Пули! Пули не должны оставаться здесь, в Прошлом. Они могут повлиять на развитие. Вот вам нож. Вырежьте их!

Джунгли опять пробудились к жизни и наполнились древними шорохами, птичьими голосами. Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, глыбе кошмаров и ужасов. Наконец, словно лунатик, побрел по Тропе.

Пять минут спустя он, дрожа всем телом, вернулся к Машине; его руки были по локоть красны от крови. Он протянул вперед обе ладони. На них блестели стальные пули. Потом он упал. Он лежал там, где упал, недвижимый.

— Напрасно ты его заставил это делать, — сказал Лесперанс.

— Напрасно! Об этом рано судить. — Тревис толкнул неподвижное тело. — Не помрет. Больше его не потянет за такой добы-

чей. А теперь, — он сделал вялый жест рукой, — включай. Двига-
емся домой.

1492. 1776. 1812.

Они умыли лицо и руки. Они сняли заскорузлые от крови рубахи, брюки и надели все чистое. Экельс пришел в себя, но сидел молча. Тревис добрых десять минут в упор смотрел на него.

— Не глядите на меня, — вырвалось у Экельса. — Я ничего не сделал.

— Кто знает.

— Я только соскочил с Тропы и вымазал башмаки глиной. Чего вы от меня хотите? Чтобы я вас на коленях умолял?

— Это не исключено. Предупреждаю вас, Экельс, может еще случиться, что я вас убью. Ружье заряжено.

— Я не виноват. Я ничего не сделал.

1999. 2000. 2055.

Машина остановилась.

— Выходите, — скомандовал Тревис.

Комната была такая же, как прежде. Хотя нет, не совсем такая же... Тот же человек сидел за той же конторкой. Нет, не совсем тот же человек, и конторка не та же.

Тревис быстро обвел помещение взглядом.

— Все в порядке? — буркнул он.

— Конечно. С благополучным возвращением!

Но настороженность не покидала Тревиса. Казалось, он проверяет каждый атом воздуха, придирчиво исследует свет солнца, падающий из высокого окна.

— О'кей, Экельс, выходите. И больше никогда не попадайтесь мне на глаза.

Экельс будто окаменел.

— Ну? — поторопил его Тревис. — Что вы там такое увидели?

Экельс медленно вдыхал воздух — с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил Экельсу о перемене. И краски — белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, мебели, в небе за окном — они... они... да: что с ними случилось? А тут еще это ощущение. По коже бегали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. За окном, за стенами этого помещения, за спиной человека (который был не тем человеком) у перегородки (которая была не той перегородкой) — целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что

за люди? Он буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами, — словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром...

Зато сразу бросалось в глаза объявление на стене, объявление, которое он уже читал сегодня, когда впервые вошел сюда. Что-то в нем было не так.

А/О СОФАРИ ВОВРЕМЕНИ
АРГАНИЗУЕМ СОФАРИ ВЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБЕРАЕТЕ ДАБЫЧУ
МЫ ДАСТАВЛЯЕМ ВАС НАМЕСТО
ВЫ УБЕВАЕТЕ ЕЕ

Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

— Нет, не может быть! Из-за такой малости... Нет!

На комке было отливающее зеленою, золотом и чернью пятно — бабочка, очень красивая... мертвая.

— Из-за такой малости! Из-за бабочки! — закричал Экельс.

Она упала на пол — изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалились маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. Не может быть, чтобы она что-то изменила. Мертвая бабочка — и такие последствия? Невозможно!

Его лицо похолодело. Непослушными губами он вымолвил:

— Кто... кто вчера победил на выборах?

Человек за конторкой хихикнул.

— Шутите? Будто не знаете! Дойчер, разумеется! Кто же еще? Уж не этот ли хлюпик Кейт? Теперь у власти железный человек! — Служащий опешил. — Что это с вами?

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

— Неужели нельзя, — молил он весь мир, себя, служащего, Машину, — вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала? Может быть...

Он лежал неподвижно. Лежал, закрыв глаза, дрожа, и ждал. Он отчетливо слышал тяжелое дыхание Тревиса, слышал, как Тревис поднимает ружье и нажимает курок.

И грянул гром.

1952

Роберт Шекли

ВОР ВО ВРЕМЕНИ

Томас Эддридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Эддридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шуму несколько лет назад, — ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Эддридж увидел огромного детину в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они смотрели друг на друга. В первый момент Эддридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

— Как вы сюда попали? — спросил Эддридж. — И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови.

— Будешь запираяться?
— В чем?! — испуганно воскликнул Элдридж.
— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец. — Виглан. Припоминаешь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись, — медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж, — раздельно сказал он. — Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *sum laude**. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглцом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник, — провозгласил Виглан. — Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Виглан, ужасающе реальный Виглан никуда не сгинул! Полисмены тем временем вытащили наручники.

— Стойте! — закричал Элдридж, пятясь к столу. — Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь, — произнес Виглан, — сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. — Он откашлялся. — Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

— Стоп! — остановил его Элдридж. — Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

---

* С отличием (*лат*)

Виглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно воскликнул он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать, — согласился второй.

— Конечно, мы из будущего, — сказал Виглан. — А то откуда же?.. В 1962 ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, — осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. — Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким. — Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованная надпись гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают, — ответил полицейский. — Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня, — сказал Виглан. — Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные, — философски заметил другой. — Помнишь танцора — как откалывал штутги! — а девочку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретет машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершит путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унижительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще должен совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо, — сказал он и стал медленно валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты. Эддридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева. И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Эддридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Эддридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Эддриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди, на расстоянии полумили виднелось селение. Эддридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого же встречного: «Простите сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?...».

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравировано: «Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!».

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Эддридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Эддриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Эддриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он может познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников?

Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начинались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Томаса Элдриджа из противоречивых уравнений Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж, по существу, открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять сущности открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжал чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса». Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и расправился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих пра-пра-прадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путаниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого моло-

дого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прошу прощения, сэр, — обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотечарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен, — строго заявила библиотечарша.

«Понятно, — подумал Элдридж. — Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышал.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также все права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр, — настаивала библиотечарша, — если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было поддержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие.

Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступить, не желая лезть во все дразги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постарается найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было сделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция. — Один из мужчин показал ему значок. — Вам придется пройти с нами, мистер Эддридж.

— Но за что?! — возмущился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться. В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Эддриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Эддридж, — произнес он.

Эддридж холодно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас, — сказал с грустью по старым добрым временам капитан. — Вы мне представлялись героем.

Эддридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов, ведь именно его, Эддриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, — продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье. — Да никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, — и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Эддридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?

— Совершенно, — сказал Эддридж. — Темпоральная амнезия.

— Понятно, понятно, — сочувственно заметил капитан и протянул Эддриджу лист бумаги. — Вот, поглядите.

Предметы, похищенные Томасом
Монро Эддриджем

Количество

Стоимость

Из спортивного магазина
Виглана, Сектор I

Многочарядные пистолеты

4 штуки

10000

Спасательные надувные пояса

3 штуки

100

Репеллент против акул

5 банок

400

Из специализированного магазина
Альфгана, Сектор I

Микрофильмы всемирной литературы	2 комплекта	1000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2650

С продовольственного склада
Лури, Сектор I

Картофель сорта «белая черепаха»	50 штук	5
Семена моркови «фэнси»	9 пакетов	6

Из галантерейной лавки
Мэнори, Сектор II

Дамские зеркала	60 штук	95
-----------------	---------	----

Общая стоимость похищенного		14256
-----------------------------	--	-------

— Что все это значит? — недоумевал капитан. — Укради вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркала, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдридже I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен понести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем, — сказал капитан. — Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элдридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, — улыбнулся капитан. — Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные сектора.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном положении, — сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается. Эддридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас, — с глубоким вздохом сказал капитан. — Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно, — выдавил Эддридж.

— Но, конечно, если... — в задумчивости произнес капитан, — если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Эддриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно, — продолжал капитан. — Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

— Спасибо, — сказал Эддридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Эддридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Эддридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухо-го оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

«Видно, снова произошли климатические изменения», — подумал Эддридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже

реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие сектора называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам — от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочка ни веяся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят, — продолжал старейшина, — преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Элдридж, ощутив неприятную дрожь в коленях.

— Преступления, — подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не порадовал.

— Неблагодарность ведет к предательству, — продолжал старейшина. — Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостил им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки.

Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, — ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал, — начал он с жалкой улыбкой, — это жизнь в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опершись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов, — с гордостью возразили снаружи. — У нас есть справедливость. — И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, — сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених, — вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его.

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли это мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные, — с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец?! — не выдержал Элдридж. — Чей жених? Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж. И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем своим награбленным барахлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушенную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые, простые и недорогие способы консервации продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.

И за все добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего барахла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях, — подтвердил Беккер. — Что-то из твоих вещей еще осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о *habeas corpus*.*

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, — вздохнул Беккер. — Свою тайну ты откроешь утром палачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

---

* Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г (*лат*)

Имей Эддридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь невинным свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Эддридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркала или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Эддридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Эддриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришел поглазеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится, — возразил Виглан, вытирая пот со лба. — Поверь мне, Томас, я не хотел никакой казни.

Эддридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да, — признался Виглан. — Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя несколько не интересовали деньги.

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-то другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном. — Он снова вытер пот со лба. — Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, — сказал Эддридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен. — Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твое изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело

не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж. — Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь... Отсидишься у меня, пока за давностью дело не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставлю при себе. — Тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. — Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто необходим компаньон.

— Ладно, пойдем-ка отсюда, — предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих, — прошептал Виглан. — Как бы прихватить твой?

— Он, наверное, в сарае, — отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись, — сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан. — Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправлюсь в Нецивилизованные сектора, — решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан. — Ты можешь кончить полным самоубийством.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркала, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере, — ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. — Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. — Виглан надел Элдриджу часы. — Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал wypлыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озиpаться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегające вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму. На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. «Не бойся, — старался успокоить себя Элдридж, — ведь динозавры были травоядными». Однако чудище, обнажив два ряда превосходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубках дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Эддридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах, Эддридж снова нажал на кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Эддриджа быстрее забилося сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышли еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Эддриджа.

— Привет ребята, — миролюбиво обратился он к ним. Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды, — поспешил сообщить Эддридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они угрожающе уже почти сомкнули круг, а Эддридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Эддридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедший по голове удар свалил его наземь.

Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучу обломков.

Проклинающего все на свете Эддриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился праздник.

Эддридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на странный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но почему он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

«Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включу хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует.

Я нажимаю кнопку».

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдриджа подвели к глубокой нише в скале. Внутри нее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устилал собранный накануне хворост.

Элдриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдриджу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветки, и Элдриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут рука его нащупала какой-то предмет.

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Эддридж I. Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Эддридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Эддридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдаль уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Эддридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Эддриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да... — бормотал Эддридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот. — Эддридж вытащил свои сокровища.

— Спасибо тебе, как ты думаешь...

— Ты же, наверное, устал? — пытался оттородить его от наседавших людей гигант.

Эддридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.

— Устал, — признался он. — Очень.

— Тогда иди домой.

— Домой?

— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Эддридж улыбнулся и покачал головой.

— Он не помнит! — закричал гигант.

— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?

— А наши пикники, праздники?

— А танцы?

— А яхты?

Эддридж продолжал отрицательно качать головой.

— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, — объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.

Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка. Так почему же он оставил этот мир?

— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста, — возмутилась она. — И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да, — сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. — Ну конечно же... Как же, очень рад встрече с вами... — совсем уж глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка. — Мы ведь, в конце концов, муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце? — Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой, — сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас, — проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. — Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет. — И она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал на кнопку хроноката.

Так было покончено с Элдрижем II.

Отныне он становился Элдрижем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой, в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

Альфред Бестер

ВЫБОР

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, подобным вам, мне или Адьеру.

Не можно ли вы потратить на одна чашка кофе, достойный сэр? Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался средними величинами и распределениями, гомогенными группами и случайными отборами. Ночью же Адьер погружался в сложные и тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, не забыв, разумеется, прихватить энциклопедии, бестселлеры и таблицы с результатами скачек; либо воображал себя в Золотом веке совершенства далекого будущего. Пока вы и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ли пожертвовать одна чашка кофе, дражайшая мадам? Для благословенная щедрость. Я признателен.

В понедельник Адьер ворвался в кабинет своего шефа, размахивая кипой бумаг.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!..

— О черт, — отозвался Гранд. — Какие могут быть открытия во время войны?

— Я поднимал материалы Внутреннего департамента... Вам известно, что численность нашего населения увеличилась? На 3,0915 процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что... Должно быть, где-то вкралась ошибка, — пробормотал Гранд, пролистав бумаги. — Проверьте.

— Есть, сэр, — затараторил Адьер, покидая кабинет. — Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы образцовый статистик, сэр.

Во вторник Адьер обнаружил отсутствие связи между отношением «рождаемость-смертность» и ростом населения. Адьер представил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой, к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьер выяснил, что в окрестностях Вашингтона численность населения упала на 0,0029 процента. Это было неприятно, и ему пришлось искать прибежища в мечтах о Золотом веке королевы Виктории, в котором он изумил и покори́л мир потоком романов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр?! Я есть бедная личность, нуждающаяся в жалости.

В четверг Адьер проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 процента! Так!.. Литл-Рок — 1,1329. Сент-Луис — 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джефферсона, происшедшее из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьер, дрожа от возбуждения. Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а следующим днем по имеющимся данным начертил на карте останков США концентрические окружности, цветами обозначая плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер в высокой статистической страсти. — Ответ таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ, — велел Гранд, и Адьер удалился.

Можно ли уделить цена один кофе, почтенная мисс? Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарлстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы:

— Если бы я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарлстон. Там Адьер получил почти

смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, по счастью, железнодорожного полотна. Он лечился весь путь: Бирмингем (бубонная чума), Мемфис (отравленная вода), Литл-Рок (карантин) и, наконец, Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на земле; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в гостинице Адьер направился в местный Статистический центр, вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не существовало.

Весьма раздраженный, Адьер направил стопы в Медицинское Бюро, предполагая получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адьеру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повивальные бабки, но их списков не имеется. Придется ходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на клочке оберточной бумаги написал: «Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений». Он засунул послание в алюминиевую капсулу, прикрепил ее к единственному выжившему почтовому голубю и с молитвой выпустил его. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. На площадь внизу только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая колымага со скрежетом затормозила, с большим трудом открылись двери, и вышел одноногий мужчина с забинтованным обожженным лицом — очевидно, состоятельный фермер, который мог позволить себе приехать в поисках медицинского обслуживания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас и дал гудок. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда... абсолютно ниоткуда... появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин... они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые, они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они походили на туристов — с сумками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из салона грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят, — пробормотал Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет. Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погода:

— Они выглядят здоровыми. Почему они не на службе?

И наконец:

— Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе? Я инороден и слаб голодом.

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги, и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса в Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге. Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я трижды проклят, — тяжело прохрипел Адьер. — Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонсона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Район кишит шпионами!

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидает восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать пять тысяч в год. Возможно, это и есть ключ к тайне роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила:

«Э В Р И К А, Я Н А Ш Е Л»

Не можно потратить на одна одинокая чашка кофе, бесценная мадам? Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Счастливым шансом представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не влезли. Вовсе не обескураженные, они отошли, замахали руками, выкрикивая напутствия отъезжающим, затем повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и следовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не скрылись в старом амбаре.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на неразорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, где искать ответ.

Сумерки сгустились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватили за руки, к лицу прижали что-то мягкое...

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливцев, достойный сэр. Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом, за столом сидел и деловито писал седовласый джентльмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минутку, мистер Адьер, — вежливо сказал джентльмен и что-то сделал с радиоприемником. В центре комнаты над круглой медной плитой возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к столу, засмеялась и затараторила:

— Вл-ни-тк-ик-тл-нк.

Джентльмен улыбнулся и указал на дверь.

— Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски!

— Едва ли. Скорее, это старофранцузский. Середина пятнадцатого века. Простите.

Он снова включил радио. Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью: — Мууу, фууу, блууу, уауу, хаууу, пууу.

Джентльмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентльмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь вперед, вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через несколько минут исчезает.

— Что?! — выдохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да... Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории и так далее. И никто не видел истинного его назначения... Терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие средства. Мы позволяем им

эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю...

— Вы попали в иммиграционное бюро.

— О господи! — Адьер подскочил на койке. — Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи... Откуда?

— Из будущего, разумеется. Перемещение во времени стало возможным лишь с... э, скажем, с 2505 года.

— Но те, замедленные... Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, однако первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентльмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно утрачивают контакт с реальностью. Знал я одного... его не устраивало ничто другое, кроме времен королевы Елизаветы. «Шекспир, — говорил он. — Испанская армада. Дрейк и Рэли. Самый мужественный период истории. Золотой век». Я не смог его образумить, и вот... Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки...

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются... Извините.

Из свечения вышел мужчина, что-то протараторил и выскочил за дверь, чуть не столкнувшись с обнаженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом:

— Простите, мистер Джеллинг, кто этот только что вышедший джентльмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной... Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагим?

— Подойдите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, — произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что такое водопровод по сравнению с древнегреческими философами? Но потом вам надо-едаст наткнуться на великих мудрецов и слушать, как они распро-страняются про избитые истины. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям, которых раньше не замечали.

— Это поверхностный подход, — возразил Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств... Или, наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастлив. Я...

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Великое заблуждение. Назовите такое время.

— Американская революция.

— Э-э! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует. Смертная казнь за сотни малейших проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам бог принадлежать к меньшинству. Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, те же убеждения сделают вас опасным радикалом сотню лет назад. Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богаты, а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни... уставшие, изможденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести... радио, например. Я сделал бы состояние на одном радио!

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготавливать вакуумные диоды, гетеродинные цепи и так далее. Вам придется для начала получить электрический ток, построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток. Вам... Но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель внутреннего сгорания, когда еще не имеют представления о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я и не думал... А книги? Я мог бы запомнить...

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов понять ее. Она не станет доходной, если ее не будут покупать.

— А если отправиться в будущее?

— Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадцатом веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? Думать на этом языке? Приспособиться к иным темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер. — Если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют, — ответил Джеллинг. — Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути... Половина попрошайек, которых вы видели, наверняка лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжает сюда... думают, что попали в Золотой век?!

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер. — Неужели они не видят: руины? радиация? война? истерия? Самый ужасный период в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется вам. Представители каждого поколения твердят, что их время — самое тяжелое. Но поверьте моему слову: когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом веке.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете, — мрачно сказал он. — У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — надо хранить тайну.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не обратит на вас внимания. Вы будете иностранцем, чужаком...

— А если я вернусь?

— Вы не можете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это утешит, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец...

— Значит, вы отправите меня...

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или в будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер.

— Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться, — нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усыпить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят... Или на сто лет позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете — прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздеваться медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя ноги, он взшел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю. Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в прибежище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена, кроме своего собственного, кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет. Что день сегодняшний, плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный, — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно потратить цена одна чашка кофе, достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошайная личность. Я есть изголодный японский странник оказаться в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город Лайонесс. Я хочу на колени молить виза. Я хочу в Хиросима, назад, в 1945-й. Я хочу домой.

1952

Джон Уиндэм

ХРОНОКЛАЗМ

Сначала я о Тавии услышал и уж потом только составил знакомство. Один раз утром в Плайтоне, на Хай-стрит, ко мне подошел молодой, совершенно незнакомый джентльмен. Как-то он поклонился... по-иностранному. Потом шляпу снял и вежливо представился:

— Меня зовут Доналд Гоби, доктор Гоби. Я буду весьма признателен вам, сэр Джералд, если вы сможете потратить на разговор со мной несколько минут вашего драгоценного времени. Прошу простить за беспокойство, однако дело достаточно серьезное и весьма срочное.

Я смотрю на него с опаской.

— Здесь какая-то ошибка. Я не дворянин, и уж тем более нет у меня никакого титула.

Он выглядел озадаченным.

— О, простите. Меня ввело в заблуждение... необыкновенное сходство... Я был абсолютно уверен в том, что вы — сэр Джералд Лэттери.

Тут уж я растерялся.

— Точно, я Джералд Лэттери, но мистер, и никак не сэр.

— Господи! — смутился он. — Разумеется! Кажется, я глупо себя веду. Есть ли здесь... — он огляделся. — Есть ли здесь место, где мы могли бы спокойно поговорить?

Я было заколебался, но ненадолго. Ясно, что я разговаривал с хорошо воспитанным, образованным человеком. Может, юрист? Попрошайничать такой не станет и ничего в том же роде не отчучит... Мы были как раз у «Быка», и я предложил зайти. Там почти пусто. Выпить он не захотел. В общем, садимся мы.

— Отлично. В чем дело, доктор Гоби? — я спросил.

Мой собеседник, сбитый с толку и смущенный, молчит. Потом вроде собрал мозги в кучку. Говорить начал, а сам решительным таким сделался:

— Сэр Джералд... э-э, мистер Лэттери... это связано с Тавией. Я полагаю... вы, вероятнее всего, не представляете... э-э-э к чему может привести ситуация в целом... Дело не только в моей личной ответственности, как вы понимаете... Более всего меня тревожат непредсказуемые последствия. Поверьте, она должна вернуться, прежде чем начнутся очень крупные неприятности. Просто обязана, мистер Лэттери!

Я гляжу на него. Серьезно говорит, это видно. И, главное, расстроенный такой.

— Однако, доктор Гоби... — я начал было.

— Я способен понять, что это может значить для вас, сэр, тем не менее я умоляю вас повлиять на нее. Не ради меня и не ради ее семьи, но ради всех нас. Следует проявить величайшую осторожность; осложнения непредсказуемы. Необходимо поддерживать общую гармонию, порядок. Упади одно-единственное зерно мимо назначенного ему места, и что из этого выйдет? Кто в состоянии предвидеть? Молю, уговорите ее...

О чем бы ни шла речь, он был совершенно выбит из колеи. Я вежливо так прерываю его.

— Минутку, доктор Гоби! Боюсь, произошла ошибка. Не имею ни малейшего представления, о чем это вы.

Джентльмен напротив посмотрел на меня оценивающе.

— Вы?! Вы... — Он застыл, как громом пораженный. — Неужели вы еще не встретились с Тавией?

— Именно так, насколько я понимаю. Никогда не слышал ни о какой Тавии.

Он так потерялся. Прямо жалко его. Ну, я говорю, может, все-таки выпить? Головой качает, не хочет он. Ладно, потихоньку оживать начал.

— О, простите. Произошла ошибка. Примите мои извинения, мистер Лэттери. Боюсь, вы сочли меня легкомысленным человеком. Трудно объяснить... Прошу вас, забудьте. Забудьте обо всем.

Он удалился, печальный такой. А я, хоть и был самую малость озадачен этим разговором, через день-другой думать о нем забыл. Как мой странный собеседник и просил...

По крайней мере, я был уверен, что забыл.

...Разумеется, я не знал, что это Тавия, когда увидел ее спустя пару лет.

Я как раз вышел из «Быка». На Хай-стрит была куча народу. Я хотел сесть в машину, уже взялся за ручку дверцы... И тут чувствую: кто-то на той стороне улицы остановился и смотрит на меня. Внимательно так смотрит. Ну и я тоже глаза поднял. И увидел ее! Мы с ней взглядами встретились. Карие у нее глаза...

Высокая, стройная, выглядит отлично — не то чтоб симпатичная, а гораздо лучше. Я смотрю и смотрю. На ней самая обыкновенная твидовая юбка и джемпер — темно-зеленый, вязаный. Туфли чудные: на низком каблуке, но богатые такие... будто с другого человека сняты. Что-то там еще не так было, но тогда я не понял — что именно. Только потом до меня дошло. Прическа у нее, подходящая, кстати, прическа, но уж больно странная. Ну, допустим, парикмахер тебе волосы заплетет хоть так, хоть эдак — на тысячу ладов. Но когда на толпумотришь, есть нечто общее, какой-то стиль. Причем для каждого времени — свой. Возьмите фотку, которую сделали тридцать лет назад, поглядите — понятно же сразу! Так вот, у девушки и прическа, и туфли не соответствовали всему остальному.

Чутко она постояла, как замороженная, вся такая неулыбчивая. Затем вроде собралась улицу перейти, а сама как будто еще не проснулась. Шажок сделала. Тут стали бить часы на Маркет Холл. Она поглядела на них, чего-то перепугалась и понеслась по тротуару, как Золушка, за последним автобусом.

Никогда я ее раньше не видел. Это точно. Сажусь в машину, думаю: с кем-то это меня перепутали.

На другой день бармен из «Быка» наливает мне пива и как раз говорит:

— Искала вас одна молоденькая, мистер Лэттери. Я показал, где вы обычно сидите... Не нашла?

Я покачал головой.

— Кто такая?

— Она не назвалась... — И тут он описал мне ее. Точь-в-точь та девушка вчерашняя. В смысле, с другой стороны улицы.

Я говорю ему:

— Видел ее разок через улицу. Знать бы, кто она.

— Она-то вроде бы знает вас. Спросила: «Это был мистер Лэттери?». Я ответил: «Да, он». Она закивала, подумала немножко и опять спрашивает: «Он ведь живет в Бэгфорд-хаусе?». «Почему? — говорю. — Нет, мисс, там живет майор Флэкен. А мистер Лэттери живет в Чэтком-коттедже». Она интересуется, где это. Я рассказал ей. Надеюсь, все в порядке? По-моему, она очень миленькая.

Я его успокоил:

— Адрес! Его где угодно можно узнать. Забавно, что она заговорила о Бэгфорд-хаусе. Были бы у меня деньги, я бы поселился именно там.

— Тогда вам стоит поторопиться. Старый майор одной ногой в могиле...

Ну и все. Зачем бы ей адрес мой ни понадобился, она им не воспользовалась. Вся эта история вылетела у меня из головы.

Прошел месяц, и я вновь ее увидел. Я тогда разок или два в неделю ездил верхом с одной девушкой... А потом отвозил ее на машине домой. Звали девушку Марджори Крэншоу. Мы как раз ездили по узким улочкам, там едва-едва разъедутся два автомобиля. Вот завернул я за угол, и тут пришлось резко тормознуть: встречная машина встала посреди дороги. Пешехода объезжала. Ну, проехала она мимо, и тут я гляжу на этого самого пешехода. Она! Незнакомка та самая. Она узнала меня и вроде хотела подойти, поговорить. Дернулась, короче, в мою сторону. Но видит: Марджори со мной рядом. И вот она отошла с таким видом, будто разговор у нее в планы не входил. Ну а я что? Я с места тронул.

— Ого! — Это Марджори. Голосок у нее такой был, мол, кто это тут, к чему бы это, и какой-то провизг в ее «ого» мне послышался.

Я ответил в смысле — откуда мне знать?

— Она-то точно тебя знает, — говорит мне Марджори. Недоверчивая такая.

Мне ее тон не понравился. Какое ей дело? Молчу. Но она не отстает:

— Я ее раньше не встречала.

— Может, курортница, — я говорю. — Тут их полно.

— Не убедил. А как она на тебя смотрела!

— Я, по-твоему, вру?

— А что я такого спросила?

— На что ты вообще намекаешь? Ты, пожалуй, иди. Тут знаешь... уже недалеко.

— Извини, помешала. И тут, конечно, слишком тесно, чтобы развернуть машину. Очень жаль! — Вышла и добавила: — Пока, мистер Лэттери.

А девушки уже и след простыл. Развернуться бы можно, после перебранки с Марджори я даже как-то заинтересовался ею. Спасибо ей большое! Знаете, так бывает: на вас давит какой-то груз... Давит, давит, а вы об этом и не подозреваете. Вы еще не поняли, что у вас на плечах груз. И вдруг он — раз! И пропал. Тут вы и понимаете как раз: был же какой-то груз.

В третий раз мы встретились совсем по-другому.

У меня был коттедж в Девоншире. Он стоял в маленькой лесистой долине. Там было еще четыре коттеджа, мой самый дальний, в низинке, на нем как раз дорога обрывалась. С обеих сторон — крутые холмы с вереском. Ручей. По берегам ручья — пастбища. Раньше вся долина была покрыта лесом, теперь осталось несколько рощиц.

Один раз днем я вышел на огород, посмотреть — бобы взошли или нет? Слышу: кто-то идет. Ветки под ногами трещат. С первого взгляда я эти чудесные волосы узнал. Ну, уставились мы друг на друга, как раньше.

— Э-э... привет, — я говорю.

Не отвечает. Все смотрит на меня. Потом спрашивает:

— Тут еще кто-нибудь есть?

Я осмотрелся.

— Никого не вижу.

Она вылезла из кустов. Осторожно так. Все оглядывалась кругом. Вот как она была одета в первый раз, когда я ее увидел, так и явилась. Волосы растрепаны. Туфли для нашей местности совсем не подходят.

Она выдавила:

— Я...

Сверху, с другого конца лощины, послышались голоса каких-то мужчин. Девушка в испуге замерла.

— Ой! Они идут. Спрячь меня куда-нибудь побыстрее.

Ну, я потянул было:

— Э-э...

— Быстрее же! Они идут. — Очень она боялась и торопилась.

— Может, в дом зайдем? — И веду ее туда.

Она зашла и закрыла дверь на засов.

— Не дайте им поймать меня! Очень вас прощу! — она прямо взмолилась.

— В чем дело? И кто это — «они»?

Не отвечает. Осмотрелась, увидела телефон.

— Вызовите полицию! Скорее вызовите полицию!

Я не тороплюсь реагировать.

— У вас вообще-то есть какая-нибудь полиция?

— Понятно, есть у нас полиция, но..

— Тогда звоните. Пожалуйста!

— Но послушайте... — начал я.

Она стиснула руки.

— Тогда вы должны им позвонить. Да пожалуйста же! Быстрее.

Она просто с ума сходила от страха.

— Отлично. Могу и позвонить. Сами будете объясняться. — И поднимаю трубку.

У нас местность сельская, соединяют не сразу, приходится подождать. Она нервничает, пальцы — в клинче. Наконец меня соединили.

— Алло, — я говорю, — полиция Плайтона?

— Полиция Плайтона... — мне отвечают. И тут я слышу за дверью: гравий скрипит, кто-то подошел и постучался. Настойчиво так. Я девушке трубку отдал и к двери подхожу.

— Не пускайте их! — она говорит. И к трубке поворачивается.

Я колебался. В дверь начали просто дубасить. Не отвечать невозможно.

Завел к себе девицу, заперся — и ага? Третий раз ломанулись, и я открыл.

Ну и мужик! Я оторопел. Аж попятился при виде стоявшего на крыльце мужчины. Нет, лицо у него было нормальное. Обычное лицо. Лет двадцать пять человеку... Зато костюмчик его! Я как-то не готов был увидеть такое. В таком на лыжах катаются! Все облегающее, жакет до бедер, пуговицы стеклянные... А у нас тут Дартмур, самое лето. Я взял себя в руки и спрашиваю, мол, что надо? Ноль внимания. Смотрит мне за спину, на девушку.

— Тавия, — говорит, — поди сюда!

Она продолжает лопотать по телефону, торопится. Молодой человек сделал шаг вперед.

— Стоять! — я ему. — В чем дело?

Он взглянул на меня.

— Да ты не поймешь. — И рукой так это меня отстраняет.

Зачем он так сказал?!

Я ему двинул в живот, а когда он сложился пополам, вышиб на ружу и захлопнул дверь.

— Сейчас они придут, — сказала у меня за спиной девушка. — Едет полиция!

— Хорошо бы ты все-таки объяснила... — начал я.

Тут она показала на окно.

— Смотри!

Я повернулся. А там, на дорожке, еще один человек, совершенно того же вида, что и парень, который хрипел у меня под дверью. Я снял со стены ружье 12-го калибра и зарядил его. Стою лицом к двери и говорю девушке:

— Открой дверь и встань за ней.

Видно было, как сомнения ее гложут, но она послушалась.

За дверью один чужак наклонился над вторым. И третий к дому шагает. Увидели они мое ружье и одеревенели.

— А ну убирайтесь отсюда! Либо будете разговаривать с полицией! Ну, что делать-то будем?

— Но вы не поняли. Это чрезвычайно важно... — начал было один.

— Ладно. Оставайтесь здесь. Полиции расскажете, как это важно. — И показываю девушке: дверь закрывай.

Через окно мне видно было, как двое чужаков помогают идти своему побитому товарищу.

Полицейские держались неласково. Так это без особого желания записали показания о чужаках и холодно удалились. А девушка как тут как тут.

Меньше, чем она сообщила полиции, сказать просто невозможно: трое странно одетых мужчин пристали к ней, и она попросила меня помочь. Полицейские предложили подбросить ее до Плайтона, но она не захотела.

— Теперь, может быть, расскажешь, что за чертовщина творится?

Она глядит на меня долгим таким взглядом, и чем-то она недовольна. То ли загрустила, то ли разочаровалась в чем-то. Чуть не плачет. Потом девушка тихо сказала:

— Я получила твое письмо... и теперь... я сожгла свои корабли.

Я сел напротив нее, достал курицу и задымил. Потом тупо повторил за ней:

— Ты... э-э... получила мое письмо... и теперь ты... э-э... сожгла корабли?

— Да, — она говорит. Обвела взглядом комнату... На что тут смотреть-то? Добавила: — А теперь ты меня знать не желаешь... — И давай реветь.

Я смотрел на нее с полминуты совершенно беспомощно. Затем сходил на кухню, поставил чайник... Пусть-ка придет в себя. Вся моя родня считает чай отличным средством. Возвращаюсь с чайником и чашками. Она вроде успокоилась. Смотрит на незажженный камин. Я чиркнул спичкой. Когда в камине запылал огонь, девушка уставилась на него, как ребенок, которому сделали подарок.

— Прелестно, — сказала она так, будто я чудо какое-то совершил. Снова окинула комнату взглядом и повторила: — Прелестно!

— Хочешь разлить чай? — Она не пожелала и только с интересом поглядывала, как я это делаю.

— Чай... У камина!

Точно. И что?

— Пора бы нам познакомиться. Меня зовут Джералд Лэттери.

— Разумеется, — кивнула она. Такого ответа я не ждал, но тут она добавила: — Октавия Лэттери. Или просто Тавия.

— Тавия?.. — Вроде что-то знакомое, но... — Мы родственники?

— Да... Ужасно дальние. — Она как-то чудно посмотрела на меня. — Бог мой! До чего же трудно... м-м...

Вот-вот опять расплачется.

— Тавия?.. — Что-то припоминалось. Вдруг у меня перед глазами встал тот самый... пожилой. Почему бы нет? — Был тут один. Как его звали-то? Доктор. Доктор... Боги? Или наподобие того.

Девушка моя замерла.

— Гоби? Нет?

— Верно. О какой-то Тавии он меня спрашивал. Часом не о тебе?

— Он здесь? — Она зыркнула по углам, будто доктор Гоби мог там прятаться.

Я объяснил, что дело было два года назад. Она успокоилась.

— Глупый дядюшка Доналд! Это в его стиле! И ты, конечно, ничего не понял?

— Как и сейчас. Вообще-то и дядя мог потерять голову, когда ты пропала.

— Да. Наверное, он еще очень расстроится...

— Расстроился. Два года назад, — я освежил ее память.

— И ты ведь так ничего и не понял?

— Слушай! Столько народу мне говорит: «Не понял! Не понял!». Это единственная вещь, которую я и так уже понял.

— Ладно. Мне стоит объяснить... Только с чего начать?

Я дал ей поразмыслить, не стал перебивать. В конце концов она спросила:

— Ты веришь в предопределение?

— Не думаю.

— Нет-нет. Я не так начала. Скорее... не предопределение, а влечение... когда к чему-нибудь очень тянет... Знаешь ли, я всегда считала эту эпоху самой необычной и самой интересной... И кроме того, в это время жил единственный знаменитый человек в нашей семье. Вот я и сочла твой век чарующим. У вас его, наверное, называли бы романтическим.

— Сам век или то, что ты о нем думаешь?.. — Но она не обратила внимания на мои слова и продолжала:

— Мое воображение рисовало мне целые флоты маленьких смешных леталок. На войне они храбро набрасывались на цель, как Давид на Голиафа. А еще колоссальные неуклюжие корабли, медленно плывшие в одиночестве, но в конце концов все-таки доплывавшие до цели. И никого не волновало, что они тащатся так

медленно! И чудные черно-белые фильмы! И лошади на улицах! И старомодные трясучие двигатели внутреннего сгорания! И камины, которые топят углем! И потрясающие бомбежки. И поезда, которые ходят по рельсам! И телефоны с этими их проводами! И... и... еще много всякого. Сколько необычного можно было испытать на себе! Побывать, скажем, в настоящем театре, на какой-нибудь премьере Шоу или Кауэрда! Или заполучить только что отпечатанную книжку Т. С. Элиота! Или увидеть королеву, проезжающую мимо... наверное, чтобы открыть Парламент! Потрясающее время! Просто чудесное.

— Заслушаться можно. Сам-то я про наше время иначе думаю...

— О! Разумеется! Так и должно быть. Ты все видишь изнутри и не можешь абстрагироваться. Взглянуть со стороны. Пожил бы ты у нас, увидел бы, до чего все скучно, серо и монотонно!

Тут я малость опешил:

— Не понял... Где, ты говоришь, пожить?

— Ну, у нас. В нашем столетии, в двадцать втором. А, ну ты ж ничего не знаешь... Какая я дурочка!

Я сосредоточился на процессе подливания чая.

— Боже! Я знала, что будет трудно, — она говорит. — Правда же, трудно, да?

— Понятно, трудно.

Она — опять весла на воду, брызги в стороны.

— Отчего я занялась историей? Мне хотелось погрузиться в какую-нибудь эпоху. Ну а потом я получила твое письмо на день рождения и выбрала середину двадцатого века как тему для специализации. В смысле, я писала по нему дипломную работу. И конечно, я продолжала его исследовать и после выпуска.

— Э-э... мое письмо это все наделало?

— Но ведь был только один способ, да? Как мне еще-то было подобраться к машине времени? Сначала следовало попасть в историческую лабораторию. И все равно не видать мне машины времени, как своих ушей, не будь я лаборанткой у дядюшки Доналда.

— Машина времени — э? — Я уцепился за соломинку в этой чертовой каше — Что за штуковина?

Она воззрилась на меня такая вся удивленная.

— Ну это... машина времени. Чтобы изучать историю.

— Опять не понял. Ты бы еще сказала: «Делать историю!».

— Ой, нет. Это запрещено. Это уже уголовщина.

— Так, — я сказал. — Теперь насчет письма...

— Ну... я о нем рассказала, иначе никак не объяснишь... Но вы его еще не написали... выходит, получается маленькая путаница.

— Маленькая путаница — это слабо сказано. Мне бы как-то поконкретнее. Вот, например, я вроде бы написал... напишу... письмо. О чем?

Так сурово она на меня посмотрела! А потом стала куда-то в сторону пляться. Вся краской залилась до корней волос. Потом заставила-таки свои глаза смотреть на меня. В зрачках — огонь. Посиял-посиял... и погас. Она уронила лицо в ладони и зарыдала.

— Ты меня не любишь. Ты не любишь меня! Лучше бы мне сюда не приходиться! Лучше бы мне умереть!

— Знаешь, она прямо-таки фыркала на меня! — Тавия мне говорит.

— Ну, вот она удалилась, а с ней и моя репутация, — я говорю. — Отличная работница эта миссис Тумс, но ужасно строгая тетка. Она ведь и от места может отказаться.

— Из-за одного моего присутствия? Вот глупость!

— Наверное, у вас другие нравы...

— Но куда мне деваться? Ваших денег у меня всего несколько шиллингов, да и пойти не к кому.

— Откуда миссис Тумс об этом знает?

— Но мы же... В смысле, мы же не...

— Ночь и цифра два. У нас этого более чем достаточно. Вообще одной цифры два хватает.

— А, помню. Испытательного срока не было. То есть... его нет. Жесткая у вас система. Вроде лотереи — что выпало, с тем и живи.

— Ну... вроде того.

— До чего тупы эти старые обычаи, но... если приглядеться... есть в них шарм. — Тут она посмотрела на меня оч-чень задумчиво. — Ты вот...

— Нет, сначала ты, — я напомнил, — поподробнее объяснишь мне всю вчерашнюю дьявольщину.

— Не веришь мне?

— Знаешь, просто дух захватывает, — признал я. — Но потом я присмотрелся, вроде все верно, никто так сыграть не смог бы. Хмурится.

— Ты такой любезный! Да я середину двадцатого знаю вдоль и поперек. Это специальность моя!

— Да помню я! Только яснее от этого не становится... Все истории на чем-нибудь да специализируются, но они же туда не... ныряют.

Ее чуть удар не хватил.

— То есть как? Очень даже ныряют. Разумеется. Иначе как работать дипломированному историку?

— Многовато у тебя этих «разумеется»... — я ей говорю. — Давай-ка начнем сначала. Вот хотя бы это мое письмо... ладно, черт с ним, пусть будет не письмо... — По лицу видно, как ей худо сделалось от одного упоминания о клятом письме. — Ты, стало быть, работала у дяди в лаборатории с какой-то машиной времени. Это... что? Нечто вроде магнитофона?

— Да Боже, нет! Нет-нет-нет! Больше похоже на шкаф. Ты туда влезаешь и переносишься в другие места и времена.

— Ого! То есть ты туда забрался в каких-нибудь две тысячи сто каких-то, а выбрался в тысяча девятьсот каких-то?

— В любой точке прошлого, — подтвердила она. — Только не всем это можно. Надо быть настоящим специалистом, иметь лицензию... В Англии всего шесть машин времени и около сотни во всем мире. К ним допускают с ба-альшими строгостями. Когда появились первые машины, никто знать не знал, какие будут сложности... Но потом историки стали сверять материал, полученный в путешествиях, и данные письменных источников по тем эпохам. Выяснилось много забавного! Еще до Христа какой-то грек Гиерон демонстрировал в Александрии простенькую модель паровой турбины; Архимед при осаде Сиракуз применял нечто наподобие напалма; Леонардо да Винчи рисовал парашюты, когда с ними еще не откуда было десантировать; Эрик Рыжий каким-то неписанным путем открыл Америку задолго до Колумба; Наполеон очень интересовался подводными лодками, ну и так далее... В общем, ясно: кое-кто неосторожно использовал машину и наплодил хроноклазмы.

— Наплодил... что?

— Хроноклазмы. Это когда события пошли не так или не тогда, как и когда надо. Кто-то был неосторожен или наговорил лишнего. Вроде бы ничего особенно страшного не случилось. Правда, возможно, ход истории несколько раз изменял течение, и люди пишут очень умные труды, чтобы показать, как это происходило. Но любому понятно, какая чудовищная опасность тут заключена. Ты только представь себе: кто-нибудь безответственно показал Наполеону, как делать двигатели внутреннего сгорания, плюс как строить подводные лодки; это же приведет к неопишемым последствиям! Чтобы пресечь новое вмешательство в прошлое, Совет по Истории строго запретил соваться к машинам времени всем, кому не выдана лицензия.

— погоди, погоди! — я ей говорю. — Ведь что было, то было... Ну... например, я здесь... вот. Я ж не могу перестать быть, если какой-нибудь придурок слазит в прошлое и утробит моего дедулю.

— Если бы он это сделал, тебя бы тут не было. Сколько угодно можно было болтать, что прошлого не изменишь, пока мы не на-

учились менять прошлое. Теперь нам следует быть необыкновенно осторожными. Прежде всего историку следует волноваться по этому поводу. Вопросом как это происходит занимаются специалисты по высшей математике. Одним словом, теперь никого так просто к машине не подпустят. Сначала надо пройти специальное обучение, сдать тесты, обеспечить надежные гарантии. Ну и несколько лет посидеть на испытательном сроке... И только потом выдают лицензию. Тогда ты можешь отправиться в то время, которое тебя интересует, и понаблюдать вволю. Но только понаблюдать! В этом деле строгость исключительная.

Я раскинул мозгами обо всем об этом.

— Ты только не обижайся... Ведь все их строгости ты только что поломала. Так?

— Нарушаю. То-то они за мной и пришли.

— Накроется твоя лицензия, если они тебя поймают?

— Боже! Да у меня ее никогда не было. Я сюда попала... «зайцем». Забралась в машину, когда в лаборатории никого не было. Лаборатория-то — дядюшки Доналда, а это сильно все облегчает! Пока меня не взяли с поличным, я всегда могла сделать вид, будто дядя мне поручил что-то там сделать у самой машины. Кстати, я должна была раздобыть здешнюю одежду. А услугами особых костюмеров-для-историков воспользоваться просто не могла. Так что я срисовала кое-какие вещи в музее, а потом сама их сшила в точности так... да? Ведь все точно? Все в порядке?

— У тебя, считай, получилось. Только с обувью малость... не того. Она поглядела себе на ноги.

— Вот я и боялась... Я не нашла ничего подходящего в точности... — огорчилась она. — Я даже несколько раз сюда ненадолго забегала. Надолго нельзя: здесь истратишь час — там тоже уйдет час. А мне машину настолько занимать нельзя. Вчера один человек сунулся в лабораторию, как раз когда я возвращалась. Он только посмотрел на мои тряпки и сразу все понял. Что мне было делать? Я запрыгнула в машину — иначе у меня потом не было бы никаких шансов... Они там, разумеется, за мной, переодеться не успели. В общем, ты видел.

— И думаешь, вернутся? — я спрашиваю.

— Ну да. Только оденутся в соответствии с эпохой.

— Что они сделают-то? Стрелять будут или как?

Она покачала головой.

— О, только не это. Жуткий выйдет хроноклазм, особенно если они кого-нибудь подстрелят.

— Ты — здесь у нас. Из-за одного этого хроноклазмы каскадами пойдут. Что хуже?

— Я полностью скомпенсирована. В смысле, все мои действия. Я же посмотрела!

Прозвучало как-то невпечатляюще. Да.

— Им тоже нужно посмотреть все про меня, тогда бы они меньше дергались. — И тут она быстренько заговорила о другом: — У вас ведь принято на свадьбах... наряжаться? Надевать нечто особенное?

Похоже, эта тема куда сильнее щекотала ей нервы.

— М-м... — Тавия бормочет. — Мне нравится, как устроен брак в двадцатом веке.

— Для меня он тоже прибавил в ценности — а все из-за тебя, киска, — я ей отвечаю.

Чистая правда, кстати. За последний месяц брак в моих глазах просто круто попер в гору. Сам не ожидал!

— Вот ты мне скажи, это правда или нет... в двадцатом веке у супругов обязательно должна быть одна огромная кроватища? А, дорогой?

Любопытно ей!

— Без вариантов, киска. — И голос у меня такой весь твердый. Как скала.

— Забавно. Не особенно гигиенично, разумеется, но очень мило.

Сидим, размышляем на эту тему.

— Да и фыркать она на меня перестала...

— Киска... тебя, можно сказать, сертифицировали. На сертифицированное фыркать нельзя, — я говорю.

Мы поболтали о наших делах. Потом я ей заявляю:

— Вроде, киска, те парни, которые так хотели тебя сцапать, нам больше не помеха. Давненько их не было. Сто раз бы заглянули, если бы ты для них была настоящим шилом в заднице.

Она головой качает — в смысле, «нет».

— Надо и дальше быть начеку. Странно, конечно... Может, дядюшка Доналд что-то напутал: он, бедняга, с техникой не в ладах. Помнишь, как он промазал на два года? От нас ничего не зависит. Нам остается ждать и смотреть в оба.

У меня шарики-ролики в мозгах уже в другую сторону крутились.

— Придется работенку искать. Рискованно будет тебе одной... сама понимаешь.

— Работенку? — Она задержалась.

— На меня одного денег хватало. На двоих — не хватит. Любая жена рассчитывает на приличный уровень. Ну и... если с ума не сходить, конечно, — имеет право. Короче, моих денег маловато будет.

— Не волнуйся на этот счет, — успокаивает. — Изобретешь что-нибудь.

— Я? И-зо-бре-ту?

— Ну да. В радио ты вроде разбираешься?

— Курсы по радарным установкам — времен службы в BBC. Тут она аж подскочила.

— А! BBC! — воскликнула она в экстазе. — Класс! Ты сражался во Второй мировой войне! Может, ты еще Монти знал? Или Ай-ка? Или еще кого-нибудь из тех потрясающих людей?

— Лично не знал. Другой род войск, крошка.

— Какая жалость! Все так любят Айку... Ладно, давай о деле поговорим. Все, что тебе надо, — это принести специальную радиотехническую литературу. Ну и электротехническую еще. А я уж тебе покажу, чего наизобретать.

— Ты покажешь?.. То есть? Понял. А в целом это как — нормально, по-твоему?

Как-то меня сомнения взяли.

— Почему бы нет? Наизобретал же кто-то все эти вещи, иначе как бы я их в школе проходила?

— Э-э... тут бы надо не торопясь пораскинуть мозгами...

...Чистое совпадение. То есть могло быть чистым совпадением. С тех пор как мы с Тавией познакомились, я все совпадения под подозрением держу. Как бы там ни было, однажды утречком посмотрела моя жена в окно и говорит:

— Гляди-ка, дорогой, кто-то нам из-за деревьев машет.

Точно. Машут палкой с носовым платком на конце. Беру бинокль. В бинокль видно: сидит в кустах какой-то старикан. Даю бинокль Тавии. Она как завопит:

— Боже! Дядя Доналд! — И потом добавляет: — Может, нам поговорить с ним? Он как будто один.

Ну, я вышел, иду по тропинке к зарослям, машу в ответ. Он вылезает оттуда, дубину свою тащит наподобие флага. Лепечет что-то. Я едва-едва услышал:

— Не стреляйте!

Развожу руки, показываю, мол, никакого оружия. За мной и Тавия вышла. Подходим ближе. Этот старый хрыч палку перекладывает в другую руку, шляпу снимает, кланяется так вежливенько.

— О, сэр Джералд! Чувствительно рад видеть вас вновь.

— Да он не сэр Джералд, дядя. Он мистер Лэттери, — Тавия говорит.

— Боже! Опять я говорю глупости. Мистер Лэттери, — он отвечает, — я уверен, вы обрадуетесь, когда узнаете, что рана пустячная.

Болезненная, но не опасная. Несчастному придется провести некоторое время лежа на животе, не более того.

— Какому несчастному?

До чего тупая у меня, наверное, рожа была в тот момент! Ни в сказке сказать.

— Тому, которого вы подстрелили днем раньше.

— Под-стре-лил?

— Наверное, днем позже! — окрысилась моя Тавия. — Дядя, совсем ты не ладишь с машиной!

— Но в общих-то чертах мне все понятно, душа моя. Только вот эти кнопки... многовато их там наделали.

— Неважно. Раз уж ты сюда появился, не пойди ли нам в дом? — она спрашивает. — А платок спрячь в карман.

Вот чудило! Заходит старый хрыч в дом, глазами зыркает туда-сюда: все ли аутентично? Садимся. И тут Тавия сказала:

— Прежде всего ты должен знать, дядя Доналд, что я стала женой Джералда. Вот так. Женой мистера Лэттери.

Доктора Гоби чуть удар не хватил.

— Женой? — повторил он. — Но с какой целью?

— Боже мой! — Тавия набралась терпения и все-таки принялась объяснять: — Я его люблю, он любит меня. Вот мы и поженились. Тут поступают именно так.

— Э? Э? Да... — Доктор Гоби потряс головой, будто отгонял дурной сон или нечистую силу. — Я, разумеется, знаю, до какой степени сентиментальными люди были в двадцатом веке. Но ты-то зачем... э-э... обаборигенилась? То есть отувременилась.

— А мне нравится, — отвечает моя Тавия.

— Девицы и должны быть романтичными. Но подумала ли ты о затруднениях, которые одно твое присутствие может причинить сэру Дже... э-э... мистеру Лэттери?

— От неприятностей я его начисто избавила, дядя. На неженатых тут фыркают. Мы поженились, и все фыркание сошло на нет.

— Имеется в виду не то время, пока ты здесь, а то, когда тебя здесь уже не будет. У них множество правил по поводу констатации смерти или исчезновения и тому подобное... Одним словом, бесконечные сложности. Ему просто не дадут жениться ни на ком другом.

— Я уверена, что ему и не захочется. Дорогой, разве не так?

— Конечно, не захочется, — запротестовал я.

— Уверен?

— Киска, — я говорю, а сам уже ухватил ее за руку, — да хоть бы все женщины этой паршивой планетки...

...Чуть погода доктор Гоби начал кашлять исключительно громко. Напоминает, старый хрыч, о своем присутствии.

— Истинная цель моего визита — убедить мою племянницу вернуться. Сейчас же! Факультет в величайшей тревоге, лично я попал под удар. Руководство считает необходимым вернуть ее немедленно, пока мы не нанесли какого-нибудь серьезного ущерба... Любкой хроноклазм отзывается в веках чудовищным эхом. Каждую секунду эта эскапада Тавии может обернуться настоящей катастрофой. Мы все буквально дрожим от страха.

— Жаль, что ты попал под удар, дядя, но я не вернусь. Тут я настоящему счастлива.

— Но, душа моя, подумай о хроноклазмах! Я вскакиваю по ночам от одной мысли...

— Милый дядя, да это ерунда по сравнению с теми хроноклазмами, которые обрушатся на всех, если я сейчас вернусь. Ты должен понять, что мне никак нельзя возвращаться. Понять и объяснить это другим.

— Никак нельзя? — одеревенело переспросил доктор Гоби.

— Никак! Загляните же вы наконец в источники! Вот только заглянете и увидите, что мой супруг... слово-то до чего забавное, неуклюжее и старомодное... А мне от него так приятно! У этого слова весьма древние лингвистические истоки...

— Мне кажется, ты хотела рассказать, почему тебе нельзя возвращаться, — влез доктор Гоби.

— Ой, да. Ну, вы увидите в источниках, что он для начала разработал связь для подводников, а потом изобрел криволинейную передачу. За это его и возвели в рыцарское звание.

— Все это мне отлично известно, Тавия. Я пока не понимаю только...

— Думаю, ты должен понять, дядя. Как, черт побери, он все это наизобретает, если я ему не расскажу и не покажу, что к чему? Вот заберешь ты меня отсюда, и тогда никто всего этого не изобретет. Представь себе последствия!

На доктора Гоби напал столбняк.

— Да.. — говорит. — Да-да... Отчего же я сам не додумался?

— Кроме того, — добила его моя Тавия, — Джералду ненавистна сама мысль, что я пропаду. Разве не так, дорогой!

— Понятно, я... — Но этот самый доктор Гоби встал, и я тут же заткнулся.

— М-да, — говорит. — Кажется, отсрочка действительно необходима. Я сообщу им это. Но это всего-навсего отсрочка.

Вроде уходит старый хрыч. К двери пошел. Нет, еще что-то ему понадобилось, развстался в дверях.

— И все-таки, душа моя, пока ты тут, сохраняй величайшую осторожность. Тебе придется столкнуться со сложными и деликатными

проблемами. Страшно подумать, какая неразбериха может выйти из твоего легкомыслия. Допустим, ты станешь собственной прародительницей...

— Не работает, дядюшка. Я ведь из боковой линии. Припоминаешь?

— Действительно. Какая удача! Итак, я говорю до свидания — тебе и сэру... э-э... мистеру Лэттери. — Голосом, мерзавец, назвал на слово «свидания». — Я верю, что мы еще встретимся — в конце концов, приятно побывать здесь не только в ампула наблюдателя.

— Вот я и говорю. Обалдеть можно! — согласилась моя Тавия.

Он только головой покачал — сама общественная нравственность.

— Боюсь, душа моя, ты не слишком глубоко изучила эпоху. Используемое тобой выражение принадлежит более позднему периоду, да и тогда его чуждались воспитанные люди.

Пальбой мы позабавились неделю спустя. Трое придурков прикинулись простыми работягами и уже хотели было к нам ломануться. Но Тавия одного узнала в бинокль. Я выскочил с ружьем, и они порскнули от меня в кусты, как зайцы. Но один поймал-таки задницей хорошую порцию дрови. Пришлось ему скакать на одной ножке.

Больше нас не трогали. Чуть погодя я занялся связью для подводников. Оказалось, просто аж до тупости... конечно, если принцип тебе ясен. Подал заявку на патент. Мы перешли ко второй работе — криволинейной передаче.

Тавия меня торопила.

— Веришь ли, я не знаю, сколько нам отпущено, дорогой. С тех пор как я здесь очутилась, я стараюсь вытащить из памяти дату твоего письма, но ничего не получается, хотя точно помню — ты ее подчеркнул. В твоей биографии говорится, будто твоя первая жена тебя бросила. Слово-то какое чудовищное — «бросила»! Разве я могу бросить тебя, мой любимый! Там, правда, не говорится, когда эта беда стряслась. Приходится торопить тебя. Если ты не успеешь доработать свое изобретение, случится чудовищный хроноклазм.

Тут она заговорила совсем иначе. Грустно так. Моя Тавия!

— Вообще-то хроноклазм все равно будет. Я беременна.

— Нет! — Это я, понятно, от восторга завопил.

— Почему нет? Очень даже беременна. Как все это волнительно... Прежде с путешествующими историками такого не бывало. Дядюшка Доналд с ума бы сошел от ужаса, если б знал.

— Катился бы этот дядя Доналд! — я ору. — С хроноклазмами вместе! Киска, такое известие надо отпраздновать.

Промелькнуло несколько недель. С патентами моими как будто все устаканилось. Я всерьез взялся за теорию криволинейной передачи. Дела обстояли отлично. Мы так и эдак прикидывали, какое имя дать ребенку. Доналд? Александра? Кроме того, мы планировали купить Бэгфорд-хаус, гонорары-то были уже не за горами... Тавия еще смеялась: до чего забавно будет впервые услышать обращение «леди Лэттери»...

А потом я с маху врвался в один декабрьский вечер. Как раз я вернулся из Лондона, дела там утрясал с одним промышленником... Ее нет.

Ни записки, ни словечка на прощание. Только дверь расхляблена, да стул перевернут.

Тавия, моя Тавия! Где же ты? Тавия! Тавия! Тавия!

Чего я писать-то начал про все про это... Неудобно как-то числиться изобретателем того, чего не изобретал. В общем, надо бы всю эту историю разъяснить. Только вот добрался я до конца и вижу, что нет никакого толка в моих разъяснениях. Ну, допустим, выложу я правду, когда мне рыцарское звание давать будут, и откажусь от него. Какая буча подымется! Нет, пусть все будет, как будет. Я так мыслю, из гениев-изобретателей не я первый и не я последний попользовался дармовщинкой.

Никогда я не был знатоком всяческих тонкостей насчет связи событий или вроде того. И какой-нибудь дикий хроноклазм вовсе не боялся устроить. Но твердо знаю, что одну вещь сделать все-таки стоит. Страшно: если я этого не совершу, всей моей истории с Тавией никогда не случится... Или нет, никогда не случилось бы, так? В общем, надо написать письмо.

Сначала адрес на конверте:

«МОЕЙ ПРАПРАВНУЧАТОЙ ПЛЕМЯННИЦЕ,
МИСС ОКТАВИИ ЛЭТТЕРИ

(Вскрыть в 21-й день ее рождения, 6 июня 2136 года.)».

Затем само письмо. Написать дату. Подчеркнуть ее.

«МОЯ НЕЖНАЯ, ДАЛЕКАЯ, МИЛАЯ ТАВИЯ, О МОЯ ЛЮБИМАЯ...»

1954

Айзек Азимов

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Глава 1. ТЕХНИК

Эндрю Харлен вошел в капсулу. Ее стенки были идеально круглыми и плотно прилегали к вертикальной шахте, образованной редкими прутьями, которые поблескивали в непроницаемой дымке шестью футами выше головы Харлена. Харлен взял за рукоятки управления и плавно нажал на пусковой рычаг.

Капсула осталась неподвижной.

Харлена это не удивило. Он не ожидал никакого движения — ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Лишь промежутки между прутьями словно растаяли, затянувшись серой пеленой, которая была твердой на ощупь, но все равно нематериальной. Еще были легкая дрожь в желудке и слабое головокружение, говорящие Харлену, что капсула со всем содержимым, включая и его, стремительно мчится сквозь Вечность.

Он вошел в капсулу в 575-м Столетьи, ставшем его оперативной базой два года назад. В то время 575-е было самым дальним уголком будущего, куда ему доводилось путешествовать. Сейчас он направлялся в 2456-е Столетие. В обычных обстоятельствах Харлену стало бы не по себе от такой перспективы. Его родное Столетие — если быть точным, 95-е — осталось далеко в прошлом. Это был век запрета на атомную энергию, патриархальной простоты и деревянных построек, который экспортировал во многие другие Столетия напитки и ввозил семена клевера. Хотя Харлен не был в 95-м с тех пор, как в пятнадцать лет стал Учеником и прошел специальную подготовку, его не покидало чувство тоски по дому. В 2456-м он оказывался почти в двухстах сорока тысячелетиях от

даты своего рождения, а это ощутимая дистанция даже для закаленного Вечного.

При обычных обстоятельствах все было бы именно так. Однако сейчас Харлен не мог думать ни о чем, кроме документов, оттягивавших ему карман, и планов, тяжело давивших на сердце. Он был отчасти испуган, отчасти взволнован, отчасти смущен.

Его руки автоматически остановили капсулу в нужной точке нулевого Столетия.

Странно, что Техник способен волноваться или нервничать по поводу чего-либо. Наставник Ярроу однажды сказал:

— Прежде всего Техник должен быть бесстрастен. Совершаемое им Изменение Реальности может отразиться на жизни пятидесяти миллиардов человек. Миллион или более могут измениться так сильно, что сделаются совершенно новыми личностями. В этих условиях эмоции — непозволительная роскошь.

Харлен резко тряхнул головой, прогоняя из памяти воспоминание о сухом голосе его учителя. Тогда он не мог даже вообразить, что у него проявится талант именно в этой области. И все же эмоции взяли над ним верх. Но он волновался не из-за пятидесяти миллиардов человек — какое ему, ради Времени, до них дело? Его интересовал только один. Один человек.

Он заметил, что капсула больше не движется, но прежде чем выйти наружу, задержался на долю секунды, чтобы собраться с мыслями и вновь обрести холодное, бесстрастное состояние духа, подобающее Технику. Капсула, которую он покинул, конечно же, не была той же самой, в которую он вошел, в том смысле, что не состояла из тех же атомов. Харлена это заботило не больше, чем любого Вечного. Только Ученики, новички в Вечности, ломают голову над тайнами межвременных путешествий вместо того, чтобы просто принять их как факт.

Он снова задержался у бесконечно тонкой завесы Межвременья, которое отделяло его от Вечности с одной стороны и от обычного Времени с другой. По ту сторону завесы лежал совершенно неведомый ему Сектор Вечности. Конечно, кое-что он узнал, поскольку перед отъездом заглянул в Темпоральный Справочник. Но никакой Справочник не мог заменить личного впечатления, поэтому он был внутренне готов к любым неожиданностям.

Он настроил управление на выход в Вечность — это было очень просто, куда проще, чем выйти во Время, что делалось гораздо реже. Шагнув вперед и оказавшись по ту сторону завесы, он зажмурился от ослепительного блеска и инстинктивно прикрыл глаза рукой. Перед ним стоял всего один человек. Вначале Харлен едва мог разглядеть его.

— Я Социолог Кантор Вой, — сказал человек. — Полагаю, что вы и есть Техник Харлен?

Харлен кивнул.

— Ради Времени! — воскликнул он. — Неужели вы никогда не выключаете эту иллюминацию?

— Вы имеете в виду молекулярные пленки? — вежливо спросил Вой, оглядевшись.

— Именно их! — раздраженно буркнул Харлен. Справочник упоминал о них, но Харлен никогда не подозревал, что световые отражения могут сиять так неистово.

Харлен понимал причину своего раздражения. 2456-е Столетие, как и большинство других, основывалось на использовании вещества, поэтому он надеялся с самого начала встретить что-то похожее на знакомый ему мир. Здесь не должно было оказаться сбивающих с толку любого питомца вещественного Столетия энергетических вихрей 300-х или силовых полей 600-х. В 2456-м из вещества, к удовольствию нормального Вечного, изготовлялось все, от стен до гвоздей.

Конечно, вещество бывает разным, хотя человек из энергетического Столетия мог бы с этим не согласиться. Для него любое вещество было чем-то грубым, тяжелым и варварским. Но Харлен родился в вещественный век и воспринимал вещество как дерево, металл (тяжелый или легкий), пластик, кирпич, бетон, кожу и так далее.

Но попасть в мир, состоящий из одних зеркал!

Таково было его первое впечатление от 2456-го. Каждая поверхность сверкала, отражая свет. Молекулярные пленки создавали повсюду впечатление зеркальной глади. И повсюду виднелись бесчисленные отражения его самого, Социолога Воя и всего окружающего в самых невероятных ракурсах. От блеска и пестроты красок его начинало мутить.

— Сожалею, — сказал Вой, — но таков обычай данного Столетия, а в нашем Секторе принято по мере возможности перенимать все, что практично. Постепенно вы тоже привыкнете.

Вой быстро зашагал вперед, наступая на пятки другому Вою, который шагал вниз головой, в точности повторяя все движения первого. Он передвинул волосок индикатора по спиральной шкале к нулевой точке.

Отражения утасли, яркие огни потускнели. Харлен почувствовал себя спокойнее.

— Не пройдет ли вы со мной? — пригласил Социолог.

Харлен последовал за ним через пустые коридоры, в которых всего несколько мгновений назад царил хаос огней и отражений, вверх по пандусу и через переднюю в кабинет Воя.

На всем пути они не увидели ни одной живой души. Харлен настолько привык к такому положению, что воспринимал безлюд-ные коридоры как должное. Он был бы удивлен, почти шокирован, заметив спешащую скрыться с глаз человеческую фигуру. Можно было не сомневаться, что весть о прибытии Техника уже разнес-лась по Сектору. Даже Вой пытался держаться на расстоянии и по-спешно отшатнулся, когда Харлен случайно задел ладонью его ру-кав.

Харлен слегка удивился охватившему его после этого чувству горечи. Он полагал, что раковина, выросшая на его душе, слишком толста, чтобы реагировать на подобные вещи. Если он ошибался, если стенки его раковины стали тоньше, то этому могла быть толь-ко одна причина.

Нойс!

Социолог Кантор Вой наклонился к Технику с кажущимся дру-желюбием, но Харлен машинально отметил, что их разделяет до-вольно широкий стол.

— Я польщен, — начал Вой, — что Техник с такой высокой репутацией заинтересовался нашей маленькой проблемой.

— Да, она представляет некоторый интерес.

Харлен отвечал тем холодным и бесстрастным тоном, какого от него ждали. (Но достаточно ли он бесстрастен? Конечно, его истинные побуждения должны бросаться в глаза, а его вина написана каплями пота на лбу.)

Он вытащил из внутреннего кармана рулончик с описанием запланированного Изменения Реальности. Это был тот самый эк-земпляр, который месяцем раньше был послан Всевременному Совету. Благодаря своей близости к Старшему Вычислителю Твис-селу — к самому Твисселу! — Харлен заполучил его без особого труда.

Перед тем как расстелить ленту на поверхности стола, где ее удерживало слабое парамагнитное поле, Харлен немного помед-лил. Молекулярная пленка, покрывающая стол, погасла не до кон-ца. Проследив взглядом за движением руки, Харлен увидел свое мрачное лицо, отраженное на поверхности стола. Ему было трид-цать два года, но он выглядел старше, и сам это знал. Возможно, его старили узкое лицо и темные брови над еще более темными глаза-ми, придававшие ему суровый, насупленный вид — настоящий Техник, каким его представляют все Вечные. А может, причина бы-ла в том, что он сам осознавал себя прежде всего Техником.

Тут же он развернул рулон на столе и решительно приступил к делу.

— Я не Социолог, сэр.

— Звучит злое, — усмехнулся Вой. — Когда кто-то объявляет себя некомпетентным в какой-либо области, то обычно за этим немедленно следуют самые банальные суждения по данному вопросу.

— О нет, — сказал Харлен, — не суждение. Всего лишь просьба. Я хотел бы, чтобы вы еще раз просмотрели ваше заключение и поискали, нет ли в нем небольшой ошибки.

Вой сразу же помрачнел.

— Надеюсь, что нет.

Одна рука Харлена лежала на спинке стула, другая на коленях. Он не должен был барабанить по столу беспокойными пальцами, не должен закусывать губ. Не должен позволять себе никакого проявления чувств.

Даже после того, как все течение его жизни неузнаваемо изменилось, он регулярно просматривал все новые проекты Изменений Реальности, которые проходили через административные жернова Всевременного Совета. Как личный Техник Старшего Вычислителя Твиссела он мог не считаться с небольшим нарушением профессиональной этики. Особенно в последние дни, когда все внимание Твиссела полностью поглотил его собственный проект. (У Харлена чуть раздулись ноздри — теперь он кое-что знал об этом проекте.)

Харлен почти не надеялся, что ему удастся найти то, что он искал, в оставшееся у него время. Наткнувшись на проект Изменения Реальности с 2456-го по 2871-е Столетие, серийный номер В-5, он даже решил в первый момент, что принимает желаемое за действительное. Не доверяя самому себе, он весь день проверял уравнения и зависимости, и чем дальше, тем сильнее возбуждался. С чувством благодарности, оттененным легкой горечью, он вспоминал своих Наставников, обучивших его элементарной психоматематике.

Сейчас Вой с недоумением и озабоченностью разглядывал ту же самую перфоленгу.

— Мне кажется, — произнес он наконец, — я имею в виду, что лично мне кажется, что все в полном порядке.

— Тогда я позволю себе обратить ваше внимание на любовные отношения, характерные для Реальности вашего Столетия. Это область социологии, поэтому я решил в первую очередь встретиться именно с вами, а не с кем-либо еще.

Вой нахмурился. Он был вежлив, но в его голосе слышался холод.

— Наблюдатели, приписанные к нашему Сектору, очень опытные. Я совершенно уверен в точности их информации по данному проекту. Может быть, у вас есть другие сведения?

— Вовсе нет, Социолог Вой. Я принимаю ваши данные и ставлю под сомнение только выводы. Взгляните сюда: не будет ли комплекс-тензор в этой точке переменным, если подставить точные значения для любовных отношений?

Вой взглянул, и на лице его явственно отразилось облегчение.

— Разумеется, Техник, разумеется, но уравнение в этой точке превращается в тождество. В итоге получается лишь небольшая петля без побочных ответвлений с любой стороны. Надеюсь, вы простите мне использование этого цветистого языка вместо точных математических формул.

— Я оценил это, — сухо сказал Харлен. — Вычислитель из меня не лучший, чем Социолог.

— Что ж, отлично. Упомянутый вами переменный комплекс-тензор, который можно назвать просто развилкой, не играет никакой роли. Развилка снова соединяется в один-единственный путь. Это такой пустяк, что о нем не стоило даже упоминать в наших рекомендациях.

— Раз вы так считаете, сэр, то мне остается только согласиться с вами. Теперь осталось только выбрать МНВ.

Харлен заранее знал, что при этих словах Социолог поморщится. МНВ означало «Минимальное необходимое воздействие», и здесь решающее слово принадлежало Технику. Социолог мог считать себя выше критики со стороны существ низшего порядка, пока он занимался математическим анализом бесчисленных возможных Реальностей, но в деле выбора МНВ все решал Техник.

Одних математических вычислений здесь было недостаточно. Даже самый большой Киберцентр, управляемый самым умным и опытным Старшим Вычислителем, в лучшем случае мог только указать область вероятных поисков МНВ. После этого Техник изучал данные и выбирал в границах этой области нужную точку. Хороший Техник ошибался очень редко. Первокласный Техник не ошибался никогда.

Харлен не ошибся ни разу.

— МНВ, рекомендованное вашим Сектором, — продолжал Харлен ровным, бесстрастным голосом, четко произнося слова Единого межвременного языка, — предусматривает аварию космолета и мучительную смерть дюжины или большего количества людей.

— Это неизбежно, — сказал Вой, пожимая плечами.

— В свою очередь я считаю, что МНВ может быть сведено к простому перемещению небольшого ящика с одной полки на другую. Взгляните сюда.

Харлен сделал своим бледным, идеально подходящим для указания ногтем слабую отметку на одной из серий перфорации. Вой слушал его с напряженным, но молчаливым вниманием.

— Разве это не меняет ситуацию с рассмотренной вами развилкой? Это делает появление развилки менее возможным и приводит нас...

— ...к вероятной МОР, — прошептал Вой.

— ...к точной Максимальной ожидаемой реакции, — поправил Харлен.

Вой поднял глаза; на его смуглом лице попеременно отражались злость и досада. Харлен мимоходом обратил внимание на щель между верхними передними зубами Социолога, придававшую ему обманчивое сходство с зайцем, что контрастировало со сдержанной силой его слов.

— Полагаю, что Всевременной Совет еще укажет мне на эту ошибку, — сказал Вой.

— Не думаю. Насколько мне известно, Всевременной Совет ничего об этом не знает. Во всяком случае, ваш проект Изменения попал ко мне без комментариев. — Харлен не уточнил слова «попал», и Вой не спросил его об этом.

— Значит, это вы обнаружили ошибку?

— Да.

— И не сообщили о ней Всевременному Совету?

— Нет, не сообщил.

Сначала Вой облегченно вздохнул, затем нахмурил брови.

— Но почему?

— Мало кто мог избежать подобной ошибки. Я решил, что смогу исправить ее, пока не поздно. Так я и сделал. Чего же еще?

— Что ж, благодарю вас, Техник Харлен. Вы повели себя как друг. Хотя ошибка, допущенная нашим Сектором, как вы сами сказали, почти неизбежна, боюсь, что в отчетах она выглядела бы непростительной оплошностью.

После секундной паузы Вой продолжал:

— Впрочем, по сравнению с теми сдвигами, которые вызовет грядущее Изменение Реальности, преждевременная смерть нескольких человек мало что значит.

«Похоже, он не слишком мне благодарен, — подумал Харлен. — Скорее обижен. А если он к тому же подумает, что от выговора его спас Техник, он обидится еще больше. Будь я Социологом, он бросился бы мне на шею, но Технику руки не подаст. Он не желает даже притронуться к Технику, а сам готов обречь дюжину людей на смерть от удушья».

Ждать, пока Социолог обидится всерьез, было нельзя, и Харлен напрямую спросил:

— Я надеюсь, что вы в знак благодарности не откажете мне в маленькой услуге?

— Услуге?

— Мне нужен План Судьбы. Все необходимые данные у меня с собой, как и проект Изменения Реальности в 482-м. Мне надо выяснить влияние этого Изменения на судьбу определенного человека.

— Я не уверен, что правильно понял вас, Техник, — медленно проговорил Вой. — Разве вы не можете сделать это в вашем собственном Секторе?

— Могу. Но я занимаюсь личными исследованиями и не хочу, чтобы до их завершения какие-либо результаты стали известны. В моем Секторе такой план трудно составить без... — Харлен завершил фразу неопределенным жестом.

— Значит, вы хотите сделать это неофициальным образом?

— Я хочу сделать это конфиденциально. И получить конфиденциальный ответ.

— Слушайте, это ведь противозаконно. Я не могу пойти на такое нарушение правил.

Харлен нахмурился.

— Это не более незаконно, чем мой отказ сообщить о вашей ошибке Всевременному Совету. Однако в том случае вы почему-то не возражали. Если вы так щепетильны в одном случае, то следует быть не менее щепетильным и в другом. Надеюсь, вы меня понимаете?

Вой отлично все понял — об этом говорило выражение его лица. Он протянул руку.

— Могу я взглянуть на документы?

Харлен слегка расслабился. Главная помеха осталась позади. Он внимательно смотрел, как голова Социолога склоняется над принесенными им пленками.

Наконец Вой нарушил молчание:

— Клянусь Временем, это же совсем небольшое Изменение! Воспользовавшись случаем, Харлен решил рискнуть.

— Так и есть. Слишком небольшое, на мой взгляд. Дело именно в том, что оно ниже критической границы, и мне пришлось избрать в качестве примера отдельного человека. Вы, конечно, понимаете, что было бы неэтично проводить эти расчеты в моем Секторе, пока я не убедился бы в своей правоте.

Вой ничего не ответил, и Харлен умолк, боясь наговорить лишнего. Наконец Социолог встал.

— Я передам ваш материал моему Планировщику. Мы все сохраним в тайне. Надеюсь, вы понимаете, что это не стоит рассматривать как прецедент.

— Конечно.

— В таком случае, если вы не возражаете, я хотел бы поскорее осуществить Изменение Реальности. Я уверен, что вы окажете нам честь и лично совершите МНВ.

Харлен кивнул:

— Всю ответственность я беру на себя.

Когда они вошли в наблюдательную камеру, там уже работали два экрана. Инженеры заранее настроили их на заданные координаты в Пространстве и Времени и удалились. Харлен и Вой были одни в сверкающей огнями комнате. (Блеск молекулярных пленок вновь был более чем заметен, но Харлен смотрел только на экраны.)

Оба изображения были неподвижны и казались мертвыми. Они соответствовали математически точным моментам Времени.

Одно изображение сохранило яркие естественные краски; Харлен узнал в нем машинный зал экспериментального космического корабля. Дверь еще не успела закрыться, и в оставшейся щели виден был блестящий башмак из красного полупрозрачного материала. Башмак не двигался. Ничто не двигалось. Если бы изображение было достаточно резким, чтобы разглядеть пылинки в воздухе, то и они оказались бы неподвижны.

— Машинный зал будет пуст два часа тридцать шесть минут, — сказал Вой. — Естественно, в текущей Реальности.

— Знаю, — пробормотал Харлен, натягивая перчатки. Он отметил быстрым взглядом положение нужного ящика на полке, измерил число шагов до него, нашел, куда его необходимо переставить. Он бросил быстрый взгляд на второй экран.

Поскольку машинный зал находился во времени, которое по отношению к данному Сектору Вечности можно было считать «настоящим», то его изображение было четким и сохраняло естественные краски. Вторая сцена отстояла от первой на двадцать пять Столетий и, подобно всем изображениям «будущего», виделась сквозь голубую дымку.

Это был космопорт. Ярко-синее небо, отливающие синевой металлические конструкции, зеленовато-синяя почва. На переднем плане стоял голубой цилиндр странной формы с массивным основанием. Два таких же виднелись поодаль. Все три цилиндра устремили расщепленные носы к небу; щель рассекала каждый корабль почти надвое. Харлен поднял брови.

— Какие они странные!

— Электрогравитация, — ответил Вой. — Только в 2871-м Столетии существовали электрогравитационные космические корабли. Никаких ракетных двигателей или ядерных установок. И эстетически очень приятны. Жаль, что Изменение уничтожит их. Очень жаль. — Его устремленный на Харлена взгляд выражал открытое неодобрение.

Харлен стиснул зубы. Неодобрение. Конечно! Чего еще можно ждать? Ведь он же Техник.

Некий Наблюдатель собрал сведения о потреблении наркотиков. Некий Статистик показал, что последние Изменения увеличили число наркоманов в данной Реальности до рекордной цифры. Некий Социолог — может быть, сам Вой — построил по этим данным психологическую характеристику общества. Наконец, некий Вычислитель просчитал Изменение Реальности, сводящее потребление наркотиков до безопасного уровня, побочным эффектом которого стало исчезновение электрогравитационных космолетов. Десятки, сотни людей, занимающих разные посты в Вечности, приложили руку к этому проекту.

Но потом, под конец, для его осуществления на сцену должен выйти некий Техник. Именно он, следуя разработанным ими инструкциям, произведет Изменение Реальности. И тогда остальные обрушат на него гневное презрение. Их взгляды будут говорить: «Это ты, а не мы, уничтожил такую красоту».

Поэтому они станут осуждать и сторониться его. Они примутся перекладывать свою собственную вину на его плечи.

— Корабли не в счет, — резко сказал Харлен. — Нас с вами должны интересовать вот эти штуки.

«Штуками» были люди, которые казались карликами рядом с громадами кораблей, так же, как сама Земля и все земное кажутся крохотными из космоса.

Эти куклы-малютки были раскиданы группами по всему космодрому. Их тоненькие ручки и ножки потешно застыли, скованные льдом Времени.

Вой пожал плечами.

Харлен надел портативный генератор Поля на запястье левой руки.

— Давайте кончать с этим делом.

— Одну минуту. Сначала я свяжусь с Планировщиком и узнаю, как скоро он может выполнить вашу просьбу. Мне хочется поскорее покончить и с этим.

Вой быстро застучал маленьким подвижным контактом, вслушиваясь в серию ответных щелчков. (Еще одна характерная черта

этого Сектора Вечности, подумал Харлен, звуковой код. Остроумно, но претенциозно, как и эти молекулярные пленки).

— Он говорит, что это не займет больше трех часов, — произнес наконец Вой. — Кстати, ему понравилось имя этой особы. Нойс Ламбент. Это женщина, не так ли?

У Харлена пересохло в горле.

— Да.

Губы Вой скривились в улыбку.

— Звучит заманчиво. Я бы и сам взглянул на нее. В этом Секторе уже несколько месяцев не было женщин.

Харлен не решился ответить. Он лишь пристально посмотрел на Социолога и отвернулся.

Если в Вечности и был какой-то изъян, то им являлось отсутствие женщин. Харлен узнал о нем после первого вступления в Вечность, но ощутил на себе только в тот день, когда встретил Нойс. С этого дня он катился по наклонной, пока не изменил присяге Вечного и всему, во что верил прежде.

Ради чего?

Ради Нойс.

И ему не было стыдно. Вот что больше всего поражало его. Ему не было стыдно. Он не испытывал угрызений совести за ту длинную цепь преступлений, по сравнению с которыми незэтичное использование секретного Плана Судьбы выглядело лишь незначительным проступком.

Если понадобится, он совершит и худшее.

Впервые в его голове промелькнула невероятная мысль. И хотя в первый момент он в ужасе отогнал ее, он знал, что, явившись однажды, она вернется опять.

Мысль была проста: если от него потребуются уничтожить Вечность, он сделает это.

Хуже всего было сознание, что он может сделать это.

Глава 2. НАБЛЮДАТЕЛЬ

Харлен стоял у выхода во Время и размышлял над тем, как он изменился. Еще недавно все было так просто. Были идеалы или, по крайней мере, заученные слова, ради которых и для которых стоило жить. Все этапы жизни Вечного подчинены определенной цели. Как там начинаются «Основные принципы»?

«Жизнь Вечного можно разделить на четыре периода...»

Он добросовестно следовал всему этому, пока все не переменилось, — разбитому уже никогда не стать целым.

Ему довелось честно пройти каждый из четырех периодов жизни Вечного. Вначале, первые пятнадцать лет своей жизни он был еще не Вечным, а лишь Времянином. Лишь обитатель Времени, Времянин, может стать Вечным; родиться им не дано никому.

В возрасте пятнадцати лет он был выбран в результате сложного процесса отбора и отсеивания, о сути которого в то время не имел никакого понятия. После мучительного прощания с семьей завеса Вечности навсегда скрыла его. (Уже тогда ему стало ясно, что он ни при каких обстоятельствах не сможет вернуться назад. Подлинную причину этого он узнал лишь много лет спустя.)

Оказавшись в Вечности, он десять лет провел в школе в качестве Ученика. Окончив школу, он вступил в третий период — Наблюдателя. И только после этого он стал Специалистом и подлинным Вечным. Таковы четыре периода жизни Вечного: Времянин, Ученик, Наблюдатель и Специалист. Он, Харлен, прошел их все чрезвычайно гладко. Можно сказать, успешно.

Он ясно помнил тот день, когда с Ученичеством было покончено, и они стали полноправными членами Вечности; когда, еще не сделавшись Специалистами, они получили официальное звание Вечных.

Он помнил это: Школа кончилась, Ученичество прошло, он стоит в одном ряду с пятью другими выпускниками, руки заложены за спину, ноги чуть-чуть расставлены, взгляд устремлен вперед.

Наставник Ярроу держал речь, сидя за столом. Харлен прекрасно помнил Ярроу — маленького нервного человечка со всклокоченными рыжими волосами, веснушчатыми руками и тоскливым выражением глаз. (Это выражение тоски не было редким среди Вечных — тоска по дому и корням, неосознанная и нежеланная тоска по одному недоступному Столетию.)

Слов Ярроу, конечно, Харлен не запомнил, но их смысла не мог забыть никогда.

— Теперь вы Наблюдатели, — говорил Ярроу. — Это не слишком почетная работа. Специалисты смотрят на нее как на детскую забаву. Может быть, и вы, Вечные, — после этого слова он помедлил, давая каждому из них возможность подтянуться и просиять от гордости, — может быть, вы сами думаете так, но тогда вы глупцы, недостойные быть Наблюдателями. Не будь Наблюдателей, Вычислителям нечего было бы вычислять. Планировщики Судеб не знали бы, что планировать, у Социологов не было бы данных для анализа — все Специалисты остались бы без работы. Я знаю, что вы не раз уже все это слышали, но я хочу, чтобы вы запомнили это как следует.

Вам, совсем еще юнцам, предстоит нелегкая задача — выйти из Вечности во Время, в самые непростые условия, и вернуться

назад с фактами. Это должны быть объективные, беспристрастные факты, свободные от ваших мнений и вкусов. Факты достаточно точные, чтобы их можно было ввести в Счетные машины, достаточно достоверные для подстановки в социальные уравнения; достаточно объективные, чтобы стать основанием для Изменений Реальности.

И еще запомните вот что. Работу Наблюдателя нельзя делать кое-как, чтобы только от нее отделаться. Только здесь вы сможете показать, на что вы способны. Не школьные отметки, а работа Наблюдателем определит вашу специальность и планку будущего роста. Это будут ваши курсы повышения квалификации, Вечные, и достаточно совершить небольшой промах, совсем небольшой, чтобы, невзирая на все ваши таланты, навсегда попасть в Работники. Вот и все.

Он пожал руку каждому, и Харлена, серьезного и взволнованного, охватила гордость при мысли, что ему выпала величайшая привилегия стать Вечным и отвечать за счастье всех человеческих существ, живущих в подвластных Вечности Столетиях.

Первые задания Харлена были незначительными и строго контролировались, но он отточил свои способности на оселке опыта, понаблюдав дюжину Изменений Реальности в дюжине различных Столетий.

На пятый год ему присвоили звание старшего полевого Наблюдателя и прикрепили к 482-му Сектору. Впервые ему предстояло работать совершенно самостоятельно, и мысль об этом отняла у него значительную долю самоуверенности, когда он впервые отчитывался перед возглавлявшим Сектор Вычислителем.

Маленький недоверчивый рот и злые глаза Вычислителя Гобба Финжа никак не вязались с его обликом. Вместо носа у него была круглая лепешка, вместо щек — две лепешки побольше. Ему не хватало только мазка алой краски и седой бороды, чтобы превратиться в изображение первобытного святого Николая.

Или Санта-Клауса, или Крисса Крингла. Харлен знал все три имени. Он сомневался, чтобы кому-нибудь из ста тысяч Вечных доводилось слышать хоть одно из них. Харлен испытывал тайную, смешанную со стыдом гордость подобными познаниями. С первых же дней в школе он увлекся Первобытной историей, и Наставник Ярроу поощрял это его увлечение. Постепенно Харлен по-настоящему полюбил эти странные, извращенные Столетия, предшествовавшие не только основанию Вечности в 27-м, но даже открытию Темпорального поля в 24-м. Он изучал старинные книги и журналы. Ему случалось забираться — если удавалось получить разрешение — в самые первые Столетия Вечности в поисках

нужных материалов. За пятнадцать лет он сумел собрать неплохую личную библиотеку, которая почти целиком состояла из бумажных изданий. Там был томик, написанный человеком по имени Герберт Уэллс, и еще один, автора которого звали В. Шекспир, — какие-то бессвязные истории. Самым ценным было полное собрание переплетенных томов Первобытного еженедельника, которое занимало невероятно много места, но он из сентиментальности никак не решался заменить его микропленками.

Временами он позволял себе погружаться в этот странный мир, где жизнь была жизнью, а смерть — смертью, где человек принимал решения безвозвратно, где зло нельзя было предотвратить, а добру помочь, и где однажды проигранная битва при Ватерлоо оставалась проигранной раз и навсегда. Он даже отыскивал образец старинной поэзии, в котором утверждалось, что написанное однажды уже нельзя переписать.

После этого ему было трудно, почти невыносимо возвращаться мыслями к Вечности — к миру, в котором Реальность была чем-то гибким и изменчивым, чем-то, что люди вроде него держали в своих руках, придавая ему по желанию лучшую форму!

Сходство с Санта-Клаусом исчезло, как только Финж заговорил с ним деловым, повелительным тоном.

— Вы завтра же приступите к предварительному изучению текущей Реальности. Я хочу, чтобы это изучение было тщательным, аккуратным и конкретным. Нельзя допускать ни малейшей расхлябанности. Ваша первая пространственно-хронологическая инструкция будет готова к завтрашнему утру. Поняли?

— Да, Вычислитель, — ответил Харлен. Он уже тогда пришел к горькому для себя выводу, что вряд ли ему удастся поладить с Вычислителем Гоббом Финжем.

На следующее утро Харлен получил свою инструкцию в виде сложного узора перфораций, поступивших из Киберцентра. Боясь в самом начале деятельности допустить хотя бы крохотную ошибку, Харлен перевел инструкцию на Межвременной язык при помощи карманного дешифратора, хотя он давно уже умел читать перфоленты с листа.

Инструкция объясняла ему, куда он мог ходить в мире 482-го Столетия, а куда не мог; что он должен был делать, а что не должен; чего следовало избегать любой ценой. Его присутствие было допустимо только там и тогда, где и когда оно не могло угрожать Реальности.

В 482-м Столетии Харлену было не слишком комфортно. Оно несколько не походило на его собственный суровый и строгий

век. Это было время, лишенное этики и морали, к которым он привык. Оно было гедонистическим, материалистическим, склонным к матриархату. Изученные Харленом документы доказывали, что только в этом Столетии естественные роды были не в почете — сорок процентов женщин заводили детей, просто помещая оплодотворенные яйцеклетки в инкубатор. Пары сходились и расходились по взаимному согласию, и брак не признавался юридически и не нес никаких взаимных обязательств. Правда, союз в целях деторождения отличался от обычного брака, но и он был обусловлен исключительно практическими нуждами.

Существовала сотня причин, по которым это общество внушало Харлену отвращение, и он мечтал об Изменении. Ему не раз казалось, что одним только своим присутствием в этом Столетии он, человек из другого Времени, может создать развилку и направить историю по новому пути. Если бы ему удалось своим присутствием в какой-то определенной критической точке повлиять на естественный ход событий, возникла бы иная линия развития, в которой миллионы ищущих наслаждений женщин превратились бы в любящих, заботливых жен и матерей. Они жили бы в новой Реальности, с новыми воспоминаниями и ни во сне, ни наяву не могли бы вообразить себя другими.

К несчастью, чтобы поступить так, он должен был совершить немыслимое — нарушить Темпоральную Хартию. Но если бы он даже решился, случайное воздействие могло изменить Реальность во многих возможных направлениях. Она могла бы стать еще хуже. Только кропотливый анализ и тщательные Вычисления могли предсказать направление Изменения Реальности.

Каковы бы ни были собственные мысли Харлена, он оставался Наблюдателем, а идеальный Наблюдатель — это просто система воспринимающих нервных окончаний, подсоединенных к пишущему отчет устройству. Между восприятием и отчетом не оставалось места для эмоций.

В этом отношении донесения Харлена были само совершенство.

В конце второй недели Вычислитель Гобб Финж пригласил Харлена в свой кабинет.

— Я хочу похвалить вас, Наблюдатель, за ясность и стройность ваших отчетов. — В голосе Вычислителя не было тепла. — Но что вы думаете на самом деле?

Лицо Харлена было непроницаемым, словно его вырезали из милого 95-му Столетию дерева.

— Я не думаю на такие темы, — ответил он.

— Бросьте. Вы ведь из 95-го, и мы с вами оба понимаем, что это значит. Несомненно, это Столетие должно вас раздражать.

Харлен пожал плечами.

— Разве что-то в моих отчетах говорит о раздражении?

Ответ был дерзким, и Финж со злостью забарабанил по столу коротенькими пальцами.

— Отвечайте на мой вопрос.

— С точки зрения социологии это Столетие во многих областях дошло до крайности. Три последних Изменения Реальности только ухудшили положение вещей. Я полагаю, что придется вмешаться. Крайности никогда не приводят к добру.

— Значит, вы взяли на себя труд познакомиться с прошлыми Реальностями Столетия?

— В качестве Наблюдателя я должен учитывать все относящиеся к делу факты.

Это была правда. Конечно же, знакомство со всеми фактами было правом и даже обязанностью Харлена. Финж не мог не знать этого. Каждое Столетие периодически сотрясали Изменения Реальности. Даже самые тщательные Наблюдения через некоторое время теряли свою ценность и нуждались в дополнениях. Именно поэтому все Столетия, охватываемые Вечностью, находились под постоянным контролем. И истинное Наблюдение заключалось не только в собирании фактов текущей Реальности, но и в установлении их связи с прошлыми Реальностями.

Харлен пришел к выводу, что за попыткой разузнать его мысли крылась не только неприязнь Финжа к нему. Поведение Вычислителя оставалось враждебным.

В другой раз Финж неожиданно заглянул в маленький кабинет Харлена со словами:

— Ваши отчеты произвели весьма благоприятное впечатление на Всевременной Совет.

После короткой паузы Харлен неуверенно пробормотал:

— Благодарю вас.

— Все считают, что вы проявили необычайную проницательность.

— Я делаю, что могу.

Внезапно Финж спросил:

— Вы когда-нибудь встречались со Старшим Вычислителем Твисселом?

— С Вычислителем Твисселом? — Харлен широко раскрыл глаза. — Нет, сэр. А почему вы спросили?

— Похоже, он особенно заинтересовался вашими отчетами. — Финж надул свои круглые щеки и переменил тему разговора. — Знаете, у меня сложилось впечатление, что у вас есть некий собственный философский взгляд на историю.

Искушение обуяло Харлена. Тщеславие вступило в схватку с осторожностью и быстро победило.

— Я занимался изучением Первобытной истории, сэр.

— Первобытной истории? В школе?

— Не совсем так, Вычислитель. Скорее самостоятельно. Это, так сказать, мое хобби. Если поглядеть на историю, кажется, что она застыла неподвижно. Ее можно изучить в деталях, в отличие от Столетий Вечности, которые непрерывно меняются.

Рассуждая на эту тему, Харлен немного оживился.

— Все равно как если бы взять книгофильм и детально рассматривать кадр за кадром. Мы увидим массу подробностей, которых никогда бы не заметили, если бы смотрели фильм на обычной скорости. Я думаю, что это сильно помогает мне в работе.

Финж чуть шире раскрыл свои маленькие глазки, изумленно посмотрел на Харлена и вышел, не сказав ни слова.

После этого он не раз заводил разговор о Первобытной истории и молча выслушивал сдержанные комментарии Харлена без всякого выражения на круглом лице.

Харлен не знал, сожалеть ли ему об этом разговоре или же рассматривать его как шаг к ускорению своей карьеры.

Он стал склоняться к первому мнению после того, как, столкнувшись с ним в коридоре А, Финж вдруг во всеуслышание спросил:

— Ради Времени, Харлен, вы хоть когда-нибудь улыбаетесь?

Харлен с горечью подумал, что Финж его ненавидит. Сам он после этого начал испытывать к главе Сектора что-то вроде безразличия.

Потратив три месяца на изучение 482-го Столетия, Харлен обсосал его до косточек и нисколько не удивился неожиданному распоряжению срочно явиться в кабинет Финжа. Он давно ожидал нового назначения. Заключительный доклад был готов еще неделю назад. 482-е стремилось увеличить экспорт тканей из целлюлозы в Столетия, лишенные лесов, вроде 1174-го, но не желало получать взамен копченую рыбу. Длинный список подобных Наблюдений был должным образом составлен и тщательно проанализирован.

Захватив проект заключения, он направился к Финжу. Однако речь пошла совсем не о 482-м. Вместо этого Финж представил Харлена маленькому сморщенному человечку с редкими седыми волосами и личиком гнома, с которого на протяжении разговора не сходила улыбка. Эта улыбка делалась то озабоченной, то добродушной, но не исчезала с лица ни на секунду. В желтых от табака пальцах карлика была зажата горящая сигарета.

Это была первая сигарета, увиденная Харленом за всю его жизнь, иначе он уделил бы больше внимания человеку, а не дымящемуся стержню, и лучше подготовился бы к словам Финжа.

— Старший Вычислитель Твиссел, это Наблюдатель Эндрю Харлен, — сухо произнес Финж.

Взгляд Харлена изумленно метнулся с сигареты на лицо карлика.

— Здравствуйте, — сказал Твиссел писклявым голосом. — Значит, вы и есть тот молодой человек, который пишет такие дивные отчеты?

Харлен лишился дара речи. Лабан Твиссел был мифом, живой легендой. Лабана Твиссела узнавали с первого взгляда. Он был самым выдающимся Вычислителем в Вечности, другими словами, он был самым знаменитым из ныне живущих Вечных. Он был председателем Всевременного Совета. Он рассчитал больше Изменений Реальности, чем любой другой Вычислитель за всю историю Вечности. Он был... Он сделал...

Харлен окончательно растерялся. Он кивал головой с дурацкой улыбкой и не мог произнести ни слова.

Твиссел поднес сигарету к губам и торопливо затянулся.

— Оставьте нас, Финж, — сказал он. — Мне надо поговорить с этим пареньком.

Финж что-то невнятно пробормотал и вышел.

— Не волнуйся, мой мальчик, — проговорил Твиссел, — тебе нечего бояться.

Но встреча с Твисселом оказалась для Харлена настоящим потрясением. А как же иначе, если ты считаешь человека гигантом и вдруг обнаруживаешь, что в нем нет и пяти с половиной футов роста! Неужели за этим покатым полысевшим лбом прячется мозг гения? Что светится в этих прищуренных глазках, окруженных паутиной морщин, — острый ум или простое благодушие?

Харлен не знал, что и думать. Сигарета, казалось, окончательно лишила его способности связно мыслить. Поперхнувшись дымом, он вздрогнул.

Твиссел прищурился, словно пытаясь заглянуть за дымовую завесу, и заговорил с ужасным акцентом на языке десятого тысячелетия:

— Малыш, не есть лучше мне твой-свой язык говорить?

Харлен с трудом подавил приступ истерического смеха.

— Я владею Единым межвременным языком, сэр, — осторожно произнес он.

Межвременным языком пользовались все Вечные в разговорах друг с другом, Харлен выучился ему в первые же месяцы пребывания в Вечности.

— Ерунда, — высокомерно ответил Твиссел. — К чему нам Межвременной? Я безукоризненно говорю на языке десятого тысячелетия.

Харлен догадался, что Твиссел не пользовался его родным диалектом по крайней мере лет сорок.

Утолив свое тщеславие, Твиссел перешел на Межвременной:

— Я предложил бы тебе сигарету, но уверен, что ты не куришь. Курение не в почете почти во всех Временах. По правде говоря, хорошие сигареты умеют делать только в 72-м, мне приходится брать их оттуда. Это тебе к сведению, на случай, если ты все-таки сделаешься курильщиком. Но вообще от курения одни проблемы. На прошлой неделе я застрял на пару дней в 123-м. Курение запрещено. Даже Вечные в том Секторе переняли нравы своего Времени. Если бы я закурил сигарету, им бы показалось, что небо обрушилось. Порой я думаю — хорошо бы рассчитать такое Изменение Реальности, чтобы одним махом уничтожить запреты на курение во всех Столетиях. Жаль только, что подобное Изменение вызовет войны в 58-м и рабовладельческое общество в 1000-м. Вечно что-нибудь не так.

Смущение Харлена перешло в беспокойство. За этой болтовней явно что-то скрывалось.

— Могу я спросить, почему вы захотели видеть меня, сэр? — спросил он.

— Мне нравятся твои отчеты, мой мальчик.

В глазах Харлена промелькнул радостный огонек, но он не улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр.

— В них чувствуется рука мастера. У тебя хорошее чутье и интуиция. Мне кажется, я нашел тебе подходящее место в Вечности, и хочу тебе его предложить.

Харлен не верил своим ушам. Он постарался убрать из голоса восторг:

— Вы оказываете мне великую честь, сэр.

Тем временем Старший Вычислитель Твиссел, докурив свою сигарету, жестом фокусника извлек откуда-то новую и прикурил ее от окурка.

— Ради Времени, мой мальчик, брось твердить заученные фразы, — проговорил он между затяжками. — Великая честь, подумать только. Пуф. Пуф. Говори проще. Пуф. Ты рад?

— Да, сэр, — осторожно произнес Харлен.

— Вот и хорошо. Иначе и быть не могло. Хочешь стать Техником?

— Техником?! — Харлен даже вскочил со стула.

— Сядь, сядь. Ты, кажется, удивлен?

— Вычислитель Твиссел, я никогда не собирался быть Техником.

— Знаю, — сухо проговорил Твиссел. — Никто не собирается. Все собираются становиться кем угодно, лишь бы не Техником. А между тем Техники очень нужны, и на них всегда большой спрос. В любом Секторе Вечности их не хватает.

— Боюсь, что я не подхожу для такой работы.

— Иными словами, тебе не подходит работа, в которой столько проблем. Клянусь Временем, мой мальчик, если ты действительно предан нашему делу — а я думаю, что это так, — тебя это не остановит. Дураки станут избегать тебя — ну и что? Ты к этому привыкнешь. Зато ты всегда будешь испытывать удовлетворение, зная, что ты нужен, очень нужен. И в первую очередь мне.

— Вам, сэр? Лично вам?

— Да. — Улыбка старика светилась проницательностью. — Ты не будешь простым Техником. Ты станешь моим личным Техником, на особом положении. Как тебе такое предложение?

— Не знаю, сэр. А вдруг я не справлюсь?

Твиссел упрямо покачал головой.

— Мне нужен ты. Только ты. Твои отчеты убедили меня, что у тебя есть кое-что здесь. — Он постучал пальцем по лбу. — Ты был неплохим Учеником. Сектора, в которых ты работал Наблюдателем, тоже отзывались о тебе положительно. Но больше всего мне понравился отзыв Финжа.

Харлен был искренне изумлен.

— Неужели Вычислитель Финж дал обо мне положительный отзыв?

— Тебе это кажется странным?

— Н-не знаю...

— Видишь ли, мой мальчик, я не сказал, что отзыв положительный. Я сказал, что он мне понравился. На самом деле отзыв совсем не положительный. Финж рекомендует устранить тебя от всякой работы, связанной с Изменениями Реальности. Он считает, что безопаснее всего перевести тебя в Работники.

Харлен покраснел.

— Почему он так думает, сэр?

— Оказывается, у тебя есть хобби, мой мальчик. Ты увлекаешься Первобытной историей, а?

Твиссел широко взмахнул сигаретой, и Харлен, забыв с досады об осторожности, вдохнул клуб дыма и судорожно закашлялся.

Твиссел с благожелательным видом дождался, пока молодой Наблюдатель не перестанет кашлять.

— Это ведь так? — спросил он.

— Вычислитель Финж не вправе... — начал Харлен, но Твиссел прервал его:

— Брось. Я упомянул об этом отзыве, потому что мне как раз подходит твоё увлечение. Вообще-то отзыв — дело секретное, и чем скорее ты забудешь о нем, тем лучше.

— Но что плохого в увлечении Первобытной историей, сэр?

— Финж считает, что твоё увлечение свидетельствует о сильной «тяге к Времени». Ты понимаешь, мой мальчик?

Еще бы не понять! Нельзя было жить в Вечности, не усвоив психиатрического жаргона и в первую очередь этого выражения. Считалось, что каждый Вечный испытывает непреодолимое желание вернуться если не в свое, так хоть в какое-нибудь определенное Столетие, сделаться его частью, перестать быть вечным скитальцем во Времени. Все подобные проявления беспощадно преследовались, и, конечно же, большинство Вечных хранило эту тягу глубоко в подсознании.

— Не думаю, что дело в этом, — сказал Харлен.

— Я тоже так не думаю. Более того, я считаю твоё увлечение очень ценным. Именно из-за него ты мне и нужен. Я приведу к тебе Ученика, и ты обучишь его всему, что знаешь или сможешь узнать из Первобытной истории. В свободное время ты будешь исполнять обязанности моего личного Техника. К работе приступишь в ближайшие дни. Согласен?

Согласен ли он? Получить официальное разрешение изучать эпоху до Вечности! Работать рука об руку с величайшим из Вечных! На таких условиях даже отвратительный статус Техника казался приемлемым. Но осторожность не совсем изменила ему.

— Если это необходимо для блага Вечности, сэр...

— Для блага Вечности? — воскликнул карлик. Он отшвырнул свой окурок с такой силой, что тот ударился о дальнюю стену и рассыпался фейерверком искр. — Это необходимо для самого существования Вечности!

Глава 3. УЧЕНИК

Харлен прожил в 575-м несколько недель, прежде чем встретил Бринсли Шеридана Купера. Он успел освоиться со своим новым жилищем и привыкнуть к стерильности фарфора и стекла. Он научился почти без отвращения носить эмблему Техника и уже не пытался спрятать нашивку на рукаве, прикрывая ее каким-нибудь посторонним предметом или прислоняясь к стене.

Ничего хорошего из этого не выходило. Другие только презрительно улыбались и проявляли еще большую холодность, всем видом показывая тщетность попыток Техника завоевать их симпатию.

Старший Вычислитель Твиссел ежедневно приносил ему новые задачи. Харлен тщательно изучал их и по четыре раза переписывал свои заключения, но даже последняя версия казалась ему недоработанной.

Наскоро просматривая заключения, Твиссел кивал головой.

— Хорошо, хорошо!

Затем его выцветшие голубые глаза быстро оглядывали Харлена, и улыбка становилась чуть холоднее.

— Дадим Киберцентру проверить эту догадку, — говорил он на прощание.

Он всегда называл заключения «догадками». Ни разу он не сообщил Харлену результатов проверки Киберцентра, и Харлен не осмеливался спросить его. Он приходил в отчаяние оттого, что ему не поручают воплощать в жизнь его заключения. Значило ли это, что Киберцентр находит в них ошибки, что он неверно выбирает место и время для Изменения Реальности и не обладает даром отыскивать в указанном промежутке Минимальное необходимое воздействие (прошло немало времени, прежде чем он научился искусству небрежно произносить это как МНВ)?

Однажды Твиссел явился к нему в сопровождении какого-то субъекта, который выглядел напуганным и не смел даже поднять на Харлена глаз.

— Техник Харлен, это Ученик Купер, — сказал Твиссел.

— Здравствуйте, — равнодушно бросил Харлен. Внешность посетителя не особенно впечатляла. Купер был невысок, с расчесанными на пробор темными волосами. Подбородок узкий, глаза блекло-карие, уши слишком велики, ногти обкусаны.

— Вот этого парня ты и будешь учить Первобытной истории, — продолжал Твиссел.

— Всемогущее Время! — воскликнул Харлен с внезапно пробудившимся интересом. Как он мог забыть? — Здравствуйте! — повторил он.

— Составь с ним расписание занятий, Харлен, — сказал Твиссел. — Было бы неплохо, если бы ты смог уделить ему два дня в неделю. Учи его любыми методами. В этом я полностью доверяю тебе. Если тебе понадобятся книгофильмы или старинные документы, скажи мне, и если их можно найти в Вечности или в достижимом для нас Времени, ты их получишь. Ладно, мой мальчик?

Как всегда, он вдруг откуда-то вытащил зажженную сигарету, и воздух заволокло табачным дымом. Харлен закашлялся и, заметив, как скривился рот Ученика, понял, что тот охотно сделал бы то же самое, если бы осмелился.

После ухода Твиссела Харлен заговорил:

— Ну ладно, садись... — На мгновение он запнулся и затем решительно добавил: — Сынок. Садись, сынок. Мой кабинет невелик, но он в твоём распоряжении.

Харлена переполняла радость. Это был его собственный проект! Первобытная история становилась чем-то вроде его личной собственности.

Ученик поднял глаза (кажется, в первый раз) и, запинаясь, произнес:

— Значит, вы Техник.

Большая часть возбуждения и теплых чувств Харлена вмиг улетучилась.

— Ну и что?

— Нет, ничего, — пробормотал Купер, — просто я...

— Разве ты не слышал, как Вычислитель Твиссел назвал меня Техником?

— Д-да, сэр.

— Решил, что он обмолвился? Что это слишком ужасно, чтобы быть правдой?

— Н-нет, сэр.

— Что у тебя с голосом? — жестко спросил Харлен, тут же почувствовав в глубине души укол совести.

Купер мучительно покраснел.

— Я не очень хорошо владею Единым межвременным, сэр.

— Почему это? Сколько времени ты учишься?

— Меньше года, сэр.

— Меньше года? Сколько же тебе лет?

— Двадцать четыре биогода, сэр.

Харлен недоверчиво уставился на него.

— Ты хочешь сказать, что тебя взяли в Вечность в двадцать три года?

— Да, сэр.

Харлен опустил руки на стул, сцепив руки в замок. Такого просто не могло быть. Самым подходящим для вступления в Вечность считался возраст пятнадцати-шестнадцати лет. Что же это все значит? Может быть, Твиссел придумал для него новое испытание?

— Садись и давай приступим, — сказал он. — Твое полное имя и номер твоего Столетия?

— Бринсли Шеридан Купер из 78-го, сэр, — запинаясь, ответил Ученик.

Харлен немного смягчился. Это было близко. Всего на семнадцать веков раньше его собственного Столетия. Можно сказать, соседи во Времени.

— Тебя интересует Первобытная история?

— Меня просил заняться ей Вычислитель Твиссел. Сам я почти ничего не знаю.

— А чем ты еще занимаешься?

— Математикой. Темпоральной инженерией. Пока что я познакомился только с основами. У себя в 78-м я чинил спидиваки.

Харлен не собирался спрашивать, что такое спидивак. Это мог быть пылесос или счетная машина, или пульверизатор для краски. Его это мало интересовало.

— А историю ты никогда не изучал? Хоть какую-нибудь?

— Я учил историю Европы.

— Это, должно быть, твоя страна?

— Да, я родился в Европе. Нас, конечно, в основном обучали современной истории. Начиная с революции 54-го, то есть я имел в виду 7554-го года.

— Отлично. Для начала ты должен забыть про это. История, которую пытаются учить Времяне, лишена смысла; ведь она меняется с каждым Изменением Реальности. Правда, сами они не подозревают об этом. Каждой Реальности ее история представляется единственной. С Первобытной историей все иначе. В этом и состоит ее прелесть. Что бы мы ни делали, Первобытная история всегда остается неизменной. Колумб и Вашингтон, Муссолини и Херфорд — все они существуют.

Купер нерешительно улыбнулся. Он провел мизинцем по верхней губе, и Харлен впервые заметил на ней темную полосу, словно Ученик отращивал усы.

— Я никак не могу... привыкнуть к этому, сколько бы ни находился здесь.

— К чему именно?

— К тому, что меня отделяют от дома пятьсот веков.

— Почти столько же, сколько и меня. Я из 95-го.

— Вот и это тоже. Вы старше меня, но в другом смысле я старше вас на семнадцать веков. Я вполне могу оказаться вашим прапра-пра и так далее дедушкой.

— Какое это имеет значение? Пусть даже и так.

— Ну, к этому еще надо привыкнуть. — В голосе Купера зазвучали мятежные нотки.

— Нам всем приходится это делать, — сухо заметил Харлен и приступил к уроку. Прошло три часа, а он все еще втолковывал Куперу, как до 1-го Столетия могли существовать еще и другие.

(«Но разве 1-е Столетие не было первым?») — жалобно спрашивал Купер.)

На прощание Харлен вручил Ученику книгу, не самую лучшую, но вполне пригодную для первого знакомства с темой.

— Позже подберу тебе что-нибудь посерьезнее, — пообещал он.

К концу недели темная полоска на губе Купера превратилась в маленькие, хорошо заметные усики, которые старили его лет на десять и подчеркивали узость подбородка. Харлену казалось, что эти усики совсем не красят его Ученика.

— Я прочел вашу книгу, — сказал Купер.

— И что ты об этом думаешь?

— Как вам сказать... — Последовала долгая пауза, после чего Купер начал снова: — Последние Первобытные Столетия немного похожи на 78-е. Это вызвало у меня мысли о доме. Дважды я видел во сне свою жену...

— Жену?! — взорвался Харлен.

— Я был женат до того, как попал сюда.

— Всемогущее Время! Неужели твою жену тоже взяли сюда?

Купер отрицательно покачал головой.

— Я даже не знаю, не затронуло ли ее прошлогоднее Изменение. Если так, то, возможно, она мне уже не жена.

Харлен кое-как опомнился. Конечно, если Ученика берут в Вечность в возрасте двадцати трех лет, то вполне может оказаться, что он женат. Один невиданный факт влечет за собой другой.

Что делается? Стоит чуть-чуть изменить правила, и уже недалеко до точки, за которой все погружается в хаос. Вечность слишком хорошо устроена, чтобы подвергаться каким-либо изменениям.

— Надеюсь, ты не собираешься съездить в 78-е, чтобы проведать ее? — Харлен не хотел быть грубым, но его беспокойство за судьбу Вечности было слишком велико.

Ученик поднял голову; глаза его были холодны и спокойны.

— Нет.

Харлен смущенно поерзал на стуле.

— Хорошо. У тебя больше нет семьи. Никого нет. Ты Вечный и не должен думать ни о ком из тех, кого ты знал во Времени.

Купер поджал губы и быстро проговорил с заметным акцентом:

— Вы говорите как Техник.

Харлен сжал обеими руками крышку стола. Его голос был хриплым:

— На что ты намекаешь? На то, что я Техник и провожу Изменения? Поэтому я защищаю их и требую, чтобы ты их принимал? Послушай, мальчик, ты еще года здесь не провел, даже не можешь говорить на Межвременном. Ты еще полон Временем и Реальностью, но уже вообразил, что знаешь о Техниках все и можешь бить их по зубам!

— Простите, — быстро проговорил Купер, — я не хотел вас обидеть.

— Что ты, кто же может обидеть Техника? Просто ты наслушался чьих-нибудь разговоров. Говорят же «холодный, как сердце Техника» или «Техник зевнул — миллион людей переменилось». И еще много разного. Так в чем же дело, Ученик Купер? Решил присоединиться к общему хору? Захотелось стать большим? Большим колесиком Вечности?

— Я же сказал — простите.

— Ладно. Хочу только сообщить, что я стал Техником месяца назад и не совершил еще ни одного Изменения Реальности. А теперь вернемся к нашему делу.

На другой день Старший Вычислитель Твиссел вызвал Эндрю Харлена в свой кабинет.

— Послушай, мой мальчик, как ты посмотришь на то, чтобы прогуляться во Время и произвести МНВ? — спросил он.

Предложение оказалось весьма кстати. Все утро Харлен ругал себя за трусливую попытку отмежеваться от ответственности за работу Техника, за ребячий крик: «Не вините меня, я еще не сделал ничего плохого».

Этот крик был равносителен признанию, что в работе Техника и в самом деле есть что-то преступное, а он, Харлен, еще новичок, который просто не успел стать преступником.

Он радовался шансу покончить с этими колебаниями. Это будет почти наказание. Теперь он сможет сказать Куперу: да, я сделал нечто такое, из-за чего миллионы людей стали новыми личностями, но это было необходимо, и я горжусь своим поступком.

— Я готов, сэр! — радостно воскликнул Харлен.

— Хорошо, хорошо. Думаю, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, — Твиссел выпустил клуб дыма, и кончик его сигареты ярко вспыхнул, — что все твои заключения подтвердились с высокой степенью точности.

— Благодарю вас, сэр. (Итак, подумал Харлен, теперь это уже заключения, а не «догадки».)

— У тебя талант, мой мальчик. Рука мастера. Я жду от тебя великих дел. А начнем мы с небольшого дельца в 223-м. Ты был

совершенно прав, утверждая, что достаточно заклинить муфту сцепления в двигателе. При этом действительно получается нужная вилка без нежелательных побочных эффектов. Возьмешься заклинить сцепление?

— Да, сэр.

Так совершилось настоящее посвящение Харлена в Техники. После этого он уже не был просто человеком с розовой нашивкой на плече. Он изменил Реальность. За несколько минут, выкраденных из 223-го, он испортил двигатель, и в результате некий молодой человек не попал на лекцию по механике. По этой причине он так и не стал заниматься солнечными установками, и некое простое устройство не было изобретено в течение десяти критических лет. В результате, как ни странно, война в 224-м исчезла из Реальности.

Разве это не было благом? И что с того, что какие-то личности изменились? Новые личности были такими же людьми, как и прежние, и так же хотели жить. Чьи-то жизни стали короче, но у большего числа людей они стали дольше и счастливее. Правда, великое литературное произведение, монумент человеческой мысли и чувства, не было написано в новой Реальности, но разве несколько экземпляров этой книги не сохранились в библиотеках Вечности? И разве в новой Реальности не будут созданы другие великие творения?

И все же в эту ночь Харлен несколько часов мучился бессонницей, а когда он наконец задремал, с ним случилось то, чего не случилось уже много лет.

Он увидел во сне свою мать.

Несмотря на столь жалкое проявление слабости в самом начале деятельности, не прошло и биогода, как Харлен стал известен по всей Вечности в качестве Техника Твиссела, а также под довольно злыми прозвищами «Вундеркинд» и «Безошибочник».

Его отношения с Купером стали почти спокойными. Настоящими друзьями они так и не сделались. (Если бы Купер пересилил себя и сделал первый шаг к сближению, то Харлен, наверное, не знал бы, как ему реагировать.) Тем не менее они работали успешно, и Купер теперь интересовался Первобытной историей не меньше, чем его учитель.

— Послушай, Купер, ты не против отложить урок на завтра? — как-то спросил его Харлен. — Мне нужно на этой неделе попасть в 3000-е, чтобы уточнить одно Наблюдение, а человек, с которым я должен встретиться, свободен как раз сегодня вечером.

Глаза Купера жадно заблестели.

— А я не могу поехать с вами?

— Ты хочешь этого?

— Конечно, хочу. Я никогда не ездил в капсуле, кроме того случая, когда меня привезли сюда из 78-го, но тогда я еще ничего не понимал.

Харлен обычно пользовался Колодцем С, который по неписаной традиции был предоставлен Техникам на всем своем бесконечном пути через Столетия. Купер последовал за ним без всякого замешательства и занял место на круглом диванчике, опоясывавшем внутренние стенки капсулы.

Но когда Харлен, включив Поле, послал капсулу в будущее, на лице Купера появилось комичное выражение изумления.

— Я ничего не чувствую. Что-то не так? — спросил он.

— Все в порядке. Ты ничего не чувствуешь, потому что мы не двигаемся в буквальном смысле. Нас как бы протягивает сквозь временную протяженность капсулы. Фактически, — продолжал Харлен, незаметно для себя впадая в назидательный тон, — что бы нам ни казалось, в данный момент ни ты, ни я не существуем. Сотни людей могут пользоваться в это же самое мгновение нашей капсулой, перемещаясь (если можно так сказать) в разных направлениях Времени, проходя один сквозь другого и так далее. Законы обычного мира неприменимы к Колодцам Времени.

Купер чуть усмехнулся, и Харлен смущенно подумал: «Парень изучает Темпоральную механику и знает об этих вещах гораздо больше меня. Мне лучше помолчать и перестать строить из себя дурака».

Погрузившись в молчание, он мрачно уставился на Ученика. За прошедшие месяцы усики Купера отросли и обрамляли его рот по так называемой маллансоновой моде. Изобретатель Темпорального поля Виккор Маллансон на единственной подлинной (и очень скверной) фотографии был запечатлен с точно такими же усами. По этой причине они пользовались среди Вечных большой популярностью, хотя, по правде говоря, мало кому шли.

Глаза Купера были устремлены на циферблат, где быстро сменяли друг друга числа, отмечавшие номера Столетий.

— Как далеко в будущее тянутся Колодцы Времени? — спросил вдруг Купер.

— Разве тебя этому еще не учили?

— Они почти ничего не говорили о капсулах.

Харлен пожал плечами.

— Вечности нет конца. Колодцы тянутся бесконечно.

— А как далеко вам случалось путешествовать?

— Этот Сектор будет самым дальним. А вот доктор Твиссел был даже в 50000-м.

— Всемогущее Время! — прошептал Купер.

— Это еще не предел. Некоторые Вечные бывали даже за 150000-м.

— Ну и что там?

— Ничего, — угрюмо ответил Харлен. — Жизни хватает, но разумных существ нет. Человечество исчезло.

— Вымерло? Уничтожено?

— Не думаю, что кто-нибудь знает ответ.

— А разве никак нельзя изменить это?

— Видишь ли, начиная с 70000-го и дальше... — начал было Харлен и осекся. — Послушай, ну его к Времени. Давай сменим тему.

Если и была тема, к которой Вечные относились бы с суеверным страхом, так это Скрытые Столетия, период между 70000-м и 150000-м. Об этом редко заходил разговор. Своими скромными познаниями Харлен был обязан лишь тесному общению с Твисселом. Наверняка известно было только то, что ни в одном из этих Столетий Вечные не могли проникнуть во Время. Двери между Вечностью и Временем были непроницаемы. Почему? Никто не знал.

Из случайных замечаний Твиссела Харлен мог заключить, что делались попытки совершить Изменения Реальности в Столетиях, предваряющих 70000-е, но без результатов Наблюдений в последующих веках на это никто не решился.

Твиссел как-то сказал с усмешкой:

— Когда-нибудь мы доберемся и до них. А пока нам вполне хватает забот с семьюдесятью тысячами Столетий.

Это прозвучало не слишком убедительно.

— А что произошло с Вечностью после 150000-го? — Харлен вздохнул. Купер, похоже, не собирался менять тему разговора.

— Ничего не произошло, — ответил он. — Сектора есть и там, но после 70000-го в них никто не живет. Сектора тянутся на миллионы Столетий, пока не исчезнет всякая жизнь на Земле, и после этого, пока Солнце не вспыхнет, как Новая, и даже после этого. Вечности нет конца. Потому она и называется Вечностью.

— Разве наше Солнце стало Новой?

— Конечно. Иначе Вечность не могла бы существовать. Солнце, превратившееся в Новую, дает нам энергию. Ты и представить не можешь, сколько энергии требуется для создания Темпорального поля. Первое Поле Маллансона имело протяженность всего две секунды от одного конца до другого и было так мало, что едва вмещало спичечную головку, но для него потребовалась вся энергия

атомной электростанции за целый день. Почти сто лет ушло на то, чтобы протянуть тоненькое, как волосок, Поле достаточно далеко в будущее и начать черпать лучистую энергию Новой. Только после этого удалось создать Поле такой величины, что в нем смог уместиться человек.

Купер вздохнул.

— Хорошо бы меня перестали пичкать уравнениями полей и Темпоральной механикой и рассказали что-нибудь интересное, наподобие этого. Вот если бы я жил во времена Маллансона...

— Ты бы ничего тогда не узнал. Маллансон жил в 24-м, а Вечность была создана только в конце 27-го. Сам понимаешь, что открыть Темпоральное поле — это одно, а создать Вечность — совсем другое. В 24-м не имели ни малейшего понятия о том, что значит открытие Маллансона.

— Выходит, он опередил свое Время?

— И очень намного. Он не только открыл Поле, но и предсказал почти все характерные черты Вечности, кроме разве Изменений Реальности. Он сделал это довольно точно, и... похоже, мы на месте. Выходи, Купер.

Они вышли из капсулы.

Харлен никогда еще не видел Старшего Вычислителя Лабана Твиссела в таком гневе. О нем всегда говорили, что он не способен на любые проявления чувств, что этот бездушный старик зажился в Вечности до того, что забыл номер своего родного Столетия. Ходили слухи, что сердце его в ранней молодости атрофировалось и он заменил его маленьким ручным анализатором, похожим на тот, который всегда лежал у него в кармане брюк.

Твиссел ничего не делал, чтобы опровергнуть эти слухи. Многие считали, что он и сам в них верит.

Поэтому, согнувшись под обрушившейся на него лавиной гневных упреков, Харлен все же каким-то уголком мозга удивлялся тому, что Твиссел способен на такие сильные чувства. Он даже подумал, не пожалеет ли позже Вычислитель, что механическое сердце предало его, выдав в себе жалкий орган из мышц и клапанов, подверженный вспышкам эмоций.

Своим скрипучим стариковским голосом Твиссел кричал:

— Всемогущее Время, парень, ты что, вообразил себя членом Совета? Разве это ты здесь командуешь? Ты отдаешь мне приказы или все же я тебе? Ты распоряжаешься движением капсул в этом Секторе? Не должны ли мы все просить у тебя разрешения на поездку?

Время от времени он прерывался, требовал: «Отвечай!» и продолжал подбрасывать новые вопросы в кипящий котел обвинений.

— Если ты еще хоть раз поступишь подобным образом, я отправлю тебя ремонтировать канализацию до конца дней твоих, — заключил он наконец.

Харлен, бледный от смущения, пробормотал:

— Мне никто никогда не говорил, что Ученика Купера нельзя брать в капсулу.

Однако это объяснение не смягчило Твиссела.

— Что за негативное оправдание, мой мальчик? Тебе никогда не говорили, что его нельзя напоить пьяным. Не говорили, что его нельзя обрить наголо. Всемогушее Время, что именно тебе было поручено?

— Мне поручили обучить его Первобытной истории.

— Так и занимайся этим. И больше ничем.

Твиссел бросил окуроч на пол и яростно растоптал его ногой, словно это было лицо его злейшего врага.

— Я бы хотел отметить, Вычислитель, — рискнул вставить Харлен, — что многие Столетия текущей Реальности в некоторых отношениях сильно напоминают интересующий нас период Первобытной истории. Я собирался взять с собой Ученика Купера в эти эпохи, разумеется, в строгом соответствии с пространственно-временными инструкциями.

— Что?! Послушай, дурья голова, ты будешь спрашивать у меня разрешение хоть на что-нибудь? Хватит. Просто обучай его Первобытной истории. Никаких практических занятий. Никаких лабораторных экспериментов. В следующий раз ты изменишь Реальность, просто чтобы показать ему, как это делается.

Харлен облизнул сухим языком пересохшие губы, обиженно пробормотал извинения и в конце концов получил позволение уйти.

Прошла не одна неделя, прежде чем его обида улеглась.

Глава 4. ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Харлен был Техником уже два года, когда ему снова довелось посетить Сектор 482-го. Он с трудом узнал его.

Сектор остался прежним. Изменился он сам.

Два года работы Техником не прошли для Харлена даром. Жизнь его стала более стабильной. Ему больше не приходилось с каждым новым Наблюдением учить новый язык, привыкать к новому стилю одежды и новому образу жизни. С другой стороны, за эти два года он замкнулся в своей скорлупе. Он почти забыл о той атмосфере дружбы, которая объединяла всех прочих обитателей Вечности.

Но главным было то, что он полюбил то ощущение власти, которое давала работа Техника. Он держал в руках судьбу миллионов людей, и если для этого требовалось одиночество, он обязан был с гордостью нести его бремя.

Холодно взглянув на Связиста, сидевшего за своей конторкой у входа в 482-е, Харлен произнес, четко разделяя слоги:

— Техник Эндрю Харлен просит доложить Вычислителю Финжу, что он прибыл в Сектор и временно поступает в его распоряжение.

Связист, мужчина средних лет, быстро взглянул на Харлена и отвел глаза. Среди Вечных это называлось «коситься на Техника» — человек бросал быстрый произвольный взгляд на розовый наплечный знак, после чего делал все, лишь бы не смотреть на него вторично.

Харлен взглянул на эмблему человека, сидевшего за конторкой. Она не была желтой, как у Вычислителей, или зеленой, как у Планировщиков, или голубой, как у Социологов, или белой, как у Наблюдателей. Это была попросту голубая полоска на белом фоне — эмблема Службы связи. Связист был всего-навсего Работником; от Специалистов его отделяла пропасть. Но и он «косился на Техника».

— Я жду, — напомнил Харлен с печалью в голосе.

— Вызываю Вычислителя Финжа, — торопливо ответил Связист.

482-е Столетие запомнилось Харлену массивной и внушительной обстановкой, но сейчас оно представлялось ему просто убогим. За эти два года он успел привыкнуть к стеклу и фаянсу 575-го, к царившему там культу чистоты. Ему стал близок этот мир ясности и белизны с редкими бликами пастельных тонов. Тяжелые гипсовые завитушки, кричащие краски, разноцветные металлические конструкции 482-го казались ему отвратительными.

Даже Финж казался другим, пониже ростом. Два года назад Наблюдателю Харлену каждый жест Финжа представлялся зловещим и величественным. Теперь, с недостигаемой высоты положения Техника Финж выглядел жалким и потерянным. Харлен спокойно ждал, пока Вычислитель кончит рыться в грудe перфолент и поднимет голову с видом человека, решившего, что он уже заставил посетителя прождать положенное время.

Харлен узнал от Твиссела, что Финж родился в энергетическом 600-м Столетии, и это во многом объясняло его поведение. Частые вспышки раздражительности могли быть следствием постоянного чувства неуверенности грузного человека, которому вместо прочных

силовых полей приходится иметь дело лишь с хрупкой материей. Кошачья крадущаяся походка Финжа хорошо запомнилась Харлену; часто он, подняв голову от стола, вдруг замечал глядящего на него Вычислителя, приближение которого всегда было неслышным. Сейчас Харлену казалось, что Финж ходит медленно и осторожно, боясь, что под его тяжестью провалится пол.

«Он плохо подходит этому Сектору, — с добродушной снисходительностью подумал Харлен. — Только новое назначение может ему помочь».

— Здравствуйте, Техник Харлен, — наконец произнес Финж.

— Здравствуйте, Вычислитель.

— Похоже, за эти два года вы...

— Два биогода, — поправил его Харлен.

Финж удивленно взглянул на него.

— Два биогода, конечно.

Время в обычном понимании этого слова не существовало внутри Вечности, но человеческие тела продолжали стареть, и это старение служило неумолимой мерой Времени даже при отсутствии его в физическом смысле. Биологическое Время продолжало идти, и за один биогод в Вечности человек старел так же, как и за обычный год во Времени.

Однако даже самые педантичные из Вечных редко вспоминали об этом различии. Было слишком удобно говорить «увидимся завтра» или «вчера я вспоминал о вас», или «встретимся на той неделе», как будто «вчера», «завтра» или «будущая неделя» в самом деле существовали в физическом смысле. Для удовлетворения человеческих инстинктов Вечность делили на условные «сутки», состоящие из двадцати четырех биочасов, с формальным разделением на «день» или «ночь», «сегодня» и «завтра».

— За два биогода, прошедших после вашего отъезда, — продолжал Финж, — в 482-м появились признаки кризиса. Ситуация очень необычная, чрезвычайно щекотливая и почти беспрецедентная. Мы никогда еще так остро не нуждались в точных Наблюдениях.

— Вы собираетесь использовать меня как Наблюдателя?

— Да. Конечно, это расточительно — просить Техника поработать простым Наблюдателем, но ваши прежние Наблюдения были совершенны по своей четкости и проницательности. Именно это нам сейчас нужно. А теперь я обрисую некоторые детали...

Но Харлен так и не узнал тогда, что это были за детали. Как только Финж заговорил, открылась дверь, и он уже ничего не слышал.

Он смотрел на вошедшую в комнату девушку.

Нельзя сказать, что Харлен никогда не видел в Вечности женщин. Никогда — слишком сильное слово. Очень редко — так будет вернее.

Но такая девушка! И где — в Вечности!

В странствиях по Времени Харлен рассмотрелся на женщин, но там они были для него почти неодушевленными предметами, как стены и потолки, чашки и ложки, столы и стулья. Они были всего лишь фактами, подлежащими Наблюдению.

В Вечности девушка воспринималась совсем иначе. Да еще такая!

Она была одета в аристократическом стиле 482-го. Выше талии лишь прозрачная накидка, а ниже — короткие бриджи из тонкого материала, темные и прекрасно подчеркивающие все соблазнительные изгибы.

Иссиня-черные волосы свободно падали ей на плечи. Тонкая линия помады на верхней губе и толстая на нижней придавали ей слегка капризное выражение. Ее веки и мочки ушей были подкрашены розовым, что оттеняло молочную белизну юного, почти детского лица. С плечей спускались драгоценные подвески, которые тихонько позвякивали, как бы привлекая внимание к совершенной форме ее груди.

Она присела за маленький столик, стоящий в углу кабинета Финжа, и за все время лишь однажды подняла глаза, скользнув по лицу Харлена быстрым взглядом.

Когда Харлен вновь услышал голос Финжа, Вычислитель уже заканчивал:

— Все эти сведения вы найдете в официальном отчете, а пока можете занять свою старую квартиру и прежний кабинет.

Харлен очнулся за дверью кабинета Финжа, совершенно не помня, как он оказался там. Наверное, просто вышел.

Чувство, охватившее его, легче всего было определить как возмущение. Ради Времени, нельзя позволять Финжу выделять такое! Это издевательство над...

Придя в себя, он разжал кулаки и перестал стискивать челюсти. Надо в этом разобраться, и немедленно! Он решительно направился к столу Связиста; шум собственных шагов гулло отдавался в его ушах.

Связист поднял голову и, стараясь не встречаться взглядом с Техником, осторожно произнес:

— Слушаю, сэр.

— Та женщина в кабинете у Финжа, — спросил Харлен, — она что, новенькая?

Он хотел спросить об этом как бы между прочим. Хотел, чтобы его тон показался безразличным и скучающим. Но его слова прозвучали как удар цимбал.

Связист словно пробудился. Выражение его глаз напоминало о каком-то мужском братстве, в котором даже Техник мог сойти за своего парня.

— Вы имеете в виду эту малышку? Ух ты! Хороша, правда?

— Отвечайте на вопрос, — процедил сквозь зубы Харлен.

Сразу потеряв свой пыл, Связист отвел глаза.

— Она новенькая. Временница.

— И чем она занимается?

По лицу Связиста медленно расплзлась плотоядная ухмылка.

— Считается, что она секретарша босса. Ее имя — Нойс Ламбент.

— Ясно. — Харлен резко повернулся и вышел.

Первая вылазка Харлена в 482-е Столетие состоялась на следующий день и продолжалась ровно тридцать минут. Судя по всему, она была чисто ознакомительной и должна была помочь ему проникнуться духом Столетия. На следующий день он пробыл во Времени полтора часа. Третий день оказался свободным. Он воспользовался им, чтобы просмотреть свои старые отчеты, освежить знание языка, снова привыкнуть к местным костюмам.

За эти два биогода в 482-м произошло лишь одно Изменение Реальности, к тому же очень небольшое. Политическая клика, бывшая у власти, перешла в оппозицию, но в обществе это не вызвало никаких перемен.

Не вполне понимая причин, Харлен перерыл свои старые отчеты в поисках сведений об аристократах. Конечно же, он Наблюдал их.

Но Наблюдения, которые он отыскал, оказались сухими и безличными. В них шла речь о классе, а не об отдельных людях. Конечно, никакие пространственно-временные правила не требовали от него Наблюдать аристократию в ее собственном кругу. Сейчас он был зол на себя за подобное любопытство.

За эти три первых дня Нойс Ламбент попала ему на глаза четыре раза. При первой встрече он заметил только ее костюм и украшения. Теперь он разглядел, что она была на полголовы ниже его, но казалась выше своих пяти футов и шести дюймов благодаря стройной фигуре и грациозной осанке. Она была старше, чем ему сперва показалось, ближе к тридцати, во всяком случае больше двадцати пяти.

Держалась она сдержанно и скромно. Встретив как-то Харлена в коридоре, она улыбнулась и потупила глаза. Он резко отстранился, чтобы не коснуться ее, и сердито зашагал дальше.

В конце третьего дня Харлен пришел к выводу, что долг Вечного оставляет ему лишь одну возможность. Конечно, Нойс Ламбент вполне довольна своим положением. Без сомнения, действия Финжа не нарушают буквы закона. Но неблагоразумие Финжа, его вызывающее поведение противоречат духу закона, и с этим надо что-то делать.

Харлен подумал, что во всей Вечности ни один человек еще не вызывал у него такой антипатии, как Финж. Он совсем позабыл, что еще два дня назад он готов был великодушно простить Вычислителя.

Утром четвертого дня Харлен обратился к Финжу с просьбой о неофициальной встрече и получил разрешение. Решительно войдя в кабинет, он, к собственному удивлению, с первых же слов приступил к сути:

— Вычислитель Финж, я советую вам вернуть мисс Ламбент в ее Время.

Финж сощурил глаза, кивком головы указал Харлену на кресло и, подперев ладонями свой пухлый подбородок, улыбнулся углами губ.

— Да вы садитесь, Харлен. Садитесь. Значит, вы считаете мисс Ламбент некомпетентной? Думаете, она не справляется со своими обязанностями?

— Справляется она или нет, я не могу сказать. Для этого надо знать, в чем эти обязанности заключаются. Но вы должны понять, что она дурно влияет на нравы Сектора.

Финж слушал, глядя на него отсутствующим взглядом, словно его мозг Вычислителя был занят в этот момент решением проблем, недоступных рядовым Вечным.

— В чем же выражается ее дурное влияние, Техник?

— Что за нужда об этом спрашивать? — воскликнул Харлен с растущим негодованием. — Ее костюм чересчур откровенен, ее...

— Постойте, постойте. Подождите хоть немного, Харлен. Вы были Наблюдателем в 482-м и знаете, что она одета в обычный костюм ее эпохи.

— В ее Времени, в ее собственной культурной среде подобная одежда, может быть, и допустима, хотя я должен заметить, что она одета чересчур вызывающе даже для 482-го. Позвольте мне судить об этом. Здесь же, в Вечности, таким, как она, не место.

Финж медленно покивал головой. Казалось, этот разговор забавляет его.

— Она находится здесь с определенной целью. Она выполняет специальное задание. Это не продлится долго. А пока попробуйте как-нибудь примириться с ее присутствием.

У Харлена задрожал подбородок. Его протест обернулся против него самого. К черту осторожность! Сейчас он прямо выскажет свои мысли.

— Я могу вообразить, в чем заключается «специальное задание» этой женщины. Но непозволительно держать ее здесь так открыто.

Он неуклюже повернулся и направился к двери, но голос Финжа остановил его.

— Послушайте, Техник, ваши отношения с Твисселом могли внушить вам преувеличенное мнение о важности вашей персоны. Вы заблуждаетесь. Кстати, скажите-ка, Техник, у вас была когда-нибудь... — он остановился, подбирая подходящее слово, — подружка?

По-прежнему стоя к нему спиной, Харлен с оскорбительной точностью и четкостью процитировал Устав:

— «В интересах избежания излишней привязанности к Времени Вечный не должен жениться. Во избежание излишней привязанности к семье Вечный не должен иметь детей».

— Я спрашивал не о семье и не о детях, — весомо произнес Вычислитель.

Харлен продолжал цитировать:

— «Непродолжительные союзы с женщинами из Времени могут заключаться только с одобрения Центрального расчетного бюро при Всевременном Совете при наличии благоприятного Плана Судьбы. Встречи лиц, состоящих в союзе, должны протекать в строгом соответствии с пространственно-хронологическими инструкциями».

— Совершенно верно. Обращались ли вы за разрешением на такой союз, Техник?

— Нет, Вычислитель.

— Собираетесь?

— Нет, Вычислитель.

— А не мешало бы. Это расширит ваш кругозор. Вы будете обращать меньше внимания на детали женского туалета и меньше интересоваться воображаемыми интимными связями других Вечных.

Задыхаясь от ярости, Харлен выскочил из кабинета.

Вылазки в 482-е с каждым днем давались Харлену все труднее, хотя их продолжительность пока не превышала двух часов. Он был выведен из себя и знал причину этого. Финж! Финж с его непрошеными циничными советами относительно союзов с Временницами.

Союзы существовали. Все знали это. Вечность сознавала необходимость компромисса с человеческими инстинктами (сама эта фраза звучала для Харлена омерзительно), но ограничения, связанные с выбором любовницы, лишали компромисс даже тени романтики и свободы. Немногим счастливицам, удостоившимся разрешения, рекомендовалось не распространяться об этом — из соображений приличия и во избежание зависти всех прочих.

Среди Вечных низшего ранга, особенно среди Работников, постоянно ходили полузавистливые, полувозмущенные слухи о женщинах, периодически изымаемых из Времени с известной целью. В качестве героев подобных историй молва обычно называла Вычислителей и Планировщиков. Только они были способны определить, какая из женщин может быть похищена без риска вызвать серьезное Изменение Реальности.

Менее лакомой пищей для языков служили не столь сенсационные сплетни, связанные с кухарками и горничными, которых каждый Сектор нанимал на определенный срок в своем Столетии (при благоприятных пространственно-хронологических данных) для приготовления пищи, уборки и прочей грубой работы.

Но взять Временницу, да еще такую, как Нойс, в «секретарши» было со стороны Финжа прямым издевательством над идеалами, делавшими Вечность тем, чем она была.

Несмотря на мелкие уступки человеческой природе, на которые Вечные шли, будучи людьми практичными, идеалом Вечного по-прежнему был человек, живущий исключительно ради дела, которому он служит, для улучшения Реальности и увеличения суммы человеческого счастья. Харлену нравилось думать, что Вечность похожа в этом отношении на монастыри Первобытной эпохи.

Ночью Харлену приснилось, как он рассказывает обо всем Твисселу, и Твиссел, идеальный Вечный, разделяет его ужас. Ему снилось, как он с желтой нашивкой Вычислителя на плече наводит порядок в Секторе и великодушно направляет разжалованного, сломленного Финжа в Работники. Ему снилось, что Твиссел сидит рядом с ним и с восхищенной улыбкой рассматривает составленную им новую схему организации — четкую, последовательную, без единого изъяна.

Ему снилось, как он вызывает Нойс Ламбент и просит ее размножить копии. Однако Нойс Ламбент во сне оказалась обнаженной, и Харлен проснулся в холодном поту, дрожащий и пристыженный.

Как-то он повстречался с Нойс в коридоре и, опустив глаза, поосторонился, чтобы пропустить ее.

Но девушка остановилась, глядя на него в упор так, что ему поневоле пришлось поднять глаза и встретить ее взгляд. Она казалась воплощением яркости и жизни, и Харлен ощутил слабый запах ее духов.

— Вас зовут Техник Харлен, не правда ли? — спросила она.

Первым его побуждением было наругать ей, даже оттолкнуть, но потом он подумал, что она, собственно, ни в чем не виновата. К тому же оттолкнуть ее значило прикоснуться к ней.

— Да, — сухо кивнул он в ответ.

— Я слышала, что вы крупный специалист по нашему Времени.

— Мне случалось в нем бывать.

— Как бы я хотела узнать, что вы думаете о нас!

— Я очень занят. У меня нет времени.

— О, Техник Харлен, я уверена, что у вас найдется время.

Она улыбнулась ему.

Хриплым шепотом Харлен произнес:

— Проходите, прошу вас. Или дайте пройти мне. Пожалуйста!

Она двинулась прочь, и от плавного покачивания ее бедер у Харлена кровь прихлынула к щекам.

Он злился на нее за то, что она смутила его, злился на себя за это смущение, но больше всего по какой-то непонятной причине он злился на Финжа.

Финж вызвал к себе Харлена в конце второй недели. По длине и сложности рисунка лежавшей на столе перфоленты Харлен догадался, что на этот раз речь пойдет не о получасовой прогулке по Времени.

— Садитесь, Харлен, и просмотрите, пожалуйста, свое задание, — сказал Финж. — Нет, не с ленты. Воспользуйтесь дешифратором.

Чуть приподняв брови, Харлен с безразличным видом вставил ленту в щель аппарата на столе Финжа. По мере того как она медленно вползала внутрь, на дымчато-белом прямоугольнике экрана возникали слова.

Где-то посередине Харлен вдруг резким движением выключил дешифратор и выдернул ленту с такой силой, что разорвал крепкий целлулоид.

— У меня есть копия, — спокойно произнес Финж.

Но Харлен продолжал сжимать обрывки двумя пальцами вытянутой руки, словно боялся, что они вот-вот взорвутся.

— Вычислитель Финж, это какая-то ошибка. Я не могу почти неделю использовать дом этой женщины как базу для пребывания во Времени.

Финж поджал губы.

— Можете, если этого требует пространственно-временная инструкция. Если ваши личные проблемы с мисс Ламб...

— Нет никаких личных проблем, — с жаром прервал его Харлен.

— Ну, какие-то есть. В создавшейся ситуации я даже готов в виде исключения объяснить вам некоторые аспекты стоящих перед нами задач Наблюдения. Конечно, это нельзя рассматривать как прецедент.

Харлен сидел неподвижно, но мысли его летели с быстротой молнии. Профессиональная гордость требовала от него отказа от всяких объяснений. Наблюдатели (или Техники) делали свое дело, не задавая вопросов. В обычных обстоятельствах Вычислителю и в голову бы не пришло что-то объяснять.

Но сейчас обстоятельства были не совсем обычными. Харлен был недоволен присутствием девушки, так называемой секретарши. Финж боится, что это недовольство может зайти слишком далеко.

«Бежит виновный, хоть погони нет», — со злорадным удовлетворением подумал Харлен, пытаясь вспомнить, у кого из древних авторов он прочел эту фразу.

Тактика Финжа была проста. Поместив Харлена в дом этой женщины, он сможет в случае необходимости выдвинуть против него любые контробвинения и опровергнуть тем самым правоту Харлена. Поэтому он должен знать, под каким предлогом Финж хочет заставить его провести неделю в доме Нойс. Харлен слушал с плохо скрытым презрением.

— Как вам известно, — начал Финж, — многие Столетия знают о существовании Вечности. Они знают, что мы занимаемся межвременной торговлей и видят в этом нашу главную цель, что нам полезно. Кроме того, ходят туманные слухи, что мы должны спасти человечество от грозящей ему катастрофы. Это не более чем суеверие, но поскольку оно более или менее соответствует истине, оно также полезно. Мы обеспечиваем многие поколения идеями отеческой заботы и уверенности в будущем. Вам это понятно, не так ли?

Харлен молча кивнул — неужели Финж принимает его за Ученика?

— Существуют, однако, вещи, о которых они не должны знать. И в первую очередь о том, как мы при необходимости изменяем

Реальность. Потеря уверенности в завтрашнем дне, вызванная знанием об этом, стала бы чрезвычайно болезненной. Поэтому необходимо вычеркивать из Реальности любые факторы, которые могли бы дать Времянам подобное знание. Мы всегда старались делать это. Тем не менее то в одном, то в другом Столетии временами зарождаются нежелательные поверья относительно Вечности. Обычно они возникают среди правящих классов, то есть тех людей, которые чаще сталкиваются с нами и оказывают наибольшее влияние на то, что называют общественным мнением.

Финж сделал паузу, словно ожидая реплики или вопроса, но Харлен промолчал.

— С тех пор как приблизительно год... биогод назад произошло Изменение Реальности 433—486, серийный номер Ф-2, появились признаки возникновения в данной Реальности подобного нежелательного поверья. Я сделал некоторые заключения о его природе и представил их Всевременному Совету. Однако Совет считает, что я исхожу из предпосылок, вероятность которых очень мала, и требует, чтобы мои исходные данные были бы подтверждены прямым Наблюдением. Это очень деликатная работа, и поэтому я попросил направить в мое распоряжение именно вас. Поэтому же Вычислитель Твиссел согласился удовлетворить мою просьбу. Следующим моим шагом было найти аристократку, которая бы мечтала о работе в Вечности. Я сделал ее своей секретаршей и находился с ней в тесном контакте, чтобы выяснить, насколько она пригодна для наших целей...

«Да уж, контакт был тесным!» — подумал Харлен. Его гнев был снова обращен не столько против Нойс, сколько против самого Финжа.

Финж между тем продолжал говорить:

— По всем признакам она нам подходит. Сейчас она будет возвращена в ее Время. Используя ее дом в качестве базы, вы сможете без труда изучить жизнь людей ее круга. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему эта девушка находилась здесь и почему вам необходимо прожить несколько дней в ее доме?

— Уверю вас, я все отлично понимаю, — ответил Харлен, почти не скрывая иронии.

— Значит, вы принимаете это поручение.

Харлен вышел из кабинета с воинственным пылом в сердце. Финжу не удастся перехитрить его. Он не позволит делать из себя дурака.

Конечно, только этот воинственный пыл и твердая решимость перехитрить Финжа были причиной того радостного возбуждения, которое охватило Харлена при мысли о предстоящей вылазке в 482-е.

Только это и ничего больше.

Глава 5. НОЙС

Поместье Нойс Ламбент было тихим и уединенным, хоть и находилось рядом с крупнейшим городом Столетия. Харлен хорошо знал этот город, намного лучше, чем любой из его обитателей. Работая Наблюдателем, он посетил здесь каждый квартал и каждое десятилетие.

Он знал город не только в Пространстве, но и во Времени. Он представлял его себе как единое целое, как живущий и растущий организм с его взлетами и падениями, радостями и бедами. Сейчас ему предстояло прожить в этом городе неделю — краткое мгновение в долгой жизни существа из стали и бетона.

В этот раз его исследования все ближе и ближе подходили к перизкам — самым влиятельным гражданам города, которые предпочитали жить в своих загородных имениях, вдали от шума и суеты.

482-е было одним из многих Столетий, в которых богатство распределялось крайне неравномерно. Социологи объясняли это явление при помощи специального уравнения, которое Харлен не раз видел, но понимал только в общих чертах. В любом Столетии оно рассчитывалось по трем показателям, и в 482-м эти показатели стояли на самой грани допустимого. Социологи только качали головами и жаловались, что если новые Изменения не улучшат положения дел, то потребуются самые «тщательные Наблюдения».

Однако неравномерное распределение богатства имело свои преимущества. Оно вело к возникновению праздно живущего обеспеченного класса, который в лучшую свою пору покровительствовал искусствам и наукам. И пока на другом конце социальной лестницы все шло не так плохо, пока имущие классы не совсем забывали о своих обязанностях, наслаждаясь привилегиями, пока культура не принимала откровенно упадочных форм, Вечные предпочитали закрывать глаза на отклонения от равномерного распределения благ и занимались исправлением менее привлекательных периодов истории.

Против собственного желания Харлен смирился с таким положением. Его прежние ночевки во Времени обычно проходили в гостиницах, расположенных в беднейших кварталах города, в трущобах, где человек легко мог остаться незамеченным, где одним человеком больше или меньше — ровно ничего не значило, и где присутствие Наблюдателя не грозило прорвать ткань Реальности. Однако порой и это было небезопасным, и тогда Харлену приходилось ночевать где-нибудь в поле, под живой изгородью. У него даже вошло в привычку заранее подбирать изгородь, реже

других посещаемую по ночам фермерами, бродягами или бездомными собаками.

Но сейчас Харлен оказался на другом краю лестницы и нежился в постели, сделанной из вещества, пронизанного силовым полем, — уникального соединения вещества и энергии, доступного лишь высшим слоям этого общества. В длинной цепи Столетий такая вещь встречалась реже, чем просто материя, хотя и чаще, чем чистая энергия. В любом случае постель была на редкость удобной — она принимала форму тела, когда он ложился, была твердой, но поддавалась при малейшем движении.

Харлен с неохотой признал привлекательность подобных вещей, однако согласился с мудростью, известной в любом Секторе Вечности, — лучше жить в среднем по развитию этапе Столетия, чем на его самом комфортабельном уровне. Это обеспечивало лучшее знание и ощущение Столетия, не давало целиком отождествить себя с верхушкой общества.

В тот вечер Харлен впервые подумал, что быть аристократом все-таки приятно.

Уже засыпая, он вспомнил о Нойс. Ему снилось, что он заседает во Всевременном Совете и, скрестив руки, глядит вниз на маленького, очень маленького Финжа, а тот в ужасе выслушивает приговор, обрекающий его на вечное Наблюдение в одном из неведомых Столетий далекого-далекого будущего. Суровые слова приговора слетают с губ Харлена, а справа от него сидит Нойс Ламбент.

Вначале он ее не заметил, но теперь он все чаще и чаще искаса поглядывает направо, и голос его срывается.

Неужели ее никто не видит? Члены Совета смотрят куда-то вдаль, и только Твиссел улыбается Харлену, глядя сквозь Нойс, словно ее нет.

Харлен приказывает ей уйти, но слова застывают у него на губах. Он хочет оттолкнуть ее, но рука еле двигается, и он лишь слегка касается девушки. Ее плоть холодна, как лед.

Финж начинает смеяться... громче... громче...

И вдруг он понимает, что это смеется Нойс. Харлен открыл глаза и несколько секунд в ужасе глядел на девушку, прежде чем вспомнил, где он находится и как сюда попал. Комната была залита ярким солнечным светом.

— Вам приснилось что-то плохое? — спросила Нойс. — Вы стонали во сне и колотили по подушке.

Харлен промолчал.

— Ванна готова. И одежда тоже. Я принесла вам приглашение на сегодняшний вечер. Как странно снова вернуться к прежней жизни после такого долгого пребывания в Вечности!

Этот поток слов встревожил Харлена.

— Надеюсь, вы никому не сказали, кто я?

— Конечно, нет.

«Конечно, нет». Финж должен был позаботиться о такой мелочи и сделать ей внушение под наркозом. Впрочем, он мог посчитать такую предосторожность излишней. Ведь он находился в «тесном контакте» с ней. Эта мысль была неприятна Харлену.

— Я прошу вас общаться со мной как можно меньше, — раздраженно проговорил он.

Нойс нерешительно смотрела на него пару секунд, потом вышла. В мрачном расположении духа Харлен принял ванну и оделся. Предстоящий вечер не сулил ему особых развлечений. Он постарается ничего не говорить, ничего не делать и по мере сил сливаться с обстановкой. От него требовались только глаза и уши, сочетание которых с его мыслительными способностями даст в результате итоговый отчет.

Обычно он не задумывался, какую цель преследуют его Наблюдения. Еще будучи Учеником, он усвоил, что Наблюдателю не полагается знать, зачем он послан и какие выводы будут сделаны из его донесений. Любое знание автоматически искажает его видение, каким бы беспристрастным он ни старался быть.

Но сейчас неведение раздражало его. В глубине души Харлен был уверен, что Наблюдать нечего и что Финж в каких-то своих целях просто играет им. И все это из-за Нойс...

Свирепо взглянув на свое трехмерное изображение, аккуратно воссозданное отражателем в двух футах от него, он пришел к выводу, что яркие, тесно облегающие одежды делают его смешным.

Харлен заканчивал завтрак, принесенный ему роботом, когда в комнату ворвалась Нойс Ламбент.

— Техник Харлен, — воскликнула она, задыхаясь от быстрого бега, — сейчас июнь!

— Не упоминайте здесь моего звания, — строго предупредил Харлен. — Ну и что с того, что сейчас июнь?

— Но ведь я поступила на работу... — она сделала паузу, — тут в феврале, а это было всего месяц назад

Харлен нахмурился.

— Какой теперь год?

— О, год правильный.

— Вы уверены?

— Совершенно. А что, произошла ошибка? — Его раздражала ее манера разговаривать, стоя почти вплотную к собеседнику,

а легкая шепелявость (свойственная, правда, не только ей, но и всему Столетию) делала ее речь похожей на лепет маленького и беспомощного ребенка. Он отстранился.

— Никакой ошибки нет. Вас поместили в этот месяц, потому что так надо. Во Времени вы жили здесь постоянно.

— Но как это может быть? — Она выглядела испуганной. — Я ничего не помню. Разве я раздваивалась?

Харлен был раздражен больше, чем следовало. Он не мог толком объяснить ей природу микроизменений, вызываемых любым передвижением во Времени, которые меняли судьбу человека без существенных последствий для Столетия в целом. Даже Вечные порой путали микроизменения с Изменениями, которые существенно меняли Реальность.

— Вечность знает, что делает. Не задавайте ненужных вопросов, — произнес он с такой важностью, словно был Старшим Вычислителем и лично решил, что июнь самый подходящий месяц в году и микроизменение, вызванное скачком в три месяца, не перерастет в Изменение.

— Но ведь я потеряла три месяца жизни, — не унималась Нойс.

Харлен вздохнул.

— Ваши передвижения во Времени не имеют никакого отношения к вашему биологическому возрасту.

— Так я потеряла или не потеряла?

— Что именно?

— Три месяца жизни.

— Ради Времени, женщина, я же вам ясно говорю, что вы не потеряли никакого времени. Вы не можете ничего потерять. — Последние слова он почти прокричал.

Нойс испуганно отступила назад и вдруг захихикала:

— У вас такой смешной акцент! Особенно когда вы сердитесь.

Харлен растерянно смотрел, как она уходит. Почему смешной? Он говорит на языке пятидесятого тысячелетия не хуже любого в их Секторе. Даже лучше. Глупая девчонка!

Он вдруг обнаружил, что снова стоит у отражателя, глядя на свое изображение, а изображение, наморщив лоб, глядит на него. Разгладив морщины, он подумал: «Красивым меня не назовешь. Глаза маленькие, уши оттопырены, а подбородок чересчур велик».

Никогда прежде он не задумывался над такими вещами, но сейчас ему неожиданно показалось, что, наверное, красивым быть приятно.

Поздно вечером Харлен по свежим следам дополнял записанные им разговоры своими заметками. Как всегда в таких случаях, он работал с молекулярным фонографом, изготовленным в 55-м Столетии. Это был маленький цилиндрик не больше четырех дюймов длиной, окрашенный в неброский темно-коричневый цвет. Его легко было спрятать в манжету, карман или за подкладку в зависимости от стиля одежды или же привесить к поясу, пуговице или браслету.

Но где бы и как бы он ни был спрятан, на каждом из трех его молекулярных уровней можно было записать до двадцати миллионов слов. Крохотные наушники и микрофон, соединенные с фонографом волновой связью, позволяли Харлену слушать и говорить одновременно.

Вслушиваясь в каждый звук, произнесенный за несколько часов «вечеринки» и записанный на первом уровне устройства, Харлен диктовал свои заметки, которые фиксировались на втором уровне. Здесь он описывал свои впечатления, давал пояснения и комментарии. Позднее он воспользуется этим же фонографом, чтобы на третьем уровне записать свое донесение в виде развернутой реконструкции событий.

Вошла Нойс Ламбент, никак не оповестив о своем появлении.

Раздосадованный Харлен демонстративно снял микрофон и наушники, поместил их внутрь цилиндрика, вложил его в футляр и резко захлопнул крышку.

— Почему вы злитесь на меня? — спросила Нойс. Ее руки и плечи были обнажены; длинные ноги светились в окутывавшем их мягком пенолоне.

— Я совсем не злюсь. И вообще не испытываю к вам никаких чувств. — В эту минуту он был совершенно искренен.

— Вы все работаете? Должно быть, устали?

— Я не могу работать, пока вы здесь, — брюзгливо ответил Харлен.

— Нет, вы злитесь! За весь вечер вы даже слова мне не сказали.

— Я вообще старался ни с кем не говорить. Меня не для этого сюда прислали. — Всем своим видом он показывал, что ждет ее ухода.

Однако она сказала:

— Я принесла вам выпить. Вам, кажется, понравился этот напиток на вечеринке. Но одного бокала мало. Особенно если вы хотите еще работать.

Он заметил позади нее маленького робота с бокалом на подносе, который тут же заскользил к нему по гладкому полу.

За ужином Харлен ел умеренно, но перепробовал почти все блюда. Они были знакомы ему по прежним Наблюдениям, хотя раньше он всегда воздерживался от них, ограничиваясь дегустацией с исследовательской целью. Против воли он признался себе, что ему понравились эти кушанья, понравился пенистый светло-зеленый, чуть пахнувший мятой напиток (не алкогольный, какой-то другой), который пользовался среди гостей большим успехом. Два биогода назад, до последнего Изменения Реальности, этого напитка не существовало.

Он взял у робота бокал, поблагодарив Нойс сухим кивком.

Интересно все-таки, почему Изменение Реальности, которое практически никак не сказалось на жизни Столетия, принесло с собой новый напиток? Впрочем, что толку задавать подобные вопросы — ведь он не Вычислитель. Кроме того, даже самые подробные вычисления никогда не смогут предусмотреть всего, учесть все случайные эффекты. Иначе для чего нужны были бы Наблюдатели?

Он и Нойс были одни в доме. Домашние роботы вот уже два десятилетия находились на пике популярности, и мода на них сохранится еще лет десять. Поэтому живых слуг поблизости не было.

Конечно, с точки зрения Нойс и ее современников, в том, что они остались вдвоем, не было ничего «непристойного»; женщина этой эпохи наслаждалась полной экономической независимостью и при желании могла стать матерью, не зная тягот беременности.

И все же Харлену было неловко.

Девушка вытянулась на софе, опершись на локоть. Узорное покрывало софы податливо прогибалось под ней, словно с жадностью поглощая ее тело. Она сбросила свои прозрачные туфли, и под мягким пенолоном было видно, как пальцы ее ног сгибаются и разгибаются, напоминая коготки игривого котенка.

Она потрянула головой, и ее черные волосы, уложенные над ушами причудливым образом, неожиданно рассыпались по обнаженным плечам, которые теперь казались Харлену еще белее и очаровательнее.

— Сколько вам лет? — промурлыкала она.

Отвечать ему не следовало ни в коем случае. Это был личный вопрос, ответ на который совершенно ее не касался. Он должен был сказать вежливо, но твердо: «Позвольте мне продолжать мою работу». Вместо этого он вдруг услышал свое невнятное бормотание:

— Тридцать два.

Разумеется, он имел в виду биогоды.

— Я моложе, — сказала она. — Мне двадцать семь. Но я знаю, что недолго буду выглядеть такой. Скоро я стану старухой, а вы останетесь таким же, как сейчас. А почему вы выбрали тридцать два года? Разве вы не можете изменить свой возраст? Почему бы вам не стать чуточку помоложе?

— О чем вы говорите? — Харлен потер лоб рукой, пытаясь прояснить ум.

— Вы никогда не умрете, — тихо произнесла она, — ведь вы Вечный.

Что это — вопрос или утверждение?

— Вы с ума сошли, — ответил он. — Мы стареем и умираем, как все люди.

— Рассказывайте, — протянула она низким насмешливым голосом.

Как мелодично звучал в ее устах язык пятидесятого тысячелетия, всегда казавшийся Харлену грубым и неприятным! Впрочем, может быть, полный желудок и напоенный ароматом воздух приглушили его слух?

— Вы можете видеть все Времена, посещать все места на Земле. Я так мечтала работать в Вечности. Сколько пришлось ждать, пока мне разрешили. Я надеялась, что меня тоже сделают Вечной, и вдруг узнала, что там одни мужчины. Некоторые из них не хотели разговаривать со мной только потому, что я женщина. И вы тоже не хотели разговаривать.

— Мы очень заняты, — растерянно пробормотал Харлен, борясь с ощущением расслабляющего довольства. — И я был занят.

— А почему среди Вечных нет женщин?

Харлен не настолько доверял себе, чтобы ответить. Да и что он мог сказать? Члены Вечности подбираются с крайней тщательностью и должны отвечать по крайней мере двум условиям. Во-первых, от них требуется наличие необходимых способностей, и, во-вторых, их изъятие из Времени не должно вредно отразиться на Реальности.

Реальность! Этого слова не следовало упоминать ни в коем случае. Комната медленно поплыла перед ним, и он прикрыл глаза, пытаясь остановить ее вращение.

Сколько блестящих кандидатур осталось нетронутыми во Времени только потому, что их изъятие означало бы, что кто-то не родится, не умрет, не женится, не будет счастлив и последствия будут настолько ужасны, что Всевременной Совет никак не мог этого допустить.

Разве можно было рассказать ей все это? Конечно, нет. Разве мог он объяснить, что женщины почти никогда не удовлетворяли

поставленным условиям, потому что по каким-то недоступным его пониманию причинам — может быть, Вычислители и понимали их, но он — нет, — изъятие женщины из Реальности влекло за собой в десять или в сто раз худшие последствия, чем изъятие мужчины.

Мысли смешались в голове у Харлена; они разбегались, кружились и снова сплетались в странные, нелепые, но в чем-то приятные образы. Улыбающееся лицо Нойс было рядом с ним.

Ее голос доносился до него, как легкое дуновение ветерка.

— О, эти Вечные! У вас столько тайн. Ни с кем не хотите делиться. Сделай меня Вечной!

Ее слова теперь сливались в его мозгу в одну неумолкающую музыкальную ноту.

Он хотел, он жаждал сказать ей: «Вечность не развлечение. Мы работаем. Мы изучаем до малейших подробностей все Времена с основания Вечности и до последних дней Земли, мы пытаемся рассчитать неосуществленные возможности, а число их бесконечно, но среди них нам надо отыскать самые лучшие, а затем мы ищем момент Времени, когда ничтожное действие превратит эту возможность в действительность, но и лучшая действительность не предел, и мы снова ищем новые возможности, и так без конца, с тех пор как в Первобытном 24-м Виккор Маллансон открыл Темпоральное поле, после чего стало возможным основать Вечность в 27-м, таинственный Маллансон, который взялся неведомо откуда и фактически основал Вечность... и новые возможности... и так без конца... вечно... снова и снова...».

Он потряс головой, но мысли по-прежнему неслись вихрем, их сочетания становились все причудливее и фантастичнее, пока не взорвались в его мозгу безумной догадкой... а потом погасли.

Он пытался удержать это мгновенье, но его унесло течением. Неужели это все мятный напиток?

Нойс придвинулась еще ближе, так, что он уже не мог сквозь туман ясно разглядеть ее лицо. Он чувствовал легкое прикосновение ее волос к своим щекам, тепло ее дыхания. Он должен был встать и уйти, но — странно, очень странно — ему не хотелось этого делать.

— Если бы я стала Вечной... — шептала она так тихо, что удары его сердца почти заглушали слова. Ее влажные губы были открыты. — Сделай меня Вечной!..

Он не понимал смысла ее слов, но внезапно это стало неважно. Все вокруг будто охватило пламя. Он неуклюже вытянул вперед руки, крепко прижал ее к себе. Она не сопротивлялась, сливаясь с ним.

Все происходило как будто во сне, как будто с кем-то другим. Это оказалось совсем не таким отвратительным, как представлялось ему прежде. Это было шоком, откровением, но совсем не отталкивало.

Потом она прильнула к нему, прикрыв глаза и слегка улыбаясь, а он медленно гладил ее влажные черные волосы, дрожа от счастья.

Теперь она сделалась в его глазах совсем другой. Она уже не была женщиной, не была другим, отдельным человеком. Станным и неожиданным образом она сделалась частью его самого.

Случившееся не было предусмотрено никакой пространственно-временной инструкцией, но Харлен не ощущал никакой вины. Только мысль о Финже пробудила в нем сильное чувство. И это была вовсе не вина.

Это было удовлетворение, даже торжество!

В ту ночь Харлен долго не мог уснуть. Бездумная легкость постепенно рассеялась, но ощущение необычности происходящего не покидало его. В первый раз за всю свою взрослую жизнь он лежал в постели с женщиной.

Он слышал сонное дыхание Нойс; мягкий свет, исходящий от стен и потолка, позволял различить рядом ее силуэт.

Ему достаточно было протянуть руку, чтобы ощутить теплоту и мягкость ее плоти, но он не смел пошевелиться, боясь разбудить ее. Ему даже почудилось, что она видит во сне себя и его, и то, что произошло между ними, и если она вдруг проснется, все это может исчезнуть.

Эта мысль казалась остатком тех необычных, фантастических мыслей, что кружились недавно в его мозгу...

Станные мысли, порожденные необузданной фантазией, лежащие за гранью рассудка. Он попытался припомнить их и не смог. Внезапно стремление вспомнить их поглотило его без остатка. Хотя он и не помнил никаких подробностей, им овладела уверенность, что на мгновение ему удалось что-то понять.

Он не помнил, в чем заключалась его догадка, но его охватило то ощущение легкости, какое бывает у человека в полусне, когда ему открывается больше, чем видят наяву его глаза и сознание.

Его беспокойство росло. Почему он не может вспомнить? Ведь ему открылось что-то очень важное.

Даже мысли о спящей рядом девушке отодвинулись на второй план.

«Если бы мне удалось ухватить нить... — размышлял он. — Я думал о Реальности и Вечности... да, и еще о Маллансоне и Купере...»

Он вдруг замер. Почему он вспомнил об Ученике? При чем тут Купер? Он вовсе не думал о нем.

Но почему тогда он сейчас вспомнил про Бринсли Шеридана Купера?

Он нахмурился. Что скрывается за всем этим? Что именно пытается он понять? Почему он так уверен, что ему нужно что-то вспомнить?

Харлен похолодел, потому что эти вопросы озарили все вокруг слабым отсветом недавней вспышки в его сознании и он уже почти вспомнил.

Он лежал, затаив дыхание, боясь спугнуть рождающуюся мысль. Пусть она придет сама. Пусть придет.

В тишине ночи, и без того уже ставшей самой важной и значительной в его жизни, к нему пришла невероятная догадка, которую в другой, менее безумный миг он отбросил бы без всяких колебаний.

Он дал этой мысли расцвести и созреть, пока она не объяснила ему сотни непонятных вещей, которые иначе так и остались бы просто непонятными.

После возвращения в Вечность ему придется еще многое исследовать и проверить, но в глубине души он был уже совершенно убежден, что разгадал страшную тайну, которую ему никак не полагалось знать.

Тайну, от которой зависело существование Вечности.

Глава 6. ПЛАНИРОВЩИК

С той памятной для Харлена ночи в 482-м прошел всего биомесяц. Но сейчас по обычному счету Времени его отделяли от нее почти двести тысяч лет. Он находился в Секторе 2456-го Столетия, пытаясь то уговорами, то шантажом выведать участь, уготованную Нойс Ламбент в новой Реальности.

Его поведение было грубейшим нарушением профессиональной этики, но его это не трогало. В собственных глазах он уже давно стал преступником. Было бы просто глупо скрывать от себя этот очевидный факт. Новое преступление уже ничего не меняло, зато в случае удачи он выигрывал многое.

И вот в результате всех этих жульнических махинаций (он даже не пытался подобрать более мягкое выражение) он стоял у выхода из Вечности перед незримой завесой Темпорального поля, отделявшей его от 2456-го. Выйти из Вечности в обычное Время было неизмеримо сложнее, чем пройти через ту же завесу в Коло-

дец Времени. Необходимо было с очень высокой точностью установить на шкалах приборов координаты нужной точки земной поверхности и требуемого момента времени. Но, несмотря на огромное внутреннее напряжение, Харлен работал с легкостью и уверенностью, говорящими о большом опыте и еще большем таланте.

Он оказался в машинном зале космолета, который перед тем видел на экране хроноскопа. В этот биомомент Социолог Вой, конечно, сидит у этого же экрана в полной безопасности, наблюдая, как Техник совершает свой Акт Воздействия.

Харлен не спешил. Зал будет пуст сто пятьдесят шесть минут. Правда, его пространственно-временная инструкция разрешала ему использовать только сто десять минут, остальные сорок шесть минут представляли собой обычный сорокапроцентный запас. Запас давался на случай крайней необходимости, но пользоваться им не рекомендовалось. «Пожиратели запасов» недолго оставались Специалистами.

Впрочем, Харлен собирался пробыть во Времени не более двух минут из возможных ста десяти. Наручный генератор Поля окружал его облаком биовремени — образно выражаясь, эманацией Вечности — и защищал от любых последствий Изменения Реальности. Сделав шаг вперед, Харлен снял с полки маленький ящичек и переставил его на заранее выбранное место на нижней полке.

Вернуться после этого в Вечность было для него таким же обыденным делом, как войти в комнату через дверь. Если бы это видел какой-нибудь Времянин, ему бы показалось, что Харлен попросту исчез.

Маленький ящичек лежал теперь на новом месте. Ничто не выдавало его роли в судьбах мира. Несколько часов спустя капитан космолета протянет к нему руку и не найдет его. Полчаса уйдут на розыски, а тем временем выключится силовое поле, и капитан потеряет самообладание. В порыве гнева он решится на поступок, от которого воздержался в предыдущей Реальности. В результате важная встреча не состоится; человек, который должен был умереть, проживет годом дольше; другой же, наоборот, умрет немного раньше.

Эти Возмущения будут распространяться все шире и шире, пока не достигнут максимума в 2481-м Столетии, через двадцать пять веков после Акта. Затем интенсивность Изменения пойдет на убыль. Теоретически оно никогда не станет равным нулю, даже через миллионы лет, но уже через пятьдесят Столетий его нельзя будет обнаружить никакими Наблюдениями. С практической точки зрения этот срок можно считать верхней границей.

Разумеется, во Времени ни один человек даже не подозревал о происшедшем Изменении. Сознание изменялось в той же степени, что и материя, и только Вечные взирали со стороны на происходящие перемены.

Социолог Вой, не отрываясь, глядел на голубой экран, где еще недавно кипела жизнь оживленного космопорта. Даже не повернув к Харлену головы, он пробормотал несколько слов, отдаленно напоминающих приветствие.

На экране произошли разительные перемены. Величие космопорта бесследно исчезло; убогие здания ничем не напоминали прежних грандиозных сооружений. Космолеты насквозь проржавели. Людей нигде не было. Никакого движения.

Харлен позволил себе на мгновенье улыбнуться. Да, это действительно была МОР — Максимальная ожидаемая реакция. Все совершилось сразу. Вообще говоря, Изменение не обязательно происходило немедленно после Акта Воздействия. Если предварительные расчеты проводились небрежно или слишком приблизительно, приходилось ждать (по биологическому времени) часы, дни, иногда недели. Только после того, как были исчерпаны все степени свободы, возникала новая Реальность; пока оставалась хоть какая-то математическая вероятность взаимоисключающих действий, Изменения не было.

Харлен мог гордиться своим мастерством: если он сам выбирал МНВ и своей рукой совершал Акт Воздействия, то степени свободы исчерпывались сразу и Изменение наступало мгновенно.

— Они были так прекрасны, — тихо сказал Вой.

Эта фраза больно уколола Харлена; ему казалось, что она умаляет красоту его собственной работы.

— Я бы не пожалел, — сказал он, — если бы все эти космические полеты вовсе вычеркнули из Реальности.

— Да?

— А что в них толку? Увлечение космосом никогда не длится больше тысячи или двух тысяч лет. Потом люди устают от него. Они возвращаются на Землю; колонии на других планетах вымирают. Проходит четыре-пять тысячелетий или сорок-пятьдесят, и все начинается сначала и заканчивается так же. Бесполезная трата человеческих средств и способностей.

— А вы, оказывается, философ, — сухо сказал Вой.

Харлен покраснел. К чему разговаривать с ним, подумал он и сердито буркнул, меняя тему разговора:

— Что там с Планировщиком?

— А именно?

— Не пора ли навестить его? Может быть, он уже получил ответ?

Социолог неодобрительно поморщился, как бы желая сказать: «Что за нетерпение!». Вслух он произнес:

— Пойдемте к нему и посмотрим.

Табличка на дверях кабинета оповещала, что Планировщика зовут Нерон Фарук. Это имя поразило Харлена своим сходством с именами двух правителей, царствовавших в районе Средиземного моря в Первобытную эпоху (еженедельные занятия с Купером намного углубили его собственные познания в Первобытной истории).

Однако насколько Харлен мог судить, Планировщик не был похож ни на одного из этих правителей. Он был худым, как скелет; кожа туго обтягивала его горбатый нос. Лелея длинными узловатыми пальцами клавиши анализатора, он напоминал Смерть, взвешивающую на своих весах людскую судьбу.

Харлен почувствовал, что он не в силах оторвать взгляд от анализатора. Эта машинка была плотью и кровью Плана Судьбы, его костями и кожей, мышцами и всем остальным. Стоит только накормить ее матрицей Изменения Реальности и необходимыми данными человеческой биографии, и она захихикает в бесстыдном веселье, а затем, через минуту или через день выплюнет длинную ленту с описанием поступков человека в новой Реальности, аккуратно снабдив каждый поступок ярлычком его вероятности.

Социолог Вой представил Харлена. Фарук взглянул на эмблему Техника с явным отвращением и ограничился сухим кивком головы.

— План Судьбы этой молодой особы уже готов? — небрежно спросил Харлен.

— Еще нет. Как только кончу, я дам вам знать.

Фарук явно был одним из тех, у кого неприязнь к Техникам выливалась в открытую грубость.

— Полегче, Планировщик, — укоризненно проговорил Вой.

Брови Фарука были светлыми почти до полной невидимости, отчего его лицо еще больше напоминало череп. Сверкнув глазами в глазницах, которые казались пустыми, он проворчал:

— Загубили уже космолеты?

— Вычеркнули из Столетия, — кивнул Вой.

Беззвучно, одними губами Фарук произнес какое-то слово. Скрестив руки на груди, Харлен в упор смотрел на Планировщика, который в замешательстве отвернулся. «Понимает, что здесь и его вина», — злорадно подумал Харлен.

— Послушайте, — обратился Фарук к Социологу, — раз уж вы здесь, объясните, что мне, ради Времени, делать с этим ворохом запросов на противораковую сыворотку? Сыворотка есть не только в нашем Столетии. Почему все обращаются именно к нам?

— Другие Столетия загружены не меньше. Вы это знаете.

— Так пусть вообще прекратят присылать запросы!

— Интересно, как мы можем их заставить?

— Легче легкого. Пусть Всевременной Совет перестанет их принимать.

— Я не командую в Совете.

— Зато вы командуете стариком.

Харлен машинально, без особого интереса прислушивался к разговору. По крайней мере, это отвлекало его от гнусного хихиканья анализатора. Он понял, что под стариком подразумевается Вычислитель, возглавляющий Сектор.

— Я уже говорил со стариком, — ответил Вой, — и он запросил Совет.

— Ерунда все это. Он послал по инстанциям обычную докладную. А нужно было проявить твердость. Это вопрос нашей политики.

— Всевременной Совет сейчас не настроен менять политику. Вы ведь знаете, какие ходят слухи.

— Еще бы! Они, мол, заняты важнейшим делом. Каждый раз, как только они начинают тянуть, возникает слух, что они заняты важнейшим делом.

Будь Харлен в настроении, он, пожалуй, не смог бы удержаться от улыбки. Фарук несколько секунд мрачно молчал и вдруг взорвался:

— Ну почему никто не понимает, что сыворотка от рака — это не сажены и не волновые двигатели? Мы все знаем, что даже щепка может отрицательно повлиять на Реальность, но ведь от сыворотки зависит человеческая жизнь, и тут все в сотни раз сложнее. Вы только представьте, сколько людей ежегодно умирает от рака в тех Столетиях, которые не имеют своей противораковой сыворотки. Конечно, мало кто из них хочет умирать. И вот правительства из каждого Столетия бомбардируют Вечность запросами: «Помогите, просим, умоляем, срочно вышлите семьдесят пять тысяч ампул для спасения жизни людей, чья смерть явится невосполнимой потерей для культуры, биографические данные прилагаются!».

Вой торопливо кивнул:

— Я знаю, знаю.

Но Фарук еще не излил всю накопившуюся горечь.

— Почитать эти биографии, так каждый человек — герой. Каждый — невозместимая потеря для мира. Хорошо, садишься считать. Сначала считаешь, что будет с Реальностью, если они выживут поодиночке, а потом — что произойдет, если они, Время их побери, выживут в различных сочетаниях. За прошлый месяц я рассчитал пятьсот семьдесят два раковых запроса. В семнадцати случаях — обратите внимание, всего в семнадцати — отрицательные эффекты отсутствовали. Заметьте, что не было ни одного случая, который повлек бы за собой благоприятное Изменение Реальности, но Совет постановил, что и в нейтральных случаях следует давать сыворотку. Гуманизм, видите ли. И вот за месяц семнадцать человек из разных Столетий спасены от смерти.

А что дальше? Стали Столетия хоть немного счастливее? Ни в коем случае. Излечили одного, а десятку, сотне в то же самое Время, в той же стране дали умереть. И все спрашивают: а почему именно он? Может быть, те, кому не досталось сыворотки, были розовощекими филантропами, которых все любили, а единственный спасенный нами счастливчик занят только тем, что избивает свою престарелую мать, а в свободные минуты лупит детишек. Ведь Время не подозревает об Изменениях Реальности, и мы не можем им ничего объяснить.

Помяните мои слова, Вой, мы сами накличем на себя беду, если Всевременной Совет не примет решения отсылать все запросы и давать сыворотку только в случае желательного Изменения Реальности. Наша единственная цель — улучшать Реальность. Либо излечение этих людей ведет к этой цели, либо нет. Вот и все. И от этого не отгородиться рассуждениями насчет того, что, дескать, ничего плохого в этом нет.

Социолог, слушавший его со страдальческим выражением лица, попробовал возразить:

— Вот если бы у вас был рак...

— Дурацкий аргумент, Вой. Разве мы принимаем решения на такой основе? Тогда мы бы никогда не произвели ни одного Изменения Реальности. Ведь всегда найдется бедолага, которому не повезет. Представьте себя на его месте, а? И подумайте заодно вот над чем. Всякий раз, когда мы совершаем Изменение, все труднее становится найти следующее, которое было бы благоприятным. Значит, уменьшается и процент людей, которым мы можем помочь. Скоро у нас будет не больше одного исцеления за биогод, даже с учетом нейтральных случаев. Не забывайте об этом.

Харлен потерял остатки интереса к беседе. Подобные настроения были своего рода профессиональным заболеванием. Психологи и Социологи в своих редких работах, посвященных Вечности,

называли его «отождествлением». Люди отождествляли себя со Столетьем, в котором они работали, и заботы века часто становились их собственными заботами.

Вечность сражалась с демоном отождествления, как могла. Никто не имел права работать или находиться ближе двух Столетий к Времени своего рождения, чтобы сделать отождествление труднее. При назначении на работу предпочтение отдавалось Столетиям, уклад жизни которых как можно больше отличался от привычного с детства. (Харлену невольно вспомнился Финж, работающий в 482-м.) Более того, при первых же подозрительных признаках Вечного немедленно переводили в другой Сектор. Харлен не дал бы и одной монетки 50-го Столетия за то, что Фарук удержится на своем месте еще хотя бы биогод.

И все же люди упорно стремились найти свое место во Времени. Тяга к Времени — кто о ней не слышал? По каким-то необъяснимым причинам эпохи космических полетов особенно притягивали к себе. Давно уже следовало изучить причины этого, но мешало хроническое нежелание Вечности оглядываться на себя.

Еще месяц назад Харлен презрительно обозвал бы Фарука тряпкой и сентиментальным идиотом, распускающим нюни из-за утраты электрогравитации и отводящим душу в нападках на Столетия, не способные лечить рак.

Он мог бы даже сообщить о нем куда следует. Он даже был обязан сделать это. Ясно, что на этого человека уже нельзя полагаться.

Но поступить так сейчас он уже не мог. Ему даже стало жалко этого человека. Его собственные преступления были куда больше. И тут же его мысли в который раз вернулись к Нойс.

В ту ночь ему удалось заснуть только под утро, и он проснулся поздно, когда сквозь полупрозрачные стены пробивался рассеянный дневной свет, и Харлену показалось, что он лежит на облаке, плывущем по туманному утреннему небу.

Нойс, смеясь, тормошила его:

— Батюшки, ну и трудно тебя разбудить.

Первым побуждением Харлена было натянуть на себя простыню, но ее не оказалось. Затем он вспомнил все, что произошло, и усталился на нее, чувствуя, как краска стыда заливает его лицо. Что ему теперь делать?

Но тут ему в голову пришла новая мысль, и он быстро сел.

— Всемогущее Время! Я проспал?

— Успокойся, еще и одиннадцати нет. Тебя ждет завтрак.

— Спасибо, — пробормотал он.

— Я согрела тебе воду и приготовила костюм на сегодня.

Он мог только еще раз пробормотать «Спасибо».

За завтраком он не поднимал глаз. Нойс сидела напротив, опершись локтем на столик и положив подбородок на ладонь. Ее черные волосы были зачесаны на сторону, ресницы казались неестественно длинными. Она ничего не ела, только следила за каждым его движением, пока он смотрел в тарелку и думал о жестоком раскаянии, которое по идее должен был испытывать. Почему-то раскаяния не было.

— Куда ты идешь в час?

— На аэробол, — проямил он. — Мне удалось достать билет.

— Ах да, сегодня ведь финал. Подумать только, что из-за этого скачка во Времени я пропустила целый сезон. Эндрю, а кто сегодня выиграет?

Он ощутил странную слабость при звуке своего имени. Отрицательно качнув головой, он попытался придать лицу суровое выражение. Еще вчера ему это отлично удавалось.

— Но ты должен знать. Ведь ты изучил весь наш период.

Ему следовало бы сохранить холодный тон, но у него не хватило духу.

— Столько событий происходит в разное время в разных местах. Разве я могу запомнить такую мелочь, как счет игры?

— О, ты просто не хочешь мне говорить.

Вместо ответа Харлен подцепил вилкой маленький сочный плод и целиком отправил его в рот. Немного помолчав, Нойс заговорила снова:

— А о том, что случилось с нами, ты знал?

— Не спрашивай меня, Н-нойс. — Ему стоило большого труда назвать ее по имени.

Голос ее звучал тихо и нежно:

— Разве ты не видел нас? Разве ты не знал с самого начала, что мы...

— Нет, нет, я не могу увидеть себя, — поспешно прервал ее Харлен, — ведь я не принадлежу Реаль... меня не было здесь до моего появления. Я не могу тебе этого объяснить.

Харлен совсем смутился. Как она может так спокойно говорить об этом! И сам он тоже хорош: чуть было не произнес слова «Реальность» — самого запретного из всех слов при разговорах с Временами.

Она слегка подняла брови, отчего ее глаза стали совсем круглыми и чуточку изумленными.

— Тебе что, стыдно?

— То, что мы сделали, нехорошо.

— Почему? — С точки зрения 482-го Столетия ее вопрос был совершенно невинным. — Разве Вечным нельзя? — В ее голосе слышалась насмешливая издевка, словно она спрашивала, разрешают ли Вечным есть.

— Не называя меня Вечным, — остановил ее Харлен. — Если тебя это интересует, то, как правило, нет.

— Тогда ты не говори им. И я не скажу.

Встав, она плавным движением бедер оттолкнула стоявший между ними столик и присела к нему на колени.

Харлен на мгновение оцепенел, протянув вперед руки в тщетной попытке остановить ее. Нагнувшись, она поцеловала его в губы, и никакого стыда больше не было. Не было ничего, что разделило бы его и Нойс.

Незаметно для себя Харлен занялся тем, чего Наблюдатель не мог делать в соответствии с нормами этики, — задумываться над проблемами существующей Реальности и характером предстоящего Изменения.

Вечность не волновали ни распущенные нравы, ни искусственное выращивание плода, ни господство женщин. Все это было и в предыдущих Реальностях, и Всевременной Совет взирал на подобные вещи равнодушно. Финж сказал, что Изменение будет малым, почти неуловимым.

Одно было ясно: Изменение коснется группы людей, находившихся под его Наблюдением. Оно затронет привилегированные классы, аристократию, богатей, сливки общества.

Больше всего его тревожило, что Изменение почти наверняка затронет Нойс.

На протяжении оставшихся трех дней его мысли становились все мрачнее, отравляя ему даже радость от встреч с Нойс.

— Что с тобой? — спрашивала она. — Первые дни ты был совсем не таким, как в Веч... как в том месте. Тебя ничто не огорчало. А сейчас у тебя такой озабоченный вид. Это потому, что тебе надо возвращаться обратно?

— Отчасти, — ответил Харлен.

— А тебе обязательно надо вернуться?

— Да.

— А что случится, если ты опоздаешь?

Харлен чуть было не улыбнулся.

— Им бы не понравилось мое опоздание, — сказал он и с тойской подумал о двух запасных днях, предусмотренных инструкцией.

Нойс включила музыкальный инструмент. Сложное математическое устройство выбирало из случайных комбинаций звуков приятные сочетания. Возникающие случайно мелодии повторялись не чаще, чем узоры снежинок, и были не менее прекрасны.

Завороженный звуками, Харлен не сводил с Нойс глаз, и его мысли устремились к ней. Кем она станет в новом воплощении? Торговкой рыбой? Фабричной работницей? Толстой, уродливой, болезненной матерью шестерых детей? Кем бы она ни стала, она уже не вспомнит Харлена. В новой Реальности он уже не будет частью ее жизни. И кем бы она ни стала, она уже никогда не будет прежней Нойс.

Он не просто любил эту девушку. (Странно: впервые в жизни он впустил слово «любовь» в собственные мысли и даже не удивился этому.) Он любил в ней все: ее манеру одеваться, ходить, разговаривать, даже ее кокетливые уловки. Двадцать семь лет, прожитые ею в этой Реальности, весь ее жизненный опыт понадобились, чтобы она стала именно такой. В предыдущей Реальности, в прошлом биографе, она не была его Нойс. В следующей Реальности она тоже не будет ею.

Может быть, новая Нойс будет в чем-то лучше, но Харлен совершенно точно знал одно. Ему нужна вот эта Нойс; та самая, что сидит сейчас напротив него. Если у нее есть недостатки, она нужна ему вместе с ними. Что ему делать?

Ему в голову приходили разные планы, но все они были противозаконными. В первую очередь необходимо было выяснить характер Изменения, узнать, как оно повлияет на Нойс. В конце концов, никогда нельзя знать заранее...

Мертвая тишина пробудила Харлена от воспоминаний. Он снова был в кабинете Планировщика. Социолог Вой следил за ним краем глаза. Над ним стоял Фарук, склонив свою голову мертвеца.

В наступившей тишине было что-то зловещее. Всего мгновение потребовалось Харлену, чтобы понять, в чем дело. Анализатор прервал свое утробное хихиканье. Харлен вскочил.

— Получили ответ, Планировщик?

Фарук взглянул на пленки, зажатые в его руке.

— Да, конечно, только он странный.

— Покажите. — Протянутая рука Харлена заметно дрожала.

— Показывать нечего, в том-то и странность.

— Что значит «нечего»? — Глаза Харлена внезапно начали слезиться, и скоро на месте Фарука он видел лишь темное пятно, откуда доносился голос.

— В новой Реальности ваша дамочка не существует. Это не изменение личности, нет. Просто испарилась, исчезла. Я просчитал все переменные вплоть до значения вероятности в одну стотысячную, но ее нигде нет. Больше того, — он задумчиво потер подбородок своими длинными сухими пальцами, — при заданной вами комбинации фактов я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей Реальности.

Харлен еле слышал его, комната медленно поплыла перед глазами.

— Но ведь Изменение так незначительно...

— Знаю. Просто странное сочетание факторов. Так вы возьмете пленки?

Харлен даже не заметил, как взял их. Нойс исчезнет? Ее не будет в новой Реальности? Как такое может быть?

Он почувствовал чью-то руку на своем плече, и в ушах прозвучал голос Социолога:

— Вам плохо, Техник?

Рука отдернулась, словно пожалев о своем неосмотрительном контакте с телом Техника.

Харлен проглотил слюну и усилием воли придал лицу спокойное выражение.

— Со мной все в порядке. Вы проводите меня к капсуле?

Нельзя проявлять свои чувства так открыто. Он должен вести себя так, словно эти исследования и в самом деле представляют для него чисто академический интерес. Любой ценой он должен скрыть огромную, непереносимую радость, охватившую его, как только он узнал, что Нойс в новой Реальности не существует.

Глава 7. ПРЕЛЮДИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Войдя в капсулу в 2456-м, Харлен бросил быстрый взгляд через плечо. Ему хотелось убедиться в непроницаемости завесы Темпорального поля, отделяющего Колодец Времени от Вечности. Он боялся, что Социолог Вой может подглядывать за ним. В последние недели он то и дело высматривал, не прячется ли кто-нибудь у него за спиной, — это движение стало уже привычным, чуть ли не рефлексорным.

Затем, вместо того чтобы вернуться в 575-е, он снова послал капсулу в будущее. Сидя на диванчике, он смотрел на счетчик Столетий, на котором мелькали цифры. Хотя капсула двигалась почти с предельной скоростью, у него оставалось достаточно времени для раздумий.

Как все изменилось после неожиданного открытия Планировщика! Даже характер его преступления стал совсем другим.

И нити тянулись все ближе к Финжу. Эта фраза с дурацкой рифмой привязалась к нему и с жужжанием билась о стенки черепа: ближе к Финжу... ближе к Финжу...

Вернувшись в Вечность после дней, проведенных с Нойс в 482-м, Харлен постарался избежать встречи с Финжем. Не успели Врата Времени захлопнуться за ним, как совесть вновь начала терзать его. Нарушение служебной клятвы, казавшееся в 482-м безделицей, в Вечности представлялось тяжким преступлением.

Послав донесение по безличной пневматической почте, он заперся в своей комнате. Ему нужно было время, чтобы осмыслить происшедшее и разобраться в своих мыслях.

Но Финж не дал ему этого времени. Не прошло и часа после отправки донесения, как он вызвал Харлена по видеофону. Лицо Вычислителя на экране было строгим.

— Я рассчитывал застать вас в вашем кабинете.

— Вы получили мой отчет, сэр, — возразил Харлен. — Не все ли равно, где я буду дожидаться нового назначения.

— Разве? — Финж скосил глазки на пучок лент, зажатых в его руке, поднес их ближе к лицу и, прищурясь, стал вглядываться в сложный узор перфорации. — Едва ли можно считать отчет полным. Вы разрешите мне зайти к вам?

Харлен помедлил. Финж был пока еще его начальником, и отказ мог показаться неподчинением. Более того, этот отказ явился бы замаскированным признанием вины, чего больная совесть Харлена не могла допустить.

— Буду рад видеть вас, Вычислитель, — произнес он сдавленным голосом.

Среди аскетической, почти убогой обстановки квартиры Харлена грузная фигура Финжа казалась чуждым эпикурейским элементом. Родной век Харлена тяготел к спартанскому стилю, и Харлен так и не утратил вкуса к простоте. Несколько стульев из гнутых металлических трубок с сиденьем из пластика, которому искусственно, но не слишком искусно придали вид дерева. В углу же стоял предмет, вид которого никак не вязался с принятым в Секторе стилем.

Взгляд Финжа сразу устремился к нему.

Вычислитель провел пухлым пальцем по его поверхности, как бы проверяя, из чего он сделан.

— Что это за материал?

— Дерево, сэр.

— Не может быть! Настоящее дерево? Удивительно! Вероятно, им пользуются в вашем родном Столетии?

— Да, сэр.

— Понимаю, Техник. Впрочем, правила этого не запрещают. — Он вытер палец, которым касался дерева, об одежду. — Но я не знаю, стоит ли поощрять подобное тяготение к родной культуре. Истинный Вечный приспосабливается к любой обстановке, в которую он попадает. Вот я, например, за последние пять лет и двух раз не ел из энергетической посуды. — Он вздохнул. — Знали бы вы, как противно есть пищу, соприкасавшуюся с веществом. Но я не поддаюсь, Техник, не поддаюсь.

Он увидел еще один деревянный предмет, но на этот раз спрятав руки за спину и только спросил:

— А это что такое?

— Книжный шкаф, — ответил Харлен. У него появилось сильное искушение спросить у Финжа, не противно ли ему, что его руки прикасаются сейчас к веществу его собственного зада, не хочется ли ему заменить свою одежду и свое тело чистым и благородным силовым полем?

— Книжный шкаф? — Финж удивленно поднял брови. — Тогда вот эти штучки на полках — книги?

— Да, сэр.

— Подлинные экземпляры?

— Только подлинные, Вычислитель. Я собирал их в 24-м. Вот эти, например, изданы в 20-м Столетии. Прошу вас, будьте осторожны, если вы захотите на них взглянуть. Хотя они были восстановлены и пропитаны специальным составом, страницы очень ломкие. Они требуют бережного обращения.

— Я и не собираюсь к ним притрагиваться. Подумать только, на них сохранилась подлинная пыль Первобытных веков. — Он фыркнул. — Настоящие книги, надо же! У них страницы из целлюлозы — вы ведь не станете этого отрицать?

— Да, целлюлоза, пропитанная для долговечности особым составом. — Харлен глубоко вздохнул, стараясь сохранить спокойствие. Нелепо отождествлять себя с этими книгами, воспринимая издевку над ними как издевательство над собой.

— А ведь, пожалуй, — продолжал Финж, явно не желая менять тему разговора, — все содержание этих книг может быть переснято на два метра пленки и уместиться на кончике пальца. О чем они, эти книги?

— Это переплетенные тома одного журнала, выходившего в 20-м Столетии.

— Вы что, читали их?

— Здесь всего лишь несколько томов из моей полной коллекции, — с гордостью ответил Харлен. — Ни одна библиотека в Вечности не может соперничать с ней.

— Да, ваше хобби. Помню, вы как-то рассказывали мне о своем увлечении Первобытной историей. Удивляюсь, как только ваш Наставник позволил вам интересоваться подобной чепухой. Бесмысленная трата энергии.

Харлен сжал губы. Он понял, что Финж намеренно пытается рассердить его, лишив способности хладнокровно рассуждать. Этого нельзя было допустить.

— Я думал, вы пришли поговорить о моем отчете, — сухо заметил он.

— Вот именно. — Вычислитель огляделся, выбрал стул и осторожно уселся на него. — Как я уже сказал, ваш отчет далеко не полон.

— В каком отношении, сэр? — Спокойствие! Спокойствие! Финж криво усмехнулся.

— Мне нужно знать все, о чем вы умолчали, Харлен.

— Ни о чем, сэр. — Хотя он произнес эти слова твердым голосом, вид у него был виноватый.

— Бросьте, Техник! Вы ведь провели немало времени в обществе молодой женщины. Во всяком случае, обязаны были провести по инструкции. Надеюсь, вы не осмелились нарушить инструкцию?

Муки совести довели Харлена до такого состояния, что его уже не задело даже открытое сомнение в его профессиональной честности.

— Я следовал инструкции, — с трудом выговорил он.

— И что же? Вы не включили в отчет ни слова из разговоров с этой женщиной.

— Они не представляют особого интереса, сэр. — Губы Харлена пересохли, и он почти шептал.

— Не будьте смешным, Харлен. В ваши годы и с вашим опытом вам бы уже следовало знать, что не Наблюдателю решать, что представляет интерес, а что нет.

Финж не сводил с Харлена глаз. Его пристальный, нетерпеливый взгляд никак не соответствовал мягкому тону его слов.

Харлен все это видел, и притворная ласковость Финжа не вводила его в заблуждение. Однако привычное чувство долга взяло верх. Обязанностью Наблюдателя было сообщать абсолютно все, не скрывая никаких подробностей. Наблюдатель не был человеком; он был просто щупальцем, закинутым Вечностью в воды

Времени, щупальцем, которое осязало окружающий мир и затем вытягивалось обратно. При исполнении своих обязанностей Наблюдатель не имел собственного «я» и вряд ли являлся человеком в истинном смысле слова.

Почти автоматически Харлен начал рассказывать о событиях, не включенных им в донесение. Тренированная память Наблюдателя помогала ему слово в слово повторять разговоры, воспроизводя интонацию и выражения лиц. Рассказывая, он словно заново все переживал и совсем упустил из виду, что настойчивость Финжа и болезненное чувство долга загнали его в ловушку. Но когда повествование подошло к кульминационному пункту, он запнулся, не в силах больше скрывать свои чувства под маской бездушной объективности Наблюдателя.

Финж избавил его от дальнейших подробностей, неожиданно подняв руку и проговорив насмешливым, колючим голосом:

— Благодарю вас. Достаточно. Вы собирались рассказать, как переспали с этой женщиной.

Гнев Харлена нарастал. Слова Финжа точно соответствовали истине, но тон, которым они были сказаны, делал все происшедшее грубым, непристойным и, хуже того, просто пошлым. Но как ни называй то, что произошло между ним и Нойс, в этом не было ничего пошлого.

У Харлена было объяснение странному поведению Финжа, его беспокойным расспросам и неожиданному отказу дослушать рассказ до конца. Финж ревновал! Харлен мог поклясться, что причина именно в этом. Он добился успеха с девушкой, с которой у Финжа ничего не вышло.

Харлен испытал сладкое чувство торжества. Впервые в его жизни появилось что-то более важное, чем беззаветное служение идеалам Вечности. Финжу придется ревновать и впредь, потому что Нойс Ламбент всегда будет принадлежать ему.

В состоянии радостно приподнятого настроения Харлен решил высказать просьбу, с которой прежде собирался обратиться, благоразумно переждав несколько дней.

— Я хочу просить разрешения на союз с Временницей, сэр. Финж, казалось, очнулся от размышлений.

— С Нойс Ламбент, я полагаю?

— Да, Вычислитель. Поскольку вы возглавляете этот Сектор, то моя просьба рано или поздно попадет к вам.

Харлен был доволен, что его просьба попадет к Финжу. Пусть помучается. Если он сам мечтает о союзе с Нойс, пусть скажет об этом, и тогда Харлен добьется, чтобы Нойс предоставили право выбора. Вот когда он окончательно насладится своим торжеством!

Разумеется, в обычных обстоятельствах Техник и думать не смел о том, чтобы встать на пути Вычислителя, но Харлен был уверен в поддержке Твиссела, а Финжу до Твиссела далеко.

Однако Финж остался невозмутим.

— Кажется, вы и без разрешения вступили в противозаконную связь с этой женщиной.

Харлен покраснел и принялся неуклюже оправдываться:

— Инструкция настаивала на том, чтобы мы с ней длительное время оставались наедине. Поскольку ничто из происшедшего специально не запрещалось, я не чувствую за собой никакой вины.

Он лгал. Сознание вины неотступно преследовало его, и по лицу Финжа было видно, что он знает об этом и забавляется сложившейся ситуацией.

— Не забывайте, что скоро там произойдет Изменение Реальности.

— В таком случае я буду просить разрешения на союз с мисс Ламбент в новой Реальности.

— Не думаю, что это разумно. Как вы можете быть уверены в том, что будет? В новой Реальности мисс Ламбент может оказаться замужем или утратить свою красоту. Я даже могу сказать вам точно: в новой Реальности вы ей не будете нужны. Она даже не поглядит на вас.

Харлена охватила тревога.

— Вы ничего об этом не знаете.

— Да? Вы полагаете, что ваша великая любовь — это идеальный союз двух душ, который переживет любые Изменения? Вы что, начитались романов там, во Времени?

Харлен утратил остатки осторожности.

— Во-первых, я не верю ни единому вашему слову...

— Что вы сказали? — холодно переспросил Финж.

— Вы лжете! — Харлена уже не заботила осторожность. — Вы ревнуете ее ко мне, в этом все дело. Вы ревнуете! Вы сами строили планы насчет нее, только она предпочла меня.

— Вы хоть понимаете... — начал было Финж.

— Понимаю. Я не идиот. Конечно, я не Вычислитель, но и не круглый невежда. Вот вы сказали сейчас, что в новой Реальности она не захочет меня знать. А откуда вам это известно? Ведь вы тоже не знаете, какой будет новая Реальность. А вдруг Изменение окажется ненужным? Всего час назад вы получили мой отчет. Его необходимо тщательно проанализировать, прежде чем приступить к Вычислениям, не говоря уже о том, что еще предстоит получить одобрение Совета. Поэтому, когда вы говорите, что знаете последствия Изменения, вы просто лжете.

У Финжа было много способов ответить на этот выпад. В разгоряченном воображении Харлена проносились одна картина за другой, и он не мог сказать, какая из них больше его пугает. Финж мог просто выйти из комнаты с видом оскорбленного достоинства; он мог вызвать офицера Службы безопасности и арестовать Харлена за оскорбительное поведение, мог накричать на него в ответ, мог немедленно позвонить Твисселу и начать извиняться, мог...

Но Финж не сделал ничего этого. Тихим голосом он попросил: — Присядьте, Харлен, и выслушайте меня.

И так как эта реакция была совершенно неожиданной, у Харлена отвисла челюсть, и он в полном смятии присел на краешек стула. Весь его задор улетучился. Что это все могло значить?

— Вы, должно быть, помните, — начал Финж, — наш разговор о проблемах 482-го, возникших в связи с нежелательным предрассудком некоторых обитателей текущей Реальности в отношении Вечности. Вы помните наш разговор, не правда ли?

Он говорил с мягкой настойчивостью педагога, объясняющего урок недалекому ученику, но Харлену почудился злорадный блеск в его глазах.

— Помню, — ответил Харлен.

— Тогда вы должны были также запомнить, что Всевременной Совет не соглашался с моими рекомендациями и настаивал на их подтверждении путем прямых Наблюдений. Разве из этого не следует, что у меня уже были проделаны все необходимые Вычисления?

— А мой отчет содержит это подтверждение?

— Целиком и полностью.

— Все равно для анализа потребуется какой-то срок.

— Чепуха. Ваш отчет ничего не значит, и ваш рассказ лишь подтверждает это.

— Не понимаю вас.

— Тогда, Харлен, я открою вам, что именно не устраивает нас в текущей Реальности. Среди высших слоев общества, в особенности среди женщин, появилось поверье, что Вечные действительно являются вечными в буквальном смысле слова, что они бессмертны... Святое Время, да Нойс Ламбент сама сказала вам об этом. Пяти минут не прошло, как вы повторили мне ее слова.

Харлен глядел на Финжа невидящим взглядом. Он вспомнил черные, бездонные глаза склонившейся над ним Нойс, услышал ее тихий, нежный шепот: «Ты никогда не умрешь. Ведь ты Вечный».

— Подобное поверье само по себе нежелательно, — продолжал Финж, — но не так уж плохо. Конечно, оно приводит к определенным неудобствам, затрудняет деятельность Сектора, но Вы-

числения показывают, что Изменение затронет лишь маленькую группу людей. Тем не менее, если это Изменение все-таки произойдет, то в первую очередь ему подвергнутся те, кто заражен подобными суевериями. Иными словами — аристократки, и в их числе Нойс.

— Пусть так, но я все же не теряю надежды, — упорствовал Харлен.

— Никакой надежды у вас нет. Неужели вы действительно воображаете, что своим мужским обаянием вы покорили изнеженную аристократку и она бросилась в объятия простого Техника? Бросьте, Харлен, будьте реалистом. — Харлен упрямо сжал губы и промолчал. — Из своих предрассудков о бессмертии Вечных эти женщины сделали очень странный вывод. Они решили, что интимная близость с Вечным сделает бессмертными их самих.

Удар попал в цель. Харлен зашатался. Он снова отчетливо услышал голос Нойс: «Сделай меня Вечной...». А потом ее поцелуй...

— Трудно было поверить, Харлен, что подобные предрассудки могут сочетаться с высоким уровнем культуры. Беспрецедентная глупость! Вероятность возникновения таких заблуждений лежит в области случайных ошибок, поэтому расчеты по данным последнего Изменения не дали ничего определенного. Всевременный Совет потребовал от меня доказательств — прямого и решительного подтверждения. Для проведения эксперимента я выбрал мисс Ламбент как отличный экземпляр женщин этого круга. В качестве второго объекта я выбрал вас...

Харлен вскочил со стула.

— Вы выбрали меня? Как объект?!

— Я очень сожалею, — холодно сказал Финж, — но это было необходимо. Из вас вышел совсем неплохой объект.

Взгляд Харлена был настолько выразителен, что Финж пожегся.

— Вы что, все еще не видите? Нет, не видите. Посмотрите на себя, Харлен, вы — порождение Вечности с рыбьей кровью в жилах. Вы не смотрите на женщин. Все связанное с ними представляется вам безнравственным. Нет, не то. Есть лучшее слово: греховным! Это отношение написано у вас на лице, и в глазах женщин вы по своей привлекательности можете соперничать только с протухшей макрелью. С другой стороны, очаровательное существо, изнеженное творение гедонистической культуры — и эта женщина в первый же вечер соблазняет вас, чуть ли не выпрашивая ваших объятий. Вы не понимаете, что это происшествие смешно и нелепо, если только не рассматривать его как подтверждение моих выводов.

— Вы хотите сказать, что она продалась... — Харлен запнулся.
— К чему такие выражения? В этом Столетьи другие взгляды, другая мораль. Забавно, конечно, что она выбрала вас, но чего не сделаешь ради бессмертия.

Протянув вперед руки с растопыренными пальцами, Харлен ринулся к Финжу с единственным и неразумным желанием вцепиться ему в горло.

Финж торопливо отступил на несколько шагов и дрожащей рукой вытащил из кармана бластер.

— Не прикасайтесь ко мне! Назад! — взвизгнул он.

У Харлена осталось достаточно разума, чтобы остановиться. Его волосы разлохматились. Рубашка промокла от пота. Дыхание с шумом вырывалось из побелевших ноздрей.

Финж проговорил дрожащим голосом:

— Как видите, я неплохо вас изучил. Я предвидел, что ваша реакция может быть бурной. Только пошевелитесь, и я буду стрелять.

— Вон отсюда! — прохрипел Харлен.

— Я уйду. Но сначала вы меня выслушаете. За нападение на Вычислителя вас следует разжаловать, но пока оставим это. Однако вы должны понять, что я не солгал. Кем бы или чем бы ни стала Нойс Ламбент в новой Реальности, она будет лишена своих предрассудков. Изменение уничтожит их, ведь это его единственная цель. А без них, — в его голосе послышалась нескрываемая издевка, — на что вы нужны такой женщине, как Нойс?

И, не сводя с Харлена дула бластера, толстый Вычислитель попятился к выходу. В дверях он задержался и добавил с мрачной иронией:

— Конечно, Харлен, раз уж вам так повезло, то наслаждайтесь своим счастьем. Можете продолжать вашу связь и даже официально оформить ее. Но торопитесь, потому что скоро произойдет Изменение, и тогда уж вам не видать ее больше. Какая жалость, что даже в Вечности нельзя продлить мгновенье! Не правда ли, Харлен?

Но Харлен даже не смотрел в его сторону. Финж все-таки выиграл и теперь покидал поле сражения несомненным и торжествующим победителем. Опустив голову, Харлен тупо разглядывал носки своих ботинок. Когда он вновь поднял глаза, Финжа уже не было. Прошло ли после его ухода пять секунд или пятнадцать минут — Харлен сказать не мог.

Часы проходили будто в бреду, и Харлен чувствовал себя пойманным в ловушку собственного сознания. Все, что сказал Финж, было горькой и очевидной правдой. Непогрешимая память Наблюдателя обращалась к воспоминаниям об их с Нойс недолгих

отношениях, которые представлялись теперь в совершенно ином свете.

Никакой внезапно вспыхнувшей страсти не было и в помине. Как мог он быть настолько глуп, чтобы поверить в ее любовь? Любовь к такому человеку, как он?

Нет, тысячу раз нет! Жгучие слезы стыда и раскаяния застилали ему глаза. Ясно, как день, что причиной был холодный расчет. Девушка пустила в ход свою физическую привлекательность, и никакие моральные принципы не могли ей в этом помешать. Эндрю Харлен не был человеком в ее глазах, он был всего лишь Вечным. Будь на его месте другой, ничего бы не изменилось.

Длинные пальцы Харлена машинально поглаживали корешки книг в его маленьком книжном шкафу. Взяв один из томов, он раскрыл его наудачу. Строчки расплывались в глазах. Поблекшие цветные иллюстрации казались уродливыми, бесформенными пятнами.

Зачем Финжу понадобилось рассказывать ему все это? Строго говоря, он не имел на это права. Наблюдателю не полагается знать, к чему приводят его Наблюдения. Знание было помехой, отнимающей у Наблюдателя его бездушную объективность.

Конечно, это было нужно, чтобы сокрушить его, утолить ревность и жалкую мстительность!

Продолжая поглаживать раскрытую страницу, Харлен вдруг обнаружил, что разглядывает рекламную картинку с изображением ярко-красного наземного экипажа, характерного для 45-го, 182-го, 590-го и 984-го Столетий, так же как и для последних веков Первобытной эры. Это было самое обычное средство передвижения с двигателем внутреннего сгорания. В Первобытные Времена источником энергии служили продукты перегонки природной нефти, а колеса примитивным образом покрывались слоем резины. Экипажи последующих Столетий были, разумеется, более совершенными.

Харлен как-то прочел Куперу целую лекцию о рекламе. Он принялся сейчас вспоминать этот урок, подсознательно стараясь отвлечься от мучительного настоящего. Воспоминания хоть немного отгоняли боль, сжимавшую его виски.

— Рекламные объявления, — говорил Харлен, — рассказывают нам о Первобытных Временах куда больше, чем так называемые новости из того же журнала. Заметки с новостями рассчитаны на читателя, хорошо знающего свой мир. В них никогда не разъясняется значение различных терминов, потому что в этом нет необходимости. Вот, например, что такое теннисный мяч?

Купер охотно признался в своем невежестве.

Харлен продолжал привычным назидательным тоном, в который он неизменно впадал во время уроков:

— С помощью случайных упоминаний мы можем прийти к выводу, что имеется в виду небольшой шар из неизвестного нам материала. Мы знаем, что он использовался в какой-то спортивной игре только потому, что упоминания о нем встречаются в разделе «Спорт». Из отдельных упоминаний можно даже заключить, что целью игры было перекинуть этот шар партнеру по игре. Но зачем мучиться догадками? Взгляни на рекламу! Ее единственное назначение — заставить читателей купить этот шар, и вот перед нами великолепное его изображение во всех деталях.

Но Купер, родившийся в эпоху, в которой реклама не была так необходима, как в конце Первобытных Времен, с трудом понимал Харлена.

— Разве не противно то, как трубят о себе все эти люди? — сказал он. — Неужели найдутся дураки, которые поверят хвастовству человека, расхваливающего собственную продукцию? Неужели он сознается в ее недостатках или воздержится от преувеличений?

Харлен, успевший в детстве немного познакомиться с рекламой в пору ее относительного расцвета, снисходительно поднял брови.

— С этим приходится мириться. Таков уж был их образ жизни, а мы никогда не вмешиваемся ни в чей образ жизни, если только он не приносит серьезного вреда человечеству в целом.

Но, разглядывая нахальные и крикливые рекламные объявления в журнале, Харлен вновь вернулся мыслями к настоящему. Внезапно взволновавшись, он спросил себя: почему он стал думать о рекламе? Не связано ли это с тем, что его разум мучительно ищет выход из наступившего мрака?

Реклама! Способ убедить сомневающихся, заставить их повесить. Разве для продавца этих наземных экипажей имело хоть какое-то значение, хочет ли кто-нибудь купить его товар? Если ему удавалось внушить это желание клиенту (так они, кажется, назывались) и тот действительно совершал покупку, то не все ли равно, что он думал о ней?

А раз так, то стоит ли мучить себя вопросом: что руководило Нойс — страсть или расчет? Важно, чтобы они были вместе, и тогда она обязательно полюбит его. Он заставит ее полюбить, и в конце концов главным будет сама любовь, а не ее первопричина. Харлен даже пожалел, что никогда не читал романов, о которых так язвительно отозвался Финж.

И тут кулаки Харлена сжались от внезапной мысли. Если Нойс обратилась за бессмертием к нему, Харлену, то из этого следовало, что она не добилась своего раньше. Значит, до этого она не была любовницей ни одного из Вечных. Значит, по отношению к Финжу она оставалась только секретаршей и не более. Иначе зачем бы ей понадобился Харлен?

Но ведь Финж наверняка пытался, не мог не пытаться... (даже мысленно Харлен не смог закончить фразу). Он же мог лично доказать существование этого суеверия. Невероятно, чтобы, ежедневно встречаясь с Нойс, он не сделал такой попытки! Следовательно, она ему отказала.

Тогда ему пришлось использовать Харлена, и Харлен добился успеха там, где Финж потерпел поражение. Вот почему Финж так пытал жаждой мести и пытался убедить Харлена, что Нойс действовала из чисто практических побуждений.

Как бы там ни было, Нойс отвергла Финжа, несмотря на свою мечту о бессмертии, и выбрала Харлена. Следовательно, ею руководил не один только голый расчет. Чувства тоже играли какую-то роль.

С каждой секундой возбуждение Харлена становилось все сильнее, намерения — все безумнее.

Он и Нойс должны быть вместе. Теперь же! До всякого Изменения Реальности! Как сказал в насмешку Финж: даже в Вечности нельзя продлить мгновенье.

Так-таки нельзя?

Харлен уже знал, что он должен сделать. Злобные насмешки Финжа довели его до такого состояния, что он был готов на преступление, а заключительная шутка Вычислителя подсказала характер этого преступления.

После этого он уже не тратил времени на размышления. Радостно, чуть ли не бегом он покинул квартиру, чтобы совершить свое первое преступление против Вечности.

Глава 8. ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Никто не остановил его. Никто не задавал ему вопросов. Все-таки в социальной изоляции Техников были и свои выгоды. Пройдя через Колодцы к Вратам Времени, Харлен настроил управление на координаты комнаты Нойс. Существовала опасность, что кому-то понадобится на законном основании воспользоваться этим же выходом. После недолгих колебаний Харлен запечатал выход своей личной печатью. На запечатанную дверь никто не обратит

внимания, и наоборот, незапечатанные Врата с работающими приборами могут на целую неделю стать предметом толков и пересудов.

Не исключено, конечно, что у выхода его будет поджидать сам Финж. Приходилось рисковать.

Нойс все еще стояла на том месте, где он оставил ее. После его возвращения в Вечность прошло несколько долгих, мучительных часов (по биологическому времени), но для Нойс Харлен появился чуть ли не через секунду после своего исчезновения. Ни один волосок не успел шелохнуться на ее голове.

— Ты что-нибудь забыл, Эндрю? — спросила она с испугом.

Харлен вожденно поглядел на нее, но не сделал попытки к ней прикоснуться. Слова Финжа не выходили у него из памяти, и он боялся увидеть на ее лице отвращение.

— Ты должна сделать то, о чем я тебя попрошу. — Голос его звучал хрипло.

— Значит, все-таки что-то случилось? Ведь ты исчез только что. И минуты не прошло.

— Не бойся, — сказал Харлен. Он с трудом подавил желание обнять ее, успокоить, хотя бы взять за руку. Словно какой-то демон все время толкал его на опрометчивые поступки. Ну зачем ему понадобилось возвращаться в первое же возможное мгновенье? Он только напугал ее своим неожиданным появлением.

Но в глубине души он хорошо знал ответ. Пространственно-временная инструкция давала ему два запасных дня. Чем раньше он вернется, тем больше шансов на успех, тем меньше вероятность, что он попадется. А с другой стороны, такая спешка таила в себе новую опасность. Он легко мог ошибиться в настройке и войти во Время раньше того момента, когда он покинул Нойс. Что тогда? Первое правило, которое он выучил, работая Наблюдателем, гласило: человек, дважды входящий в один и тот же отрезок Времени в одной и той же Реальности, рискует встретить самого себя.

Почему-то этого следовало избегать. Почему? Харлен не знал. Но он был совершенно уверен, что не желает встречаться с самим собой. Ему не хотелось заглянуть в глаза другого, более раннего (или позднего) Харлена. Кроме того, это было бы парадоксом, а Твиссел любил повторять «Во Времени нет ничего парадоксального, но только потому, что само Время всячески избегает парадоксов».

И пока в голове Харлена проносились эти бессвязные мысли, Нойс, не отрываясь, смотрела на него своими большими, сияющими глазами. Затем она подошла к нему и, положив прохладные ладони на его пылающие щеки, тихо сказала:

— У тебя неприятности.

Каким нежным и любящим показался Харлену ее взгляд! Неужели он ошибается? Ведь она уже добилась своего. Что еще ей нужно? Сжав ее руки, он хрипло спросил:

— Хочешь пойти со мной? Только сразу. Не задавая вопросов.

— Так надо? — спросила она.

— Надо, Нойс. Это очень важно.

— Идем, — сказала она так просто и буднично, словно ей каждый день приходилось отвечать согласием на подобные просьбы.

У входа в капсулу Нойс на мгновение замешкалась, потом вошла внутрь.

— Мы двинемся вверх по Времени, Нойс, — сказал он.

— Это значит, в будущее, да?

В капсуле раздавалось тихое гудение, свидетельствующее о том, что приборы включены. Харлен незаметно надавил локтем на пусковой рычаг.

Ни с чем не сравнимое чувство «движения» сквозь Время не вызвало у нее тошноты, как опасался Харлен. Она сидела притихшая, спокойная и такая красивая, что при взгляде на нее у Харлена замирало сердце, и плевать ему было на то, что, проведя ее — человека из Времени — в Вечность без специального разрешения, он совершает очередное преступление.

— Эндрию, что означают эти цифры? Годы? — спросила она.

— Нет, Столетия.

— Ты хочешь сказать, что мы перескочили через тысячи лет? Уже?

— Именно.

— Но я ничего не заметила. — Она огляделась. — А как мы движемся?

— Не знаю, Нойс

— Не знаешь?

— В Вечности есть много вещей, которые трудно понять.

Цифры на счетчике Столетий сменялись все быстрее и быстрее, пока не слились в туманное пятно. Харлен локтем нажимал рычаг, разгоняя капсулу до предела. Повышенный расход энергии мог вызвать удивление на Энергостанции, но Харлен сомневался в этом. Никто не ждал их у входа в Вечность, когда он вернулся вместе с Нойс, и одно это гарантировало девять десятых успеха. Сейчас ему оставалось только спрятать ее в безопасном месте.

— Вечные знают не все, — проговорил он после паузы.

— А я даже не Вечная, — пробормотала Нойс. — Я знаю так мало.

У Харлена екнуло сердце. Все еще не Вечная? Но ведь Финж утверждал...

«Оставь, — сказал он себе, — не копайся. Она пошла за тобой. Она улыбается тебе. Не ищущая судьбу. Что еще тебе надо?»

И все-таки он спросил:

— Ты веришь в бессмертие Вечных?

— Видишь ли, они сами называют себя Вечными, и поэтому все уверены, что они живут вечно. — Она лукаво улыбнулась. — Но я знаю, что это неправда.

— Значит, ты не веришь?

— После того, как я побывала в Вечности, — нет. Люди, которые живут вечно, не разговаривают так, и потом, там были старики.

— И все же ты сказала мне той ночью, что я никогда не умру. Все еще улыбаясь, она придвинулась поближе к нему.

— А я подумала: кто знает?

— А как Время относится к тому, чтобы стать Вечными? — Харлен хотел задать вопрос непринужденно, но в голосе против его воли проскользнула напряженная нотка.

Ее улыбка погасла. Почудилось ли ему или она действительно покраснела?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне интересно.

— Все это глупости, — ответила она. — Мне не хочется о них говорить.

Нойс опустила голову и принялась рассматривать свои изящные пальцы с длинными ногтями, которые тускло поблескивали в слабо освещенной капсуле. Харлену почему-то подумалось, что с наступлением вечера, когда стены замерцают мягким ультрафиолетом, эти ногти станут яблочно-зелеными или сочно-пурпурными, стоит ей чуть повернуть ладонь. Такая умница, как Нойс, могла раскрасить их в полдюжины цветов в зависимости от настроения. Синий мог бы означать невинность, ярко-желтый — веселье, лиловый — грусть, алый — страсть...

— Зачем тебе понадобилась моя любовь? — вдруг спросил он.

Она чуть побледнела, откинула назад свои длинные волосы и очень серьезно посмотрела ему прямо в глаза.

— Раз уж тебе так необходимо знать — у нас есть поверье: любовь Вечного делает девушку бессмертной. А я не хочу умирать. Это одна причина.

— Ты же сказала, что не веришь в это.

— А я и не верю, но почему бы не попробовать? Особенно если учесть вторую причину.

Он осуждающе посмотрел на нее, ища спасения от боли и разочарования на неприступных высотах морали своего Столетия.

— Какую?

— Мне все равно хотелось.

— Ты хотела, чтобы я полюбил тебя?

— Да.

— Но почему именно я?

— Ты мне сразу понравился. Ты был такой смешной.

— Смешной?

— Ну, странный. Ты так старался изо всех сил не смотреть на меня, а сам с меня глаз не сводил. Ты воображал, что ненавидишь меня, а я чувствовала, что тебя тянет ко мне. И мне стало немножко жаль тебя.

— При чем тут жалость? — У Харлена пылали щеки.

— Ты так страдал оттого, что хотел меня. А в любви все очень просто. Надо только спросить девушку. Так приятно любить и быть любимой. Зачем же страдать?

Харлен покачал головой. Ну и нравы в этом 482-м!

— Спросить, и все тут, — пробормотал он. — Так просто? И больше ничего не надо?

— Ну, конечно, надо понравиться девушке. Но почему не ответить на любовь, если сердце свободно? Что может быть проще?

Теперь настал черед Харлена потупить глаза. В самом деле, что может быть проще? Ничего плохого в этом не было. Во всяком случае, для девушек из 482-го. Уж ему-то следовало бы это знать! Он был бы непродоходимым кретином, если бы стал допрашивать Нойс о ее прежних увлечениях. С таким же точно успехом он мог бы расспрашивать девушку из своего родного Столетия, не случалось ли ей обедать в присутствии мужчин и было ли ей при этом стыдно? Слегка покраснев, он смущенно спросил:

— А что ты сейчас думаешь обо мне?

— Что ты очень милый, — ответила она. — Если бы ты к тому же пореже хмурил брови... Почему ты не улыбаешься?

— Во всем этом мало смешного, Нойс.

— Ну пожалуйста. Я хочу проверить, могут ли твои губы растягиваться. Давай попробуем.

Она положила свои пальчики на уголки его губ и слегка оттянула их. Он изумленно отдернул голову назад и не смог сдержать улыбку.

— Вот видишь, твои щеки не потрескались. Наоборот, ты стал почти красавцем. Если будешь каждый день упражняться перед зеркалом и научишься улыбаться, то станешь совсем красивым.

Но его улыбка, и без того еле заметная, сразу погасла.

— Нам грозят неприятности? — тихо спросила Нойс.

— Да, Нойс, большие неприятности.

— Из-за того, что у нас было? Да? В тот вечер?

— Не совсем.

— Но ведь ты знаешь, что я одна во всем виновата. Если хочешь, я им так и скажу.

— Ни за что! — энергично запротестовал Харлен. — Не смей брать на себя вину. Ты ни в чем, ни в чем не виновата. Дело совсем в другом.

Нойс тревожно посмотрела на счетчик.

— Где мы? Я даже не вижу цифр.

— Когда мы, — машинально поправил ее Харлен. Он убавил скорость настолько, чтобы можно было различить номера Столетий.

Прекрасные глаза Нойс расширились.

— Неужели это верно?

Харлен равнодушно взглянул на Счетчик. Тот показывал 72000.

— Конечно.

— Но где же мы остановимся?

— Когда мы остановимся? В далеком-далеком будущем, — угрюмо ответил он. — Там, где тебя никогда не найдут.

Они молча смотрели, как растут показания счетчика. В наступившей тишине Харлен мысленно вновь и вновь повторял себе, что Финж намеренно оклеветал ее. Да, она откровенно призналась, что в его обвинении была доля истины, но ведь с той же искренностью она сказала ему, что он привлек ее и сам по себе.

Внезапно Нойс встала и, подойдя к Харлену, решительным движением остановила капсулу. От резкого темпорального торможения к горлу подступила тошнота.

Ухватившись руками за сиденье, Харлен закрыл глаза и несколько раз тяжело сглотнул.

— В чем дело?

Нойс стояла рядом, ее лицо было пепельно-серым; две-три секунды она ничего не могла ответить.

— Эндрю, не надо дальше. Я боюсь. Эти числа так велики.

Счетчик показывал: 111394.

— Хватит, — сказал Харлен и, протянув ей руку, добавил с мрачной торжественностью: — Пошли, Нойс. Я покажу тебе твой новый дом.

Взявшись за руки, словно дети, они бродили по пустынным помещениям. Тускло освещенные коридоры терялись вдали. Стои-

ло только переступить через порог, как в темных комнатах вспыхивал яркий свет. Воздух был свежим и чистым, что говорило о наличии вентиляции, хотя его покой не нарушался даже легким ветерком.

— Неужели здесь никого нет? — прошептала Нойс.

— Ни души. — Харлен хотел громким и уверенным ответом развеять свой страх перед Скрытыми Столетиями, но почему-то и он сбился на шепот.

Они забрались так далеко в будущее, что Харлен даже не знал толком, как это Время называть. Говорить: сто одиннадцать тысяч триста девяносто четвертое — было смешно. Обычно этот период называли просто и неопределенно — Стотысячные Столетия.

В их положении было глупо ломать голову еще и над этой проблемой, но теперь, когда возбуждение, вызванное побегом сквозь Время, несколько улеглось, Харлен вдруг с особенной ясностью осознал, что находится в области Вечности, куда не ступала нога человеческая, и ему стало не по себе. Ему было стыдно за свой испуг, стыдно вдвойне, поскольку Нойс была свидетельницей его страха, но он ничего не мог с собой поделать.

— Как здесь чисто, — прошептала Нойс. — Даже пыли нет.

— Автоматическая уборка, — ответил Харлен. Ему казалось, что он чуть не надорвал связки от крика, на самом же деле он произнес и эти слова тихим голосом. — Здесь нет ни одного человека на тысячи Столетий в прошлое и будущее, — добавил он.

Похоже, Нойс это ничуть не встревожило.

— Неужели везде все устроено так же, как здесь? — спросила она. — Ты обратил внимание — на складах полно продовольствия и всяких запасов, полки библиотеки заставлены книгофильмами?

— Конечно, обратил. Каждый Сектор полностью оборудован.

— Но зачем, если в них никто не живет?

— Простая логика, — ответил Харлен. Когда он разговаривал, ему было не так жутко. Выскажи вслух то, что тебя пугает, и это явление, потеряв ореол таинственности, покажется обыденным и простым. — Давным-давно, еще на заре существования Вечности, где-то в 300-х Столетиях, был изобретен дубликатор массы. Не понимаешь? При помощи специального резонансного поля можно превратить энергию в вещество, причем атомные частицы занимают те же положения — с учетом принципа неопределенности, — что и в исходной модели. В результате получается идеально точная копия.

Вечность приспособила дубликатор для своих нужд. В то время было построено всего шестьсот или семьсот Секторов. Перед нами стояли грандиозные задачи по расширению зоны нашего

влияния. «Десять новых Секторов за один биогод» — таков был главный лозунг тех лет. Дубликатор сделал эти огромные усилия ненужными. Мы построили один Сектор, снабдили его запасами продовольствия, воды, энергии, начинили самой совершенной автоматикой и запустили дубликатор. И вот сейчас мы имеем по Сектору на каждое Столетие. Я даже не знаю, насколько они протянутся в будущее, — вероятно, на миллиарды лет.

— И все похоже на этот?

— Да, все совершенно одинаковые. По мере расширения Вечности мы просто занимаем очередной Сектор и переоборудуем его по моде соответствующего Столетия. Затруднения возникают только в энергетических Столетиях. Но ты не бойся — до этого Сектора мы еще не скоро доберемся.

Он решил не рассказывать ей о Скрытых Столетиях. Незачем ее пугать. Прочитав на ее лице недоумение, он торопливо добавил:

— Не думай, что строительство Секторов было неразумной тратой сил и материалов. В конце концов, расходовалась только энергия, а ее мы черпаем в неограниченных количествах из вспышки Новой...

Она прервала его:

— Нет, дело не в этом. Просто я никак не могу вспомнить.

— О чем?

— Ты сказал, что дубликатор изобрели в 300-х. Но у нас в 482-м его нет, и я никак не могу вспомнить ни одного упоминания о нем в книгофильмах по истории.

Харлен задумался. Хотя Нойс была всего на несколько дюймов ниже его, он внезапно почувствовал себя великаном рядом с ней, могущественным полубогом Вечности. Нойс казалась ему маленьким, беззащитным ребенком, и он должен был провести ее по головокружительным тропкам, ведущим к истине, и открыть ей глаза на мир

— Нойс, дорогая, — сказал он, — давай присядем где-нибудь, и я тебе все объясню

Представление о том, что Реальность не является чем-то установившимся, вечным и нерушимым, что она подвержена непрерывным изменениям, было не из тех, которые легко укладываются в чьем-либо сознании

В тишине бессонных ночей Харлен до сих пор нередко вспоминал первые дни Ученичества и свои отчаянные попытки отрешиться от Времени, разорвать все связи со своим Столетием.

Среднему Ученику требовалось почти полгода, чтобы узнать и осмыслить правду, чтобы понять до конца, что он уже никогда

(в самом буквальном смысле этого слова) не сможет вернуться домой. И дело было не только в суровых законах Вечности, которые запрещали ему это, но и в неумолимом факте, что того дома, который он знал, могло уже больше не существовать, что в каком-то смысле этого дома вообще не существовало.

На разных Учеников это известие действовало по-разному. Харлен хорошо помнил, как побелело и вытянулось лицо его однокурсника Бонки Латуретта, когда Наставник Ярроу развеял их последние сомнения на этот счет.

В тот вечер никто из Учеников не притронулся к ужину. Они сбились в кучку, словно согревая друг друга теплом своих тел. Все, кроме Латуретта, который просто исчез. Было много шуток и смеха, но шутки не получались, а смех звучал фальшиво. Кто-то произнес робким, дрожащим голосом:

— Выходит, у меня и мамы не было. Если я вернусь к родителям в 95-е, они, наверное, скажут: «Кто ты? Мы тебя не помним. Чем ты докажешь, что ты наш сын? Тебя вообще нет».

Они нерешительно улыбались и кивали головами, одинокие мальчики, у которых не осталось ничего, кроме Вечности.

Латуретта обнаружили в постели. Он спал крепким сном. Его дыхание было подозрительно учащенным, а на левой руке виднелась небольшая красная точка, оставшаяся после укола шприца. К счастью, на нее сразу же обратили внимание.

Вызвали Наставника, и несколько дней они боялись, что в их классе станет одним Учеником меньше, но все обошлось. Через неделю Бонки уже сидел за партой. Но Харлен был дружен с ним и знал, что рана, оставленная в его душе этой недоброй ночью, так и не зажила.

А теперь Харлену предстояло объяснить, что такое Реальность, девушке, которая была немногим старше тех мальчиков, и объяснить так, чтобы она поняла раз и навсегда. У него не было выбора. Нойс должна знать, что их ждет и как ей себя вести.

Он начал рассказ. Они сидели в конференц-зале за длинным столом, рассчитанным человек на двадцать, ели консервы, замороженные фрукты, пили холодное молоко, и Харлен рассказывал.

Он пытался смягчить удар, осторожно выбирая выражения, но в этом не было нужды. Нойс схватывала его объяснения на лету, и, еще не дойдя до середины своей лекции, Харлен вдруг с изумлением обнаружил, что ее реакция не так уж плоха. Она не испугалась и не растерялась, а лишь разозлилась. От гнева ее бледное лицо слегка порозовело, а черные глаза, казалось, стали еще черней.

— Но ведь это же преступление, — воскликнула она. — Как смеют Вечные распоряжаться нашей судьбой?

— Наша цель — благо человечества, — снисходительно пояснил Харлен.

Конечно, ей всего не понять. Он почувствовал жалость к этой Временнице, чей рассудок находится в плену у Времени.

— Благо человечества? А дубликатор вы тоже уничтожили для нашего блага?

— Пусть судьба дубликатора тебя не беспокоит. Мы сохранили его у себя.

— Вы-то сохранили, а как насчет нас? Ведь мы в 482-м тоже могли бы его иметь.

Она взволнованно взмахнула в воздухе своими кулачками.

— Вам бы он не принес ничего хорошего. Не волнуйся, дорогая, и выслушай меня до конца.

Судорожным движением — ему еще предстояло научиться до-трагиваться до нее, не боясь прочитать на ее лице отвращение, — он схватил ее за руки и крепко сжал их.

Несколько секунд она пыталась вырваться, затем смирилась и даже рассмеялась.

— Продолжай, глупенький, только не смотри на меня так мрачно. Тебя-то я ни в чем не обвиняю.

— Тут некого винить, Нойс. Никто ни в чем не виноват. Мы были вынуждены так поступить. Случай с дубликатором — один из классических примеров. Я проходил его еще в школе. Дублируя предметы, можно дублировать и людей. При этом возникают очень сложные и запутанные проблемы.

— Но разве эти проблемы не в состоянии решать само человечество?

— Не всегда. Мы тщательно изучили всю эту эпоху и убедились, что люди не нашли удовлетворительного решения этой проблемы. Не забывай, что каждая неудача сказывается не только на них самих, но и на всех их потомках, на всех последующих обществах. Более того, проблема дубликатора вообще не может иметь удовлетворительного решения. Это одна из тех гадостей, вроде атомных войн и наркотических видений, которые просто не имеют права на существование. Их улучшение никогда не приводит к добру.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Пойми, Нойс, мы располагаем великолепными Вычислительными машинами. Киберцентр по своим возможностям превосходит все созданное людьми в этой области во всех Реальностях и Столетиях. Он может рассчитывать с учетом влияния тысяч и тысяч переменных, насколько желательна или нежелательна любая Реальность.

— Машина! — презрительно фыркнула Нойс. Харлен осуждающе посмотрел на нее, но тут же раскаялся.

— Пожалуйста, не веди себя как ребенок. Конечно, тебе неприятно думать, что окружающий тебя мир совсем не так незыблем, как кажется. Всего год назад, до прошлого Изменения, ты сама и весь твой мир могли быть только тенью вероятности, но разве это что-либо меняет? У тебя ведь сохранились все воспоминания о прожитой жизни? Ты ведь помнишь свое детство и своих родителей, не правда ли?

— Конечно.

— Так не все ли тебе равно, как ты жила в той Реальности? Я хочу сказать, что результат тот же самый, как если бы ты прожила свою жизнь в соответствии со своими теперешними воспоминаниями.

— Не знаю. Мне надо подумать. А что если мой завтрашний день снова станет лишь сновидением, тенью, призраком, или как ты там его назвал?

— Что ж, тогда будет новая Реальность, а в ней будет жить новая Нойс со своими новыми воспоминаниями. Все будет так, словно ничего не произошло, с той только разницей, что общая сумма человеческого счастья снова немного возрастет.

— Знаешь, меня почему-то это не удовлетворяет.

— Кроме того, — торопливо добавил Харлен, — тебе сейчас ничего не угрожает. Скоро в твоём Столетии возникнет новая Реальность, но ведь ты сейчас находишься в Вечности. Изменение не коснется тебя.

— Если, как ты утверждаешь, никакой разницы нет, — упрямо сказала Нойс, — к чему тогда было затевать эту историю с моим похищением?

— Потому что ты мне нужна такой, какая ты есть, — с неожиданным для себя пылом воскликнул Харлен. — Я не хочу, чтобы ты изменилась хоть на самую малость!

Еще немного, и он бы проболтался, что, если бы не ее суеверия относительно Вечных и бессмертия, она даже не поглядела бы в его сторону.

Нойс испуганно оглянулась.

— Неужели мне придется всю свою жизнь провести вот здесь? Мне будет... одиноко.

— Нет, нет, не бойся. — Он с такой силой сжал ее руки, что она поморщилась от боли. — Я выясню твою судьбу в новой Реальности 482-го, и ты вернешься обратно, но только как бы под маской. Я позабочусь о тебе. Мы получим официальное разрешение на союз, и я прослежу, чтобы тебя впредь не коснулись никакие Изменения. Я Техник, и, говорят, неплохой, так что я немного разбираюсь в Изменениях. И я еще кое-что знаю, — угрожающе добавил он и осекся...

— Но разве это разрешено? — спросила Нойс. — Я хочу сказать, разве можно забирать людей в Вечность, предохраняя их от Изменений? У меня это как-то не вяжется с тем, что ты мне рассказал.

При мысли о десятках тысяч безлюдных Столетий, окружающих его со всех сторон, по спине у Харлена пробежала холодная дрожь. Ему стало жутко. Он почувствовал себя изгнанником, отрезанным от Вечности, которая до сих пор была для него единственным домом и единственной верой; отщепенцем вдвойне, отвергнутым и Временем, и Вечностью из-за любимой женщины.

— Нет, это запрещено, — подавленно ответил он. — Я совершил ужасное преступление, и мне больно и стыдно. Но если бы понадобилось, я повторил бы его еще раз и еще раз...

— Ради меня, Эндрю? Да? Ради меня?

— Нет, Нойс, ради себя самого. — Он сидел, опустив глаза. — Я не могу тебя потерять.

— А если нас поймают? Что тогда?

Харлен знал ответ на этот вопрос. Он узнал его в ту самую ночь в 482-м, когда Нойс спала рядом с ним. Но до сих пор он не осмеливался поверить этой безумной догадке.

— Я никого не боюсь, — медленно проговорил он. — Пусть только попробуют тронуть нас! Они даже не подозревают, как много я знаю.

Глава 9. ИНТЕРМЕДИЯ

Последующие дни казались потом Харлену настоящей идиллией.

Столько событий произошло в эти бионедели, что все смешалось в его памяти и показалось, что прошло гораздо больше времени, чем на самом деле. Идиллическими были, конечно, только часы, проведенные им с Нойс, но они словно окрасили все его воспоминания в розовый цвет. Ему запомнились только отдельные эпизоды.

Эпизод первый. Вернувшись в Сектор 482-го, он не спеша уложил свои личные пожитки, главным образом одежду и пленки; тщательно и любовно упаковал тома Первобытного журнала. Все это предстояло отправить в его постоянное жилище в 575-м.

Переноска его вещей в грузовую капсулу уже заканчивалась, когда к нему подошел Финж.

— Я вижу, вы нас покидаете. — Как всегда, Финж безошибочно выбрал самое банальное выражение. Он улыбался, почти не

разжимая губ. Руки его были заложены за спину, и он слегка покачивался, словно воздушный шарик на ножках.

Даже не взглянув на своего бывшего начальника, Харлен глухо пробормотал:

— Да, сэр.

— В своем донесении Старшему Вычислителю Твисселу я упомянул, что вы провели Наблюдение в 482-м самым удовлетворительным образом.

Харлен не смог выдавить из себя даже казенных слов благодарности. Он просто промолчал.

Финж продолжал, неожиданно понизив голос:

— Я решил пока не сообщать о вашем нападении на меня.

Несмотря на приторную улыбку и ласковый взгляд, в его голосе явно проскальзывало злорадство.

Пристально посмотрев на него, Харлен ответил:

— Как вам будет угодно, Вычислитель.

Эпизод второй. Он снова обосновался в 575-м.

Вскоре после возвращения он встретил Твиссела. Он был почти счастлив снова увидеть эту маленькую фигурку с морщинистым личиком гнома. Даже вид белого стерженька, дымящегося меж двух запачканных табаком пальцев, доставил ему удовольствие.

— Вычислитель, — обратился к нему Харлен. Твиссел, выходящий в этот момент из своего кабинета, несколько секунд глядел на Техника, не узнавая его. Было заметно, как сильно он устал; лицо его осунулось, глаза покраснели и ввалились.

— А, Техник Харлен, — сказал он наконец. — Ну как, закончил свою работу в 482-м?

— Да, сэр.

Реакция Твиссела была странной. Он посмотрел на свои часы, которые, как и все часы в Вечности, показывая биологическое время, служили заодно календарем, и произнес:

— Выше голову, мой мальчик, выше голову. Все отлично.

У Харлена екнуло сердце. В прошлые встречи с Твисселом эти слова не имели бы для него никакого значения. Теперь же ему показалось, что он понимает их скрытый смысл. Твиссел, вероятно, очень устал, иначе его намек не был бы таким прозрачным. А может быть, Вычислитель считает его достаточно загадочным и потому безопасным.

— Как поживает мой Ученик? — Харлен постарался задать этот вопрос как можно более непринужденным тоном, чтобы не чувствовалась его связь со словами Твиссела.

— Чудесно, чудесно, — ответил Твиссел, явно не слыша вопроса. Он торопливо затянулся почти догоревшей сигаретой, отпустил Харлена быстрым кивком головы и заспешил прочь.

Эпизод третий: Ученик.

Купер теперь выглядел старше. Его возмужалость чувствовалась в каждом движении, даже в том, как он со словами «Рад, что вы вернулись, Харлен» протянул ему руку.

А может быть, дело в том, что прежде Купер был для Харлена всего лишь Учеником, а сейчас он казался кем-то большим, чем Ученик. Зная, какие грандиозные планы с ним связаны, Харлен уже не мог смотреть на него прежними глазами.

Однако выдавать себя не следовало. Они сидели в комнате Харлена, где молочная белизна фаянсовых стен доставляла Технику чисто физическое наслаждение после буйства цветов 482-го. Как ни пытался он связать эту пышность с воспоминаниями о Нойс, она ассоциировалась в его мозгу только с Финжем. Воспоминания о Нойс почему-то связывались у него с аскетической строгостью Секторов в Скрытых Столетиях.

Он торопливо заговорил, словно пытаясь скрыть свои опасные мысли:

— Ну, Купер, чем ты здесь без меня занимался?

Купер засмеялся, застенчиво погладил свои свисающие усы и ответил:

— Все больше математикой. Одной математикой.

— Да? Наверное, уже добрался до очень мудреных разделов?

— До самых мудреных.

— Ну и как успехи?

— Пока сносно. Я, знаете ли, усваиваю все довольно легко. И мне это нравится. Вот только нагрузка все больше.

Харлен кивнул, чувствуя, как крепнет его уверенность.

— Матрицы Темпоральных полей и все такое прочее?

Но Купер, слегка покраснев, повернулся к книжным полкам и уклонился от ответа.

— Давайте поговорим о Первобытных Временах. У меня есть несколько вопросов. Например, городская жизнь в 23-м веке. Особенно в Лос-Анджелесе.

— Почему в Лос-Анджелесе?

— Это интересный город. Вам не кажется?

— Нет, почему же. Но только его надо изучать в 21-м, в пору его наивысшего расцвета.

— Неважно. Меня почему-то больше интересует 23-й век.

— Ладно. Я не возражаю.

Лицо Харлена осталось непроницаемым, но если бы эту непроницаемость можно было соскоблить, под ней обнажилась бы мрачная уверенность. Его гениальная интуитивная догадка уже не была больше только догадкой. Все подтверждало ее.

Эпизод четвертый. Изыскания. Точнее, двойной поиск.

В первую очередь — выяснить судьбу Нойс. Ежедневно жадными глазами он пробегал донесения на столе Твиссела. Копии проектов предполагаемых или запланированных Изменений Реальности в различных Столетиях автоматически направлялись Твисселу как члену Всевременного Совета, и Харлен был уверен, что ничего не пропустит. Прежде всего он хотел познакомиться с предстоящим Изменением в 482-м, а кроме того, найти проект еще одного Изменения — любого Изменения в любом Столетии, — которое содержало бы какой-то дефект, ошибку, недостаток, малейшее отклонение от совершенства, заметное тренированному глазу Техника.

Строго говоря, эти донесения не предназначались для него, но Твиссел в эти дни редко бывал в своем кабинете, а никто другой не осмелился бы вмешаться в действия его личного Техника.

Такова была первая часть его поисков. Вторая проходила в библиотечном филиале 575-го.

Впервые он отважился выйти за границы тех отделов, которые раньше всецело поглощали его внимание. В прошлом он то и дело навещал полки с пленками, посвященными Первобытной истории, — этот раздел был представлен очень скудно, так что большую часть источников ему приходилось выписывать из далекого прошлого, в основном, разумеется, из Секторов, расположенных в конце третьего тысячелетия. Позже он совершал экспедиции к полкам, касающимся Изменений Реальности — их теории, технике и истории. В их Секторе благодаря Твисселу хранилась лучшая, без учета Центральной библиотеки, коллекция пленок на эту тему, благодаря которой он отточил свое мастерство.

Теперь же он с любопытством бродил среди катушек книгофильмов, посвященных другим проблемам. Впервые он занялся изучением пленок, описывающих само 575-е Столетие: его географию, которая почти не менялась от Реальности к Реальности, историю, менявшуюся в большей степени, и Социологию, претерпевавшую наибольшие изменения. Это были не донесения Наблюдателей или доклады Вычислителей (с ними он более или менее был знаком), а книги, созданные самими Временами.

Среди них были художественные произведения, написанные в 575-м, и при их виде он вспоминал бурные дискуссии о влиянии

Изменений на произведения искусства. Вечный вопрос — повлияет ли Изменение на данный шедевр или нет? Если повлияет, то как? Можно ли считать Изменение удачным, если при этом исчезают произведения искусства?

Кстати, возможно ли вообще единое мнение по вопросам искусства? Можно ли свести искусство к количественным показателям, доступным обработке на Вычислительных машинах?

Главным оппонентом Твиссела по этому вопросу был Вычислитель Август Сеннор. Постоянные выпады Твиссела в адрес Сеннора и его воззрений разожгли любопытство Харлена и побудили его прочесть некоторые книги Сеннора. Он был поражен прочитанным.

К полному замешательству Харлена, Сеннор открыто задавал вопрос: не может ли появиться в новой Реальности личность, аналогичная человеку, взятому из предыдущей Реальности в Вечность? Затем он подвергал анализу возможность встречи Вечного со своим Аналогом во Времени, рассматривая отдельно случаи, когда Вечный знает и не знает об этом. (Здесь он слишком близко подошел к тому, что для каждого Вечного было предметом затаенного страха, и Харлен, беспокоясь, пожившись, торопливо пропустил несколько кадров.) И, разумеется, он уделял много внимания судьбам произведений литературы и искусства при Изменениях Реальности.

Но Твиссел не хотел и слышать о подобных вещах.

— Если невозможно рассчитать ценность произведений искусства, — кричал он Харлену, — то какой смысл вести бесконечную дискуссию!

И Харлен знал, что взгляды Твиссела разделяет подавляющее большинство членов Всевременного Совета.

И все же теперь, стоя перед полками с романами Эрика Линколлея, называемого обычно самым выдающимся писателем 575-го, Харлен думал именно об этом. Он насчитал пятнадцать полных собраний сочинений, взятых из разных Реальностей. Было очевидно, что все они чем-то отличаются друг от друга. Один комплект, например, был заметно меньше всех остальных. Харлен подумал, что, верно, добрая сотня Социологов заработала свои звания, проанализировав отличия в этих собраниях сочинений с точки зрения социологической структуры каждой Реальности.

Харлен прошел в то крыло библиотеки, где размещалась выставка приборов и механизмов, изъятых из различных Реальностей 575-го. Он знал, что многие из них были вычеркнуты из Времени и сохранились только в музеях Вечности как образцы человеческого таланта. Вечность была вынуждена оберегать чело-

века от последствий его чрезмерно живой технической мысли. Развитие науки и техники всегда доставляло Вечным кучу хлопот. Не проходило биогода, чтобы где-нибудь во Времени ядерная технология не подошла слишком близко к опасной точке, требуя срочного вмешательства со стороны Вечности.

Он вернулся в библиотеку и направился к полке с книгофильмами по математике и истории ее развития. После некоторого раздумья он отобрал штук пять пленок и расписался за них.

Эпизод пятый. Нойс.

Это была самая важная часть интермедии, ее единственная идилическая часть.

В свободные часы после ухода Купера, когда появлялась возможность есть в одиночестве, читать в одиночестве, спать в одиночестве, ждать в одиночестве следующего дня, он пробирался к капсулам.

От всего сердца он радовался особому положению, занимаемому в обществе Техниками. Он был искренне признателен окружающим за то, что они избегали его. Ему даже не снилось раньше, что можно быть настолько благодарным за эту изоляцию и обособленность.

Никто не оспаривал его права находиться в капсуле, никому не было дела, направляется он в прошлое или в будущее. Ничьи любопытные глаза не следили за ним, ничья доброжелательная рука не поднималась помочь ему, ничей болтливый рот не докучал ему. Он мог делать все, что ему вздумается.

— Слушай, Эндрю, ты переменился, — говорила ему Нойс. — Если бы ты только знал, как ты переменился!

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— В чем, Нойс?

— Да ведь ты улыбаешься. Подумать только — ты улыбаешься! Неужели ты ни разу не видел в зеркале своей улыбки?

— Я боюсь смотреть в зеркало. Я постоянно повторяю себе: не может быть, чтобы я был так счастлив. Я заболел. У меня бред. Я сошел с ума и грежу наяву, даже не зная об этом.

Нойс ущипнула его.

— Чувствуешь что-нибудь?

Он притянул ее голову к себе и словно утонул в ее шелковистых черных волосах.

Когда он наконец отпустил ее, она произнесла, задыхаясь:

— Вот и еще одна перемена. Ты и этому научился.

— У меня превосходная учительница... — начал было Харлен и осекся, испугавшись, что ей будет неприятен намек на тех многих, кто сделал из нее такую хорошую учительницу.

Но ее смех не был омрачен подобной мыслью. Они ужинали вместе, и она казалась шелковисто-гладкой и по-домашнему уютной в привезенных им нарядах.

Проследив за его взглядом, она легким движением оправила юбку и сказала:

— Лучше бы ты не делал этого, Эндрю, честное слово.

— Это совсем не опасно, — беззаботно ответил он.

— Это очень опасно. Не глупи. Я вполне могу обойтись тем, что найдется здесь... пока ты все не устроишь.

— Почему бы тебе не носить собственные платья и украшения?

— Потому что не стоит из-за них выходить во Время и посещать мой дом, рискуя быть пойманным. А вдруг они совершат Изменение, пока ты там?

— Меня не поймают, — нерешительно начал Харлен и уверенно добавил: — Кроме того, мой наручный генератор окружает меня Полем биовремени, так что Изменение не может коснуться меня, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — вздохнула Нойс. — Боюсь, что никогда не смогу усвоить эти премудрости.

— Да это же проще простого.

Харлен с увлечением принялся объяснять. Нойс внимательно слушала, но по выражению ее глаз никак нельзя было понять, действительно ли ее интересуют эти объяснения или же только забавляют.

Эти разговоры стали важнейшей частью жизни Харлена. Впервые он мог с кем-то побеседовать, обсудить свои дела, мысли, поступки. Она как бы стала частью его самого, его вторым «я», с непредсказуемым ходом мысли и неожиданными ответами. «Как странно, — думал Харлен, — сколько раз мне приходилось наблюдать такое социальное явление, как супружество, а самое важное всегда ускользало от меня. Ну разве мог я когда-либо вообразить, что к идиллии куда ближе не бурные вспышки страсти, а такие вот спокойные минуты вдвоем с любимой?»

Свернувшись клубочком в его объятиях, Нойс спросила:

— Как продвигается твоя математика?

— Хочешь взглянуть на нее?

— Не убеждай меня, что ты всегда носишь ее с собой.

— А почему бы нет? Поездки в капсулах отнимают много времени. Зачем терять его впустую?

Осторожно высвободив руку, Харлен достал из кармана маленький фильмоскоп, вставил в него пленку и с влюбленной улыбкой смотрел, как она подносит приборчик к своим глазам. Покачив головой, Нойс вернула фильмоскоп.

— В жизни не видела столько закорючек. Как бы мне хотелось уметь читать на вашем Едином межвременном!

— Большинство этих «закорючек», как ты их называешь, — ответил Харлен, — вовсе не буквы Межвременного, а просто математические символы.

— Неужели ты их все понимаешь?

В ее глазах горело такое искреннее восхищение, что Харлену не хотелось разрушать ее иллюзии, но он был вынужден сознаться:

— К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Но все же достаточно, чтобы понять главное.

Он подкинул фильмоскоп вверх, поймал его быстрым движением руки и положил на маленький столик. Нойс следила за ним жадным взглядом, и внезапно Харлена осенило:

— Всемогущее Время! Ведь ты же не умеешь читать на Межвременном.

— Конечно, нет.

— Тогда здешняя библиотека для тебя все равно что не существует. Как я об этом не подумал? Тебе нужны пленки из 482-го.

— Нет-нет, — торопливо ответила Нойс. — Мне ничего не надо.

— Ты их получишь.

— Честное слово, я не хочу. Глупо рисковать ради...

— Ты их получишь! — решительно повторил Харлен.

В последний раз он стоял перед завесой Поля, отделяющего Вечность от дома Нойс в 482-м. Он твердо решил, что этот раз будет последним. Изменение должно было вот-вот наступить. Он скрыл это от Нойс, боясь причинить ей боль.

И все же он сравнительно легко решился на еще одну вылазку во Время. С одной стороны, это была чистая бравада, желание покрасоваться перед Нойс, принести ей книгофильмы, вырванные, так сказать, из лавиной пасти, с другой — непреодолимое стремление еще раз «подпалить бороду испанскому королю», если только эта Первобытная поговорка была применима к гладко выбритому Финжу.

В какой-то степени сыграло роль и его желание еще раз окунуться в чарующую атмосферу обреченного дома. Он уже испытывал это чувство раньше, во время своих предыдущих вылазок. Оно непрестанно преследовало его, пока он бродил по пустым комнатам, собирая одежду, безделушки, странные коробочки и непонятные инструменты с туалетного столика Нойс.

В доме царила зловещая тишина обреченной Реальности, и дело было не только в физическом отсутствии звуков. Харлен не мог

предсказать, чем станет этот дом в новой Реальности. Дом мог превратиться в загородный коттедж или в многоэтажку где-нибудь в трущобах. Он мог вообще исчезнуть, и прекрасный парк, окружавший его сейчас, мог смениться заросшим пустырем. Он мог не претерпеть никаких изменений. В следующей Реальности в нем могла жить новая Нойс, ее Аналог (Харлен опасливо отгонял от себя эту мысль), и с таким же успехом могло случиться, что в нем будет жить кто-то другой.

Для Харлена дом уже был призраком, досрочным привидением, начавшим пугать людей еще до своей смерти. Этот дом много значил для него, и он жалел о его неизбежном конце и оплакивал его.

За время пяти его посещений лишь однажды царившая в доме тишина была нарушена каким-то звуком. Он был в тот момент в буфетной, радуясь, что в данной Реальности слуги не в моде и поэтому у него одной проблемой меньше. Кончив рыться среди коробок и банок с деликатесами, он подумал, что отобрал уже достаточно для одного раза и что Нойс будет рада возможности разнообразить обильное, но безвкусное меню пустого Сектора своими излюбленными продуктами. Он даже громко рассмеялся, вспомнив, что еще не так давно искренне считал эти блюда декадентскими изысками.

И вдруг, еще продолжая смеяться, он отчетливо услышал резкий, отрывистый звук. Харлен окаменел.

Звук раздался где-то сзади, за его спиной; и пока он стоял, не в силах пошевелиться, в его мозгу промелькнули две догадки: сначала он решил, что это случайный вор, а затем ему пришла в голову мысль о гораздо более страшной опасности — это мог быть кто-нибудь из Вечных, посланный сюда для расследования.

Это не мог быть вор. Весь период Времени, отведенный ему инструкцией, включая два запасных дня, был тщательно проверен и выбран из всех других возможных периодов Времени именно из-за отсутствия всяких осложняющих обстоятельств. Но с другой стороны, он произвел микроизменение (а может быть, даже и не микро) тем, что похитил Нойс.

Чувствуя, как сердце вот-вот выскочит у него из груди, Харлен заставил себя обернуться. Ему показалось, что дверь за его спиной только что закрылась, скользнув у него на глазах на последний миллиметр, прежде чем слиться со стеной.

Он подавил желание открыть эту дверь и обыскать дом. Собрав отложенные банки и коробки, он стремглав вернулся в Вечность и целых два дня выжидал, прежде чем рискнул снова отправиться к Нойс в далекое будущее. Однако этот эпизод не имел никаких последствий, и постепенно он позабыл о нем.

Но сейчас, перед выходом во Время, устанавливая ручки настоек на определенные координаты Пространства и Времени, он снова вспомнил об этом происшествии. А может быть, на него давила мысль о совсем уже близком Изменении. Во всяком случае, потом ему казалось, что одно из этих двух обстоятельств и послужило причиной ошибки в настройке. Другого объяснения он придумать не мог.

Ошибка сказала не сразу. Пройдя сквозь завесу Темпорального поля, Харлен очутился в библиотеке Нойс.

Он настолько привык к декадансу, что у него не вызывали прежнего отвращения изощренные формы и причудливые узоры футляров с книгофильмами. Названия книг были выведены такой замысловатой вязью, что читались с большим трудом. Это был явный триумф красоты над удобством.

Харлен разобрал наудачу названия нескольких пленок и был изумлен.

Одна из книг называлась «Социальная и экономическая история нашего Времени».

Почему-то он никогда не обращал внимания на эту особенность натуры Нойс. Ее никак нельзя было назвать глупой, но ему в голову не приходило, что ее могут интересовать такие солидные труды. Ему захотелось самому просмотреть «Социальную и экономическую историю», но он сдержался. Если он захочет, то всегда найдет ее в библиотеке Сектора. Финж, подготавливая Изменение, несомненно, отобрал из этой Реальности все сколько-нибудь интересное уже много месяцев назад.

Он отложил пленку в сторону и выбрал после недолгих поисков парочку романов и несколько популярных книжек. Прихватив два карманных фильмоскопа, он тщательно упаковал все в свой рюкзак.

Тут он снова услышал, как тишину дома нарушили звуки. На этот раз ошибки быть не могло. Это был не краткий шум непонятного происхождения, как прежде, а смех, мужской смех. Он явно был в доме не один.

Харлен даже не заметил, как выронил рюкзак. В первую суматошную секунду он мог думать лишь о том, что попал в ловушку.

Глава 10. В ЛОВУШКЕ

Казалось, у него нет выхода. Судьба словно издевалась над ним. В последний раз совершил он вылазку во Время, в последний раз решил он натянуть Финжу нос; словно кувшин из старинной поговорки

в последний раз отправился он по воду. Надо же было ему попасться именно теперь!

Неужели это смеялся Финж?

Кто еще стал бы выслеживать его, устраивать засаду и теперь упиваться своим торжеством?

Неужели все потеряно? В первое мгновение Харлен был настолько в этом уверен, что ему даже не пришло в голову попытаться удрать или вернуться в Вечность. Он решил встретиться с Финжем лицом к лицу.

Если придется, он убьет его.

Мягким шагом прирожденного убийцы Харлен направился к двери, из-за которой послышался смех. Выключив автоматический звуковой сигнал, он осторожно приоткрыл дверь рукой. Два дюйма. Три. Дверь скользила совершенно бесшумно.

В соседней комнате спиной к нему стоял человек. Для Финжа незнакомец был слишком худ и высок ростом, и, к счастью, это обстоятельство вовремя дошло до сознания Харлена и удержало его на месте.

По мере того как спадало охватившее их обоих в первый момент оцепенение, тот, второй, начал медленно, дюйм за дюймом поворачивать голову.

Завершения сцены Харлен так и не дождался. Не успев еще разглядеть профиль того, другого, он из последних сил в паническом ужасе отпрянул назад. Автоматический механизм беззвучно закрыл дверь.

Харлен слепо пятился от двери. Он тяжело дышал, с трудом заглатывая воздух; сердце колотилось так, точно пыталось выпрыгнуть из груди.

Финж, Твиссел и весь Всевременной Совет вместе взятые не могли бы довести его до подобного состояния. Его лишил мужества вовсе не страх перед реальной опасностью, а скорее инстинктивный ужас перед тем, что могло сейчас произойти.

Он подобрал отложенные пленки и, неловко прижимая их к себе, ухитрился после двух тщетных попыток открыть дверь в Вечность. Ноги его двигались сами собой. Каким-то чудом добрался он до 575-го, а затем до своей комнаты. Звание Техника, которое он только недавно по-настоящему оценил, снова выручило его. Несколько встреченных им Вечных автоматически отворачивались и уступали ему дорогу.

Это было к лучшему, потому что на его мертвенно-бледном лице застыло выражение ужаса. Никто не смотрел на него, и Харлен возблагодарил за это Время и Вечность, и ту слепую случайность, что сплетает нить человеческой судьбы.

Хотя он не успел как следует разглядеть человека, стоявшего в комнате Нойс, он был совершенно уверен, что не ошибся.

Когда Харлен впервые услышал шум в доме Нойс, он смеялся, и звук, прервавший его смех, был звуком падения чего-то тяжелого в соседней комнате. Во второй раз кто-то рассмеялся в соседней комнате, и он, Харлен, уронил на пол сверток с пленками. В первый раз он, Харлен, обернулся и увидел, как закрылась дверь. Во второй раз он, Харлен, закрыл дверь, когда незнакомец начал поворачиваться.

Он встретил самого себя!

В один и тот же момент Времени и почти в одном и том же месте он встретил другого, более раннего Харлена, чуть было не столкнулся с ним лицом к лицу. Он допустил ошибку, настроился на уже использованное мгновение, и в результате он встретил самого себя: Харлен встретил Харлена.

Воспоминание о пережитом кошмаре преследовало его много дней, мешая работать. Он обзывал себя трусом, но это не помогало.

С этого момента все словно покатилося по наклонной плоскости. Он мог совершенно точно провести роковую черту, с которой все началось. Неудачи стали преследовать его с того самого мгновения, когда он в последний раз настроил управление Врат Времени на выход в 482-е и каким-то образом допустил ошибку. С тех пор дела шли все хуже и хуже.

Изменение Реальности, произведенное в 482-м, только усугубило его уныние. За две прошедшие недели он нашел три проекта Изменения Реальности, содержавших незначительные дефекты, и теперь выбирал между ними, не в силах решиться на активные действия.

Его выбор пал на проект Изменения Реальности 2456—2781, серия В-5, по ряду причин. Из всех трех оно было самым отдаленным во Времени. Ошибка в проекте была незначительной, но она влекла за собой человеческие жертвы. Кратковременная поездка в 2456-е, небольшой шантаж, и он узнает судьбу Нойс в новой Реальности и выяснит, что представляет собой ее Аналог.

Однако недавнее происшествие лишило его мужества. Тонко задуманная операция уже не казалась такой простой. Допустим, ему удастся выяснить природу Аналога Нойс — что дальше? Вернуть Нойс во Время в образе кухарки, прачки, работницы или кого-нибудь еще? Разумеется. А что делать с Аналогом?

С ее мужем, если он у нее будет? С ее семьей? С детьми?

Раньше он как-то не задумывался над этими вопросами, всячески избегал их: «Там будет видно...». Сейчас он не мог думать ни о чем другом.

С такими мыслями он валялся в постели, презирая самого себя, как вдруг ему позвонил Твиссел, в голосе которого звучали усталость и недоумение:

— Харлен, ты что, заболел? Купер сказал, что ты пропустил несколько уроков.

Харлен попытался согнать тревогу со своего лица.

— Нет, Вычислитель Твиссел. Я просто немного устал.

— Ну что ж, мой мальчик, это простительно. — Чуть ли не впервые за все время их знакомства улыбка почти совсем исчезла с лица Вычислителя. — Ты уже слышал об Изменении в 482-м?

— Да, — коротко ответил Харлен.

— Финж говорил со мной и просил передать тебе, что Изменение прошло успешно.

Харлен пожал плечами и вдруг заметил, что Твиссел пристально, в упор, глядит на него с экрана. Ему стало не по себе, и он спросил:

— Вы что-то хотели сказать, Вычислитель?

— Нет, ничего, — проговорил Твиссел, и, возможно, время прожитых лет отозвалось в его голосе непривычной печалью. — Я думал... может быть, ты хочешь со мной поговорить?

— Нет, сэр.

— Что ж, тогда я жду тебя завтра, когда откроется Вычислительный зал. Мне многое надо сказать тебе.

— Да, сэр, — ответил Харлен и еще долго после того, как погас экран, задумчиво смотрел на него.

В словах Твиссела ему послышалась скрытая угроза. Значит, Финж все-таки говорил с Твисселом. Что он сказал такого, о чем Твиссел умолчал?

Но эта внешняя угроза была именно тем толчком, которого ему сейчас не доставало. Бороться с унынием самому было безнадежно — все равно что сражаться с зыбучими песками, хлеща их прутиком. Бороться с Финжем — другое дело. Впервые за много дней Харлен вспомнил, каким оружием он обладает, и к нему вернулась былая уверенность.

Смена настроений произошла так внезапно, словно закрылась одна дверь и открылась другая. Оцепенение Харлена сменилось бурной деятельностью. Он отправился в 2456-е и, сбив с толку Социолога Воя, получил нужную ему информацию. Свою роль он сыграл блестяще.

Он узнал все, что хотел. Вернее, даже больше, чем хотел; больше, чем смел надеяться.

Уверенность всегда вознаграждается. В его родном Столетии была поговорка: «Смело хватишься за крапиву — побьешь ей врагов, как дубиной».

Итак, Нойс не имела Аналога в новой Реальности. Она могла занять свое место в обществе любым удобным, не вызывающим подозрений способом, или она могла остаться в Вечности. Не было никаких причин, по которым ему могли бы отказать в союзе с ней, кроме чисто теоретического факта нарушения закона, — а он хорошо знал, как отвести это обвинение.

И вот сейчас он мчался в будущее, чтобы сообщить Нойс великую новость и насладиться вместе с ней огромной удачей после мучительных дней отчаяния и тяжелых предчувствий.

В этот момент капсула остановилась.

Она не тормозила постепенно, а просто замерла, словно напугавшись на невидимую преграду. Если бы капсула двигалась в трехмерном Пространстве, мгновенная остановка разбила бы ее вдребезги, раскалила бы ее металл добела, превратила бы Харлена в бесформенную кучу поломанных костей и окровавленной плоти.

Но поскольку дело происходило во Времени, остановка вызвала только сильную тошноту и дикую боль в желудке.

Когда боль чуть отпустила, он потянулся к счетчику и поглядел на него сквозь туман в глазах. На нем застыло число 100000. Внезапно его охватил страх. Число было слишком круглым. Он лихорадочно повернулся к приборам. Что случилось? Но приборы утверждали, что все в порядке, и это напугало его еще больше. Пусковой рычаг был в исправности и находился в крайнем положении, соответствующем движению в будущее с максимальной темпоральной скоростью. Не было никаких признаков короткого замыкания. Ни одна стрелка не перешла за красную черту. Энергопитание не было отключено. Тоненькая стрелка энергметра молчаливо подтверждала, что потребление энергии по-прежнему составляет миллионы мегаватт.

Что же тогда остановило капсулу?

Медленным, осторожным движением Харлен дотронулся до рычага и перевел его в нейтральное положение. Стрелка энергметра стала на нуль. Он потянул рычаг на себя. Стрелка снова пошла вверх, а счетчик принялся отщелкивать Столетия в обратном направлении.

Назад... еще назад... 99983... 99972... 99950... Харлен остановил капсулу и снова послал ее в будущее. На этот раз медленно, очень медленно. 99985... 99993... 99997... 99998... 99999... 100000... Стоп! Счетчик застрял на 100000. Энергия вспышки Солнца потреблялась

в невероятных количествах без всякого результата. Он снова послал капсулу назад, на этот раз еще дальше. Рванулся вперед. И вновь остановка!

Его зубы были стиснуты, губы поджаты, воздух вырывался изо рта с хрипом. Харлен чувствовал себя узником, бьющимся в бесильной ярости окровавленной головой о прутья тюремной решетки. После десятка бесплодных попыток капсула по-прежнему застряла на 100000.

Надо сменить капсулу! Но в глубине души он уже знал, что это бесполезно.

В мертвой тишине 100000-го Столетия Эндрю Харлен вышел из капсулы и выбрал наудачу новый Колодец Времени. Минуту спустя, сжимая рукоятку, он глядел на число 100000 на счетчике, теперь уже точно зная, что ему не пройти и здесь.

Его охватило бешенство. Надо же было ему потерпеть поражение именно сейчас, после того, как ему так неожиданно повезло! Проклятие той роковой ошибки в 482-м все еще тяготело над ним.

Свирепо рванув рычаг, он на полной скорости отправил капсулу назад, в прошлое. По крайней мере в одном направлении он еще мог двигаться, один путь еще был для него свободен. Нойс отгорожена от него барьером, Нойс вне досягаемости — что еще они могут ему сделать? Теперь ему нечего бояться.

В 575-м он выскочил из капсулы и, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, кинулся в библиотеку. Там он взял давно облюбованный экспонат и даже не оглянулся — следят за ним или нет. Не все ли равно?

Снова в капсулу и снова в прошлое. План действия сложился сразу. По пути он взглянул на большие настенные часы, показывающие биовремя и номер одной из трех рабочих смен, на которые были разбиты сутки. Финж сейчас, вероятно, находился в своей квартире, и это было к лучшему.

Когда Харлен наконец прибыл в 482-е, он весь горел, как в лихорадке. Рот пересох, словно его набили ватой. Грудь ныла. Но под рубашкой у него было спрятано оружие, которое он прижимал локтем к телу, и это холодное прикосновение металла было единственным ощущением, с которым стоило считаться.

Вычислитель Гобб Финж взглянул на Харлена, и удивление в его глазах медленно сменилось беспокойством.

Харлен молча смотрел на него, ожидая, когда беспокойство увеличится настолько, чтобы перейти в страх. Неторопливо сделав несколько шагов в сторону, он занял позицию между Вычислителем и видеофоном.

Финж был раздет до пояса. На его голой груди виднелись редкие волосы; пухлые груди напоминали женские. Рыхлый живот нависал над поясом. Харлен с удовлетворением подумал, что вид у Вычислителя совсем не величественный, скорее отталкивающий. Что ж, так даже лучше.

Правой рукой он судорожно сжал под рубашкой рукоятку оружия.

— Не смотрите на дверь, Финж, — заговорил Харлен. — Никто не заметил меня. Никто сюда не придет. Вам следует понять, что вы имеете дело с Техником. Знаете ли вы, что это значит?

Голос Харлена звучал глухо. Его злило, что в глазах Финжа не было страха, только беспокойство. Вычислитель неторопливо потянулся за рубашкой и, не говоря ни слова, принялся одеваться.

— Известны ли вам, Финж, преимущества Техника? — продолжал Харлен. — Впрочем, откуда вам знать, ведь вы никогда им не были. Самое большое преимущество заключается в том, что Техник становится невидимкой; никто не видит, куда он идет или что он делает. Вечные так усердно отворачиваются при встрече с Техниками, что в конце концов вообще перестают их замечать. Например, я могу пройти в библиотеку Сектора и взять там все, что моей душе угодно, пока библиотекарь будет сидеть, уткнув нос в свои бумаги и боясь даже повернуть голову в мою сторону. Я могу пройти по жилым коридорам 482-го, и все встречные будут отводить глаза, а потом клясться, что никого не видели. Это уже автоматизм. Вот почему я могу делать все, что мне вздумается, и ходить всюду, куда мне вздумается. Я могу, например, зайти в личные аппараты Вычислителя, возглавляющего Сектор, под дулом оружия вырвать у него любые признания, и никто мне не помешает.

Впервые после его прихода Финж заговорил:

— Что вы там прячете?

— Оружие, — ответил Харлен и вытащил руку из-под рубашки. — Узнаете?

Оружие напоминало старинный пистолет со стволом в виде раструба, который заканчивался блестящим металлическим утолщением.

— Если только вы меня убьете... — начал Финж.

— Не бойтесь. Я не убью вас, — ответил Харлен. — В прошлую нашу встречу у вас был бластер. Это не бластер, это изобретено в одну из прошлых Реальностей 575-го. Возможно, вы никогда не слышали об этой штуке. Ее вычеркнули из Реальности. Отвратительная вещь. Им можно убить, но при малой мощности излучения он действует на болевые центры нервной системы и вызывает паралич. Его называют — или называли раньше —

болеизлучателем. Учтите, он заряжен. Я опробовал его на себе. — Харлен показал скрюченный мизинец левой руки. — Могу вас уверить, ощущение было не из приятных.

Финж беспокойно поежился.

— Ради Времени, что вам от меня нужно?

— Я требую, чтобы вы сняли блокировку Времени в 100000-м.

— Блокировку Времени?

— Нечего притворяться удивленным — вам это все равно не поможет. Вчера вы говорили с Твисселом. Сегодня все Колодцы Времени заблокированы. Я хочу знать, что вы сказали Твисселу. Я хочу знать, что было сделано в связи с вашим доносом и что еще будет сделано. Клянусь Временем, Вычислитель, если вы не скажете мне правду, я с удовольствием пушу в ход излучатель! Считаю до трех, после чего вы узнаете, шучу я или нет.

— Тогда слушайте... — Финж слегка заикался, в его голосе появились первые нотки страха. — Вы хотите знать правду — так получайте ее. Нам все известно о вас и о Нойс.

У Харлена задрожали веки.

— Что именно?

— Неужели вы думали, что ваши действия останутся незамеченными и безнаказанными? — Вычислитель говорил, не сводя глаз с болеизлучателя; его лоб покрылся испариной. — Ради Времени, неужели после того скандала, что вы устроили здесь, и после всего, что вы натворили в период Наблюдения, вы сомневались, что мы начнем следить за вами? Мне была бы грош цена как Вычислителю, если бы я этого не сделал. Мы знаем, что вы взяли Нойс в Вечность. Мы знали это с самого начала. Вы хотели правду — так вот она.

Никогда в жизни Харлен так не презирал себя за собственную тупость.

— Вы знали все?

— Да. Мы знаем, что вы прячете ее в Скрытых Столетиях. Каждый раз, когда вы прокрадывались в 482-е, чтобы взять ее тряпки, мы знали об этом. Мы наблюдали, как вы изображаете дурака, забыв про вашу Клятву Вечности.

— Почему же вы не остановили меня? — Харлен решил испытать чашу унижения до дна.

— Вы все еще хотите правды? — По мере того как надежды Харлена разлетались вдребезги, Финж, казалось, набирался храбрости.

— Говорите

— Тогда я скажу вам, что я с самого начала считал вас недостойным звания Вечного. Вы можете быть смысленным Наблюда-

телем или умелым Техником, но не Вечным. Я дал вам последнее поручение только для того, чтобы доказать это Твисселу, который по каким-то непонятным причинам цепляется за вас. Ваша работа не была просто проверкой аристократии в лице этой вашей девицы. Одновременно я проверял вас как Вечного, и вы спеклись, в чем лично я был уверен с самого начала. А теперь спрячьте это оружие, этот болеизлучатель, как вы его называете, и убирайтесь отсюда вон.

Все попытки Харлена сохранить остатки собственного достоинства разбивались о злобный взгляд Финжа; ему казалось, что его мозг утратил гибкость и чувствительность, подобно мизинцу левой руки, парализованному излучателем.

— И вы пришли тогда в мою комнату специально для того, чтобы подтолкнуть меня на преступление?

— Вот именно. Точнее говоря, я искушал вас. Я сказал вам тогда чистую правду, что только в той Реальности вы могли сохранить Нойс. Вы предпочли действовать не как Вечный, а как сопливый мальчишка. Впрочем, ничего другого я от вас и не ждал.

— Я бы и сейчас поступил точно так же, — хрипло сказал Харлен. — И поскольку вам все известно, то мне, как вы сами понимаете, терять нечего.

Он приставил болеизлучатель к жирному животу Финжа и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Что вы сделали с Нойс?

— Понятия не имею.

— Не пытайтесь меня обмануть. Что случилось с Нойс?

— Я уже сказал, что не знаю.

Харлен что было сил сжал рукоять болеизлучателя, его голос звучал совсем тихо:

— Сначала в ногу. Будет очень больно.

— Послушайте, ради Времени, подождите...

— Жду. Что вы сделали с Нойс?

— Нет, послушайте меня. До сих пор ваши поступки были простым нарушением дисциплины. Реальность не пострадала. Я специально проверил это. Вы отделаетесь разжалованием в Работники. Но если вы меня убьете или нанесете мне телесные повреждения, то за нападение на старшего по званию вам полагается смертная казнь.

Эта жалкая угроза вызвала на лице Харлена презрительную улыбку. После всего, что случилось, смерть будет для него самым простым и легким выходом.

Но Финж, очевидно, не понял значения этой улыбки, потому что он торопливо добавил:

— Не думайте, что в Вечности нет смертной казни, раз вы никогда о ней не слышали. Мы, Вычислители, знаем лучше. Знаем и о том, как происходят казни. Все очень просто. В любой Реальности происходит масса катастроф, после которых не находят трупов. Ракеты взрываются в воздухе, аэролайнеры тонут в океане или разбиваются вдребезги в горах. Приговоренного помещают внутрь обреченного корабля за несколько минут или секунд до катастрофы. Как вам это нравится?

Харлен содрогнулся, но тут же овладел собой.

— Если вы тянете время, это не поможет. Послушайте лучше меня. Никаких наказаний я не боюсь. И твердо собираюсь заполучить Нойс. Она нужна мне немедленно. В текущей Реальности у нее нет Аналога. Нет никаких причин, по которым мне могли бы отказать в разрешении.

— Правила для Техников не допускают...

— Мы предоставим решать это Всевременному Совету. — В Харлене наконец проснулась гордость. — Я не боюсь отказа, так же как я не боюсь убить вас. Я ведь не просто Техник.

— Хотите сказать, что вы Техник Твиссела? — На круглом, потном лице Финжа появилось странное выражение то ли ненависти, то ли торжества, то ли того и другого вместе.

— Нет, причина куда важнее. А теперь... — С мрачной решимостью Харлен положил палец на спусковую кнопку.

— Тогда идите в Совет! — истерично взвизгнул Финж. — Всевременной Совет знает все. Объясните им... — У него сорвался голос.

Палец Харлена нерешительно задрожал на кнопке.

— Что вы сказали?

— Неужели вы думаете, что в подобном деле я стал бы действовать в одиночку? Я доложил обо всем Совету сразу же после Изменения Реальности. Вот копия моего донесения.

— Ни с места!

Но Финж не обратил внимания на этот окрик. Он метнулся к картотеке, как одержимый бесом. Отыскав кодовый номер нужного отчета, он торопливо набрал его, и из щели в столе поползла серебристая лента, на которой простым глазом можно было разоб-
рать сложный узор точек.

— Хотите прослушать ее? — спросил Финж и, не дожидаясь ответа, вставил ленту в озвучиватель.

Харлен слушал, окаменев. Все было ясно. Финж ничего не упустил, детально описав все передвижения Харлена во Времени. Он не упустил ничего, что сам Харлен мог припомнить.

— А теперь идите в Совет! — завопил Финж, когда лента кончилась. — Я не блокировал Время. Я даже не знал, что это

возможно. И не думайте, что они спустят вам это с рук. Да, вы правы, я говорил вчера с Твисселом. Но это он вызвал меня, а не я его. Идите, объясните Твисселу, что вы не просто Техник. А если вам так уж хочется сначала убить меня, то стреляйте, Время вас поберет!

В голосе Вычислителя явственно слышались ликующие нотки. Он чувствовал себя победителем, и в эту минуту ему не был страшен даже болеизлучатель.

Почему? Неужели он так сильно ненавидит Харлена? Неужели ревность к Харлену заглушает в нем все остальные чувства, даже чувство самосохранения?

Харлен не успел ответить себе на эти вопросы. Неожиданно Финж и все связанное с ним потеряло для него всякое значение. Он сунул болеизлучатель в карман, резко повернулся и, не оглядываясь, направился к ближайшему Колодцу Времени.

Теперь ему предстояло иметь дело с Советом или, по крайней мере, с Твисселом. Он не боялся их ни порознь, ни вместе взятых.

С каждым днем в нем крепла уверенность в своей незаменимости. Даже Совету Времен придется пойти на уступки, если на одной чаше весов будет Нойс, а на другой — судьба Вечности.

Глава 11. ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Стремительно выскочив из капсулы в 575-м, Техник Эндрю Харлен, к собственному удивлению, обнаружил, что попал в ночную смену. В безумных метаниях из капсулы в капсулу он даже не заметил, что прошло несколько биочасов. Непонимающими глазами он смотрел на пустые, тускло освещенные коридоры, свидетельствующие о том, что во всем Секторе бодрствует лишь немногочисленный дежурный персонал.

Но гнев еще одолевал его, и он не собирался без толку стоять здесь. Харлен направился в квартирный отсек. Он намеревался найти квартиру Твиссела на Уровне Вычислителей, как нашел квартиру Финжа, и не боялся, что кто-либо помешает ему.

Плотно прижимая локтем к телу жесткую рукоять болеизлучателя, Харлен остановился перед дверью Твиссела. (Это подтвердила именная табличка с четкой, строгой надписью) Переведя регулятор звукового сигнала двери на максимальную громкость, он нажал влажной ладонью на кнопку и стоял, не отнимая руки. Даже сквозь дверь он слышал глухое гудение. За спиной послышались легкие шаги, но Харлен не обратил на них внимания, пребывая в полной уверенности, что и этот прохожий, кем бы он ни был,

постарается пройти мимо, не заметив его (хвала розовой нашивке Техника!).

Но против ожидания человек остановился за его спиной и вопросительно произнес:

— Техник Харлен?

Харлен круто обернулся. Перед ним стоял Младший Вычислитель из новеньких. Харлен с трудом подавил раздражение. Что поделаешь, здесь не 482-е, где он был рядовым Техником. В 575-м он Техник Твиссела, и молодые Вычислители, стремясь снискать расположение великого Твиссела, проявляли какой-то минимум вежливости к его Технику.

— Вы хотите видеть Старшего Вычислителя Твиссела? — спросил Вычислитель.

— Да, сэр, — кисло поморщившись, ответил Харлен. (Вот болван! С чего бы еще он стоял у двери, нажимая на кнопку сигнала? Чтобы вызвать капсулу?)

— Боюсь, что это невозможно, — проговорил Вычислитель.

— Мое дело не терпит отлагательства.

— Может, и так. Но Вычислителя Твиссела сейчас нет в 575-м. Он в другом Времени.

— В каком именно? — нетерпеливо спросил Харлен.

Во взгляде Вычислителя появилась надменность.

— Мне это неизвестно.

— Но у меня на утро назначена важная встреча с ним.

— Вот именно, — весело сказал Вычислитель. Харлен слегка удивился: что во всем этом так забавляет его собеседника?

Уже откровенно улыбаясь, Вычислитель продолжал:

— Вам не кажется, что вы явились немного рано?

— Мне надо срочно с ним встретиться.

Улыбка Вычислителя расплылась еще шире.

— Не беспокойтесь — завтра утром он будет здесь.

— Но...

Вычислитель повернулся, стараясь не коснуться одежды Техника, и пошел прочь. Харлен свирепо глядел ему вслед, сжимая и разжимая кулаки. Затем, поскольку все равно больше ничего не оставалось, он медленно, не разбирая дороги, поплелся в свою комнату.

Харлен не мог уснуть. Он твердил себе, что ему необходимо выспаться, пытался усыпить себя силой воли, но потерпел неудачу. Почти всю ночь он провел в бесплодных размышлениях.

Прежде всего о Нойс. Он вновь и вновь повторял себе, что они не посмеют навредить ей. Ее не могли отослать обратно во Время,

не рассчитав предварительно, как это повлияет на Реальность, а для этого нужны были дни, может быть, даже недели. Правда, с ней могли сделать то, чем Финж угрожал ему, — поместить в место будущей катастрофы за несколько секунд до нее.

Однако Харлен даже не задумывался всерьез над подобной возможностью. У Совета не было настоятельной необходимости прибегать к крайним мерам. Вряд ли они рискнут вызвать его неудовольствие. (В сонной тишине спальни Харлен впал в то полудремотное состояние, в котором ничто уже не кажется удивительным, и ему не показалась странной даже собственная уверенность, что Всевременный Совет не осмелится вызвать неудовольствие какого-то Техника.)

Конечно, с женщиной, находящейся в заключении, многое может случиться. Особенно с красивой женщиной из гедонистического Столетия...

Харлен решительно отбрасывал эту мысль всякий раз, когда она приходила ему в голову; подобная возможность была одновременно и более вероятной, и более ужасной, чем смерть, и ему было страшно даже думать о ней.

Он стал думать о Твисселе.

Старика нет в 575-м. Где он может находиться в эти ночные часы? Почему он не спит? Старики ведь должны отдыхать. Харлен решил, что он на заседании. Члены Совета совещаются о том, что делать с Харленом. И что делать с Нойс. Как поступить с незаменимым Техником, которого до поры до времени нельзя трогать?

Харлен поджал губы. Даже если Финж поторопился сообщить о вторичном нападении на него Техника, его донос ровно ничего не изменит. Новое преступление едва ли может существенно усугубить его вину и несколько не уменьшит степень его незаменимости.

К тому же Харлен вовсе не был уверен, что Финж непременно донесет на него. Уже одно то, что Вычислитель струсил перед Техником и все ему рассказал, ставило Финжа в смешное положение, и он вполне мог умолчать об этом. Эта мысль навела Харлена на размышления о Техниках как об особой группе. В последнее время такие мысли редко приходили ему в голову. Его несколько необычное положение личного Техника Твиссела и Наставника Купера отдаляло его от товарищей по профессии. Но другие Техники тоже держались порознь. Почему?

Почему и в 575-м, и в 482-м он так редко виделся или разговаривал с другими Техниками? Почему они избегают друг друга; почему ведут себя так, словно разделяют дурацкие предрассудки в отношении самих себя?

В своих мечтах он уже принудил Совет к капитуляции по всем вопросам, касавшимся Нойс, и теперь выдвигал новые требования. Техники должны получить право создать собственную организацию, они должны чаще встречаться друг с другом, больше дружить. К ним должны лучше относиться.

Засыпая, он уже видел себя бесстрашным героем-революционером, идущим к победе рука об руку с Нойс.

Его разбудило нетерпеливое хриплое бормотание звукового сигнала. Собравшись с мыслями, Харлен бросил взгляд на маленькие часы над кроватью и глухо простонал.

Всемогущее Время! Он еще и проспал! Не вставая с постели, он дотянулся до нужной кнопки, и квадратное окошко в двери обрело прозрачность. Лицо Вечного, стоявшего за дверью, было ему незнакомо, но в нем чувствовалась власть.

Харлен открыл дверь, и в комнату вошел человек с оранжевой нашивкой Администратора.

— Техник Эндрю Харлен?

— Да, Администратор. У вас ко мне какое-то дело?

Казалось, Администратор даже не заметил вызывающего тона, которым был задан этот вопрос.

— Вам была назначена на сегодняшнее утро встреча со Старшим Вычислителем Твисселом.

— Ну и что?

— Меня послали сообщить вам, что вы опаздываете.

Харлен удивленно посмотрел на него.

— Послушайте, что все это значит? Ведь вы не из 575-го.

— Я работаю в 222-м, — последовал ледяной ответ. — Ответственный Администратор Арбут Лемм. Я отвечаю за организационную сторону мероприятия и во избежание утечек информации предпочел не пользоваться видеофоном.

— Какое мероприятие? Какие утечки? О чем вы говорите? Послушайте, я почти каждый день встречаюсь с Твисселом; он мое непосредственное начальство. Какие толки это может вызвать?

На официально-бесстрашном лице Администратора на миг появилось удивленное выражение.

— Разве вы ничего не знаете?

— О чем?

— Сейчас в 575-м проходит заседание подкомитета Всевременного Совета. В вашем Секторе только об этом и говорят.

— Они хотят видеть меня? — Не успев договорить до конца, Харлен подумал: «Ну конечно же, они хотят видеть меня. Кому еще, как не мне, может быть посвящено это заседание?».

Теперь он понял, почему так веселился ночью Младший Вычислитель, встретивший его у дверей Твиссела. Вычислитель знал о предстоящем заседании подкомитета, и ему смешно было даже подумать, что Техник надеется в подобный момент встретиться с Твисселом. «Очень забавно», — с горечью подумал Харлен.

— Я знаю только то, что мне поручено, и ничего больше, — сказал Администратор. И удивленно добавил: — Неужели вы ничего не слышали?

— Техники ведут замкнутый образ жизни, — с сарказмом ответил Харлен.

Пятеро, не считая Твиссела! Шесть Старших Вычислителей, каждый из которых провел в Вечности не меньше тридцати пяти лет.

Месяц назад честь завтракать с такими людьми за одним столом ошеломила бы Харлена, а мысль об олицетворяемой ими ответственности и могуществе сковала бы ему язык. Они показались бы ему великанами.

Но сейчас они были его врагами, хуже того — судьями. У него не было времени для благоговейного трепета; надо было срочно обдумать план действий.

Члены Совета могли не знать, что он в курсе похищения Нойс, если только Финж вторично не донес на него. Однако при свете дня в нем окрепла уверенность, что Финж не решится сделать из себя посмешище, публично сознавшись в оскорблении, нанесенном ему Техником.

Как ни мало было это преимущество, пренебрегать им не стоило. Харлен решил выжидать, пока не будет произнесена фраза, знаменующая начало военных действий. Пусть они сами сделают первый шаг.

Однако члены Совета не спешили. Сидя за скромным завтраком, они безмятежно разглядывали Харлена, словно он был интересным экспонатом, подвешенным в музейной витрине на слабых антигравитаторах. С мужеством отчаяния Харлен начал рассматривать их в ответ.

Он знал всех присутствующих по их славным именам, а также по объемным изображениям, которые то и дело попадались в ежемесячных информационных стереофильмах. Эти фильмы предназначались для обмена опытом между Секторами, и Вечные всех рангов начиная с Наблюдателей обязаны были регулярно являться на их просмотры.

В первую очередь его внимание привлек Август Сеннор — совершенно лысый, даже без бровей и ресниц. С близкого расстояния

его безволосое и безбровое лицо с внимательными темными глазами казалось еще значительнее, чем на экране. Кроме того, Харлен много слышал о разногласиях между Сеннором и Твисселом. И еще Сеннор не ограничился разглядыванием Харлена. Он буквально засыпал его вопросами, заданными резким, пронзительным голосом.

Вначале это были невинные риторические вопросы, например, «Скажите, молодой человек, почему вас вдруг заинтересовала Первобытная история?» или «Что дало вам это увлечение?».

Затем он уселся поудобнее в кресле и, сбросив небрежным жестом свою тарелку в люк для грязной посуды, сложил перед собой руки со сплетенными пальцами. (На руках у него, как заметил Харлен, волос тоже не было.)

— Меня давно интересует один вопрос, — начал Сеннор. — Может быть, вы мне поможете.

«Вот оно, началось», — подумал Харлен.

— Если смогу, сэр, — сказал он вслух.

— Некоторые из нас, Вечных, — я не хочу сказать, что все или даже очень многие, — тут он бросил взгляд на усталое лицо Твиссела, в то время как остальные придвинулись поближе и приготовились слушать, — но, во всяком случае, некоторые из нас интересуются философией Времени. Может быть, вы знаете, о чем я говорю.

— Вы имеете в виду парадоксы путешествий во Времени, сэр?

— Да, если вам больше нравится это мелодраматическое название. Но дело, конечно, не только в парадоксах. Нас интересуют вопросы истинной сущности Реальности: почему при Изменении продолжает действовать закон сохранения массы-энергии и тому подобное. Для нас, Вечных, путешествия во Времени — привычное дело, и это обстоятельство накладывает свой отпечаток на все наши размышления о Времени. А вот милые вашему сердцу Первобытные люди понятия не имели о путешествиях во Времени. Что они думали обо всем этом?

С противоположного конца стола донесся громкий шепот Твиссела:

— Снова демагогия!

Однако Сеннор не обратил на это внимания.

— Я вас слушаю, Техник, — сказал он.

— В Первобытную эпоху люди не задумывались над вопросами путешествий во Времени, Вычислитель, — ответил Харлен.

— Не считали их возможными, а?

— Думаю, что так.

— Даже не фантазировали на эту тему?

— Что касается этого, — неуверенно проговорил Харлен, — то мне кажется, что фантазии такого рода встречались в их так называемой фантастической литературе. Я не очень хорошо знаком с ней, но, по-моему, излюбленной темой были приключения человека, который попадает в прошлое и убивает там собственного дедушку, когда тот еще был ребенком.

Сеннор был в восторге.

— Великолепно! Просто великолепно! Ведь это фундаментальный парадокс путешествий во Времени, если считать Реальность неизменной. Далее, я осмелюсь утверждать, что вашим Первобытным даже в голову не приходило, что Реальность способна изменяться. Не правда ли?

Харлен помедлил с ответом. Он не мог понять цели разговора и намерений Сеннора, и это беспокоило его.

— Я слишком мало знаю, сэр, чтобы ответить вам определенно, — произнес он наконец. — Полагаю, что они допускали возможность существования взаимоисключающих путей развития или же различных плоскостей бытия. Точно не знаю.

Сеннор выпятил нижнюю губу.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь. Вас, вероятно, ввели в заблуждение некоторые туманные выражения в этих книгах, и вы стали приписывать им свои мысли. Нет-нет, без реального опыта путешествий во Времени человеческий мозг не в силах постигнуть весь философский смысл Реальности. Например, почему Реальность обладает инерцией? Мы все знаем, что это так. Для того чтобы вызвать Изменение, настоящее Изменение, всякое воздействие должно достигнуть некоторой критической величины. Но даже после этого Реальность стремится вернуться к исходному состоянию.

Предположим, что мы совершили Изменение здесь, в 575-м. Реальность будет меняться с нарастающим эффектом вплоть до 600-го Столетия. Потом она станет меняться уже с меньшей интенсивностью где-нибудь до 650-го. Дальше Реальность останется неизменной. Мы знаем об этом из опыта, но кто может ответить, почему это происходит? Казалось бы, на первый взгляд изменения должны накапливаться в возрастающей прогрессии и их влияние должно сказываться на всех последующих Столетиях, но это не так.

Возьмем другой пример. Мне говорили, что Техник Харлен прекрасно умеет находить Минимальное необходимое воздействие в любой возможной ситуации. Готов держать пари, что он не в состоянии объяснить, как он это делает. Теперь представьте себе, насколько беспомощны были Первобытные люди. Их волновал вопрос о том, можно ли убить своего дедушку, потому что они

не понимали, что такое Реальность. Представим себе более вероятную и легче анализируемую ситуацию: путешествуя во Времени, человек встречается самого себя...

— Как вы сказали? Встречает самого себя? — воскликнул Харлен.

То, что Харлен прервал Вычислителя, уже было неслыханным нарушением этикета. Тон, которым были сказаны его слова, доводил это нарушение до степени скандала, и в его сторону обратились укоризненные взгляды присутствующих.

Сеннор поперхнулся, но продолжал говорить напряженным тоном человека, решившего оставаться вежливым, несмотря ни на что. Он закончил прерванную фразу, уклонившись таким образом от необходимости прямо ответить на бестактно заданный вопрос:

— ...и рассмотрим четыре случая, возможных в этой ситуации. Назовем более молодого в биологическом отношении индивидуума А, а более старого Б. Случай первый: А и Б не встречаются друг друга, и действия одного никак не затрагивают другого. Тогда можно считать, что практически они не встречались, и мы отбросим этот случай как тривиальный. Случай второй: Б, более поздняя личность, видит А, но А не видит Б. Здесь тоже нельзя ожидать никаких серьезных последствий. Личность А не получает никакой информации о своем будущем. Ничего нового в этом нет.

Третья и четвертая возможности заключаются в том, что А видит Б, но Б не видит А и что А и Б видят друг друга. В каждом из этих случаев важнее всего то, что А видит Б. Человек на более ранней стадии биологического бытия видит себя существующим на более поздней стадии. Заметим, что из этого он может заключить, что доживет до возраста Б. Он видит, как Б совершает какое-то действие, и приходит к выводу, что ему предстоит совершить это действие в будущем. Но человек, знающий свое будущее даже в малой степени, может начать действовать на основании этого знания и тем самым изменить это будущее. Отсюда следует, что Реальность должна измениться настолько, чтобы встреча А и Б стала невозможной или же, по меньшей мере, чтобы А не смог увидеть Б. Далее, поскольку никакими способами нельзя обнаружить Реальность, переставшую существовать, то, следовательно, А никогда не встречался с Б. Аналогично в любом возможном парадоксе, связанном с перемещением во Времени, Реальность всегда избегает этого парадокса, и мы приходим к заключению, что парадоксов, связанных с путешествиями во Времени, нет и не может быть.

И Сеннор, явно довольный собой и своими силлогизмами, обвел присутствующих торжествующим взглядом, но в этот момент из-за стола поднялся Твиссел.

— Прошу прощения, — нетерпеливо произнес он. — Время не ждет.

И совершенно неожиданно для Харлена завтрак окончился. Пятеро членов подкомитета встали из-за стола и, кивнув ему на прощание, вышли один за другим из комнаты с видом людей, удовлетворивших свое любопытство. Только Сеннор пожал ему руку и грубовато проворчал:

— Счастливо оставаться, молодой человек.

Со смешанным чувством Харлен смотрел, как они уходят. Зачем было приглашать его к завтраку? Зачем надо было затевать этот разговор о человеке, встречающем самого себя? О Нойс они даже не упомянули. Неужели они хотели только взглянуть на него? Оглядели его с головы до ног и отдали на суд Твисселу.

Твиссел вернулся к столу, с которого уже исчезли еда и посуда. Они остались с Харленом наедине, и словно для того, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, Твиссел закурил новую сигарету.

— А теперь за работу, Харлен, — сказал он. — Нам предстоит сделать немало.

Но Харлен не мог, не хотел ждать. Он прямо заявил:

— Прежде чем мы что-нибудь сделаем, мне необходимо поговорить с вами.

Твиссел удивленно посмотрел на него, сощурил свои выпуклые глазки и задумчиво стряхнул пепел.

— Разумеется, мы поговорим, если ты этого хочешь, — сказал он. — Только сначала сядь. Сядь и рассказывай.

Но Техник Эндрю Харлен не стал садиться. Он шагал взад и вперед вдоль стола, выпаливая фразу за фразой и с трудом не давая им сбиться в один неразборчивый ком. Старшему Вычислителю Твисселу, не сводившему с него глаз, приходилось то и дело поворачивать за ним голову, похожую на высушенное временем яблоко.

— Вот уже несколько недель, — говорил Харлен, — как я просматриваю пленки по истории математики. Я изучаю книги из различных Реальностей 575-го. Реальности разные, но математика одна и та же. Последовательность ее развития не меняется. Какими бы разными ни были Реальности, история математики остается такой же. Меняются люди, которые совершают открытия, но конечные результаты... В общем, я обнаружил такую вот закономерность. Что вы о ней скажете?

— Странное занятие для Техника, — произнес Твиссел, нахмурившись.

— Но я же не простой Техник, — возразил Харлен. — И вы это знаете.

— Продолжай, — сказал Твиссел, взглянув на часы. Его пальцы с необычной для него нервозностью крутили сигарету.

— Давным-давно, еще в Первобытные Времена, — продолжал Харлен, — жил в 24-м Столетии человек по имени Виккор Маллансон. Более всего он известен тем, что ему первому удалось получить Темпоральное поле. Это значит, разумеется, что он основал Вечность, поскольку Вечность — это всего лишь обширное Темпоральное поле, в котором замкнуто обычное Время и на которое не распространяются физические законы обычного Времени.

— Мой мальчик, тебя учили этому еще в школе.

— Но меня не учили в школе, что Виккор Маллансон никак не мог получить Темпорального поля в 24-м веке. И никто не мог. Для этого тогда не было необходимой математической базы. Фундаментальные уравнения Лефевра могли быть выведены только после появления в 27-м Столетии работ Жана Вердьера.

Для Старшего Вычислителя Твиссела существовал только один способ выразить крайнее изумление — выронить сигарету, что он и сделал. Даже улыбка исчезла с его лица.

— Разве ты изучал уравнения Лефевра, мой мальчик?

— Нет. И я не стану вас уверять, что понимаю их. Но я понял одно: без них нельзя создать Темпоральное поле. И они не могли быть открыты до 27-го века. Это я тоже понимаю.

Твиссел нагнулся за упавшей сигаретой и с сомнением взглянул на нее.

— А что если Маллансон получил Темпоральное поле, не заботясь о связанных с этим математических трудностях? Что если это было чисто эмпирическое открытие? Таких примеров много.

— Я и об этом подумал. После того как Поле было открыто, потребовалось почти триста лет, чтобы разработать его теорию, и за все это время установку Маллансона никто не смог улучшить. Это не случайно. Сотня признаков доказывает, что Маллансон должен был использовать уравнения Лефевра. Но если он знал о них или вывел их самостоятельно, что совершенно невозможно без работ Вердьера, то почему он нигде не говорит об этом?

— Ты упорно хочешь рассуждать как математик, — сказал Твиссел. — От кого ты узнал эти подробности?

— Я читал пленки.

— И это все?

— Еще размышлял.

— Без специальной математической подготовки? Ну знаешь, мой мальчик, я внимательно следил за тобой много лет, но даже не подозревал о твоих талантах в этой области. Продолжай.

— Вечность не могла бы возникнуть, если бы Маллансон не создал Темпоральное поле. А Маллансон не мог бы сделать этого, не зная специальных разделов математики, разработанных намного позже. Это во-первых. Между тем сейчас здесь, в Вечности, есть Ученик, который был взят сюда в нарушение всех правил, поскольку он не подходит по возрасту и вдобавок женат. Вы обучаете его математике, а я — Первобытной социологии. Это во-вторых.

— Ну и что?

— Я утверждаю, что вы собираетесь послать его в прошлое, за нижнюю границу Вечности, в 24-е Столетие. Вы хотите, чтобы этот Ученик — Купер — обучил Маллансона уравнениям Лефевра. Следовательно, вы должны понять, — добавил Харлен с горячностью, — что мое исключительное положение как специалиста по Первобытным Временам и как человека, понимающего, что здесь происходит, позволяет мне рассчитывать на особое отношение. На совершенно особое отношение.

— Святое Время! — пробормотал Твиссел.

— Это правда, не так ли? Только с моей помощью вы сможете замкнуть круг, иначе... — Он не стал заканчивать фразу.

— Ты очень близок к истине, — сказал Твиссел, — хотя я мог бы поклясться, что ничто не показывало... — Он впал в задумчивость, в которой ни окружающий его мир, ни Харлен не играли, казалось, никакой роли.

— Всего лишь близок к истине? То, что я сказал, и есть истина. — Харлен не мог сказать, откуда у него взялась эта уверенность. Возможно, она проистекала из его горячего желания, чтобы все оказалось именно так.

— Нет-нет, все не совсем так. Ученик Купер не отправляется в 24-й век учить чему-либо Маллансона.

— Я вам не верю.

— Но ты должен мне поверить. Ты должен понять всю важность нашего дела. Для того чтобы успешно завершить проект, мне необходима твоя помощь. Видишь ли, Харлен, круг замкнут еще больше, чем тебе кажется. Дело в том, что Ученик Бринсли Шеридан Купер и есть Виккор Маллансон.

Глава 12. НАЧАЛО ВЕЧНОСТИ

Харлен даже не предполагал, что Твиссел в этот момент может настолько удивить его. Неужели он ошибся?

— Купер... Маллансон?... — растерянно бормотал он. Твиссел спокойно докурив сигарету, извлек новую и продолжал:

— Да, Маллансон. Хочешь, я расскажу тебе в двух словах его биографию? Вот послушай. Маллансон родился в 78-м Столетьи, два года провел в Вечности и умер в 24-м.

Своей маленькой ручкой Твиссел слегка сжал локоть Харлена, и на его морщинистом гномьем лице еще шире расплылась неизменная улыбка.

— Пойдем, мой мальчик. Бювремя летит, и даже мы не властны над ним. Не пройти ли нам в мой кабинет?

Твиссел вышел из комнаты, и Харлен последовал за ним, не замечая толком ни движущихся лестниц, ни автоматически открывающихся дверей.

На ходу он перестраивал свой план действий с учетом услышанной новости. После краткого периода растерянности прежняя уверенность с новой силой овладела им. В конце концов, ничто не изменилось, разве только его позиция стала более прочной, а сам он — еще более незаменимым для Вечности. Теперь им придется выполнить его требования. Хотят они или не хотят — им придется вернуть ему Нойс.

Нойс!

Великое Время, пусть только попробуют ее тронуть! Она одна придавала его жизни смысл. Вся Вечность без нее была пустой фантазией и не стоила ни гроша.

Харлен вдруг обнаружил, что стоит посреди кабинета Вычислителя Твиссела. Он не мог вспомнить, как он попал сюда из столовой. Какое-то время он оглядывался по сторонам, пытаясь уцепиться взглядом за какой-нибудь предмет в хаосе примелькавшихся вещей, но происходящее по-прежнему казалось ему очередным обрывком дурацкого сна.

Кабинет Твиссела представлял собой большую комнату, сверкающую стерильной фаянсовой чистотой. Одна из длинных стен от пола до потолка была заставлена блоками Вычислительной машины, представлявшей собой крупнейший Киберцентр, находящийся в личном пользовании, едва ли не самый большой во всей Вечности. Противоположная стена была забита справочными фильмами. Между этими двумя стенами оставался узенький проход, перегородженный письменным столом с двумя креслами. На столе громоздилась всевозможная записывающая и воспроизводящая аппаратура вместе с непонятным предметом, назначение которого Харлен никак не мог себе уяснить, пока Твиссел не кинул в него остатки докуренной сигареты.

Окурок бесшумно вспыхнул, но прежде чем он догорел, Твиссел со своей обычной ловкостью фокусника уже успел достать новую сигарету.

«Ну, пора», — подумал Харлен и заговорил несколько громче и агрессивнее, чем, может быть, следовало:

— У меня есть девушка. Она из 482-го...

Твиссел нахмурился и быстро замахал руками, как человек, пытающийся уклониться от неприятного разговора.

— Знаю, все знаю. Ей ничего не сделают, как и тебе. Все обойдется, вот увидишь.

— Вы хотите сказать...

— Я уже сказал — мне все известно. Если тебя волнует только это, тогда успокойся.

Харлен изумленно посмотрел на старика. И это все? Хотя он осознавал всю степень своего могущества, он не ждал, что доказательства этого последуют так скоро.

Но Твиссел уже снова заговорил:

— Позволь мне рассказать тебе одну историю. — Судя по тону, можно было подумать, что он разговаривает с только что поступившим Учеником. — Никогда не думал, что мне придется ее рассказывать тебе. Впрочем, и сейчас в этом нет особой необходимости, но ты заслужил этот рассказ своими изысканиями и догадками.

Он остановился и испытующе посмотрел на Техника.

— Ты знаешь, мне все еще не верится, что ты пришел к этим выводам совершенно самостоятельно. — Немного помолчав, он продолжал: — Человек, которого большинство Вечных знает под именем Виккора Маллансона, незадолго до кончины оставил записки о своей жизни. Эти записки трудно назвать дневником или автобиографией. Скорее они представляют собой руководство, адресованное Вечности, которая, как он знал, должна была когда-нибудь возникнуть. Это своеобразное завещание было оставлено в особом времянепроницаемом сейфе, секрет которого известен только Вычислителям. Рукопись пролежала там нетронутой более трех Столетий, и только после основания Вечности Старший Вычислитель Генри Уодсмен, первый из великих деятелей Вечности, открыл сейф и, прочитав эти записки, сразу понял их колоссальную важность. С тех пор эта рукопись как секретнейший документ передавалась в течение многих поколений одним из Старших Вычислителей его преемнику, пока не попала в мои руки. Посвященным она известна как «Мемуар Маллансона».

В ней рассказывается история жизни человека по имени Бринсли Шеридан Купер, который родился в 78-м и был взят Учеником в Вечность, в нарушение всех правил, в возрасте двадцати трех лет после того, как он был больше года женат, но, по счастью, не имел детей. Попав в Вечность, Купер изучал матричное исчисление

Темпоральных полей под руководством одного из Старших Вычислителей по имени Лабан Твиссел, а личный Техник этого Вычислителя по имени Эндрю Харлен давал Куперу уроки Первобытной социологии. После того как Купер овладел обеими дисциплинами, его послали в далекое прошлое, в 24-е Столетие, с заданием обучить некоторым разделам математики Первобытного ученого по имени Виккор Маллансон.

Оказавшись в 24-м, Купер долго и осторожно приспосабливался к окружающей обстановке, изучая непривычные нравы и образ жизни. Он прекрасно преуспел в этом благодаря познаниям, полученным под руководством Техника Харлена. С особой благодарностью Купер вспоминает советы Вычислителя Твиссела, который с необычной проницательностью предвидел многие из ожидавших его трудностей. После двух лет напряженных поисков Купер нашел Виккора Маллансона, который жил нелюдимым отшельником в хижине среди калифорнийских лесов. У Маллансона было много странностей и чудачеств, но он обладал смелым и незашоренным умом. Медленно и осторожно Купер завоевал его доверие и постепенно приучил его к мысли, что перед ним посланник из будущего. После этого он начал обучать Маллансона уравнениям Лефевра и технологии Темпоральных генераторов. Постепенно Купер приноровился к нелегкому характеру своего подопечного и научился обращаться с примитивным электрогенератором на дизельном топливе и с бытовыми приборами, которые приходилось соединять с источником электричества при помощи металлических проводов.

Но обучение продвигалось с трудом, и скоро Купер осознал недостаточность своих педагогических талантов. С каждым днем Маллансон становился все более недоверчивым и нелюдимым, а потом вдруг погиб, сорвавшись при невыясненных обстоятельствах со скалы в пропасть. Несколько недель Купер провел в состоянии беспробудного отчаяния; ему казалось, что он загубил дело всей его жизни и, в конечном счете, саму Вечность. И тогда у него возник дерзкий замысел. Никому не сообщив о смерти Маллансона, он взялся за дело, приступив к созданию из подручных материалов генератора Темпорального поля. Как ему это удалось — для нас несущественно. После долгих лет упорного труда, проявив чудеса терпения и изобретательности, Купер построил генератор и отправился с ним в Калифорнийский технологический институт, тот самый, куда он много лет назад собирался послать Маллансона.

Все дальнейшее известно тебе со школьной скамьи. Его встретили насмешками и недоверием и даже поместили в психиатрическую лечебницу, откуда он бежал, чуть было не потеряв свой гене-

ратор. Ты знаешь, что его подобрал и приютил владелец придорожного кафе, имени которого он так и не узнал. Сейчас этот человек — один из героев Вечности. Знаешь, что Куперу удалось уговорить профессора Цимбалиста на проведение эксперимента, в котором белая мышь перемещалась взад и вперед во Времени. Я не буду докучать тебе всеми этими деталями.

Боясь выдать свое истинное происхождение, Купер воспользовался именем Виктора Маллансона. Труп настоящего Маллансона так и не нашли. Весь остаток жизни Купер посвятил незначительным усовершенствованиям генератора Темпорального поля. С его помощью ученые института построили еще несколько генераторов. На большее он не осмеливался. Он не мог даже записать уравнения Лефевра — для того чтобы их смогли понять, математике предстояло развиваться еще триста лет. Он не смел намекнуть, откуда он. Ему нельзя было делать больше того, что в свое время, насколько он знал, сделал настоящий Виктор Маллансон.

Ученые, работавшие с Купером, были обескуражены, видя гения, который добивался блестящих результатов, но не умел объяснить, как и почему он что-либо делает. И сам Купер тоже был обескуражен, потому что он ясно представлял, не будучи в состоянии хоть как-то помочь, тот грандиозный путь, который предстояло пройти науке до классических экспериментов Жана Вердье, на основании которых великий Антуан Лефевр впоследствии выведет свои фундаментальные уравнения Реальности. Только после этого будет создана Вечность.

И лишь на самом склоне лет, глядя, как солнце опускается в воды Тихого океана — этот эпизод подробно описан в мемуаре, — Купер вдруг понял, что он и есть настоящий Виктор Маллансон. Может быть, ему не принадлежало само это имя, но человек, вошедший в историю под именем Виктора Маллансона, был на самом деле Бринсли Шериданом Купером.

Это прозрение вдохновило Купера на создание его мемуара. Он хотел усовершенствовать процесс основания Вечности, сделать его более простым и безопасным. Написав свое завещание, Купер спрятал его в маленьком, изготовленном им самим временно-проницаемом сейфе в своей комнате.

Так был замкнут круг. Разумеется, мы не станем считаться с теми намерениями, которые руководили Купером-Маллансоном при написании его мемуара. Куперу предстоит прожить свою жизнь в точности так же, как он прожил ее. Первобытная Реальность не терпит никаких Изменений. В настоящий момент биовремени Купер даже не подозревает о том, что его ждет. Он искренне верит, что обучит Маллансона и сразу же возвратится

в Вечность. Всю свою жизнь он будет мечтать о возвращении и только в самом ее конце поймет свою ошибку и сядет писать «Маллансоновский мемуар».

Замкнув круг Времени, мы должны раскрыть людям тайну путешествий во Времени и основать Вечность задолго до того, как это позволит сделать естественный ход развития науки. В противном случае предоставленное самому себе человечество не познает истинной природы Времени, пока бесконтрольное развитие науки в других направлениях не приведет людей к неизбежному самоуничтожению.

Харлен весь превратился в слух, захваченный видением грандиозного круга Времени, который пересекает Вечность и замыкается в ней сам на себя. В этот момент он забыл бы даже Нойс... если бы мог о ней забыть.

— Значит, вы с самого начала знали все, что должны сделать вы, что должен сделать я, что я уже сделал?

Твиссел сидел, погружившись в глубокую задумчивость, уставясь невидящим взором на голубоватое облачко табачного дыма, но вопрос Харлена вернул его к действительности. Его проныцательные старческие глазки укоризненно посмотрели на Техника.

— Конечно же, нет. Между пребыванием Купера в Вечности и созданием мемуара прошли десятки лет по биологическому Времени. Купер мог вспомнить лишь немногие события, очевидцем которых ему довелось быть. И он никак не мог вспомнить того, чего никогда не знал. Пойми это наконец.

Твиссел глубоко затянулся, выпустил тоненькую струйку дыма и разбил ее на маленькие завихрения быстрым движением узлового пальца.

— Все шло по плану. Вначале нашли и взяли в Вечность меня. Затем через много биолет я стал Старшим Вычислителем, и тогда мне вручили мемуар и поставили во главе Проекта. Я должен был возглавить Проект — ведь в мемуаре говорилось, что я возглавлял его. Прошло еще множество биолет. Затем, после очередного Изменения в 95-м, появился ты (мы внимательно следили за твоими Аналогами в предыдущих Реальностях). Потом мы нашли Купера. Мелкие подробности, не указанные в мемуаре, мне пришлось домысливать самому, пользуясь иногда Киберцентром, но чаще — собственным здравым смыслом. Если бы ты знал, сколько осторожности пришлось мне проявить, инструктируя твоего Наставника Ярроу, — я не мог доверить ему величайший секрет Вечности. Ярроу в свою очередь осторожно поощрял твое увлечение Первобытной историей.

Как тщательно мы следили за Купером, чтобы он случайно не получил лишних сведений, которых, судя по мемуару, у него не было! — Твиссел печально улыбнулся. — Это Сеннор любит забавляться подобными вещами. Он называет это «обращением причины и следствия». Нам, мол, известно следствие, поэтому мы подгоняем под него причину. К счастью, я не запутался в паутине метафизики, как Сеннор.

Я был очень рад, мой мальчик, когда из тебя получился отличный Наблюдатель, а потом и Техник. В мемуаре об этом не было сказано ни слова, поскольку Купер не видел твою работу и не мог судить о ней. Твои таланты пришлись весьма кстати. Благодаря им я мог доверять тебе обычные задачи, которые делали твою роль в судьбах Вечности менее заметной. Даже просьба Вычислителя Финжа направить тебя к нему пригодилась мне. Купер упоминает в мемуаре о твоём длительном отсутствии, во время которого его занятия математикой сделались настолько интенсивными, что он с нетерпением ожидал твоего возвращения. Но один раз ты здорово напугал меня.

— Когда я взял Купера в капсулу?

— Как ты догадался? — потребовал ответа Твиссел.

— Это был единственный случай, когда вы по-настоящему на меня рассердились. Теперь я понимаю, что мой поступок противоречил «Мемуару Маллансона».

— Не совсем. Просто в мемуаре ни разу не упоминаются Колдцы Времени. Мне казалось, что умолчание о столь важном аспекте Вечности свидетельствует о полной неосведомленности Купера в этой области. Поэтому я по мере сил удерживал его подальше от капсул. Меня сильно беспокоила ваша поездка, но ничего страшного не произошло. Все идет как надо.

Твиссел медленно потер руки, глядя на Харлена с нескрываемым любопытством и удивлением.

— Подумать только — ты сумел почти обо всем догадаться сам! Это изумляет меня. Я готов поклясться, что даже хорошо подготовленный Вычислитель не смог бы прийти к правильным выводам на основе той скудной информации, которая была в твоём распоряжении. Для Техника — это чудо проницательности! — Наклонившись к Харлену, Твиссел ласково потрепал его по колену. — Само собой, в «Мемуаре Маллансона» о твоей жизни после отъезда Купера нет ни слова.

— Понимаю, сэр, — ответил Харлен.

— Собственно говоря, в отношении тебя мы сможем сделать все, что нам захочется. Ты проявил такие таланты, которыми нельзя разбрасываться. Думаю, что ты недолго останешься Техником.

Не буду пока ничего обещать, но я надеюсь, ты понимаешь, что звание Вычислителя не является для тебя чем-то недостижимым?

Дополнительная взятка, подумал Харлен. Ему удалось сохранить невозмутимое выражение лица; он практиковался в этом много лет.

Но довольствоваться одними предположениями было опасно. Беспочвенная сумасшедшая догадка, озарившая его в ту вдохновенную ночь, после библиотечных изысканий превратилась в разумную гипотезу. Рассказ Твиссела подтвердил ее почти во всем, кроме одной детали: Купер оказался Маллансоном.

Эта ошибка не сыграла никакой роли; его положение осталось таким же незыблемым, но, ошибившись один раз, он мог допустить и другую ошибку. Нельзя слепо полагаться на случай. Надо убедиться, насколько велика его власть.

Спокойно, почти небрежно Харлен начал:

— Теперь, когда я узнал правду, моя ответственность неизмеримо возросла.

— В самом деле?

— Насколько велик риск? Вдруг какое-то непредвиденное обстоятельство помешало или помешает мне сообщить Куперу что-то жизненно важное?

— Я не понимаю твоего беспокойства. — Почудилось ли это Харлену или же в усталых глазах старика действительно мелькнул страх?

— Я должен знать, можно ли разомкнуть круг? Что если неожиданный удар по голове выведет меня из строя в тот самый момент, когда в соответствии с мемуаром я должен буду что-то сделать? Значит ли это, что вся конструкция рухнет? Или, предположим, по каким-то причинам я поступлю вопреки указаниям мемуара? Что тогда?

— С чего это тебе в голову взбрело?

— Просто мыслю логически. Если я вас правильно понял, то неосторожным или злонамеренным действием я могу разорвать круг. Из этого следует, что в моих руках находится судьба Вечности. А если это так, — многозначительно продолжал Харлен, — то вам следует сделать все от вас зависящее, чтобы я не сделал ничего лишнего. Хотя я полагаю, что только очень уж необычное стечение обстоятельств может толкнуть меня на такой шаг.

Твиссел громко рассмеялся, но Харлен уловил в его смехе фальшивые нотки.

— Мой мальчик, это все казуистика. Ничего страшного не произойдет, поскольку ничего страшного не произошло. Круг будет замкнут.

— А вдруг? Девушка из 482-го...

— Она в безопасности. Сколько раз можно повторять тебе одно и то же? — нетерпеливо прервал его Твиссел и поднялся с места. — Я вижу, что этим разговорам не будет конца. За время Проекта я уже наслушался всех этих парадоксов от членов подкомитета. Мы зря теряем биовремя, а мне надо многое сказать тебе. Ты еще даже не знаешь, зачем я тебя вызвал. Пойдем со мной.

Харлен был удовлетворен. Никаких сомнений в собственном могуществе у него не осталось. Твиссел понял, что Харлен может отказаться от занятий с Купером или же, напротив, сообщить ему сведения, противоречащие мемуару. Вычислитель рассчитывал ошеломить Техника важностью и значением его роли и таким путем принудить его к слепому повиновению, но он ошибся.

Харлен недвусмысленно связал свою угрозу погубить Вечность с судьбой Нойс, и то, как Твиссел торопливо крикнул ему: «Она в безопасности!», показывало, что Вычислитель отчетливо понял всю серьезность этой угрозы.

Он встал и молча последовал за Твисселом.

Харлен никогда не был в зале, в который они вошли. Зал был таким огромным, словно для его создания снесли немало стен. В него можно было попасть только через узкий коридор, перегороженный барьером силового поля. Автоматы в течение нескольких секунд изучали лицо Твиссела, прежде чем отключили защиту и пропустили их внутрь.

Большая часть зала была занята огромной сферой, возвышавшейся почти до самого потолка. Сквозь откинутую дверцу люка были видны четыре небольшие ступеньки и часть ярко освещенной площадки.

Пока Харлен оглядывался по сторонам, из шара послышались голоса, и в отверстии появилась пара ног. Человек спустился вниз, и Харлен узнал в нем члена Совета Августа Сеннора. Вслед за ним спустился еще один Старший Вычислитель из тех, кто присутствовал за завтраком.

При виде посторонних Твиссел недовольно поморщился, но голос его прозвучал сдержанно:

— Разве члены подкомитета все еще здесь?

— Только Райс и я, — уклончиво ответил Сеннор. — Прекрасная машина! Она чем-то напоминает мне космический корабль.

Райс был толстяком, на лице которого застыло удивленное выражение человека, уверенного в том, что он прав, но почему-то неизменно проигрывающего любой спор. Потерев свой нос-картошку, он ухмыльнулся.

— Сеннор теперь не говорит ни о чем, кроме космических путешествий.

Лысина Сеннора ярко заблестела.

— Послушайте, Твиссел, как ваше мнение: при расчете Реальности космические путешествия следует считать положительным или отрицательным фактором?

— Бессмысленный вопрос, — раздраженно ответил Твиссел. — Какой тип космических путешествий? В какой Реальности? При каких обстоятельствах?

— Бросьте. Можно ведь что-то сказать о космических путешествиях что-то абстрактное?

— Только то, что они являются быстро проходящим увлечением, отнимают у человечества массу сил и средств и ничего не дают взамен.

— Следовательно, они бесполезны и должны рассматриваться как отрицательный фактор, — с удовлетворением заключил Сеннор. — Полностью согласен.

— Как вам будет угодно, — ответил Твиссел. — Купер вот-вот будет здесь. Пора убрать отсюда посторонних.

— Нас уже нет. — Сеннор подхватил Райса под руку и повел его к выходу. Его громкий голос доносился до них даже из коридора. — Периодически, мой дорогой Райс, все усилия человечества почему-то сосредотачиваются на космических путешествиях, причем из-за бесцельности таких путешествий эти усилия не приносят человечеству ничего, кроме разочарований. У меня есть доказательства этого положения в матричной форме, но, по-моему, все ясно и так. Когда умы заняты космосом, к земным делам начинают относиться с пренебрежением. Я сейчас готовлю специальный меморандум Совету, в котором рекомендую разработать Изменение и навсегда вычеркнуть из Реальности всякую возможность космических путешествий.

В ответ послышался дискант Райса:

— Нельзя же быть таким суровым! В некоторых цивилизациях космические путешествия служат спасительным клапаном. Возьмем, к примеру, пятьдесят четвертую Реальность 290-го Столетия. Если я правильно припоминаю, там...

— Станный человек этот Сеннор, — сказал Твиссел, покачивая головой. — Он вдвое умнее любого члена Совета, но его губят метания из стороны в сторону.

— А как вы думаете, он прав? — с любопытством спросил Харлен. — Относительно космических путешествий?

— Сомневаюсь. Впрочем, мы сможем лучше судить об этом, когда он представит обещанное доказательство. Но я мало верю,

что он его доведет до конца. Он всегда загорается и так же быстро остывает. Какое-нибудь новое увлечение помешает ему. Но хватит об этом...

Твиссел хлопнул ладонью по обшивке сферы, которая от удара глухо загудела, но тут же поднес руку ко рту, чтобы вытащить докуренную сигарету.

— Ну как, Техник, можешь догадаться, что это такое?

— Похоже на большую капсулу с крышкой.

— Молодец! Ты угадал. Это и есть капсула. Зайдем-ка в нее.

Харлен последовал за Твисселом внутрь шара. Капсула была достаточно просторна, чтобы вместить пять-шесть человек, но абсолютно пуста. Гладкий пол, вогнутые полированные стены, два окна — и больше ничего.

— А где же управление? — удивился Харлен.

— Управление осуществляется дистанционно с особого пульта, — ответил Твиссел, погладив стенку рукой. — Стены двойные. Пространство между ними заполнено замкнутым на себя Темпоральным полем. Эта капсула в своих перемещениях во Времени не ограничена Колодцами; в ней можно отправиться куда угодно. В «Мемуаре Маллансона» мы нашли ряд ценных намеков, которые позволили нам сконструировать и изготовить ее. Иди за мной.

Пульт управления находился в дальнем углу зала и был отгорожен от него массивной перегородкой. Войдя внутрь, Харлен с любопытством оглядел забранные решетками окна.

— Слышишь меня, мой мальчик?

Харлен вздрогнул и резко обернулся. Войдя в пультовую, он не обратил внимания, что Твиссел не последовал за ним. Он машинально направился к окну и увидел, что Вычислитель снаружи машет ему рукой.

— Я вас слышу, сэр, — ответил Харлен. — Хотите, чтобы я вышел к вам?

— Вовсе нет. Ты заперт.

Харлен метнулся к двери и почувствовал, как у него похолодело внутри. Твиссел был прав. Разрази его Время, что здесь происходит?

— Надеюсь, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, — продолжал Твиссел, — что на этом твоя ответственная миссия кончается. Мне кажется, я понял причину твоей повышенной нервозности в последние дни, а также твоих навоящих вопросов в нашей последней беседе. Мысль о грандиозной ответственности не давала тебе покоя. Так вот, с этой минуты от тебя больше ничего не зависит. Я один отвечаю за все. К сожалению, тебе придется немного посидеть взаперти. В «Мемуаре Маллансона» говорится, что в

момент отправления капсулы ты стоял за пультом и дал старт. Но для наших целей будет вполне достаточно, если Купер увидит тебя через окно.

Однако я все же попрошу тебя в нужный момент нажать на пусковой рычаг в соответствии с инструкциями, которые я тебе дам. Если и эта ответственность покажется тебе слишком большой, не волнуйся. Все будет сделано и без тебя. У нас есть параллельный пульт управления, за которым сидит другой человек. Если по каким-то причинам ты не нажмешь на рычаг, то это сделает он. И еще я выключу передатчик видеофона в твоей комнате. Ты сможешь слышать нас, но будешь лишен возможности говорить с нами. Поэтому можешь не бояться, что какое-нибудь твое невольное восклицание разомкнет круг.

Харлен беспомощно уставился в окно.

— Купер вот-вот будет здесь, — продолжал Твиссел. — Его путешествие в Примитивную эпоху начнется через два биочаса. После этого Проект будет завершен, и мы с тобой, мой мальчик, обречем свободу.

Все поплыло и закружилось в водовороте отчаяния. Как ловко Твиссел перехитрил его! Неужели с самого начала он преследовал только одну цель — без лишнего шума запереть Харлена в пультовой? Неужели, узнав о догадке Харлена, Вычислитель мгновенно, с дьявольской хитростью придумал этот коварный план, занял Харлена разговором, усыпил его бдительность своими историями и привел сюда, чтобы посадить его под замок?

А быстрая сдача позиций в отношении Нойс? «Ей ничего не будет, — клялся Твиссел. — Даю слово!»

Как он мог поверить в эту явную ложь? Если они не собираются причинять вреда Нойс, то зачем было блокировать Колодцы в 100000-м? Один только этот факт должен был выдать Твиссела с головой.

Дурак, он так поверил в свое могущество, что позволил Твисселу несколько биочасов водить себя за нос. И вот он сидит в пультовой, и в нем не нуждаются даже для того, чтобы нажать на пусковой рычаг. Одним ударом его лишили всей его важности. Один ловкий ход — и вместо козырей у него на руках жалкие двойки. Все кончено! Нойс потеряна для него навсегда! Предстоящее наказание его мало трогало. Что ему все их угрозы теперь, когда Нойс потеряна навсегда?

Ему даже в голову не приходило, что Проект так близок к завершению. В этом была его главная ошибка, вот почему он потерпел поражение.

Глухо прозвучал голос Твиссела:
— Я отключаю тебя, мой мальчик.
Харлен остался один, беспомощный и бесполезный...

Глава 13. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОШЛОГО

На пороге появился Бринсли Купер. От возбуждения его узкое лицо порозовело и казалось почти юношеским, несмотря на густые маллансоновские усы, свисающие с верхней губы.

(Харлен мог видеть его через окно, слышать его голос по видеофону. Он с горечью подумал: «Маллансоновские усики! Ну конечно!».)

Купер устремился к Твисселу.

— Вычислитель, меня не хотели пустить сюда раньше.

— Правильно делали, — ответил Твиссел. — На этот счет были даны специальные инструкции.

— Но ведь мне уже пора отправляться, да?

— Почти пора.

— А я вернусь обратно? Я еще увижу Вечность?

Несмотря на все старания Купера придать себе бодрый вид, в его голосе звучала неуверенность.

(В пульговой Харлен в отчаянии стиснул кулаки и стукнул изо всех сил по металлической сетке окна; ему хотелось выбить стекло, закричать: «Стойте! Согласитесь на мои условия, не то я...». Что толку?)

Купер оглядел комнату, даже не заметив, что Твиссел воздержался от ответа на его вопросы. В окне пульговой он заметил Харлена и возбужденно замахал ему.

— Техник Харлен! Идите сюда. Я хочу пожать вашу руку перед отъездом.

— Не сейчас, мой мальчик, не сейчас, — вмешался Твиссел. — Харлен занят. Он настраивает аппаратуру.

— В самом деле? А вы знаете, он не очень-то хорошо выглядит.

— Я только что рассказал ему об истинной цели нашего Проекта, — сказал Твиссел. — Боюсь, что от этого кому угодно станет не по себе.

— Святое Время, конечно! — воскликнул Купер. — Вот уже несколько недель, как я знаю правду, и все никак не могу привыкнуть. — В его смехе послышались нервные, почти истерические нотки. — Никак не могу вбить в свою твердолобую башку, что моя роль в этом спектакле главная. Я... я даже капельку трушу.

— Ничуть не виню тебя за это.

— Во всем, знаете ли, виноват мой желудок. Он радуется меньше всего.

— Ну ладно, — сказал Твиссел. — Все это вполне естественно и скоро пройдет. А пока час твоего отправления приближается. Перед отъездом тебе необходимо получить последние инструкции. Например, ты еще не рассмотрел капсулу, которая доставит тебя в прошлое.

В течение двух последующих часов Харлен слышал каждое произнесенное ими слово, даже когда не глядел на них. Он понимал, почему Твиссел наставляет Купера в такой высокопарной манере, — Куперу сообщались те самые подробности, о которых он должен будет впоследствии упомянуть в «Маллансоновском мемуаре».

(Замкнутый круг. Замкнутый круг! И Харлену не разорвать его, не обрушить подобно библейскому Самсону крышу храма на головы своих врагов; круг смыкается все тесней и тесней.)

— Движение обычной капсулы внутри Вечности из Столетия А в Столетие Б, — слышал он голос Твиссела, — происходит, как тебе известно, под действием Темпорального поля. При этом капсула, образно выражаясь, выталкивается из пункта А и притягивается в пункт Б. Энергия, необходимая для движения капсулы, имеется как в пункте отправления, так и в пункте назначения.

Но капсула, которая доставит тебя в прошлое, должна будет выйти за пределы Вечности; необходимую энергию она может получить только в пункте отправления. Ее можно только толкать, но не тянуть. Потребление энергии в этом случае возрастает в десятки тысяч раз. Понадобилось проложить специальные энергопроводы вдоль Колодцев Времени, чтобы отсасывать энергию вспышки Солнца, ставшего Новой, в нужной концентрации.

У этой капсулы все необычно, начиная с пульта управления и кончая источниками питания. Десятки биолет мы прочесывали прошлые Реальности в поисках нужных сплавов и специальной технологии. Самая важная находка была сделана в 13-й Реальности 222-го Столетия. Там был создан Темпоральный толкатель, без которого эта капсула никогда не была бы построена. 13-я Реальность 222-го Столетия.

Последние слова Твиссел выговорил особенно отчетливо.

(Запомни это, Купер, с горечью подумал Харлен, 13-я Реальность 222-го Столетия. Запомни для того, чтобы ты мог упомянуть о ней в «Маллансоновском мемуаре», для того, чтобы Вечные знали, где вести поиски, для того, чтобы они могли сказать тебе об этом, для того, чтобы ты мог упомянуть... Тесней и тесней смыкается круг...)

— Разумеется, мы еще ни разу не посылали капсулу с человеком за нижний предел Вечности, — продолжал Твиссел. — Но внутри Вечности мы испытывали ее неоднократно. Поэтому мы убеждены в успехе.

— А разве может быть иначе? — спросил Купер. — То есть я хотел сказать, что мой Аналог уже попадал туда, иначе Маллансон не смог бы создать Поля, а он его создал.

— Вот именно, — ответил Твиссел. — Ты окажешься в безопасной и пустынной местности в малонаселенном районе юго-запада Соединенных Штатов Америки.

— Америки, — поправил его Купер.

— Пусть Америки. Это будет 24-е Столетие, или, с точностью до сотых долей, — 23,17. Я полагаю, что мы даже можем назвать это Время, если хочешь, 2317 годом. Капсула, как видишь, очень вместительна. Сейчас ее загрузят водой, продовольствием, средствами защиты и всем необходимым для создания убежища. У тебя будут подробнейшие инструкции, понятные только тебе одному. Я хочу еще раз подчеркнуть, что ты должен принять все мыслимые меры предосторожности. Никто из местных жителей не должен обнаружить тебя прежде, чем ты будешь к этому готов. С помощью землеройной машины ты выроешь себе в горах глубокую пещеру. Все вещи будут уложены в капсулу таким образом, чтобы ты смог как можно скорее разгрузить ее.

(Повторяйте! Повторяйте! — думал Харлен. Все это уже говорилось ему много раз, но необходимо еще раз повторить все, что должно войти в мемуар. Тесней и тесней...)

— На разгрузку тебе дается пятнадцать минут и ни секундой более, — говорил Твиссел, — после чего капсула автоматически вернется в исходный пункт вместе со всеми инструментами и приборами, неизвестными в 24-м веке. Список этих вещей ты получишь перед отправлением. После исчезновения капсулы ты будешь предоставлен самому себе.

— Неужели капсула должна возвратиться так скоро? — спросил Купер.

— Быстрое возвращение увеличивает шансы на успех, — ответил Твиссел.

(Капсула должна вернуться через пятнадцать минут, думал Харлен, потому что в прошлый раз она вернулась через пятнадцать минут. Тесней и...))

— Мы не хотели рисковать, подделывая средства обмена той эпохи. — В голосе Твиссела появились торопливые нотки. — Поэтому тебе дадут золото в виде небольших самородков. Рассказ о том, как они попали к тебе, подробно записан в инструкции. У

тебя будет местная одежда; во всяком случае, для начала она вполне сойдет за местную.

— Отлично, — произнес Купер.

— А теперь запомни. Ни одного поспешного шага. Не торопись. Если надо, выжидай неделями. Тебе необходимо духовно вжиться в эту эпоху. Уроки Техника Харлена — это хорошая основа, но их далеко не достаточно. Приемник электромагнитных волн, изготовленный на основе принципов того времени, позволит тебе быть в курсе всех текущих событий и, самое главное, изучить правильное произношение и интонацию тогдашнего языка. Сделай это как можно тщательнее. Я уверен, что Техник Харлен превосходно знает английский язык, но ничто не может заменить изучение языка непосредственно на месте.

— А что если я попаду не туда, куда надо? — спросил Купер. — Я хочу сказать: а вдруг я попаду не в 2317-й?

— Проверь это тщательно. Но все будет в порядке. Все будет в порядке.

(Харлен подумал: все будет в порядке, потому что однажды уже было в порядке. Тесней...)

Однако на лице Купера, должно быть, промелькнула тень сомнения, потому что Твиссел торопливо добавил:

— Точность настройки тщательно отработана. Я как раз соби-
рался объяснить тебе положенный в основу принцип, и мы сейчас этим займемся. Кстати, наша беседа поможет Харлену лучше понять систему управления.

Харлен стремительно повернулся от окна к пульту. Угол завесы отчаяния чуть отдернулся. А что если...

Твиссел продолжал читать Куперу лекцию нарочито педантичным тоном школьного учителя, и Харлен краем уха прислушивался к его словам.

— Нетрудно понять, — говорил Твиссел, — что главная наша проблема заключалась в том, чтобы определить, насколько далеко можно забросить материальный объект в Первобытную эпоху, сообщив ему определенный энергетический толчок. Проще всего было бы посылать эту капсулу с человеком в прошлое, тщательно измеряя при этом затраченное количество энергии. Этот человек мог бы каждый раз определять, в какое Время он попал, с точностью до сотых долей Столетия, при помощи либо астрономических наблюдений, либо информации, полученной из радиопередач. Однако этот способ был бы очень медленным и к тому же крайне опасным, так как, если бы наш посланец был обнаружен местными жителями, это, вероятно, повлекло бы за собой катаст-

рофические последствия для всего Проекта. Вместо человека мы посылали в прошлое определенную массу радиоактивного изотопа, ниобия-94, который, испуская бета-частицы, превращается в стабильный изотоп, молибден-94. Период полураспада ниобия-94 составляет почти ровно пятьсот столетий. Первоначальная интенсивность излучения образца нам известна. Со временем эта интенсивность убывает по хорошо известному закону и может быть измерена с высокой точностью

Когда капсула попадает в место своего назначения в Первобытной эпохе, ампула с изотопом выстреливается в горный склон и капсула возвращается обратно в Вечность. В тот же самый момент биовремени, когда происходит выстрел, ампула появляется сразу во всех будущих Временах, последовательно становясь старше. В 575-м Столетьи Техник выходит из Вечности во Время в том самом месте, куда попала ампула, находит ее по излучению и извлекает. Измерив уровень радиации, легко определить, сколько времени эта ампула пролежала на склоне горы, а следовательно, узнать с точностью до двух десятых, в какое Столетие попала наша капсула. Послав в прошлое дюжину ампул с различной энергией толчка, мы построили калибровочную кривую. Затем эта кривая была проверена посылкой ампул не в Первобытную эпоху, а в первые Столетия Вечности, где были возможны прямые наблюдения

Естественно, у нас были и неудачи. Несколько первых ампул были потеряны, так как мы не учли геологических изменений, происшедших в период между последними Столетиями Первобытной эпохи и 575-м. Следующие три ампулы тоже найти не удалось. Возможно, катапультирующий механизм вогнал их слишком глубоко в недра горы. Нам пришлось прервать опыты, когда уровень радиации в той местности сделался чересчур высоким. Мы опасались, что какой-нибудь житель Первобытных Времен обнаружит радиацию и заинтересуется, каким образом сюда попали радиоактивные элементы. Но все же мы провели ряд удачных экспериментов и совершенно уверены, что можем послать человека в любое Первобытное Столетие с точностью до сотых долей. У тебя есть вопросы?

— Я отлично все понял, Вычислитель Твиссел, — ответил Купер. — Я уже видел прежде эту калибровочную кривую, не понимая ее значения, но теперь мне все совершенно ясно.

Харлен слушал этот разговор со все возрастающим интересом. Он посмотрел на шкалу прибора. Сверкающая фаянсовая дуга на металле была разделена тонкими черточками на Столетия, Децистолетия и Сантистолетия. Цифры были очень мелкими, но, пригнувшись, Харлен разглядел, что на шкале нанесены Столетия,

с 17-го по 27-е. Тоненькая, как волосок, стрелка стояла на отметке 23,17. Харлену уже доводилось встречаться с аналогичными Векометрами, и он привычным жестом нажал на пусковой рычаг. Но рычаг был заклинен. Волосок остался на месте.

Он едва не подскочил, услышав голос Твиссела:

— Техник Харлен!

— Слушаю, Вычислитель! — крикнул он в ответ, но затем вспомнил, что Твиссел не слышит его. Подойдя к окну, он кивнул головой.

Твиссел заговорил, словно прочитав мысли Харлена:

— Векометр установлен на посылку капсулы в 23,17. Никакой дополнительной настройки не требуется. Единственная твоя задача — это в соответствующий момент биовремени включить контакт. Справа от Векометра расположен секундомер. Кивни, когда найдешь его.

Харлен кивнул.

— Он будет отсчитывать время назад до нуля. В минус пятнадцать секунд включи контакт. Это просто. Ты понял, да?

Харлен снова кивнул.

— Особой точности не требуется. Ты можешь включить его в минус четырнадцать или минус тринадцать секунд, или даже в минус пять секунд, но все-таки постарайся включить его не позднее чем в минус десять секунд. Как только ты включишь контакт, механизм синхронизации сделает остальное и точно в нулевой момент сообщит капсуле необходимый толчок. Ты понял?

Харлен еще раз кивнул головой. Он понял даже больше, чем сказал Твиссел. Если он не включит контакт в минус десять секунд, то это сделают без него.

Обойдемся без посторонней помощи, угрюмо подумал Харлен.

— У нас еще осталось тридцать биоминут, — продолжал Твиссел. — Мы с Купером пойдем проверим его снаряжение.

Они ушли. Закрылась дверь, и Харлен остался наедине с пультом, Временем (секундомер уже заработал, медленно продвигаясь к нулю) и твердой решимостью довести задуманное до конца.

Отвернувшись от окна, Харлен сунул руку в карман и вытащил все еще лежавший там болеизлучатель. Он так и протаскал его с собой все это время. Рука его слегка дрожала.

Снова промелькнула мысль: «Самсон, разрушающий храм!».

Язвительно и цинично он подумал: «Кто из Вечных хоть когда-либо слышал о Самсоне? Кто из них знает, как он погиб?».

Оставалось всего двадцать пять минут. Харлен не знал, сколько времени займет затеянная им операция. Не знал и того, сработает ли она.

Но разве у него был выбор? Отвинчивая влажными пальцами наконечник болсизлучателя, он чуть было не уронил его. Он действовал быстро, не думая о последствиях, меньше всего его беспокоила мысль о том, что он сам перейдет в небытие.

В минус одну минуту Харлен в полной готовности стоял у пульта.

«Может быть, последняя минута жизни», — отстраненно подумал он. Он ничего не видел, кроме возвратного движения красной стрелочки, отсчитывавшей уходящие секунды.

Минус тридцать секунд. «Больно не будет. Это не смерть», — мелькнула мысль.

Он пытался думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука Харлена потянула рычаг на себя. Не торопиться!

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Зарботала автоматика. Старт будет дан в нулевой момент. Харлену оставалось сделать только одно движение — движение Самсона, сокрушающего храм! Правая рука начала подниматься. Он не смотрел на нее.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя. Он так и не взглянул на нее.

Неужели это и есть небытие?

Нет, пока нет. Он все еще жив.

Не двигаясь, Харлен застывшим взором смотрел в окно. Время словно остановилось для него.

Зал был пуст. На месте огромной, занимавшей его почти целиком капсулы зияла пустота. Металлические конструкции, служившие ей опорой, сиротливо вздымались в воздух.

В гигантском зале все замерло, словно в зачарованной пещере, и только Твиссел, казавшийся совсем маленьким, суетливо выпыгивал взад и вперед.

Несколько минут Харлен следил за ним, затем отвел глаза.

Внезапно и совершенно беззвучно капсула появилась на прежнем месте. Ее переход через тончайшую грань, отделяющую

будущее от прошедшего, не потревожил в воздухе ни одной молекулы.

Громада капсулы заслонила Твиссела, но секунду спустя он появился из-за ее края и бегом направился к пультовой.

Стремительным движением руки Вычислитель включил механизм, открывающий дверь, и ворвался внутрь, крича в ликующем возбуждении:

— Свершилось! Свершилось! Мы замкнули круг! — Он хотел сказать еще что-то, но ему не хватило дыхания.

Харлен молчал.

Твиссел подошел к окну и уперся в стекло ладонями. Харлен обратил внимание на то, как дрожат его руки, заметил старческие пигментные пятна на них. Казалось, мозг его потерял способность отделять важное от несущественного и тупо выхватывал из окружающей действительности отдельные случайные детали.

«Какое все это имеет значение? — устало подумал он. — И что вообще имеет сейчас значение?»

Твиссел снова заговорил, но Харлен едва слышал его; слова доносились словно откуда-то издалека.

— Теперь я могу тебе сказать, что здорово волновался, хоть и не показывал виду. Сеннор одно время любил повторять, что вся эта затея совершенно немыслима. Он настаивал, что что-то непременно должно помешать этому... В чем дело?

Он резко обернулся, услышав, как Техник что-то глухо пробурчал.

Отрицательно покачав головой, Харлен с усилием выдавил: — Ничего...

Твиссел не стал допытываться и снова отвернулся. Было непонятно, обращается ли он к Харлену или просто говорит в пустоту. Казалось, ему хочется выговориться за все годы волнений и тревог.

— Сеннор — неисправимый скептик. Мы и спорили с ним, и убеждали. Мы приводили ему математические выкладки, мы ссылались на результаты, полученные многими поколениями исследователей за все биовремя существования Вечности. Он же отметал в сторону наши рассуждения и преподносил в качестве доказательства парадокс о человеке, встречающем самого себя. Да ведь ты слышал, как он рассуждал об этом. Это его любимая тема.

«Нельзя знать будущее», — говорил Сеннор. Например, я, Твиссел, знаю из мемуара, что хотя я буду очень стар, но я доживу до того момента, когда Купер отправится в свое путешествие за нижний предел Вечности. Я знаю и другие подробности о своем будущем, знаю, что мне предстоит совершить.

«Это невозможно, — настаивал он. — Знание собственной судьбы обязательно изменит Реальность, даже если из этого следует, что круг никогда не замкнется и Вечность никогда не будет создана». Что заставляло его так говорить, я не знаю. Может быть, он искренне верил в свои выдумки, может быть, они были для него чем-то вроде интеллектуальной игры, а может быть, ему просто хотелось шокировать нас необычным мнением. Во всяком случае, Проект продвигался вперед, и ряд предсказаний мемуара начал осуществляться. Например, мы отыскивали Купера именно в том Столетьи и той Реальности, которые были указаны в мемуаре. Уже одно это не оставляло камня на камне от всех утверждений Сеннора, но и это его не убедило. К тому времени у него появилось новое увлечение.

Твиссел тихо засмеялся, не заметив, как сигарета догорела почти до самых кончиков его пальцев.

— И все же, знаешь, мне долгие годы было не по себе. Ведь что-то действительно могло произойти. Реальность, в которой была основана Вечность, могла измениться таким образом, чтобы не допустить того, что Сеннор называл парадоксом. И тогда, в этой новой Реальности, уже не было бы ни Вечности, ни нас с тобой. Ты знаешь, иногда среди ночи, во время бессонницы, мне вдруг начинало казаться, что все погребено... Только теперь, когда все кончилось благополучно, я могу посмеяться над собой, как над старым маразматиком.

— Вычислитель Сеннор был прав, — очень тихо произнес Харлен.

— Что такое? — метнулся к нему Твиссел.

— Проект провалился. Круг не замкнут. — Харлену казалось, что его рассудок медленно освобождается от густого тумана.

— Что ты такое несешь? — Старческие пальцы Твиссела с неожиданной силой впились в плечи Харлена. — Ты болен, мой мальчик. У тебя сдали нервы.

— Нет, не болен. Мне все опротивело. Вы. Я. Но я не болен. Взгляните сами. Сюда, на векометр.

— Векометр?

Тоненький волосок стрелочки был прижат к правому концу шкалы около отметки 27-го Столетия.

— Что здесь произошло?

Радость на лице Твиссела сменилась страхом.

Харлен уже полностью овладел собой.

— Я расплавил предохранительный механизм и высвободил рычаг управления.

— Как ты...

— У меня был болеизлучатель. Я разобрал его и использовал вделанный в него в качестве источника питания микрореактор как автоген. Вот все, что от него осталось. — Харлен подтолкнул ногой маленькую кучку металлических обломков, валявшихся на полу.

Твиссел все еще не хотел верить.

— 27-е? Ты хочешь сказать, что Купер попал в 27-е Столетие?

— Я понятия не имею, куда он попал, — вяло ответил Харлен. — Сначала я перевел рычаг вниз, далеко за 24-е. Но я не знаю куда. Я не посмотрел. Потом я переставил его в это положение. Вот и все.

Твиссел с ужасом смотрел на Харлена, его лицо побледнело до болезненной желтизны, губы дрожали.

— Я не знаю, где сейчас Купер, — продолжал Харлен. — Он затерялся в Первобытных веках. Круг разорван. Сначала я думал, что все кончится сразу, в нулевой момент. Но это глупо. Придется ждать. Наступит такое мгновение по биовремени, когда Купер поймет, что он не в том Столетьи, когда он сделает что-нибудь противоречащее мемуару, когда он... — Харлен не закончил фразу и засмеялся натянутым, хриплым смехом. — Какая разница? Все это только отсрочка, пока Купер не совершит какой-нибудь непоправимой ошибки, пока он не разорвет круг. Мы бессильны помешать ему. Минуты, часы, дни. Не все ли равно? Когда отсрочка истечет, Вечность прекратит существование. Вы меня слышите? Это будет концом Вечности!

Глава 14. ДАВНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

— Но почему? Почему?

Твиссел растерянно перевел взгляд со шкалы на Техника; в его глазах, как в зеркале, отразились растерянность и недоумение, прозвучавшие в голосе.

Харлен поднял голову.

— Нойс! — одним словом ответил он.

— Женщина, которую ты спрятал в Вечности? — спросил Твиссел.

Горькая усмешка Харлена была ему единственным ответом.

— Но при чем здесь она? — продолжал недоумевать Твиссел. — Я тебя не понимаю, мой мальчик.

— Да что тут понимать? — взорвался Харлен. — Зачем вы притворяетесь? Да, у меня была женщина. Мы с ней были счастливы. Кому это мешало? Ведь ее даже не существует в новой Реальности.

Твиссел тщетно пытался вставить хоть слово.

— Но у Вечности свои законы, — кричал Харлен. — О, я знаю их все наизусть. Союзы требуют разрешения; союзы требуют Вычислений; союзы требуют высокого знания; союзы — вещь рискованная. Что вы приготовили для Нойс по завершении проекта? Поместить ее в гибнущую ракету? Или дать ей тепленькое местечко общей любовницы знатных Вычислителей? Ну, теперь-то у вас не будет никаких планов.

В полном изнеможении он закончил свою тираду, и Твиссел быстро подошел к видеофону. Очевидно, передатчик видеофона снова был включен. Вычислитель повторял сигнал вызова до тех пор, пока не добился ответа.

— Говорит Твиссел. Никого сюда не пускать, — произнес он не допускающим возражений тоном. — Никого. Вам ясно? Тогда выполняйте! Нет, никаких исключений. И для членов Совета тоже. К ним это относится в первую очередь.

Он снова повернулся к Харлену и задумчиво проговорил:

— Они не посмеют нарушить мой приказ, потому что я старейший член Совета и еще потому, что меня считают выжившим из ума чудаком. Поэтому мне и доверили этот Проект. — На мгновение он впал в задумчивость. — Ты тоже так думаешь?

В этот момент он был похож на маленькую сморщенную обезьянку.

«Святое Время, он и правда спятил, — со страхом подумал Харлен. — Потрясение лишило его рассудка».

Мысль, что он заперт наедине с сумасшедшим, заставила Харлена испуганно отступить назад. Но он быстро опомнился. Спятил Твиссел или нет, он был дряхлым стариком, и к тому же скоро наступит конец всему, даже безумию.

Скоро? А почему не сразу? Чем вызвана эта отсрочка?

— Ты не ответил мне, — вкрадчиво продолжал Твиссел. (Вот уже несколько минут в его руках не было привычной сигареты, но он, казалось, не замечал этого.) — Ты тоже считаешь, что я выжил из ума? Думаю, что да. Если бы ты считал меня своим другом, а не капризным, свихнувшимся стариком, ты бы поделился со мной своими сомнениями. И тогда не было бы этой глупой выходки.

Харлен насупилсся. Оказывается, Твиссел считает, что это он спятил!

— Меня толкнули на это, — сердито буркнул он. — Я в здравом рассудке.

— Но я же сказал тебе, что девушке ничто не грозит.

— Я был бы последним дураком, если бы поверил вам. Только дурак может поверить в справедливость Совета к Технику.

— При чем тут Совет?
— Финж знал все, это он донес на меня Совету.
— Как ты узнал об этом?
— Вырвал признание у Финжа под дулом болеизлучателя. Болеизлучатель помог ему забыть о разнице в наших званиях.

— Это ты сделал тем же излучателем? — Твиссел указал на шкалу векометра, круглое лицо-циферблат которого было искажено гримасой расплавленного металла.

— Да.

— Хватило ему работы. — Его тон стал резче. — А ты знаешь, почему Финж не принял мер сам, а послал донесение Совету?

— Потому что он ненавидит меня и хотел действовать наверняка. Ему нужна была Нойс.

— До чего же ты наивен! Если бы дело было только в Нойс, он без труда устроил бы себе союз с ней. Никакой Техник не встал бы у него на пути. Этот человек ненавидит меня, мой мальчик.

В его руках по-прежнему не было сигареты, отчего выпачканный табаком палец, которым он ткнул себя в грудь, выглядел неприлично голым.

— Вас?

— Такая уж штука эта политика, мой мальчик. Не каждому Вычислителю удастся стать членом Всевременного Совета. Финж честолюбив. Он готов был добиваться этого поста любой ценой. Но я помешал ему, так как счел его эмоционально неустойчивым. Святое Время, я только теперь понял, как я был прав тогда... Послушай, мой мальчик, он знал, что я тебе покровительствую. Он видел, как из рядового Наблюдателя я сделал тебя первоклассным Техником. Ты постоянно работал со мной. Как еще мог бы Финж отомстить мне? Если бы ему удалось доказать, что мой любимчик виновен в страшном преступлении против Вечности, то это могло бы отразиться и на мне. Я был бы вынужден покинуть Совет, и, как по-твоему, кто тогда занял бы мое место?

Привычным жестом он поднес руку к губам и, не обнаружив сигареты, посмотрел недоуменным взглядом на промежуток между пальцами, где она обычно была.

«Не так уж он спокоен, как притворяется, — подумал Харлен. — Да и можно ли оставаться спокойным в такой момент? Но для чего рассказывать мне всю эту чушь теперь, когда Вечность идет к концу?»

И снова его обожгла мысль: «Но почему конца до сих пор нет? Почему?».

— Когда я недавно отпустил тебя к Финжу, — продолжал Твиссел, — я предчувствовал опасность. Но в «Мемуаре Маллансо-

на» говорилось, что ты отсутствовал весь последний месяц, а никакого другого предлога не подвернулось. К счастью для нас, Финж перестарался.

— Каким образом? — устало спросил Харлен. Ему это было совершенно безразлично, но Твиссел говорил без умолку, и легче было принять участие в разговоре, чем пытаться отключить слух.

— Финж озаглавил свое донесение «О непрофессиональном поведении Техника Эндрю Харлена». Он разыгрывал из себя истинного Вечного, бесстрастно и невозмутимо выполняющего свой долг. Он предоставил Совету гневаться и срывать зло на мне. К несчастью для себя, он не подозревал о твоём истинном значении. Ему даже в голову не пришло, что любое донесение, касающееся тебя, будет немедленно передано мне.

— И вы мне ничего не сказали?

— А как я мог? Я хотел оградить тебя от ненужных волнений накануне решающего момента. Я давал тебе возможность самому рассказать мне о своих затруднениях.

Давал возможность? Харлен недоверчиво скривил рот, но потом вспомнил усталое лицо Вычислителя на экране видеофона, вспомнил его настойчивые вопросы. Это было вчера. Всего лишь вчера! Ничего не ответив, он опустил глаза.

— Я сразу понял, — уже мягче продолжал Твиссел, — что Финж намеренно толкает тебя на... поспешные действия.

Харлен поднял голову.

— Вы знали об этом?

— Ты удивлен? Я давно знаю, что Финж копает под меня. Я уже старик, мой мальчик, и сразу вижу такие вещи. Если Вычислитель вызывает подозрения — нетрудно проследить за ним. Есть особые устройства, изъятые из Времени, которых ты не сыщешь даже в наших музеях. И некоторые из них известны только Совету.

Харлен с горечью подумал о блокировке Колодцев Времени в 100000-м.

— На основании донесения Финжа и той информации, которую я получил из других источников, было нетрудно восстановить истину.

— Но, может быть, Финж подозревал, что вы за ним шпионите? — неожиданно спросил Харлен.

— Возможно. Меня бы это не удивило.

Харлен вспомнил свои первые дни в 482-м. Финж ничего не знал о Проекте, и необычный интерес Твиссела к молодому Наблюдателю насторожил его. «Вы встречались прежде со Старшим Вычислителем Твисселом?» — спросил он как-то. Харлен припомнил, что в голосе Финжа звучало острое беспокойство. Уже тогда

Финж мог заподозрить Харлена в том, что он шпион Твиссела. Так вот в чем источник его ненависти!

— Если бы ты сам пришел ко мне... — продолжал Твиссел.

— Прийти к вам? — не выдержал Харлен. — А как насчет Совета?

— Во всем Совете об этом знал я один.

— И вы им ничего не сказали? — Харлен попытался изобразить иронию.

— Ничего.

Харлен почувствовал, что его лихорадит. Одежда душила его. Неужели этому кошмару не будет конца? Глупая, бессмысленная болтовня. Зачем? Во имя чего?

Почему не погибла Вечность? Почему не наступает желанный покой небытия? Великое Время, в чем он ошибся?!

— Ты все еще не веришь мне? — спросил Твиссел.

— А почему я должен вам верить? — снова взорвался Харлен. — Сегодня утром все они в полном составе явились посмотреть на меня. Зачем им это, если они не читали отчета Финжа? Нет, их заинтересовал чужак, который нарушил законы Вечности, но которого нельзя было трогать еще целый день. Всего день, пока не будет завершен Проект. Они пришли позлорадствовать накануне завтрашней потехи.

— Мой мальчик, ты глубоко неправ. Они хотели увидеть тебя просто потому, что они люди. Ведь члены Совета — тоже люди. Они не могли присутствовать при отправлении капсулы, потому что мемуар не говорит, что они там были. Им нельзя было поговорить с Купером — об этом в мемуаре тоже нет ни слова. Святое Время, как ты не понимаешь, что их разбирало любопытство. Ты был для них самой доступной частью Проекта — вот почему они так разглядывали тебя.

— Я не верю вам.

— Но это правда.

— Да? А чем тогда были вызваны рассуждения члена Совета Сеннора о человеке, встречающем самого себя? Он явно знал о моих противозаконных вылазках в 482-е и о том, как я чуть было не встретил там самого себя. Он просто дразнил меня, развлекался за мой счет.

— Сеннор? Тебя беспокоит Сеннор? Знал бы ты, что это за жалкая фигура! Он родился в 803-м Столетии, одном из немногих, где в угоду извращенным представлениям о красоте намеренно уродуют человеческие тела. Когда Сеннор был еще подростком, ему удалили все волосы на теле. Знаешь ли ты, как уродство влияет на человека? Оно разрушает его связи с предками и потомками. Ты

почти не найдешь среди Вечных выходцев из этого Столетия — слишком уж они отличны от нас. За всю историю Вечности Сеннор — единственный, кто получил место в Совете. Нетрудно догадаться, как все это на него повлияло. Ты, конечно, знаешь, что такое неуверенность. Но тебе, вероятно, и в голову не приходило, что член Совета может чувствовать себя неуверенно. Сеннору неоднократно приходилось выслушивать призывы к исправлению его Реальности, к уничтожению в ней тех самых обычаев, из-за которых он так резко выделяется среди нас. Когда-нибудь такое случится. И тогда он останется чуть ли не единственным таким уродом.

Он ищет утешения в философии. В качестве моральной компенсации он неизменно высказывает самые непопулярные или непризнанные точки зрения. Парадокс о человеке, встречающем самого себя, — любимая его тема. Я уже говорил тебе, что ему нравилось предсказывать неудачу этому Проекту. Сегодня за завтраком он дразнил нас, членов Совета, а не тебя. К тебе это не имело ни малейшего отношения.

Твиссел разгорячился. Увлечшись своим монологом, он забыл о том, где они находятся, забыл о нависшей катастрофе, он снова превратился в хорошо знакомого Харлену карлика с быстрой жестикой и неловкими движениями. Он даже выгащил сигарету из нарукавного кармашка, но так и не щелкнул зажигалкой.

Внезапно он замолчал, резко повернулся и пристально посмотрел на Харлена, словно до его сознания только сейчас дошел смысл последних слов Техника.

— Ты сказал, что чуть было не встретил самого себя. Что это значит?

Харлен вкратце рассказал о своем приключении.

— Разве вы не знали об этом?

— Нет.

За этим последовало несколько секунд тишины, которые сжигаемый лихорадкой Харлен принял так же охотно, как умирающий от жажды глоток воды.

— А что если ты действительно встретил сам себя?

— Но ведь...

— Случайные отклонения всегда возможны, — не обращая на него внимания, продолжал Твиссел. — При бесконечном множестве допустимых Реальностей ни о каком детерминизме не может быть и речи. Предположим, что в Реальности Маллансона, в существовавшем цикле...

— Разве циклы повторяются бесконечно? — не удержался от вопроса Харлен. Оказывается, он еще способен удивляться.

— А ты думал — только дважды? По-твоему, двойка — магическое число? За конечный промежуток биовремени может осуществиться бесчисленное множество циклов. Точно так же, как можно, например, бесконечно водить карандашом по одной и той же окружности, но тем не менее описывать конечную площадь. В предшествующем цикле ты не встретился сам с собой. В теперешнем цикле в силу принципа статистической неопределенности это событие стало возможным. При этом Реальность должна была измениться так, чтобы предотвратить эту встречу, и в новой, уже изменившейся Реальности ты послал Купера не в 24-е, а в...

— Но к чему все это? — вскричал Харлен. — Что вы хотите от меня? Ведь все уже кончено. Все! Оставьте меня. Слышите: оставьте меня в покое!

— Я хочу, чтобы ты понял свою ошибку. Я хочу, чтобы ты осознал всю глубину своего заблуждения.

— Я был прав. А если и нет, уже поздно.

— Нет, не поздно. Выслушай меня. — Твиссел упраскивал его, почти умолял. — Тебе вернут твою девушку. Я обещал и еще раз подтверждаю свое обещание. Ни тебе, ни ей не причинят ни малейшего вреда. Я дам тебе любые гарантии.

Харлен посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но ведь уже слишком поздно. Что толку?

— В том-то и дело, что еще не поздно. Еще можно все исправить. С твоей помощью мы можем сделать это. Но надо, чтобы ты захотел помочь, захотел переделать сделанное.

Харлен облизнул пересохшим языком потрескавшиеся губы. Твиссел свихнулся. Его разум не может примириться с неудачей... или... Неужели Совет действительно знает что-то, неведомое остальным? Знает ли? Неужели есть средство противостоять приговору Изменения Реальности? Неужели можно остановить Время или обратить его вспять?

— Но ведь вы сами заманили меня в пультовую, где я, по вашему мнению, был совершенно беспомощен, и держали меня там взаперти, пока все не было кончено.

— Ты сказал, что боишься не выдержать напряжения, что у тебя не хватит сил довести свою роль до конца.

— Это была угроза.

— Я понял тебя буквально. Прости меня. Ты должен мне помочь.

Итак, они снова вернулись к исходной точке. Его помощь необходима. Кто из них сошел с ума? Он? Твиссел? Имеет ли смысл это безумие? И что вообще имеет смысл?

Совет нуждается в нем. Чего только они не наобещают ему сейчас: Нойс, звание Вычислителя, все что угодно. Но что получит он, когда спасет их? Нет, во второй раз его уже не одурачат!

— Нет, — решительно ответил он.

— Тебе вернут Нойс.

— Хотите сказать, что Совет нарушит законы Вечности, когда опасности удастся избежать? Не верю. (Разве этой опасности можно избежать? — воззвала здравая часть его рассудка. — К чему все это?)

— Совет ничего не узнает.

— Неужели вы захотите стать преступником? Вы же идеальный Вечный. Как только минует опасность, вы подчинитесь закону. Вы просто не сможете поступить иначе.

Щеки Твиссела покрылись красными пятнами. С его старческого лица исчезли умудренность и сила; осталась лишь странная печаль.

— Я сдержу слово и нарушу закон по причине, о которой ты даже не подозреваешь, — медленно произнес Твиссел. — Я не знаю, сколько еще просуществует Вечность. Может быть, месяцы, а может быть, считанные часы. Но я уже потратил так много времени, пытаясь образумить тебя, что потрачу еще немного. Только выслушай меня. Пожалуйста.

Харлен замялся. Затем, решив, что спорить бесполезно, он устало произнес:

— Говорите.

— Много раз до меня доходили слухи, — начал свой рассказ Твиссел, — что я родился стариком, что меня воспитал Киберцентр, что даже во сне я не расстаюсь с карманным анализатором, что мозг у меня состоит из микрочипов, а вместо крови по моим жилам течет смазочное масло для счетных машин, в котором плавают крохотные перфокарты.

То и дело мне приходится выслушивать подобные бредни, и, наверное, я даже немного горжусь ими. Может быть, в глубине души я и сам верю в них. Недаром думают, что я выжил из ума. Глупо старику верить в подобные выдумки, но что поделаешь, они облегчают жизнь.

Ты удивлен? Да, я, Лабан Твиссел, Старший Вычислитель, Старейшина Всевременного Совета, стремлюсь облегчить свою жизнь. Ты никогда не задумывался, почему я курю? Вечные не курят, да и большинство Времян тоже. Мне иногда кажется, что это просто бунт против Вечности, мелкая месть за провал большого восстания... Нет, нет, со мной все в порядке. Одна-две слезинки мне

не повредят, и я не притворяюсь, поверь мне. Просто я давно не вспоминал об этом. Грустная вещь — воспоминания.

Как и у тебя, все началось с женщины. Это не случайное совпадение; если хорошенько подумать, оно почти неизбежно. Все мы, променявшие радости семейной жизни на пригоршню перфолент, подвержены этой инфекции. Вот почему Вечность вынуждена принимать такие строгие меры предосторожности. И наверное, по той же причине Вечные то и дело так изобретательно нарушают законы.

Я не могу забыть ту женщину. Должно быть, глупо так цепляться за воспоминания. Ведь больше я о том биовремени почти ничего не помню. От моих бывших коллег сохранились лишь имена в архивах; Изменения, которые я рассчитывал (все, кроме одного), — только номера в катушках памяти Киберцентра. А ее я помню. Впрочем, ты, вероятно, сможешь понять меня.

Много лет я просил разрешения на союз, но получил его, только став Младшим Вычислителем. Она оказалась из этого же Столетия, из 575-го. До получения разрешения я, как водится, и в глаза ее не видел. Она была умна и добра, хотя ее нельзя было назвать красивой или хотя бы хорошенькой. Но ведь и я даже в молодости (а я был молод — не верь легендам) не отличался красотой. Мы отлично подходили друг другу по характеру, и не будь я Вечным, я был бы счастлив назвать ее своей женой. Сколько раз повторял я ей эти слова! Похоже, ей это льстило, но я-то знал, что это правда. Вечные вынуждены встречаться со своими женщинами лишь в строгом соответствии с Расчетами, и мало кому из них выпадает на долю такая удача.

Однако в той Реальности ей было суждено умереть молодой, а никто из ее Аналогов не подходил для союза. Сперва я смотрел на это философски. В конце концов, именно краткость ее жизни сделала возможным наш союз. Стыдно вспомнить, но в самом начале ее близкая смерть не слишком огорчала меня. Но так было только в самом начале. Я проводил с ней все время, отпускаемое мне инструкциями, боясь упустить хотя бы минуту, бесстыдно пренебрегая работой, забывая про еду и сон. Даже в самых смелых мечтах я не мог представить, что женщина может быть настолько привлекательна. Я полюбил ее. Мне нечего к этому прибавить. Мой опыт в любви очень мал, а знания, которые приобретаешь, наблюдая за Временами, весьма ненадежны. Думаю все же, что я действительно любил ее.

Из простого удовлетворения чувственных желаний наша связь переросла в нечто гораздо большее. И тогда неизбежность ее смерти перестала быть благом и превратилась в катастрофу. Я рас-

считал ее Судьбу. Я не обращался к Планировщикам. Всю работу я проделал сам. Наверное, это удивляет тебя. Да, я нарушил закон, но все это бледнеет рядом с преступлениями, которые я совершил потом.

Да, я преступник. Я, Старший Вычислитель Лабан Твиссел.

Трижды наступал и проходил момент биовремени, когда самое простое действие с моей стороны могло изменить ее личную Реальность. Разумеется, я знал, что такое персональное Изменение ни за что не будет одобрено Советом. Но все равно я заранее начал чувствовать себя виновным в ее смерти. Позже это тоже сыграло свою роль.

Потом она забеременела. Я не предпринял никаких мер, хотя обязан был сделать это. Я рассчитал ее Судьбу, приняв во внимание ее связь со мной, и знал, что вероятность беременности для нее весьма велика. Ты можешь этого не знать, но Временницы иногда беременеют от Вечных, несмотря на все предосторожности. Случается и такое. Но Вечным нельзя иметь детей, поэтому мы быстро и безболезненно ликвидируем последствия. Для этого есть много методов.

Из Плана Судьбы я знал, что она умрет до родов, поэтому не принял мер. Она так радовалась тому, что станет матерью, и мне не хотелось ее огорчать. Она рассказывала мне, какое это счастье — чувствовать в себе трепет новой жизни, а я сидел рядом с ней и пытался улыбаться.

А затем случилось нечто совершенно непредвиденное. Она родила до срока...

Неудивительно, что ты на меня так посмотрел. У меня был ребенок, настоящий ребенок, мой собственный. Возможно, никто из Вечных не может сказать такого о себе. Это было серьезное преступление, но худшее случилось потом.

Я не ожидал ничего подобного. В вопросах, связанных с рождением детей, мой жизненный опыт был крайне мал. Я в панике обратился к Плану Судьбы и обнаружил, что проглядел маловероятную вилку. Профессиональный Планировщик сразу бы заметил ее, а я.. я был наказан за чрезмерную самонадеянность.

Что мне было делать?

Убить ребенка я не мог. Его матери оставалось жить лишь две недели, и я решил: пусть они проживут этот срок вместе. Две недели счастья — не такой уж великий дар.

Мать умерла точно в предсказанный срок и точно так, как было предсказано. Я пробыл в ее комнате все время, позволенное пространственно-временной инструкцией. То, что я уже целый год знал об этом, только усугубляло мое горе. До самого конца я держал ее за руку, а другой рукой обнимал своего сына.

Я сохранил ему жизнь. Почему ты так вскрикнул? Ты что, осуждаешь меня?

Откуда тебе знать, что значит держать на руках своего сына — крохотную частицу собственной жизни? Я могу иметь Киберцентр вместо сердца и инструкции вместо нервов, но я это знаю!

Да, я сохранил ему жизнь. Я пошел и на это преступление. Я поместил его в воспитательный дом и часто навещал (в строгой хронологической последовательности через определенные промежутки биовремени), внося за него плату и наблюдая, как он растет.

Так прошло два года. Периодически я проверял План Судьбы своего сына (это нарушение правил стало для меня привычным) и каждый раз с удовольствием убеждался, что вредные эффекты для данной Реальности отсутствуют с точностью до 0,00001. Мальчик научился ходить и лепетать несколько слов. Никто не учил его называть меня «папой». Я не знаю, какие догадки в отношении меня строили Времяне, заведовавшие этим домом. Они брали мои деньги и помалкивали.

Через два года во Всевременном Совете рассматривался проект Изменения, которое краешком захватывало 575-е. Незадолго до этого меня произвели в Вычислители. Детальная разработка проекта была поручена мне. Это было первое Изменение, которым я занимался самостоятельно.

Конечно, я был горд, но к гордости примешивалась озабоченность. В текущей Реальности мой сын был незванным пришельцем. В новой Реальности он не должен был иметь Аналогов. Мысль о том, что ему предстоит уйти в небытие, мучила меня.

Я разработал проект Изменения, который показался мне безукоризненным. Мой первый проект. Но я поддался искушению. Поддался еще и потому, что нарушение законов давно вошло у меня в привычку. Можно сказать, я стал закоренелым преступником. Заранее уверенный в ответе, я все же еще раз составил План Судьбы для моего сына в новой Реальности.

Затем я провел сутки в своем кабинете без еды и сна, до изнеможения проверяя этот План в безнадежных попытках отыскать в нем ошибку.

Но ошибки не было.

Утром я должен был вручить свои рекомендации Совету. Вместо этого я наскоро разработал для себя инструкцию — все равно этой Реальности оставалось существовать недолго, — и вышел во Время в точке, отстоящей от момента рождения моего сына на тридцать с лишним лет.

Ему было тридцать четыре года, столько же, сколько и мне тогда. Я представился ему в качестве дальнего родственника его матери. Он ничего не помнил о своем отце и не сохранил никаких воспоминаний о моих визитах к нему в детстве.

Он работал авиационным инженером. В 575-м существовало много способов воздушных сообщений (так же, как и в теперешней Реальности), и сын был уважаемым и преуспевающим членом общества. Он был женат на очаровательной женщине, но детей не имел. В новой Реальности, где мой сын не должен был существовать, Аналог этой женщины никогда не выйдет замуж. Все это я знал давно. Я знал, что Реальность не пострадает, иначе не осмелился бы оставить своего сына в живых. Все-таки я был не настолько безнадёжен.

Целый день я не отходил от моего сына. Любезно улыбаясь, я беседовал на отвлеченные темы и сухо простился, когда отведенное инструкцией время истекло. Но, прикрываясь маской равнодушия, я жадно впитывал каждый его жест, каждое слово, пытаясь навсегда сохранить их в своей памяти. На следующий день (по биовремени) эта Реальность должна была прекратить существование.

Мне хотелось в последний раз посетить и тот отрезок Столетия, когда еще была жива моя жена, но я уже истратил свое время до последней секунды. Да и не знаю, хватило ли бы у меня мужества хоть издали взглянуть на нее.

Возвратившись в Вечность, я провел еще одну ужасную ночь в яростной борьбе с собой. С опозданием на сутки я вручил Совету свои рекомендации по поводу Изменения.

Твиссел понизил голос до шепота и умолк. Сгорбившись, он сидел совершенно неподвижно, уставясь в какую-то точку на полу, и только руки его медленно сжимались и разжимались.

Не дождавшись продолжения, Харлен тихо кашлянул. Ему было жалко старика, жалко несмотря на все совершенные им преступления.

— И это все? — спросил он после долгой паузы.

— Нет, хуже... гораздо хуже, — прохрипел Твиссел. — У моего сына в новой Реальности все же был Аналог. В четырехлетнем возрасте после полиомиелита он стал паралитиком. Сорок два года в постели при обстоятельствах, не позволяющих применить к нему технику регенерации нервов, открытую в 900-м. Я бессилен спасти его или хотя бы безболезненно окончить его мучения.

Эта Реальность все еще существует. Мой сын все еще там, в своем Столетии. Я один во всем виноват. Это моя воля приготовила

ему такую жизнь, мой приказ совершил Изменение. Много раз я нарушал законы ради него или ради его матери, но мне всегда будет казаться, что в тот последний раз, исполнив свой долг и сохранив верность клятве Вечного, я совершил самое большое и главное свое злодеяние.

Харлен молчал, не находя слов.

— Но теперь-то ты понимаешь, почему я так близко принял к сердцу твою историю, почему я хочу, чтобы ты получил свою девушку? — продолжал Твиссел. — Вечности это не повредит, а для меня, быть может, станет искуплением за мое преступление.

И Харлен поверил. В один миг он поверил старику.

Сжав голову кулаками, он упал на колени и медленно раскачивался, не находя выхода отчаянию.

Подобно Самсону, он одним ударом разрушил свой храм. Он должен был спасти Вечность — и погубил ее; он мог обрести Нойс — и навсегда ее потерять.

Глава 15. ПОИСК В ГЛУБИНЕ ВРЕМЕН

Твиссел тряс Харлена за плечи, настойчиво окликаая его по имени:

— Харлен! Харлен! Во имя Вечности, будь мужчиной.

Харлен медленно выбрался из трясины отчаяния.

— Что же нам теперь делать?

— Только не то, что ты делаешь. Не отчаиваться. Для начала выслушай меня. Забудь о своем взгляде Техника на Вечность и попробуй взглянуть на нее глазами Вычислителя. Все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда ты воздействуешь на Время и тем самым вызываешь Изменение Реальности, то Изменение наступает сразу. Почему?

— Потому что вариация сделала Изменение неизбежным, — дрожащим голосом ответил Харлен.

— Разве? Ты ведь можешь вернуться назад и уничтожить все следы этого воздействия. Можешь или нет?

— Наверное, могу. Но мне никогда не приходилось делать этого. Я даже не слышал о таких вещах.

— Правильно. Поскольку мы не отказываемся от своего намерения произвести Изменение, оно происходит. Здесь же мы имеем дело с обратным случаем. Ненамеренная вариация. Ты послал Купера не в то Столетие, и теперь мы хотим во что бы то ни стало исправить эту ошибку и вернуть Купера обратно.

— Как, ради Времени?

— Еще не знаю, но способ должен быть. Если бы это было невозможно, то воздействие было бы необратимым; Изменение произошло бы сразу. Но Изменение пока не наступило. Мы все еще находимся в Реальности «Мемуара Маллансона». Это означает, что воздействие обратимо и будет обращено.

— Что?!

Харлену казалось, что он снова погружается в бурлящую, бездонную пучину кошмара.

— Несомненно, существует какой-то способ замкнуть круг во Времени, и вероятность того, что мы сумеем найти этот способ, возможно, очень велика. Иначе наша Реальность уже исчезла бы. Пока она существует, мы можем быть уверены, что идем по правильному пути. Если в какой-то момент я или ты придем к ложным выводам, если вероятность замкнуть круг станет меньше определенной критической величины, Вечность тут же исчезнет. Тебе это понятно?

В этом Харлен был не слишком уверен. Впрочем, он не особенно старался что-либо понять. Он медленно поднялся с колен и кое-как доковылял до кресла.

— Вы думаете, что мы сможем вернуть Купера назад?..

— ...и послать его в нужное Время. Захватим его в момент выхода из капсулы, и он попадет в 24-е Столетие постаревшим на несколько биочасов, от силы на несколько биодней. Разумеется, это тоже будет вариацией, но, к счастью, незначительной. Реальность будет поколеблена, мой мальчик, но не рухнет.

— Но как мы найдем его?

— Мы знаем, что это возможно, иначе Вечность бы уже не существовала. Что касается того, как это сделать, то как раз здесь мне необходима твоя помощь; поэтому-то я так стремлюсь привлечь тебя на свою сторону. Ты ведь у нас специалист по Первобытным Временам. Ты и скажешь, что делать.

— Я не знаю, — простонал Харлен.

— Нет, знаешь, — настаивал Твиссел. Его голос снова зазвучал бодро, казалось, он даже помолодел. Глаза его загорелись восторгом битвы, и он размахивал зажженной сигаретой, как копьем. Даже Харлен, которого пережитые потрясения сделали почти бесчувственным, увидел, что Твисселем овладел азарт борьбы и он упивается этим чувством.

— Попробуем восстановить ход событий, — говорил Твиссел. — Вот пулы. Ты стоишь около него и ждешь сигнала. Пора. Ты включаешь контакт и в то же время переводишь рычаг на несколько Столетий назад. На сколько?

— Не знаю. Я же сказал вам: не знаю!

— Ты-то, может быть, и не знаешь, но твои мышцы должны помнить. Становись сюда, к пульта, и положи руку на контакт. Возьми себя в руки, мой мальчик. Иди сюда. Так. Стань вот здесь. Ты ждешь сигнала. Ты ненавидишь меня, ненавидишь Совет, ненавидишь Вечность. Твое сердце изнывает от тоски по Нойс. Перенесись снова в это мгновение. Попробуй пережить его еще раз. Теперь я пушу секундомер. Я даю тебе одну минуту, чтобы войти в роль. Потом в нулевой момент рвани правой рукой рычаг точно так же, как ты сделал это прежде. Потом убери руку. Только не возвращай рычаг назад. Приготовился?

— Не думаю, чтоб у меня получилось.

— Он не думает!.. Святое Время, да у тебя нет выбора! Или ты знаешь другой способ вернуть свою девушку?

Выбора действительно не было. Харлен заставил себя подойти к пульта, и как только он это сделал, недавние чувства снова захлестнули его. Ему не пришлось искусственно вызывать их. Они сами нахлынули на него, стоило ему только повторить знакомое движение. Красная стрелка секундомера двинулась по циферблату.

«Может быть, последняя минута жизни», — отвлеченно подумал он.

Минус тридцать секунд.

«Больно не будет. Ведь это не смерть», — мелькнула мысль.

Он решил думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука потянулась к контакту.

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Начала подниматься правая рука.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя.

Тяжело дыша, Харлен отскочил в сторону.

Твиссел стремительно бросился к прибору и нагнулся над шкалой.

— Двадцатое Столетие, — сказал он. — Точнее, девятнадцать целых тридцать восемь сотых.

— Не знаю, — сдавленным голосом выговорил Харлен. — Я старался как можно точнее воспроизвести свои ощущения, но все было немного иначе. Я знал, что я делаю, и в этом вся разница.

— Понимаю, — ответил Твиссел. — Возможно, что ты ошибся. Будем считать наш опыт первым приближением.

Он замолчал, мысленно произведя какие-то расчеты, начал было вытаскивать карманный анализатор, но передумал и засунул его обратно.

— Время с ними, с этими десятичными знаками! Примем за 99 процентов вероятность того, что ты заслал его во вторую четверть двадцатого Столетия. Ну, скажем, куда-нибудь между 19,25 и 19,50. Согласен?

— Не знаю.

— Ладно, теперь слушай меня внимательно. Я принимаю решение вести поиски только в этом отрезке Времени, исключив все остальные. Если я ошибусь, мы потеряем последнюю возможность замкнуть круг во Времени, и Вечность исчезнет. Само по себе это решение уже является Минимальным необходимым воздействием, МНВ, которого достаточно, чтобы вызвать Изменение. Теперь я принимаю решение. Я решаю твердо и бесповоротно...

Харлен осторожно огляделся вокруг, словно Реальность вдруг сделалась такой хрупкой, что могла рассыпаться от резкого поворота головы.

— Я абсолютно уверен в существовании Вечности, — сказал он.

Своим спокойствием Твиссел настолько заразил Харлена, что тот произнес эти слова твердым голосом (во всяком случае, так ему показалось).

— Значит, Вечность еще существует, — сухо и деловито сказал Твиссел, — и следовательно, мое решение верно. Здесь нам больше нечего делать. Я предлагаю перейти в мой кабинет, а сюда пустим членов подкомитета. Пусть толпятся здесь, если им этого так хочется. Им незачем что-либо знать. Они думают, что Проект благополучно завершен. Если мы потерпим неудачу, они никогда об этом не узнают. И мы тоже.

Твиссел внимательно осмотрел со всех сторон свою сигарету и начал:

— Вопрос вот в чем: что предпримет Купер, когда обнаружит, что попал не в то Столетие?

— Не знаю.

— Ясно одно: он смысленный парнишка, неглупый и с воображением. Как ты считаешь?

— Конечно, он же Маллансон.

— Вот именно. И он уже интересовался, возможна ли ошибка. Помнишь, один из его последних вопросов: а вдруг он попадет не в то Время?

— Ну и что же? — Харлен не имел ни малейшего представления, куда клонит Твиссел.

— Следовательно, внутренне он подготовлен к такой возможности. Он попытается что-то предпринять, связаться с нами, облегчить нам поиски. Помни, что часть своей жизни он был Вечным. Это очень существенно.

Твиссел выпустил колечко дыма и, подцепив его пальцем, внимательно следил за выходящими струйками.

— Для Купера нет ничего необычного в идее послать сообщение через сотни Столетий. Он вряд ли без борьбы примирится с тем, что потерялся во Времени. Он ведь знает, что мы будем искать его.

— Но без капсулы, за семь веков до создания Вечности, как он может хоть что-то сообщить нам? — спросил Харлен.

— Множественное число здесь ни к чему, Техник. Не нам, а тебе. Ты у нас специалист по Первобытной эпохе. Ты обучал Купера. Естественно, он придет к выводу, что только ты сможешь разыскать его следы.

— Какие следы?

Твиссел взглянул на Харлена, его пронизательное старческое личико лучилось морщинами.

— Мы планировали оставить Купера в Первобытной эпохе. У него нет защитной оболочки в виде Поля биовремени. Вся его жизнь вплетена в ткань Времени и останется там, пока мы с тобой не вытащим его оттуда. Точно так же вплетены в эту ткань любые предметы, знаки или сообщения, которые он мог оставить для нас. Я не сомневаюсь, что когда вы изучали 20-е Столетие, вы пользовались какими-нибудь специальными источниками. Архивные документы, пленки, справочники, предметы. Любые подлинные материалы, относящиеся к той эпохе.

— Разумеется.

— Он изучал их вместе с тобой?

— Да

— Не было ли среди этих материалов таких, которые особенно нравились тебе, о которых Купер знал бы наверняка, что ты хорошо с ними знаком и легко обнаружишь в них малейшее упоминание о нем?

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните, — сказал Харлен и задумался.

— Ну? — нетерпеливо спросил Твиссел.

— Почти наверняка это мои еженедельники. Эти журналы пользовались большой популярностью в 20-м Столетии. У меня есть почти все выпуски одного из них, начиная с первых лет 20-го века и почти до конца 22-го.

— Отлично. Как ты думаешь, каким способом Купер мог бы поместить свое сообщение в этот еженедельник? Помни, ему изве-

стно, что ты читаешь этот журнал и хорошо знаком с ним.

— Не знаю. — Харлен покачал головой. — Эти журналы отличались манерностью стиля. Их содержание было скорее выборочным, чем полным и, как правило, носило случайный характер. Трудно или даже невозможно рассчитывать на то, что они напечатает определенное сообщение и к тому же в неискаженном виде. Даже если бы Куперу удалось получить работу в редакции, а это маловероятно, нельзя поручиться, что его заметка минует многочисленных редакторов. Я не вижу такого способа, Вычислитель.

— Во имя Вечности, подумай как следует! Сосредоточься на этом еженедельнике. Представь, что ты Купер и что ты в 20-м Столетии. Ты обучал его, Харлен. Ты формировал его мышление. Так что же он предпримет? Как он заставит журнал напечатать его сообщение, напечатать в том же виде, в каком ему нужно?

Харлен широко раскрыл глаза.

— Реклама!

— Что-что?

— Реклама. Платное объявление, которое печатается в точности так, как этого хочет заказчик. Мы с Купером несколько раз говорили на эту тему.

— Ах да, да! Что-то в таком духе было в 186-м.

— Не то, что в 20-м. Это было время расцвета рекламы. Уровень культуры...

— Возвратимся к этому рекламному объявлению, — торопливо прервал его Твиссел. — Каким оно может быть?

— Хотел бы я знать...

Твиссел уставился на горящий кончик своей сигареты, словно ища в нем искорку вдохновения.

— Он не может действовать открыто. Он не может написать: Купер из 78-го Столетия заброшен в 20-е и вызывает Вечность...

— Почему вы так уверены?

— Совершенно невозможно. Подобное сообщение, опубликованное в 20-м Столетии, еще вернее разорвало бы Маллансонов круг, чем ошибочное действие с нашей стороны. Но мы еще здесь — следовательно, за всю свою жизнь в текущей Реальности 20-го Столетия Купер не сделал ни одного ложного шага.

— А кроме того, — сказал Харлен, уводя разговор в сторону от всей этой круговой казуистики, которая, казалось, совершенно не смущала Твиссела, — кроме того, ни одна редакция не согласилась бы на публикацию объявления, которое показалось бы ей безумным или бессмысленным. Они заподозрили бы розыгрыш или что-нибудь незаконное и побоялись бы связываться. Кстати, поэтому же Купер не мог написать свое объявление на Межвременном языке.

— Да, это наверняка что-нибудь хитрое, — задумчиво проговорил Твиссел. — Ему, вероятно, пришлось прибегнуть к иносказаниям. Это объявление должно казаться современникам совершенно обычным. Совершенно. И в то же время в нем должно содержаться нечто, совершенно очевидное для нас. Какая-нибудь деталь, которую мы заметим с первого взгляда, потому что искать это объявление придется среди тысяч ему подобных. Харлен, как по-твоему, они дорого стоили?

— Я думаю, очень дорого.

— А у Купера наверняка не густо с деньгами. Кроме того, оно все равно должно быть небольшим во избежание излишних подозрений. Подумай, Харлен, какой величины оно может быть?

— Полколонки, — показал руками Харлен.

— Колонки?

— Видите ли, эти журналы печатались на бумаге. Текст располагался колонками.

— Да, да. У меня книги всегда ассоциируются только с пленками... Ну вот, мы получили еще одно приближение. Нам следует искать рекламное объявление на полколонки, которое с первого взгляда покажет нам, что его поместил человек из другого, более позднего Столетия, но в котором люди 20-го века не увидели ничего подозрительного.

— А что если я не найду его? — спросил Харлен.

— Обязательно найдешь. Вечность ведь существует, не так ли? Пока она существует, мы на верном пути. Кстати, скажи мне, когда ты занимался с Купером, тебе не попадалось похожего объявления? Не было чего-нибудь хоть на секунду показавшегося тебе странным, непонятным, каким-то не таким?

— Нет.

— Мне не нужны мгновенные ответы. Подумай минут пять, потом отвечай.

— Бессмысленно. Когда я просматривал эти журналы вместе с Купером, его еще не было в 20-м веке.

— Мой мальчик, для чего у тебя голова? Послав Купера в 20-е, ты произвел воздействие. Это еще не Изменение, ведь воздействие не является необратимым. Но существуют изменения с малой буквы, микроизменения, как их называют Вычислители. В то же самое мгновение, в которое Купер был послан в 20-е, в соответствующем выпуске журнала появилось это объявление. Твоя собственная Реальность претерпела микроизменение в том смысле, что ты с большей вероятностью остановил бы свой взгляд на странице с объявлением, чем на странице без объявления. Ты понял?

И снова у Харлена голова пошла кругом от той легкости, с которой Твиссел пробирался сквозь джунгли «парадоксов» Времени. Он растерянно покачал головой.

— Не припоминаю ничего похожего.

— Ну что ж, оставим это. Где ты хранишь свою коллекцию?

— Я воспользовался особым положением Купера и устроил специальную библиотеку на Втором уровне.

— Чудесно, — ответил Твиссел. — Пошли туда. И поскорее.

Войдя в библиотеку Харлена, Твиссел долго с удивлением разглядывал старинные переплетенные тома и затем снял один из них с полки. Книги были такие старые, что непрочную бумагу пришлось пропитать специальным составом; в неловких руках Вычислителя хрупкие страницы переворачивались с легким треском.

Харлен поморщился. В другое время он велел бы Твисселу держаться подальше от полок, будь он хоть трижды Старшим Вычислителем.

Твиссел напряженно разглядывал хрустящие страницы, медленно произнося про себя устаревшие слова.

— Так это и есть тот самый английский язык, о котором столько толкуют лингвисты? — спросил он, ткнув пальцем в страницу.

— Да, английский, — пробормотал Харлен. Твиссел поставил том на полку.

— Громоздкая и неудобная штука.

Харлен пожал плечами. Конечно, в большинстве Столетий, охватываемых Вечностью, в ходу были книгофильмы; там, где технический прогресс шагнул еще дальше, применяли запись на молекулярном уровне. Но все же книги и бумага не были чем-то неслыханным.

— Печатать книги было проще и дешевле, чем изготавливать пленки, — ответил он.

Твиссел потер рукой подбородок.

— Возможно. Ну что, приступим?

Он снял с полки другой том и, открыв его на первой попавшейся странице, принялся разглядывать ее со странной пристальностью.

«Что это он делает? — подумал Харлен. — Неужели рассчитывает, что ему сразу же повезет?»

Очевидно, догадка Харлена была верной, потому что Твиссел, встретив его удивленный взгляд, смущенно покраснел и сунул книгу назад.

Харлен взял первый том, относящийся к 25-му сантистолетию 20-го века, и начал методично его перелистывать. Все его тело

застыло в напряженной сосредоточенности, двигались только глаза да правая рука, переворачивавшая страницы.

Через долгие, казавшиеся ему веками промежутки биовремени Харлен вставал и, что-то бормоча себе под нос, тянулся за новым томом. В эти коротенькие перерывы рядом с ним обычно оказывалась чашка кофе или бутерброд.

Харлен тяжело вздохнул:

— Ваше присутствие здесь бесполезно.

— Я тебе мешаю?

— Нет.

— Тогда я лучше останусь, — пробормотал Твиссел.

Он вставал, садился, снова вставал и принимался бродить по комнате, беспомощно разглядывая корешки переплетов. Искры от бесчисленных сигарет обжигали ему кончики пальцев, но он не обращал на это внимания.

Биодень подошел к концу.

Харлен спал мало и плохо. Утром в перерыве между двумя томами Твиссел, помедлив над последним глотком кофе, задумчиво проговорил:

— Порой мне кажется странным, почему я не отказался от звания Вычислителя после того, как я... ты знаешь, о чем я говорю.

Харлен кивнул.

— Мне хотелось так поступить. Долгие биомесяцы я страстно надеялся, что мне больше не придется иметь дела ни с одним Изменением. Меня тошнило от одной мысли о них. Я даже стал задумываться, имеем ли мы право совершать Изменения. Забавно, до чего могут довести человека эмоции. Ты специалист по Первобытной истории, Харлен. Ты знаешь, что она собой представляла. Реальность тогда развивалась слепо, по линии наибольшей вероятности. И если эта наибольшая вероятность означала эпидемию чумы или десять Столетий рабства, или упадок культуры, или... давай поищем что-нибудь по-настоящему скверное... или даже атомную войну, если бы только она была возможна в Первобытную эпоху, то, разрази меня Время, именно это и происходило. Люди были бессильны предотвратить катастрофу.

После возникновения Вечности все сделалось иначе. Начиная с 28-го Столетия подобные явления не происходят. Великое Время, мы подняли нашу Реальность на такой высокий уровень благоденствия, о котором в Первобытные Времена невозможно было даже мечтать. Если бы не вмешательство Вечности, человечество никогда не достигло бы этого уровня; его вероятность ничтожно мала.

«Чего он добивается? — пристыженно подумал Харлен. — Заставить меня работать еще напряженнее? Я и так делаю все, что могу».

— Если мы упустим сейчас эту возможность, — продолжал Твиссел, — то Вечность погибнет, и, вероятнее всего, безвозвратно. Одним грандиозным скачком Реальность изменится в сторону максимальной вероятности. Я совершенно уверен, что это означает атомную войну и гибель человечества.

— Я думаю, мне пора взять следующий том, — сказал Харлен.

— Как много еще осталось! — растерянно произнес Твиссел в очередной перерыв. — Нельзя ли делать это побыстрее?

— Скажите как, — огрызнулся Харлен. — Мне лично кажется, что я должен просмотреть каждую страницу от начала и до конца. Как я могу делать это быстрее?

Он продолжал методично перелистывать страницы.

— Все. Больше не могу, — сказал Харлен. — Буквы расплываются, значит, пора спать.

Второй биодень подошел к концу.

На третий биодень поисков в 10 часов 22 минуты по стандартному биовремени Харлен усталился на страницу в тихом изумлении и проговорил:

— Вот оно.

— Что? — не понял его Твиссел.

Харлен поднял голову, его лицо выражало крайнее удивление.

— Я не верил в это. Поймите, я ни на минуту по-настоящему не верил в это. Все ваши измышления насчет рекламных объявлений и журналов казались мне беспросветной чепухой.

До Твиссела наконец дошло, в чем дело.

— ТЫ НАШЕЛ ЕГО!

Он бросился к Харлену и судорожно вцепился дрожащими пальцами в толстый том.

Харлен резко вырвал у него книгу, захлопнул ее и спрятал за спину.

— Погодите. Вы не найдете его, даже если я покажу вам страницу.

— Что ты наделал? — взвизгнул Твиссел. — Ты же снова потерял его.

— Не волнуйтесь. Я знаю, где оно. Но прежде...

— Что прежде?

— Вычислитель Твиссел, нам осталось решить один небольшой вопрос. Вы сказали, что мне вернут мою девушку. Верните ее. Я хочу на нее взглянуть.

Твиссел удивленно посмотрел на Харлена, его редкие седые волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— Ты что, шутишь?

— Нет, — резко ответил Харлен. — Мне не до шуток. Вы обещали мне, что все устроите... Может быть, это вы шутили? Вы дали слово, что мы с Нойс будем вместе.

— Да, я обещал. Это решено.

— Тогда покажите мне ее живой и невредимой.

— Но я все никак не пойму тебя. У меня ведь ее нет. Никто ее не трогал. Она все еще там, в далеком будущем, в том Секторе, который Финж указал в своем донесении. Великое Время, я же сказал тебе, что она в безопасности.

Харлен глядел на старика, чувствуя, как его нервы натягиваются до предела. Он сдавленно произнес:

— Прекратите играть словами. Ладно, она в безопасности. Но мне-то что от этого? Снимите блокировку Времени в 100000-м.

— Снять что?

— Барьер. Капсула не проходит сквозь него.

— Ты мне ни слова не сказал об этом.

— Разве?

Харлен был крайне удивлен. Говорил он об этом или нет? Все эти дни ни о чем другом он не думал. Неужели он не сказал ни слова? Он пытался вспомнить и не мог. Потом он собрался с духом.

— Ладно, — сказал он. — Считайте, что я говорю вам об этом сейчас. Снимите его.

— Но ведь это невозможная вещь. Барьер, непроницаемый для капсулы? Блокировка Времени?

— Вы что, хотите сказать мне, что вы его не ставили?

— Я не ставил его, клянусь Временем!

— Тогда... тогда... — Харлен почувствовал, что он бледнеет. — Значит, это сделал Совет. Они все знали и решили принять свои меры независимо от вас. Но тогда — клянусь Временем и Реальностью! — пусть сами поищут это объявление, Купера, Маллансона и все, что останется от Вечности. Они ничего не найдут. Ничего!

— Стой, стой! — Твиссел в отчаянии схватил Харлена за локоть. — Возьми себя в руки, мой мальчик. Подумай сам. Совет не ставил барьера.

— Но он есть.

— Тем не менее они его не ставили. Его нельзя поставить. Это невозможно теоретически.

— Значит, вы знаете не всю теорию. Барьер есть.

— Я знаю больше всех членов Совета и утверждаю, что подобная вещь невозможна.

— Барьер существует!

— Но если это так...

И Харлен вдруг заметил в глазах Твиссела такой ужас, какого не было даже в тот момент, когда он впервые услышал, что Купер послан не в то Столетие и что Вечности угрожает гибель.

Глава 16. СКРЫТЫЕ СТОЛЕТИЯ

Эндрю Харлен рассеянно следил, как продвигается работа. Работники вежливо не замечали его, потому что он был Техником. В обычных обстоятельствах Харлен и сам не обращал бы на них внимания куда менее вежливо — они ведь из Обслуживающих. Но глядя на них сейчас, он вдруг поймал себя на чувстве зависти к ним.

Серо-стальная форма и черные нашивки с двойной красной стрелой выдавали их принадлежность к Отделу межвременных перевозок. С помощью сложной аппаратуры они быстро и умело проверяли двигатели капсулы и степени гиперсвободы вдоль временной протяженности Колодцев. Вероятно, их теоретические познания в темпоральной механике были невелики, зато свое дело они знали в совершенстве.

Учась в школе, Харлен почти не сталкивался с Работниками. Честно говоря, ему совсем не хотелось знакомиться с ними. В Работники направляли Учеников, не выдержавших испытания. Попасть в не-Специалисты, как их деликатно называли, значило всю жизнь носить на себе клеймо провала, и Ученики старались не обсуждать эту тему.

Но сейчас, когда Харлен наблюдал за Работниками, они казались ему спокойными, уверенными и вполне довольными жизнью. Ничего удивительного. Их было раз в десять больше, чем Специалистов, «истинных Вечных». У них было свое общество, свои жилые Секции, свои радости и удовольствия. Их рабочий день не превышал определенного числа биочасов, и никто не глядел на них косо, если в свободное время они занимались посторонними делами, не имеющими отношения к их профессии. У них было время, которого вечно не хватало Специалистам, и они могли посвящать свой досуг книгам и стереофильмам, отобранным из различных Реальностей.

Похоже, как раз их существование было более насыщенным. Полная спешки и стрессов жизнь Специалистов казалась неестественной по сравнению с простым и спокойным существованием Работников.

Работники были тем фундаментом, на котором держалась Вечность. Странно, что эта очевидная мысль ни разу прежде не приходила ему в голову. Работники ведали доставкой из Времени воды и продовольствия, уничтожали отходы, обслуживали энергетические установки. Это они обеспечивали безотказную работу сложного механизма Вечности. Если бы в один прекрасный день вымерли все Специалисты, то Работники могли бы и дальше поддерживать существование Вечности. А вот если бы исчезли Работники, то Специалистам оставалось бы только покинуть Вечность или погибнуть самым жалким образом.

Как относятся Работники к невозможности вернуться в родное Время, к запрету иметь жен и детей? Служит ли для них достаточной компенсацией избавление от нужды, болезней и Изменений Реальности? Интересуются ли хоть кто-нибудь их мнением по разным вопросам? Харлен вновь почувствовал в себе пыл социального реформаторства.

Появление Твиссела отвлекло его от этих мыслей. Они расстались полчаса назад, когда Работники приступили к осмотру капсулы. Твиссел, запыхавшись, почти бежал, и вид у него был еще более замученный, чем прежде.

«Как только он выдерживает такое напряжение? — подумал Харлен. — Он ведь старик».

Твиссел быстро, по-птичьему оглядел Работников, которые при его появлении автоматически выпрямились, приняв почтительный вид.

— Ну что с Колодцами? — спросил он.

— Все в порядке, сэр, — отрапортовал один из Работников. — Путь чист, интенсивность Поля везде нормальная.

— Вы все проверили?

— Да, сэр. Весь интервал, обслуживаемый отделом.

— Тогда идите. — Его слова прозвучали как категорический приказ немедленно удалиться. Работники, вежливо поклонившись, поспешили прочь — Твиссел и Харлен остались в Колодце вдвоем.

— Подожди меня здесь, — попросил Твиссел. — Я скоро вернусь.

Харлен отрицательно покачал головой.

— Я поеду с вами.

— Ну как ты не понимаешь! Что бы ни случилось со мной, ты знаешь, как найти Купера. Если же что-нибудь произойдет с тобой, то что смогу сделать без тебя я или любой другой Вечный, или даже все Вечные вместе?

Харлен снова упрямо покачал головой. Твиссел сунул в рот сигарету.

— Сеннор почувал неладное. За два последних биодня он несколько раз вызывал меня по видеофону. Он допытывается, почему я вдруг уединился. Если он узнает, что по моему приказу проведена полная проверка всего оборудования Колодцев... Мне надо ехать, Харлен. Сейчас же. Не задерживай меня.

— Я вас не задерживаю. Я готов.

— Ты настаиваешь на своем?

— Если барьера нет, то нет и опасности. Если же он существует... ну что ж, я уже был там и вернулся. Что вас пугает, Вычислитель?

— Я не хочу рисковать без особой нужды.

— Тогда примените вашу любимую логику. Твердо решите, что я еду вместе с вами. Если после этого Вечность не исчезнет, значит, круг еще можно замкнуть, и значит, с нами ничего не случится. Если этот шаг ложен, то Вечность погибнет, но она с одинаковым успехом погибнет и в том случае, если я не поеду, потому что, клянусь, без Нойс я и пальцем не пошевелю, чтобы отыскать Купера.

— Я сам привезу ее к тебе.

— Если это так легко и безопасно, почему бы и мне не поехать вместе с вами?

Было видно, что Твиссела раздирают сомнения. Наконец он хрипло сказал:

— Ладно, поехали!

Вечность уцелела.

Испуганное выражение в глазах Твиссела не исчезло и после того, как они вошли в капсулу. Он не сводил взгляда с мелькающих на счетчике цифр. Даже более грубый счетчик Кило столетий, установленный специально для этой поездки, и тот щелкал с минутными интервалами.

— Тебе не следовало бы ехать!

— Почему? — пожал плечами Харлен.

— Меня что-то беспокоит. Без всякой видимой причины. Назови это, если угодно, суеверием. Я себе места не нахожу. — Он сцепил руки, крепко сжав их.

— Не понимаю вас.

Твиссел напрашивался на разговор: казалось, он стремился заговорить своего демона сомнения.

— Вот послушай. Ты у нас специалист по Первобытной истории. Сколько Времени в Первобытной эпохе существовал человек?

— Десять тысяч Столетий. От силы пятнадцать.

— Так. И за это время он превратился из примитивного обезьяноподобного существа в гомо сапиенса. Верно?

— Да. Но это знают все.

— Все знают, однако никто не задумывается над тем, как велика была скорость эволюции. Всего за пятнадцать тысяч Столетий от обезьяны до человека.

— Ну и что?

— А то, что я, например, родился в 30000-м...

(Харлен невольно вздрогнул. Ни он и никто из тех, с кем ему приходилось сталкиваться, не знали, откуда Твиссел родом.)

— Я родился в 30000-м, — повторил Твиссел, — а ты в 95-м. Нас с тобой разделяет промежуток, вдвое превышающий все время существования человека в Первобытной эпохе, а чем мы отличаемся друг от друга? У моих современников на четыре зуба меньше, чем у тебя, и отсутствует аппендикс. Анатомические различия на этом кончаются. Обмен веществ у нас тот же самый. Самая большая разница заключается в том, что клетки твоего организма могут образовывать стероидные ядра, а моего — не могут, поэтому для меня необходим холестерин, а ты можешь без него обойтись. У меня был ребенок от женщины из 575-го. Вот как мало изменений внесло Время в человеческие существа.

На Харлена это рассуждение не произвело особого впечатления. Он никогда не сомневался в том, что человек в принципе одинаков во всех Столетиях. Для него это положение было аксиомой. Он сказал:

— Есть и другие существа, не изменившиеся за миллионы Столетий.

— Не так уж много. Кроме того, остается фактом, что эволюция человека прекратилась после возникновения Вечности. Что это, случайность? Подобными вопросами у нас интересуются лишь немногие, вроде Сеннора, а я никогда не был Сеннором. Я никогда не занимался беспочвенным теоретизированием. Если проблеме нельзя рассчитать с помощью Киберцентра, то Вычислитель не имеет права тратить на нее свое бивремя. И все-таки, когда я был моложе, я порой задумывался...

«Интересно, о чем? — подумал Харлен. — Что ж, тут есть, что послушать».

— Я пытался вообразить, что собой представляла Вечность вскоре после своего возникновения. Она простиралась всего на несколько Столетий между 30-ми и 40-ми и занималась в основном межвременной торговлей. Она интересовалась проблемой восстановления лесов, перемещала во Времени почву, пресную воду, химикалии. Жизнь была проста в те дни. Но затем были откры-

ты Изменения Реальности. Старший Вычислитель Генри Уодсмен с присущим ему драматизмом предотвратил войну, испортив тормоза в автомобиле одного конгрессмена. После этого центр тяжести Вечности все больше и больше смещался от торговли к Изменениям Реальности. Почему?

— Причина известна. Благоденствие человечества.

— Да, да. Обычно и я так думаю. Но сейчас я говорю о своих кошмарах. А что если существует и другая причина, невысказанная, подсознательная? Человек, имеющий возможность отправиться в бесконечно далекое будущее, может встретить там людей, настолько же обогнавших его в своем развитии, насколько он сам ушел от обезьяны. Разве не так?

— Возможно. Но люди остаются людьми...

— ...даже в 70000-м. Да, я знаю. А не связано ли это с нашими Изменениями Реальности? Мы изгнали необычное. Даже безвольные создания из века Сеннора и те постоянно находятся под угрозой, а уж они-то совершенно безобидны. А что если мы, несмотря на все наши честные и благородные намерения, остановили эволюцию человека только потому, что боялись встретиться со сверхлюдьми?

Но и эти слова не высекли искры.

— Остановили так остановили, — ответил Харлен. — Какое это имеет значение?

— Но что если сверхлюди все-таки существуют в том отдаленном будущем, которое недоступно нам? Мы контролируем Время только до 70000-го, дальше лежат Скрытые Столетия. Но почему они Скрытые? Не потому ли, что эволюционировавшее человечество не желает иметь с нами дела и не пускает нас в свое Время? Почему мы позволяем им оставаться Скрытыми? Не потому ли, что и мы не хотим иметь с ними дела и, потерпев неудачу в первый раз, отказались от всех дальнейших попыток? Я не хочу утверждать, что мы сознательно руководствуемся этими соображениями, но сознательно или подсознательно мы все-таки исходим из них.

— Пусть так, — угрюмо заявил Харлен. — Они недостижимы для нас, а мы — для них. Живи сам и давай жить другим.

Казалось, Твиссела разозлила эта фраза.

— Живи и давай жить другим? Но ведь мы-то поступаем как раз наоборот. Мы совершаем Изменения. Через какое-то число Столетий Изменения затухают из-за инерции Времени. Помнишь, Сеннор за завтраком говорил об этом эффекте, как об одной из неразрешимых загадок? Ему следовало сказать, что все это — лишь вопрос статистики. Действие одних Изменений растягивается на

большее число Столетий, действие других — на меньшее. Почему, никто не знает. Теоретически существуют Изменения, способные затронуть любое число Столетий — сто, тысячу, даже сто тысяч. Люди будущего из Скрытых Столетий могут знать об этом. Предположим, они обеспокоены возможностью, что в один прекрасный день какое-то Изменение затронет всю эту эпоху, вплоть до 200000-го.

— Но что толку сейчас волноваться из-за этого? — спросил Харлен с видом человека, которого заботят вещи куда более серьезные.

— А ты представь себе, — шепнул Твиссел, — что это беспокойство было не особенно серьезным, пока Сектора в Скрытых Столетиях оставались необитаемыми. Для них это служило доказательством, что мы не агрессивны. И вдруг кто-то нарушил перемирие и поселился где-нибудь за 70000-м. Что если они сочли это первым признаком готовящегося вторжения? Они в состоянии отгородить от нас свое Время — значит, их наука намного опередила нашу. Кто знает, может быть, они в состоянии сделать то, что кажется нам невозможным, — заблокировать Колодцы Времени, отрезать нас...

С криком ужаса Харлен вскочил на ноги.

— Они похитили Нойс?!

— Не знаю. Все это только домыслы. Может быть, никакого барьера и не было. Может быть, твоя капсула просто была неиспра...

— Барьер был! — крикнул Харлен. — Конечно, чем же еще это объяснить! Почему вы мне раньше ничего не сказали?

— Я не был уверен! — простонал Твиссел. — Я и сейчас не уверен. Мне не следовало бы вспоминать о своих дурацких фантазиях. Но все совпало... мои страхи... история с Купером... Подождем, осталось несколько минут.

Он указал на счетчик. Стрелка двигалась между 95000-м и 96000-м.

Положив руку на рычаг управления, Твиссел осторожно притормозил капсулу, 99000-е осталось позади. Стрелка грубого счетчика замерла неподвижно. На более чувствительном счетчике медленно сменялись номера отдельных Столетий. 99726. 99727. 99728...

— Что нам делать? — прошептал Харлен.

Твиссел сделал головой движение, в котором робкая надежда и призыв к терпению слились с сознанием собственного бессилия.

Харлен приготовился к удару о барьер и в полном отчаянии подумал: неужели придется спасать Вечность только для того, чтобы выиграть время для предстоящей борьбы с созданиями из Скрытых Столетий? Но как еще вернуть Нойс? Как спасти ее? Скорее назад, в 575-е, и там напрямь все силы!..

99938. 99939. 99940...

Харлен затаил дыхание. Твиссел еще сбавил скорость. Капсула еле ползла вперед. Все ее механизмы работали безукоризненно; она чутко отзывалась на каждое движение руки Вычислителя.

99984. 99985. 99986...

— Сейчас, сейчас, вот сейчас... — сам того не замечая, шептал Харлен.

99998. 99999. 100000. 100001. 100002...

Двое мужчин в замороженном молчании напряженно следили за сменой чисел на счетчике.

Твиссел первым пришел в себя.

— Никакого барьера нет! — радостно вскричал он.

— Но он был! Был! — отозвался Харлен. Потом в ужасе воскликнул: — Неужели они уже похитили ее и сняли барьер за ненадобностью?

111394-е.

С отчаянным воплем «Нойс! Нойс!» Харлен выскочил из капсулы. Гулкое эхо заметалось по пустынным коридорам и замерло вдалеке.

— Харлен, постой!.. — крикнул вслед ему Твиссел, не поспевая за своим молодым спутником.

Бесполезно! Харлен стремительно мчался сквозь безлюдные переходы к той части Сектора, где они с Нойс устроили себе какое-то подобие дома. На мгновение он подумал о возможности встречи со «сверхлюдьми», как их называл Твиссел, и почувствовал, как по коже пробегают мурашки, но стремление отыскать Нойс оказалось сильнее страха.

— НОЙС!

И вдруг мгновенно она оказалась в его объятиях; обвив его шею руками, она прижалась к нему всем телом и уткнулась щекой в плечо так, что его подбородок совершенно потонул в ее мягких черных волосах.

— Эндрю, — чуть слышно прошептала она, задышав, — где ты пропадал? Тебя все не было и не было, я уже начала бояться.

Харлен отстранил ее и залюбовался ею с жадным восхищением.

— С тобой все в порядке?

— Со мной — да. Я опасалась, не случилось ли что с тобой. Я думала...

Она вдруг осеклась, и в глазах ее мелькнул ужас.

— Эндрю!

Харлен стремительно повернулся. Но это был всего лишь Твиссел, запыхавшийся от быстрого бега.

Выражение лица Харлена, должно быть, несколько успокоило Нойс, и она спросила более ровным голосом:

— Ты его знаешь, Эндрю? Он с тобой?

— Не бойся, — ответил Харлен, — это мой начальник, Старший Вычислитель Лабан Твиссел. Он про тебя знает.

— Старший Вычислитель?! — Нойс испуганно отшатнулась.

Твиссел медленно приблизился к ней.

— Я помогу тебе, дитя мое. Я помогу вам обоим. Я дал слово Технику, но он не хочет мне верить.

— Прошу прощения, Вычислитель, — проговорил Харлен без особых признаков раскаяния.

— Прощаю, — ответил Твиссел. Нойс робко и не без колебания позволила ему взять себя за руку.

— Скажи мне, девочка, тебе хорошо здесь жилось?

— Я волновалась.

— С тех пор как Харлен оставил тебя, здесь никого не было?

— Н-нет, сэр.

— Никого? Ни одной живой души?

Нойс покачала головой. Ее темные глаза обратились к Харлену.

— А почему вы спрашиваете?

— Так, пустяки. Дурацкие страхи. Пойдем, мы отвезем тебя в 575-е.

На обратном пути Эндрю Харлен постепенно впал в глубокую задумчивость. Он даже не взглянул на счетчик, когда они миновали 100000-е и Твиссел издал громкий вздох облегчения, словно до последней минуты боялся оказаться в ловушке.

Даже рука Нойс, скользнувшая ему в ладонь, не вывела Харлена из этого состояния, и ответное пожатие его пальцев было чисто машинальным.

После того как Нойс мирно уснула в соседней комнате, нетерпение Твиссела достигло предела.

— Объявление, мой мальчик! Я сдержал слово. Тебе вернули твою возлюбленную.

Молча, все еще занятый своими мыслями, Харлен раскрыл лежащий на столе том и нашел нужную страницу.

— Все очень просто. Я сначала прочту вам это объявление по-английски, а потом переведу.

Объявление занимало верхний левый угол 30-й страницы. На фоне рисунка, сделанного тонкими штриховыми линиями, было напечатано крупными черными буквами несколько слов:

АКЦИИ
ТОРГОВЛЯ
ОБМЕН
МОЖНО ОПТОМ

Внизу мелкими буквами было написано: «Фирма “Новости рынка”. Почтовый ящик 14, Денвер, Колорадо».

Твиссел, напряженно слушавший перевод, разочарованно спросил:

— Что такое акции? Что они хотели этим сказать?

— Это такие ценные бумаги, — нетерпеливо пояснил Харлен, — способ привлечения капитала. Дело не в этом. Разве вы не видите, на фоне какого рисунка напечатано это объявление?

— Вижу. Грибовидное облако взрыва атомной бомбы. Попытка привлечь внимание. Ну и что?

— Великое Время! — взорвался Харлен. — Что с вами стряслось, Вычислитель? Взгляните на дату выхода номера.

Он указал на маленькую строчку в самом верху страницы: «28 марта 1932 года».

— Едва ли это нуждается в переводе. Цифры выглядят почти так же, как и в Межвременном, и вы без моей помощи прочтете, что это 19,32. Неужели вы не знаете, что в то Время ни одно живое существо еще не видело грибовидного облака? Никто не смог бы нарисовать его так точно, кроме...

— Постой, постой. Ведь здесь всего несколько тонких линий, — сказал Твиссел, стараясь сохранить спокойствие. — Может быть, это просто случайное совпадение?

— Случайное совпадение? Тогда взгляните на первые буквы строк: Акции-Торговля-Обмен-Можно оптом. Составьте их вместе, и вы получите слово АТОМ. По-вашему, это тоже случайное совпадение? Разве вы не видите, Вычислитель, что это объявление удовлетворяет всем вами же выработанным условиям? Оно сразу бросилось мне в глаза, Купер знал, что я не пропущу подобный анахронизм. И в то же время для человека из 19,32-го в нем нет никакого скрытого смысла. Значит, это Купер. Это и есть его послание нам. Мы знаем его положение во Времени с точностью до одной недели. У нас есть его почтовый адрес. Остается отправиться

за ним. Во всей Вечности только один человек достаточно хорошо знает Первобыггную эпоху, чтобы отыскать там Купера, — это я.

— И ты согласен ехать? — На лице Твиссела отразилось облегчение.

— Согласен при одном условии.

— Снова условия? — Твиссел сердито нахмурился.

— Условие все то же: безопасность Нойс. Я не выдвигаю никаких новых требований. Она поедет со мной. Здесь я ее не оставлю.

— Ты все еще мне не доверяешь? Разве я хоть в чем-нибудь обманул тебя? Что беспокоит тебя?

— Только одно, Вычислитель, — мрачно ответил Харлен, — только одно. В 100000-м был поставлен барьер. С какой целью? Вот что меня по-прежнему беспокоит.

Глава 17. КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Эта мысль его не просто беспокоила. Она прямо-таки грызла его в дни приготовления к отъезду. Сначала между ним и Твисселом, а позже между ним и Нойс встала стена отчуждения. Настал день отъезда, но и это не вывело Харлена из состояния мрачной задумчивости.

Когда Твиссел вернулся и заговорил с ним о заседании подкомитета, Харлен с трудом поддерживал разговор.

— Как все прошло? — спросил он.

— Сказать по правде, это был не самый приятный разговор в моей жизни, — устало ответил Твиссел.

Харлен готов был удовольствоваться этим ответом, но чтобы заполнить паузу, пробормотал:

— Надеюсь, вы им не рассказали о...

— Не бойся, — последовал раздраженный ответ. — Я не сказал им ни о девушке, ни о твоей роли в путанице с Купером. Я заявил, что всему виной неполадки в механизмах, несчастливая случайность. Взял всю вину на себя.

Как ни тяжело приходилось Харлену, он почувствовал утраченную совесть.

— Эта история скверно отразится на вас.

— Что они мне сделают? Им приходится ждать, пока ошибка будет исправлена. До этого они не тронут меня. Если мы потерпим провал, наказывать будет некого и некому. А если добьемся успеха, это, возможно, защитит меня. К тому же, — Твиссел пожал плечами, — я все равно собираюсь по завершении этой истории отойти от дел.

Не докурив сигарету даже до половины, он погасил ее и бросил в пепельницу.

— Я бы охотно не посвящал их в это дело, но не было никакой другой возможности получить разрешение на использование специальной капсулы для новых поездок за нижнюю границу Вечности, — со вздохом закончил он.

Харлен отвернулся. Его мысли снова вернулись на путь, которым с нарастающей скоростью следовали последние несколько дней. Он смутно слышал, как Твиссел что-то сказал, но Вычислителю пришлось несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем Харлен, вздрогнув, пришел в себя.

— Простите?

— Я спрашиваю: твоя девушка готова? Понимает ли она, что ей предстоит?

— Да, конечно. Я все ей объяснил.

— Ну и как она к этому отнеслась?

— Что? А, да, да... Гм... Так, как я и рассчитывал. Она не испугалась.

— Осталось меньше трех биочасов.

— Знаю.

На этом разговор оборвался, и Харлен снова остался наедине со своими мыслями и давящим сознанием того, что ему предстоит сделать.

Когда с загрузкой капсулы и отладкой управления было покончено, появились Харлен и Нойс. Они были одеты так, как одевались в сельской местности в начале 20-го века.

Нойс не во всем послушалась рекомендаций Харлена относительно ее костюма, ссылаясь на свое женское чутье в вопросах одежды и эстетики. Она тщательно подбирала детали своего одеяния по рекламным картинкам в соответствующих томах еженедельника и внимательно разглядывала вещи, доставленные из десятка различных Столетий.

Несколько раз она обращалась к Харлену за советом. Он пожимал плечами.

— Когда говорит женское чутье, мне лучше молчать.

— Слишком уж ты покладист, Эндрю, — сказала она с веселостью, которая выглядела наигранной. — Это плохой знак. Что с тобой? Ты на себя не похож. Это длится уже несколько дней.

— Все в порядке, — уныло отвечал Харлен.

Увидев их в роли аборигенов 20-го Столетия, Твиссел натянуто рассмеялся.

— Святое Время! Что за уродливые костюмы носили эти Первобытные люди. И все-таки даже этот отвратительный наряд не в силах скрыть вашу красоту, моя милая, — обратился он к Нойс.

Нойс одарила его приветливой улыбкой, и Харлен, стоявший рядом с ней в мрачном молчании, был вынужден признать, что в старомодном комплименте Твиссела есть доля истины. Платье Нойс скрывало красоту ее тела; косметика сводилась к нескольким невыразительным мазкам краски на губах и щеках, брови были уродливо выщипаны. Ее прелестные волосы, что хуже всего, пришлось безжалостно остричь. И все же она была прекрасна.

Сам Харлен уже освоился с тем, что ему давит пояс и жмет под мышками, смирился с мышиною серостью своей одежды из грубой ткани. Ему не раз приходилось носить странные костюмы чужих Столетий.

— Мне бы очень хотелось установить в капсуле ручное управление, как мы собирались, — обратился Твиссел к Харлену, — но, оказывается, это невозможно. Инженерам необходим для этого достаточно мощный источник энергии, а таких источников вне Вечности нигде нет. Мы забрасываем вас в Первобытную эпоху, изменяя локальную напряженность Темпорального поля. Но нам все же удалось установить рычаг возврата.

Он провел их в капсулу, пробираясь между кипами снаряжения, и указал на маленький рычажок, торчащий в гладкой внутренней стенке.

— Он действует как простой выключатель. Вместо того чтобы сразу же автоматически возвратиться в Вечность, капсула останется в Первобытном Времени. Как только вы захотите вернуться, поверните этот рычаг. Затем еще несколько минут, и последняя поездка...

— Как, еще одна поездка? — вырвалось у Нойс. Харлен повернулся к ней.

— Я не успел тебе объяснить. Видишь ли, цель нашей экспедиции — точно установить момент появления Купера в 20-м. Мы не знаем, сколько времени прошло между его прибытием и публикацией объявления. Мы напишем ему по указанному в объявлении почтовому адресу и постараемся узнать время его прибытия с точностью до минуты. Затем прибавим к этому моменту те пятнадцать минут, которые капсула оставалась в Первобытном...

— Понимаете, мы не можем послать капсулу в одно и то же место и Время в два различных момента биовремени, — вмешался Твиссел. Он сделал попытку улыбнуться Нойс.

Казалось, Нойс усвоила это объяснение.

— Понимаю, — не слишком уверенно сказала она.

Твиссел продолжал, обращаясь к ней:

— Перехватив Купера в момент его прибытия, мы устраним все микроизменения. Объявление с грибовидным облаком исчезнет, а сам Купер будет знать только то, что капсула исчезла, как ей и полагалось, и вдруг неожиданно появилась снова. Он так и не узнает, что побывал не в том Столетии, и мы не скажем ему об этом. Ему объяснят, что в его инструкции оказался упущенным какой-то очень важный пункт (это мы еще придумаем), а дальше нам остается только надеяться, что он не придаст этому событию особого значения и не упомянет в своем мемуаре о том, что его посылали в прошлое дважды.

Нойс подняла выщипанные брови:

— Все это слишком сложно.

— Да, к сожалению.

Твиссел потер руки и посмотрел на них так, словно его мучили внутренние сомнения. Затем он выпрямился, закурил новую сигарету и даже умудрился придать голосу некоторую беззаботность:

— Ну что ж, счастливого пути, мой мальчик!

Он торопливо пожал руку Харлену, кивнул Нойс и вышел из капсулы.

— Мы уже отправляемся? — спросила Нойс, когда они остались вдвоем.

— Через несколько минут, — ответил Харлен, искоса поглядывая на Нойс. Она глядела ему прямо в глаза и бесстрашно улыбалась. Ему захотелось улыбнуться в ответ, но он одернул себя. Это были эмоции, а не разум. Он отвернулся.

В путешествии не было ничего или почти ничего особенного; оно ничем не отличалось от обычной поездки в капсуле. На какое-то мгновение они ощутили внутренний толчок, вероятно, соответствовавший переходу через нижнюю границу Вечности. Впрочем, этот толчок был едва заметен и мог быть просто плодом воображения.

Когда капсула остановилась в Первобытном Времени, они вышли из нее в скалистый пустынный мир, освещенный яркими лучами заходящего солнца. Дул легкий, чуть холодноватый ветерок, и над всем нависала тишина.

Вокруг них громоздились могучие скалы, расцвеченные во все цвета радуги окислами железа, меди и хрома. Великолепие этой безлюдной и почти безжизненной местности подавило и ошеломило Харлена. Вечность не принадлежала к материальному миру; в ней не было солнца, и даже воздух был привозным. Воспоминания детства давно потускнели. А в своих Наблюдениях он

имел дело только с людьми и их городами. Такого он не видел никогда.

Нойс тронула его за рукав.

— Эндрю, я замерзла.

Вздвогнув, он повернулся к ней.

— Эндрю, — повторила она, — мне холодно. Может быть, установим инфралампу?

— Хорошо. В пещере Купера.

— А ты знаешь, где она?

— Где-то здесь, — последовал лаконичный ответ.

Харлен был уверен в этом. Местоположение пещеры было точно указано в мемуаре, и вначале Купер, а затем и они были посланы в это самое место.

Правда, еще на школьной скамье у Харлена зародились сомнения в возможности в любой момент Времени точно попасть в любой пункт на поверхности Земли. Ему вспомнилось, как он однажды поспорил с Наставником Ярроу.

— Ведь Земля вращается вокруг Солнца, — говорил Харлен, — а Солнце движется относительно центра Галактики, и сама Галактика тоже находится в движении. Если переместиться с какого-то места на Земле на сто лет назад, то мы окажемся в пустоте, потому что Земле потребуется целых сто лет, чтобы достичь этой точки пространства. (В те дни он еще говорил «сто лет» вместо «Столетия».)

— Нельзя разделять Время и Пространство, — ответил на его возражение Ярроу. — Двигаясь назад во Времени, ты следуешь движению Земли. Или ты думаешь, что птица, поднявшись в воздух, вдруг окажется в пустоте, потому что Земля вращается вокруг Солнца и улетает от птицы со скоростью тридцать километров в секунду?

Аналогия была довольно рискованной, но позднее Харлен познакомился и с более вескими доказательствами. Поэтому сейчас, после беспрецедентного путешествия в Первобытный мир, он уверенно сделал несколько шагов и не испытал ни малейшего удивления, обнаружив вход в пещеру именно там, где было указано инструкцией.

Раскидав груды камней и гальки, укрывавших вход, он вошел внутрь. Белый луч его фонарика рассекал темноту, словно скальпель. Дюйм за дюймом он тщательно осматривал пол, стены и потолок пещеры. Нойс, не отходявшая от него ни на шаг, спросила шепотом:

— Что ты ищешь?

— Сам не знаю. Что уютно, — ответил он.

Это «что угодно» нашлось в самом конце пещеры в виде пачки зеленых бумажек, придавленных плоским камнем. Отбросив камень, Харлен провел пальцем по краю пачки.

— Что это такое? — спросила Нойс.

— Банкноты. Средство обмена. Деньги.

— Ты знал, что они здесь?

— Я ничего не знал. Просто надеялся.

Это снова была перевернутая логика Твиссела, выводение причины из следствия. Вечность существует — следовательно, Купер должен был прийти к правильному решению. Если он рассчитывал, что объявление приведет Харлена в соответствующее Время, то естественно было воспользоваться пещерой в качестве дополнительного средства связи.

Дела обстояли даже лучше, чем Харлен смел надеяться. Много раз во время подготовки к путешествию он опасался, что его появление в городе со слитками золота, но без гроша в кармане вызовет подозрения и может задержать его.

Конечно, Купер справился с этим, но Купер мог не спешить. Харлен полистал пачку. Чтобы накопить столько, нужно немало времени. Этот юнец устроился совсем неплохо!

Еще немного, и круг замкнется!

В красноватых лучах закатного солнца они разгрузили капсулу и перенесли припасы в пещеру. Сама капсула была накрыта отражающей диффузной пленкой, надежно скрывавшей ее от любопытных глаз, но на крайний случай Харлен был вооружен бластером. Они установили инфралампу и воткнули в расщелину фонарик, обеспечив себя теплом и светом.

Снаружи была холодная мартовская ночь.

Нойс задумчиво глядела на медленно вращающийся параболический отражатель инфралампы.

— Каковы твои планы, Эндрю?

— Завтра утром я отправлюсь в ближайший город. Я знаю, где он находится... то есть где он должен находиться.

«Раз должен, значит, и есть. Все будет в порядке, — подумал он. — Опять эта логика Твиссела».

— Я тоже пойду с тобой, да?

— Нет, — покачал головой Харлен. — Ты не знаешь языка, а мне и без тебя хватит забот.

Нойс с ее остриженными волосами выглядела как настоящая Первобытная, и неожиданный гнев в ее глазах заставил Харлена смущенно отвернуться.

— Я не дурочка, Эндрю. Ты почти не разговариваешь со мной, даже не глядишь в мою сторону. В чем дело? Может быть, мораль

твоего века снова взяла над тобой верх? Или ты думаешь, что чуть не погубил Вечность, и винишь в этом меня? Уж не думаешь ли ты, что я тебя совратила? В чем дело?

— Ты даже не представляешь, что я думаю, — ответил он.

— Так расскажи мне. Нам надо поговорить сейчас. Кто знает, будет ли у нас потом такая возможность. Ты все еще любишь меня, Эндрю? А если любишь, то почему относишься ко мне как к врагу? Зачем ты вообще взял меня с собой? Объясни мне. Почему бы тебе было не оставить меня в Вечности, если я не нужна тебе, если тебе противно даже смотреть на меня?

— Есть одна опасность, — пробормотал Харлен.

— Неужели?

— Больше, чем опасность. Кошмар. Кошмар Вычислителя Твиссела. Когда мы в панике мчались к тебе сквозь Скрытые Столетия, он рассказал мне, что он думает по поводу этих Столетий. Он боится, что в отдаленном будущем скрывается от нас эволюционировавшая ветвь человечества, неведомые существа, может быть, сверхлюди, оградившие себя от нашего вмешательства и замышляющие положить конец нашему вмешательству в Реальность. Он считал, что это они установили барьер в 100000-м. Затем мы нашли тебя, и Вычислитель Твиссел забыл о своем кошмаре. Он пришел к выводу, что барьер мне просто почудился, и вернулся к более насущной проблеме спасения Вечности. Но он заразил меня своими страхами. Я-то знал, что барьер был. Никто из Вечных не мог поставить его, потому что, по словам Твиссела, подобная штука теоретически немыслима! Впрочем, возможно, наука Вечных недостаточно развита. Но барьер был. И кто-то поставил его.

— Разумеется, — продолжал он задумчиво, — кое в чем Твиссел заблуждается. Ему кажется, что человек должен эволюционировать, но это не так. Палеонтология не принадлежит к числу наук, популярных в Вечности, но она успешно развивалась в конце Первобытной эпохи, так что я в ней кое-что смыслю. И вот что мне известно: живые существа эволюционируют только под влиянием изменений в окружающей среде. Если окружение стабильно, то и эти существа остаются неизменными в течение миллионов Столетий. Первобытный человек эволюционировал очень быстро, потому что окружающая его среда была суровой и постоянно менялась. Но как только человек научился по собственному желанию изменять свою среду, он, естественно, перестал эволюционировать.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала Нойс, ни капли не смягчившись, — поняла только то, что ты ни слова не сказал о нас с тобой, а это единственная тема, которая меня сейчас интересует.

Харлен постарался остаться внешне спокойным. Он продолжал:

— Так вот, зачем был нужен этот барьер на 100000-м? Какова его цель? С тобой ничего не случилось. Что все это значило? И тогда я задал себе вопрос: что произошло из-за того, что барьер был поставлен, или иначе, чего бы не произошло, если бы он отсутствовал?

Он помолчал, глядя на свои тяжелые, неуклюжие ботинки из натуральной кожи. Ему давно хотелось скинуть их, но теперь...

— На этот вопрос возможен только один ответ. Наличие барьера заставило меня в ярости броситься назад, за болеизлучателем, чтобы вырвать с его помощью признание у Финжа. А затем я решил рискнуть Вечностью, чтобы спасти тебя, и чуть было не погубил Вечность при мысли, что навсегда тебя потерял. Понимаешь?

Нойс смотрела на него со смешанным выражением недоверия и ужаса.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди будущего заставили тебя совершить все эти действия? Что они рассчитывали именно на такую реакцию с твоей стороны?

— Да. И не смотри так на меня. Да! Разве ты не понимаешь, что это все меняет. Пока я действую по своей воле, я беру на себя все последствия, материальные и духовные. Но знать, что меня одурачили, что кто-то управляет и манипулирует моими чувствами, словно я Киберцентр, в который достаточно вложить нужную перфокарту...

Харлен вдруг понял, что он кричит, и замолк на полуслове. Переждав несколько секунд, он продолжал:

— Это нельзя дальше терпеть. Я должен исправить все, что меня заставили натворить. Только тогда я смогу обрести покой.

Что ж, может быть, он и обретет его тогда... Несмотря на ожидающую его впереди личную трагедию, он мог чувствовать подступающий восторг от сознания общего триумфа. Круг замыкается!

Рука Нойс неуверенно потянулась вперед, пытаясь дотронуться до его чужой, враждебной руки. Он отодвинулся, не дав ей такой возможности.

— Все было подстроено. Моя встреча с тобой. Все, что случилось потом. Они проанализировали мой характер. Это же ясно. Действие и реакция. Нажмите на эту кнопку — и человек сделает то. Нажмите на другую — он сделает это.

Чувство стыда мешало Харлену говорить, и он помотал головой, пытаясь отряхнуть с себя кошмар, как мокрая собака отряхивает воду.

— Одного только я не понимал вначале: как я догадался, что Купера должны послать в Первобытную эпоху. Самая невероятная догадка на свете. У меня не было для нее никаких оснований. Твиссел никак не мог понять этого. Он не раз удивлялся, как это я, при моем слабом знании математики, умудрился прийти к правильному выводу. Но я все-таки догадался. Это случилось в ту самую ночь. Ты спала, а я никак не мог уснуть. У меня было странное ощущение, точно мне обязательно надо что-то вспомнить, какие-то слова, какую-то мысль, которая чуть не пропала в возбуждении того вечера. Я думал и думал, пока вдруг не понял значения всего, что было связано с Купером, и одновременно в моей голове мелькнула мысль, что я в состоянии уничтожить Вечность. Позже я изучал историю математики, но в этом уже не было особой необходимости. Я уже все знал. Даже был в этом уверен. Как? Почему?

Нойс внимательно смотрела на него. Она больше не делала попыток взять его за руку.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди из Скрытых Столетий подстроили и это? Что они вложили в твой мозг эти мысли и управляли тобой?

— Да, да! Именно это они и делали. Но они должны сделать еще кое-что. Круг замыкается, но он еще не замкнут.

— Но как они могут сделать что-нибудь сейчас? Ведь их нет здесь?

— Нет? — он произнес это так глухо, что Нойс побледнела.

— Невидимые сверхсущества? — прошептала она.

— Нет, не сверхсущества. И не невидимые. Я уже объяснил тебе, что, научившись контролировать окружающую среду, человек перестал эволюционировать. Человек Скрытых Столетий — это гомо сапиенс. Самый обычный человек.

— Тогда их наверняка нет здесь.

— Здесь есть ты, Нойс, — печально сказал Харлен.

— Да. И ты. И больше никого.

— Ты и я, — согласился Харлен, — и никого больше. Женщина из Скрытых Столетий и я... Хватит играть, Нойс. Прощу тебя.

Она в ужасе посмотрела на него.

— Что ты говоришь, Эндрю?

— То, что я должен сказать. Что ты мне нашептывала в тот вечер, когда опоила меня мятным напитком? Ты ведь говорила со мной. Так ласково... так нежно... Я ничего не слышал тогда, но подсознательно я все запомнил. О чем ты мне так нежно шептала? О Купере, которого посылают в прошлое? О Самсоне, разрушающем храм Вечности? Не правда ли?

— Я даже не знаю, кто такой этот Самсон, — сказала Нойс.

— Тебе нетрудно догадаться об этом. Скажи мне, когда ты впервые появилась в 482-м? Чье место ты заняла? Или ты просто... втиснулась в Столетие? Специалист из 2456-го рассчитал по моей просьбе твою Судьбу. В новой Реальности ты не существовала. У тебя не было Аналога. Странно для такого незначительного Изменения, но все же возможно. А потом Планировщик сказал мне одну вещь, и я услышал ее, но не понял. Удивительно, что я вообще запомнил эти слова. Может быть, они уже тогда отозвались где-то в моем мозгу, но я был слишком переполнен тобой.

Вот что он сказал: при заданной вами комбинации фактов я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей Реальности. Он был прав. Ты и не существовала в ней. Ты была пришельцем из далекого будущего и играла мной и Финжем в своих собственных целях.

— Эндрю...

— Все сходится. Если бы я не был таким слепым! Книга в твоей библиотеке называлась «Социальная и экономическая история». Это сразу удивило меня. Но ведь она была тебе необходима, не правда ли, чтобы лучше узнать Столетие. И еще одно. Помнишь нашу поездку в Скрытые Столетия? Ведь это ты остановила капсулу в 111394-м. Ты остановила ее аккуратно, без заминки. Где ты научилась управлять капсулой? Ведь это вроде бы было твое первое путешествие во Времени. Кстати, почему именно в 111394-м? Это что, твое родное Столетие?

— Зачем ты взял меня с собой? — тихо спросила она.

— Чтобы спасти Вечность! — неожиданно заорал Харлен. — Я не знаю, что ты могла бы там натворить. Но здесь ты беспомощна, потому что я знаю все. Признавайся, что все это правда! Признавайся!

В пароксизме гнева он вскочил и замахнулся на нее. Нойс даже не шелохнулась. Лицо ее было совершенно спокойно. Она казалась прекрасной статуей, отлитой из теплого прозрачного воска. Рука Харлена застыла в воздухе.

— Признавайся! — повторил он.

— Неужели после всех этих рассуждений ты все еще сомневаешься? — спросила она. — Какая теперь разница, признаюсь я или нет?

Харлен почувствовал, как в нем снова поднимается волна бешенства.

— Признайся, чтобы мне потом не чувствовать раскаяния.

— Раскаяния?

— Нойс, у меня с собой бластер, и я собираюсь убить тебя.

Глава 18. НАЧАЛО БЕСКОНЕЧНОСТИ

Харлена не оставляла гнетущая неуверенность, нерешительность, которая отнимала у него веру в собственную правоту. Но в руке он держал бластер, дуло которого было направлено на Нойс.

Почему она не отвечает? Что скрывается за ее напускной невозмутимостью?

Разве может он убить ее?

Разве можно ее не убивать?

— Ну? — спросил он хрипло.

Она уселась поудобнее, сложив руки на коленях, и казалась почти спокойной. Когда она наконец заговорила, голос ее показался ему нечеловеческим. Под дулом бластера она излучала убежденность и таинственную, почти мистическую силу.

— Ты хочешь убить меня, но совсем не потому, что стремишься спасти Вечность. Если бы твоей целью было именно это, ты мог бы связать мне руки и ноги, заткнуть кляпом рот и, оставив меня в пещере, спокойно отправиться в путь на рассвете. Или же попросить Вычислителя Твиссела продержать меня взаперти до твоего возвращения. Или взять меня с собой и бросить в пустыне. Но нет, тебя устраивает только моя смерть. И знаешь почему? Потому что ты думаешь, что я обманула тебя, сперва завлекла в любовные сети и потом толкнула на измену Вечности. Это месть оскорбленного самолюбия, а не то справедливое возмездие, о котором ты говоришь.

Харлен посжился.

— Но ведь ты из Скрытых Столетий? Скажи мне.

— Да, — ответила Нойс. — Что же ты не стреляешь?

Палец Харлена задрожал на пусковой кнопке бластера. Но он по-прежнему колебался. Какая-то иррациональная его часть все еще пыталась оправдать ее, цепляясь за хрупкие остатки любви. Может быть, ее просто довели до отчаяния его подозрения? Может, она намеренно наговаривает на себя, играя со смертью? Может, она утешается глупым героизмом, отчаявшись удержать его любовь?

Нет!

Так могла вести себя героиня книгофильма, написанного в слащавых традициях 289-го, но не Нойс. Она была не из тех, кто умирает, словно чахлая надломленная лилия, на руках вероломного любовника.

Но почему она сомневается в его решимости убить ее? Уж не потому ли, что она уверена в силе своих чар, уверена, что его лю-

бовь к ней свяжет его по рукам и ногам, превратит в покорного исполнителя ее воли?

Этот удар попал в цель. Палец, перестав дрожать, твердо лег на спусковую кнопку.

— Ты медлишь, — вновь заговорила Нойс. — Может быть, ждешь, что я буду оправдываться?

— А у тебя есть оправдания? — Харлен пытался произнести это язвительным тоном, но в глубине души был рад отсрочке. Она отдаляла то мгновение, когда ему придется смотреть на кровавые ошметки, которые останутся от его прекрасной Нойс, и думать о том, что он сделал это собственными руками.

Он нашел оправдание отсрочке, подумав: «Пусть говорит. Чем больше она расскажет о Скрытых Столетиях, тем безопаснее для Вечности».

Эта мысль возвысила его в собственных глазах, придав нерешительности видимость твердой политики. На какое-то время он смог смотреть на нее с тем же спокойствием, с каким смотрела на него она.

— Тебя интересуют Скрытые Столетия? — продолжала Нойс, словно прочитав его мысли. — Если так, то мне будет нетрудно оправдаться. Не хочешь ли ты, например, узнать, почему человечество исчезло с лица Земли после 150000-го Столетия?

Харлен не собирався ни спрашивать, ни покупать сведения. У него был бластер, и он твердо решил не выказывать никаких признаков слабости.

— Говори! — отрывисто приказал он и покраснел, увидев в ответ ее насмешливую улыбку.

— Мы узнали о существовании Вечности прежде, чем она достигла отдаленных Столетий, прежде, чем она успела добраться хотя бы до 10000-го. Кстати, ты был прав, я действительно из 111394-го. Мы тоже умеем путешествовать во Времени, но делаем это на совершенно других этических основаниях. Вместо того чтобы перемещать во Времени материальные объекты, мы просто наблюдаем. При этом мы имеем дело только с прошлым. Впервые о возникновении Вечности мы узнали косвенным путем. Мы рассчитали вероятность существования своей Реальности, и нас поразило, что эта вероятность ничтожно мала. Это был очень серьезный вопрос. Как возникла такая практически невозможная Реальность? Но ты не слушаешь меня, Эндрю. Неужели тебе это совсем неинтересно?

Она произнесла его имя с той же интимной нежностью, как и прежде. Казалось, теперь такая циничная фальшь должна была оскорбить его, вызвать гнев, но почему-то этого не случилось.

— Продолжай, женщина, и не тяни время, — сказал он, собирая все свое мужество. Он попытался уравновесить теплоту, прозвучавшую в ее «Эндрю», холодным гневом, вложенным в слово «женщина», и снова единственным ответом была ее легкая улыбка.

— Мы начали поиски в прошлом, — продолжала она, — и наткнулись на непрерывно растущую Вечность. И тогда мы поняли, что в какой-то предыдущий отрезок биовремени — у нас тоже есть это понятие, только под другим именем — наша Реальность была совсем другой. Эту Реальность с максимальной вероятностью существования мы называли Основным Состоянием. Нам было ясно, что когда-то мы или, вернее, наши Аналоги жили в этом Основном Состоянии. В то время мы ничего не знали о природе этого Состояния. На этот счет не было даже догадок.

Однако мы знали, что одно из Изменений, совершенных некогда Вечностью, вызвало отклонения в Основном Состоянии, эффект которых распространился вплоть до нашего Столетия и еще дальше. Мы решили выяснить, что представляет собой Основное Состояние, и восстановить его в истинном виде, если это возможно. Прежде всего мы установили карантинную зону, которую вы называете Скрытыми Столетиями, изолировав наше Время от Вечности начиная с 70000-го Столетия. Эта изоляция должна была защитить нас от дальнейших Изменений. Она не давала абсолютной безопасности, но позволяла выиграть время.

Затем мы совершили поступок, находящийся в вопиющем противоречии со всей нашей этикой и культурой. Мы исследовали свое будущее. Нам было необходимо узнать судьбу человечества в существующей Реальности, чтобы иметь возможность сравнить ее с Основным Состоянием. Оказалось, что где-то около 125000-го человечество раскрыло секрет полета к звездам. Люди научились совершать прыжки через гиперпространство. Наконец-то человек смог достичь звезд.

Харлен слушал ее тщательно отмеренные слова со все возрастающим вниманием. Что в ее повествовании соответствовало истине? Что было лишь расчетливой попыткой обмануть его? Пытаясь избавиться от гипнотического очарования ее голоса, он сказал:

— Когда люди достигли звезд, они покинули Землю. Наши ученые предполагали это.

— В таком случае, ваши ученые ошибались. Человек пытался покинуть Землю. К несчастью, мы не единственные разумные обитатели Галактики. У многих звезд есть свои планеты. На некоторых из них возникли цивилизации. Правда, ни одна из них, во всяком случае, в нашей Галактике, не может по древности сравниться с человеческой, но пока люди в течение двенадцати с половиной мил-

лионов лет оставались на Земле, более молодые цивилизации обогнали нас, стали совершать межзвездные путешествия и покорили Галактику.

Когда человек достиг звезд, повсюду уже были знаки: *Занято! Не нарушать границ! Очистить территорию!* Люди отозвали свои исследовательские отряды и остались на Земле. Но теперь они видели Землю такой, какой она была: тюрьмой, окруженной безграничным океаном свободы... И человечество вымерло.

— Просто так взяло и вымерло? Что за нелепица!

— Не просто так. Это заняло тысячи Столетий. Были взлеты и падения, но все обесценивали утрата цели, чувство тщетности и безнадежности, которое невозможно было преодолеть. Под конец еще одно, последнее падение уровня рождаемости — и все кончилось. Это сделала ваша Вечность.

Теперь Харлену предстояло защищать Вечность — тем настойчивее, чем яростнее он сам недавно нападал на нее.

— Пустите нас в Скрытые Столетия, — прервал ее Харлен, — и мы все исправим. Смогли же мы в освоенных нами Столетиях добиться наивысшего блага...

— Наивысшего блага? — переспросила Нойс отчужденным тоном, который делал фразу насмешливой. — А что это такое? То, что говорят ваши счетные машины, ваши Анализаторы, ваши Киберцентры? Но кто настраивает машины? Кто вкладывает в них программу? Кто указывает им, что следует брать в расчет? Машины не умнее людей, они только быстрее решают проблемы. Только быстрее! А что является благом с точки зрения Вечности? Я отвечаю тебе. Безопасность и еще раз безопасность. Осторожность! Умеренность! Ничего сверх меры. Никакого риска без стопроцентной уверенности в успехе.

Харлен промолчал. С неожиданной яркостью ему припомнился недавний разговор с Твисселом о людях из Скрытых Столетий. «Мы изгнали все необычное», — сказал тогда Твиссел.

И разве это не так?

— Кажется, ты задумался, — снова заговорила Нойс. — Подумай тогда вот о чем: почему в существующей Реальности человек то и дело предпринимает попытки космических путешествий, хотя неизменно терпит неудачу? Каждое космическое Столетие должно знать о провалах в прошлом. Зачем тогда пробовать еще раз?

— Я не изучал этот вопрос специально, — неуверенно пробормотал Харлен. Он вспомнил вдруг о колониях, которые чуть ли не в каждом тысячелетии создавались на Марсе, и всегда неудачно. Он подумал о той странной притягательной силе, с которой идея

космических полетов действовала даже на Вечных. О том, как Социолог Кантор Вой из 2456-го со вздохом сказал после уничтожения электрогравитационных космолетов: «Они были так прекрасны!». О том, с какой горечью воспринял это известие Планировщик Нерон Фарук, и как он в попытке отвести душу принялся поносить Вечность за торговлю противораковой сывороткой.

Не обладают ли разумные существа инстинктивным стремлением расширить границы познания, достигнуть звезд, разорвать цепи тяготения? Не это ли подсознательное стремление побуждало человека десятки раз заново создавать космические корабли, чтобы вновь и вновь путешествовать к мертвым мирам Солнечной системы, в которой только Земля пригодна для жизни? И только ли случайностью был тот факт, что большинство Изменений уничтожало космические корабли, а люди вновь и вновь создавали их?

— По иронии судьбы, — продолжала Нойс, — оберегая человечество от несчастий Реальности, Вечность тем самым лишает его всех триумфов. Только преодолев величайшие испытания, человечество может успешно подняться к недостижимым вершинам. Из опасности и неуюта исходит сила, толкающая людей на новые грандиозные завоевания. Можешь ты понять это? Способен ли ты понять, что, устраняя ошибки и неудачи человека, Вечность не дает ему найти собственные, более трудные и поэтому более верные решения стоящих перед ним проблем; подлинные решения, которые помогают преодолевать трудности, а не избегать их?

— Величайшее благо наибольшего числа людей состоит в том... — заученно начал Харлен, однако Нойс не дала ему договорить.

— Предположи, что Вечность не была создана.

— И что же?

— Я расскажу тебе, что бы тогда случилось. Те усилия, которые были затрачены на решение проблем путешествий по Времени, были бы посвящены развитию атомной физики. Вместо Вечности были бы созданы звездные корабли. Человечество достигло бы звезд на миллионы лет раньше, чем в текущей Реальности. Галактика была бы еще свободной, и люди могли бы обосноваться в ней. Тогда бы мы были первыми.

— Ну и что мы выиграли бы? — упорствовал Харлен. — Разве мы стали бы от этого счастливее?

— Кого ты имеешь в виду под словом «мы»? Человечество представляло бы собой не один мир, а миллионы и миллиарды. Могущество человека не знало бы границ. У каждого мира были бы свой счет Столетий, свои собственные ценности и идеалы, воз-

можность искать счастья своим путем. У счастья много разновидностей... Это и есть Основное Состояние человечества.

— Это только догадки, — сказал Харлен; он был зол на себя за то, что его увлекла нарисованная Нойс картина будущего. — Откуда ты знаешь, что было бы на самом деле?

— Вас смешит невежество Времян, знающих только одну Реальность. Нас же смешит невежество Вечных, которые знают, что Реальностей много, но думают, что существовать может лишь одна из них.

— Что означает эта чепуха?

— Мы не рассчитываем разные Реальности. Мы наблюдаем их. Мы можем видеть их даже в состоянии Нереальности.

— Что-то вроде страны Нигде, где «может быть» играет с «если»?

— Да, только без сарказма.

— И как же вы это делаете?

— Я не могу объяснить это, Эндрю, — сказала Нойс, помолчав. — Существует много вещей, которыми мы пользуемся, не понимая их. Можешь ли ты объяснить, как устроен Киберцентр? Но все же ты знаешь, что он существует и работает.

— Ну и что же дальше?

— Мы научились наблюдать Реальности и нашли среди них ту, которая является Основным Состоянием человечества. Я уже рассказала тебе о ней. Затем мы обнаружили то Изменение, которое уничтожило Основное Состояние. Оно не было одним из тех Изменений, которые совершает Вечность; оно заключалось в создании Вечности, в самом факте ее существования. Любая система, которая, подобно Вечности, позволяет кучке людей выбирать за все человечество его будущее, обязательно кончает умеренностью и убожеством. Такая Реальность не может достигнуть звезд. Само существование Вечности исключает покорение Галактики человеком. Чтобы достичь звезд, необходимо сначала покончить с Вечностью.

Число возможных Реальностей бесконечно велико. И у каждой Реальности существует бесчисленное множество вариаций. Например, число Реальностей, в которых существует Вечность, бесконечно; число Реальностей, в которых Вечность не существует, бесконечно; и наконец, число Реальностей, в которых Вечность существовала, но была уничтожена, тоже бесконечно. Среди последних люди моего Столетия выбрали группу Реальностей, в которых мне отводилась главная роль.

Все это было решено без меня. Меня подготовили для этой задачи так же, как ты и Твиссел готовили Купера. Но число Реальностей,

в которых я могла бы уничтожить Вечность, тоже бесконечно велико. Мне предложили на выбор пять вариантов, которые казались наиболее простыми. Среди них я выбрала ту единственную Реальность, в которой был ты.

— Почему же ты выбрала ее? — спросил Харлен. Нойс опустила глаза.

— Потому что я люблю тебя, пойми это. Я полюбила тебя задолго до того, как мы встретились, — она сказала это с такой неподдельной искренностью, что Харлен с отвращением подумал: «Что за актриса!».

— Все это просто глупо, — сказал он.

— Ты так думаешь? Я хорошо изучала Реальности, в которые меня могли отправить. Изучила и ту, в которой меня послали в 482-е Столетие, где я сначала встретила Финжа, а затем тебя. Я выбрала ту Реальность, в которой ты любил меня; Реальность, в которой ты взял меня в Вечность, спасая от Изменения, и спрятал в моем родном Столетии; Реальность, в которой ты отправил Купера не туда и где мы с тобой отправились в Первобытную эпоху искать его. Мы остались в ней до конца наших дней. Я видела, как мы любили друг друга и были счастливы. Это совсем не глупо. Я выбрала ту Реальность, в которой существует наша любовь.

— Притворство. Сплошное притворство! Неужели ты считаешь, что я поверю тебе? — Он на секунду замолчал, потом сказал внезапно: — Постой! Ты сказала, что знала все наперед? Все, что должно было произойти?

— Да.

— Тогда ты явно лжешь. Ты бы знала, что все кончится бласстером. Ты бы знала заранее, что потерпишь неудачу. Что ты на это скажешь?

Нойс тихо вздохнула.

— Я уже объясняла тебе, что у каждой Реальности существует бесчисленное количество вариаций. Как бы точно мы ни фокусировали данную Реальность, на деле она всегда представлена множеством схожих Реальностей. Чем резче фокусировка, тем меньше неопределенность, но добиться идеальной резкости невозможно. Вероятность того, что случайная вариация исказит результат, никогда не равна нулю. Все испортило одно небольшое отклонение.

— Какое?

— Ты должен был вернуться ко мне после снятия блокировки Времени в 100000-м, и ты вернулся. Но ты должен был вернуться один. Вот почему я так испугалась в первый момент, увидев с тобой Вычислителя Твиссела.

И снова Харлен не знал, что думать. Как она ловко сводит концы с концами!

— Я испугалась бы еще больше, — продолжала Нойс, — если бы я поняла тогда все значение этой вариации. Вернись ты один, ты бы взял меня с собой в Первобытную эпоху и здесь из любви ко мне, из любви к человечеству не стал бы разыскивать Купера. Ваш порочный круг был бы разорван, с Вечностью было бы покончено, а мы с тобой были бы счастливы. Но произошла случайная вариация — ты вернулся с Твисселом. В пути он рассказал тебе о своих кошмарах, связанных со Скрытыми Столетиями, и тем самым положил начало цепочке твоих размышлений, которые заставили тебя усомниться во мне. И вот между нами бластер. Теперь, Эндрю, история закончилась. Можешь стрелять. Ничто не помешает тебе

Рука Харлена устала сжимать рукоятку, и он переложил оружие в другую руку. Почему в ее истории нет никаких неувязок? Он-то надеялся, что стоит ему убедиться в происхождении Нойс, как всем его сомнениям наступит конец. Сейчас его душа разрывалась на части еще сильнее, чем прежде.

— Но для чего понадобилось кончать с Вечностью в два приема? — спросил он. — Почему было не уничтожить ее сразу, одним ударом, когда я послал сюда Купера?

— Потому что просто уничтожить Вечность недостаточно, — ответила Нойс. — Необходимо свести к минимуму вероятность нового возникновения Вечности в любой форме. Поэтому нам нужно сделать здесь, в Первобытной эпохе одну вещь. Небольшое Изменение, совсем незначительное. Похожее на ваше Минимальное необходимое воздействие. Мне предстоит послать письмо на полуостров, который в 20-м Столетии называется Апеннинским. Здесь сейчас 1932 год. Если я пошлю это письмо, то через несколько лет один итальянский физик начнет эксперименты по бомбардировке урана нейтронами.

Харлену стало страшно.

— Ты собираешься изменить Первобытную историю?

— Да. В этом-то и заключается моя задача. В новой, уже окончательной Реальности первый ядерный взрыв произойдет не в 30-м Столетии, а в 1945 году

— Ты представляешь себе, к каким последствиям это может привести? Способны ли вы понять, какая опасность грозит человечеству?

— Да. Мы знаем, что это опасно. Мы провели анализ всех следующих за этим Реальностей. Существует возможность, хотя и не уверенность, что Земля в итоге превратится в огромное радиоактивное кладбище. Но мы верим в разум человека

— И что же, по-вашему, оправдывает этот риск?

— Покорение Галактики человеком. Возвращение к Основному Состоянию.

— И вы еще смее обвинять Вечность во вмешательстве?

— Мы обвиняем Вечность в том, что она вмешивается непрерывно для того, чтобы держать человечество в его безопасной тюрьме. Мы же вмешаемся только один раз, чтобы Вечность никогда не смогла возникнуть.

— Нет, Вечность должна существовать, — сказал Харлен с отчаянием в голосе.

— Как знаешь. Выбор в твоих руках. Если ты предпочитаешь, чтобы будущее человечества диктовалось психопатами...

— Психопатами?! — взорвался Харлен.

— А разве нет? Ты ведь знаешь их. Подумай сам.

Харлен с ужасом посмотрел на нее, но против собственной воли его захлестнула волна воспоминаний. Он вспомнил, как Ученики узнавали правду о Реальности и как Ученик Латуретт из его класса пытался покончить жизнь самоубийством. Его спасли, он даже стал Вечным и составлял потом проекты Изменений, но никто не знал, какие шрамы в его душе оставила эта история. Он вспомнил кастовую систему Вечности, ненормальную жизнь, превращающую подсознательное ощущение собственной вины в ненависть к Техникам. Вспомнил о склоках Вычислителей, о Финже, интригующем против Твиссела, и о Твисселе, шпионящем за Финжем. Он вспомнил Сеннора, мстящего за свое уродство всем Вечным.

Вспомнил он и о себе.

Потом он вспомнил о том, как сам Твиссел, великий, непогрешимый Твиссел нарушал законы Вечности.

Ему показалось, что он всегда знал Вечность именно такой. Иначе почему у него могло возникнуть желание уничтожить ее? Но он никогда не признавался себе в этом, ни разу до этого мгновения не мог он набраться смелости взглянуть правде в глаза.

Сейчас он отчетливо видел Вечность такой, какой она была в действительности — клоакой глубоко скрытых психозов, змеиным гнездом интриг, массой человеческих жизней, беспощадно вырванных из контекста.

Невидящими глазами он смотрел на Нойс.

— Теперь ты видишь, Эндрю? — Ее голос снова был ласковым. — Тогда подойди со мной к выходу из пещеры.

Словно под гипнозом, он последовал за ней, обессилев от быстрой, с которой в его душе совершилась очередная перемена. Впервые за всю ночь дуло бластера отклонилось от прямой линии, соединявшей его с сердцем Нойс.

Небо на востоке уже начало сереть, и громада капсулы угрожающей тенью вырисовывалась на его фоне. Под защитной завесой Темпорального поля очертания капсулы казались неясными и расплывчатыми.

— Смотри, это Земля, — сказала Нойс. — Не вечный и единственный приют человечества, а всего лишь отправная точка бесконечного странствия. От тебя требуется только принять решение. Выбор за тобой. Поле биовремени предохранит нас с тобой от последствий Изменения. Купер исчезнет вместе со своим объявлением, погибнет Вечность, а вместе с ней и Реальность моего Столетия, но останемся мы с тобой, и у нас будут дети и внуки. И останется человечество, которое полетит к звездам.

Харлен повернулся и увидел ее улыбку. Перед ним была прежняя Нойс, и, как и прежде, при взгляде на нее его сердце забилось сильнее.

Но он еще сам не знал, что уже принял решение, пока громада капсулы вдруг не исчезла, перестав заслонять быстро светлеющее небо.

Обнимая прижавшуюся к нему Нойс, он уже знал, что это исчезновение означает конец Вечности.

И начало Бесконечного Пути.

1955

Жерар Клейн

ВРЕМЯ НЕ ПАХНЕТ

Моим родителям, бросившим меня в Реку Времени

*Там, где господствует эго,
должна властвовать совесть.*

Д-р Лагаш

1

Громадный черный прямоугольник, казалось, излучал мрачный, почти невидимый свет — Служба времени Альгаира готовила отправку третьей за год экспедиции. Ветераны помнили времена, когда экспедиции снаряжались значительно реже. Надумай они сопоставить факты, их непременно беспокоили бы участвовавшие путешествия во времени. Но здесь не принято было задавать лишних вопросов, и они не задумывались над тем, что не относилось к их непосредственной работе. На Альгаире каждый занимался только своим делом.

Инженеры Службы времени обеспечивали настройку мультитензоров пространства Горовица с точностью до шестнадцатого знака после запятой. Начинали работу машины. Затем инженеры приступали к тонкой настройке вручную, и успех зависел только от их умения. А оно граничило с искусством. Никто не думал об опасности, хотя риск был необычайно велик из-за невероятного количества энергии, которого требовало успешное завершение операции. Нельзя безнаказанно манипулировать силами, способными нарушить стабильное равновесие времени и пространства. В большинстве своем жители Альгаира-2, единственной обитаемой планеты в системе, считали, что последствия ошибки сведутся всего лишь к потере командос и тем самым к гибели семи человек. О вероятности такого исхода старались не вспоминать — смерть для них была редким и неприятным событием. К тому же подготовка каждого члена командос темпоральных исследований и воздействий обходилась чрезвычайно дорого.

Федерация объединяла около шести тысяч миров. Но альгаирцы не ведали истины. В тайну были посвящены только Арх, члены его совета и инженеры Службы времени. Они знали, что в лучшем случае ошибка приведет к нарушению будущего Альгаира-2, а это чревато катастрофой для всей Федерации. В худшем случае — катаклизм уничтожит часть Галактики, и разрушительная волна покатится до границ Вселенной. Но инженеры Службы времени не совершали ошибок. Они не допускали даже малейшей их возможности, а потому не предпринимали мер для ликвидации гипотетических последствий. Этим занимались другие. На Альгаире-2 все обязанности были строго определены.

Инженеры Службы времени имели дело с тончайшими структурами Вселенной. Объяснить на словах характер воздействия, какое оказывают искривители на пространство Горовица, невозможно. И, разговаривая с непосвященными, инженеры прибегали к аналогии. «Представьте себе, — говорили они, — Вселенную в виде воздушного шарика. Мы находимся в некой точке на его внутренней поверхности. Приложив значительную энергию в определенном направлении, мы можем локально деформировать шарик и проткнуть в нем крохотное отверстие, которое позволяет выбраться наружу. Если деформация недостаточна, вы рискуете застрять в стенке шарика, и вас оттуда не извлечь никакими силами. При избыточной деформации в шарике может возникнуть постоянное отверстие. В этом случае шарик либо медленно опадет, либо лопнет».

В этот момент объяснявший обычно делал паузу и внимательно оглядывал слушателей. Гиды редко обманывались в своих ожиданиях — туристы из центральных миров при этих словах неизменно теряли всю свою самоуверенность. Они глядели на черный прямоугольник, дверь в Абсолютное Вневремя, как на омерзительную гадину. Они не знали, какой конец страшнее — мгновенный ли взрыв, который перемелет Вселенную в пыль элементарных частиц, или медленный распад Вселенной, из которой, как из проколотого иголкой шарика, потихоньку утекают в никуда пространство, материя, время. Выбор оказывался невелик — лопнувший мыльный пузырь или опавший детский шарик. Одна только мысль об этом не сулила приятного. Но, уверенные в своем могуществе, которое они отождествляли с могуществом человечества, жившего в освоенной части Галактики и уже посылавшего свои корабли к иным звездным скоплениям, они предпочитали закрывать глаза на то, что кажущаяся незыблемой Вселенная, их обитель, обладает устойчивостью и прочностью мыльного пузыря или воздушного шарика. Подобные сравнения унижали их. Им не

нависло также, что в распоряжении инженеров Службы времени имеются чудовищные силы. Но они понимали — это вызвано необходимостью. Для утверждения своего могущества правители Федерации должны были подчинить себе время, и, подчиняя его, они все отчетливей сознавали, сколь хрупок его носитель — Вселенная. Постоянная опасность была неперменным спутником Федерации.

Глядя на посетителей, инженеры Службы времени только усмехались. Для них опасность была отвлеченным понятием, в отличие от конкретного понятия искривителей, абстрактную идею которых человек усваивал долгие века, хотя ему помогали совершеннейшие компьютеры. Инженеры знали, что черный прямоугольник служит дверью. По эту сторону двери простирался континуум с мириадами галактик, состоящих из мириадом звезд, которые в свою очередь состояли из мириадом частиц. По ту сторону двери лежало ничто.

Непостижимое ничто. Никакой информации о природе Абсолютного Вневремени не существовало. Дверь открывалась в первозданный хаос, в отрицание пространства, которое предшествовало первому мгновению существования Вселенной, первому сверхатому, взрыв которого привел к ее появлению. Вот почему эта дверь позволяла попасть в любое место, в любой миг истории Вселенной. Но имелись определенные условия, которые суживали возможности перемещения во времени и пространстве. Однако границы были достаточно емкими, чтобы вместить значительно больший промежуток времени, чем вся история человечества.

Поэтому командос темпоральных исследований и воздействий ныряли через эту дверь в ничто, в Абсолютное Вневремя, и оказывались в иных мирах либо в прошлом, либо в будущем.

Дабы воздействовать на время. Дабы изменить прошлое или будущее. Дабы обеспечить Федерации могущество, которое непрестанно подтачивалось временем, и исключить малейшую вероятность ее гибели.

Семь человек командос вошли в зал. Увешанные снаряжением комбинезоны делали людей неразличимыми. Детекторы, оружие, инструменты, которые они несли на себе, позволяли им выжить практически в любых условиях — и в сердце звезды, и в пустоте, разделяющей галактики. Их не пугал ни один противник. Им ничего не стоило уничтожить целый мир, выстоять против космического флота. Генераторы ордзи-излучения позволяли им видеть сквозь толщи гор. Генераторы поля давали возможность летать над планетой на любой высоте с почти неограниченной

скоростью. Симбиотические комплексы обеспечивали им питание и дыхание на любом исходном сырье. Их могущество можно было сравнить с могуществом мифологических богов.

Но самым эффективным инструментом были их нервная система, знания, тренированность. Даже оказавшись наг и гол в самых неблагоприятных условиях, член командос имел больше шансов остаться в живых, чем любой другой житель Галактики. Тайна этого крылась во врожденных особенностях каждого, подмеченных выборщиками, и в длительном самосовершенствовании.

Они мгновенно оценивали любую ситуацию, отражали любую угрозу. Во всяком случае, ту, с которой они сами или их предшественники сталкивались в своих путешествиях. Их концепция мира исключала возможность поражения. Даже поодиночке они были практически неуязвимы. А их было семеро.

Эта семерка не раз боролась со временем и его ловушками и стала единым целым. И сейчас она снова готовилась переступить порог в прошлое неизвестного мира ради процветания Федерации, ради того, чтобы ничто не могло угрожать ее могуществу даже в далеком завтра.

В семерку входили координатор Йоргенсен, Арне Кносос, Марио, Ливиус, Шан д'Арг, Эрин и Нанский. Номинально руководил семеркой Йоргенсен, но на практике она не нуждалась в командире. Она работала сама по себе, как хорошо отлаженный механизм.

Ни один из членов семерки не отличался узкой специализацией. В командос темпоральных исследований и воздействий каждый мог с равным успехом заменить другого. Когда начинались первые путешествия во времени, командос составлялись из различных специалистов, но результаты оказались плачевными, а часто и катастрофическими. Любой узкий специалист беспомощен вне рамок своих знаний и возможностей.

Мало кто завидовал их статусу специалистов широкого профиля. Какими обширными и разнообразными ни были их знания, они не позволяли им соперничать со специалистами в конкретной области. Их способности, взятые в отдельности, были посредственными, но в комплексе поражали своей уникальностью. Редкий человек мог по достоинству оценить многогранность их черт и знаний. В глазах большинства людей, гордых своей узкой специализацией, члены командос выглядели монстрами. А члены командос умели подавлять в себе неприязнь ко всем тем, кто с оговоркой принимал их право быть полноправными создателями цивилизации, чье будущее они защищали. Они ни с кем не делились своим богатым опытом; их замкнутые лица с поджатыми губами редко меняли свое выражение, и никто не знал, какие чувства их

обуревают. Их стихией были самые невероятные и неожиданные ситуации.

Семерка решительно направилась к черному прямоугольнику. Инженеры Службы времени удалили из зала всех посторонних. Проследовав по сложному лабиринту, начертанному на полу, семеро людей ступили на прямоугольник, и их окутали голубые сполохи пламени.

По периметру черного прямоугольника вспыхнула оранжевая полоса. Семерка отправлялась в прошлое планеты, которую ее члены никогда не видели и названия которой не слышали до вчерашнего вечера, когда их ознакомили с порученной им миссией. Существовало строгое правило: никого и ни о чем заранее не предупреждать. Они должны были быть всегда готовы отправиться в путь. И всегда могли отказаться от выполнения данной миссии. Они не знали, кто принимает решение об их посылке в тот или иной мир, в ту или иную эпоху, но это их не волновало. Они получали точные инструкции и беспрекословно выполняли их.

Чернота прямоугольника вспучилась и непроглядным туманом потекла вверх по ногам. Тьма постепенно поглотила их и тут же обернулась белой вспышкой столь пронзительной яркости, что могла ослепить любого наблюдателя, не успевшего закрыть глаза.

Свет быстро пошел на убыль — черный прямоугольник и стоявшие на нем люди исчезли. Дверь Вселенной захлопнулась — семерка отправилась на планету Йгона в созвездии Сфинкса, ход истории которой им надлежало изменить.

Накануне старта Йоргенсен отдыхал в студии своего приятеля Арана на планете Йгор-2. Он с интересом наблюдал, как художник работает над новой скульптурой. В прозрачном блоке вещества колебались цветные объемные формы, похожие на бледный сигаретный дымок, тающий в недвижимом воздухе, или на разводы от упавшей в чистую воду капли чернил. Аран создавал невероятные пространственные комбинации в сероватых тонах. Его произведения украшали красивейшие здания Федерации.

— Мне нравится твоя профессия, — не раз повторял Йоргенсен. — Глядя на тебя, хочется заняться тем же. Твои творения надолго переживут тебя. Ты счастливый человек. Удивительно, как твое произведение меняется при каждом прикосновении пальцев.

Скульптор поднял голову и усмехнулся.

— Я придаю форму дыму, а ты — времени. Что важнее? Я живу в мечтах, а ты в действии. Что лучше?

Йоргенсен не ответил. Он не отрывал взгляда от творения друга. Абстрактные контуры будили в душе тревогу, тревогу сменяло

умиротворение, какая-то едва ощутимая радость. Он чувствовал, что скульптуры Арана оказывают на него какое-то необъяснимое действие. Ему хотелось понять его природу. Йоргенсен посмотрел на свои руки. Сильные, костистые, ловкие, они не способны были ни на что подобное. Они умели владеть оружием, но не могли очертить изящный контур. Йоргенсен часто ловил себя на мысли, что любит наблюдать за работой Арана потому, что в глубине души хочет делать то же самое.

Йоргенсен был высоким, худощавым человеком. Наголо выбритый череп подчеркивал худобу его немного скуластого, сурового лица с очень светлыми глазами. Глубокие складки в уголках тонкогубого рта говорили о давней усталости. Он не находил удовлетворения ни в себе самом, ни в мире, где он жил. Он любил свою странную профессию за то, что она помогала ему бежать от самого себя. Он часто задавал вопросы, и с изрядной долей скептицизма сам же отвечал на них, завидуя спокойной уверенности Арана.

— Меня постоянно мучает один вопрос, — наконец решился Йоргенсен, — не слишком ли односторонне мы действуем. На некоторых планетах получают развитие какие-то цивилизации. Кто-то решает, что на определенной стадии они могут стать опасными для Федерации. Тогда на сцену вступаем мы. Наше вмешательство меняет ход их истории. Мы, конечно, стараемся остаться незамеченными. Но миры, которые мы покидаем, уже никогда не достигнут расцвета, а потому никогда не станут соперниками Федерации. Нет, я не формирую время. Я стерилизую его. Я его ограничиваю. Я его ампутирую, обрубаю его живые ветви.

— Стоит ли терзаться? — мягко возразил Аран. — И я в своих произведениях нередко устраняю некоторые возможности, хотя и сожалею о потерях. Но они нарушили бы равновесие и в конце концов красоту целого. Федерация контролирует время по праву сильного. Она поддерживает порядок во всей Галактике. И предупреждает войны. Разве ради этого не стоит приостановить развитие одной-двух неведомых цивилизаций?

— Не знаю, — неуверенно буркнул Йоргенсен. Он привык быть со скульптором предельно откровенным. В другом месте он, возможно, на это и не решился бы, чтобы не вызвать подозрений у агентов Арха. Он наклонился к окну, которое опоясывало мастерскую. Местность снаружи поражала дикостью и буйством природы. Но только несведущего. На самом деле она была плодом ухищрений мастера-садовника. У горизонта небо подпирали высокие горы, по склонам которых сползал фиолетово-красный лес; его сменяла бескрайняя саванна, зелень оттеняла голубизну трех рек. Кое-где возвышались разрозненные купы деревьев. Само жилище

Арана окружали цветущие луга. То здесь, то там легкими прыжками проносились и исчезали вдали быстроногие антилопы. Невидимое красное солнце заливало розовым светом небо, окрашивало пурпуром вершины гор. Весь этот пейзаж навевал удивительное чувство покоя, хотя на самом деле был чужд планете.

Здесь даже горы были другими.

— Меня многое беспокоит, — вновь заговорил Йоргенсен. — Я столько успел повидать. Самые разные миры. Я прощупал их прошлое и предугадал будущее. И все ради того, чтобы уничтожить. Каждый из миров менялся или стремился к перемене. Лишь Федерация с незапамятных времен остается неизменной и недвижимой, как стоячее болото. Почему?

— Тебе известно изречение Арха: «Федерация — проявление зрелой уравновешенной цивилизации. Она достаточно могущественна, чтобы предотвратить всякий кризис, старение и смерть, которые для любой эфемерной цивилизации губительны. Она стабильна — и в этом ее сила».

— Мне это известно. Однако прав ли Арх? Не защищает ли он свою собственную власть? Все меняется в этом мире — от твоих творений до звезд. Лишь Федерация застыла в своей неизменности. И эту ее стабильность создаем мы, солдаты времени, бросая к ее ногам освежаванные туши юных миров.

Пальцы Арана легко скользили по его детищу, и каждое прикосновение меняло форму цветных струек дыма внутри. Жесты скульптора исключали случайность. Аран вдруг выпрямился.

— Хочешь знать мое мнение? — резко спросил он. — Думаю, поведение Федерации пагубно. Убежден, она допускает ошибку, контролируя время. Возможно, она тем самым предотвратила свою старость, но одновременно она и убила в себе жизнь. Мы не имеем права ради собственного процветания исказить будущее других миров. Другие миры имеют полное право жить и развиваться. Знаешь ли ты, что моему искусству уже сотни лет и оно неизменным прошло через века? Думаешь, я не устал повторять одно и то же? Думаешь, я не в силах создать нечто новое? Я ведь творец, а не просто специалист, каких плодит наша Галактика для любого рода деятельности. Даже для искусства. А как хочется уйти от этого неизменно повторяющегося совершенства. Что из того, что в Федерацию входят тысячи обитаемых миров? Все равно в ней пахнет затхлостью. Иногда, глядя на это небо, я чувствую, что попал в тюремную камеру. А затем заставляю себя улыбнуться и вновь берусь за работу, заново обретаю счастье от занятий своим делом.

Послышался мелодичный звон.

— Слушаю, — откликнулся Аран.

— Мне нужен Йоргенсен, — отрубил мужской металлический голос.

— Слушаю, — отозвался Йоргенсен. Он знал, кому принадлежит этот голос. Знал, что последует дальше. Радость охватила его, мышцы рук непроизвольно напряглись.

— Вам поручена новая миссия, — сообщил голос. — Завтра вы отправляетесь на планету Игона для проведения коррекции ее истории. Возвращайтесь на Альгаир.

— Буду вечером.

— Прекрасно. До свидания.

Йоргенсен повернулся к Арану.

— Игона. Никогда не слышал о такой планете. Коррекция истории. Любимый эвфемизм.

— А вот и ответ, — сказал Аран. — Федерация не терпит конкуренции. Ее право — право сильнейшего.

— Я могу отказаться, но не откажусь. В этих миссиях смысл моего существования. Как смысл твоего — в твоих скульптурах.

Внизу появился ребенок — дочка Арана. Она играла с красным мячом, современным чудом техники. Сложные механизмы позволяли мячу кружить вокруг ребенка и ускользать от него в момент, когда, казалось, игрушка уже в руках. Сложность игры можно было регулировать. Изредка мяч допускал ошибку и позволял приблизиться к себе. Девчушка заливисто смеялась и пинала мяч ногой. Он откатывался и возвращался.

Игру изобрели несколько веков назад, но интерес к ней не остывал.

Накануне старта Арне Кносос занимался рыбной ловлей на Гидре. Его страстью было море. Он знал подводную флору и фауну сотен планет лучше, чем их рыбоводы. Глиссер скользил по волнам. Арне сам разработал и построил его с помощью роботов. В конструкции было множество хитрых решений. Он мог мгновенно выдвинуть две тончайшие мачты с прозрачным парусом — из древних книг он узнал, что человеческие цивилизации тысячами использовали ветер в качестве движущей силы. Потом секреты такого плаванья канули в Лету. Арне Кносос заново изобрел паруса и наслаждался, один на один меряясь силами с ветром и морем. Случалось, отключив двигатель, он сутками носился по волнам, отдавшись прихоти течений и ветров. Его концепция времени во многом зависела от общения с морем.

Между путешествиями во времени Кносос чаще всего жил на Гидре, одной из редких планет Федерации, полностью покрытой океаном. В морских безднах скрывалось несколько городов,

живших на доходы от туризма и разведения редких водорослей. Но Кносос избегал появляться там, разве только когда иссякали запасы пищи. Кносос любил одиночество.

Он с удовольствием погружался в океанские бездны, исследовал морское дно, осматривал коралловые рифы, наблюдал за стаями разноцветных рыб и иногда охотился на морских гигантов. Но никогда не превращал охоту в бессмысленную бойню. Каждый его трофей был добыт в честном бою. Однажды в глубоководной расщелине он выиграл схватку с гигантским кольчатым червем и с тех пор, несмотря на странности своего образа жизни, пользовался на Гидре особым авторитетом.

Сегодня на корме его глассера красовалось название почти всеми забытого произведения — «Одиссея». Он плыл в пелене густого тумана. Детекторы прощупывали туман и воду, чтобы исключить столкновение с судном из морских глубин. Арне предавался мечтам.

Резкий звук вернул его к действительности.

— Кносос, — раздался близкий женский голос.

— Да, — отозвался он.

— Завтра вы отправляетесь на Игону. Срочно возвращайтесь на Альгаир.

— Хорошо.

Он нажал клавишу на щитке управления. Парус сложился, телескопические мачты бесшумно скрылись в корпусе суденышка. Глассер ринулся вперед, едва касаясь воды.

Марио в равной степени увлекался музыкой, математикой и женщинами, а поэтому часто путешествовал. Накануне старта на Игону ему удалось примирить все три свои страсти в районе Пропиона. На планете Энгеран-3 проходил фестиваль синтетической оперы. Там-то он и повстречал Ору, пленительную певицу-блондинку. Сам Марио был черняв и коренаст. Пронзительный взгляд и высокий покатый лоб не делали его красавцем, но в обаянии ему нельзя было отказать. Он знал это и умело пользовался своим даром.

В командос он попал случайно. Марио родился в одном из центральных миров во влиятельной семье, близкой к семье Арха, и карьера его с самого рождения казалась предрешенной. Но нравы правителей Федерации пришлись ему не по вкусу. Некоторое время он без особых целей скитался по Галактике, участвуя время от времени в математических турнирах, коллекционируя интрижки и развивая музыкальный вкус. Но даже это безделье утомило его. У него не было специальности, да он и не хотел ее приобретать.

Немалое состояние оберегало его от любых невзгод, кроме скуки, которая к тридцати годам буквально задушила его. Ему предложили несколько почетных должностей, но он отказался от них. Однажды случай свел его с Йоргенсеном, и они сдружились. Два года спустя Йоргенсен предложил ему место в командос. Не желая расставаться со свободой и мало веря в то, что ненавистная ему Федерация нуждается в защите, он долго колебался. Но все же последовал за Йоргенсеном. Новая роль пришлось ему по вкусу — здесь опасность имела свой конкретный смысл.

Возвратившись в номер, он сразу заметил озабоченное лицо Оры. Она без улыбки ожидала его, прислонившись к мраморной колонне. Марио сразу понял, что это значит. Он обнял ее и спросил, не успев поцеловать:

— Миссия?

Она молча кивнула. Он взлохматил копну ее золотистых волос, не чувствуя никаких сожалений. Его вновь охватило знакомое чувство триумфа. Он уже был далеко от Оры.

— Игона, — сказала она. — Я даже не знаю, где это. И в атласе ничего не сказано. Какой-нибудь мирок на окраине Галактики?

— Уж не какой-нибудь, — возразил он, — коли требуется наше вмешательство.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Он чувствовал жар ее прильнувшего к нему тела.

— Ты вернешься?

— Конечно, — в его голосе не было большой уверенности.

И откуда ей было взяться? Никто и ничто не могло надолго захватить Марио, кроме темпоральных командос.

Накануне старта Ливиус бродил по предместьям Шенграна в поисках собутыльников, драки или любого другого скандального дела. По натуре своей Ливиус был авантюристом. Вкус к опасности и насилию привел его в темпоральные командос. Его не волновали высокие принципы. Он жил согласно собственным инстинктам. Ливиус родился в одном из бедных и перенаселенных миров и, наверно, занялся бы пиратством или иными темными делишками, не предложи ему выборщики иную долю. Он покинул родную планету раз и навсегда и свободное время проводил в больших городах старых миров, не заботясь о своей репутации. Он знал, что профессия защитит его от агентов Арха, и нередко злоупотреблял этим. О его схватках с полицией ходили легенды. Когда он бывал в хорошем расположении духа, ему хватало разбить десяток роботов, чтобы внести, как он говорил, оживление в свою скучную жизнь. Он не связывал себя семейными узами,

выбирал друзей на один день и не сожалел о расставании с ними. Когда этот высокий, сутулый и угловатый человек с лицом, покрытым шрамами, которые он отказывался удалить с помощью биопластических операций, появлялся в тавернах, в них тут же поднимался радостный шум. Он любил успех, но презирал льстецов. Себя он считал одиноким волком и терзался лишь в те моменты, когда снисходил до жалости.

В тот вечер его грызла скука. Ливиус хотел было угнать корабль с астеродрома, обманув роботов-охранников, и ради острых ощущений промчатся на нем вместе с приятелями вблизи солнца. Но как-то вдруг эта затея показалась ему детской забавой. Он ощущал зуд в руках. Близился кризис. В такие дни его томило неосознанное желание либо принять участие в необычном путешествии в другую галактику, либо вернуться на родную планету. Тогда даже нежные руки шенгранских женщин не могли вывести его из глубокой тоски, а психологов к себе он никогда не подпускал. Это его состояние однажды ощутили на себе агенты Арха: он убил одного из них, но скандал замяли. Агентов Арха не любили, да и заменить их было легче, чем членов командос.

Из кармана донесся резкий звук. Ливиус достал передатчик.

— Ливиус? — спросил робот.

— Он самый.

— Вы можете принять участие в миссии или отказаться от нее, — сообщил робот, четко выговаривая слова. — В случае согласия завтра отправляетесь на Игону.

— Кто командир? — хриплым голосом осведомился Ливиус.

— Координатором назначен Йоргенсен.

— Согласен.

Лицо Ливиуса просветлело.

— Да будет благословенно имя Арчимбольдо Урцайта, — тихо пробормотал он.

— Простите? — поинтересовался робот.

— Ничего. Я отблагодарил некоего Арчимбольдо Урцайта.

— Мне не известен ни один живой человек, носящий это имя, — проговорил робот. — Но пять веков назад существовала историческая личность с таким именем. Доктор Арчимбольдо Урцайт разработал математический принцип и провел первые практические опыты по путешествиям во времени.

Роботы не упускали случая щегольнуть своими знаниями, и это бесило Ливиуса. Он весьма сожалел, что кибернетики сочли необходимым снабдить роботов небольшой долей разума.

— Именно его я и имел в виду, — сказал Ливиус и не без злорадства подумал, какое смятение вызвал в мыслительных цепях робота.

Робот помолчал, затем после паузы проговорил:

— Я регистрирую ваше согласие. Да будет вечным величие Арха.

На Шенгран опускался вечер. В терминах универсального времени у него было в запасе еще двадцать часов. Он посмотрел на небо, где уже зажглись искусственные луны. Двадцать четыре уровня улиц сплелись в громадный сверкающий лабиринт. Из подвесных садов исходил пьянящий запах. Над астродромом темной гигантской тенью висел пузатый коммерческий корабль с потушенными ходовыми огнями.

— Ну что ж, пойдем выпьем на последний сегир во славу старика Арчимбольдо Урцайта, — громко проговорил Ливиус, расправляя складки плаща.

Шан д'Арг утверждал, что прибыл из Солнечной системы, мифической колыбели человечества. И, как ни удивительно, акты гражданского состояния подтверждали его слова. Он немало гордился своим происхождением, утверждая, что некогда его род пользовался известностью на Соль-4, как тогда называли Марс. Он уже дважды участвовал в экспедициях за пределы Галактики, сражался против кристаллов Капеллы, истреблял мыслящих насекомых Сириуса, которые в результате непонятной мутации смогли покинуть свой родной мир и стали расселяться по всей Галактике. Дело предполагалось решить с помощью командос темпорального воздействия, но оказалось, что мутация была следствием вмешательства одной из командос. Не желая рисковать, Федерация решила сбросить на «зараженные» планеты миллионы роботов и нескольких воинов. Люди шли на верную смерть. Но Шан д'Арг сумел остаться в живых.

У Шан д'Арга была желтая кожа и раскосые глаза. Антропологи считали его редчайшим представителем одной из древнейших рас. В нем в полной чистоте сохранились ее признаки. Это было большой редкостью — в Федерации первичные расы смешались настолько, что стерлись все соматические различия. Правда, по мере расселения в разных мирах появились новые отличия. Излучения солнца, состав воздуха, гравитация, климатические условия — вот долговременные факторы формирования новой расы.

Шан д'Арг увлекался историей, с его уст не сходили названия битв и имена забытых героев. Он говорил об античности Солнечной системы как о благословенной эпохе, когда люди сражались с радостью и страстью. Ему хотелось подобно им владеть мечом, топором, пулеметом. Он искусно управлялся с древним оружием. Ему случилось на Танатосе принять участие в турнире гладиаторов,

но он вернулся оттуда, исполнившись отвращения, ибо не разделял вульгарного вкуса к убийству.

Накануне старта на Игону он томился в неясном ожидании у себя дома среди оружия, книг, блоков магнитной памяти. Когда его терпению пришел конец, он вызвал Альгаир.

— Хочу отправиться с миссией, — коротко потребовал он.

— Завтра отбывает одна из них, — ответил робот. — Но выборщики не предусмотрели вашего участия. Однако я могу предложить вашу кандидатуру.

— И побыстрее, — сухо приказал Шан д'Арг.

Он с нетерпением ждал ответа, занимаясь точкой меча — столь тонкую работу он не доверял автоматам. Услышав ответ, он вздохнул полной грудью.

— Ну что ж, Игона так Игона.

Эрин, молчаливый гигант с непокорной копной рыжих волос, накануне старта шел на приступ труднейшей вершины Тиморгских гор на Зефионе-6. Голубоватое поле энергетического шлема защищало его лицо от холода и позволяло нормально дышать даже в разреженном воздухе больших высот. Он шел по гребню гладкой, как стекло, черной скалы, на которой ему помогали удерживаться присоски на ботинках. Преодолевая ледяные порывы ветра, он медленно приближался к острому, словно игла, шпилью, который вознесся над горным массивом. Эрин уже начал ощущать усталость. В глазах рябило от легких туристических летательных аппаратов, которые весь день носились вокруг. Когда-то он и сам любил кружить на них над горами, но теперь предпочитал радость неторопливого продвижения, чувство усталости и триумф нелегкой победы. Он брал с собой лишь минимум снаряжения.

Стоя над горами, он упивался ощущением могущества и безмятежного спокойствия. Он часто рисковал в космосе, проносился в опасной близости от звезд, приближался к планетам с такой скоростью, что они в мгновение ока вырастали на экране из булавочной головки в необъятный шар, на котором проступали очертания континентов, тени горных хребтов и города, похожие на светящиеся шляпки гвоздей. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем чувством, которое обуревало его на покоренной вершине, — он ощущал принадлежность к окружающему миру и, застыв между небом и землей, в полном безмолвии созерцал проделанный путь.

Горы нигде так и не покорились человеку окончательно, и только загнанный на задворки души страх перед ними заставлял туристов кружить вокруг них под надежной защитой техники. Эрин относился к горам с опаской и уважением. Он понимал, по-

чему народы древности селили своих богов на самых недоступных вершинах и карабкались к ним, проникшись смирением.

Он знал, что тысячеметровый обрыв имеет куда большую протяженность, чем миллион километров в космосе. Космос смазывает расстояния, излечивает от головокружения, уничтожает глубины, выстраивает звезды в одну линию, словно пешки на шахматной доске. Летающие туристы и не подозревали, сколько тайны и страха в каждой расщелине, трещине, отвесной стенке, качающейся скале, утонувшем во мраке откосе.

Эрин уже собирался расположиться на ночь у подножья островой вершины, когда в наушниках прозвучал негромкий сигнал.

— Эрин слушает.

— Миссия на Игону. Отбываете завтра вместе с Йоргенсенем.

— Хорошо, — ответил Эрин и бросил взгляд на вершину. Он еще вернется сюда. А она подождет. Ждала миллион лет, подождет и еще немного.

— На Альгаире следует быть сегодня вечером.

— Это невозможно. Я нахожусь в горах Тиморг, в двух сутках ходьбы от ближайшего передатчика материи. У меня нет летательного аппарата. Однако даже с ним мне пришлось бы добираться несколько часов. Но вы можете прислать за мной корабль. Он подберет меня здесь и немедленно переправит на Альгаир.

— Я постараюсь.

Не пришлось ждать и нескольких минут.

Гигантская масса Патрульщика материализовалась над головой Эрина. Федерация не скупилась на расходы, если дело касалось членов командос. Корабль бесшумно возник из пространства. В его брюхе, словно глаз, распахнулось отверстие, куда и всосало Эрина. Он еще не успел отдышаться, как Патрульщик уже покинул систему Зефиона.

Нанский был одержим космосом. Накануне старта на Игону он находился на борту своей фотонной яхты в поясе астероидов малоизвестной системы. С ним вместе были его жена Нелле и двое сыновей. Оба подростка настолько свыклись с путешествиями в космосе, что не теряли присутствия духа даже во время нейтринной бури.

Они занимались поисками корабля, который потерпел крушение несколько веков назад, во времена расцвета навигации в пространстве. Нанский надеялся найти корабль и переправить его в музей космических судов, который давно организовал у себя дома, в системе Тлон.

Нанский знал, что благополучие Федерации зиждется на передатчиках материи, которые позволяли мгновенно пересылать людей и грузы на любую планету. Он понимал, что упадок классической космической навигации вполне логичен и отражает нормальный исторический процесс. Ведь Федерация неуклонно превращалась в гигантский город размером в пол-Галактики, обитатели которого с каждым годом все больше теряли ощущение огромности расстояний, разделяющих звезды, поскольку для перехода из одной солнечной системы в другую требовалось лишь переступить порог передатчика.

Нанский не хотел мириться с подобным отрицанием космоса. Он жил ради него, как Йоргенсен — ради мучивших его вопросов, как Марио — ради музыки, как Ливиус — ради разгула, как Кносос — ради моря и как Шан д'Арг — ради звона оружия.

Время было другим измерением. Оно позволяло Нанскому заново открывать космос

Вызов Альгаира приняла Нелле. Она переживала за мужа каждый раз, когда он отправлялся в очередную экспедицию, о которых почти не говорил, хотя не имел секретов от жены. Ее страшила не угрожавшая ему опасность, а его пребывание там, где существовал соблазн встречи с молодой цивилизацией, имеющей развитый космический флот. Она так до конца и не поняла Нанского. Он был человеком скрытным и мог однажды, оседлав комету, навсегда удалиться к иным берегам. Она понимала, что рискует, когда пятнадцать лет назад выходила за него замуж. И все это время она таила страх в себе, хотя каждая миссия Нанского заново пробуждала ее тревогу.

Нелле в двух словах пересказала сообщение мужу. Он проницательно посмотрел на нее.

— Как поступим? Могу тебя оставить здесь?

— Мы продолжим поиск. Ведь ты скоро вернешься.

— Не уверен. Лучше возвращайся на Тлон. Сюда прилетим позже.

Все было сказано. Она ни разу не пыталась отговорить мужа отказаться от участия в темпоральных экспедициях. Фотонная яхта перешла в подпространство и вынырнула в космосе вблизи планеты, где стоял передатчик материи. Нанский поцеловал жену и покинул яхту. Он метеором пронесся через атмосферу в автономной шлюпке и сел рядом с Центром межзвездных путешествий. Стояла глубокая ночь, и гигантский купол Центра сверкал в свете искусственных лун.

Так все семеро почти в один и тот же час универсального времени перешагнули порог передатчика материи и оказались на

Альтаире в одном зале. Они явились из разных концов Галактики благодаря изобретению тысячелетней давности, сделанному в эпоху, когда еще не существовало Федерации.

Лишь Йоргенсен и Нанский знали, что значат передатчики материи для Федерации. Но только Йоргенсен задавался вопросом, а не создается ли сходная сеть связи во времени между веками, сеть, которая обеспечит единство сложенного из тысяч миров галактического города не только в пространстве, но и во времени.

2

Год? 3161.

Место? Планета Игона, которая вращается вокруг ничем не примечательного желтого солнца.

У Йоргенсена мелькнула невольная мысль, что ему суждено родиться через двести пятьдесят лет в нескольких десятках световых лет отсюда. Но он не мог окончательно убедить себя в этом. Он существовал в Настоящем. И не допускал, что в его родном мире его еще нет, а живут давно забытые предки. И в то же время он знал, что так оно и было. Даже если разум находил подобную ситуацию совершенно невероятной.

— Принцип первый, — цедил Йоргенсен, почти не разжимая губ. — Путешествие во времени возможно лишь при одновременном перемещении в пространстве на достаточно большое расстояние, чтобы не внести интерференции в причинную ткань Вселенной.

Это была физическая истина. Хотя первый принцип не совсем точно выражал ее суть. Но был близок к ней. При любом путешествии во времени возникали интерференции. Но, поскольку расстояния между точкой старта и точкой финиша были велики, с интерференцией можно было не считаться.

«Логично, — подумал Йоргенсен. — Если было бы возможно вернуться в свое собственное прошлое, прошлое родного мира, изменения, привнесенные в его историю этим возмущающим возвратом, создали бы ряд парадоксов. Писатели, жившие в эпоху начала освоения времени, любили жонглировать такими возможностями. Они выдумывали путешественников во времени, которые убивали своих предков и тем самым переставали существовать, а вследствие этого не могли совершить роковое путешествие и снова оказывались в мире живых и так далее и тому подобное.

Но реальность исключала парадоксы. Писатели, если можно так выразиться, оставались на бобах. В свое собственное прошлое вернуться было нельзя, а потому и исключалась возможность его

изменения. Вернее, путешествие было возможным, но для этого следовало преодолеть сопротивление континуума, что требовало чудовищного количества энергии, равного тому, которое будет израсходовано на создание новой вселенной со всеми изменениями, внесенными в ее причинную ткань.

Реальность допускала путешествие во времени при наличии определенных условий. Между двумя удаленными мирами почти нет причинных связей. Все происходит, как если бы речь шла о двух независимых вселенных. А потому возможно, затратив количество энергии, необходимое для компенсации этого «почти», перенестись в прошлое или будущее одного из этих удаленных друг от друга миров».

Второй принцип — причинная ткань конкретного мира может быть представлена в качестве конуса, вершина которого устремлена в прошлое, а основание находится в будущем. Первое следствие: чем глубже надо проникнуть в прошлое, тем больше интерференции вносится в глобальную структуру причинности и тем выше расход энергии на путешествие. Второе следствие: чем дальше в космосе находится точка старта, тем глубже можно проникнуть в прошлое исследуемого мира. Третье следствие: при определенном количестве затрачиваемой энергии точка прошлого планеты, в которую может попасть путешественник во времени, есть функция расстояния между этой планетой и точкой старта.

Именно поэтому центром Федерации был выбран Альтаир. Ближайшие к нему миры держались Федерацией в крепкой узде. И командос производили коррекции истории на большом отдалении — либо в центре Галактики, либо на ее противоположном краю.

— Я появлюсь на свет через двести пятьдесят лет, — тихо повторил Йоргенсен. — Мне известна история Федерации на три века вперед, до самого моего рождения. Что будет дальше, я не знаю. Но, быть может, в данный момент в Галактике есть путешественники из далекого будущего, которые знают, что будет после нас, после Федерации, и в глазах этих людей далекой цивилизации мы выглядим просто варварами. Если бы мы могли встретить их, узнать будущее, узнать, чем завершится наше путешествие на Игону!

Третий принцип категорически исключал такую возможность. «Любое путешествие в будущее, а если говорить шире, любое общение с будущим требует затрат энергии больших, чем ее истрачено за все время существования континуума. Ибо положение путешественника во времени определяется не по отношению к абсолютной системе отсчета, а относительно точки его старта. А значит, искажения и интерференции, вносимые в цепь

причин и следствий, могут оцениваться лишь относительно точки старта».

Третий принцип был самым простым. Это был перенос на структуры времени принципов относительности, которые в глубочайшей древности сформулировал, по мнению одних, Пифагор, а по мнению других, — Эйнштейн.

Игона выглядела гостеприимной. Они стояли на поляне, окруженной зарослями гигантских грибов. Никаких животных. Красная почва, голубое небо. Ласковое солнце. Спокойный влажный воздух.

Нанский и Марио занимались установкой темпорального маяка, чтобы отыскать вход в Абсолютное Вневременье и вернуться в свой век на Альгаир. Остальные молча, настроенно наблюдали за ними. Но лица их этого не обнаруживали.

Когда маяк был закончен, его замаскировали под обычную скалу — если кто-то пройдет мимо, ничего не заметит, а коснувшись, получит легкий удар током.

— Далаам, так называется город, в котором нам предстоит действовать, — начал Йоргенсен, когда члены командос собрались вокруг. — Он находится в десятке километров к северу отсюда. Тропинка, которая ведет вниз, к подножью обрыва, где раскинулся город, проходит рядом. Но мы не пойдем по ней. Лучше как можно дальше оставаться незамеченными.

Он на мгновение замолк и критически оглядел снаряжение своих товарищей. Он проводил осмотр трижды еще до того, как покинуть Альгаир, он доверял своим людям, но малейшая небрежность могла свести на нет их шансы на успех.

Соседний гриб с резким хлопком выбросил в воздух тучу спор. Вся семерка мгновенно бросилась врассыпную, схватившись за оружие. Затем, сунув оружие за пояс, они медленно вернулись на прежнее место. Пурпурный туман, повисший над грибом, напомнил Йоргенсену спирали в скульптурах Арана. На губах Марио играла ироническая улыбка.

— Уже нервничаем! А что будет через неделю?

Остальные промолчали.

— Войдем в Далаам пешком, — сказал Йоргенсен. — Так мы привлечем меньше внимания и лучше познакомимся со страной. Использовать оружие и защитные поля разрешаю лишь в крайнем случае. Если нам придется разлучиться, сбор в этой точке. Те, кто вернется первым, обязаны ждать остальных в течение трех месяцев. Затем могут возвращаться на Альгаир. Связь с Игоной будет прервана, и ее практически не удастся восстановить. Опоздавшие навечно останутся пленниками этого мира.

Все согласно кивнули. Эту возможность они учитывали в любом путешествии. Случалось, целые командос намеренно оставались в прошлом, хотя это было категорически воспрещено из-за серьезных нарушений причинной ткани. Но Федерация практически не располагала средствами наказать тех, кто растворялся в глубине времен.

— Не думаю, — добавил Йоргенсен, с трудом выдавив из себя улыбку, — что эта экспедиция столкнется с существенными трудностями. Скорее всего, нас ждет приятное времяпровождение.

— И даже драчки не предвидится? — с надеждой в голосе спросил Ливиус.

— Надеюсь, нет. Туземцы пользуются репутацией мирных людей.

— Однако через четыре-пять веков грозят Федерации великим опасностям? — осведомился Марио.

— По-видимому, если их техника быстро развивается. Я знаю не больше вашего. Это заботы прогнозистов. Они, не вдаваясь в подробности, указывают нам, какие операции следует осуществить. Для меня сушая загадка, какими неприятностями грозит Федерации такой мир, как Игона.

— Быть может, мы узнаем это, — заметил Шан д'Арг. — Хотя, судя по сообщенным нам сведениям, эти люди до противности миролюбивы. У них богатый язык, но в нем практически отсутствуют термины, относящиеся к оружию. Они даже не знают, что такое война.

Семерка двинулась в путь. Шан д'Арг и Ливиус шли во главе. За ними следовали Йоргенсен и Марио. Арне Кносос прикрывал левый фланг, а Нанский — правый. Замыкал шествие Эрин.

Они шли, лавируя меж гигантских грибов. Дважды сменили направление, чтобы отойти от тропы — простой проселочной дороги с глубокой колеей. Шан д'Арг презрительно сплюнул сквозь зубы.

— И этих людишек боится Федерация, — пробурчал он.

— Бывали и быстро прогрессирующие миры, — возразил Марио. — Федерация предпочитает не рисковать.

— Я-то думал, что они по меньшей мере овладели атомной энергией и начали запускать в космос корабли.

— Не стоит судить о развитии цивилизации по проселочной дороге. Вы прекрасно знаете, что их техника в зачаточном состоянии. Или вы невнимательно отнеслись к информации?

— Ну, на память не жалуюсь, но ума не приложу, зачем мы сюда явились.

— В наши функции это и не входит.

«Как бы не так, — хотел было возразить Йоргенсен. — Если мы не будем вникать в события, кто сделает это за нас? Специалисты? Куда им. Мы, наверное, единственные, кто может системно оценить проблему, постичь суть вещей, ведь наше восприятие не ограничено шорами узких знаний».

Но промолчал. Они обсуждали эту тему уже сотни раз.

Выйдя вторично на тропу, они едва не столкнулись с аборигеном, трусившим верхом на какой-то местной зверюге. Это был тучный человек преклонного возраста, его удлиненный череп казался длиннее из-за громадной лысины. На нем была коротенькая туника, не закрывавшая болтавшихся по бокам животного ног. Его «конь» имел приплюснутую голову с двумя треугольными глазами, длинную шею рептилии и короткий темно-голубой мех. Животное семенило на шести странно сочлененных ногах. С первого взгляда трудно было определить, относилось ли оно к живородящим или яйценосам, или способ его размножения был столь же необычен, как и облик. Абориген явно был человеком. Маловероятно, чтобы эволюция на этой планете породила гуманоида, скорее всего, цивилизация на Игоне возникла после крушения звездолета. Уцелевшие пассажиры размножились и заселили эту мирную планету.

Семерка прижалась к земле, спрятавшись за грибами. Животное помотало головой влево и вправо, но не остановилось. Всадник выглядел весьма довольным собой. Он беззаботно глядел в небо и не заметил бы семерку, даже если бы она пересекла тропу перед самым его носом. Пришельцы из будущего успели заметить, что глаза животного двигались независимо друг от друга.

Вскоре абориген скрылся из виду.

— Он направляется в Далаам, — шепнул Йоргенсен.

— Похоже, торговец, — добавил Ливиус.

— На Игоне нет торговли, — поправил его Марио.

— Так нам сказали. Но не бывает планет, где нет купли и продажи.

— Существует Игона, — продолжал настаивать Марио.

— Прежде чем поверить, следует проверить, — возразил Ливиус. — Эти ребята из разведки считают себя всезнайками, а в половине случаев ошибаются. Вспомните-ка Мизар. Они утверждали, что техника туземцев не превышает уровня К-. А на самом деле оказалось, что они добрались до верного Д+. Просто туземцы предпочитали глинобитные хижины баракам из железобетона, пластической стали и стекла.

— Ошибка была исправлена, — заметил Марио.

— Исправили ее мы. В последний момент.

Они снова двинулись вперед. Грибной лес стал редеть, а сами грибы едва превышали человеческий рост. Семерка продолжала путь с предосторожностями.

Уже была видна граница плато. Вдали, по ту сторону гигантского разлома, в легком тумане проглядывала скалистая вершина. Далаам лежал внизу, в каньоне, и пока оставался невидимым.

Солнце спустилось уже к самому горизонту, когда они вышли на край обрыва. Период обращения Игоны вокруг своей оси составлял сто девяносто два стандартных часа, и им следовало привыкнуть к длинным дням и ночам. Они сделали большой крут, чтобы оставить тропу в стороне. Здесь местность была совершенно открытой. Позади них над грибами плавал красноватый туман, ленивый ветерок разгонял его.

Нападение застигло их врасплох. Они не успели ни броситься на землю, ни увидеть оранжевую вспышку — их окружило жаркое пламя. Но снаряжение сработало быстрее рефлексов. Энергетические щиты закрыли их до того, как излучение достигло опасного уровня. На шлемах с клацаньем раскрылись и пришли во вращение антенны датчиков, призванных установить источник термоизлучения.

Атака длилась не более сотой доли секунды.

Ливиус с кривой ухмылкой достал оружие.

— Успокойся, — крикнул Йоргенсен. — Ты даже не знаешь, где они!

Стрелки индикаторов невозмутимо вращались с той же скоростью, что и антенны, не собираясь замирать. А ведь оружие такой мощности должно было иметь мощный генератор из металла, излучающий громадную энергию. Засечь такую штуку было проще простого. Но датчики не показывали ничего.

Люди даже не знали, в какой стороне укрыться. Конечно, энергетические щиты могли прикрыть их от любого излучения, но тратить запасы энергии, еще не вынудив противника нанести решающий удар, было неосмотрительно.

— Однозначного вывода сделать нельзя, — категорично заключил Шан д'Арг. — Либо на нас никто не нападал, и мы стали на сотые доли секунды жертвой галлюцинации, оказавшей воздействие на наши датчики, либо излучатель находится на расстоянии более тридцати километров, а это маловероятно. Возможно, наш противник располагает миниатюрным адекватным снаряжением, которое практически нельзя засечь. Последняя гипотеза ничуть не менее фантастична, чем предыдущие. Подобным оружием в весьма ограниченном количестве располагает только Федерация. Оно предназначено для темпоральных командос и некото-

рых патрулей космической службы. Для его изготовления требуется уровень А+, то есть уровень развития передовых миров Федерации.

— Поищем укрытие, — предложил Нанский. Ему было явно не по себе. Его никто не считал трусом, но термоизлучение потрясло его. Отправляясь на Игону, он не допускал вероятности нападения. К тому же против них впервые использовалось могучее оружие. Он никогда не разделял прекраснодушной уверенности остальных в техническом превосходстве Федерации. Ему приходилось находить в космосе корабли, конструкция которых была ему совершенно непонятна, а происхождение и возраст неизвестны, и это не могло не давать пищи для размышлений. В космосе явно существовали, а может, и существуют цивилизации, уровень развития которых ни в чем не уступает Федерации.

— Зачем? — спросил Йоргенсен, следя за Ливиусом, срывов которого всегда побаивался. — Щиты работают, а противник с легкостью отыщет нас в любом укрытии. Мы же не знаем ни где они, ни кто они.

— Думаю, будет разумным считать противника жителем данной планеты, и он прекрасно осведомлен о цели нашего прибытия, — с расстановкой произнес Арне Кносос. — Никто не стреляет по незнакомым людям без предупреждения, даже если они носят непривычную одежду. И только обитателям этой планеты есть смысл уничтожить нас.

Они уселись в кружок. Энергетические щиты светились непривычно ярко.

— На Альгаире появился предатель, — решительно заявил Ливиус. — Кто-то продал им оружие и сведения о нашей миссии.

Марио расхохотался.

— Среди твоих друзей слишком много уголовников, и ты привык смотреть на мир их глазами. Игонцы сами могли создать такое оружие.

— Значит, ошиблась разведка, присвоив им уровень К+.

— Возможно. Развитие Игоны могло быть весьма быстрым. Когда собирала свои сведения разведка? Пятьдесят или сто лет назад? А мы действуем на несколько десятков лет позже. Некоторые миры за такой промежуток времени успевают многое.

— Из твоих слов, Марио, вытекает и другое, — процедил Нанский. Его лицо посерело, черты заострились. — Они умеют перемещаться во времени. И перемещаются в пределах своей планеты. А потому знают, зачем мы явились.

— Глупости, — проворчал Эрин.

Йоргенсен поднял руку.

— Вы что-то хотите сказать, — спросил он, поворачиваясь к Нанскому.

Астронавт кивнул. Его руки слегка дрожали. Он глубоко вздохнул, приоткрыл рот, но никак не мог заставить себя заговорить.

— Существует одно предположение, — наконец решился он. — Никто из вас не решается выдвинуть его. Представьте, что наш противник явился не с Альгаира и он не уроженец Игоны. Он может представлять совсем иную цивилизацию.

— Невоз... — начал было Ливиус, но слова застряли у него в горле. Он уставился на Нанского. Потом медленно обвел взглядом лица остальных — скептические улыбки не могли скрыть ужаса.

«Такую возможность трудно представить, однако в глубине души каждого из нас поселился страх, — подумал Йоргенсен. — Только Нанский мог выдвинуть такую гипотезу, уж он-то знает космос. Другие просто не в состоянии допустить, что в Галактике может существовать иная межзвездная цивилизация, кроме Федерации. Всякий раз, отправляясь в экспедицию, мы задаем себе один и тот же вопрос: „Кто нас ждет, настоящий противник или нет?“ Может быть, этот противник уничтожит нас и тем самым преподнесет горький урок Федерации».

Враг из космоса.

Или из времени.

— Нам надо избрать новую тактику, — сказал Йоргенсен. — Наши инструкции предполагали уничтожение ключевых пунктов Далаама и психологическую обработку некоторого количества аборигенов. Но теперь возникла принципиально новая ситуация.

Он отвечал за командос. В обычных условиях каждый из них знал, что должен делать. Но сейчас наступил кризис.

Он вдруг ощутил, как одиноки и незащитны они, несмотря на свое вооружение и могущество. Сейчас Федерация ничем не могла им помочь. Надо было самим спасти собственную жизнь и обеспечить успех экспедиции.

Йоргенсен принял решение. Они снова двинулись в путь, но избрали иной боевой порядок. Они рассыпались по местности, удалившись на несколько сотен метров друг от друга. Время от времени они вглядывались в оставшийся позади грибной лес.

Они достигли края плато, нависшего над глубокой расщелиной. Туманная дымка скрадывала детали.

Они подошли к самому обрыву и расположились в защитном порядке. Антенны на шлемах непрерывно вращались.

Йоргенсен лег на землю на самом краю пропасти и заглянул вниз. Рядом с ним стоял Эррин — носки его ботинок были буквально в миллиметре от пустоты.

Судя по картам, они вышли прямо к Далааму. Он должен был лежать у подножья.

Йорнгенсен искал глазами город — его не было. Он ожидал увидеть строения, улицы, машины, оживленную сутолоку. А внизу был лишь голубовато-оранжевый лес с пятнами полян. Деревья были настоящими великанами, некоторые экземпляры достигали трехсотметровой высоты.

Йорнгенсен сменил настройку бинокля. Расстояние словно исчезло. Перестали мешать хлопья тумана. Йорнгенсену казалось, что он парит над вершинами деревьев. Его внимание привлекло какое-то белое пятно — оно выделялось на фоне леса и земли. Строение. Неподалеку еще одно. И еще. Город постепенно обретал очертания.

Лес не просто скрадывал контуры города — он был его частью. Туземцы вырастили лес прямо в городе — у Йорнгенсена исчезли всякие сомнения в этом. В остальной части ущелья не было даже признаков деревьев. В полученных ими данных о лесе не упоминалось. Там говорилось об обычном городе, характерном для формации полеводов и животноводов. Деревья в момент сбора информации еще не существовали.

«Сколько времени надо дереву, чтобы достигнуть трехсотметровой высоты? — спросил себя Йорнгенсен. — Пятьсот, тысячу лет?»

Он еще раз переключил бинокль. Теперь он видел сквозь густую листву леса. Он словно опустился на дно ущелья. И сделал удивительное открытие — города как такового не существовало.

Йорнгенсен встал и подозвал Марио.

— Что скажешь?

Марио пожал плечами. Он жевал питательную таблетку.

— Не будь этого солнца, рельефа и растительности, полностью соответствующих разведанным, я бы сказал, что мы не туда попали. Слишком много несоответствий.

— И город, — добавил Йорнгенсен. — Он находится на указанном месте, но совсем не похож на город.

— Ну и что? — саркастически хмыкнул Марио. — А собственно говоря, что такое город?

«В самом деле. А что такое город? — задумался Йорнгенсен, пытаясь осмыслить отсутствие упорядоченности в расположении белых домиков, скрытых под сенью деревьев. — Место для совместной жизни множества людей? Комплекс расположенных по единому плану зданий, монументов и площадей?»

Он видел города более чем на сотне планет. Подземные города, города-небоскребы с многоэтажными улицами, подводные

города и даже города в открытом космосе. Первобытные деревянные города и ультрасовременные города из стали и стекла. Но у всех у них была одна общая особенность. Улицы. Словно сеть или система капилляров.

В Далааме не было улиц. Только тропинки между домами, которые никуда не вели. Отсутствовало и подземное движение. Датчики обнаружили бы его. Движения вообще не было. Изредка они видели туземца, который неспешно трусил по тропинке, исчезал в густой тени у самого ствола дерева, затем появлялся снова или не появлялся вовсе. Обычно туземец шел с пустыми руками. И цель его перемещения оставалась неясной.

Не было в Далааме и памятников. И ничего, что хотя бы отдаленно напоминало официальное здание, общественное сооружение, мэрию, завод или даже просто хлев. Не просматривались дороги, по которым в город извне доставлялись бы продукты и промышленные товары. И никаких полей ни вокруг города, ни под деревьями.

Йоргенсен попытался прикинуть, сколько человек жило в этом лесу. Его аппаратура не позволяла заглянуть внутрь жилищ. У них были слишком толстые стены. Видно было с полсотни домиков, каждый из которых мог приютить пять-шесть человек. Лес раскинулся на несколько десятков квадратных километров. В Далааме могло жить тысяч пятьсот. Если не миллион.

А им сказали двадцать пять тысяч. В крупнейшем городе Игоны! Двадцать пять тысяч людей, занятых возделыванием земли, разведением скота, охотой. Никакой торговли. И никаких деревень.

Сведения явно были ложными

Йоргенсен выпрямился. Чистое небо. Солнце почти не сдвинулось. События на Игоне казались невероятными. Но реальность всемогуща, даже самых достоверных сведений.

Они ощутили движение земли под ногами через четверть секунды после того, как сработали датчики, и отпрянули от края пропасти. Вибрация усилилась. Противно заныло в лодыжках.

Йоргенсен понял, что следует дальше. Он подал знак «Прочь от края». Кнососа подвела нерасторопность. Трещина разверзлась раньше, чем он отшатнулся от бездны. Весь край обрыва рухнул в пустоту.

— Инфразвук, — рявкнул в наушниках голос Марио.

Кносос падал вместе с громадным обломком скалы. Когда скорость падения достигла угрожающего предела, автоматически включился антигравитационный парашют. Кносос завис над ущельем, глядя, как катятся вниз громадные камни. Когда до остальных

донесся грохот, они бросились к краю пропасти. Обвал чудом не затронул лес.

А может быть, не чудом?

Кносос парил внизу, словно паук на паутинке. Затем он включил двигатель, медленно взмыл вверх и опустился рядом со всеми. Он улыбался, но в его лице не было ни кровинки.

— На этот раз пронесло, — выдохнул он.

Вторая атака была столь же внезапна, как и первая. Йоргенсен с тоской прикинул, какое по счету нападение сломит их дух. Морально они не были подготовлены к обороне, за исключением, наверное, молчаливого Эрина с его стальными нервами.

Йоргенсен вдруг сообразил, что слышит в наушниках голос. Говорил Марио, остальные внимательно следили за его речью.

— ...не были в настоящей опасности. До сих пор наши системы защиты срабатывали как надо. Если противник действительно осведомлен о наших целях и средствах, сомнительно, чтобы он стремился нас уничтожить. Это скорее похоже на предупреждение. Эдакий ультиматум — покиньте планету, иначе вам несдобровать. Думаю, нас хотят просто-напросто запугать.

Голос Марио был спокоен. Его слова, словно ледяной душ, окутали остальных, и Йоргенсен почувствовал, как тают его собственные страхи. По правде говоря, ни он сам, ни его компаньоны настоящего страха не испытывали. Их смятение объяснялось другим — они попали в центр невероятных событий, никак не вязавшихся с полученной информацией. Обстановка была выше их понимания. И посланца всемогущей Федерации, отправленного на захудалую планетенку, это не могло не унижать.

Йоргенсен снова посмотрел на город. Кое-что начало проясняться. Казалось, низкие строения объединены в группы от восьми до двенадцати домиков, связанных тропками. Группы между собой соединяли петляющие меж деревьев дорожки. Издали это все казалось формацией из гигантских живых клеток.

Поведение туземцев по-прежнему ставило в тупик — большую часть времени они разгуливали с пустыми руками и, похоже, не подозревали, что такое работа. У них не было даже никакого разделения труда. Более того, жители Далаама, казалось, вообще не имели профессий.

«Как живут туземцы? Где добывают пищу? Кто одевает их?»

Люди выглядели беззаботными — большего Йоргенсен с тысячеметровой высоты уловить не мог.

Быть может, в Галактике Игона наилучшим образом соответствовала понятию рая? Чиновники Арха обосновали необходимость «коррекции истории» Игоны «агрессивными и воинственными

устремлениями ее обитателей». Это совершенно не вязалось с тем, что наблюдал Йоргенсен. Но официальные соображения Арха редко совпадали с истинными. Они просто позволяли излишне щепетильным членам командос не испытывать угрызений совести. Единственное, что двигало Архом, было укрепление собственной власти.

Принципы «коррекции истории» были на удивление просты. В первые времена вмешательство командос было чисто материальным — физическое уничтожение неудобных людей, городов и целых планет. Но с веками появились иные способы воздействия. Командос обрабатывали коллективную психику общества. Они вводили в подсознание некоторого количества индивидуумов понятия, мнения, иными словами, «архетипы» мышления, которые через несколько десятилетий проникали в коллективное подсознание. И тогда вспыхивали войны, процветающие цивилизации загнивали по неведомым причинам. И никто не подозревал, что зародыши их гибели были привиты им десятилетия назад командос темпорального воздействия. Чаще всего эти зародыши представлялись безобидными мелочами, но, развиваясь, оборачивались социальным раком.

Таким чудовищно-безжалостным, невидимым и неотразимым оружием пользовалась Федерация в своей несправедливой борьбе с будущими конкурентами.

«Это — преступное оружие», — говорил себе Йоргенсен, наблюдая спокойную и счастливую жизнь далаамцев. В тщательно опечатанной металлической коробке, которая лежала в одном из его карманов, хранились записи для гипнотического внушения разрушительных идей. Ему захотелось выхватить эту коробку и забросить подальше. Но он не мог решиться на это. Его слишком долго воспитывали в духе верности Федерации.

«Что думают другие? Марио, по-видимому, все понимает, об этом говорит его снисходительная улыбка. Ливиус подчинился без рассуждений. Кносос — загадка, лицо редко отражает истинные эмоции этого человека. Остальных заботит собственно действие, а не цель, которую оно преследует».

Марио тронул Йоргенсена за плечо.

— Что будем делать?

— Меня мучает тот же вопрос, — ответил Йоргенсен.

Он обдумал все. Существовал лишь один выход, который на время разрешал все проблемы. «Неизвестно, согласятся ли остальные с моим решением», — подумал он.

— Надо возвращаться на Альгаир. Считайте это отступлением. Возникло слишком много новых факторов. Я не уверен в эффек-

тивности предложенного мне плана. Гипнотическое внушение может вызвать у туземцев непредвиденную реакцию и принести больше вреда, чем пользы. Быть может, туземцы способны создавать мозговой барьер. Я не могу брать на себя ответственность за возможный провал.

Здесь он лгал самому себе. И боялся, что другие прочтут правду на его лице. Он пытался понять, разгадал ли Марио истинную подоплеку его решения.

— Это означает, что на первом этапе туземцы одержали победу, — усмехнулся Марио. — Мы оставляем их будущее в покое. Они сумели посеять в наших душах достаточную панику, чтобы поколебать нас.

— Туземцы или кто-то другой, — тихо напомнил Йоргенсен.

— Вы верите в тезис Нанского?

— Не знаю, — признался Йоргенсен. — Но если он обоснован...

Марио глубоко вздохнул. Он старался казаться невозмутимым, но его снедало беспокойство.

— Понятно, — наконец выговорил он. — Я считаю ваше решение мудрым. И присоединяюсь к нему. Пусть ситуацию разберут люди Арха.

Йоргенсен облегченно вздохнул. Пока он одержал победу. Но он недолго радовался ей.

Небо над их головами было пустым и светилося, словно внутренняя поверхность раковины. На Игоне не водилось птиц.

Ливиус уже в третий раз упрямо повторял одно и то же:

— Такого еще никогда не случалось. Никогда ни одна командос не отступала.

— Неверно, — ледяным тоном перебил его Йоргенсен. — Сто двадцать семь лет назад одна из командос вернулась, не выполнив программы. Ее члены единогласно решили, что вероятность успеха равна нулю. Именно такое решение я вам и предлагаю принять сегодня.

Марио, Кносос и Нанский присоединились к нему. Ливиус был против. Эрин молчал. Шан д'Арга мучила нерешительность, он колебался между желанием рискнуть и чувством верности Йоргенсену.

— Мы станем посмешищем Федерации, — сказал Ливиус.

— Но это лучше, чем вызвать ее гибель.

Ливиус разъярился.

— Меня ничем не напугаешь.

Лицо Нанского исказилось от гнева.

— Замолчи, — глухо сказал он. — Мы сотни раз доказывали, что не относимся к разряду трусов. Я боюсь лишь одного — допустить оплошность.

В разговор вмешался Шан д'Арг.

— Ливиус, я солдат. И уйду от опасности, кляня себя за трусость. Но Йоргенсен прав. Дело касается не только нас. Есть Федерация. И есть туземцы.

Лицо Йоргенсена просветлело. Еще один голос. Эрин присоединится к большинству. Осталось убедить одного Ливиуса.

— Можешь оставаться здесь, Ливиус, — отрезал Йоргенсен. — Веди войну в одиночку. Либо согласишься с большинством. Ты имеешь право выбора.

И тут же Йоргенсен сообразил, что допустил промах. Из-за волнения он сказал больше, чем хотел.

— Мы вернемся, — добавил он. — Мы отправляемся за новыми директивами. Следует предупредить Федерацию о наличии хорошо вооруженного противника. И обо всех изменениях. Мы не капитулируем. Времени у нас хватает и для отступления, и для победы.

Ливиус смотрел в землю и играл оружием. Он бросил взгляд в направлении Далаама. Деревья по-прежнему скрывали неведомую реальность. Он вспоминал о прошлых экспедициях, об империи полумразумных ящеров, которую они развалили на планете джунглей Бании, о кристаллах-математиках, которые свели с ума узальских гуманоидов на Ломире. Каждый раз задача была простой и конкретной. Здесь же не было никакой ясности. Его коробило от сознания, что он бежит от неразгаданной тайны.

— Будь по-вашему.

С его лица не сходила горькая усмешка.

Споры гигантских грибов покрыли землю толстым ковром красноватой пыли. Люди шли молча, держа оружие наготове. На шлемах вращались антенны датчиков. Йоргенсен ощущал небольшую металлическую коробку. Далаам победил. Но жители его, казалось, вовсе и не подозревали о своей победе.

— Мы столкнулись с оригинальным обществом, — проговорил Марио. — У них, похоже, нет ни правительства, ни экономики, ни централизации. И в то же время они способны защитить себя. Интересно, что случилось бы, попытайся мы уничтожить лес?

— Думаю, мы потерпели бы крах, — задумчиво ответил Йоргенсен.

— Мне тоже так кажется. Город выглядел таким спокойным, а жители и не подозревали о нашем присутствии. И одновременно от леса веяло какой-то силой. И пока я смотрел на лес, мне было не по себе.

Остальные почти хором согласились.

— Вы считаете, что на нас пытались оказать психологическое воздействие? — спросил Нанский у Марио.

— Не исключено. Датчики не работали. Но мы в принципе защищены от любой формы внушения. У меня сложилось впечатление, что лес скрывает что-то очень ценное, живое и могущественное, и мы не вправе уничтожать это. Интуитивное ощущение. Не больше.

— Я тоже ощущал нечто подобное, — согласился Йоргенсен.

— Прежде я никогда ничего похожего не испытывал, — признался Марио. — Может, иногда, слушая симфоническую музыку. Чувство, что ты на пороге какого-то нового, неизвестного мира, в сущность которого до конца не проникнешь и к которому никогда не будешь принадлежать. Скорее всего, гнев Ливиуса вызван именно этим обстоятельством.

Ливиус шел в одиночестве, в стороне от других. Вдруг в наушниках взревел сигнал датчика, и все мгновенно застыли на месте.

— Там, — Ливиус махнул рукой в сторону двух грибов.

В красном тумане спор что-то двигалось. Несомненно, это был человек, но очертания его фигуры были неясными, словно он шел под защитой энергетического щита. Все бесшумно бросились врассыпную, пытаясь окружить незнакомца. Йоргенсен потерял их из виду, но благодаря датчикам знал точное местонахождение каждого.

— Может, наберем высоту? — предложил Ливиус. Голос его дрожал от возбуждения.

— Ни в коем случае. Оставаться на земле.

Это мог быть следивший за ними туземец. Но тогда почему так долго безмолвствовали датчики? «Туземец обнаружил себя сознательно», — подумал Йоргенсен.

Если это был туземец.

Первый разряд пронесся белой молнией, сбив шляпки с десятка вспыхнувших грибов. В небо взвились клубы красного дыма. Автоматически включилась защита.

— Не стрелять, — крикнул в микрофон Йоргенсен в момент, когда раздался второй энергетический залп. Разряд попал прямо в Ливиуса. Его щит налился белизной и снова стал невидимым, сыграв свою защитную роль.

Все семеро кинулись за туземцем. Заросли грибов становились реже, началась зона обвалов. Они часто теряли друг друга из вида, но датчики точно указывали положение каждого. Еще немного, и они настигнут беглеца.

— Взлет? — заорал Ливиус.

Йоргенсен колебался. Они могли включить антигравитационные блоки и пролететь над лабиринтом скал. Но тогда они станут уязвимыми, а у незнакомца вполне могло быть мощное и опасное оружие. Кроме того, они сразу открывали противнику свои тактические возможности. Рассудительность требовала хранить козыри до решающего хода.

— Давайте! — наконец решился Йоргенсен.

И почти тут же услышал яростный вопль Ливиуса.

— Мой блок не работает. Попробуйте свои.

Йоргенсен машинально нажал крохотную кнопку у пояса. Но вверх не взлетел. Он огляделся. В воздухе не было и остальных.

— Нейтрализующее поле, — крикнул Марио. — Ребята весьма сильны.

В его голосе слышалась нотка удовлетворения. Он оценивал ситуацию, как игрок.

И почти тут же он выстрелил. Энергетический разряд был средней силы — чтобы не убить, а оглушить беглеца. Выстрел попал в цель, но человек не остановился и скрылся за скалой.

— Щиты, — отчаянным голосом выкрикнул Нанский.

Йоргенсен кинул взгляд на бегущего впереди Марио. Защитного ореола у него не было. Йоргенсен не мог видеть собственный энергетический экран, но, бросив взгляд на контрольную шкалу на правом запястье, понял, что тоже остался без защиты.

Неведомый противник затеял с ними опасную игру.

Но не похоже, чтобы он стремился их уничтожить. Лишить их защитных экранов — значит располагать более совершенной технологией и практически неиссякаемым источником энергии. Такой мог уничтожить их с самого начала. А он стремился их запугать. Может, это элементарный садизм? А может, желание доказать, что ни одно их оружие не причиняет ему ни малейшего беспокойства?

— Прекратить преследование, — приказал Йоргенсен.

— Попался, — раздался голос Марио в наушниках.

Марио выстрелил два раз. Йоргенсен не видел, как он стрелял, но отчетливо слышал легкий треск разрядов.

— Я прикончил его, — произнес Марио.

Но раздались новые залпы, и один разряд пронесся так близко от Йоргенсена, что на мгновение ослепил его. Он бросился на землю, затем вскочил на ноги и пустился бежать туда, где исчез Марио. Вскарабкавшись на скалу, он увидел внизу небольшую ложбину. Йоргенсен скользнул вниз и замер, оглушенный безмолвием. Некоторое время он стоял в полном оцепении, глядя на бешено вращающиеся стрелки датчиков. Ему вдруг стало понятно, что такое

заблудиться. Он вспомнил, как давным-давно, еще в детстве, заблудился на Игоре-2. И хотя планета была мирной и ему ничто не угрожало, все звуки приобрели какой-то зловещий оттенок. Он шел вперед, ни разу не остановившись до самой зари. Отец отыскал его на берегу реки. Он ничего ему не сказал. Так и не перемолвившись ни словом, они вернулись домой.

Йоргенсен отогнал воспоминания. С большим трудом он вскарабкался на противоположный откос. Снова скалы. Он взобрался на самую высокую. Он никого не видел, наушники онемели. Он слышал лишь стук собственного сердца.

Стоит ли бояться? Если бы их хотели уничтожить...

Вдруг он заметил в расщелине Марио. Он махнул Марио рукой, но тот его не заметил. Йоргенсен бесшумно подошел к нему, стараясь не наступать на округлые камешки. Жарко припекало солнце, а комбинезон перестал предохранять от его лучей.

Марио, не отрываясь, смотрел на что-то лежащее позади скалы. Йоргенсену не надо было задавать вопросов, чтобы понять — произошло что-то невероятное. Йоргенсен подошел к Марио вплотную, но тот даже не повернул головы. Ему пришлось отодвинуть Марио в сторону, чтобы понять причину такого оцепенения.

Убитый был распростерт у подножья скалы. Ни один робот-хирург не смог бы вернуть его к жизни. Залп практически перерубил человека пополам.

На трупе была форма темпоральных командос. Но не это было главным.

Он как две капли воды походил на Марио.

Они с трудом передвигали ноги.

— Вы уверены, что мы идем правильно? — спросил Йоргенсен.

Эрин кивнул. Датчики отказали. Их единственной надеждой на спасение был темпоральный маяк. Если его удастся активизировать... Они сохранили при себе бесполезное теперь оружие. Мышцы налились усталостью. Из-под шлемов струился пот. «Мы уязвимы, как младенцы, — усмехнулся про себя Йоргенсен. — Беззащитны. Обнажены перед лицом неведомого и могущественного противника. И столь же безоружны, как, похоже, и жители Да-лаама».

Эта мысль поразила Йоргенсена. Может, именно в этом крылся ключ к разгадке? Может, это и хотел внушить им невидимый противник? В предыдущих экспедициях их противники не имели и шанса на успех. А командос действовали под защитой своих энергетических щитов, шлемов, термокомбинезонов. Их постоянно

охранял кокон из аппаратуры. Они могли летать над континентами и океанами, общаться через толщу гор, они ежесекундно знали, где находится каждый член командос, где установлен темпоральный маяк, где расположен нужный город. Они всегда верили в себя и в свое оружие.

Но не сейчас. И не здесь. Сейчас и здесь, на Игоне, они были наги и безоружны. Всегда между членами командос и реальностью стояли машины. Иногда, ради спортивного интереса, они убирали их. Но машины были всегда рядом, готовые прийти на помощь, выручить, спасти от боли, усталости, смятения. Они никогда не вступали в настоящую драку. За них сражались машины, а им казалось, что они управляют ими. Федерацию охраняли машины, и люди верили, что, не будь их, они жили бы в постоянной опасности.

Но не сейчас и не здесь.

«Жители Далаама знают, что такое настоящая борьба», — с горечью думал Йоргенсен, и его мнение разделяли остальные. Они шли молча, опустив головы, борясь с жаждой (система регенерации воды тоже отказала), жарой и усталостью. «Жители Далаама преподают тебе урок, не спрашивая твоего согласия. Может, они хотят изгнать тебя со своей планеты. А может, желают, чтобы ты спустился к ним, под сень их деревьев?»

Они оставили тело Марио-2 на месте гибели, поспешно осмотрев его. Сомнений не оставалось. Это был Марио. А другой Марио шел вместе с ними. Там, в герметичном мешке, остался абсолютный двойник Марио, с теми же отпечатками пальцев, теми же шрамами. Более тщательного обследования они сделать не могли — их инструменты не функционировали. Но иных доказательств и не требовалось. Они знали, с чем столкнулись.

С абсолютной идентичностью двух организмов.

Быть может, и существовали различия на клеточном уровне, но играло ли это сейчас какую-то роль? Во Вселенной не может одновременно существовать два совершенно идентичных предмета или существа, но в данный момент и в данной точке существовали два идентичных Марио. Различие между ними было небольшим. Один из них оказался проворнее и убил другого. Однако идентичное оружие у обоих не было отрегулировано на смертельную дозу. Сейчас один Марио лежал в герметичном мешке, а другой боролся с жаждой и усталостью.

«С кем из них я покинул Альгаир?» — спрашивал себя Йоргенсен, стараясь не глядеть в сторону товарища. — С кем из них я говорил о Далааме? С тем, кто умер? Тогда с нами идет лже-Марио, убивший одного из нас. А может, это мы одержали верх над про-

тивником? Или уничтожили призрак, предназначенный ввести нас в заблуждение?»

Все хранили угрюмое молчание. Ведь если идущий рядом Марио враг, они могут снабдить его информацией, которая обернется против них. Марио не протестовал против решения Йоргенсена. Необходимость его была очевидной.

Инженеры Службы времени и выборщики смогут решить задачу, если командос удастся вернуться на Альтаир.

Йоргенсену вдруг захотелось, чтобы их постигла неудача. У него мелькнула новая мысль. А не разыграли ли здесь, на Игоне, с ними мизансцену, дабы облегчить проникновение на Альтаир, в цитадель Федерации, вражеского агента, шпиона, посланного для раскрытия тайн путешествий во времени? Но в этом предположении отсутствовала логика. Невидимый противник показал свое очевидное могущество. И Йоргенсен не сомневался — такому врагу ничего не стоило незаметно просочиться на любую планету Федерации. Возможно, он не мог попасть туда в нужный ему год. Тогда невидимка стремится выйти к истокам наших коррекций времени, чтобы в свою очередь воздействовать на будущее Федерации.

Йоргенсена терзали сомнения.

— Я не узнаю местности, — сказал он. — Вот эти грибы были слева. Теперь они должны быть справа.

Эрин упрямо покачал головой.

— Нам осталось идти с час. Может, часа два. Но мы идем верно. Поглядите на горы.

Вся семерка доверилась его умению ориентироваться в горах. Если они пройдут мимо маяка, то не отыщут его и за десять лет. Красные споры скрыли все их следы.

«Час на размышления», — подумал Йоргенсен. Он попытался представить себе произведения Арана — тонкие хитросплетения дымчатых спиралей, принимающие окончательную форму под руками скульптора. Ему казалось, что они отражали образ времени, образ их судьбы, образ Игоны.

И любой щелчок извне мог изменить линии их судьбы.

3

Эрин поднял руку, и Йоргенсен сразу узнал поляну. Близилась ночь. Она продлится девяносто шесть часов, а за столь долгое время сильно похолодает. Их генераторы энергии не функционировали. Термоустройства комбинезонов отказали. Они рисковали погибнуть от холода, если не сумеют вернуться на Альтаир.

Да, это была поляна, на которую они прибыли несколько часов назад. Ливиус и Кносос рванулись вперед, несмотря на невероятную усталость. Один Шан д'Арг сохранил свою быструю, упругую походку.

— Стойте, — крикнул Йоргенсен.

Все замерли на месте.

Йоргенсен потер лоб. Ему не нравилось то, что надлежало сделать.

— Марио, бросьте оружие на землю, — приказал он твердо. — Расстегните пояс. Шлем можете оставить.

Марио медленно повернулся к нему. Потом улыбнулся. Его лицо было серым от пыли, под глазами чернели круги.

— Я вас понимаю, — произнес он. — Вы мне не доверяете и не уверены, враг я или нет.

— Я не имею права рисковать.

Йоргенсен расправил плечи, погладил правой рукой рукоять мертвого оружия. Закатное солнце бросало на его лицо красные блики. Марио устало уронил оружие к ногам. Затем открыл магнитную застежку пояса, и тот соскользнул на землю. Встроенный генератор энергии, антигравитационный блок, ядерные гранаты, симбиотический комплекс — все не работало, все превратилось в мертвый груз. Однако пояс служил еще и символом беспредельного могущества посланцев Федерации. «Теперь предел этому могуществу установила Игона», — подумал Йоргенсен. Он понимал чувства Марио, если тот был своим.

— Ливиус.

— Слушаю, — отозвался тот с недовольной гримасой.

— У вас сохранился кинжал?

Вопрос был излишним. Ливиус никогда с ним не расставался. Он был единственным в командос, кто искусно владел этим древним оружием. Он умел и метать его, и драться им. Даже Шан д'Арг побаивался его ножа.

— Конечно, — ответил Ливиус, отбросив со лба прилипшие волосы.

— Будете следить за Марио, — Йоргенсен избегал смотреть на них. — При малейшем подозрительном жесте убейте его. Вы поняли? Повторите.

Ливиус посмотрел на Марио, потом на Йоргенсена и снова на Марио.

— При малейшем подозрительном жесте убить его, — едва слышно выговорил он.

Остальные молчали. Их сапоги были запорошены красной пылью спор.

— Попробуем вернуться на Альтаир. Маяк прямо перед нами. Вы понимаете, что я не могу рисковать. Если подлинный Марио мертв, а с нами его копия, то в момент активации маяка его оружие заработает, и он, перестреляв нас, в одиночку отбудет на Альтаир и...

Он не кончил фразы.

— Я понимаю, — заговорил Марио. — На вашем месте я поступил бы точно так же. У меня нет средств доказать, кто я на самом деле.

«Никто из нас не может доказать, кто он, — вдруг сообразил Йоргенсен. На лбу его проступили бисеринки холодного пота. — Никто. Во время погони каждый из них на какие-то мгновения оставался один. Быть может, под одной скалой лежит труп Ливиуса, под другой — Кнососа, под третьей — Нанского, а под четвертой... Я не могу доверять ни одному. И в состоянии ответить лишь за себя. А если я ошибаюсь и в самом себе?»

Он не решился поделиться своими соображениями.

— Идите первым, Марио, — приказал он, с трудом сглотив слюну.

Марио повернулся и, переставляя одеревеневшие ноги, двинулся вперед. Ливиус, подобрав с земли оружие и пояс, пошел за ним следом. Остальные нехотя тоже тронулись с места. Небо слева горело адским пламенем, и только вершины гор сияли белыми шапками.

Замаскированный маяк высился посреди поляны. Йоргенсен облегченно вздохнул и едва сдержался, чтобы не рвануться вперед, подобно Кнососу и Ливиусу. Он уже не надеялся отыскать поляну и боялся, что маяка на ней не окажется.

Он приблизился к скале, провел ладонью по шероховатой поверхности и почувствовал легкий укол тока. Кончиками пальцев он нащупал выступ, за которым пряталась клавиша контакта. И нажал на нее. Но ничего не произошло. И прекратилось покалывание в пальцах.

Йоргенсен стал торопливо, ощупывая выступ.

— Ливиус, — он пытался совладать с собственным голосом, — передайте мне оружие Марио.

Поймав брошенный пистолет, Йоргенсен ударил рукояткой по выступу — что-то могло заклинить.

Оружие со звоном отскочило от камня. Йоргенсен ударил сильнее. Болели все мышцы. Нестерпимо хотелось вновь услышать резкий и четкий альтайрский говор. Скала крошилась, летели осколки. Йоргенсен с остервенением колотил по камню. Наконец, обессилив, он повернулся к товарищам. Слова были лишними.

Маяк стоял на прежнем месте. Но дверь на Альгаир захлопнулась. Замаскированный под скалу маяк неизвестно отчего стал камнем.

Марио, по-видимому, все понял и расхохотался. Их, как маленьких, обвели вокруг пальца. Они спрятали маяк, а противник отрезал им путь к отступлению, превратив его в скалу.

Они стали пленниками Игоны и скоро станут пленниками ночи. К тому же среди них, возможно, имеется враг.

Ножки грибов полыхали светлым пламенем. Ливиусу удалось разжечь костер самым древним способом — высекая искры из камня.

Члены командос с недоумением смотрели на пламя — большинство из них видело огонь впервые.

Они инстинктивно уселись вокруг костра, протянув к огню озябшие руки и ноги. Ливиус играл кинжалом, искоса поглядывая на Марио и напевая песенку, которая с детства запала в памяти.

«Итак, мы заброшены на тысячу лет назад. Нет, не на тысячу, на сто тысяч лет назад, — думал Йоргенсен. — Мы впервые совершили настоящее путешествие во времени. Попали в эпоху, когда человек с голыми руками один на один выходил на дикого зверя, высекал огонь и даже не подозревал, что когда-то покинет Землю и поселится в космосе».

Ножки грибов горели с веселым треском. Отрешившись от всего, Марио не мигая смотрел на пламя.

«Еще девяносто часов ночи», — прикидывал Йоргенсен. У него пересохло в горле. Они выпили всю воду, выработанную симбиотическим комплексом. С рассветом придется отправиться на поиски воды, а она, скорее всего, находится на дне ущелья, рядом с Далаамом.

«Кроме огня и голых рук, нас с нашими далекими предками сближает еще одно, — решил Йоргенсен. — Недоверие». Они замкнулись в себе, не зная, кто прячется за лицом друга, бок о бок с которым не раз приходилось сражаться. Наверное, нечто подобное испытывали первобытные охотники. Сотрудничество, взаимное доверие явились плодом многовекового пути вверх по ступеням цивилизации.

«Недоверие — истинная причина нашего пребывания здесь, — неожиданно осенило Йоргенсена, и эта мысль словно разогнала мрак ночи. — Именно потому, что Федерация не доверяет будущему иных миров, мы и призваны действовать. Самый сильный или самый умный из первобытных охотников постоянно был на чеку, боясь и сородича, и соседнего племени. И вот Федерация, могущественное цивилизованное объединение миров Галактики,

мыслит и действует столь же примитивно, как и первобытный охотник».

Зловещая тень недоверия как-то сразу разделила и семерых членов командос, и то же недоверие опутало тяжелыми кандалами Марио. Но оно было лишь отражением недоверия Федерации к иным мирам. Они боялись, что Марио окажется чужаком, врагом, — возможно ли допустить, что чужой может быть другом, ведь они сами прибыли на Игону тайно, по-воровски!

Так и случилось.

Обитатели Игоны, возможно, жители Далаама, а может, таинственные пришельцы, поставившие их в критическое положение, расплатились с ними их собственной монетой. Семерка явилась на Игону в полной уверенности, что далаамцы бессильны против нее, а теперь беспомощной оказалась она. Каждый из них нес в себе недоверие, страхи и ненависть Федерации, и все это обернулось против них.

«Игона стала зеркалом, — размышлял Йоргенсен. — Она отразила наше истинное лицо. Явись мы сюда безоружными, с сердцем, исполненным дружбы и доверия, спроси мы далаамцев, что они думают о жизни и что мы можем им предложить... А что мы могли бы им предложить?

Наше могущество?

Но они раздавили нас, как мух.

Явись мы с нашими проблемами, нашими жизнями, нашим будущим ради того, чтобы договориться, а не разрушать, был бы иным результат?

Нет на это ответа. И не будет, если только не пойти с расспросами к жителям города. Ведь они не убили нас, как поступили бы на их месте мы. Они пригрозили нам нашим же оружием, они оглушили нас дубинкой нашего же страха. И на этом не остановятся, сомневаться не приходится. Они ни к чему не принуждают нас. Они всего-навсего обращают против нас наше оружие, топят нас в болоте наших же проблем».

Напрашивалось единственное решение. Оно было светлым, как огонь, жгучим, как огонь, страшным, как огонь, и, словно огонь, оно могло рассеять мрак ночи.

Йоргенсен решился сделать первый шаг к восстановлению доверия.

— Спрячь кинжал, Ливиус, — начал он. — А ты, Марио, забудь о моих словах. Я ошибся. Я верю, что ты свой. Думаю, тот Марио в скалах был лишь ловкой подделкой, дабы ввести нас в заблуждение. Не обмануть, а направить наши мысли по новому пути. До сих пор мы шли ложной дорогой.

— Вы хотите нашей гибели, — прервал его Ливиус. — Только осторожность может нас спасти.

Шан д'Арг отвернул лицо от огня.

— Я не столь категоричен, как Ливиус, — сказал он, — но я тоже не понимаю вас. Откуда вдруг столь резкая перемена?

— Мне кажется, я кое в чем разобрался, — ответил Йоргенсен. — Я могу ошибаться, но готов пойти на риск. Предлагаю вам последовать за мной.

— Что вы понимаете под риском? — резко спросил Нанский.

Йоргенсен не стал отвечать ему.

— Я хочу отправиться в Далаам, — сказал он. — Я спущусь в город и вступлю в контакт с аборигенами. Я хочу понять, что происходит, и уверен, Далаам поможет мне в этом.

— Вы не имеете права так поступить, — вмешался Кносос. — Правила запрещают всякий контакт с туземцами. Альгаир...

Йоргенсен подбросил в огонь ножку гриба. В небо взметнулся вихрь искр.

— Альгаир! — воскликнул он. — Кто из вас может показать мне на небе, где находится Альгаир? И в каком веке истории Альгаира мы живем в данный момент? Есть ли у нас шанс попасть на Альгаир в наше время? И вспоминают ли о нас люди Альгаира?

Он поднялся. На фоне костра плясала его тень. «Прекрасная мишень, — мелькнула мысль. — Пусть она будет еще больше, чтобы далаамцы, следящие за нами из тьмы, знали, что я не боюсь нападения с их стороны».

— Альгаир и его правила, Федерация и ее законы — мертвые слова для нас в нашем положении. Рядом с нами другой мир. Мне надлежит отправиться туда и понять, что происходит.

— Еще ни одна командос... — начал Кносос.

— Знаю. Но еще ни одна командос и не оказывалась пленницей планеты. Такое, наверное, должно было случиться. В какой-то мере я рад, что это случилось с нами, а не с другими.

— Почему?

Йоргенсен поколебался.

— Не знаю. Не в силах вам объяснить. Пока. Уверен только, что я прав.

Он не мог толком объяснить своих ощущений. Интуитивное понимание того, что ответ следует искать именно в Далааме, пришло внезапно. В путь следовало тронуться немедленно, пока сомнения не изменят принятого им решения. Каждый должен был прийти к этому сам. Он оказался первым. А может, Марио понял все раньше его и именно поэтому появился мертвый двойник...

— Вы больны, — сказал Кносос. — Вас бьет дрожь.

Йоргенсен покачал головой.

— У меня еще никогда голова не работала с такой ясностью.

— Вы идете навстречу смерти.

— Навстречу? Думаю, вы понимаете, что мы живы сейчас по их воле. Если бы они собирались перебить нас, они давно бы это сделали, не подвергая себя опасности. Они могли убить нас, заменить двойниками и отправить их на Алтай.

— А вместо этого они отрезали нам путь к отступлению.

— И приглашают нас тем самым в их город. Они намерены встретиться с нами. Не думаю, чтобы они питали к нам ненависть. Скорее всего, ими движет любознательность. Мне следовало понять это, увидев их поселение. Но я думал лишь о выполнении нашей разрушительной миссии.

— А теперь? — спросил Кносос.

— Теперь я хочу встретиться с ними.

— И сообщить им, зачем мы сюда явились, что нам известно о путешествиях во времени?

— Возможно. К тому же, полагаю, этих тайн для них не существует. Оружие наше потеряло силу. Путешествия во времени для нас прекратились. Остались они и мы.

— Я не пушу вас, Йоргенсен. Координатора можно сместить во имя командос.

— Вы ошибаетесь, Кносос. У нас нет ни оружия, ни аппаратуры, а значит, нет и командос. В чем сила и слитность командос? В технической оснащенности, в невероятном могуществе. У нас ничего не осталось, кроме людей. Каждому следует глянуть истине в глаза. Не усложняйте создавшегося положения, Кносос. Клянусь, я знаю, что делаю.

Кносос кинулся прямо через костер на Йоргенсена. Он оглушил бы Йоргенсена рукояткой пистолета, если бы координатор не отклонил голову. Удар пришелся по плечу. Йоргенсен скривился от боли, отскочил назад и принял оборонительную позу. Он жалел, что снял шлем. И едва успел согнуться, чтобы парировать удар ногой. Но все же носок сапога пришелся ему в живот — у Йоргенсена потемнело в глазах. Превозмогая боль, он бросился вперед. Правым кулаком с силой ткнул Кнососа в грудь, а ребром левой ладони попытался ударить по горлу, но Кносос отскочил в сторону. Йоргенсен потерял равновесие и рухнул лицом вперед. Он тут же сжался в клубок и мгновенно вскочил на ноги. Его тренированное тело сражалось само, а разум наблюдал за схваткой как бы со стороны. «Мы сцепились, как первобытные охотники, голыми руками, не хватает пустить в ход когти», — подумал он.

Йоргенсен слышал прерывистое дыхание соперника и стук ударов. Кносос споткнулся. Йоргенсен прыгнул и ногой ударил по руке Кнососа, сжимавшей оружие. Оно отлетело далеко в сторону.

Но тут Кносос схватил Йоргенсена за ноги и крикнул:

— Помогите мне! Держите его!

Никто не шелохнулся. Люди с застывшими лицами наблюдали за схваткой. Дерущиеся свалились на землю рядом с костром, Йоргенсен оказался внизу. Пальцы Кнососа вцепились в его горло. Йоргенсен напрягся, выгнулся и перебросил противника через себя.

Йоргенсен открыл глаза, с наслаждением вдохнул воздух и медленно привстал. Тело ломило. Вдруг он услышал нечеловеческий вой и понял, что слышит его уже давно...

Выл Кносос. Он лежал посреди костра. Остальные оцепенело смотрели на него.

«Я победил, — думал Йоргенсен, потирая подбородок. — Вот я и великий охотник».

Он бросился в огонь, схватил Кнососа за руку, выволок его из костра и, оттащив подальше, тяжело опустился на землю. Как во сне, он слышал стоны Кнососа и видел, как Шан д'Арг разрезал на нем одежду и, достав из пояса флакончик, стал втирать его содержимое в обгоревшую кожу.

Йоргенсен поднялся, чувствуя дрожь в ногах. У Кнососа была повреждена рука, и Шан д'Арг осторожно ощупывал ее.

— Ничего страшного, — сказал он. — Еще легко отделался.

— Почему никто из вас не вмешался? — спросил Йоргенсен.

— Это был ваш бой. Вы победили, — ответил за всех Шан д'Арг. — Если бы не бросил вызов Кносос, вам пришлось бы иметь дело со мной.

Йоргенсен молчал, глубоко дыша. Он отбросил свой пояс в сторону, подобрал кинжал Ливиуса и разрезал комбинезон.

— А теперь? — спросил он.

Шан д'Арг ответил, не поднимая головы:

— Вы можете спокойно отправляться в Далаам. Вы победили. Я не могу драться с вами после того, как вы истратили все силы.

— Сильный всегда прав, — с горечью проговорил Йоргенсен, сплевывая кровь.

— Сила здесь ни при чем, — возразил Шан д'Арг. — Это была схватка мужчин. Вы победили. Вот и все.

Йоргенсен задумчиво глядел на него. Он с трудом понимал Шан д'Арга, который хорошо разбирался в рукопашном бою, умел понять и победителя, и проигравшего. В его словах крылась исти-

на, но Йоргенсен едва угадывал ее. Для Шан д'Арга главным было то, что точка зрения Йоргенсена противоречила принципам командос. Кто-то должен был вызвать Йоргенсена на дуэль, чтобы защитить ее честь. Теперь Йоргенсен победил, и понятие собственной чести не позволяло Шан д'Аргу ставить под сомнение исход и смысл дуэли. Он не будет драться с усталым человеком. С его точки зрения, это было бы низостью. Победив Кнососу, Йоргенсен завоевал право поступать по-своему.

— Я ухожу, — сказал он.

— Будь по-вашему, — согласился Шан д'Арг. — Подождите секунд.

Он открыл одну из коробок, висящих на поясе, и достал мешочек, наполовину наполненный водой, — все, что осталось от его симбиотического комплекса. Он протянул его Йоргенсену.

— Возьмите. Он вам пригодится. У меня хватит воды для Кнососу.

— А вы сами?

— Завтра мы спустимся в долину и отыщем источник.

— Спасибо, — поблагодарил Йоргенсен. Он не имел права отказываться. Он посмотрел на костер и четверку остальных, затем повернулся и сделал несколько шагов.

— Я иду с вами, — крикнул Марио.

— Нет, — ответил Йоргенсен, не оборачиваясь. — Позже, если захочешь, пойдешь. Но сейчас я должен идти в одиночку.

У него кружилась голова. «Дрался я в одиночку. А потому и должен идти один. Каждый из них должен сам понять, почему ему следует идти в Далаам».

Он подобрал и застегнул на себе пояс. Сунул за него кинжал Ливиуса. Отныне он был орудием труда.

— Прощайте, — сказал он так тихо, что его, похоже, и не услышали.

Он ускорил шаг и растворился во мраке ночи. Вскоре небо свод потемнел, звезды затянуло тучами, и огромные капли дождя освежили его разгоряченное тело.

Когда Йоргенсен проснулся, его удивило, что все еще стояла ночь. Он глянул на часы — проспал пятнадцать часов. До рассвета оставалось еще целых шестьдесят часов.

Он расстегнул пояс и взмахом кинжала срезал с него оружие и аппаратуру. Затем принялся кромсать на себе одежду. Синтетическая ткань поддавалась с трудом, что только удвоило его рвение. Он хотел войти в город, как туземец, оставив только часы, хотя все не был уверен в том, правильно ли они идут.

Босиком, полунагой, Йоргенсен ощутил себя свободным. Он провел рукой по лицу, пальцы нащупали запекшуюся кровь и щетину пробившейся бороды.

Он сложил все в кучу — может, туземцам сгодится. Затем поднял фонарик. Он был размером с палец, и его луч бил на добрый километр. Сейчас же он светил не ярче свечки. Странно, что он вообще работал. Видно, нейтрализующее поле не совсем вывело его из строя. А может, таинственный противник решил дать им шанс в этой непроглядной ночи.

Он побаивался спуска в Далаам и решил идти по тропе.

Та отыскалась у самого обрыва — ее обозначали едва светящиеся камушки. Этого было достаточно, чтобы не сбиться с пути. Далаамцы, по-видимому, пользовались тропой и по ночам.

Дорожка втянулась в узкое ущелье и круто пошла вниз. Йоргенсен замедлил шаг. Стена справа исчезла. По слабой фосфоресценции вдоль края тропы он угадал пропасть. Она была бездонна, как небо, но пугала сильнее — в ней не светилось ни огонька, ни звездочки.

Некоторое время он шел, прислушиваясь к шороху камешков, срывавшихся из-под ног. Шагать вдоль вертикального обрыва в темноте ночи было легко и приятно. Даже пропасть уже не страшила, а манила своей неизвестностью.

Глянув вниз, Йоргенсен увидел на дне ущелья бледноватое свечение. И чем ниже он спускался, тем четче вырисовывались контуры этого опалового облачка. Выделялись более светлые участки, а темные зоны походили на заброшенную сверху сеть. Это был ночной Далаам.

Свечение не было искусственным и, похоже, рождалось в воздухе. С высоты, где находился Йоргенсен, было видно, что свет исходит не от фонарей. Он как бы пронизывал лес. Скорее всего, светились сами деревья. Светящиеся камешки вдоль тропы свидетельствовали, что в почве много фосфоресцирующих веществ. По-видимому, деревья накапливали энергию в дневное время, а ночью освещали город.

Такой симбиоз города с лесом поразил Йоргенсена. Если туземцы специально вывели такой вид деревьев, значит, они обладают глубокими познаниями в области генетики. Еще одна загадка Игоны!

Как только огромные круглые листья сомкнулись над головой Йоргенсена, ярче засветилась тропа. Он понял, в чем дело, через несколько метров: тропинка бежала вдоль чудовищных размеров ветви, во всем повторяя ее изгибы. После двух или трех поворотов он оказался у широкого отверстия в стволе.

Йоргенсен застыл в нерешительности. Не иначе это был вход в город. Ни охраны, ни предохранительных устройств. Тишину нарушал только шорох листвы. Вокруг ни души. Решившись, Йоргенсен сделал шаг внутрь дерева. В конце концов, он явился в город с открытым забралом и без оружия в руках. Само по себе это было риском.

Туннель вился внутри ствола. Свет сочился из его гладких овальных стен, потолка и пола. Метров через двести туннель кончился. Дорожка снова наклонно побежала вдоль ветви. Дерево, росшее рядом с обрывом, было самым громадным в лесу. Земли еще не было видно. В глубине леса было темнее, кроны деревьев служили здесь не только источником света, но и своего рода крышей.

Дорожка раздвоилась. Ветвь поменьше уходила вверх, а побольше — вниз. Йоргенсен без колебаний выбрал спуск. Ему хотелось поскорее оказаться в городе. Поражал размах ветвей. Позже он понял, что мощные ветви опирались на кроны более низких деревьев, вернее, лес состоял из нескольких связанных друг с другом ярусов и именно они составляли «кварталы» города. Пока все это вызывало только восхищение.

Он ступил на землю, почти не заметив перехода. Но через несколько метров дорожка, петлявшая среди слабо фосфоресцирующей травы, оборвалась.

Йоргенсен в недоумении остановился. В разные стороны разбегались с полдюжины узеньких тропок, которые исчезали позади циклопических стволов. Он немного помедлил, а потом двинулся по крайней левой. Он осторожно шел вперед, пока не заметил сложное из огромных камней жилище — низкое одноэтажное строение с плоской крышей и высокими узкими окнами. Внутри было темно. Тропинка упиралась прямо в крылечко со светящейся дверью.

Никаких признаков жизни. Ни шума, ни дымка над крышей. Йоргенсен обогнул жилище на почтительном расстоянии и наткнулся на другую тропинку, которая вела к еще одному такому же домику — из-за стволов виднелась лишь часть его стены. Именно таким он видел город в окуляры своего ордзи-бинокля.

Йоргенсен вернулся на первую тропку, не зная, что предпринять. Можно было подойти к двери и постучать. Если ему откроют, он постарается объясниться на игонском — мнемотехники обучили их местному языку еще на Альтаире. Если никого не окажется, он обследует жилище и отдохнет.

Но Йоргенсена смущало, что его внешний вид может отпугнуть туземцев. К тому же он слишком мало знал обычаи далаамцев,

а потому решил прилечь в траву и понаблюдать. Он лежал у самого ствола, не спуская взгляда с двери дома. Ожидание длилось так долго, что он потерял всякое ощущение времени. Раз два или три он даже засыпал.

Начинала мучить жажда. Воду он выпил еще по дороге. Оставалось только проглотить несколько питательных таблеток. Таблетки сразу прибавили сил. Лицо перестало саднить, но тело нещадно ломило.

Его разбудил легкий скрип открывающейся двери. Чья-то тень выскользнула наружу. Оказалось, это женщина, юная женщина, даже девушка. Коротко остриженные светлые волосы, легкая туника. Девушка казалась гибкой и отличалась великолепным сложением. Она была красива какой-то природной диковатой красотой, спокойной и умиротворяющей — полная противоположность вызывающей и утонченной красоте женщин, к которой привык Йоргенсен.

Девушка несла деревянное ведро — оно тоже светилось. Она прошла мимо Йоргенсена, не заметив его. Он пропустил ее вперед и, по-кошачьи крадучись, двинулся вслед за ней.

Вначале ему показалось, что она идет босиком, но потом он заметил на тропинке следы сандалий. Она свернула за дерево, и он потерял ее из виду. Йоргенсен ускорил шаг, думая, что она ушла вперед, но так и не догнал ее, хотя дошел до развилки. Он повернул назад, внимательно оглядываясь по сторонам, и разглядел едва приметную тропку, уходившую в сторону от гигантского ствола. Он поднял глаза — над головой, метрах в тридцати, светился сплошной свод листьев.

Йоргенсен решительно направился к дереву. Тропка огибала его. Трава была примята, значит, девушка только что прошла здесь.

Он едва не миновал узкое отверстие в стволе и только краем глаза уловил движение внутри. Йоргенсен осторожно заглянул в дупло. Девушка, напевая, выполняла какую-то непонятную работу. Закончив, она набрала воды в ведро и выпрямилась.

Йоргенсен отскочил за ствол и упал в траву. Но девушка не заметила его и спокойно удалилась с ведром в руке.

Он выждал несколько минут и осторожно приблизился к дуплу. Внутри, как он и ожидал, было светло. Дупло не походило на дело рук человеческих — нигде не было следов инструмента, кора выглядела нетронутой. Дерево не было пустым, как это бывает с мертвыми гигантами. Оно, казалось, так и выросло.

Йоргенсен проник в отверстие. Внутри было просторней, чем казалось с первого взгляда, и совершенно пусто. Вначале он ре-

шил, что дупло служит жилищем или хранилищем. В глубине складки древесины образовали круглые корытца. Через край одного из них переливалась прозрачная жидкость. Другое было доверху наполнено какой-то сметаноподобной кашцей. Но больше всего Йоргенсена поразило содержимое третьего корытца. В нем были плоды.

Карман в толще древесины служил естественным укрытием для плодов. Цветы и плоды не могли развиваться на ветвях — их опыление и созревание в условиях Игоны были невозможны. Эволюция нашла выход. «А может, это туземцы создали вид, наилучшим образом отвечающий их потребностям?» — мелькнула мысль у Йоргенсена. Так было легче собирать урожай. Корытца служили поддонами, как при гидропонике.

Йоргенсен окунул палец в жидкость и поднес его к губам. Вода. Чистая и свежая. Он набрал ее в ладони и напился. Затем плеснул в лицо и сразу ощутил прилив бодрости. Уровень воды в корытце не понизился.

Он попробовал кашицу. Сладковатая масса имела вкус миндаля. Но Йоргенсен не решился утолить голод. Он слишком мало знал о флоре Игоны. Даже вода могла оказаться опасной.

Его охватило какое-то эйфорическое состояние. Ему стало ясно, почему далаамцы не возделывали земли и не занимались коммерцией. Их кормили деревья.

И даже одевали. Рядом с последним корытцем виднелась расщелина, но на самом деле то была тонкая пленка отслоившейся растительной ткани. Йоргенсен пощупал ее — она напоминала тонко выделанную кожу.

Воздух был насыщен запахом ванили. Он глубоко вздохнул. Вдруг на него навалилась усталость. В дереве он чувствовал себя в полной безопасности и решил отдохнуть тут же на полу.

Сон сморил Йоргенсена почти мгновенно. Потом начались сновидения.

4

В своем сновидении Йоргенсен шел среди толпы по улицам города. Но люди глядели сквозь него, словно его не существовало. И сам он не успевал рассмотреть их лиц. Он шел слишком быстро. Иногда он пытался замедлить шаг, но ничего не получалось. Улицы вели вниз и становились все уже, так что вскоре, несмотря на середину дня, его окружил полумрак. Высокие стены домов едва не соприкасались в вышине. Он силился увидеть небо, но не мог поднять голову — мышцы не повиновались ему.

Неожиданно Йоргенсен очутился на громадной пустой площади, окаймленной лестницами, и спустился к центру этой гигантской круглой арены. Он чувствовал, что площадь кишит народом, но никого не видел. Ему все труднее было пробираться вперед, хотя путь, казалось, никто не преграждал.

Он увидел в центре площади скульптуру, которой до сих пор не замечал. Это был шар, установленный на широком пьедестале. «Не иначе символ времени», — подумал он. Шар имел и еще какой-то другой смысл, он когда-то знал его, но теперь забыл. Стершиеся неровности на поверхности шара напоминали лицо. Знакомое лицо, но он не помнил имени этого человека. Он направился к шару, чтобы получше рассмотреть его.

Из-за шара выпрыгнул человек, одетый в яркие, слепящие одежды, похожие на необычный комбинезон. Человек был очень высок, череп его сиял, словно выбритый. Йоргенсен откуда-то знал, что незнакомец помешает ему приблизиться к шару, а возможно, и убьет. Ему хотелось скрыться. Он чувствовал себя беззащитным. Но отступать было некуда. Толпа отрезала все пути к отступлению и несла его прямо к шару.

Он бросился назад, надеясь уйти от преследователя. Площадь превратилась в арену, которая с каждым мгновением сужалась. Вдруг ему показалось, что он будет спасен, если коснется шара.

Задышавшись, он рванулся к шару, но враг вдруг преградил ему путь, сжимая в руке оружие.

Йоргенсен впился глазами в лицо противника и узнал... самого себя. Это не было отражением в зеркале. Перед ним стоял он сам, собственной персоной. И Йоргенсен понял, что умрет от руки своего двойника, как и Марио.

Он шевельнулся. Сон оборвался, затем возобновился, и каждый раз он знал, что уже попадал в подобную ситуацию, но не помнил когда. Каждое сновидение кончалось одинаково. И с каждым разом в душе его росло желание узнать, что случится после того, как его убьют, но в последнее мгновение сон прерывался. С каждым сновидением он чувствовал себя все более изможденным. Он знал, что в конце концов его убьют по-настоящему.

Чьи-то руки трясли его за плечи. Но он не хотел просыпаться. Он ощутил, что его подняли и куда-то понесли.

Йоргенсен открыл глаза. В комнате царил полумрак. Сквозь узенькое оконце сочился дневной свет, выхватывая полоску деревянного пола. Он услышал далаамскую речь. Глуховатый голос принадлежал молодой женщине.

— Вы вернулись издалека. И как вы умудрились заснуть внутри дерева. Это могло окончиться смертью. Вам повезло, что я наткнулась на вас.

Во рту у Йоргенсена так пересохло, что первые звуки, которые ему удалось выдать, походили на кваканье. Он сделал глотательное движение. Голова разламывалась от боли. Он приподнялся на локте и узнал девушку. Это ее он видел накануне ночью. Накануне ли? Сейчас стоял день. Значит, прошло около сорока часов. Неужели он проспал все это время? Что случилось с остальными?

Он лежал совсем голый под одеялом из того же вещества, что и туника девушки.

— Пить, — с трудом выдал Йоргенсен.

Девушка поднесла ему деревянную миску, полную воды. Он с жадностью осушил ее.

— Меня зовут Анема.

— Йоргенсен. Я... прибыл издалека.

— Знаю. Вы уроженец другого мира. Лежите спокойно. Слушавшееся с вами уже не имеет никакого значения.

— Откуда вам это известно?

Он не так представлял себе первую встречу с игонцами.

— Неужели вы думаете, что далаадец может довести себя до такого состояния? Посмотрите на себя.

Она протянула ему металлическое зеркальце. Он инстинктивно отпрянул. Его отражение напомнило ему стершееся воспоминание, которое никак не желало всплывать в его сознании. Лицо в зеркале выглядело невероятно худым. Черты лица заострились. Перед ним была маска человека, увидевшего нечто более ужасное, чем сама смерть.

Анема положила зеркальце на низенький столик, как бы выросший из пола. Йоргенсен пригляделся к нему. Столик в самом деле рос из пола и был его частью. Он походил на нарост дерева. «Почему далаамцы не живут в домах, выращенных деревьями?» — подумалось ему. И тут же он ответил сам себе — деревья выделяли продукты распада.

— Я отравился, — попытался он было объяснить девушке.

Анема покачала головой.

— Нет, — ответила она. — Деревья не могут причинить зла. Они не хотели вас отравить.

— Но у деревьев нет воли, — возразил он. Ему было трудно выразить свою мысль по-далаамски.

— Нет, — повторила она. — Все иначе.

Она задумалась.

— Можно сказать, что деревья в какой-то мере делают то, что хотят. Они соглашаются давать нам то, что дают. Я не очень в этом разбираюсь. Лучше спросите у моего третьего отца. Он долго изучал взаимоотношения между нами и деревьями. Он говорит, что не знает точно, в полной или неполной зависимости находимся мы от деревьев.

Йоргенсен про себя отметил ее слова «третий отец». Такого понятия не было в том игонском, которому его обучили мнемотехники. Казалось, и сам язык Игоны изменился. Он понимал некоторые слова, произнесенные Анемой, лишь добираясь до их корней. Язык Игоны отражал совершенно иную концепцию мира, чем язык Федерации. Но пока было рано решать, в чем истинный смысл различий.

Анема быстро и непринужденно сдернула с него одеяло. Йоргенсен побагровел. Он привык придерживаться иных манер, но совладал с собой и старался сохранять бесстрастное выражение лица, пока девушка растирала его тело каким-то бальзамом.

— Когда вас принесли сюда, ваши мышцы были затвердевшими, как дерево. Я никогда не видела столь напряженного тела. Будь ваши кости более хрупкими, не обошлось бы без переломов. Я боялась, что вас разобьет паралич. Но теперь вам значительно лучше.

Йоргенсен так не считал. Ему казалось, что на теле не было живого места. Неприятные воспоминания цеплялись за границу сознания.

— Но кто виноват, что я чувствую себя таким больным и разбитым, — спросил он, — если деревья не могут причинить зла?

Ответ был мгновенным и совершенно неожиданным.

— Вы сами, — сказала Анема. — Вы, наверное, до смерти ненавидите самого себя, если дошли до такого состояния. И едва не убили себя. Зло сидит в вас.

«Она говорит, как психоаналитик, — подумал он. — Совпадение ли это? Она считает, что виной всему мой сильнейший невроз».

Эта мысль ему не понравилась. В своем мире он считался нормальным человеком. Но в каждом обществе свои нормы, а с момента, когда с вершины обрыва Йоргенсен увидел Далаам, он вел себя не свойственным ему образом и сознавал это.

— Вам следует поспать.

Она положила руку ему на лоб.

— Вы заснете.

— Я боюсь. Я не хочу засыпать.

Анема удивленно раскрыла глаза.

— Вы помните свое сновидение?

— Сновидение? Какое?

— Жаль, — вздохнула она. — Если бы вы помнили сновидение, то были бы практически здоровым. Однажды вам придется вернуться в дерево, чтобы досмотреть свой сон. Деревья не могут вылечить столь больного человека, как вы, за один сеанс. Вы получили массивную дозу. Для начала хватило бы нескольких минут.

Он понял лишь какую-то часть ее слов.

— Я был болен? Деревья могут лечить?

Лицо Анемы вдруг сделалось серьезным.

— Нам это известно с детства. Деревья помогают понять самого себя. Я забыла, что вы пришелец.

— Объясните.

— Не знаю, имею ли на это право. Это может причинить вам зло. Вы испытали сильнейший шок. И почти открыли для себя, кто вы есть на самом деле. Мне известно лишь самое элементарное. А вот мой третий отец знает почти все, что можно знать.

— Попробуйте. — В его голосе звучали умоляющие нотки.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Затем заговорила медленно и тягуче, выбирая самые простые слова.

— Любое человеческое существо скрывает в себе несколько личностей. Это, конечно, не личности в полном смысле этого слова, а скорее грани личности человека. Пока человек юн, они практически не подозревают о существовании друг друга. Позже они могут сосуществовать или сражаться друг с другом. Одна из граней состоит в прямом контакте с внешним миром. У остальных контактов меньше или нет совсем. Некоторые из них слепы и глухи, лишены воли и логики. Иногда они, как у вас, являются пленниками и пытаются ускользнуть из-под контроля. Они прилагают невероятные усилия, чтобы освободиться и возобладать над остальными. А тем приходится тратить много усилий на сдерживание бунтарей. Если схватка слишком жестока, личность может разорвать, как разрывает скалу замерзшая вода. И человек сойдет с ума.

— Понятно. Сознание и подсознание. Сознание подавляет некоторые элементы подсознания, которые стремятся подняться на поверхность обходными путями, оказывая давление на сознание. Когда давление постоянно, возникает невроз. Если подсознание взламывает хрупкую оболочку сознания, наступает безумие, сумасшествие, бред.

— Но есть и золотая середина, — продолжала Анема. — Она помогает наладить взаимоотношения между людьми. Вы можете в полном объеме общаться с себе подобными, если совершенно здравы рассудком, если полностью сознаете самого себя. В этом-то нам и помогают деревья. Деревья помогают связать друг с другом

различные грани личности. Мы оставляем детей ежедневно на некоторое время внутри деревьев, чтобы они познали самих себя. Мой третий отец говорит, что деревья в нашей цивилизации играют важнейшую роль. Он считает, что благодаря деревьям Игона стала привилегированным миром. Он говорит, что только мы настоящего счастливые люди во всей Галактике.

Она употребила не слово «Галактика», а использовала иной, более общий термин, означающий комплекс миров. В корне слова присутствовали понятия общности и города. Казалось, она считала каждый мир Галактики эквивалентным кварталу своего родного города. Полный смысл слова остался для Йоргенсена скрытым. Он перевел его как «Галактика», но решил, что позже вернется к этому.

— Я не знаю, как действуют деревья. Они посылают сны. Когда вы начинаете помнить их, значит, вы стали взрослым, уравновешенным человеком. Я очень хорошо помню свои сны. Мой третий отец утверждает, что я удивительно уравновешенна для моего возраста.

Она явно была довольна собой, но в голосе ее не было и следа тщеславия. «Тщеславие, — сказал себе Йоргенсен, — чувство невротическое, основанное на ощущении превосходства, а в конечном итоге и на отрицании остального мира. Федерация лопается от тщеславия. Федерация страдает глубочайшим неврозом».

«По отношению к Игоне», — мысленно поправил он себя.

Йоргенсен почувствовал себя отдохнувшим. Он знал, что может наконец спокойно заснуть.

— Деревья принадлежат всем. Мне кажется, что они передают друг другу сны разных людей, может быть, всех. Мой отец говорит, что среди деревьев нет индивидуалистов, как у нас. Но он также утверждает, что мы отличаемся один от другого лишь поверхностно. В остальном нас роднит нечто общее, свойственное человеку, и это общее зависит и от общества, в котором мы живем, и от каждого дерева. Но каждое общество стремится вложить в людей свое понимание общего, а потому различия между представителями разных обществ куда глубже, чем поверхностные различия между двумя людьми одного круга. Если мы доберемся до сути вещей, то вновь увидим общечеловеческие черты, несмотря на различия обществ. И быть может, когда-нибудь с помощью деревьев нам удастся объединить всех людей.

«Теперь она говорит, как социолог», — мелькнула мысль в голове сонного Йоргенсена. Голос уплывал вдаль. Анеме еще не исполнилось и двадцати лет, а она так просто оперировала понятиями, над которыми явно или тайно бились самые просвещенные

умы Федерации, поскольку Арх косо смотрел на их исследования. Вначале Йоргенсену показалось, что она суеверна — допускает существование внутренних демонов, вызывающих болезнь или безумие, и верит в способность деревьев их изгонять.

Но, находясь на грани сна, Йоргенсен пытался нащупать истинный смысл ее слов, а быть может, и ответ на давний, мучительный вопрос о смысле собственного существования. Мысли обрели ясность и чистоту. Его сознание медленно погружалось в глубины тела. Ему хотелось там затаиться, несмотря на неясную боль, которая никак не уходила. Оставалось узнать, как действуют деревья. Быть может, они насыщали воздух дурманом? Или существовало иное, более фантастическое объяснение? А что если между деревьями и людьми устанавливается телепатическая связь? Быть может, ему угрожала смертью общая память деревьев, в которой хранились сновидения всех людей, прошедших через них? Ему не верилось, что он стремился уничтожить самого себя. Мозг постепенно очистился от тревожных мыслей, и Йоргенсен погрузился в глубокий сон.

Когда он проснулся, у его изголовья сидела Анема со своим третьим отцом. Увидев этого человека, Йоргенсен спросил себя: действительно ли туземцы Игоны вели род от человека? В каждой отдельной его черте не было ничего необычного, но все вместе они создавали странное ощущение. Громадная голова и широко расставленные глаза наводили на мысль о сосредоточенном внимании и каком-то снисходительном спокойствии. Даже поза его свидетельствовала о необычной гибкости тела и силе мышц. Он на удивление свободно владел своим телом. В его движениях сквозила грация хищника, лишённого страха и агрессивности. Рядом с ним Йоргенсен, несмотря на свои специальные тренировки, ощутил себя неуклюжим увальнем. А по глазам человека он понял, что между ними лежит и интеллектуальная пропасть.

Одновременно он заметил в Анеме то, на что не обратил внимания в первый раз. Она была излишне гибкой и живой, но нервной не казалась. В ее глазах светилось такое же сверхчеловеческое спокойствие, как и в глазах ее отца. И тот же снисходительный огонек умерял их удивительный самоцветный блеск.

Быть может, это результат случайной мутации? А если это следствие направленного генетического опыта? Йоргенсен постепенно начинал понимать, что Игона представляет собой лишь клеточку на гигантской шахматной доске Вселенной, что обитатели города деревьев с их странными нравами являются пешками в руках могущественных и пока неведомых сил.

Он и сам был пешкой в руках Федерации.

И тут он отвел взгляд от глаз мужчины. Нет, этот человек не мог быть пешкой. Еще никто в глазах Йоргенсена так полно не воплощал свободу, свободу без всякого страха перед будущим. Никто, кроме Анемы.

— Вы чувствуете себя лучше, — произнес мужчина. — Что вы собираетесь делать?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. У мужчины был спокойный, размеренный голос.

— Не знаю, — пробормотал Йоргенсен. — Я собирался некоторое время пожить в городе.

— Вы свободны. Можете оставаться здесь, сколько захотите. Но не думаю, что вам понравится здешняя жизнь. Впрочем, со временем вы все решите сами.

Йоргенсен хотел было возразить — жизнь далаамцев его вполне устраивала. Но он вовремя сдержался, поняв скрытый смысл слов собеседника. Тот не собирался ни запутивать его, ни намекать на плохой прием. Просто не очень приятно жить в городе, где ты менее младенца знаешь о мире и о самом себе. Это означало находиться во власти комплекса неполноценности. Йоргенсен понимающе поглядел на мужчину.

— Я — Даалкин, — промолвил последний. — Это одновременно и имя, и должность. Кажется, малышка вам уже кое-что объяснила. Не знаю, хорошо ли она поступила. Она приняла решение, самостоятельно, исходя из вашего положения. Можете задать мне любые вопросы, но полагаю, что вы лучше разберетесь в нашей жизни, посмотрев на нее со стороны. Я знаю, что вас мучит любопытство.

Он помолчал и с легкой иронией добавил:

— Здесь никто ничего не скрывает. Но не все можно понять сразу.

— Вы выглядите удивительно спокойным и счастливым, — неожиданно для себя сказал Йоргенсен.

Он провел ладонью по черепу и почувствовал, что волосы немного отросли. Он вдруг позавидовал густой черной шевелюре Даалкина. Обычай брить голову показался ему абсурдным.

— У нас есть свои проблемы, — ответил Даалкин. — Но это настоящие проблемы.

Йоргенсен прикусил губу и отбросил одеяло.

— Я могу встать?!

Это был и вопрос и утверждение.

— Если хотите.

Йоргенсен сел и осторожно опустил ноги на пол. Затем встал. Он чувствовал себя бодрее, чем ожидал. Обойдя комнату, он выглянул в узенькое окошко, увидел тропинку, которая исчезала сре-

ди громадных стволов, и только тут сообразил, что на нем ничего нет.

— Мне хотелось бы одеться, — начал он и понял, что его смущение в глазах Анемы и Даалкина выглядело смешным.

Анема достала из шкафчика тунику и обувь. Йоргенсен оделся с ее помощью. Даалкин тем временем поставил на стол несколько мисок. Йоргенсен подкрепился и утолил жажду.

— Вы позволите задать вам один вопрос? — после некоторого колебания начал он. — Надеюсь, он не покажется вам оскорбительным. Анема несколько раз называла вас третьим отцом. Меня интересует смысл этого выражения. Биологически...

Даалкин расхохотался. Анема тоже рассмеялась. Йоргенсен вежливо улыбнулся, ничего не понимая.

— Наше общество несколько необычно, — наконец заговорил Даалкин, — во всяком случае, по сравнению с вашим, о котором у меня сложилось некоторое впечатление. Естественно, я могу ошибаться. Но ваше общество несет на себе глубокий отпечаток древних времен. В нем переплелись черты индивидуализма и рабства — наследие ваших предков-охотников. Ваша цивилизация частично решила этот внутренний конфликт путем специализации. Но такое решение ошибочно и чревато опасностью взрыва.

Йоргенсен поднял глаза от стола. Даалкин говорил о Федерации без всякого почтения, хотя был всего-навсего туземцем с неприметной планеты, которую флот Федерации в мгновение ока мог превратить в горстку пепла. Он сравнивал Федерацию с громадным муравейником. Его слова были жестоки, но диагноз точен. Несколькими фразами он сумел выразить давние сомнения Йоргенсена.

— Каждый индивидуум ревностно относится к своей свободе, — продолжал Даалкин, — а единство может быть обеспечено лишь силами взаимного притяжения. Один индивидуум проявляет враждебное отношение к другому. Стену этой враждебности очень трудно преодолеть, потому-то и трудно установить контакт с другим индивидуумом. Все это отражается на взаимоотношениях.

Он склонился над Йоргенсеном, и тот прочел в глазах Даалкина сострадание.

— Вам кажется, что вся Вселенная завидует вашему могуществу. А мы вас жалеем. Вы — народ одиночек. Логическое следствие — ваша теоретическая моногамия, а на практике — полигамное общество. Я мог бы сказать, что мы придерживаемся противоположного взгляда на семейную жизнь, но боюсь, вы неправильно меня поймете.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в одну точку. Его пальцы постукивали по столешнице. Йоргенсен впервые подметил некоторую нервозность собеседника. Анема, подперев подбородок ладонями, переводила взгляд с одного на другого.

— Эмоциональный мир человеческого существа, — продолжил Даалкин, — отличается невероятной сложностью. На всем протяжении жизни оно теснейшим образом связано с теми, кто его окружает. Оно может в полной мере проявить себя только благодаря окружению. Естественно, человек не способен наладить равные эмоциональные отношения со множеством людей. Но нескольких из них он может любить почти в равной степени. В этом случае он внутренне обогащается больше, чем если связан лишь с одним лицом. Одновременно он способствует обогащению тех, с кем общается.

Даалкин старался говорить так, чтобы не шокировать собеседника, и Йоргенсену казалось, что сам он превратился в малого ребенка, которого осторожно знакомят с тайнами жизни.

— Наши семьи — сложные и подвижные комплексы. Обычно они состоят из шести-семи человек. Существует разветвленная сеть связей между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Выражаясь вашим языком, я имею нескольких жен, но, впрочем, и каждая женщина имеет нескольких мужей. Наши семьи не являются замкнутыми системами. Каждый свободен покинуть ее и войти в другую семью, если контакт с ее членами больше устраивает этого человека. Кроме того, благодаря переходам людей из одной семьи в другую между семьями существуют теснейшие эмоциональные узы. И в то же время каждая семья очень стабильна и куда прочней ваших семейных пар. Надеюсь, вам понятна моя мысль.

— Не совсем, — кивнул Йоргенсен. Он подумал, что сеть тропок, которую он видел с вершины обрыва, отражала это тонкое равновесие между «семьями», их многочисленные, стабильные и одновременно изменчивые связи. Общество далаамцев покоилось на доброжелательности и любви. Древняя мечта человечества.

— А ревность? — спросил он, наконец подыскав в игонском языке подходящее слово.

— Ревность, ревность, — повторил Даалкин. — Не признак ли бессилия эта самая ревность? Деревья излечивают от нее.

Он встал и, подойдя к Анеме, жестом любящего отца взъерошил ее волосы.

— Дети воспитываются всеми «родителями». Их любят все. Со временем они сами выбирают себе тех, с кем им лучше и инте-

реснее. И это не всегда их биологические родители. Я не первый, а третий отец Анемы, другими словами, я помог ей выйти из отрочества. Первый отец дал ей жизнь, второй — провел через детство. Вам понятно?

Йоргенсен утвердительно кивнул.

— Анема будет красивее матери. Я иногда сожалею, что не прихожусь ей биологическим отцом. Это одна из величайших проблем нашего общества. Сколько времени мы бы выиграли, если бы в ребенке одновременно сочетались гены нескольких родителей, их наиболее благоприятные черты. Надеюсь, нам удастся решить и эту проблему.

«Это идея биолога, генетика, ученого, стремящегося разумно управлять природой», — подумал Йоргенсен. И это в то время, когда ученые Федерации в своих тайных лабораториях замыслили преступления против жизни. Этот человек был иным. Он слишком любил жизнь. Во всех ее проявлениях. И искал средства сделать ее еще более яркой. Общество Далаама не было утопическим, оно не походило на какой-то застывший в своем совершенстве рай. Этот мир постоянно менялся и развивался. Он решал проблемы будущего, а не одну-единственную проблему вечного сохранения настоящего по образу и подобию прошлого.

Йоргенсену стало ясно, почему Федерация страшится Игоны. Он ощутил, как заныли старые шрамы. В словах Даалкина была доля правды. Йоргенсен принадлежал к миру одиночек, привыкших бороться против всей Вселенной, к миру безмолвных и печальных. Он не мог вынести прямого взгляда Анемы. Его лицо залила краска стыда.

Он даже не знал, о чем говорить с ней, а ведь у него за плечами культура тысяч миров и тысячелетий. «Неужели я так и останусь нем, как рыба, перед этой золотоволосой девушкой?»

— У вас есть еще вопросы? — спросил Даалкин, отрывая его от горьких мыслей.

— Нет. Пока нет. Мне надо подумать.

— Хорошо, — согласился Даалкин. — Мы встретимся позже. Деревья передают мне странную информацию.

Его толстые губы сложились в хитрую усмешку. Неуловимым гибким движением он скользнул к двери и исчез.

Четыре игонских дня Йоргенсен бродил по Далааму. Иногда один, иногда в сопровождении Анемы. Туземцы почти не обращали на него внимания, хотя были вежливы и гостеприимны. Они не задавали никаких вопросов. Но из отдельных бесед Йоргенсен понял, что они лучше разбираются в делах Федерации, чем он —

в делах Игоны. Однако нигде он не видел никаких следов аппаратуры, способной перехватывать сообщения Федерации. На Игоне отсутствовала всякая техника.

Жизнь туземцев выглядела мирной и бесхитростной. Деревья, похоже, давали им все необходимое. Далаамцы прогуливались, вели бесконечные дискуссии, размышляли, занимались разнообразными искусствами. Лишь однажды Йоргенсен почувствовал, что столкнулся с чем-то иным. Он заметил человека, сидящего на пороге хижины и выводящего на листе дерева какие-то математические символы. Они были незнакомы Йоргенсену. Он чувствовал их исключительную простоту, но в математике простота могла быть следствием абстракции, исключительно трудной для понимания.

Йоргенсен понял, что сделал важное открытие. Он пытался расспросить Анему, но математика ее не интересовала. Она сказала только, что человек этот стремился описать развитие Далаама, исходя из взаимодействия между семьями. Йоргенсен ничего не понял. Страстью Анемы была биология, вернее, генетика. По ее словам, она «с помощью деревьев» проводила удивительные опыты. Но он никогда не видел в ее руках лабораторных инструментов. Наверное, существовали иные методы исследований, чем те, которыми кичились ученые Федерации.

Далаамцев в основном занимали науки о жизни. Они разбирались в физике, но это их не увлекало. И на то были причины — физика требует развитой технологии, а следовательно, узкой специализации, что противоречило структуре их общества. Если Федерация развивалась под давлением исторической необходимости, то Далаам, казалось, рос и развивался по воле его жителей. Их цивилизация была продуктом сознательного усилия, а не рабского труда человеческого муравейника.

Далаам не имел городских властей. Однако некоторые жители исполняли общественные функции, которые брали на себя добровольно и так же добровольно передавали другим. Отсутствие коллективной организации наложило отпечаток на планировку Далаама. Здесь имелись две или три площади, которые были заложены очень давно и происхождение которых было неясно даже самим далаамцам. Однако эти площади, украшенные фонтанами, похоже, играли какую-то важную роль. Далаамцы в определенные часы собирались на них и с какой-то особой сосредоточенностью пили воду, текущую из-под земли. У далаамцев существовал подлинный культ воды. В каждом жилище постоянно текла холодная и горячая вода, наполняя бассейны, где далаамцы купались в любой час дня и ночи. Йоргенсену так и не удалось понять, как она подается в дома и подогревается. Объяснения Анемы изоби-

ловали совершенно непонятными терминами. Ему оставалось предположить, что и здесь не обошлось без благожелательной помощи деревьев.

Он наткнулся на первую площадь случайно и испытал сильнейшее потрясение. Это была площадь его сновидений. Лицо человека на пьедестале явно было знакомо. Он знал этого человека. Он явно видел его изображения на Альгаире и других планетах Федерации. Но не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

— Кто это? — повернулся он к Анеме.

Она мечтательно посмотрела вдаль.

— Человек. Самый первый.

Смысл ее слов был неясен. Они могли означать и что это первый на Далааме человек, и что это первая по значимости историческая личность. Подробностей ему узнать не удалось.

С каждым днем Йоргенсену становилось все очевиднее, сколь велика пропасть между ним и далаамцами — он не разделял их видения мира, меньше, чем они, знал о человеке вообще и об их обществе в частности. Однажды Анема сказала ему:

— Я нахожу вас увлекательным.

Вначале ее слова польстили ему, хотя и удивили — он не надеялся на такой успех, — затем расстроили.

Она смотрела на него серьезно, хотя, как всегда, в глазах ее плясали иронические огоньки.

— Добрую половину ваших слов я не понимаю, — продолжила она. — Я не знаю, о чем вы думаете. С далаамцами проще, даже если кто-то мне незнаком, его мысли и наклонности мне известны наперед. С вами иначе. Вы иноземец. Это чудесно.

Йоргенсен разом сник. «Я для нее навсегда останусь иноземцем. Предметом любопытства. Только потому она и не расстается со мной».

Она почувствовала, что ее слова задела его.

— Мне надо спешить, чтобы понять ваш образ мышления. Вы скоро станете таким же, как мы. Деревья вам помогут. Вот увидите.

Йоргенсен резко ответил:

— Нет. Я скоро уйду.

— Это ваше право, но почему вы должны уйти?

Он покачал головой.

— Я должен вернуться туда, откуда прибыл. Меня ждут друзья. А здесь я навечно останусь иновременником.

— Это так неприятно?

Он отвел глаза.

— Вы по-прежнему ненавидите себя, — сказала она. — Деревья почти ничем вам не помогли. Вам не хочется уходить, а вы тер-

заете себя, думая об уходе. Разве вы не в состоянии видеть вещи такими, какие они есть?

Она подошла вплотную к нему, взяла его лицо в ладони и заставила глядеть прямо в глаза.

— Вы ребенок. Почему я должна объяснять вам все? Между нами не может быть сейчас ничего. Быть может, позже, не знаю. Но разве вы не видите, что с вашими постоянными страхами, вашей ненавистью вы принадлежите к иному миру.

— Я для вас просто животное, — оборвал он ее. Эта мысль уже не раз приходила ему в голову.

— Вы неразумны. Но это не ваша вина. Ваше общество... деревья...

Он отступил на шаг и, легко оттолкнув ее, едва не бросился прочь. На глаза набежали слезы. Но мимолетная слабость прошла. Он снова обрел твердость. Он был надломлен, но все же нашел в себе силы для решительных слов.

— Я уйду.

— Как хотите.

Они больше ни разу не затрагивали этой темы. Ему еще случилось ходить рядом с ней, брать ее за руку, но она больше не возвращалась к тому разговору. И он чувствовал ее правоту и ненавидел себя.

Лицо на площади было еще одной загадкой, отделявшей его от Анемы. «Уж не Адам ли это или бог, или то и другое вместе?» — спрашивал он себя. Но это никак не вязалось с образом мышления далаамцев.

Тяжелые черты одутловатого лица отражали волю и ум — это не был абстрактный портрет. Забытый скульптор, который создал этот бюст во времена, когда здесь стоял город из камня, имел в виду конкретного человека.

Йоргенсен невольно приблизился к Анеме. Он был на голову выше ее, а потому наклонился и вдохнул ее запах. Ему хотелось уничтожить разделявшее их расстояние. Он был бессилен изменить судьбу. В мире Йоргенсена игральные кости были брошены в первое мгновение его существования. Ставка была сделана. Расстояние между ними не сокращалось, даже если он касался девушки. Даже если вдыхал запах ее кожи и волос, запах, который удивил его — ведь женщины Федерации стремились уничтожить или подавить его. От Анемы исходил запах самой жизни.

На площадь выскочил мальчишка лет восьми, он катил перед собой шар, самый обычный деревянный шар.

Шар. Йоргенсен перевел взгляд с прыгающего по ступенькам шара на бюст у фонтана. Между ними существовала какая-то связь.

Но какая? Если он найдет ее, то обретет свободу — он был уверен в этом.

Все остальное он получит впридачу. Он положил ладони на плечи Анемы.

Но разгадка не приходила.

— Пошли отсюда, — сказал он.

Йоргенсен часами беседовал с Даалкином, Анемой и Даалной, матерью Анемы, с Буркином, Лоордином, Синевой, членами «семьи» Анемы. Они говорили о Федерации, об Игоне, о проблемах человека и его будущем. Йоргенсен часто отмалчивался, внутренне сожалея об этом — хозяева говорили с полной откровенностью. Он все еще не решался отвергнуть свою старую веру в Федерацию. Не мог отказаться от своего прошлого. И не осмеливался сказать им, зачем явился на Игону, туманно намекая на исследования.

Однажды, когда все разошлись, он остался в темной комнате вдвоем с Даалкином. Они не спеша потягивали пьянящий напиток, который хозяин налил в кубки из черного полированного дерева. Было истинным наслаждением поглаживать гладкое бархатистое дерево и вглядываться в радужные отблески напитка.

— Итак, — начал Даалкин, перегнувшись через стол, — что вы думаете о Далааме? Считаете ли вы, что мы действительно представляем большую опасность для Федерации?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. Впервые с ним разговаривали так откровенно. До сих пор сдержанность далаамцев позволяла ему давать уклончивые ответы.

Он не стал отвечать прямо.

— Далаам — оазис счастья в Галактике, — осторожно начал он. — Ваше общество коренным образом отличается от общества Федерации.

— Я задал вам конкретный вопрос, — сказал Даалкин. — Вы можете ответить на него или нет? Когда вы пришли сюда, вас пожирали страх, ненависть, внутренний разлад. Вы были отравлены своим состоянием. Впрочем, вы и сегодня еще не совсем отошли от этого. Но, по крайней мере, вы можете сказать, что удостоверились в наших мирных намерениях?

— Не знаю, — ответил Йоргенсен. — Я почти не понимаю вас.

Он опустил щит. До сих пор его немногословие могло сойти за уверенность. А сейчас он предстал перед Даалкином в своем истинном обличье, обличье взрослого ребенка. Его даже не утешала мысль о том, что на Альтаире Даалкин чувствовал бы себя не лучше. Впрочем, уверенности в последнем у него не было.

— Во всяком случае, — добавил Даалкин, — ваши друзья, похоже, опасаются нас. Они некоторое время бродили по долине в окрестностях города, а теперь разбили лагерь у внешних ворот, на повороте дороги, ведущей к реке. Я не совсем понимаю, что они собираются предпринять, может, хотят совершить вылазку в город, чтобы «освободить» вас, — ведь они уверены, что мы удерживаем вас насильно.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Это был ответ на вопрос, который он не осмеливался сформулировать с первого дня пребывания в Далааме. Он верил, что остальным шести членам командос удалось остаться незамеченными.

— Вы чего-нибудь опасаетесь? — спросил он. — Вы хотите, чтобы я отправился к ним, успокоил их и попросил прийти сюда?

— Они не пойдут за вами, — отрезал Даалкин. — У них сложилось о нас странное мнение. Не думаю, что при нынешнем положении дел они могут повредить нам, но они хладнокровно рассматривают возможность нашего уничтожения.

Он говорил спокойно, как обычно, будто речь шла вовсе не о судьбе его города.

— Думаю, к ним следует отнести как к безумцам, — добавил он после некоторого размышления.

Йоргенсен едва не выпалил, что в таком случае сумасшедшим надо считать почти все население Федерации.

— Вы показали им все ваше могущество, — сказал он. — И они, естественно, побаиваются вас.

Голос Даалкина стал резче.

— Ничего мы вам не показывали. Мы позволили вам предпринять все, что вы хотели, не собираясь вмешиваться. Однако мы знали, что ваша миссия состояла в уничтожении нашей цивилизации. Мы не собирались обороняться, во-первых, потому, что у нас нет средств, которые могли бы противостоять вашему оружию. По крайней мере, тому, которым вы располагали по прибытии на Игону.

— Вы же привели его в негодность, — дрожащим от гнева голосом перебил Йоргенсен. — Я не хочу упрекать вас ни в чем, но вы сами напали на нас и, похоже, даже убили одного из нас. В лучшем случае подкинули нам труп, как две капли воды похожий на него; вы вывели из строя нашу аппаратуру и, наконец, уничтожили объект, который позволил бы нам покинуть ваш мир.

Даалкин искренне удивился.

— Ничего подобного мы не делали. Можете мне поверить. Уверяю вас.

— Тогда кто это сделал? — спросил Йоргенсен. — Есть ли на Игоне иная цивилизация, равная нам в своем могуществе?

— Сейчас нет, — ответил Даалкин. — Но была. И наверное, будет еще.

— Во времени?

— В прошлом и, быть может, в будущем. Вам известно, что нас мало интересует физика. Вы лучше нас знаете тонкую природу времени, хотя этот вопрос мы не обсуждали. — Он усмехнулся. — Все наши знания о времени добыты при изучении людей и нашего общества. В каждом человеке существуют прочные связи между прошлым и настоящим. На определенном уровне зрелости настоящее и даже образ будущего воздействуют на прошлое, пытаясь упорядочить его. А упорядоченное прошлое в свою очередь оберегает человека от повторения ошибок.

Он помолчал.

— Думаю, что такая связь характерна и для общества. Любое общество берет под больший или меньший контроль свое собственное развитие. Как видно, ваша Федерация достигла этой стадии, но пошла по пути насилия.

— Вы знаете, что мы путешествуем во времени? — от напряжения Йоргенсен даже уронил кубок, который покатился по полу, оставляя за собой мокрую дорожку. Жидкость тут же впиталась в дерево.

— Да, — ответил, не колеблясь, Даалкин. — Мы знали о прибытии иновремян до вашего появления. И давно ожидаем, когда сложится критическая ситуация. Наши традиции содержат предсказания подобного события.

— Пророчество? — удивился Йоргенсен.

— Да, если вы называете пророчеством предсказания ваших астрономов. Не знаю, каким образом вы путешествуете во времени, но мне известно, что Федерация осуществляет систематический контроль над прошлым, чтобы обеспечить свое неизбежное будущее. Быть может, наша цивилизация поступала так в прошлом или будет поступать в будущем, и ваши противники, как и вы, не принадлежат к нашему настоящему. Во всяком случае не думаю, что они обошлись бы с вами так же, как Федерация обошлась бы с ними в сходных обстоятельствах.

— У вас нет уверенности?

— Ни малейшей. Я даже вижу еще одну возможность. Но она придется вам не по вкусу.

— Говорите.

— Ну что ж, — задумчиво сказал Даалкин. — В настоящий момент во Вселенной существуют две державы — наша и ваша. Ваши противники могли явиться из прошлого или будущего одной из них. И ваши странные враги, быть может, не кто иные, как вы сами.

Йоргенсен в бешенстве вскочил на ноги.

— Это невозможно.

— Я сказал, может быть, — возразил Даалкин. — Но такая возможность кажется мне наиболее вероятной. Вспомните, как вы ненавидели себя, придя в город, и как едва не погибли в дереве!

— Это неправда! Я едва не задохнулся, я был отравлен!

— Как вам угодно. Возможность, указанная мной, может и не соответствовать действительности. Но ясно одно — у Федерации нет большего врага, чем она сама. Примиритесь с самим собой, и вы сможете жить в мире и здесь, и в любом другом месте Вселенной.

Даалкин встал и подошел к двери. Распахнув ее и словно сожалея, прежде чем исчезнуть, он бросил:

— Прощайте!

Йоргенсен не ответил. Он даже не заметил его ухода. Он сидел, упершись локтями в стол и спрятав лицо в ладони, и боролся с черной мглой, которая поднималась из глубин его существа, — его мучил невысказанный вопрос.

Он долго расхаживал по комнате, а затем бросился наружу. Стояла глубокая ночь. Он до мелочей четко припомнил, как явился сюда. Ему следовало узнать больше. Его разговор с Даалкином привел к появлению новых проблем и не разрешил старых.

Он двинулся по тропинке, петлявшей в траве. Стволы и свод листвы неярко светились. Казалось, вокруг сомкнулся светящийся горизонт, близкий и далекий одновременно.

Он добежал до низенького дома Даалкина и тихо постучал. Ему ответили. Он вошел и увидел Даалкина с Синевой. Исходивший от пола бледный свет подчеркивал удивительную красоту женщины, ее длинные черные волосы оттеняли мраморную белизну кожи. Даалкин и Синева работали над каким-то художественным произведением — повсюду валялись наброски и эскизы, символы чередовались на них с четкими линиями. Далаамцы, по видимому, не делали большого различия между искусством и наукой.

— Я сожалею о том, что сейчас произошло, — сказал Йоргенсен.

— Это не имеет значения, — отозвался Даалкин. В его глазах плясали насмешливые огоньки.

— Я хотел бы задать еще один вопрос. Всего один.

— Слушаю вас. — Даалкин присел на край стола, откинув назад голову.

— Я хочу знать, откуда вы явились, как ваша цивилизация обосновалась на Игоне? Я не могу поверить, что она развилась самосто-

ательно. Новый город не так уж древен. Предыдущий не жил в симбиозе с деревьями. И в те времена на Игоне возделывали землю, процветала торговля, а может, и промышленность. Как вы пришли к нынешнему состоянию? Какова ваша история?

Даалкин повернулся к жене.

— Наш гость явно вырос, — сказал он, — и даже поумнел. И начинает схватывать, что людей можно по-настоящему понять, лишь справившись об их происхождении. Это вселяет надежды.

Синева рассмеялась, и ее смех разрядил обстановку. В ее внезапном веселье не было ни насмешки, ни презрения. Йоргенсен спросил себя, сколько ей лет. Временами она выглядела не старше Анемы, хотя принадлежала к поколению ее родителей.

— Отвечу вам откровенно. — Даалкин стал серьезным. — Если бы вы набрались смелости задавать интересующие вас вопросы раньше, мы сразу на них бы и ответили. Но вы были убеждены, что мы постараемся обмануть вас. Именно так поступает Федерация.

— Вы правы, — беззлобно подтвердил Йоргенсен.

— Должен вас разочаровать. Мы почти ничего не знаем о своем происхождении. Это одна из наших величайших проблем. У нас нет летописи исторических событий. Нет ни единого документа. Словно кто-то все стер. От прошлого сохранились лишь некоторые традиции.

— Что за традиции? — спросил Йоргенсен.

— Комплекс наших коллективных знаний, — ответил Даалкин. — В основном они восходят к периоду, который предшествовал появлению города. В них изложены почти все физические сведения о Вселенной, о других мирах Галактики, о Федерации, о времени и многом другом. Мы не располагаем возможностями расширять свои знания в этой области. Мы не в силах определить свое место в мире и избежать кризисов. Но религиозное озарение здесь ни при чем. Нет и двусмысленных текстов, которые можно толковать по-разному. Мы располагаем научным изложением фактов. Эти факты требуют научного анализа, а не слепой веры, хотя существует и несколько аксиом, оспаривать которые не приходится, к примеру, существование Федерации, — закончил он с улыбкой.

— Понятно. Ваши предшественники как бы подвели итог своим исследованиям, а затем занялись чем-то другим или избрали иной образ жизни. Традиции служат для поддержания равновесия в вашем обществе, которое ориентировано только на науки о жизни.

— Совершенно верно, — согласился Даалкин. Он вдруг стал озабоченным.

— Но тут возникает опасность, — холодно начал Йоргенсен. Он словно врос ногами в пол и скрестил руки на груди. Он вдруг заметил трещину в совершенном здании далаамского общества. — Эти традиции — застывший раз и навсегда комплекс знаний. А действительность меняется. Вы не можете бесконечно передавать из поколения в поколение абстрактные знания. Уже сегодня то, что вы называете традициями, вряд ли полностью отражает действительность. Вы явно обрекаете себя на застой, по крайней мере, в некоторых областях.

Даалкин нахмурился.

— Вы были бы правы, — сказал он после недолгой паузы, — если бы традиции оставались неизменными. Но это не так. Они меняются. В Далааме этого почти никто не знает, кроме, может быть, меня и Синевы. Вот эти-то изменения нам совершенно не понятны. Новые знания вытесняют старые.

— Но это же невозможно! Ведь вы не занимаетесь исследованиями. У вас нет необходимой аппаратуры. Вы не покидаете своего мира. У вас нет контактов с другими мирами.

— Я твержу себе то же самое, — признался Даалкин. — Но у меня есть подтверждение того факта, что традиции меняются. Едва заметно. Видите ли, у нас своеобразная система обучения детей: с одной стороны, их по книгам учат взрослые, с другой — деревья с помощью гипнопедии. Я убежден, что от поколения к поколению традиции меняются. Наше общество остается стабильным. Мы не прилагаем никаких усилий для приобретения знаний в целом ряде областей науки, получая их в готовом виде. Наше общество не такая уж замкнутая система, как вам кажется. Оно общается с внешним миром, но мы не знаем как. Это беспокоит меня. Быть в постоянной зависимости от неведомого источника опасно для любого общества.

— Значит, ваш источник столь же неведом, как и наш противник, — резюмировал Йоргенсен.

— Я думал об этом. Подобная ситуация не приносит мне успокоения.

— Итак, теперь вы сказали мне все?

— Я перечислил ряд возможных вариантов. Действительность сложнее. Она может содержать на первый взгляд противоречивые элементы.

— У вас, наверное, существует теория по поводу этой неведомой державы? — спросил Йоргенсен. — Теория, учитывающая все факты.

— У меня их несколько. Но ни одна из них не выглядит достаточно убедительной.

— Я вас слушаю.

«Положение радикально изменилось», — с тайной радостью подумал он. Оказывается, далаамцы не знали ни своего происхождения, ни тех, кто управляет их судьбами.

— Первая возможная теория наилучшим образом соответствует образу нашего мышления, — сказал Даалкин. — Она предполагает наличие некоего коллективного подсознательного целого, появившегося в результате развития нашего общества под воздействием деревьев, которое позволяет познавать действительность без участия сознания. Подобные функции свойственны каждому человеческому существу. Быть может, нам случайно удалось сделать их коллективными. В таких условиях Далаам может рассматриваться как единое живое существо, клетками которого мы являемся не только в социальном, но и в органическом плане. Я не могу себе представить всех возможностей такой сверхжизни, но думаю, ей нечего бояться даже могущественной Федерации.

Вторая возможная теория нравится мне куда меньше. Она зиждется на предположении, что мы зависим от некой цивилизации, державы, которая передает нам без нашего ведома информацию, необходимую для умственной деятельности, и защищает нас, позволяя нам продолжать исследования. Эта теория не менее фантастична, чем первая.

— Цивилизация, создавшая Далаам, стершая все следы его прошлого, давшая Далааму все необходимое для существования оригинального общества, в том числе и деревья, выбравшая для вас образ жизни, определившая программу исследований и к тому же совершенно неизвестная Федерации?!

— Именно так. Поэтому мне больше по душе первая гипотеза. Но я не могу окончательно отбросить вторую. Кстати, одна не исключает другую.

Йоргенсен закрыл лицо ладонями. Он не продвинулся ни на шаг и по-прежнему блуждал во мраке.

— Я ухожу, — внезапно сказал он. — Я должен вернуться к друзьям, пока они не натворили беды. Я хочу защитить этот город.

— От кого? — спросил Даалкин. — От Федерации?

Впервые в его голосе Йоргенсен уловил жесткие нотки.

— Отпусти его, Даалкин, — сказала Синева. — Он вернется. В день, когда он примирится с самим собой, он вернется. Он нашел здесь то, что не рассчитывал найти. Ты возвратишься сюда, Йоргенсен, и деревья помогут тебе отыскать путь к Анеме.

— Прощайте.

Он не знал, что будет делать, когда встретится с остальными. Решение они будут принимать сообща.

Сначала он увидел Марио, его силуэт вырисовывался на фоне светлого неба. Он не прятался от постороннего глаза, но внимательно наблюдал за окрестностями. Йоргенсен еще не успел выйти из-под прикрытия высокой травы, как Марио уже обернулся в его сторону. Йоргенсен помахал рукой, чтобы его сразу узнали.

— Привет, — сказал Марио.

И тут же в нескольких шагах от него возникла массивная фигура Эрина.

Йоргенсен ожидал более бурной встречи. Ведь он отсутствовал чetyреста часов, то есть шестнадцать суток универсального времени.

— Остальные спят? — тихо спросил он.

— Да. Их разбудить?

Йоргенсен нерешительно отмахнулся.

— Не стоит. Пока не стоит. Расскажите, что здесь произошло.

Он подметил полный любопытства взгляд Марио. «Ему придется подождать». Йоргенсену совсем не хотелось рассказывать о городе святящихся деревьев.

— Мы некоторое время бродили вблизи Далаама, — сказал Марио. — Наткнулись на источник. Но так и не решились последовать за вами. Мы сделали кое-какое открытие, но об этом позже. Хочу предупредить, настроение у людей резко изменилось. Каждый замкнулся в себе, нас не покидает чувство тревоги. Пора найти выход из тупика.

— Я не нашел его. Как чувствует себя Кносос?

— Он выздоровел. Вряд ли он таит на вас злобу, но, откровенно говоря, не уверен. Каждый хранит все в себе. Только Эрина, похоже, это совсем не задело. Правда, он никогда не был особенно разговорчивым.

— Они не доверяют друг другу?

— Не совсем так. Они сами себя изводят сомнениями.

В голосе Марио звучало удовлетворение.

— Вы сказали, что кое-что обнаружили? — вспомнил он первые слова Марио.

— Сейчас покажу.

Он подошел к спящим, поднял с земли пояс и, вернувшись, протянул его Йоргенсену.

— Зачем он мне?

— Посмотрите на датчики.

Йоргенсен взгляделся в крохотные циферблаты. На одном стрелка застыла в необычном положении. Он постучал по корпусу. Стрелка качнулась и вернулась в прежнее положение.

— Датчик вышел из строя, — сказал Йоргенсен.

— Да, он едва работает, — подтвердил Марио. — Но все же положение стрелки кое о чем говорит.

Йоргенсен вздрогнул.

— Это невозможно. Откуда здесь взяться темпоральному ма-
яку?

— Мы тоже так думали. Однако провели поиски. И нашли. Дверь в Абсолютное Вневремя существует. В шести-семи кило-
метрах отсюда. В моренной расщелине.

— Надеюсь, вы не проверили, куда она ведет? — У Йоргенсена перехватило дыхание.

— Не решились. Хотелось прежде встретиться с вами.

«Итак, между Игоной и внешним миром существует связь, и связь постоянная».

Вот что-то и проясняется. Йоргенсен застегнул пояс и уселся на землю. В небе Игоны сверкали звезды. Светящийся туман скрывал город.

— Мы должны переступить порог двери, Марио, — сказал он. — Надо рискнуть и узнать, куда она ведет. У нас нет другой возможности покинуть этот мир. А теперь послушайте о том, что я видел в Далааме.

Рассказ длился несколько часов. Наконец Йоргенсен замолчал. Некоторое время он сидел, вслушиваясь в ночные шорохи, затем вытянулся на траве и почти мгновенно заснул.

— Далаам следует уничтожить, — резко сказал Ливиус.

— Неужели? — удивился Йоргенсен. — Каким образом?

— Не знаю. Надо найти подходящее средство. Вы сказали, что у них нет оружия и что на нас напали не они.

— Хотелось бы быть уверенным в этом.

В разговор вмешался Марио.

— Даже если бы у нас были средства, нет уверенности, что нам позволят это сделать. Прежде следует узнать, кто защищает Далаам и кто поставил нас на грань провала.

— Совершенно верно, — подхватил Йоргенсен. — Существует девять шансов из десяти, что ответ находится по ту сторону этой двери.

Все молча посмотрели на черный прямоугольник — темное пятно на рыжей земле. Нагромождение скал скрывало расщелину от чужих глаз. День уже занялся. Небо было синим. Дул сильный ветер.

— Не сказал бы, что горю желанием попытаться счастья за этой дверью, — обронил Шан д'Арг. — Она слишком смахивает на за-

падню. У нас нет ни оружия, ни защитных полей. Мы можем вынырнуть, оказавшись лицом к лицу с врагом, или очутиться в смертельно опасном для нас мире с непригодной атмосферой, температурой, сумасшедшей радиацией.

— И все же следует рискнуть, — настаивал Йоргенсен. — У нас нет другой возможности покинуть Игону. Надо найти тех, кто дергает за веревочки.

— Говорите яснее, я хочу знать, — настаивал Ливиус, — к чему вы стремитесь? Что пытаетесь отыскать?

Йоргенсен пожал плечами, не отрывая взгляда от черного прямоугольника. Вокруг никакой аппаратуры. Или генератор находится по ту сторону?

— Не знаю, — признался он. — Я даже не стремлюсь вернуться на Альгаир. Я хочу понять этот мир и узнать, кто создал Далаам.

— У меня есть иные соображения по поводу ваших намерений, Йоргенсен, — прервал его Ливиус. — Я много размышлял над вашими словами. Вы опасаетесь, что, оставшись на Игоне, мы причиним городу зло! Вот вы и хотите, чтобы мы как можно скорее уберлись из этого мира. Вы предали Федерацию и больше не желаете защищать ее! Вы забыли и о благородной роли темпоральных командос, и о коррекции истории. Вы возвращаетесь из этого города и говорите нам об этих дикарях так, словно они гении или полубоги.

— Не знаю, — тихо ответил Йоргенсен. — Раньше я верил в Федерацию, верил в правоту командос. Теперь думаю, что ошибался. Я сомневался всегда. Теперь обрел уверенность. У Федерации нет права делать то, что она делает. Думаю, мы превратились в преступников.

— Вас обвели вокруг пальца, — не унимался Ливиус. — Уж я-то побывал в разных уголках Вселенной и знаю лишь один закон — закон силы. Федерация, наверное, впервые за свою историю встретила могущественного врага, а вы хотите остаться чистеньким и решать лишь свою личную проблему.

— Замолчи, Ливиус, — процедил сквозь зубы Шан д'Арг. — Я доверяю Йоргенсену. Он достойнее тебя. И переступлю порог вместе с ним.

— Я думал, Ливиус, что ты ненавидишь Федерацию, — проговорил Марио. — А теперь ты вступился за нее.

Ливиус злобно ощерился.

— Когда я в Федерации, я ненавижу ее. Это мое право. Погляди-те на самих себя. Вы тоже ее ненавидите, но отказываетесь признать это. Вы ненавидите ее, потому что специалисты не считают вас равными себе. Почему Кносос любит море, Эрин — горы, Нанский — космос, Шан д'Арг — оружие, а Марио — музыку и жен-

щин? Почему Йоргенсен мучает себя вопросами? Он хранит это в тайне, но их можно прочесть на его лице. Да потому, что Федерация отвергла вас всех. Со мной Федерация вообще обходилась как с крысой, пока я не нашел в себе силы вырвать у нее все, что хотел. Да, когда я нахожусь в Федерации, то мечтаю о ее гибели. Но в космосе или в ином времени я превращаюсь в человека Федерации. Она сделала меня таким. Она дала мне могущество. В ее стенах я голодный волк. Вне ее — цепной пес.

«Даалкин прав. Ненависть и недоверие. Невроз», — подумал Йоргенсен.

— Оставайтесь здесь, Ливиус, — устало промолвил он. — Оставайтесь. Нет нужды переступать порог этой двери всем. Только прошу ничего не предпринимать против города, пока я не возвращусь.

«На этот раз командос распалась. Это начало падения Федерации. Крохотная трещина в крохотной детали. Пройдет немало времени, пока заест весь механизм, — он остановится, а потом обратится в прах. Все начнется на Игоне, незаметной планетке. Нет, все началось на Альгаире. Все началось накануне нашего старта. Кто мы были? Что мы делали? О чем думали? Два с половиной века назад ответ на вопрос был найден, поскольку мы отправились в свое прошлое».

— Я пойду с вами, — сказал Марио.

Йоргенсен вспомнил о желании Марио сопровождать его в Далаам. Он улыбнулся.

— Хорошо. Кто еще?

— Я, — одновременно отозвались Эрин и Шан д'Арг.

— Да будет так. Оставайтесь. Ливиуса назначаю координатором. Ждите нас в окрестностях Далаама. Если понадобится пища, обратитесь к далаамцам. Желаю успеха.

Ливиус невозмутимо улыбался.

Нанский и Кносос отвели глаза в сторону.

— В городе есть один человек по имени Даалкин, — добавил Йоргенсен. — Если мы не вернемся, сообщите ему, что я сделал попытку исследовать прошлое Игоны. Он поймет.

Ливиус не ответил.

Четыре человека шагнули на черный прямоугольник и растаяли во тьме.

Горячий воздух был насыщен пряными запахами. Дверь пропустила их в джунгли — буйный зеленый мир, сплетение лиан, бархатистые стволы, причудливая листва. Было влажно. На толстенных стеблях покачивались гигантские цветы. Люди инстинктивно жались друг к другу.

Но на поляне, где они оказались, всю растительность словно срезали бритвой. Землю по краю черного прямоугольника покрывал ковер из мха. И опять никакой аппаратуры.

«Второй этап», — подумал Йоргенсен, поднимая голову. Сквозь плотную завесу облаков с трудом пробивался свет громадного, скорее всего, голубого солнца.

— Мы, конечно, не на Игоне, — сказал Йоргенсен. — Мы переместились и во времени, и в пространстве. Осталось узнать, где мы и в каком году.

Задача была практически неразрешимой. Даже увидев звездное небо, они могли не узнать созвездий. Ну а о дате вообще не приходилось говорить. Привязка во времени справедлива лишь по отношению к конкретному миру. Мы видим звезды такими, какими они были в прошлом. Настоящее любого мира не что иное, как острие иглы, чей тупой конец уходит в прошлое тем глубже, чем дальше наш взгляд проникает в космос.

«Второй этап, — повторил про себя Йоргенсен. — Нас занесло еще дальше во времени и пространстве от Альгаира и Федерации, но мы обрели часть себя, остались наедине с собой и должны принимать решение сами. А второй ли это этап? Быть может, ложная смерть Марио была первым этапом, исчезновение оружия — вторым, а посещение Далаама — третьим? А может, были и другие этапы, которых мы не заметили?»

Их явно загоняли в лабиринт. Йоргенсен был уверен в этом. И поэтому без страха переступил порог двери. Ему хотелось пройти этот лабиринт из конца в конец, даже если на это понадобится добрая половина жизни. Ведь выход из лабиринта означал решение всех проблем.

Все, не сговариваясь, посмотрели на датчики. Они работали не лучше, чем на Игоне. Нейтрализующее поле действовало и в этом мире.

Однако кое-что индикаторы показывали и здесь — направление на темпоральный маяк. Расстояние до него было от двадцати до семисот километров. Разброс был достаточно велик.

— Во всех случаях, — сказал Марио, — надо двигаться к маяку.

«Они вновь обретают веру в себя», — подумал Йоргенсен. Это было главным. Важнее, чем наличие оружия. Они решили идти до конца, найти разгадку и снова стали единым целым, хотя их было меньше. Правда, изменились цели. Этого, по-видимому, и добивались их таинственные противники.

— Это будет нелегко, — сказал Эрин, окидывая взглядом джунгли. Вдали послышался звериный рык.

Они приблизились к зеленой стене. Вблизи джунгли не казались столь непроходимыми. Можно было протиснуться между деревьями, продрасться сквозь заросли.

— Топорики бы, — вздохнул Йоргенсен.

Обычно они расчищали себе путь в джунглях лучевым оружием. Даже пропитанные влагой стволы и те мгновенно превращались в прах. Энергетические щиты предохраняли их от любого нападения. Но сейчас они были с джунглями один на один.

Йоргенсен возглавил цепочку. Ходьба отнимала все силы. Они то и дело возвращались назад, искали новый проход, натыкались на непроходимые заросли колючего кустарника, обходили его, ползли, карабкались, опасаясь громадных и, возможно, ядовитых насекомых.

Часа через два ходьбы джунгли изменились. Почва стала суше. Деревья перестали тесниться и казались выше. Громадные переплетающиеся корни выступали из земли. Люди шли почти в полной темноте, то и дело поглядывая на циферблат, чтобы не сбиться с нужного направления.

Жара была угнетающей. Однажды пришлось сделать крюк с добрый километр, чтобы обойти настоящую реку из насекомых, петлявшую среди деревьев. Были ли это насекомые? Времени на выяснение не было.

— Жизнь, — сказал Йоргенсен. — Жизнь в первозданном виде. Постоянная, жестокая конкуренция. Самые большие деревья впитывают свет и тепло солнца. Гниль пожирает деревья. Насекомые питаются и гнилью, и древесиной.

— Любой саперный корабль Федерации расчистит этот мир за несколько суток, — заметил Шан д'Арг, — и превратит его в цветущий сад. Это и есть цивилизация.

— Наша цивилизация, — вступил в разговор Марио, утирая со лба крупные капли пота. — А как поступили бы далаамцы?

— Не думаю, что они могут представить себе подобные джунгли, — ответил Йоргенсен. — Их опыт — опыт управляемого по человеческим меркам мира.

— Может быть, — неохотно согласился Марио.

Путь преградила косая трещина. Им показалось, что это дорога, но как только Йоргенсен ступил на гладкую зеленую поверхность, он тут же по плечи провалился в жижу. Его вытащили из воды.

— Нам повезло, что мы наткнулись на эту речонку, — насквозь промокий Йоргенсен провел ладонью по лицу, оставляя на нем следы ила.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Дальше можно двигаться вплавь или по дну, — пояснил он. — Не придется делать обходов.

— В воде могут водиться ядовитые твари, — заметил Марио. Йоргенсен пожал плечами.

— Одной опасностью больше, одной меньше. У нас нет иного выбора. — И он первым прыгнул в илистую воду. После секундного колебания остальные последовали его примеру. Они жались как можно ближе к берегу. Вода доходила до пояса, идти было трудно, но они двигались вперед.

— Будем идти до наступления ночи, — сказал Йоргенсен.

Ночь оказалась довольно светлой — взошли две огромные оранжевые луны, окрасившие воду в желтоватый цвет. Иногда из зарослей доносился треск веток, видно, сквозь джунгли ломились крупные животные. Вода в реке становилась все чище. Илистое дно сменилось песком. Идти стало легче, хотя мешало несильное встречное течение. Иногда они останавливались, чтобы перевести дух.

— В нормальных условиях, — мечтательно протянул Шан д'Арг во время одной из таких остановок, — мы летели бы над этими джунглями на высоте двухсот метров, не подвергаясь опасности и не затрачивая никаких сил.

Йоргенсен усмехнулся.

— Тем не менее мы обходимся без машин. Мы оказались выносливей, чем предполагали.

— Сколько мы прошли?

— Километров десять-двенадцать.

— А мне кажется, что мы сделали не менее пятидесяти.

— Здесь труднее, чем в горах, — сказал Эрин.

Йоргенсен ощущал невероятную усталость, но в то же время и духовное спокойствие, и ясность мысли. Вскоре до их ушей донесся глухой рокот. Пройдя еще несколько сотен метров, они поняли, что впереди грохочет водопад.

— Конец пути, — вздохнул Марио.

Река разлилась в округлое озерцо, ограниченное с одной стороны обрывом, с которого низвергался поток воды, а с другой — зеленой стеной джунглей. У подножья скалы, почти над самым водопадом, мерцал огонь. Это не был костер. Свет горел ровно и холодно, как электрическая лампа.

Они переплыли реку и по крупной гальке с трудом выбрались на берег. Обе луны спокойно светили в безоблачном небе.

Образовав полукруг, путники осторожно, в полном молчании двинулись к огню. Они подошли вплотную, когда одновременно увидели и маяк, и хижину.

Темпоральный маяк был древней модели — они никогда не видели таких. Но ошибки быть не могло. Маяк никто не пытался за-

маскировать, его просто занесло песком. Только на вершине горел вечный свет. Нигде никаких дат. Ручки управления оказались заблокированными. Надписи на пульте состояли из совершенно непонятных им символов.

Они повернулись к хижине из металла. Она стояла здесь, по-видимому, с незапамятных времен. Дверь ее была приоткрыта. Они вошли в единственную пустую комнату, утонув по колено в пыли. В неверном свете своих фонарей они увидели на столе металлическую медаль на стальной цепочке — такие же медали с указанием имени, планеты и даты рождения хронавта носили они сами. Металл, из которого делались медали, был практически неразрушаем.

Йоргенсен повернул медаль. Едва светящиеся в темноте буквы складывались в имя — АРЧИМБОЛЬДО УРЦАЙТ. Невероятное, мифическое имя. Имя ученого, который в отдаленном прошлом Федерации сделал реальностью путешествия во времени.

Рядом с медалью лежала книга в бронзовом переплете. Йоргенсен взял ее в руки и открыл. Листы задрожали, на мгновение словно зависли в воздухе, а потом рассыпались и осели на стол кучкой серой пыли. На внутренней стороне бронзовой обложки ножом неровными буквами было нацарапано имя Арчимбольдо Урцайта.

Записи ученого исчезли навсегда.

Петля замкнулась. Путешествия во времени привели их к организатору этих путешествий.

— Невероятно, — пробормотал Марио. — Урцайт побывал здесь задолго до нас.

— Да, — протянул Йоргенсен. Постепенно все становилось на места. Урцайт побывал на Игоне. Поставил там опыт. Скорее всего, он-то и создал Далаам, новый Далаам. Затем расставил в континууме некоторое количество темпоральных дверей, позволявших путешествовать во времени и пространстве и издали наблюдать за течением эксперимента. «Но почему же спустя двести пятьдесят лет — или не двести пятьдесят?» — спросил себя Йоргенсен. Он не мог сказать, в каком веке они находились, ведь в архивах Федерации не сохранилось никаких упоминаний об опыте Урцайта.

Почему личность Урцайта окружена тайной? Почему о нем почти ничего не известно? В конце концов, пять веков не такая уж непроницаемая завеса времени. О жизни куда более древних лиц были известны мельчайшие подробности. А об авторе монументальных научных трудов ходили лишь рассказы, больше похожие на вымысел. Быть может, этого хотел сам Урцайт? Быть может, он сам смешал карты? А может, о целом разделе учения Урцайта

сознательно умалчивали по приказу Арха? Быть может, Урцайт разгадал опасность столь могущественного оружия, как путешествия во времени, оказавшегося в руках Федерации? Или его ликвидировали по распоряжению Арха? А командос послали на Игону, чтобы уничтожить последние следы Урцайта?

И здесь Федерация просчиталась. Если Урцайт был на самом деле основателем нового Далаама, он снабдил город мощной защитой, чтобы оградить его от любого врага. А далаамцы не подозревали о защите. Или лгали... или...

Йоргенсен хотел дойти в своих рассуждениях до конца.

А может, сам Урцайт или кое-кто из его учеников защищали Далаам. От Федерации. От завоевателей-иноземцев.

Йоргенсен провел рукой по лбу. Его била дрожь. Если его предположение было верным, Федерация боролась против себя самой. Настоящее Федерации отторгло ее прошлое. В определенный момент ее истории появились две возможности, и, хотя вероятности их развития были неравными и в них были задействованы неравные силы, менее вероятная возможность начала брать верх над более вероятной.

Планета джунглей не была последним прибежищем Урцайта. Об этом свидетельствовал маяк. Он позволял перейти в следующий мир. В любой. Быть может, на Альгаир. За этим миром мог быть третий, и четвертый, и так далее до бесконечности. Гений Урцайта был всеобъемлющим. «Но никто в Федерации, — подумал Йоргенсен, — не подозревает об этом».

Четверка переглянулась. Слова были лишними. Они решительно направились к засыпанному песком маяку. Он сверкал, словно глаз циклопа. Он излучал путеводный свет не только в пространстве, но и во время. Это был вызов окружающей действительности. Весомое доказательство существования обратной стороны вещей, как бы изнанки ткани, в которой переплелись нити космоса, настоящего, прошлого и будущего.

«Вся четверка, — сказал себе Йоргенсен, — готова схватиться за рукоятку маяка, чтобы открыть подлинное лицо действительности. Не понять — действительность слишком сложна. Не увидеть во всей полноте — действительность слишком необъятна. Лишь приоткрыть завесу над одной из ее возможностей».

Он опустил рукоятку. Темная вспышка подхватила и унесла их из мира джунглей.

Безоблачное небо. Безмерные песчаные просторы пустыни. Они сразу узнали громадное голубое солнце. Низко над горизонтом, словно два огромных шара, плыли оранжевые луны.

— Та же планета, — прошептал Шан д'Арг. — Невозможно. Мы переместились во времени, а не в пространстве.

— Который год? — спросил Марио, не рассчитывая на ответ.

— Как знать, — ответил Йоргенсен. — Если бы наши инструменты работали, можно было бы исследовать солнце и состав почвы. А сейчас даже трудно сказать, до джунглей мы или после.

Они были так возбуждены, что не сразу сообразили, в какое отчаянное положение попали. Пустыня уходила к горизонту. Маяк за ними не последовал. Они не могли вернуться ни в джунгли, ни в Далаам.

— На этот раз, — сказал Марио, — мы, похоже, достигли конца пути.

Бездействовал и датчик — ни дверей во Вневременье, ни темпорального маяка. Стрелки застыли на нуле.

— А может, и нет, — с возбуждением, удивившим его самого, вскричал Эрин. — Глядите. Узнаете?

Они повернули головы и увидели вдали едва различимую овальную скалу, полумесяцем выраставшую из песка.

— Рельеф не изменился, — добавил Эрин. — Там был водопад.

— Или будет, — поправил его Йоргенсен.

И то и другое было равновероятно. Сколько времени надо, чтобы джунгли уступили место этой бесплодной пустыне или пустыня покрылась кишачими жизнью джунглями?

Десять миллионов лет? Миллион? Тысяча? Без вмешательства человека джунгли и пустыню могли разделять целые геологические эпохи. Здесь же причинная ткань, структура действительности была трансформирована. Кем? Урцайтом?

Наверное, у подножья скалы по-прежнему стояла хижина. А маяк совсем утонул в песках. Несбыточная надежда. Но несбыточным было и совершённое кем-то ответвление потока времени в этом безымянном мире. Все имело смысл — Далаам, джунгли, пустыня, «Некто» заманил их в этот лабиринт не без умысла. Последовательность событий имела глубокое значение, как фраза, составленная из слов.

Но, к сожалению, у них не было ключа к шифру. В безднах времени им встретился сфинкс. Если они отгадают загадку, они останутся в живых и новое понимание происходящих событий распахнет перед ними врата нового мира. Если они потерпят неудачу...

Игона, джунгли, пустыня.

Три стадии. На Игоне царило сотрудничество леса и города. Законом джунглей была жестокая конкуренция. И только пустыня была мертвой — она либо предшествовала жизни, либо следовала за ней. Смерть была несовместима с жизнью.

Йоргенсен облизал пересохшие губы. Он чувствовал жалость к своим товарищам по оружию. Это было новое чувство. Он вдруг открыл в себе привязанность к Марио, Эрину, Шан д'Аргу, и она была глубоким человеческим чувством, совершенно не свойственным их сообществу карателей. Он открыл, что каждый существует сам по себе, а не как объект его собственного мира. Он открыл, что у них есть своя собственная история — прошлое, будущее и настоящее. Он открыл, что никогда этого не замечал, хотя ему казалось, он знает их давно. Он открыл, что, осознав их индивидуальность, стал лучше понимать каждого.

— Сожалею, что увлек вас сюда за собой, — сказал он. — Боюсь, мы попали в безвыходную ситуацию.

Марио слабо улыбнулся.

— Мы пошли за тобой, потому что так решили. И все. Ты ни в чем не виноват. Однако лучше поскорее добраться до скалы.

Йоргенсен хотел было сказать «спасибо», но вздохнул и произнес только: «Будь по-вашему». Затем двинулся вперед — его сапоги вязли в песке и вздымали облака пыли. Остальные последовали за ним, и четверо измотанных людей, песчинки среди необъятной пустыни, потянулись к скале вдоль невысоких дюн, причудливых творений ветра.

— Хочу пить, — сказал Эрин. — Помню, как однажды взбирался на Цирцее на лавовые горы. Тысячи лет назад там бушевали огненные потоки, но когда я добрался до вершины плато, вскарабкавшись на гладкий отвесный обрыв, то увидел в центре крохотное озерцо чистой воды, которая изливалась с противоположного склона тремя прекрасными каскадами в пламенных брызгах пены. Ночью звезды блистали в воде, как второе небо. Вода была ледяной. Она обжигала глотку, как раскаленное железо, а прозрачностью соперничала с космосом. Хотелось бы снова полюбоваться на эту воду.

Песок стал совсем тонким, и их ноги оставляли в нем глубокие борозды. Они шли и беседовали — такое случилось впервые. Они говорили о Федерации и о ее мирах, о своих тайных желаниях и никому не ведомых поражениях, Йоргенсен говорил об Игоне и мечтал о встрече с Анемой. Эрин — о головокружительных высотах. Шан д'Арг — о страхе смерти. Марио — об ужасе, который ему внушало время. Смертельно усталые люди разом ощутили пользу откровенности и необходимость слов.

Внезапно начались миражи.

То вблизи, то вдали в пустыне возникали джунгли. Пахло водой. Появилось зеленое пятно. Послышался звериный рык. Тонкая спираль лианы обвила ствол дерева.

Йоргенсен протер глаза. Мир наполнился блестками. «Начинается бред», — без всякого отчаяния решил он. Позади вдруг ставшей прозрачной дюны он различил силуэт Ливиуса. Прямо перед ним в почву впились и исчезли корни далаамского гиганта. Под его ногами распахнулась и захлопнулась бездна.

Йоргенсен в недоумении остановился. Его друзья выглядели прозрачными. До него долетали их удивленные, искаженные голоса. Обрывки ночи застилали солнце.

«Галлюцинации», — решил он, но, бросив взгляд на бешеную пляску стрелок детекторов, сжался в комок от страха. Крик Шан д'Арга подтвердил страшную догадку.

— Темпоральная буря!

Изнасилованное, деформированное время мстило за дурное обращение с ним. Силы, которые удерживали в равновесии параллельные возможности, не выдержали безудержного натиска действительности. Темпоральная буря. Коммандос боялись этого катаклизма, как чумы. Иногда такое случалось в некоторых районах пространства, где энергетические разряды достигали такой мощности, что нарушали структуру континуума. Но чаще всего темпоральные бури были результатом неудачного вмешательства. Происходил локальный обвал времени. Обломки прошлого корежили будущее. Настоящее рушилось. Человек, попавший в темпоральный ливень, мог увидеть, как морщится кожа на его вдруг ставшей старческой руке, как его тело становится зародышем в утробе матери, и в последней вспышке сознания он понимал — время мстило за все. Подобная катастрофа уничтожила семь планет в созвездии Лебеда. Одна из звезд стала сверхновой. Погибло двадцать миллиардов людей. Оставшиеся в живых так и не оправились от сумасшествия — они видели нечто более страшное, чем собственная смерть, они видели гибель Вселенной.

Джунгли. Пустыня. Эта безымянная планета голубого солнца стала ареной противоречивых вмешательств. И мир распался на куски. Правда, Йоргенсену казалось, что хроноклазм не был случайным — он был завершающей точкой непонятной фразы, составленной из слов «Далаам», «джунгли», «пустыня». После бесплодия — гибель. Наглядное предсказание судьбы Федерации. Манипулируя временем, она подкладывала мину под фундамент Вселенной. Защищая свое настоящее, она подточила свое будущее. И когда пробьет час расплаты, взорвется Галактика, и десятки миллионов звезд разлетятся в разные стороны в вихре сменяющих друг друга десятков миллиардов возможностей...

Голоса друзей, вернее, их удивленные восклицания доносились до него бессмысленными всплесками звуков. Он еще изредка

замечал остальных, как беглые отражения в осколках зеркала на фоне однообразной пустыни. Он вдруг увидел, как из ниоткуда вынырнули Ливиус, Нанский и Кносос. Невероятная случайность или умелое вмешательство? Что втянуло их в темпоральную бурю и забросило в этот мир? Вся семерка, сблизившаяся и разобщенная одновременно, в полном безмолвии вступила в бой с разгулом времени.

Йоргенсен, как бы отрешившись от своего естества, перенесся вперед и увидел семь силуэтов, сгибавшихся под напором порывов времени. Все они — Марио и Шан д'Арг, Кносос и Эрин, Ливиус и Нанский, и он сам — шли вперед, спотыкаясь и борясь с собственным головокружением и сошедшим с ума космосом. Он видел всю семерку такой, какой она была десять лет назад. Он вдруг узнал, что останется жив и встретится с Анемой, а через секунду капля времени стерла из его памяти это воспоминание из будущего.

Позади первых семи силуэтов он различал семь иных, бледных и почти прозрачных теней, — они преследовали семерку, угрожали ей, готовились к расправе. Он различал черты лиц этой семерки преследователей и узнавал в них своих друзей — в лабиринте времени разворачивалась безжалостная охота на самих себя.

Он хотел предупредить их. Но из горла вырвались лишь бессвязные звуки. Обе командос неслись к горизонту. Он закрыл глаза и бросился вперед, упал, вскочил на ноги, снова упал, не чувствуя опоры и не зная, разверзся космос или нет. Волны времени доносили до него мысли других.

Частица времени пронизала его мозг. И забытые воспоминания всплыли на поверхность сознания. Он вспомнил свое сновидение. На круглой площади его преследовал человек, и у этого человека было лицо Йоргенсена. А громадная толпа далаамцев с ужасом наблюдала за его гибелью. Он пытался добраться до убежища в центре площади и коснуться каменной статуи с загадочным лицом, единственной недвижимой точки в этом бешеном вихре, но знал, что никогда не доберется до спасительной гавани.

Он вспомнил слова Анемы. «Если вспомнишь сон, то наступит выздоровление. Ты перестанешь ненавидеть самого себя». Йоргенсен радостно вскрикнул, ибо вспомнил свое сновидение. Он вышел победителем из жестокой схватки и обрел потерянное «я». Лицо его противника внезапно изменилось. Его второе «я» шло ему навстречу со спокойной улыбкой на лице и протягивало ему дружески руку.

Йоргенсен узнал сновидения других. В это мгновение каждый из них испытывал то, что испытал он внутри дерева в Далааме.

Каждый решал свою проблему сам. А он, беспомощный зритель, присутствовал на смертельной схватке каждого из шестерых с собственным «я».

Ливиус в своем сновидении — а может, это была действительность, принесенная бурными волнами времени, — оказался на родной планете. Он бежал по узким улочкам мрачного города. Растрескавшиеся стены вздымались до самого неба, окна миллионами глаз следили за ним, словно он был в тюрьме. Он хватался за бесполезное оружие, стрелял наугад, и позади рушились стены. Он убегал, не зная почему. Он бежал прочь, скатывался по кривым лестницам, нырял в крытые проходы под монолитами зданий.

Бульжная мостовая была жирной и скользкой. На ближайшем перекрестке он бросился в боковую улочку, она была такой узкой, что можно было коснуться домов, даже не разводя рук в стороны. Вдали послышался топот ног его преследователя. Где-то наверху, над головой Ливиуса, в мрачной стене виднелось похожее на иллюминатор оконце, упиравшееся в противоположную стену, как в искусственную скалу... Он поднял голову и сразу узнал ее. Именно там, в мрачной пещере наверху, он родился и провел первые годы своей жизни. Из оконца выглянуло лицо, он узнал себя, и из его легких вырвался вопль ярости и ужаса. Шаги преследователя раздавались поблизости, тень его росла, он узнал собственный силуэт и походку. Мертвую тишину разрывали только шаги охотника и металлический лязг. Все жители города забились в свои норы, спрятались от охотника — Ливиуса-волка, и Ливиус остался наедине со своим двойником.

Он отступил в проулок, поскользнулся и потерял равновесие. Он хотел вырваться за пределы города, на открытое пространство. Узенькая зеленая полоска неба высоко над головой словно издевалась над ним. Он обернулся и ринулся прочь. Нескончаемая улочка заканчивалась вонючим сплетением проходов. И вдруг с громадным облегчением он увидел, что оказался на зеленом лугу, и узнал парк, где верховодил в опасных детских играх, который находится совсем в другой части города. Он бросился к рощице, где надеялся спрятаться, как это часто бывало в детстве, когда ему приходилось удирать от банды соперников. Ему надо было пересечь круглую эспланаду, в центре которой был фонтан.

Шаровидный звездолет прочертил небо, и он недоуменно поднял глаза кверху, затем его взгляд упал на фонтан, где высилась статуя с загадочной улыбкой на лице.

Преследователь с его чертами, в его комбинезоне, с оружием в руках вышел из кустов. Ливиус выстрелил в него, но тот — высокая

фигура на худых ногах — неумолимо шел навстречу, медленно поднимая оружие...

Кносос в своем сновидении исследовал коралловые пещеры в морской бездне. Его грызла глухая тоска. Над ним юрким угрем промелькнула чья-то тень, он быстро развернулся и через стекло маски различил в зеленоватой мгле, которую рассекал луч фонаря, тень человека.

Он узнал в нем своего двойника...

Эрин шел по крутому отвесному склону, боясь оглянуться, но не из страха увидеть под собой пропасть, а из опасения различить позади себя упрямого преследователя.

— Поднимайся, — раздался его собственный голос.

Он с усилием подтянулся на усталых руках. Окровавленные пальцы судорожно цеплялись за камень. Ногти пытались зацепиться за малейшую неровность.

Когда он вскарабкался на край обрыва и поднял голову, то увидел над собой массивный силуэт. Это был он сам. Сапог двойника расплющил ему пальцы. Эрин с воплем разжал руки и полетел вниз — он успел увидеть, что падает к тому, кто преследовал его, чтобы убить, к тому, у которого было его собственное лицо...

Марио преследовал женщину в городе-парке на Энгеране-3. Где-то вдаль играл оркестр, и до него доносилась древняя, печальная музыка. По лбу Марио стекал пот. Он знал, что должен нагнать женщину и задать ей один вопрос, но не знал какой. Он не знал ее имени. Близилась ночь.

На женщине был плащ, который развевался на ветру. Цвет плаща постоянно менялся, капюшон скрывал волосы женщины.

Следовало догнать ее до того, как она выбежит на площадь, где шел концерт, на громадную круглую площадь, на которой толпились люди. Громадный стеклянный шар висел над оркестром и отражал звуки в сторону публики.

Он бросился через кустарник наперерез женщине и на миг потерял ее из виду, а когда увидел снова, ему показалось, что она замедлила бег и стала выше. Он бежал за ней, удивляясь, что она растет на глазах. Вдруг она остановилась и повернулась к нему.

Он в страхе замер. Плащ скрывал лицо и тело. Марио уже догадался, что это не женщина. Плащ медленно скользнул на землю... Марио не сразу понял, кто перед ним. Он знал одно. Его ждет смерть. От руки двойника. Мертвый двойник с Игоны вернулся, чтобы отомстить...

За кораблем Нанского, затерянным в беззвездном пространстве, гнался неведомый звездолет. В страхе Нанский позвал на помощь Нелле. Но та не ответила. Он был на борту один. Чужой корабль рос на экране с чудовищной быстротой. В нем распахнулся люк, и в космос шагнул человек без скафандра. Он шел в пустоте, постепенно заполняя экран. На секунду Нанскому показалось, что он смотрит в зеркало. Затем человек выпрыгнул из экрана и поднял оружие...

Шан д'Арг ждал своего противника на арене Танатоса. Он знал, что бой будет безжалостным. Публика бесновалась. Искусственные стервятники, вооруженные телекамерами, бесшумно кружили в небе на крыльях из черного металла, не спуская с него своего единственного, недвижимого глаза.

Крохотное солнце, огненный шарик, плавало над ареной, заливая ярким светом песок. Шан д'Арг сжимал в левой руке лук, за поясом его торчали три стрелы, правая рука держала дубинку. Он неотрывно смотрел на далекую дверь, темную арку, откуда должен был появиться соперник.

Впервые в жизни он дрожал накануне схватки. В глубине арены возник тонкий силуэт его противника. Вопли усилились.

Шан д'Арг ждал... В руке противника был лучевой пистолет. Шан д'Арг выхватил из-за пояса стрелу, положил ее на тетиву и прицелился. Бесшумный стервятник спикировал прямо на него и отвел стрелу в сторону.

Убийца подошел ближе, и Шан д'Арг узнал его. Во всей Галактике не было второго человека с такой желтой кожей, такими плоскими скулами, такими раскосыми глазами под черными стрелками бровей...

Йоргенсен со стороны наблюдал, как каждый встретился со своим двойником и принял смерть от его руки. Это было неотъемлемой частью лабиринта. Йоргенсен знал, что каждый видит сновидения остальных. И каждый должен решить свою проблему до того, как умрет. Он уже прошел через это, и они могли воспользоваться плодами его успешного опыта. Решение было простым, если знать ответ заранее. Принять себя таким, каков ты есть. Изгнать из своей души раздвоенность. Путь к цели лежал через логику и переплавку личности. А неотвратимость смерти способствовала радикальной трансформации духа и разума.

Это было логично. Это был выход из лабиринта. Их загнали сюда ради метаморфозы. Далаам, джунгли и пустыня были ступенями испытаний.

Но кто подверг их этим испытаниям? Вопрос оставался без ответа. Лабиринт еще скрывал неисследованные закоулки.

Все стихло. Земля под ногами Йоргенсена снова обрела твердость. Темпоральная буря продолжала свирепствовать, но он оказался в зоне затишья. В центре циклона. В глубине воронки.

Он открыл глаза и увидел, что буря помогла ему приблизиться к скале. Остальные отстали и пока еще не вырвались из лап мучивших их кошмаров.

Скала нависла над его головой, загораживая небо. Он заметил хижину, засыпанную песком. Дверь была приоткрыта. Он скользнул внутрь. Когда его глаза привыкли к сумраку, он увидел, что песку намело почти до столешницы, на которой лежала книга. Он протянул руку, чтобы взять ее, и заметил белый предмет, выступавший из песка с противоположной стороны стола.

Человеческий череп. А под ним стальная цепочка с медалью. Он знал, что на ней выбито имя Арчимбольдо Урцайта.

Значит, Урцайт закончил свои дни здесь. Других ходов в лабиринте не было. Он закончился тупиком. Много веков назад Урцайт создал этот лабиринт, чтобы защитить Далаам и преобразить его возможных врагов. Но его усилия оказались тщетными.

Они никогда не получают ответа на вопрос «Почему?». Они прошли испытания без пользы для дела.

Йоргенсена охватило отчаяние.

Он открыл книгу и, по-видимому, включил скрытый механизм, поскольку мир вокруг него взорвался красками. Его снова выбросило в Абсолютное Вневременье, его отправили в новое путешествие во времени.

6

Год? Не известен.

Место? Не известно. Планета под голубым солнцем. Райский уголок. Громадные деревья с кронами, укрывающими от зноя, обширные луга. Невысокие холмы. Неторопливые водные потоки. Тучная земля. Зелень трав. Прозрачная, светлая, невесомая вода, похожая на жидкий бриллиант.

Йоргенсен протер глаза. Из-за кустов бесшумно вышел громадный рыжий зверь, глянул на него и величественно удалился. На все лады свистели птицы. Река сверкала серебряными всплесками — в волнах резвились рыбы.

Он прибыл на ту же планету, но куда делись джунгли и пустыня? Он был уверен, что попал в тот же мир, в еще одну возможность этого мира. Он затаил дыхание, чтобы не пропустить ни звука. До его ушей доносились лишь шорохи леса. Он крикнул. Никто не ответил. Где остальные? Остались в пустыне или темпоральная буря забросила их в иные сектора времени?

Он узнал местность. Река кончалась водопадом. Та самая река, что вывела их из джунглей. Хижина, а может, и маяк по-прежнему стояли у подножья скалы.

Йоргенсен быстро двинулся вперед. В голове прояснилось. Он чувствовал необычайный прилив сил и бодрости. Теперь он знал смысл лабиринта. Это было испытание и лечение одновременно. Испытание позволило разделаться с предрассудками Федерации. Лечение принесло духовное выздоровление.

Однако через некоторое время он ощутил пустоту — ему не хватало Анемы, друзей. Он был один. А рай хотелось разделить с другими. Но новое одиночество не имело ничего общего с тем, которое угнетало его раньше. Это не было одиночество от недоверия, свойственное людям Федерации. Это было временное физическое одиночество, поскольку он знал, что может использовать все резервы своего существа, чтобы отыскать других и слиться с ними в единой духовной общности.

Он сорвал с ветки золотистый плод.

На повороте тропинки у реки появился улыбающийся человек. Он был толст и стар, почти лыс. Он смотрел на идущего к нему Йоргенсена. Его глаза светились умом. Большие пальцы пухлых рук были засунуты за пояс. На нем была выцветшая хламида некогда оранжевого цвета. Человек сунул правую руку в карман, достал трубку и неторопливо раскурил ее. Потом дружелюбно помахал рукой.

— Привет! Хорошая погода.

Покрытое пылью и потом лицо Йоргенсена и его изодранный комбинезон, казалось, не удивили его.

— Привет, — ответил Йоргенсен.

Облик человека поразил его больше, чем радушный прием. Он ни разу не видел стариков. Даже тучных людей не было в Федерации. Ее биологи давно научились удерживать человека на пике его физической формы почти вечно.

Старик изъяснялся по-далаамски. Но в нем не было их безмятежности.

— Здесь есть город? — спросил Йоргенсен.

— Не думаю. Более того, в настоящий момент на этой планете нас всего двое.

Подойдя ближе, Йоргенсен заметил, что старик почти на голову ниже его. Он невозмутимо посасывал трубку. Струйкой поднимался сизый дымок.

— Кстати, — сказал старик, — думаю, вы давно разыскиваете меня. Меня зовут Арчимбольдо Урцайт.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Его ноги налились свинцом. Урцайт улыбался, не выпуская трубки изо рта и снова запустив большие пальцы за пояс.

— Рад, что вы успешно выпутались из этой передраги, — добавил он. — Я нуждаюсь в вашем сотрудничестве. Но, естественно, у вас остается свобода выбора.

— Простите? О чем идет речь? — нервно спросил Йоргенсен.

— О будущем Федерации, Далаама и, конечно, о вашем будущем.

Голос Урцайта был спокойным и добродушным.

Йоргенсен вдруг снова оказался лицом к лицу с жестокой действительностью.

— Вы не умерли? — Голос Йоргенсена звучал хрипло. — Это был не ваш череп?

И тут же закусил губу.

Улыбка Урцайта стала еще шире. Он прищурился. Наверное, страдал близорукостью — только историки еще помнили об этой болезни.

— Это зависит от года, — усмехнулся Урцайт. — В той эпохе, из которой вы явились, я действительно мертв. А сейчас нет. Надеюсь, вы сами видите это. В хижине среди пустыни был мой... мой череп. Но пустыня появится лишь через пять или шесть тысяч лет...

Он небрежно махнул рукой.

— И не считайте меня призраком. По теории я старше вас только потому, что умер до вашего рождения и два этих события расположены на одной причинной кривой. Официальная теория Федерации. Должен признаться, я немало потрудился, чтобы мое учение восторжествовало. Но с момента исчезновения я много работал. Умственный труд весьма полезен для поддержания хорошей формы. У меня впереди еще двадцать лет жизни.

«Он знает, когда умрет, — думал Йоргенсен. — Он проведаль свое будущее, сколь это ни невероятно. Он бросил вызов времени и победил его. И его не страшит, что он знает день и час своей смерти. И далаамцы не боятся смерти. Они принимают ее как должное».

На мгновение эта мысль показалась ему чудовищной, но он тут же ощутил, что давний ужас смерти оставил его. Страх умереть и страх жить — две стороны одной медали. Тот, кто не при-

нимает мысли о неизбежности смерти, не может жить полной жизнью.

— А другие? — сдавленным голосом спросил он, не в силах отвести взгляда от синей струйки дыма, поднимавшейся из трубки. Она тоже напоминала о прежних временах. Йоргенсен никак не мог привыкнуть к мысли, что перед ним — мифическая фигура Арчимбольдо Урцайт. Он представлял его себе величественным гигантом со строгими чертами лица, с тяжелыми крепкими руками, с глубоким, хорошо поставленным голосом — нечто вроде супер-Даалкина. А перед ним стоял толстый, улыбающийся, почти комичного вида человек.

— Ваши соратники? Не беспокойтесь. Мы к ним вернемся позже. Я хочу задать вам несколько вопросов и кое-что объяснить. Вам следует принять решение.

— Слушаю вас, — едва слышно выговорил Йоргенсен.

— Расслабьтесь. Вы устали. Вы прошли суровые испытания и оставили позади себя все. Все, чем вы были. Вы родились заново. Вы — бабочка, вышедшая из кокона. У вас еще не обсохли крылышки, и вы не в состоянии их расправить. Дайте им окрепнуть на солнышке.

— Я попытаюсь.

— Садитесь прямо в траву. Съешьте этот плод. Нет ничего прекрасней даров земли.

Йоргенсен повиновался, как ребенок.

— Прекрасно, — сказал Урцайт. — У нас много времени. Что означают лишние пять минут в сравнении с пятью тысячелетиями? Мы, вы и я, жонглируем временем. И не стоит придавать этому слишком много значения. Именно поэтому я курю трубку. Этот обычай давно утерян, и, думаю, его утрата прозвучала для Федерации похоронным звоном. Курильщики трубки обычно люди миролюбивые и склонные к размышлениям. Нужно время, чтобы правильно набить трубку. Вот эта сделана из настоящего верескового корня.

Он глубоко вздохнул.

— Все растения, которые вы видите здесь, выведены путем направленной мутации из местных видов. Вы не представляете себе, чего можно достичь в генетике, когда являешься хозяином времени.

— Игона — это ваша работа? — тихим голосом спросил Йоргенсен. Он прикрыл глаза и увидел громадные деревья, щитом раскинувшие свои ветви над городом и разгоняющие ночной мрак. Те гигантские деревья были памятью Далаама.

— Я всегда любил деревья, — признался Урцайт. — Они крепко держатся корнями за землю. Они идут на приступ неба.

Они растут во все стороны, как в прошлое, так и в будущее. Вы знаете, что годовые кольца суть кристаллы времени. Сезоны сменяют друг друга, и дерево помнит о них. Я горжусь своими игонскими деревьями. Думаю, во всей Вселенной нет ничего равного им.

— Наверное, вы правы, — согласился Йоргенсен под натиском новых впечатлений.

— Этот сад тоже уникален, — продолжал Урцайт. — Его уникальность — своеобразная проблема. Загадка, очень важная загадка. Превращусь на время в сфинкса и посмотрю, разгадаете ли вы ее. Вам известны три состояния этой планеты — джунгли, пустыня, сад. Но вы не смогли датировать их. Каков, по-вашему, их хронологический порядок?

Йоргенсен нерешительно пожал плечами.

— Не знаю. Дайте подумать. Вы сами поставили пустыню после сада. И сказали, что это будет через пять-шесть тысяч лет. Этот сад — ваше творение. Значит, джунгли существовали раньше. Джунгли, сад, пустыня. Таков хронологический порядок. Но не понимаю, что он означает.

— Не понимаете? — воскликнул Урцайт.

Его зубы разжались, и он подхватил трубку на лету. Затем наклонился вперед и ткнул мундштуком в грудь Йоргенсена.

— Не понимаете? Три аспекта действительности одного мира вытекают один из другого, а вы не видите связи с вашей миссией. Значит, то, что вы пережили, не пошло вам на пользу. Я мог бы вам подсказать ответ, но тогда изменится ваше будущее. А оно принадлежит только вам. Никто не имеет права влиять на ток времени разумного существа, особенно если это ведет к ограничению его способности выбора.

Йоргенсен задумался. Аналогия ускользала от него. Джунгли, сад, пустыня. Джунгли, сад, пустыня. Между джунглями и садом — ряд темпоральных коррекций. Похоже на работу командос. А что было между садом и пустыней?

Ничего. Логическим следствием темпоральных коррекций была пустыня.

Все детали стали на место. Вселенная до Федерации. Затем путешествия во времени, преобразование прошлого, вмешательство командос. Федерация была эквивалентом сада. Это бросалось в глаза. А затем пустыня, упадок, гибель всей цивилизации.

И ему, Йоргенсену, предстояло сделать выбор. Уничтожить Федерацию, выполнив приказ Альтаира. Или уничтожить Федерацию, не выполнив этого приказа.

Он огляделся по сторонам. Райский сад. Но сколь же он хрупок. Незаметная трещина в стройном здании обрекала его на неиз-

бежную гибель. Разве красота сада и расцвет Федерации не стоили того, чтобы их сохранить ради них самих, даже при крайней эфемерности существования и того, и другого!

«Нет, не стоят», — твердо сказал голос его совести. «Нет», — эхом отозвались голоса Ливиуса, Марио, Шан д'Арга, Нанского, Эрина, Кнососа.

«Нет», — прошелестели анонимные голоса далаамцев.

Существуют куда более весомые вещи, чем красота и расцвет цивилизации. Есть жизнь, появление новых видов. Есть будущее человека и всех грядущих цивилизаций.

Йоргенсен глубоко вздохнул.

— Я понял, — наконец произнес он.

Он отбросил в сторону косточку золотистого плода и вдруг ощутил себя больным и разочарованным.

Чего не хватает этому саду? Чего не хватает Федерации?

Конкуренции. На райской планете уничтожены все вредные виды животных и растений. Все возможные опасности убраны из будущего Федерации.

Он сказал об этом Урцайту.

— Я поставил один опыт, — сказал старик. — Когда я овладел временем, меня ужаснули следствия моих открытий. Я провел множество опытов. Этот сад появился в результате одного из них. Вы спрашиваете, чего ему не хватает. Нет, не конкуренции, не борьбы за существование.

Он помолчал.

— Разнообразие. Сотрудничества. Естественного равновесия во времени. Федерация идет навстречу своей гибели, поскольку убирает со своего пути разнообразие форм. Я мог бы поддерживать сад в подобном состоянии десять или двадцать тысяч лет, а может, и целый миллион. Но мне придется все чаще совершать коррекции, все глубже и глубже деформировать время. А это кончится катастрофой.

— Именно так поступает Федерация, — сказал Йоргенсен. — Я понял. Темпоральные командос все чаще отправляются со своими миссиями в прошлое. Но у Федерации нет никаких шансов. Она обречена.

— Совершенно верно, — согласился Урцайт, выпуская голубые клубы дыма. — Я предвидел это. И сказал им. Они решили расправиться со мной, поскольку видели в господстве над временем великолепный инструмент власти. У них ложное, извращенное понятие о времени и человеке. Они мыслят линейно. А время вещь сложная, это ткань, живая ткань. Ее легко порвать. Я не хотел рисковать и поэтому создал Далаам. Игона — противоядие от Федерации.

Йоргенсен встал на ноги и потянулся.

— Что я должен делать? — спросил он.

Ответ Урцайта был незамедлительным. И впервые в нем зазвучали резкие нотки.

— Решайте сами. Вы взрослый человек или нет?

Они шли вдоль реки по направлению к водопаду, к той хижине, откуда Арчимбольдо Урцайт следил за ходом своих опытов, к темпоральному маяку, который позволял контролировать прошлое и будущее.

— Несколько недель назад, — говорил Урцайт Марио, — вы не были способны принять решение с полным знанием дела. Вы были человеком Федерации, хотя бунтовали против нее. Каждый человек — пленник времени современного ему общества. Вас следовало вырвать из привычного круга. Следовало освободить, вернуть самому себе.

— Да, — подтвердил Марио. — Нас заразило безумие Федерации.

— Вам следовало вступить в контакт с действительностью. Вы должны были научиться распоряжаться собой.

— Все ясно, — усмехнулся Марио. — Вы поставили нас в столь неудобное положение, что нам пришлось размышлять и изменяться.

Улыбка Урцайта стала шире.

— Я ничего не сделал. Я уже говорил, что никто не имеет права вмешиваться в чужую жизнь, используя господство над временем. И это не только вопрос морали. Это также вопрос стабильности. Вспомните сад и пустыню.

— Тогда кто?

— Подумайте. Никто не имеет права менять будущее или прошлое другого существа. Но свое собственное...

Марио долго молчал.

— Это означает, что мы...

И замолчал, пораженный необходимым решением.

— Совершенно верно, — закончил Урцайт.

Они приблизились к водопаду. Берега реки и хижина утопали в цветах. В открытом очаге пылал огонь.

— Это означает, что мы вернулись в свое прошлое, вернее, сделаем это, приведем в негодность собственное снаряжение и атакуем самих себя, — сказал Шан д'Арг. Он уже давно свыкся с этой мыслью. — Но, поскольку все предрешиено, у нас уже нет выбора. Это произойдет. И все начнется сначала. У нас нет возможности выбирать.

— Есть, — возразил Урцайт. — Время отнюдь не линейная последовательность событий, иначе путешествия во времени были невозможны. Время состоит из громадного, а может, и бесконечного количества возможностей, имеющих разную степень вероятности. В каждое мгновение может произойти некоторое количество событий. Одни из них более, другие менее вероятны. В обычных условиях действительностью становится самая вероятная возможность, другие продолжают сосуществовать в скрытой форме. В момент путешествия во времени порядок возможностей может оказаться перепутанным. И реализуется другая возможность, заняв место более вероятной возможности. Надеюсь, вам понятно?

— Пытаюсь следить за ходом ваших рассуждений, — ответил Шан д'Арг.

— То же самое происходит и при перемещении в пространстве. Небесные тела движутся по наиболее вероятным траекториям. Воды рек, камни гор подчиняются тому же правилу. Человек стал выбирать для них невероятные траектории относительно недавно, заставляя реки течь вспять, перестраивая горы, передвигая планеты.

В настоящий момент мы на пороге невероятной возможности, если можно так выразиться. Она не отвечает действительности, и мы существуем в полном смысле этого слова. Разъясню смысл выражения. В настоящий момент есть семь возможностей, и семь Арчимбольдо Урцайтов объясняют каждому из семи членов командос то немногое, что следует знать о структуре Вселенной.

— А принципы? — осведомился Шан д'Арг.

— Они ложны, — ответил Урцайт. — А если говорить точнее, они отчасти ложны. Мне это известно лучше, чем кому-либо другому. Именно я развил их, исходя из работ Горовица. Но в те времена я рассматривал случай, скажем, ограниченной темпоральности. Более общее понимание пришло позже.

— Почему эта общая теория не преподается в Федерации?

Урцайт расхохотался. Его щеки тряслись, как пустые бурдюки.

— Я же говорил, что Федерация поражена паранойей. Первейшая забота Арха — вырвать с корнем это знание. Когда я допустил оплошность, опубликовав свою работу, меня внесли в список опасных лиц.

«Вот почему жизнь Арчимбольдо Урцайта окутана тайной, — подумал Шан д'Арг. — Арх не осмелился предать забвению его имя. Он предпочел сотворить безопасный мир».

— Естественно, — продолжал Урцайт, — я сделал вывод и исчез. Я отдавал себе отчет в том, что вложил в руки Федерации оружие

невероятной мощи, но она не могла распорядиться им разумно. Это не ее вина. Просто люди Федерации недостаточно ясно представляли себе последствия господства над временем. Драма заключалась в том, что они располагали мощнейшим средством воспрепятствовать любым изменениям. И дал его им я.

Лицо Урцайта помрачнело.

— Впрочем, мои действия не столь уж предосудительны. Не соверши это открытие я, его чуть позже сделал бы кто-нибудь другой. Но я не имел права сидеть сложа руки. Для господства над временем следовало иметь иную цивилизацию, а она могла родиться только из контроля над временем. Порочный круг. Разорвать его можно, лишь путешествуя во времени. Будущее могло помочь прошлому. И я задумал контрнаступление.

Шан д'Арг мысленно улыбнулся. Энергия этого слегка гротескного человечка выглядела нелепой. Но ее не следовало недооценивать. Урцайт был решительным и отважным человеком, истинным бойцом, в тысячи раз более опасным, чем наемники с железными мышцами, против которых Шан д'Арг сражался сотни раз.

— Я начал с того, что создавал общества, которые в далеком будущем могли нарушить прекрасное равновесие Федерации. Но каждый раз, раньше или позже, вмешивались темпоральные командос. Они были могущественнее меня и лучше вооружены. Они эффективно охраняли Федерацию. У меня не было ни малейшего шанса на успех.

— Вы хотите сказать, что три или четыре века мы вели борьбу только против вас, не подозревая об этом?

Урцайт утвердительно кивнул.

— Большая часть экспедиций избирала мишенями миры, где давало плоды мое вмешательство. Но были и другие, к которым я не имел никакого отношения. Командос все чаще и чаще выступали против своего создателя. Парадокс? Не так ли? Он возможен лишь при путешествиях во времени! Потом мне надоело смотреть, как гибнут миры, на которые я возлагал большие надежды. Я понял, что иду ложным путем. Следовало одновременно создать стабильное общество, способное противостоять командос, и заручиться поддержкой самих командос.

— Они уже работают на вас?

— Нет. Хронологически вы первые, с кем я вступил в контакт. Вас первыми послали на Игону. Но могу вас уверить, что будут и другие. В какой-то мере, если рассматривать время в его протяженности, вы, перейдя на нашу сторону, вступаете в будущий легион бойцов.

— Который помогли собрать, — подчеркнул Шан д'Арг.

— Конечно, — подтвердил Урцайт. — Не переоценивайте своего значения. Пойдете вы со мной или против меня, вероятность создания этого легиона едва ли будет поколеблена.

— Какова наиболее вероятная возможность?

Урцайт ответил не сразу.

— Всегда та, в которой темпоральное вмешательство было наименьшим.

Они вошли в хижину. Мебель самых разных эпох, аппаратура, собранная Урцайтом, груды книг. Урцайт рухнул в кожаное кресло. Ливиус уселся на металлический табурет по другую сторону стального стола.

— Тогда, — сказал Урцайт, — я создал Далаам. Я располагал великолепными средствами для изучения, поскольку мог перемещаться вдоль времени и почти одновременно сравнивать эволюцию людей и общества на разных стадиях. И все равно я не мог справиться со всем в одиночку. Огромную поддержку я получил со стороны Института теоретического и прикладного исследования времени.

— Никогда не слышал о таком, — обронил Ливиус.

— Ничего удивительного. Он будет основан лишь через полторы тысячи лет.

— Через полторы тысячи лет в будущем?

— Разумеется, — ответил Урцайт. — Примерно через девяносто пятьдесят лет после падения и распада Федерации.

— Вы говорите об этих событиях, словно они уже произошли, — заметил Ливиус.

— Они произойдут, — поправил его Урцайт. — Вернее, существует высокая вероятность того, что они произойдут. И институт, и я, мы предпринимаем все, что в наших силах, чтобы сделать их более вероятными. С вашей помощью эта вероятность повысится.

— Взаимное влияние прошлого и будущего, — с удивлением выдохнул Ливиус. — Я думал, такое невозможно. И вы решили уничтожить создавшую вас цивилизацию.

— Не пугайтесь. Я же сказал, что необходима другая.

Урцайт протянул руку к шкафчику и открыл его.

— Отведайте вот это, — сказал он, наливая в стаканчик вино, и плотоядно облизал пухлые губы. — Я уже говорил, что принципы не совсем соответствуют истине. В свое собственное прошлое вернуться можно, как можно исправить свою собственную историю.

— Встретить самого себя, убить одного из своих предков, стать своим собственным отцом?

— Да, — подтвердил Урцайт, — по крайней мере, до некоторых пределов. Вы можете сколь угодно долго бегать вокруг дерева, но вряд ли догоните самого себя. То же самое происходит во времени.

Ливиус одним глотком осушил стакан.

— Принципы обретают смысл, — продолжал Урцайт, — если рассматривать только одну возможность. Когда речь идет об ограниченной трансформации этой возможности, почти не затрагивающей настоящего, принципы применять можно. Но эти ограничения не являются естественными. Природа намного богаче. Федерация возвела принципы в абсолют, поскольку стремилась сохранить неизменными свое настоящее и свое будущее состояние. Но действительность содержит в себе все, даже парадоксы. Вернее, в реальности парадоксов нет. В том будущем, которое начнется после Федерации, общество будет постоянно колебаться между несколькими возможными состояниями. Люди к этому привыкли. Они даже создали для этого новое слово — плави́рование. Они ведут одновременное существование в разных темпоральных планах. И время воспринимают не как линейную последовательность, а как сложную структуру. В их физике существует специальное понятие метавремени, которое содержит все частные линии времени, как пространство содержит в себе бесконечное количество геодезических линий.

— Ясно, — пробормотал Ливиус. Голова у него кружилась. — В конце концов, спиртное тоже хорошее средство плави́ровать.

— Черты такого рода можно подметить и в далаамцах, — сказал Нанский, чувствуя в голове непривычную тяжесть.

— В зачаточном состоянии, — согласился Урцайт. — Традиция, к примеру, есть переплетение нескольких возможностей. Далаамские дети подсознательно знают то, что другие познают сознательно в иной возможности. Вам понятно, что это означает? Практически это умножает до бесконечности способности человеческого существа. Личность развивается во множестве возможных миров. Таким образом, каждая грань личности посвящает себя изучению одной области, решению одной проблемы, приобретению определенного опыта. Человек живет одновременно тысячами жизней.

— А деревья? — спросил Нанский.

— Деревья служат посредниками, — ответил Урцайт. — Их корни уходят в землю, в глубины времени. В стволе дерева возможности сталкиваются, накладываются друг на друга.

— Но далаамцы ничего не знают о структуре времени.

— Их время еще не пришло. Традиция должна развиваться медленно. То, что хранит их подсознание, перейдет в сознание через несколько веков. Далаамцы знают достаточно, чтобы решить свои проблемы. И снабжают своим опытом своих двойников.

— Понимаю, — сказал Нанский, эхом ему вторили шестеро остальных. Вот почему была односторонняя культура далаамцев — они были лишь одной гранью обширной действительности.

— Другими словами, вы просите нас сделать выбор между существованием Далаама и Федерации?

Урцайт глянул ему прямо в глаза и тихо произнес:

— Вы меня поняли.

— Достаточно, чтобы мы не вмешивались, — сказал Кносос. — Тогда Далаам победит. Это должно вас удовлетворить.

— Нет, — ответил Урцайт. Он выглядел утомленным. Он налил стакан вина и медленно выпил. Черты его лица заострились. Невероятная жизненная сила уходила на поддержание существования в семи различных планах бытия. Его стариковские черты изменились за несколько минут. Он с трудом дышал.

— Нет, — повторил он. — Вспомните. Самая вероятная возможность та, которая подверглась наименьшему темпоральному вмешательству. Существует одна реальность, в которой вы выполнили миссию, и последующих вмешательств не было.

— Тогда существует и та реальность, где на Игону не высадились ни одной командос.

— В этой реальности, — выдохнул Урцайт, — я не существую. Нет и Далаама. Все тесно связано. Я нуждался в вашей... нуждался в вашей помощи. Надо...

Он перевел дыхание. Трубка выскользнула изо рта и упала на стол.

— ...надо, чтобы вы стерли все следы вашего пребывания и сделали это как можно быстрее. Вы должны уничтожить командос в момент ее появления на Игоне. Это намного увеличит вероятность благоприятных возможностей.

Он задыхался.

— Вы... вы свободны в своем выборе.

Кносос сделал безжалостный вывод:

— Надо, чтобы мы убили самих себя.

— Совершенно верно, — подтвердил Урцайт. — Но вы останетесь самими собой, вы будете существовать. Поверьте мне.

Он побледнел, лицо его вдруг потемнело и отекло.

Кносос встал и подошел к нему.

— Вы больны. Вам лучше лечь.

— Нет, — перебил его Урцайт. — Я стар. Это разные вещи. У меня осталось совсем мало времени.

Кносос — Шан д'Арг — Нанский склонился над ним. Йоргенсен — Марио расстегнул его ворот. Эрин — Ливиус нашел его пульс. Их лица смешивались, сливались в одно.

— В шкафу, — сказал Урцайт.

Теперь он видел лучше и с усилием приподнялся. Он пытался прикинуть, сколько времени у него осталось. Несколько минут, не больше. Их было трудно убедить, но сейчас он был почти уверен, что ему удалось это сделать.

— У вас очень слабый пульс, — сказал Эрин. — Сердце...

— Знаю. Я...

— Можно сделать инъекцию. Скажите, где находятся...

— Бесполезно. Я сказал вам всю правду. Я проживу еще двадцать лет, но не в этой возможности. Здесь я дошел до предела. Я протянул дольше возможного. Здесь было самое удобное место для встречи с вами. Здесь я протянул дольше своего времени.

Урцайт скорее хрипел, чем говорил.

— Здесь я не совсем живой человек. Но вы не останетесь в одиночестве. К тому же я последую за вами.

Эрин поднес к губам старика стакан с вином.

— Вы должны решать сами. Вы свободны в своем выборе.

Урцайт уронил голову на грудь.

— Разве Далаам — ваш идеал общества? — быстро заговорил Эрин. — Вы желаете видеть его на каждой планете Галактики?

— И да, и нет, — прошептал старик. — Далаам не идеальный город. Далаам — модель. Опыт.

Эрин прочел в глазах Урцайта тоскливое выражение.

— Далаам — уменьшенная модель будущего общества... после Федерации... когда передатчики материи свяжут планеты, как тропинки Далаама связывают... и когда люд и обретут свободу... расстояний не будет... и вся Галактика... вся Вселенная... единым городом... они должны научиться жить свободными в городе, где вместо уличных фонарей будут светить звезды.

Глаза Урцайта закатились. Руки Эрина задрожали, когда из-под век старика показались белки глаз. Но Урцайт не прекращал борьбы со смертью.

— Очень важно, чтобы Далаам победил. Я больше ничего не могу. Я выжат, как лимон. Безумно трудно быть единым в семи лицах... в столь маловероятных возможностях. Вы должны...

Урцайт захрипел.

— Далаамцы — мои дети. Понимаете? Я их люблю... В шкафу вы найдете... Мои дети. Мне требовалось узнать генетические спо-

собности и использовать постоянный запас хромосом. Хромосомы туземцев не совсем удовлетворяли меня... я ввел свои... И смог избежать темпоральной интерференции.

Голова его покачнулась.

— Украл не менее трех минут у времени. Значит, вероятность растет. Я выиграл.

Он рухнул грудью на стол. Арчимбольдо Урцайт умер на безымянной планете, купающейся в лучах голубого солнца.

«Не иллюзия ли это?» — подумал Йоргенсен. Ему показалось, что в момент смерти Урцайта поблекли цветы и пейзаж вокруг потерял реальность, задрожав и став прозрачным.

Время подгоняло его. Он бросился к шкафику.

Там висело полное боевое снаряжение. Новенький темпоральный комбинезон с полным набором аппаратуры, как и перед стартом с Альгаира. «Откуда все это? — удивился Йоргенсен. — Из далекого будущего?»

Он быстро облачился в комбинезон. Надел шлем. Приладил пояс. Его пальцы привычно скользнули по оружию, ордзи-излучателю, симбиотическому комплексу, датчикам и наткнулись на незнакомый приборчик. Он с удивлением глянул на него. Крохотный темпоральный маяк. Он позволял путешествовать во времени и пространстве.

Маяк был отрегулирован на определенные мир и дату. Он прочел. Игона, нулевой год и цифровые координаты.

Он бросил взгляд на тело Урцайта и подумал, что смерть старика не была ужасной случайностью. Она была предусмотрена. Урцайт сказал, что продолжает жить в других возможностях. Здесь он избрал уход от членов командос. Даже решившись выступить против Далаама, они не могли бы схватить его и использовать в качестве заложника. Он рассчитал все. Даже провал.

Йоргенсен хотел было похоронить его, но у него не хватало времени. Этот мир мог исчезнуть в любую секунду. Тело останется здесь, на этом самом месте, и пролежит шесть тысяч лет до появления пустыни, ожидая его, Йоргенсена.

Эту планету следует назвать Арчимбольдо Урцайт. Иначе быть не могло.

Все семеро одним движением нажали крохотную кнопку и провалились в Абсолютное Вневремя.

Игона. Нулевой год. Лес грибов. Они стояли лицом друг к другу. Некоторое время они молчали. Они все знали. Знали, что им предстоит сделать. И не колебались.

На сердце у всех было тоскливо. Они стояли у края пропасти, как на лезвии бритвы. Надо было выбирать.

Они вспомнили о теле Урцайта. Если они выберут Далаам, то сделают более реальными те вероятностные миры, в которых он жил. И быть может, продлят его жизнь в созданном им совершенном мире, где он встретится с ними.

В противном случае... Им не было нужды говорить. В противном случае на соседней поляне появятся командос с Альтаира, чтобы провести коррекцию истории Далаама. А они исчезнут. Они испарятся перед лицом своих более реальных двойников. И галактический город, моделью которого был Далаам, никогда не возникнет. Далаамцы будут стерты с карты Вселенной.

У них была секунда на размышление. Со страхом в сердце они скользнули к пустой поляне, стиснув зубы и положив руки на рукоятки оружия. Одним движением они включили нейтрализующие поля, которые лишат защиты иновремен. Они лишали защиты и себя, но верили, что выйдут победителями.

Они будут быстрее.

Поляну окутала вспышка. Семь человек и маяк. Семь силуэтов в белом, увешанные снаряжением. Они узнали самих себя.

И выстрелили — Йоргенсен в Йоргенсена, Марио в Марио, Ливиус в Ливиуса... — каждый в своего двойника. Они знали, что в предыдущей возможности уже боролись сами с собой...

Семь силуэтов на поляне вокруг темпорального маяка заколыхались, словно пламя свечи. Йоргенсен прочел в собственных глазах безмерное удивление. В глазах умирающего Ливиуса живой Ливиус уловил ту ненависть, которая уже утасла в нем самом. Марио по глазам исчезающего Марио понял, что одиночество кончилось. Шан д'Арг в знакомых чертах увидел, что пришел конец бессмысленным битвам. Каждый в лице своего погибающего двойника расстался со всеми своими наваждениями. Каждый обрел свободу духа.

Все было кончено. Люди Альтаира и темпоральный маяк провалились в Абсолютное Вневремя. Солнце Игоны засияло ярче.

Йоргенсен спрятал оружие и утер пот со лба.

— Мы убили старика, — хрипло сказал он, обращаясь к Марио, — старика в нас самих. И мы... изменились.

Марио кивнул и спросил:

— Думали ли вы, что другие могут повлиять на наше будущее, как собираемся поступить мы по отношению к Игоне?

Йоргенсен не торопился с ответом.

— Мне понятна твоя мысль. Урцайт сделал все, чтобы мы были свободны в своих решениях.

Он пошел прочь. Остальные двинулись следом за ним. Ему хотелось вернуться в Далаам, увидеть Анему, послушать Даалкина, узнать у деревьев, какие знания накопили другие грани его личности в других возможностях. Он знал свою судьбу — они стали первыми. Они будут путешествовать во времени и бороться с командос Федерации. Они будут искать союзников среди людей Альтаира. Быть может, они встретятся с Урцайтом. И может, узнают что-то новое.

Но всего знать им не суждено. Этому их научил Урцайт. И это, наверное, самое главное. Действительность исчерпать невозможно. Свобода состоит в выборе между несколькими неизвестными возможностями.

В будущем это называлось плавировать.

Далаам почти не изменился. Город показался Йоргенсену более реальным, более близким. Быть может, ему это только казалось. Или виной тому была радость встречи с Анемой? Или Далаам существовал в более вероятной реальности?

«С поиском ответа можно и подождать», — решил Йоргенсен. Он вместе с Анемой бродил по тропинкам Далаама меж громадных деревьев и вдруг оказался на знакомой площади.

Было это когда-то или только вчера?

Перед ним раскинулась круглая площадь с фонтаном и статуей.

Свежая вода стекала по ее лицу. Черты лица напоминали Йоргенсену кого-то. Вода струилась, как струится время, оставляя на людях свой отпечаток. Ничто не может ни остановить, ни замедлить поток. Его можно отклонить, но он вернется в свое русло, разрушив преграду.

Йоргенсен подошел ближе и взгляделся в черты каменного лица — его поразило сходство, умело скрытое рукой художника.

Он перевел дыхание.

Это было лицо Арчимбольдо Урцайта.

Йоргенсен молча вернулся к Анеме.

1963

Филип Жозе Фармер

ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИЗМАИЛА

Выжил один человек.

Огромный белый кит и китобойное судно, охотившееся за китом и ставшее его пленником, захлестнутое канатом, погружались в глубину вод. Китобой начал свое последнее путешествие. Последний раз мелькнули верхушки мачт, и вот океан сомкнулся над могилой человека, как делал это уже миллионы лет. И лишь один человек был выброшен с корабля, но и тот знал, что скоро присоединится к своим погибшим товарищам.

На поверхности воды лопнул огромный пузырь — последний вздох тонущего корабля. И вместе с пузырем взлетел к небу древний саркофаг. Он шлепнулся на воду, подпрыгнул еще раз и плавно закачался на волнах. Этот саркофаг стал для выжившего посланием надежды.

Вместе с саркофагом его день и ночь носило по спокойному, ласковому морю. На второй день его подобрал китобой «Рахиль», разыскивавший свою пропавшую лодку с людьми.

Капитан счел рассказанную Измаилом историю очень странной, хотя слышал много различных историй. Но удивляться ему было некогда. Время поджимало, нужно было продолжать поиск людей, и снова «Рахиль» пустилась в плавание, ища китобойный вельбот, на котором ушел сын капитана. Завершился день, на море опустилась ночь, и на мачтах зажгли фонари. Взошла полная луна, и сверкающие отблески заплесали на поверхности воды.

Саркофаг тоже подняли на борт, и капитан обошел его вокруг, с любопытством разглядывая странные надписи на боку и слушая рассказ Измаила.

— Интересно, что здесь написано, — пробормотал капитан. — И вообще, откуда письменность у этих дикарей? Может, это молитва одному из их богов? Или письмо кому-то, кто, по мнению дикарей, живет в потустороннем мире? А может, здесь записано заклинание, если произнести его, то откроются двери в другое время, в другую эпоху, где мы, христиане, будем чувствовать себя очень неуютно?

Потом Исмаил вспомнил эти слова. Может, капитан сумел бессознательно проникнуть в самые заветные глубины истины? Может, эти загадочные письмена действительно содержали ключ к механике времени?

Но сейчас Исмаилу было не до того. Капитан Гардинер, приняв во внимание, что Исмаил много пережил, позволил ему поспать остаток дня и полночи. Затем его разбудили и послали на мачту следить за морем и отрабатывать свой проезд и еду. Исмаил лучом фонаря обшаривал море вокруг корабля. На море был полный штиль, поэтому были спущены шлюпки, которые волокли корабль.

Слышались только всплески весел, отдельные ругательства матросов на веслах и команды офицера. Воздух казался таким же темным, как море. Он плотным серебряным покрывалом лежал на корабле. По безоблачному небу с трудом пробиралась полная луна.

Внезапно волосы на голове у Исмаила поднялись. Но страх стал для него уже привычным, и он быстро справился с ним. На верхушках мачт зажглись призрачные огни.

— Огни Святого Эльма! — крикнул кто-то.

Исмаил вспомнил свой корабль и подумал: неужели «Рахиль» тоже обречена, неужели он был спасен только для того, чтобы погибнуть?

Гребцы, завидев огненные свечи, бросили гребти, но офицеры грубыми окриками заставили их вернуться к работе.

— Исмаил! — крикнул капитан. — Ты видишь пропавшую лодку?

— Нет, капитан Гардинер, — крикнул Исмаил. И от звуков его голоса заколебались призрачные огни на мачтах. — Я не вижу ничего!

И вдруг он крепко схватился за поручни. Что-то в воде двигалось. Длинное, черное. Он даже подумал, что это лодка на расстоянии мили от корабля. Но он не крикнул, так как не хотел вселять в капитана напрасную надежду, а хотел убедиться в том, что это именно лодка. Через тридцать секунд черный предмет удлинился. Он разрезал воду серебряной спиной. Теперь он стал похож на морскую змею, такую длинную и большую, что Исмаил подумал, что видит одно из тех морских чудовищ, о которых он столько

слышал, но никогда не видел. Может, это щупальца громадного осьминога, который по неизвестным причинам решил всплыть наверх?

Но черное змееподобное существо внезапно исчезло. Измаил протер глаза. Возможно, трехдневная охота за белым китом утомила его, а может, у него помутился рассудок после гибели корабля и полуторасуточного плавания на саркофаге.

Но вот раздался крик:

— Морская змея!

Закричали и другие матросы, даже те, кто был на лодках и не мог видеть так далеко, как матросы на мачтах.

Со всех четырех сторон к кораблю скользили, извиваясь, длинные тонкие черные существа, изредка скрываясь в черно-серебряной воде. Казалось, их единственной целью было ткнуться острым носом в борт корабля и исчезнуть, испариться. Сначала их было немного, затем все больше и больше. И вот уже сотни существ окружили корабль.

— Что это? — крикнул капитан Гардинер.

— Я не знаю, капитан, но они, по-видимому, не интересуются нами, — ответил офицер с лодки.

— Они мешают вам грести?

— Только тем, что матросы не могут сосредоточиться на своей работе.

— Пусть думают о чем угодно! — крикнул капитан. — Но пусть помнят, что их спины принадлежат мне! За весла, ребята! Кто бы это ни был, они ничем не могут повредить нам!

— Да, да, сэр, — ответил офицер, хотя и не очень уверенно. — Матросы, слышали капитана? Работайте! Не обращайтесь на мираж! Это всего лишь изображение того, что не существует или настолько далеко от нас, что ничем повредить нам не может!

Снова в спокойном воздухе послышались шлепки весел о воду и хриплые крики матросов. Но теперь змеевидные существа начали кружиться, будто пытаясь ухватить себя за хвост. Они кружились все быстрее и быстрее.

И огни Святого Эльма на мачтах стали разгораться ярче. Это уже были не фантомы, а настоящее пламя с жарким дыханием.

Измаил попятился подальше от столбов огня, прижался к поручням и стал смотреть вперед, побаиваясь смотреть на пламя.

Вдруг внизу, на палубе раздался крик, и один из матросов прыгнул в люк, когда столб пламени высотой в два человеческих роста вспыхнул возле него.

В то же время на головах змеевидных существ тоже вспыхнули огни Святого Эльма. Теперь они были похожи на змеевидных доисторических китов, дальних предков тех китов, что сейчас населяют океаны Земли. Казалось, что они изрыгают из пасти пламя.

Измаил посмотрел по сторонам и увидел, что огненные языки на мачтах расщепились и, танцуя, стали приближаться к нему.

Измаил схватился за поручни и крепко зажмурил глаза.

— Боже, спаси нас! — раздался крик капитана. — Море ожгло, и корабль в огне!

Измаил боялся смотреть, но боялся и оставаться в неведении. Он открыл глаза и увидел, что море буквально бурлит от кружащихся черных змей, на голове каждой из которых пылает факел. Сам корабль тоже был окружен огненными кругами. Огненные круги танцевали менуэт над самой головой Измаила.

Черные змеи, продолжая свой бешеный танец, образовали подвижную черную паутину. Освещенное тысячами маленьких факелов, горящих на пересечении орбит вращения змей, море казалось похожим на огромное растрескавшееся зеркало.

У Измаила возникло ощущение, что мир треснул, и его обломки сейчас посыплются на его голову.

Это было жуткое ощущение. Оно заставило Измаила читать молитву, хотя даже события трех ужасных последних дней не вызвали у него потребности молиться.

Огни исчезли.

Черная паутина исчезла.

Наступила абсолютная тишина.

Никто не осмеливался нарушить ее даже вздохом. Все боялись привлечь к себе внимание этих непонятных сил, которые только что были тут. Они могли принести нечто более ужасное, чем просто смерть.

С запада дунул ветер, наполнил паруса. Но они тут же опали, когда порыв ветра угас.

Снова тишина.

Тишина и агония ожидания, постепенно переходящая в тонкую нить предчувствия.

Что сейчас будет?

Измаил подумал: неужели он променял ужасный, но быстрый конец матросов «Пекода» на нечто невообразимо более жуткое? Нечто такое, что мог вообразить бог, но тут же должен был в ужасе выкинуть это из головы?

То, что случилось затем, Измаил впоследствии не мог ясно припомнить. В тот ужасный момент он даже не понял, что что-то произошло.

С шумом, не более громким, чем поступь привидения, море исчезло.

Ночь сменилась днем.

«Рахиль» начала падать.

Измаил был слишком испуган, чтобы крикнуть. Может, он и кричал, но был настолько парализован, что не мог слышать собственного крика.

Падая, «Рахиль» быстро перевернулась: мачты и паруса перевесили массу корабля. Словно пущенный из пращи, Измаил оторвался от корабля и полетел в стороне от него сквозь свистящий воздух в пучину. Он болтал руками и ногами, как бы стараясь плыть.

Полная луна была на своем прежнем месте в небе, хотя ее спутница ночь исчезла. Зато луна была огромна, раза в три-четыре больше, чем обычно.

Солнце находилось в зените. Распухший багровый шар.

Небо было темно-голубым.

Воздух свистел в ушах Измаила.

Ниже себя, нет, под «Рахилью» он увидел странную конструкцию, плывущую по воздуху.

У него не было времени рассмотреть ее, но он успел понять, что она создана разумом.

Он даже успел рассмотреть каких-то существ, бегающие по палубе. Но затем «Рахиль» грот-мачтой вонзилась в воздушный корабль, и тот развалился на две половины.

Измаил посмотрел вниз и увидел нечто, что показалось ему вершиной горы, изрезанной трещинами и расселинами. Судя по всему, высотой эта гора была в несколько миль. Затем он упал на это, но не разбился, а прорвался через что-то, похожее на тонкую пленку.

Он летел вниз, прорываясь сквозь новые и новые слои пленки, и скорость его падения постепенно замедлялась.

Вдоль него скользнуло нечто вроде веревки. Он попытался схватиться за нее, но руки его обожгло трением, и он отпустил ее, вскрикнув от боли. Внезапно он ударился обо что-то твердое, что взорвалось от его удара, как воздушный шар, и едкий газ заставил его закашляться. Из глаз полились слезы.

Ничего не видя, он случайно схватился за что-то. Резкий рывок чуть не заставил его выпустить это, но он удержался. Наконец он смог открыть глаза, которые все еще нестерпимо жгло, и увидел, что все еще падает, правда, медленно, держась за конец какой-то веревки, которая крепилась к шару, возможно, растению или животному, или смеси того и другого.

Он все еще прорывался через пленки. Измаил понял, что попал внутрь чего-то, что было наполнено шарами разного диамет-

ра. И эти шары поддерживали в воздухе это существо или черт знает что такое.

Последняя пленка прорвалась под его ногами так неохотно, что он даже подумал, что ее придется прорывать силой. Он боялся падать дальше вниз, но еще более боялся оставаться внутри этого непонятного существа.

Он проскочил через образовавшуюся дыру, и следом за ним с трудом пролез и пузырь, за который он держался.

Теперь Измаил оказался под этим облакоподобным существом. А под ним расстилалось темно-голубое море и джунгли на берегу. «Рахиль» упала в это море и разбилась на сотни кусков, которые лежали на поверхности моря так, будто море было густым, как желе. Один обломок воздушного корабля оказался в море на расстоянии в полмили от места падения «Рахили», а второй ветром отнесло куда-то в джунгли. Он даже видел, как растительность словно бы поглотила этот обломок.

Измаил подумал: не разобьется ли он при падении о поверхность моря?

И вдруг он увидел, что не один в небе. Вдалеке он увидел человеческую фигуру, правда, не мог определить на таком расстоянии ни пола, ни возраста незнакомца. Человек опускался таким же способом, как и он сам: держась за веревку, прикрепленную к пузырю.

Измаил почему-то решил, что этот человек не член команды «Рахили».

Он летел выше Измаила. Может быть, стал падать позже, а может быть, его пузырь был больше.

Измаил взглянул вверх и увидел то облако, через которое пролетел. В теле этого облака виднелись дыры, оставленные обломками «Рахили» и неизвестного воздушного корабля.

Через мгновение он ударился ногами о поверхность моря. Ушел с головой под воду и моментально выскочил оттуда. Мучительный кашель сотряс его тело, глаза невыносимо жгло, а та вода, что попала в рот, показалась концентрированной соляной кислотой.

Он обнаружил, что для того, чтобы держаться на воде, ему не нужно делать никаких усилий. Это море оказалось более соленым, чем палестинское Мертвое море или Большое Соленое озеро в штате Юта. Он мог лежать на спине и смотреть на огромную луну цвета лимбургского сыра и на громадное багровое солнце.

И несмотря на то, что вода была густо насыщена солями, в море существовало течение. Хотя Измаил был потрясен всем происшедшим и не приобрел еще способности анализировать и предполагать, все же он обратил внимание, что волны этого моря более

похожи на волны на земле, возникающие во время землетрясений, чем на морские волны.

Эта странная мысль была последней перед тем, как он уснул. Мягко покачивая, медленно, но неотвратно его несло к западу. Он лежал на спине, скрестив руки на груди.

Когда сознание вернулось к нему, солнце сместилось совсем немного, хотя он был уверен, что проспал не меньше восьми часов.

Вдруг что-то легонько коснулось его головы и вывело из состояния сонного забытья. В голове его заметались жуткие мысли, как акулы вокруг барахтающегося в воде человека.

Он изо всех сил забил руками и ногами по воде, но смог отплыть лишь на пару дюймов. Тогда он повернулся на бок и обнаружил, что столкнулся с саркофагом, который слегка покачивался на воде и словно бы говорил: «А вот и снова я, твой плавучий гроб. Я тоже остался цел после катастрофы».

С усилием Измаил вскарабкался на крышку саркофага, цепляясь пальцами за выпуклые письма. Он лег на живот и начал грести к берегу. Немного погодя он выбился из сил и снова уснул. Когда проснулся, то обнаружил солнце почти на том же самом месте, но луна сдвинулась заметно.

Огромное облако, подобное существу, сквозь которое он пролетел, вырвав один из пузырей, исчезло, но на горизонте появилось еще одно. Оно было ниже, чем первое, и когда приблизилось, Измаил увидел, как стая странных существ с крыльями в виде парусов нападает на это облако.

Хищники были самых разных видов, но он выделил из них один наиболее агрессивный и стал называть этих хищников воздушными акулами. Все это происходило на высоте пяти тысяч футов, и он не мог рассмотреть их подробно. Однако в дальнейшем ему представилась возможность познакомиться с ними более близко, чем ему хотелось бы.

Самые маленькие из хищников были около двух футов длины; самые крупные — от восьми до десяти футов. Все они были алого цвета, с головами слишком большими для их туловищ торпедообразной формы. В щелеобразной пасти было несколько рядов острых белых треугольных зубов. Верхняя часть головы вспучивалась, будто внутреннее давление стремилось разорвать голову и разбрызгать мозги, если те вообще существовали, на многие метры вокруг. Однако, как он узнал позже, в этом бугре на голове находился пузырь, наполненный легким газом. Кроме того, на спине находились еще два бугра, делавшие хищника похожим на двугорбого верблюда. Однако вряд ли кто-нибудь рискнул бы сесть между этими двумя буграми и прокатиться.

Когда такой хищник пролетал между Измаилом и солнцем, сквозь прозрачную кожу можно было видеть внутренние органы и тонкие кости скелета.

На конце хвоста находились два вертикальных плавника, более напоминавшие паруса, чем плавники.

Направление движения этих существ зависело от направления ветра, так как двигались они с помощью парусов, но при этом могли двигаться и в боковых направлениях, размещая паруса соответствующим образом. Сдвоенная пара очень длинных крыльев могла медленно подниматься и опускаться почти на шестьдесят градусов. Они тоже были скорее парусами, чем крыльями. Эти существа инстинктивно знали, как управлять парусами для совершения тех или иных маневров, чему человеку приходится учиться.

Огромное облакоподобное существо, разрываемое на части и съдаемое заживо — если, конечно, оно было живым, — медленно проплыло над головой Измаила и исчезло на востоке, направляясь к далеким пурпурным горным хребтам.

Измаил не знал, почему на первое существо, сквозь которое он пролетел, не напали алые хищники, а второе привлекло столько акул. Но был рад, что хищников не было, когда он появился в этом мире.

Он лежал на спине, и его гроб-лодка медленно покачивался на волнах тяжелого мертвого моря. Немного погодя он заметил другое облако, только оно было светло-красным, а формы и размеры облака менялись очень быстро. Измаил решил, что это настоящее облако. Странное облако. Но почему странное? Разве не странен весь этот мир? Разумеется, кроме него самого. А с точки зрения этого мира он, Измаил, весьма странное существо.

Когда облако пролетало над ним, оттуда протянулось щупальце, псевдоконечность, но это щупальце было слишком размытым по форме, чтобы быть чем-то цельным. Щупальце тянулось по направлению к земле, и Измаил увидел, что оно состоит из отдельных частей, беспорядочно перемещающихся.

Измаил не мог рассмотреть эти части в деталях, но заметил, что снизу они имеют форму многогранника, а сверху — нечто похожее на зонтик. Видимо, играющее роль парашюта, подумал он.

За этим облаком следовали другие существа, подобно тому, как летучие мыши преследуют облака насекомых или киты преследуют скопления планктона, этой основы всей жизни в море.

Аналогия оказалась вполне оправданной, так как следовавшие за розовым облаком огромные существа расправили свои плавники-паруса и врезались в него, раскрыв широкие пасти. Вероятно, это были громадные воздушные киты.

Они плавали слишком высоко, чтобы Исмаил мог рассмотреть их. Но они были огромны, гораздо больше, чем земные киты. Тела их были сигарообразной формы, а головы такие большие, что казались вторым телом. На концах хвостов виднелись громадные вертикальные и горизонтальные плавники.

Ветер унес и розовое облако, и пасущихся в нем гигантов прочь.

Солнце опускалось, но так медленно, что Исмаил подумал, что раньше наступит конец света, чем солнце уйдет за горизонт.

Становилось жарко. Когда Исмаил только взобрался на саркофаг, ему показалось, что в этом мире чересчур холодно, чтобы могло быть приятно; когда же он проснулся, то решил, что здесь все-таки немного жарковато.

А сейчас он весь вспотел, во рту пересохло. Воздух был сухой, хотя Исмаил находился в море. Берег был так далек, что он едва видел его. Исмаил мог только помогать медленному дрейфу руками. Он начал грести, но очень быстро выбился из сил. Пот градом стекал по его телу. Исмаил лег лицом вниз, затем перевернулся на спину. Появилось другое красное облако, сопровождаемое небесными левиафанами.

Он снова попытался грести. Минут через пятнадцать он уже мог различить берег, и хотя это удвоило его силы, скорость движения несколько не увеличивалась. Шли часы, а солнце, казалось, навеки заснуло в одном положении на небосводе. Исмаил снова уснул, а когда проснулся, то увидел берег, покрытый растительностью. Легкие его, казалось, были полны пыли, а язык стал каменным...

Несмотря на свою слабость, он стал грести к берегу. Он понимал, что если не доберется до берега поскорее, то кончит свою жизнь на крышке саркофага, хотя логичнее было бы забраться внутрь...

Берег оставался таким же далеким, как и раньше. Впрочем, может быть, это ему просто казалось. Все в этом мире, за исключением воздушных существ, было каким-то болезненно застывшим, неподвижным. Даже само время словно бы затаило дыхание в ожидании чего-то.

Но и в этом мире гигантского распухшего солнца время могло всего лишь только задержаться, хотя и надолго. Пришел момент, когда ленивые морские волны уткнули конец саркофага в берег.

Исмаил соскользнул в воду — она доходила ему до бедер — и с трудом вытащил саркофаг на берег. И тут он почувствовал, что земля под ним содрогается.

Его даже замутило от качки.

Он закрыл глаза и, ухватившись за саркофаг, потащил его в джунгли.

Немного погодя, поняв, что земля успокаиваться не собирается, он открыл глаза.

Да, потребовалось много времени, чтобы эта Земля и ее растительный мир пришли в такое состояние.

Везде были только ползучие растения — и на земле, и в воздухе. Они были самых разных размеров: и небольшие, диаметром с его руку, и громадные, в стволе которых мог бы поместиться он сам, если бы там было дупло. Стволы были твердые, пористые, волокнистые, темно-коричневого, бледно-красного или светло-желтого цвета. Некоторые растения достигали двадцати футов в высоту. У одних растений стволы были совершенно голыми, у других имелись горизонтальные ветви с громадными листьями. Все они удерживались от падения тем, что цеплялись за соседние стволы, обвиваясь вокруг них. Казалось, что все эти растения требуют поддержки своих соседей.

Измаил не смог найти воды, хотя сделал большой круг по джунглям и вернулся на берег. Земля под ползучими растениями была твердой и сухой, как в пустыне Сахара.

Он стал рассматривать растения, чтобы понять, как же они добывают влагу, ведь корней у них не было. Он сообразил, что голые стволы и есть корни. Они собирают влагу из атмосферы. Но чем же питаются растения?

Пока он размышлял над этим, послышался шипящий звук. Затем из-за листа выскользнули пара длинных дрожащих антенн и круглая голова с огромными глазами. Судя по форме головы и длинным усам, Измаил предполагал увидеть нечто насекомообразное, но животное оказалось двуногим. Шея, грудь и две руки походили на обезьяньи. Они были покрыты розовой шерстью, сквозь которую просвечивала бледно-розовая кожа. Ноги существа напоминали медвежьи.

Животное было ростом в два фута. У него был длинный двойной нос, а под ним совершенно человеческие губы.

Измаил ощутил некую угрозу. Ведь укус животного может оказаться ядовитым. Однако оно не собиралось нападать на него. Существо наклонило голову с вибрирующими антеннами и с тем же шипящим звуком пошло дальше в джунгли.

А затем Измаил увидел, как оно присело на ветку и сорвало один бледно-зеленый стручок. Оно вертело стручок в руках, пока не нашло темно-зеленое пятно, более темное, чем остальное тело стручка. Тогда животное надало пальцем на это пятно, и палец провалился внутрь. Затем существо вытянуло палец из отверстия

и сунуло туда один из своих двух носов. Очевидно, животное пило. После того как стручок опустел, животное оставалось в неподвижности еще так долго, что Измаил решил, что оно уснуло. Глаза животного помутнели, и их затянуло пленкой. Измаил решил, что сейчас можно приблизиться без опаски, и увидел, как тонкое бледно-зеленое растение выпустило усик, который перегнулся через спину животного и вошел в яремную вену. Растение из бледно-зеленого стало красным.

Немного погодя растение аккуратно извлекло усик из вены. Усик осторожными движениями соскользнул со спины животного и исчез в отверстии ствола.

Пленка с глаз животного сошла, оно тихонько шевельнулось. Затем, увидев, что Измаил совсем рядом, испуганно скрылось в джунглях. Но двигалось оно не так проворно, как раньше.

Измаил был готов последовать примеру животного и напиться из стручка. Но он боялся. Может быть, жидкость временно парализует того, кто ее пьет? И каждый раз растение пьет кровь из вены парализованного? А может, такой странный, даже зловещий симбиоз вполне естественен в этом мире?

Конечно, никто не мог помешать ему схватить стручок, забраться в море и попить. Там-то растение не сможет достать его.

А вдруг в жидкости находится наркотик, поражающий не только тело? Может быть, это подействует так, что он, Измаил, напившись, сам предложит кровососущему растению свою вену?

Пока он стоял в неподвижности, страдая от жажды, хотя вода была рядом, но недоступна для него, растение выпустило свои усики и опутало остатки опустошенного стручка. Стало ясно, почему земля такая голая. Растения питаются сами собой, отмершими частями. И кровью тех, кто пьет жидкость, запасенную ими.

Наконец он решился. Действуя быстро, чтобы не думать о возможных последствиях, он сорвал стручок, повернулся и побежал в море, пока вода не дошла ему до бедер. Затем он вылил жидкость из стручка себе в рот. Вода была холодная и сладкая, но ее было мало. Ему ничего не оставалось, как пойти и сорвать второй стручок.

Он пошел к берегу, и тут какая-то тень мелькнула по воде. Он повернулся и поднял голову. Высоко в небе плыло розовое облако, сопровождаемое пасущимися китами. Но тень, потревожившая его, была от чего-то более близкого. Воздушная акула, неслась над ним на высоте тридцати футов. За ней летели еще три

Первые две пролетели мимо, но следующие две решили напасть на него.

Их крылья-паруса изменили угол, и они понеслись на него, разинув пасти.

Акуле оставалось до него всего шесть футов, она летела уже на высоте одного фута над водой и шипела на лету. Широкая пасть выглядела жутко. Она могла запросто отхватить ему голову. Измаил скрылся под водой. Акулы проскочили мимо, только хвосты чиркнули по воде.

Превозмогая усталость, он побрел по вязкой воде к берегу, добрался до узкой песчаной полоски и скрылся под защиту зарослей.

Акулы некоторое время барражировали над ним, меняя направление полета, а затем развернули крылья так, чтобы полностью захватить ветер, и исчезли.

Измаил сорвал стручок, проделал в нем пальцем дыру и выпил жидкость. Пережитая опасность заставила его забыть об осторожности.

Когда он шел назад после первого стручка, он не ощутил ничего особенного. Паралича, которого он ждал, не было. Но может быть, это потому, что он больше того двухноского существа и доза наркотика оказалась для него мала. Сейчас он тоже ничего не ощущал. Хотя, возможно, возбуждение нейтрализовало наркотик.

И все же выпитая жидкость сделала свое дело. Он вдруг ощутил, что не может двинуть ни рукой, ни ногой. Видеть он мог, правда, в глазах стоял туман. Он мог и чувствовать усик растения, обвившийся вокруг его плеч, и ощутил боль, когда конец усика вошел в вену.

Воздушные акулы вернулись и кружили над ним, заметив его голову, высовывающуюся из зарослей. Да, он сделал ошибку, когда начал пить. Следовало выбрать более густые заросли.

Однако акулы были весьма осторожны. Они не пытались напасть, боясь запутаться в зарослях.

Измаил еще не понял механизма полета этих существ. Совершенно очевидно, что газ делает их легче воздуха. А при снижении они должны выпускать газ. Это именно то шипение, которое он слышал во время нападения. При подъеме они должны производить газ. Вероятно, в их теле есть какой-то орган для этого. Но для работы этого органа необходимо горючее — пища. В этом Измаил был уверен, если, конечно, можно быть уверенным в чем-нибудь в этом проклятом мире.

Теоретические рассуждения хороши в свое время. Но сейчас нужно действовать, а он не мог двинуться с места.

Казалось, прошла вечность, как он сидит тут. Стало жарко. Растения задерживали движение воздуха, и он вспотел. И тут он увидел насекомое, первое здесь насекомое, сидевшее на ветке в футах от него.

Это был представитель древнего рода, научившийся жить как с человеком, так и без него. Это насекомое оказалось более удачливо в своем паразитизме, чем крысы.

Это был комар длиной около девяти дюймов.

Он спокойно перелетел на плечо Измаила. Было ясно, что он знаком с парализующим действием жидкости.

Измаил не почувствовал ног комара на коже, но ощутил тупую боль в моче правого уха.

Лучше было утонуть вместе с командой...

Послышался шорох, слух его не был нарушен. Измаил посмотрел в лицо того, кто появился из зарослей.

Лицо ее было нежно-коричневого цвета, как у девушек Тайпи. Глаза необычно большие, почти нечеловеческие, ярко-зеленого цвета. Черты лица очень красивы.

Однако язык, на котором она заговорила, был незнаком Измаилу, хотя он слышал много языков жителей Земли.

Измаил ждал, что она освободит его от усика, но она улыбнулась и пошла куда-то в сторону. Вскоре она вернулась с каким-то животным, таща его за ноги. Хотя у животного был вспорот живот, оно бешено дергалось.

Она улыбнулась, проговорила что-то мелодичным голосом. Он попытался ответить, но не смог. Девушка присела возле растения и стала что-то делать каменным ножом.

Измаил совсем забыл на некоторое время о воздушных акулах. Сейчас он вспомнил и открыл рот, чтобы предупредить девушку.

Девушка, видимо, почувствовала опасность, так как подняла голову как раз в тот момент, когда первая тень устремилась на них. Она толкнула Измаила и закрыла его. Голова Измаила ударилась обо что-то, и он потерял сознание.

Он пришел в себя и почувствовал, что земля, как обычно, дрожит под ним. Теперь он понял, что это приливы и отливы. На той, старой Земле эти явления не ощущались, хотя и были. Здесь же огромное солнце и огромная луна вызывают такое сотрясение почвы, не заметить которое невозможно.

Его снова стало мутить от качки. А может, к этому добавилось и действие яда. Во всяком случае ему теперь придется привыкать к этой «земной» болезни.

Он попытался сесть и обнаружил, что у него связаны руки и ноги.

Девушка исчезла.

Очевидно, она вовсе не так дружелюбна, как ему показалось. Она подошла к нему без боязни просто потому, что была уверена, что он не причинит ей вреда.

Измаил не был на нее в обиде: все-таки он был для нее чужой, и она была бы душой, если бы подошла к нему без необходимых предосторожностей. Впрочем, может, она живет в мире, где все че-

ловеческие существа друзья между собой, а убийства и войны неизвестны.

Однако то, что она связала его, доказывало, что этот мир вовсе не утопия.

Он вздохнул. Было бы слишком наивно предполагать, что есть мир, где царят всеобщие любовь и доверие. Такого не было на Земле, такого нет и здесь. И нигде такого нет. Однако Измаил вовсе не думал оказаться в таком утопическом мире.

Несмотря на то, что оказался связан, он был рад, что в этом мире он не единственное человеческое существо. Когда-нибудь он овладеет языком, на котором говорит девушка, и она ответит на все его вопросы.

Появилась девушка, и Измаил улыбнулся ей. Он внимательно изучал ее, пока она искусно разделявала двухногое животное. Волосы у нее были черные, длинные и прямые, как у девушек с острова Тайпи, и заколоты гребенкой из какого-то материала, похожего на слоновую кость. В ушах висели кольца из черного камня, в которые вставлены большие темно-зеленые камни. Внутри каждого из камней можно было рассмотреть ярко-красный предмет, похожий на паука.

На шее висело ожерелье из коротких разноцветных перьев, а талию обхватывал полупрозрачный кожаный пояс. На поясе с помощью костяных крючочков висела короткая юбочка из такой же кожи, что и пояс. На ногах были сандалии из толстой коричневой кожи. Измаил обратил внимание, что на ногах у нее всего по четыре пальца. Видимо, в результате эволюции мизинец за ненужностью атрофировался.

Фигура у нее была стройная и гибкая, лицо имело четко выраженные треугольные очертания. Высокий и широкий лоб, огромные блестящие глаза под густыми черными бровями, ресницы, похожие на длинные острые копыта... Скулы высокие и широкие, но уже, чем лоб. Нижняя челюсть сужалась, заканчиваясь подбородком, который, однако, не был острым и закрутился. Этот подбородок делал ее очень красивой, а будь он острым, лицо девушки оказалось бы безобразным. Как тонка грань между безобразием и красотой! Губы у нее были полными и очень красивыми, даже когда она начала откусывать куски жира от разделанной туши животного.

Измаил не раз видел, как дикари едят сырое мясо, и это не вызвало у него отвращения. Когда она предложила кусок сырого мяса ему, Измаил принял его с улыбкой и благодарностью.

Оба ели до тех пор, пока полностью не насытились. Девушка нашла камень и расколола череп животного, чтобы достать мозг.

Она стала с удовольствием есть его и предложила Измаилу. Тот уже был сыт, поэтому покачал головой:

— Нет, благодарю.

Очевидно, покачивание означало для нее согласие, так как она начала кормить его. Измаил сразу понял свою ошибку и стал энергично кивать. Девушка была озадачена, но убрала пищу.

Измаил увидел, что в этом мире нет проблем с уничтожением отбросов. Девушка поднесла то, что осталось от их трапезы, к ближайшему растению, положила все на землю и похлопала растение по стволу. Сразу же усики потянулись к остаткам пищи. Другие растения тоже протянули свои усики, будто получили сообщение от своего собрата.

Девушка сорвала горсть стручков, напилась и напоила Измаила. Во время этой процедуры растения игнорировали их. Измаил предположил, что растения получили пищу и так благодарят того, кто угостил их. Тем не менее жидкость парализовала их, и девушка минут пятнадцать пребывала в неподвижности. Если бы в это время появился хищник, то он мог бы спокойно сожрать их.

Придя в себя, Измаил жестами показал девушке, чтобы она развязала его. Она нахмурилась, что придало ей еще больше прелести, и задумалась. Наконец поднялась, улыбнулась и перерезала ножом перевитые стебли, которыми он был связан. Измаил медленно поднялся, растирая руки, затем стал растирать ноги. Она стояла, держа нож в руке. Но затем, видимо, решила, что он не будет угрожать ей, положила клинок в ножны и отвернулась от него.

Измаил взобрался по толстому стволу, наклоненному под углом сорок пять градусов, и посмотрел вокруг. Джунгли занимали все пространство, насколько он мог видеть. Весь лес, казалось, трясся от страха. Он сам уже устал от постоянной тряски, подкатывающейся к горлу тошноты. Но девушку это, кажется, совсем не беспокоило. Для нее это было нормальное состояние.

Воздушных акул не было видно, далеко на западе виднелось красное облако, и Измаил предположил, что это опять одно из чудовищных воздушных существ, возле которого наверняка крутятся акулы.

Большое красное солнце уже преодолело большую часть небосвода, но до заката было еще далеко. Жара усилилась, и Измаил снова ощутил жажду. Но он боялся пить, так как это означало полную беспомощность в течение четверти часа. Более того, возможно, этот наркотик обладает кумулятивным эффектом. Правда, пока он ничего не ощущал: ни головной боли, ни общей слабости.

Он посмотрел на девушку. Она влезла на огромный лист, который, как гамак, висел между стволами. Видимо, она собиралась

лечь спать. Интересно, что делать ему? Тоже ложиться спать на какой-нибудь из листьев или стоять на страже? Однако девушка не подала ему никакого знака, значит, она совершенно не думает о возможных опасностях. Такая беспечность была непонятна Измаилу. В этом мире он уже встретился со многими опасностями, а сколько их еще есть? И он о них ничего не знает!

Прежде чем решить для себя вопрос, ложиться ли ему спать или нет, он еще раз осмотрелся. Пугающее, по-настоящему чужое темно-голубое небо, громадное кроваво-красное солнце, чересчур соленое, безжизненное море, трясущаяся земля, растения-кровососы, воздушные хищники...

Где же он оказался? «Рахиль» плавала в южных морях в 1842 году. Затем произошло нечто сверхъестественное. Море внезапно исчезло, и корабль упал.

Море исчезло! Оно исчезло не благодаря магии, колдовству, а испарилось. Мгновенно испарилось. Само Время испарилось!

Измаил был матросом на китобойном судне. Но это не означало, что он был просто матрос. В перерывах между своими плаваниями он был учителем в школе, а кроме того, он постоянно и много читал. И он знал, что через миллионы лет солнце охладится, превратится из яркой горячей звезды в слабого красного гиганта, а затем и вовсе потухнет. Потеря энергии приведет к тому, что солнце и луна приблизятся к Земле — и впоследствии сильное взаимное притяжение разорвет эти небесные тела на куски.

Другая теория, в корне противоположная первой, утверждала, что Земля и луна в конце концов разойдутся на очень далекое расстояние. Основатель этой теории даже доказывал математически справедливость своих утверждений. Очевидно, он был недостаточно силен в математике, или же произошло нечто, что нарушило естественный ход событий. Вполне возможно, что люди смогли найти способы воздействовать на орбиты планет.

Неужели он, Измаил, оказался в далеком будущем? Может быть, «Рахиль» провалилась в какую-нибудь дыру в прохудившейся ткани Времени?

Измаил был убежден, что сейчас находится на дне давно пересохшего Тихого океана, в его южной части. Мертвое соленое море — вот все, что осталось от некогда безбрежного океана. А трясущаяся земля плохо подходила для животного мира. Большая часть животных покинула землю, и воздушное пространство заполнилось летающими существами самого разного вида.

Хотя выводы, к которым он пришел, несколько не облегчали его положение, все-таки ему стало легче. Человек без теории или догмы — как корабль без парусов и без руля. Но тот, у кого есть

теория, верит, что может сам управлять своей жизнью, и даже направляя ее против ветра, он может выжить в самые жестокие бури.

То, что он на Земле, а не на какой-нибудь весьма далекой планете, откуда Землю даже не увидеть, вселило в него мужество. Правда, это была совсем не та Земля, и будь у него возможность, он с удовольствием вернулся бы назад во времени. Но он был здесь. У него никогда не было своего дома, но он находил себе дом в кайте китобоя и в хижине среди каннибалов Тайпи. Значит, он сможет найти дом и здесь.

Он легко прыгнул вниз и растянулся на листе, недалеко от девушки. Она приподнялась, взглянула на него, затем отвернулась, видимо, собираясь уснуть. От воздушных акул их защищали листья, но как насчет гигантских комаров? Он потрогал вспухшее ухо. А может, здесь есть и еще кто-нибудь?

Несмотря на такие мысли, он быстро уснул.

Проснувшись, он выпил один из стручков, которые девушка сорвала накануне. Солнце было довольно высоко. Жара усилилась. Луна катилась над восточной частью горизонта, как гигантский шар. Судя по скорости ее перемещения, она может снова нагнать солнце, и они опустятся за горизонт вместе.

Девушка махнула ему рукой, и он последовал за ней. Им пришлось долго бродить среди растений, пока она не нашла завтрак. Это было парализованное животное — потомок домашних кошек, подумал Измаил. Голова его осталась кошачьей, тело было змеиное, а ноги — длинные и тонкие. Длинная черно-белая шерсть покрывала тело.

Девушка подождала, пока растение не вытяжит усик из вены животного, а затем перерезала горло коту. Измаил не понимал, почему она ждала. Может, между людьми и растениями здесь заключен союз? Или же она боялась вызвать гнев растений?

Измаил многое здесь не мог понять. Но он был рад, что с ним девушка, человек, живая душа. Она приспособлена к жизни в этом мире. И к тому же она, кажется, знает, куда идет. Он шел с ней, так как она не возражала, и по пути учился ее языку.

Солнце приблизилось к горизонту, и на небе вспыхнули странные созвездия. Луна катилась по небосклону, как голова мертвого бога. Она была такая большая, что Измаил не мог отделаться от ощущения, что луна вот-вот упадет ему на голову. Он уже научился определять по движению луны, когда начнется сильный прилив. Однако привыкнуть к постоянным сотрясениям почвы так и не смог. Легкая тошнота стала его постоянным спутником.

Ночь была долгой, очень долгой, сначала жаркой, затем температура стала вполне нормальной, а под утро Измаил сильно за-

мерз. Он весь дрожал, так как на нем была лишь матросская куртка-безрукавка и полотняные брюки. Ботинки ночью, пока он спал, куда-то исчезли.

На Намали — так звали девушку — одежды было еще меньше, но она, казалось, не страдала от холода. Впрочем, жители Патагонии тоже ходят голыми круглый год, и это их ничуть не беспокоит. Исмаил предложил девушке спать вместе, чтобы согреть друг друга, но она отказалась, как отказалась и позже, когда он попытался поцеловать ее.

Понемногу он стал понимать ее язык до такой степени, что смог выяснить, откуда она и почему находится здесь. Кроме того, он понял, почему Намали не разрешает притронуться к ней.

Намали была дочерью Сеннерва, правителя Заларампатры. Сеннерва был джарамуа, что значит король или, точнее, Большой Адмирал. Кроме того, он был главным жрецом великого бога Зоо-машматры.

Город Заларампатра основал полубог Заларампатра. Этот город был от них в северном направлении. Там Намали жила в большом хрустальном дворце, изготовленном с помощью каменных орудий и обработки кислотой, которую выделяли какие-то животные. Намали была одной из двадцати четырех дочерей Сеннерва, у которого было девять жен. Исмаил узнал, что Намали была весталка-девственница, основной обязанностью которой было сопровождать корабли в путешествиях, чтобы приносить им счастье.

Исмаил не стал комментировать провал ее миссии.

Однако она, казалось, совершенно не была этим опечалена. Возможно, только потому, что мысли ее сейчас были заняты гораздо большей трагедией, по сравнению с которой гибель ее корабля — пустяк.

За несколько дней до того как «Рахиль» упала с небес в этот мир, корабль Намали встретился с другим кораблем-китобоем из их города.

Встретившийся корабль сблизился с кораблем Намали, и капитан перебрался на борт. Было ясно, что у него какие-то жуткие новости, так как лицо его было бледным, глаза красными от рыданий. Он посыпал волосы пеплом в знак величайшего горя и исполосовал грудь ножом.

Намали сначала думала, что умерли ее родители или ее брат, единственный наследник семьи. Однако все оказалось страшнее. За день до того в течение нескольких часов город Заларампатра был уничтожен, а все его жители убиты. И это сделало Пурпурное Чудовище. Только нескольким людям удалось избежать смерти,

улетев на кораблях. И один из них принес эти новости капитану китобоя.

Слезы текли по лицу девушки, и она спрятала голову, пока наконец не успокоилась немного и смогла продолжать.

— Что это за Пурпурное Чудовище? — спросил Измаил.

— К счастью, их существует очень немного, — ответила девушка. — Полубог, основатель нашего города Заларампатра убил огромное чудовище, владеющее горами, где стоит наш город... стоял. Оно было огромно, гораздо больше тех безвредных существ, сквозь которое пролетел ваш корабль. Пурпурное Чудовище выпускает тысячи длинных щупалец, которые убивают людей. И кроме того, оно сбрасывает яйца, которые взрываются со страшным грохотом и уничтожают все вокруг.

Измаил при этих словах удивленно поднял брови.

— Мне очень жаль, что ты потеряла весь свой народ и всю свою семью за столь короткое время и таким ужасным способом. Скажи, мы идем на север, потому что ты надеешься найти кого-то оставшихся в живых и начать восстанавливать город?

— В первую очередь я хочу увидеть своими глазами, что случилось. Может, все не так плохо, как описал капитан. Кто-то ведь спасся, раз весть о трагедии дошла до нас. Значит, можно предполагать, что не все убиты и город не уничтожен полностью.

Во всяком случае в город вернутся и другие китобои. На каждом из кораблей будут мужчины и по одной моей сестре. Мы будем молиться нашему богу, пообещаем ему, что будем во всем повиноваться ему, чтобы он не допустил подобных ужасов в будущем. А затем выберем нового Большого Адмирала, и мы, девственницы Зоомашматры, возьмем себе мужей и родим детей для будущего.

— Значит, твой корабль возвращался в Заларампатру, когда мой деревянной звездой рухнул с небес и уничтожил его, — задумчиво сказал Измаил. — Это просто чудо, что ты перенесла удар и сохранила рассудок.

Он долго думал о ее горе, испытывая к ней глубочайшее сочувствие. Возможно, она осталась последней из рода, а может, последней из всего народа.

— Это Кахамауду, — сказал он, используя название Пурпурного Чудовища на их языке, — наверное, действительно огромно, раз достает своими щупальцами людей в каждом доме, каждой комнате. Ведь ты сказала, что ваш город вырублен прямо в горе. Однако наверняка кто-нибудь спасся, избежал смерти.

— Может быть, — ответила она. — Но есть еще кое-что, что я не могу тебе сказать о Кахамауду, так как ты не из этого мира, если ты сказал мне правду.

— Все это правда, — сказал Измаил, улыбнувшись. Он понимал ее сомнения. Если бы к нему в том мире явилась девушка и сказала, что она из прошлого, он бы ни за что ей не поверил.

— Кахамауду, как говорят жрецы, всегда появляется в сопровождении мелких хищников. Их очень много, и они путешествуют на спине Кахамауду. Когда Кахамауду убивает кого-то, мелкие хищники пользуются его добычей, хотя и не рискуют брать слишком много. Само чудовище не утруждает себя охотой за отдельными людьми, если, конечно, оно не слишком голодно или они не беспокоят его. Так что, как понимаешь, мелкие хищники могут обшарить весь город и убить всех, кто остался жив после нападения Кахамауду.

Она лежала на соседнем листе, и над ними был густой полог из переплетенных ветвей. С тех пор как солнце опустилось за горизонт, Намали постоянно следила, чтобы над ними не было чистого неба. Она тщательно выбирала место для ночлега. Измаил спросил ее об этом, но она не объяснила, сказав лишь, что причины есть. Это не успокоило его, даже напротив, ему было не по себе, когда он ложился спать.

Был второй их сон в эту ночь. Измаил проснулся, ощутив тупую боль в шее. Он сразу понял, что растение вонзило свой усик в его вену. Намали говорила, что растения ночью спят, но иногда некоторые просыпаются и ищут жертву, точно так же, как человек, проснувшийся от жажды в полусне, идет на кухню выпить чашку воды. Намали советовала ему, если такое случится, подчиниться растению. Это будет лучше, чем вырвать усик из раны и полностью разбудить растение.

Он очень хотел знать, что случится, если растению отказать в пище, но Намали ответила, что лучше не нарушать союза с растениями. Но она весьма смутно представляла, что случится, если не позволить растению пить кровь. Разумеется, каждый может отказать растению, но лучше подчиниться — так ее учили с детства.

Измаил вспомнил про то, что им предстоит преодолеть бесконечные мили, пока они доберутся до города, и решил подчиниться. Он лежал с закрытыми глазами и представлял себе, как его кровь по капиллярам растения проникает в его ствол, и затем...

Он насторожился, услышав свистящий звук где-то наверху. Что-то спустилось на растения, и те зашатались. Эти звуки не были результатом сотрясения почвы. Несомненно, что-то большое село сверху на растения.

Он медленно повернулся на бок и качнул лист Намали. Растение выпрямилось и извлекло усик из шеи Измаила.

Намали проснулась и села, но ничего не сказала. Лунный свет, пробивавшийся сквозь просветы ветвей, выхватывал из тьмы ее силуэт. Она перегнулась через край листа и прошептала:

— Что это?

— Не знаю, — сказал он. — Что-то большое.

Он показал наверх.

Шуршание усилилось, и Измаил, напрягая глаза, увидел что-то мееподобное, появившееся в лунном свете в сорока футах от них.

Намали тоже увидела это. Она ахнула и прошептала:

— Шивараду!

Щупальце, темно-серое, около дюйма толщиной, слепо ощущало все вокруг. Оно подбиралось все ближе. Видимо, его привлекало тепло тел. Шивараду был слеп, как многие хищники, проходящие из ночи, но ощущал тепло и имел прекрасный слух, позволяющий ему находить свои жертвы и заменяющий ему глаза.

Измаил подкатился к краю листа и прыгнул вниз. То же самое сделала и Намали. К сожалению, они не смогли сделать это без шума. Через секунду Измаил услышал шипение воздуха под давлением, и что-то пронзило лист возле его плеча.

Намали издала сдавленный звук. Они оба опустились на землю и подползли под поваленный ствол растения. Они укрылись вовремя, так как еще три снаряда вонзились в землю.

Измаил высунулся из-за ствола и нашел стрелоподобное оружие. Это была острая, как игла, кость в два дюйма длиной и толщиной в одну шестнадцатую дюйма. На заднем конце этой иглы были четыре канавки, видимо, играющие роль оперения. Измаил не притрагивался к острому концу, так как Намали предупредила его, что он покрыт ядом.

Намали рассказывала ему, что Шивараду имеет тридцать щупальцев и все они полые. Костяные иглы вырастают прямо в теле чудовища. Когда они полностью созревают, то находятся в подобии сумки на боку его тела. Шивараду достает иглы из сумки одним щупальцем и вкладывает их в полости остальных щупальцев. Когда Шивараду находится вблизи жертвы, он сжатым воздухом выстреливает эти иглы. Сжатый воздух находится в пузыре в верхней части тела. Дальность выстрела, как правило, не превышает шестидесяти футов. Шивараду, как и другие летающие существа, имеет пузыри с легким газом.

Измаил отыскал еще несколько снарядов и услышал шипение, а затем шелест листьев, пробиваемых отравленными иглами. Одна из игл воткнулась в ствол почти рядом с его рукой.

Он поспешно растянулся рядом с Намали, осторожно держа в руке собранные иглы.

— Он будет преследовать нас, пока не убьет, — прошептала Намали. — И мы ничего не можем сделать.

— Ты говорила, что его можно убить его же ядом.

— Так говорят жрецы.

Позади них раздался треск, и они быстро поползли вперед.

— О Зоомашматра! — прошептала она. — Он сокрушает растения, чтобы добраться до нас...

— Это произойдет нескоро, — сказал он. — К тому же он может наколоться на шипы, которых много наверху.

Перед ними выскочило животное. Оба остановились, вскрикнув от ужаса. Но это был всего лишь квинчагас, двухногий обезьяномедведь, как называл его Измаил. Животное пробежало в гущу растений и вдруг упало.

Измаил не видел, что произошло, но предположил, что смертоносная игла поразила его.

В джунглях стоял треск и гул. Это чудовище прокладывало себе путь в погоне за ними.

— Зоомашматра, помоги нам! — в ужасе шептала Намали. — Зоомашматра, помоги нам!

В джунглях перед ними кишела жизнь. Откуда-то выскочило целое стадо обезьяномедведей и бросилось врассыпную. Какие-то неизвестные зверьки разбежались в панике.

Измаил и Намали снова бросились бежать. Они спотыкались и падали, помогали друг другу подняться. Измаил потерял иглы, но не стал тратить времени на поиски. Зато он взял костяной нож у Намали.

Внезапно девушка остановилась. Мелкие животные носились, охваченные страхом, но шум, производимый чудовищем, затих.

— В чем дело? — спросил Измаил.

— Оно взлетело, — сказала она. — Слушай.

Измаил затаил дыхание и широко раскрыл рот, прислушиваясь. Но на фоне бедлама, устроенного мелкими животными, он ничего не мог услышать.

— У Шивараду нет крыльев-парусов, — сказала Намали. — Он передвигается над джунглями, цепляясь щупальцами за стволы.

— Ему надоело проламываться сквозь джунгли, — продолжала она. — Теперь он быстро догоняет нас. Нам не уйти от него.

Измаил не спрашивал девушку, как Шивараду съедает свои жертвы, но теперь задал этот вопрос.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Какая разница, если ты будешь мертв?

— Скажи мне.

Она повертела головой из стороны в сторону, как бы пытаясь определить, где находится чудовище. Должно быть, оно остановилось и прислушивалось, так как они не услышали ни звука.

Шивараду впрыскивает кислоту в тело жертвы, а когда тело растворяется, всасывает эту массу через щупальце.

У Измаила в голове шевельнулась безумная мысль убить чудовище, бросив ему в рот его же отравленные иглы. Но теперь эта идея отпадала сама собой. Однако даже если бы чудовище имело огромную пасть, способную проглотить человека, осуществить эту идею было бы трудно.

— Он будет перемещаться над джунглями, тихо и легко, как облако, — сказала Намали. — Его щупальца будут отыскивать нас по теплу наших тел, его органы слуха будут прислушиваться к каждому шороху. Если мы останемся на месте, он обнаружит и убьет нас. А если мы побежим, будет преследовать нас, пока мы полностью не выйдем из сил и не упадем. Тогда он тоже убьет нас.

— Интересно, сильные ли у него щупальца? — спросил Измаил так тихо, что она не разобрала его слов, и ему пришлось повторить.

— А зачем тебе это?

— Не знаю, — ответил он и положил свою руку на ее. Кожа Намали оказалась холодной и потной. — Дай мне подумать.

Теперь он понимал, что должен чувствовать кит, на которого идет охота. Сейчас сам Измаил был на дне, притаившись, а убийца наверху — выжидая и наблюдая. Раньше или позже жертва выдаст себя, и тогда охотник сделает свое дело.

Опять возобновился шум в джунглях. Растения затрещали, зашумели.

Намали стиснула руку Измаила:

— Нам нужно бежать, а если мы побежим...

— Он не сможет гнаться за нами в двух направлениях, — сказал Измаил. — Я побегу на север, забирая к западу. Ты сосчитай до пятнадцати после того, как он погонится за мной, а затем беги на юг.

— Ты жертвуешь собой ради меня? — воскликнула она. — Но почему?

— В мире, откуда я пришел, в подобных ситуациях мужчина обязан защищать женщину. Во всяком случае, так должно быть. Хотя во многих случаях бывает и наоборот. Однако сейчас нет времени обсуждать моральные проблемы. Делай, как я сказал.

Он поцеловал ее в губы, затем повернулся и побежал изо всех сил через заросли.

Шум, производимый Шивараду, усилился.

Измаил бежал до тех пор, пока ноги его не заплелись в густых и крепких зарослях. Он упал лицом вперед, поднял голову и обнаружил, что прямо перед ним особо густое и плотное сплетение. Измаил, извиваясь всем телом, прополз внутрь и скорчился между двумя стволами. Он надеялся, что сейчас у этих растений нет желания пообедать.

Шум Шивараду уменьшился. Очевидно, чудовище поняло, что жертва притаилась, и стало двигаться медленнее, будучи уверенным, что добыча от него не уйдет.

Измаил протянул руку, сорвал стручок, но пить не стал, а положил рядом. Он вглядывался в заросли и вот наконец различил темную громаду Шивараду над джунглями.

Огромная луна сверкала в каждой из чешуек, покрывающих кожу чудовища. Оно было точно такое, как описывала Намали. Одни щупальца раздвигали растения, другие отыскивали источник тепла.

Измаил вжался в землю, но голову не опустил. Он хотел видеть, что делает чудовище. Сердце его билось отчаянно, и Измаил был уверен, что Шивараду слышит его. Горло и рот Измаила были иссохшими, как страницы древнего манускрипта в пустынном монастыре.

И скоро будут такими же мертвыми, подумал он. Чудовище, обнаружив его, вытянуло шесть щупальцев и выстрелило. Все шесть игл воткнулись в ствол, за которым лежал Измаил. Он быстро вытащил две иглы, и тут чудовище выстрелило еще раз.

Шивараду ждал несколько минут, и это время показалось Измаилу вечностью. За это время можно было из золотой монеты выковать пленку не толще той, что покрывает глаз змеи.

Вероятно, Шивараду хотел определить, убил он жертву или нет.

Очевидно, он решил, что промахнулся, так как начал спускаться вниз, огибая стволы растений. Когда до Измаила осталось футов двадцать, противодействие растений возросло настолько, что чудовище не могло преодолеть его. Однако такая близость позволяла Шивараду достать Измаила щупальцами.

Но чудовище действовало теперь с осторожностью. Очевидно, оно поняло, что жертва скрывается за стволом. Несколько щупальцев поднялись в воздух на высоту примерно в десять футов. Другие поползли по земле. Измаил смотрел, не зная, что он может сделать. Через минуту оба мира — и старый, родной, и новый, будущий — для него исчезнут.

Намали говорила, что чудовище не может стрелять, если щупальце не вытянуто по прямой. Да, разумеется, ведь любые изгибы

уменьшают силу давления воздуха. Может, именно поэтому чудовище сейчас не стреляло. Оно старалось бить только наверняка — прямыми щупальцами.

Были слышны ритмичные вздохи. Это Шивараду накачивает воздух, подумал Измаил.

Одно щупальце, выглядевшее в лунном свете как хобот изголодавшегося слона или безголовая кобра, двигалось по земле быстрее остальных. Измаил с ножом в одной руке и иглой в другой высунулся из-за ствола и быстро спрятался обратно. Он просто оценил, сколько времени занимает это действие.

Над ним повисли три щупальца. Они были слепы, но видели его тепло. Затем одно щупальце нырнуло вниз, будто стремясь приблизиться, чтобы выстрелить. С небольшого расстояния даже с малой силой давления воздуха выстрел будет смертельным. Достаточно царапины, чтобы яд проник в тело.

Щупальце перегнулось через ствол и замерло; отыскивая тепло человеческого тела, оно покачивалось из стороны в сторону. Затем начало распрямляться.

Измаил вонзил конец иглы в раскрытый зев щупальца. И тут же мгновенно спрятался за ствол, вжавшись в землю.

Щупальце задергалось, стало раздуваться. Измаил понял, что оно хочет выстрелить, но всаженная им игла мешает этому. Тогда щупальце стало сворачиваться, а затем резко распрямилось и выстрелило обеими иглами. Но выстрел был напрасным. Иглы улетели в гущу ветвей, не причинив вреда Измаилу. Он вскочил, держа в руке вторую иглу, и прыгнул на разряженное щупальце.

Оно задергалось, стало сворачиваться, но медленно, Измаил всадил иглу на этот раз прямо внутрь отверстия на конце щупальца. Реакция чудовища была очень сильной. Щупальце потащило Измаила прямо к телу, остальные щупальца начали разворачиваться к нему.

Игла вонзилась в щупальце в дюйме от головы Измаила. Чудовище стреляло по человеку, но расстреливало себя. Измаил отпустил щупальце, скатился вниз и упал на землю, ломая тонкие ветви.

Чудовище извивалось в судорогах, тщетно хватаясь за растения. Наконец оно подтянуло щупальца и медленно потащилось прочь, цепляясь за стволы.

Измаил вскочил на ноги и бросился бежать. Он наткнулся на густые заросли, упал, снова поднялся, раздвинул заросли и остановился, прислушиваясь.

Огромная темная масса висела, как облако, над джунглями. Измаил не мог рассмотреть, шевелятся ли щупальца Шивараду. Внезапно торпедообразное тело с огромной головой и сверкающими

в лунном свете зубами выскочило из темноты. Оно ударило в один из горбов на теле Шивараду. И горб взорвался.

Это воздушная акула, летающая смерть, нанесла свой удар.

Тут же появилась еще одна акула и вонзилась зубами в тело Шивараду.

Измаил подумал, достаточно ли силен яд Шивараду, чтобы заодно поразить и небесных акул.

Однако у него не было времени смотреть кровавый спектакль. Внезапный шум позади него заставил его обернуться и застыть, сжимая нож в руке. Но вот он услышал знакомое мягкое дыхание.

— Намали, — тихо позвал он.

— Я не могла принять жертву от тебя, — сказала она. — Я хотела помочь... О!

Она увидела тело Шивараду, висящее над ветвями, как разорванная тряпка.

Он рассказал, как все было, и девушка порывисто схватила его за руку и поцеловала.

— Заларампатра и Зоомашматра отблагодарят тебя.

— Лучше, если бы это сделала ты.

Они подошли к мертвому чудовищу поближе. Его рвали на части уже полдюжины акул.

Затем они пошли дальше, нашли удобное место и снова легли спать. Измаил, несмотря на усталость, не мог заснуть от холода. Температура воздуха, как ему показалось, была всего лишь десять градусов выше нуля.

Он соскочил со своего листа и забрался к Намали. Обнял ее руками и прижался к ней, накрывшись другим листом. Намали не возражала, правда, повернулась к нему спиной. Измаил уснул мгновенно, несмотря на близость девушки. Ему приснилась первая ночь в гостинице «Китовый фонтан» в Нью-Бедфорде, когда ди-карь-великан Квикег разделил с ним постель. Квикег, чьи кости обратились в прах много тысяч лет назад...

Громадное солнце снова выползло из-за горизонта, и сразу же стало тепло. Они проснулись и обнаружили, что в их вены погружены усики растений. Им пришлось ждать, пока растения закончат свой завтрак. Затем они встали, умылись жидкостью из стручков и напились. И тут же были парализованы, но растения, видимо, знали каким-то образом, что эти двое уже выплатили свой долг, и не тронули их.

Они снова пошли на север. По пути они спали еще четыре раза, питались мелкими животными, которые им попадались, и однажды даже съели летающую змею. Это было, как рассказала Намали, единственное животное, у которого отсутствовал пузырь

с легким газом. У змеи отдельные ребра развились в крылья, которые действовали так же, как и крылья птиц.

Прошла еще одна ночь, несущая опасности, и снова возшло солнце.

— Сколько нам еще идти до твоего города?

— Не знаю. На корабле мы добрались бы за двадцать дней. Идти же, вероятно, потребуется раз в пять дольше.

Значит, четыреста дней по времени моего мира, прикинул Измаил. Его не беспокоило время, но все же он предпочел бы ехать, а не идти. Ведь продираться через густые заросли — трудная и изнурительная работа. Он завидовал обитателям неба, которые без всяких усилий парили в вышине.

В полдень они увидели облако из миллиардов красных существ. И возле него плавали громадные киты, которые паслись на этом воздушном пастбище.

И тут же в небе был большой воздушный корабль. Намали вскочила, уронив кусок мяса. Она долго стояла молча, а затем улыбнулась.

— Он из Заларампатры!

Вскоре они увидели, как из его чрева выскочили несколько небольших воздушных лодок.

Одна из них погналась за китом в их сторону.

Лодка неслась по следам кита, который, казалось, не замечал опасности. Он спокойно плавал на краю красного облака. И вскоре скрылся за красной пеленой.

Внезапно Измаил увидел, что кит резко взмыл вверх. Серебристая струя брызнула из него вниз: это он освобождался от балласта, который хранил в пузыре.

Теперь Измаил увидел, что кит и лодка связаны между собой канатом. Кит делал совершенно противоположное тому, что делали в подобных случаях морские киты. Он уходил вверх.

— Кит может плавать в верхних слоях атмосферы, где люди не могут дышать из-за недостатка воздуха, — сказала Намали. — Гарпунер должен в таком случае обрубить линь.

Кит уже забрался так высоко, что лодка совершенно потерялась в темно-голубом небе.

Красное облако быстро дрейфовало к северо-востоку и примерно через полчаса должно было скрыться за горизонтом. Корабль уже не гнался за облаком. Он стал маневрировать, чтобы остаться на том месте, откуда с лодки был брошен гарпун. Люди на корабле, вероятно, видели кита и лодку.

Вскоре и Измаил увидел кита — черную точку, которая быстро увеличивалась. Кит несся вниз вместе с лодкой. Он распустил

все свои плавники-паруса и вытянулся в прямую линию. Канат, связывающий кита с лодкой, не был виден, но лодка неслась за китом на расстоянии в три сотни футов.

— Кит выпустил газ и падает, — сказала Намали. — Перед землей он с помощью парусов выйдет из пике. Лодка может врезаться в землю. Все будет зависеть от искусства кита. Иногда они из-за нарушения кровоснабжения мозга делают ошибки в скорости и в определении расстояния. Тогда разбиваются, но при этом гибнет и лодка вместе с экипажем. Разумеется, всегда можно пере рубить лить, но это дело чести гарпунера. Он не будет рубить его до самого последнего момента...

Она замолчала. Кит, если сохранит скорость и направление, врежется в землю в полумиле от них.

Сейчас кит был близко, и Измаил понял, что он гораздо больше голубых китов, за которыми охотился он сам. А голубые киты были самыми большими существами на Земле. Правда, у этого кита не было нижней челюсти. Пасть представляла собой круглую дыру, расположенную в центре головы.

Намали объяснила ему, что у кита нет зубов, а неподвижная нижняя челюсть срослась с черепом. Когда кит удовлетворяет свой аппетит, проглотив миллионы мелких животных, — а это бывает чрезвычайно редко, — пасть у него закрывается тонкой пленкой.

— Но существуют киты с зубами, которые нападают на беззубых китов и едят все, включая и людей, — сказала она.

— Я встречался с такими китами, — ответил Измаил, вспомнив гигантского белого кита с морщинистым лбом и изуродованной челюстью. — Если этот кит сейчас не повернет, он обязательно врежется в землю.

Гигантское тело мчалось вниз и не собиралось расправлять крылья. Все люди в лодке лежали, кроме одного человека. Измаил ждал, когда рука гарпунера поднимется и ударит ножом по линю. Но тот стоял неподвижно.

— Эти люди либо слишком храбры, либо слишком глупы, — пробормотал по-английски Измаил.

Потом он не выдержал и закричал, тоже по-английски:

— Руби, черт побери! Руби!

Но вот крылья кита с ужасающим треском раскрылись. Это было похоже на залп мушкетов.

Движения животного были тщательно выверены. Хвост его резко пошел книзу, увлекая за собой лодку и в то же время направляя самого кита вверх. Но начальная скорость кита была все же очень большой, и хотя он развернулся вверх, он все еще продолжал падать.

Лодка была уже под китом и продолжала стремительное движение вниз, хотя кит уже вышел из виража.

Измаил видел четырех человек в лодке, привязанных охранными ремнями, и гарпунера, ухватившегося за борт руками.

— Теперь уже поздно рубить лить, — сказала Намали. — Если лодка освободится от кита, она будет продолжать падение. Теперь осталось только надеяться, что сам кит спасет их от столкновения с землей.

— Нет. Им уже не спастись.

Если бы земля была на фут ниже или кит начал свой вираж на секунду раньше, лодка могла бы спастись. Но катастрофа произошла.

Лодка зацепила кормой за землю, лить лопнул, лодка перевернулась, людей выбросило за борт, так как охранные ремни полопались, и вот лодка разлетелась на куски, в момент поглощенные джунглями.

Кит, выпустивший большую часть своего газа, смог подняться на высоту всего пятьдесят футов. Чтобы подняться выше, ему требовалось произвести заново газ, а это зависело от того, сможет ли он найти себе пищу. На такой маленькой высоте это было маловероятно.

Поэтому, скорее всего, кит обречен. Он будет дрейфовать на малой высоте, постепенно теряя газ и спускаясь все ниже, пока не рухнет в джунгли, если до этого не станет добычей воздушных акул.

Измаил и Намали продирались через заросли к месту катастрофы. После долгих поисков им удалось найти одного человека. Все кости его были переломаны, к тому же он напоролся на толстый ствол растения.

Вдруг они услышали крики о помощи. Другой человек лежал в густых зарослях, куда упал после катастрофы. Однако при падении он только сломал ногу и получил множество царапин.

Они положили раненого поудобнее и стали искать остальных.

Третий человек лежал на открытом месте. Воздушные акулы, появившиеся неизвестно откуда, уже собирались напасть на него.

Измаил и Намали потащили раненого под защиту зарослей. Раненый стонал. Он был в полусознательном состоянии. На голове у него была большая рана. Видимо, при падении он ударился головой обо что-то твердое. Одет он был в голубую юбочку с вышивкой — черный воздушный кит, в которого вонзился гарпун. Кит алого цвета был вытатуирован на груди, а множество китов поменьше украшали руки и ноги. Каждое изображение в действительности означало убитого кита. Да, этот человек за свою жизнь серьезно уменьшил число воздушных гигантов этого мира.

— Это Чамкри, великий гарпунер, — сказала Намали. — Должно быть, их корабль еще не слышал ужасной новости, иначе они бы спешили в город, а не охотились.

— Акулы рядом, — сказал Измаил и удвоил скорость. Однако скоро понял, что им не успеть дотащить раненого до зарослей. Измаил опустил Чамкри. Воздушная акула сделала круг и устремилась вниз, издавая шипение. Это она стравливала воздух из пузыря. Измаил схватил ствол растения, лежащий рядом, очистил его от листьев и, когда увидел, что челюсти акулы готовы сомкнуться у него на голове, воткнул ей палку прямо в пасть. Палка проткнула розовый язык и вошла глубоко в горло, а затем летящая акула сшибла его на землю. Пролетая над ним, она задела его брюхом. Этого было достаточно, чтобы лицо и руки его оказались окровавленными. Шкура у этой нечисти была похожа на наждак.

Намали вскрикнула, но тоже успела броситься плашмя вниз, и акула, пролетая над ней, ее не задела. Акула врезалась в густые заросли и забилась в переплетении ветвей. В панике она билась все сильнее и добилась только того, что упала на землю, сломав один плавник-парус.

Оттащив гарпунера в безопасное место, Измаил приблизился к акуле. Другие акулы кружили в воздухе, не осмеливаясь подлететь ближе. Они боялись запутаться в ветвях.

Акулы вообще редко приземлялись. Только когда они были уверены в отсутствии опасности, они могли опуститься на землю.

Измаил осторожно обошел акулу. Он вовсе не хотел получить удар хвостом, хотя и легким, но способным нанести рану. Он взял еще одну палку и сунул ее в пасть рванувшейся к нему акуле. Та мгновенно проглотила ее. Измаил отскочил обратно в джунгли. Немного погодя он увидел, что акула стала извиваться и корчиться. Очевидно, палка проткнула ей внутренности. Другие акулы набросились на обреченную подруту. Они рвали на куски ее тело, откусывали плавники. Скоро с ней было покончено.

С неба спустились две лодки. Одна из них приземлилась на пляну, а другая осталась на высоте пятидесяти футов, сбросив якорь, зацепившийся за растительность, и убрав паруса.

Намали узнала первого из сошедших с лодки. Его звали Пуняки. Пуняки тут же опустился на колени перед Намали, поклонился, коснувшись лбом земли. Он был рад, что дочь Сеннерва в безопасности, но очень удручен, что нашел ее в таком положении. Он с любопытством посмотрел на Измаила, но то, что девушка относилась к незнакомцу как к другу, успокоило его. Однако радость моряка тут же угасла и перешла в глубокое горе, когда Намали кратко рассказала о том, что произошло в их родном городе. Ко-

ричневая кожа матросов посерела, они выли и катались по земле, нанося себе удары кулаками. Некоторые выхватили ножи и нанесли порезы на грудь и на руки.

Хотя их горе было очень сильным и глубоким, обстоятельства требовали от них действий. Постепенно они прекратили вой и катание по земле, приложили к ранам паутину. Эту паутину, как объяснили Измаилу, производит птица без крыльев и без перьев.

Пока два моряка вырезали сердце, легкие и желудок акулы, остальные искали четвертого моряка из погибшей лодки. Через четверть часа его нашли под пологом листьев. Он к этому времени уже умер, а растения вонзили свои усики в его раны и пили кровь.

Спустилась и вторая лодка. На нее погрузили Чамкри и раненого матроса. Намали и Измаил сели в первую лодку, сделанную, как выяснил Измаил, из тончайшей прозрачной пленки. Они застегнули привязные ремни, тоже из тонкой кожи, с костяными пряжками. Командир приказал, чтобы мясо акулы скормили животным, вырабатывающим газ. Этот газ поступал в баллоны, развешенные по бортам лодки. Подъем лодки требовал двух часов и двух кормежек животных. Измаил терпеливо сидел в лодке. Искусству ожидания он научился давно, еще в своем мире. Однако воздушное море требовало еще больше терпения.

Наконец лодка приблизилась к кораблю и пошла параллельным курсом. С лодки на корабль были брошены канаты, затем их подтянули и закрепили. После этого паруса спустили, сложили мачту, и лодка вошла в углубление в корпусе корабля.

Измаил очутился в длинном открытом туннеле, от которого отходили под разными углами боковые ходы и лестницы, ведущие вверх и вниз. Все было сделано из тонких, но прочных костей, видимо, костей морских китов. Большие пузыри были подвешены над палубами в два ряда — по девять в каждом ряду. Под каждым находилось животное с огромным круглым ртом.

Измаил думал, что весь корабль обтянут кожей. Но это оказалось не так. Совершенно естественно, что корабль, полностью зависящий от ветра, должен иметь как можно меньшую площадь сопротивления ветру для повышения эффективности действия парусов в процессе маневрирования. Лишь каюты да склады, да кое-какие другие помещения на корабле были закрыты кожей. Все остальное пространство день и ночь продувалось ветром насквозь, независимо от того, теплый ветер или холодный, ласковый или резкий. Рулевой находился в самой верхней части корабля, причем руль приводился в движение безголовым, безногим существом с щупальцами. Щупальца были закреплены с разных сторон на руле, и, раздражая животное, рулевой вызывал сокращение тех

или иных мышц, которые и поворачивали руль в нужном направлении.

Капитан Барашха был высоким человеком с вытатуированным на лбу символом его положения: черное рулевое колесо на фоне алой короны. Его приказы передавались по кораблю криками находящихся рядом с ним людей, сигналами рук днем и светом фонаря ночью. В качестве фонаря использовалась клетка со светящимися в темноте насекомыми.

Барашха, услышав рассказ Намали, заплакал, завыл и полоснул свою грудь каменным ножом. После этого передал себя в распоряжение Намали. Она спросила его о запасах пищи, воды и нахамчиза — крепкого ликера. Капитан заверил, что вполне достаточно, чтобы лететь в Заларампатру, хотя последние дни пути придется немного поголодать. Они уже успели убить десять китов, так что мяса и воды вполне достаточно. А в одном из китов даже нашли вришкаю. По тону капитана Измаил решил, что из-за этого самого вришкаю в основном и ведется охота на китов. Он не знал, что это может быть, но дал себе слово выяснить при первом удобном случае.

Корабль поднял паруса и полетел на север, в сторону города.

Намали и Измаила проводили в каюту капитана. Она располагалась прямо под мостиком. Пол каюты был прозрачным, и Измаил мог наблюдать с высоты в тысячу футов проплывающие под ним пейзажи его нового мира. Правда, он испытывал некоторые опасения: ведь этот пол казался таким непрочным. Кожа прогибалась при ходьбе, и Измаил с чувством облегчения опустился в кресло, прикрепленное к костяному шпангоуту. Каюта была небольшая и без двери. Очевидно, в Заларампатре уединение не было принято. Здесь же был стол из кости с небольшой ровной поверхностью. На нем капитан производил навигационные расчеты и делал записи в журнале. Журнал оказался толстенной книгой с тончайшими листами. Крупные буквы были записаны черными чернилами. Измаил никогда не видел таких букв, хотя побывал во многих странах.

Пока Намали устраивалась в каюте, слуга принес им обед — первый нормальный обед за долгое время. Они ели мясо кита, странное на вкус, но удивительно приятное, ели мясо других животных, какие-то зерна. Все было необычно, но вкусно. Из кожаных сосудов в кожаные кубки разливалась темно-зеленая жидкость...

И через некоторое время Измаил почувствовал себя прекрасным. Правда, при этом еще почувствовал, что язык у него стал заплетаться и сам он стал более развязан. После этого он решил,

что в будущем будет ограничивать себя в потреблении этого ликера.

Но ликер, казалось, не подействовал ни на капитана, ни на Намали. Они продолжали пить его, и только в их больших зеленых глазах разгорался внутренний огонь. Слуга убрал пустые блюда и принес еще нахамчиза. Измаил заговорил с Намали, но она быстро и выразительно взглянула на него. Капитан, похоже, рассердился, и тогда Намали сказала, улыбнувшись, что Измаил не знает правил, не знает, что корабль следует считать территорией Зала-рампатры.

Тем не менее слуга увел Измаила из каюты капитана. Он провел его по коридорам и лестницам, привел в маленькую каюту с одной стеной, где ему предстояло спать. Измаил повесил гамак, улегся, но не смог сразу уснуть. Корабль непрерывно трясло. Он то подскакивал, то проваливался в воздушные ямы. Измаил порадовался было, что избавился от непрерывной тряски почвы, но здесь оказалось ничуть не лучше. Корабль добросовестно отрабатывал все изменения плотности атмосферы. А Измаилу казалось, что такое огромное сооружение должно передвигаться по воздуху плавно...

Тем не менее он уснул. Он потихоньку привык к особенностям движения корабля. Но к хрупкости корабля, к тонким прогибающимся прозрачным полам привыкнуть будет сложно.

На третий день полета он впервые с того момента, как оказался в этом мире, увидел на западе дождевые облака. А через час ударил шквал. Это был очень сильный ветер, но не тайфун, и капитан приказал пока не спускать паруса. Огромный корабль при первом порыве наклонился на двадцать пять градусов и, кренясь, понесся, как хорошая скаковая лошадь. Измаил привязался к основанию мачты в самом низу корабля. Так ему приказал капитан, хотя Измаил не мог понять, почему именно здесь. Но затем понял, что во время шторма он бесполезен и на палубе будет только мешать, а тут он своим весом улучшает стабильность судна. Капитан решил использовать его как балласт.

Ветер становился все сильнее. Теперь он достиг силы тайфуна. Корабль продолжал нестись вперед, но его начало сносить к востоку. Ветер дул не постоянно, а порывами, резкими и мощными. А затем пошел дождь, ливень. Сверкали молнии, громыхали раскаты грома.

На корабле не было никаких навигационных приборов, даже компаса. Ведь для компаса нужен металл, а металл либо полностью отсутствует в этом мире, либо чрезвычайно редок.

Вполне возможно, подумал Измаил, что человечество уже израсходовало все запасы металла. Сколько тысячелетий прошло с 1842 года, когда Измаил был еще на Земле?

Но этот вопрос не имел смысла. Никто не мог на него ответить. Имелся только сам факт.

Капитан вел свой корабль по солнцу и луне, а ночью — по звездам. Теперь же, когда небо закрылось тучами, капитан стал слепым. В этой почти крошечной тьме он мог только отдаться на волю ветра. А если изменится направление ветра, капитан наверняка не заметит этого, а если и заметит, то ничего не сможет сделать.

Измаил сиротливо сидел на своем посту. На корабле не было ни механических, ни песочных часов, ничего для определения времени. Видимо, люди, живущие в конце Времени, совсем не заботились о нем.

Все эти дни полета Измаил большую часть времени сидел в своей каюте, изредка спал, если ему это удавалось, и видел только несколько матросов да кока, приносившего ему пищу. Во время бури он сам сходил на камбуз. Там был очаг, сложенный из брусков какого-то дерева, видимо, не подверженного действию огня. Топливом служил не китовый жир, как полагал Измаил, а масло, получаемое из летучих растений.

Измаил попытался поговорить с коком. Он всегда любил изучать характеры новых знакомых. Однако на этот раз ничего не вышло. Кок говорил мало, очень боялся бури и трясся при каждом порыве ветра.

Измаил вернулся на свой «пост» и долгое время пребывал в полусонном состоянии, просыпаясь только при очень сильных порывах ветра. Он был уверен, что «Руланга» — так назывался корабль — уже по меньшей мере трижды менял курс, и вполне вероятно, что корабль летит в противоположном направлении.

Он очень удивился, когда внезапно буря прекратилась, и облака рассеялись. Солнце находилось в зените. Матрос сказал ему, что за время бури оно дважды пересекало небосвод. Измаилу ничего не оставалось, как поверить на слово. Сейчас «Руланга» летел на северо-запад. Однако никто не знал, сколько раз за время бури он менял курс. Капитан Барашха объявил, что они сбились с курса, — это означало, что они заблудились. И только в конце дня им удалось выяснить, где же они находятся.

Прямо по курсу перед ними поднимались горы, такие высокие, что их вершины скрывались в темных небесах. Они были красноватыми, черными, серыми. Ветер и время основательно потрудились над ними.

Измаил во время обеда с капитаном и Намали спросил, высокие ли это горы.

Барашха посмотрел на примитивный водяной альтиметр и сказал:

— «Руланга» находится на высоте десять тысяч футов. Вершины этих гор выше нас на двадцать одну тысячу футов. «Руланга» мог бы перелететь через эти горы, но наверху нам не хватит воздуха для дыхания.

Значит, подумал Измаил, за миллиарды лет Земля потеряла часть атмосферы. Плато на вершинах этих гор когда-то было континентом, возможно Южной Америкой. А в Южной Америке были горы Анды. Насколько же высоки они? Там-то совсем нет воздуха. А может, Анды больше не существуют? Или это вовсе не Южная Америка? Ведь говорили же в его время, что континенты плавают, как фасоль в жидком супе.

Он смотрел на эти громадные утесы, и вот одна из скал беззвучно рассыпалась на мелкие глыбы, и через несколько секунд до него донесся грохот. Земной прилив. Медленно, а может, и не так уж медленно все высокое на Земле разрушается. Земля превращается в планету с плоской, как блин, поверхностью.

Капитан Барашха вытащил карту и определил местонахождение корабля. Теперь было ясно, в каком направлении следует лететь.

Измаил прихлебывал нахамчиз и смотрел вниз сквозь прозрачный пол. Прошедший сильный дождь устроил наводнения. Мертвые моря вышли из берегов и во многих местах соединились друг с другом. Если бы он очутился в этом мире сейчас, ему бы пришлось нырять на глубину пятнадцать футов, чтобы достичь джунглей.

Одно из морей, над которым они пролетали, оказалось красным, и Измаил спросил капитана об этом. Оказалось, что дождем сбило облако мелких красных животных, которыми питаются киты.

— Может, поэтому сейчас в небе не видно красных облаков? — спросил Измаил.

— Да. Дожди жизненно необходимы, они должны выпадать, иначе вся жизнь погибнет. Но, кроме добра, они приносят и зло. Теперь пройдет много времени, прежде чем восстановятся облака пищи для китов. Китам придется много голодать. Они похудеют. Другим животным тоже придется плохо из-за недостатка пищи. Зато акулы и другие хищники будут много есть в это время, так как большинство животных ослабеет. Акулы будут нести яйца. Много яиц. Их яйца будут носиться в воздухе, и ими будут питаться киты. Уцелееют лишь очень немногие яйца. Так что плохое тоже приносит кое-что хорошее. Пройдет время, созреют семена гигантских растений, которые растут далеко на западе. Они

взрываются и выбрасывают семена высоко в воздух. Это тоже пища для китов. И тогда все возвратится к тому положению, которое было до дождя.

Вскоре беседа перешла на другие темы. Измаил рассказал о мире, в котором жил, и о том, что произошло после того, как он встретился с Намали. При этом он не забывал, что не следует говорить о том, что он касался ее, и тем более о том, как они согревали друг друга ночью. Вероятно, она не преувеличивала, когда говорила, что Измаила убьют, если узнают, что он осквернил весталку. Под осквернением она, несомненно, имела в виду просто прикосновение.

После обеда капитан сказал, что они должны принести благодарность богам — покровителю «Руланги» Ишкавакарки и великому богу Зоомашматре. Они поднялись и торжественно прошли в комнату, прозрачные стены которой были расписаны религиозными сюжетами и символами.

На костяном алтаре стоял костяной ящичек. Намали заняла место перед алтарем, надела на голову костяную корону, украшенную изображениями сотен мелких красных животных, и запела. Измаил не понимал языка, на котором она поет.

Она учила его совсем другому языку.

Здесь уже была вся команда, за исключением тех, кто стоял на вахте. Все опустились на колени. Измаил тоже. Он не видел причин уклоняться от этого. Не впервые он поклонялся чужим богам. В его время на Земле было множество религий, множество божеств. Он даже принимал участие в молитве Йоджо, идолу дикаря Квикега, и без каких-либо неприятных последствий.

Он опустился на колени перед алтарем и посмотрел вниз, через прозрачный пол, прогнувшийся под его весом. Под ним были тысячи футов высоты. Никогда он не был так близок к вечности...

Намали повернулась, не прекращая пения. Она подняла ящичек. В нем находилась небольшая скульптура высотой фута два, сделанная из чего-то наподобие слоновой кости, но с красными, зелеными и черными прожилками. Это был полукит-получеловек: звериная морда, человеческое тело с хвостом кита вместо ног. От него исходил запах — сладкий, приятный и уж, конечно, одурманивающий.

Измаил выпил довольно много нахамчиза, и его слегка пошатывало при ходьбе. Но вдохнув этот запах, он почувствовал сильное головокружение. Сознание покинуло его, и он упал лицом вперед.

Он проснулся на полу, и под ним на расстоянии нескольких миль были полумертвые моря планеты. Когда он со стоном сел,

то увидел, что остался один. Голова у него болела так, будто он получил сильный удар молотком.

Идол был прикрыт ящичком, но запах в комнате все еще стоял.

Он, шатаясь, вернулся в свою каюту и лег спать.

Проснувшись, он захотел выяснить, что это за запах и почему он так подействовал на него, но поговорить было не с кем. Все были заняты. Все бегали и суетились. А причиной было то, что рулевой заметил стадо китов. Капитан решил, что с возвращением домой можно подождать — нужно добыть еще пищи. Иначе им не хватит еды на весь путь.

Измаил чувствовал себя хорошо и решил просить разрешения капитана участвовать в охоте, хотя понимал, что совершает глупость. Он рассказал, что охотился на морских китов и не видит никаких препятствий к тому, чтобы быстро приспособиться к охоте на воздушных.

— Крепкие руки нам нужны, — сказал капитан. — Но ты не должен вмешиваться в охоту в критический момент. Ты умеешь общаться с парусами, а единственная разница между твоим умением и нашим в том, что ты плавал в двух измерениях, а здесь нужно плавать в трех. Хорошо, ты пойдешь в лодке Каркри. Иди к лодке и получи распоряжения гарпунера.

В команде китобоя лишних людей не бывает, так как число мест очень ограничено. Но «Руланга» уже потерял человека, который выпал за борт. Затем, во время охоты за китом, погиб Рамварпа, а его товарищ сломал кости. Так что капитан, хотя и не очень охотно, но согласился на участие Измаила.

Гарпунер Каркри вовсе не имел такого мощного телосложения и развитой мускулатуры, как те гарпунеры, которых знал Измаил в своем мире. То были люди, похожие на львов. Но здесь, чтобы вонзить гарпун в тело воздушного кита, не требовалось мощной мускулатуры. Нужно было только знать, куда нанести удар. Череп воздушного кита обтянут кожей, но в черепе много мест, не защищенных костями — эволюция делала все, чтобы уменьшить вес, и убирала все ненужное.

Во время охоты лодка неслась параллельным с китом курсом, и гарпунер метал свое орудие в незащищенный участок черепа кита, так как известно, что все жизненно важные органы кита находятся в голове. Если содрать с кита кожу, то станут видны воздушные пузыри, прикрепленные к костям скелета.

Измаил думал об этом, забравшись в лодку. Ему казалось, что в воздушном ките недостаточно мяса, чтобы опасная игра стоила свеч. Гарпунер посмотрел на Измаила с подозрением, но не сказал

ничего. Матрос по имени Куяй объяснил Исмаилу его обязанности во время охоты и в случае сильного ветра.

И вот лодка выскользнула из чрева «Руланги» и устремилась в полет. Каркри приказал поднять паруса, а сам встал впереди. Паруса подхватили ветер, и лодка моментально обогнала «Рулангу». Исмаил и Куяй следили за парусами, причем Куяй не спускал глаз с неопытного новичка.

Каркри, отдав необходимые приказания, встал на свое место и объявил команде, что если появятся акулы, то их нужно тоже убивать.

— Нам нужно мясо. Мясо для нас и для животных, производящих газ. Даже если мы убьем одного кита, нам этого будет мало. Поэтому мы должны стараться добыть больше, пусть даже акул.

Лодка прошла мимо корабля. Исмаил увидел на палубе Намали. Он помахал ей рукой, и она ответила ему. Затем девушка исчезла.

Исмаил заметил, что люки корабля открыты, и спросил об этом Каркри.

— Сейчас корабль войдет в красное облако. Он будет захватывать мелких животных, как кит. Из них получается неплохой суп, а кроме того, мы используем их для украшений.

В воздухе были еще три лодки. Лодка Каркри устремилась за огромным китом. Куяй сказал, что это вожак стада. Он охраняет стадо сзади. Вожак летел, постоянно меняя курс, будто пытаясь не выпустить из вида все четыре лодки. Затем он нырнул в красное облако, и лодка Каркри устремилась за ним. Все матросы моментально накинули на головы прозрачную ткань.

И это было не лишним, так как тысячи маленьких существ облепили их. Исмаил запоздал, и ему пришлось отплеиваться, протирать глаза, чтобы избавиться от них. Каркри приказал, чтобы эти микроскопические существа сбрасывались на дно лодки. Исмаил, управляя одной рукой парусами, другой рукой выгребал из маски красных существ. Вокруг бушевал красный шторм, и гряда красных существ уже скопилась на дне лодки.

Внутри красного облака попадались области, совершенно свободные от красных существ. И тут тело кита казалось совершенно черным. Здесь было мало ветра, и паруса обвисли, как голодные животы. Однако потеря скорости компенсировалась тем, что кит, набивая живот, тоже терял скорость.

Лодка снова нырнула в красное облако, а когда вынырнула оттуда, то оказалась рядом с китом. Животное делало маневры, пытаясь избавиться от преследователей, точно так же, как делали их предшественники, морские киты, много тысяч лет назад.

Кит мог легко уйти от преследования, освободившись от балласта или выпустив газ. Но он не мог предполагать, что скоро гарпун поразит его в открытое место на голове, в девяти футах от глаза.

Каркри встал, широко расставив ноги, проверяя, правильно ли уложены кольца линя, затем поднял руку, призывая приготовиться.

Куяй тоже встал. Он раскрутил и швырнул прямо вверх короткую палку коричневого дерева. Она взлетела высоко над головой кита. В это же время с другой стороны головы животного взлетела другая палка. Обе палки вспыхнули одновременно и начали падать, оставляя после себя кольца дыма.

Это были сигналы о том, что лодки готовы. Кто бы ни бросил палку первым, ждал, пока сигнал даст вторая лодка, и не предпринимал до этого никаких действий.

Каркри встал поустойчивее, поправил линь, такой тонкий, что его почти не было видно, и швырнул гарпун. Острое орудие пронзило кожу кита и исчезло.

Каркри после броска упал на колено и поспешно закрепил себя привязным ремнем. Линь быстро сматывался с барабана. Это кит стремительно поднимался вверх, выпустив воду, которая служила ему балластом. Крылья он сложил так, чтобы они не мешали ему при подъеме.

Измаилу удалось взглянуть на гиганта только мельком. Ему сразу пришлось заняться парусами. Куяй маневрировал парусами на другой стороне мачты. Рулевой напряженно ждал рывка, когда весь линь смотается с барабана. Если линь не порвется сразу, то лодку потащит вверх.

Каркри сидел с ножом в руке, теперь ему было нечего делать до тех пор, пока кит не выдохнется, но следовало быть всегда готовым обрезать линь в случае опасности.

Измаил покончил с парусами и посмотрел наверх. Кит был далеко, но даже отсюда казался огромным. Вторая лодка неслась неподалеку. Они тоже напряженно ждали рывка. Гарпунер повернулся к ним, и на темном лице ослепительно сверкнули белые зубы.

Барабан крутился со страшной скоростью. И вот наступил момент, когда нос лодки вздернулся вверх и она стремительно понеслась за китом. Линь выдержал, хотя, на взгляд Измаила, он был очень тонким. Вторая лодка тоже летела вверх, увлекаемая китом.

Кит был выше их на две сотни футов. Внизу дрейфовало красное облако. «Руланга» на миг скрылся в нем, затем появился снова, борясь с ветром. Другие лодки были в миле от них и чуть ниже. Их тоже тащил кит.

Ветер свистел в снастях. Воздух становился холоднее, а небо темнее. Начал сказываться недостаток кислорода. Дышать стало трудно. «Руланга» отсюда казался палкой с парусами.

Каркри, несмотря на то, что не был физически крепким, крутил барабан — вставив в отверстие палку. Необходимо было как можно ближе подойти к киту, прежде чем он решится броситься вниз. Тогда при вираже кита будет меньше опасности врезаться в землю. Поэтому Каркри и гарпунер второй лодки быстро накручивали линии на барабаны. И только когда воздуха совсем стало не хватать, а дыхание превратилось в хрипение, они бросили эту тяжелую работу и закрепили барабаны. Другие матросы подходили по очереди и крутили барабан, пока не выдыхались полностью. Попробовал крутить и Исмаил, но он не был привычен к такой разреженной атмосфере и быстро выбился из сил. С трудом он добрался до своего места и посмотрел вниз. Лучше бы не смотрел! Где же «Руланга»?

Лодки постепенно приблизились к киту и теперь были в тридцати футах от его хвоста. Каркри окончательно закрепит барабан.

Исмаил задыхался. В глазах у него потемнело, разум помутился. Ему стало совсем плохо. Он надеялся, что остальные, более привычные к разреженному воздуху, присмотрят за ним. Возможно...

Он пришел в себя внезапно. Воздух свистел в ушах, и небо стало уже не таким темным. Лодка неслась почти вертикально вниз. Мертвое море сверкало отблесками красного солнца. «Руланга» был прямо под ними. Казалось, что кит несется прямо на него. Говорили, что бывало такое, когда кит не рассчитывал полета и врезался в корабль. Но сейчас они пронеслись в пятидесяти футах от «Руланги». Исмаил видел лица матросов на корабле, смотрящих на них. Матросы кричали, поднимали руки, некоторые молились богам о ниспослании удачи товарищам.

Прошло несколько минут, хотя они показались мгновениями. Земля стремительно расширялась под ними. Берега моря уходили в стороны, и под ними была только вода. Исмаил вспомнил, как искусно кит разбил лодку у него на глазах. Такое случалось иногда, хотя и крайне редко.

Обычно кит выходил из пике, оставляя достаточно пространства и времени, чтобы лодка могла удачно совершить маневр. Примерно двадцать футов. Нельзя сказать, чтобы это было много, — просто достаточно.

С оглушительным грохотом раскрылись крылья кита, едва не задев линь. Кит сбросил скорость. Лодка следовала за ним. Теперь Исмаил понял, почему разбилась та лодка. Гарпунер не сумел приблизиться к киту на нужное расстояние.

Куюй что-то крикнул. Возможно, это была молитва, хотя молиться в такой момент, когда требовались решительные действия, было неразумно. Кит начал выходить из виража. Лодка за ним. Измаила со страшной силой прижало к палубе. Боль пронзила его спину.

Море только что летело к ним — и вдруг отпрыгнуло в сторону. Они устремились в небо и затем снова к морю.

И тут Измаил понял, почему вскрикнул Куюй.

Второй кит, выходя из пике, направлялся к ним.

Столкновение, казалось, было неизбежным. И оно произошло. Голова кита ударила в заднюю часть головы другого кита. Хрупкие кости не выдержали удара...

Кроме того, удар пришелся и по линю. Измаила выкинуло из лодки, как из катапульты. Он летел, кувыркаясь в воздухе, и перед его глазами мелькали киты, лодки, земля, небо...

Он не помнил, как ударился о воду, однако понял, что вошел в воду ногами. Рот и нос стало невыносимо щипать. Измаил забил руками и ногами, чтобы выскочить на поверхность.

Он вынырнул из воды. В голове его немного прояснилось, и он увидел то, чего никак не ожидал увидеть. Он увидел черный саркофаг, покачивающийся на воде, будто плывущий по волнам Стикса и несущий тело Квикега. Для этого саркофага времени, казалось, не существовало.

Мелькнули тени. За саркофагом в нескольких сотнях метров рухнули два кита — один из них запутался во внутренностях другого.

Саркофаг тряхнуло первой волной, а следующей погнало к Измаилу.

Измаил посмотрел, где же лодки. Одна лежала на поверхности воды в нескольких сотнях ярдов от него. Было ясно, что у нее лопнули воздушные пузыри.

Измаил увидел в воде три головы матросов, плывущих к берегу.

Две лодки в воздухе постепенно снижались. Саркофаг медленно подплыл к Измаилу. Тот, цепляясь за выпуклости иероглифов точно так же, как проделывал это раньше, взобрался на него.

Человек, плывущий к нему, внезапно вскрикнул, вскинул руки вверх и исчез под водой.

Измаилу было ясно, что он не нырнул. И утонуть он тоже не мог — вода была слишком соленая. Человек должен был оставаться на поверхности в любом случае.

Что-то потащило его вниз. И через несколько минут Измаил понял, что этого человека что-то удерживает под водой.

До этого Измаил благодарил бога, что в этом море нет жизни. Он и сейчас не сомневался, что никто не может жить в этом концентрированном растворе соли. Нет, хищник конечно не из тех, кто дышит воздухом.

Измаил крикнул остальным о том, что случилось. Они быстро выбрались из воды, а Измаил стал грести, лежа на саркофаге. При каждом погружении руки в воду сердце его замирало. Вдруг острые зубы отхватят руку.

Но ничего не произошло. Он и все остальные выбрались из воды невредимыми. Они помогли вытащить саркофаг, и затем все взоры обратились на море. Тела погибших матросов исчезли. Значит тот, кто утащил под воду живого человека, не погнушался и трупами. Измаил спросил, кто бы это мог быть. Но никто из спасшихся не слышал о хищниках, живущих в мертвом море. Да и вообще о какой-либо жизни в мертвом море. Впрочем, они могли и не знать. Ведь в море они оказывались лишь изредка, в основном жизнь их протекала в воздухе.

Спустились две лодки. Оттуда сбросили канаты, за которые лодки были подтянуты вниз, и Измаил с остальными взобрался на борт.

Он с сожалением оглянулся на саркофаг: ведь это была его единственная связь с домом. А кроме того, возможно, это ключ к возвращению.

Если человек может оказаться в будущем, почему бы ему не совершить обратное путешествие? И может быть, эти загадочные письмена и есть тот самый ключ — непонятный способ переключения тумблеров времени?

На борту корабля Измаил попросил разрешения встретиться с капитаном. При встрече он спросил, нельзя ли послать лодку за саркофагом, чтобы поднять его на корабль. Сначала капитан Бараша категорически возражал против потери времени и энергии, но Намали поддержала Измаила, и капитан был вынужден согласиться с нею. Саркофаг — это предмет религии, сказала Намали, а в вопросах религии она имеет решающее слово. Измаил решил, что Намали сочла саркофаг её богом, но не стал сейчас выяснять этот вопрос. Объяснения могут подождать.

Две лодки подняли саркофаг, и вскоре он был установлен в центре тяжести судна. Его пришлось поднимать на двух лодках, связанных вместе. Подъем происходил очень медленно, и животные, генерирующие газ, поглотили большое количество пищи. Но все закончилось благополучно.

После того как были разделаны убитые киты, лодки снова покинули корабль. На этот раз началась охота за акулами. Те акулы,

что не были сразу убиты гарпуном, применяли ту же тактику подъема и спуска, что и киты, но с гораздо меньшим успехом — все-таки они были менее массивными и способность генерации газа у них была меньше, чем у китов.

После того как было добыто десять акул, корабль возобновил полет. Однако в дальнейшем при встрече с китами охота продолжалась, пока на корабле не были сделаны запасы пищи, достаточные для того, чтобы спокойно продолжать путь до Заларампатры.

Последний убитый кит принес охотникам долгожданную радость, и в другое время по этому поводу был бы устроен праздник.

В нем был найден круглый шар диаметром два фута черного, красного и голубого цветов. Он источал сильный аромат, вызывающий одурманивающее действие. Это был тот самый запах, который привел Измаила в бессознательное состояние в часовне бога Ишкавакарки.

Шар нашли в одном из маленьких желудков кита, располагающихся вдоль хребта. Намали объяснила, что изредка кит глотает маленькое воздушное животное вришванку. Еще более редко случается, что животное не выбрасывается китом вместе с экскрементами, а попадает в ответвление в кишках. Но если такое происходит, то пищеварительная система кита обволакивает постороннее включение некой субстанцией, подобно тому, как раковина-жемчужница создает жемчужину из попавшей в нее песчинки.

И в результате возникает вришкаю — огромное сокровище. Из него вырезают богов, которые устанавливаются в храмах, или продают в другие города, потерявшие своего бога в результате гибели корабля.

Намали во время своего путешествия с Измаилом много рассказывала ему о том, как рождаются боги. Она также рассказала ему легенду о том, что когда старые киты погибают, их плоть пожирается пузырями и тело кита возносится высоко в небо, так высоко, что небо там совсем черное, даже днем, а воздуха совсем нет. Эти тела дрейфуют там до тех пор, пока не взрываются пузыри, и тогда трупы китов падают — всегда в одно и то же место. Теперь там столько китовых скелетов, что их груды выше самых высоких гор. И конечно же, там можно найти очень много вришкаю.

Город, который найдет это кладбище китов, станет самым богатым и самым могущественным на планете.

И жители его всегда будут в состоянии дурмана, добавил про себя Измаил. Он представил себе город, где окажется множество богов из вришкаю, — жители его будут бродить по улицам, как лунатики.

Корабли многих городов, рассказывала Намали, пропадали во время поиска кладбища китов. Считается, что кладбище располо-

жено где-то возле восточных утесов, где водится много Пурпурных Чудовищ.

— Почему так считают? — спросил Измаил.

— Потому что еще ни один корабль, улетевший туда, не вернулся обратно.

Он поднял брови и улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься?

— Странно, что ты и твой народ ничем не отличаетесь от меня и моего народа. Самое существенное в человеке не изменилось за миллионы лет. Я не могу сказать, хорошо это или плохо. Но человек и раньше, и сейчас действует только так, чтобы его действия приносили ему пользу.

Время было для Измаила тем же, чем белый кит для капитана Ахава.

Наконец красное солнце скрылось за горизонтом, и наступила холодная черная ночь. Все шло, как обычно.

Дни сменялись ночами, хотя и не так быстро, как во времена Измаила. Измаил учился управлять воздушным кораблем, постигая особенности его конструкции. Большую часть времени он проводил среди матросов, но иногда обедал вместе с капитаном и Намали. То, что он принадлежал к совсем другому миру, неизвестному миру, родился под иным солнцем, подняло его над низшим классом, к которому он должен был бы принадлежать в этом мире.

Кроме того, вполне возможно, что они считали его не совсем в своем уме, хотя во многих отношениях он был вполне нормален. Им нравилось слушать его рассказы, хотя многое было им непонятно. Когда он говорил, что раньше воздух, по которому они летят на высоте тысячи футов, был водой, и эта вода была населена разнообразными живыми существами, они не могли поверить ему. Они не могли поверить и в то, что во времена Измаила земля тряслась чрезвычайно редко и очень короткое время.

Измаил не спорил с ними, как не спорил и с капитаном Ахавом. Разум каждого человека представляет собой маленькое обособленное королевство, в которое никто не имеет права насильственно вторгаться.

По мере того как «Руланга» приближался к Заларампатре, командой овладевали мрачные мысли. Люди говорили очень мало, в основном молчали. Они как будто искали внутри себя то, что может возместить им потерю, опустошение родной земли. Некоторые проводили много времени в часовне, где непрерывно молилась Намали и божество было извлечено из ящика. Измаил не мог ходить мимо часовни: едва ощутив аромат, он сразу испытывал головокружение.

Намали сидела на полу часовни, глядя на бога, склонившись к полу, голова почти касалась прозрачной кожи, на которой она сидела. Грива черных волос закрывала ее колени.

Но вот наступил момент, когда капитан вызвал всех на палубу. Они без перерыва летели весь день и всю ночь, а когда солнце неохотно показалось из-за горизонта, корабль был уже вблизи громадных гор, и в этих горах находился город Заларампатра.

Всеобщий вопль потряс корабль.

На месте, где красовался город, теперь были лишь груды развалин.

Измаил спросил, как могут люди жить в каменных пещерах, когда земля постоянно трясется и потолки каждую минуту могут обрушиться на голову.

Намали ответила, что люди не все время живут в каменных пещерах, которые используются в основном как склады, убежища и места поклонения богам. Пещеры — только нижняя часть города. Верхняя часть — это плавающие в воздухе жилища: дома, соединенные вместе и поддерживаемые в воздухе тысячами больших пузырей с газом. Плавающий город закреплен на месте с помощью канатов и связан с подземным городом с помощью лестниц.

Теперь здесь все было уничтожено. Нечто сломало лестницы, взорвало и сожгло остальное. Обугленные остатки валялись на склонах горы. Пещеры тоже были частично разрушены. Тут и там лежали осколки каменных глыб.

«Руланга» несколько раз проплыл над разрушенным городом, и наконец капитан решил бросать якорь. Матросы спрыгнули с корабля и закрепили канаты за кольца, вделанные в каменные плиты. Затем корабль подтянули к земле и выпустили газ из пузырей. Корабль лег на киль.

Половина команды, тридцать человек, осталась на корабле, остальные пошли исследовать развалины. Измаил удивлялся, как люди могли создать столь грандиозное сооружение прямо в теле горы и как оно не разрушилось от постоянных сотрясений земли.

Намали рассказала, что воду жители города собирали в период дождей в большие каменные бассейны. А когда она заканчивалась, то для питья использовали воду растений.

Измаил поблагодарил ее за информацию, а затем спросил, почему она командует отрядом, высадившимся с корабля, в то время как лучше было бы оставить единственную уцелевшую женщину на борту. Она ответила, что члены семьи Большого Адмирала имеют больше прав, чем любой человек. Но зато у них

и много обязательств перед остальными смертными. Пока она здесь единственный член семьи Большого Адмирала, она должна нести бремя предводителя и возглавлять самые опасные мероприятия.

Измаилу эти доводы показались непонятными. Если они собираются снова жить в Заларампатре, то нужно беречь женщин, чтобы они могли рожать детей.

Они перелезали через груды камня, обгоревших кусков дерева, обходили завалы и глубокие трещины в земле. Картина разрушения была ужасна.

Однако нигде они не нашли никаких останков людей.

— Чудовище съедает все, — сказала Намали. — Кости, мясо, внутренности. Оно разрушает город, а потом своими ужасными щупальцами обшаривает все и уничтожает оставшихся в живых. Когда оно съедает все, оно засыпает. И затем улетает на поиски других жертв. За мою жизнь чудовище уничтожило три города: Авастию, Пракхамаршри и Манарикаспа. Оно прилетает, убивает, пожирает, не оставляя никого в живых.

— Но бывает, что кто-то все-таки остается? — спросил Измаил. Он заметил грязно-белые полосы и решил, что их оставило чудовище.

— В Авастии и Манарикаспе не осталось никого. В Пракхамаршри остались в живых женщина и двое детей. Они спаслись, потому что вход в их убежище был завален обломками.

— Возродились ли эти города к жизни, когда вернулись китобойные суда?

— Только Пракхамаршри. На кораблях были дочери Большого Адмирала. Но их было мало. На город обрушивалось одно несчастье за другим, и там не осталось женщин. Тогда мужчины погрузились на корабли и улетели. Над соленым озером они бросили в воду изображения богов и прыгнули сами. Они погибли, а корабли без людей медленно плыли за горизонт. В конце концов они также разбились.

Массовое самоубийство, подумал Измаил. Странно, что человечество, в котором существуют такие обычаи, еще не вымерло. Да, под этим красным солнцем явно живет немного людей.

Отряд медленно шел среди развалин. Вокруг не было ничего, кроме печальной картины опустошения. Вдруг до них донесся крик, и из полужасыпанного отверстия показалась голова. Затем еще одна. И еще. Одна женщина, один мужчина и две девочки спаслись от чудовища.

Они спаслись и от людей Бурангаха, которые пришли в город, когда чудовище оставило его.

Эти счастливицы укрылись в глубокой пещере, где были запасы еды и воды. Им повезло, так как нападение чудовища было внезапным, казалось, оно набросилось на город со всех сторон.

— И потом, — рассказывал мужчина, — прилетели корабли Бурангаха. Была ночь, и я тихонько вылез из пещеры. Люди Заларампатры! Намали, дочь Большого Адмирала! Эти люди хвастались, что сумели заманить чудовище к нашему городу. Их корабли заметили его, когда оно направлялось к Бурангаху. Может, оно напало бы на город, а может, пролетело бы мимо. Кто знает? Чудовище дрейфует, как облако. Иногда оно меняет направление и плывет к городу. Тогда город обречен. Но китобой Бурангаха подогнали китов к чудовищу, правда, потеряв при этом два корабля, которые полетели слишком близко. Наконец Кахамауду полетел за ними и...

— Как? — спросил Исмаил. — А я думал, что у Кахамауду нет крыльев.

— Оно меняет направление полета с помощью взрывов, — ответила Намали. — Извергает огонь из отверстий в своем теле. Вот так же оно нападает на город: со взрывами, огнем, дымом, грохотом.

— Животное, которое взрывает порох и швыряет бомбы? — спросил Исмаил. При этом он использовал английские слова, так как подобных слов не было в языке народа Намали.

— Чудовище стреляет огнем и дымом и бросает камни, которые взрываются, — сказала Намали. — Люди Бурангаха говорили, что это идея их Большого Адмирала. Его имя Шамавашра. Помните это, граждане Заларампатры! Шамавашра! Это он уничтожил наш город!

Исмаил подумал, что этот Шамавашра сделал то, что сделали бы и люди Заларампатры, если бы додумались до такого.

— Люди Бурангаха говорили, что это была трудная работа — заманить сюда чудовище. Они даже потеряли корабли. Но теперь они попытаются натравить Кахамауду на всех своих врагов. Тогда им будет нечего бояться, так как на земле останутся они одни. Они собрали всех наших богов и великого бога Зоомашматру, погрузили на свои корабли и улетели.

При этих словах крик вырвался у всех. Намали рыдала, остальные рвали на себе одежды и наносили себе раны.

— У нас нет богов! — кричала Намали. — Заларампатра лишилась бога. Все наши боги в плену Бурангаха.

— Мы погибли! — кричали матросы.

Тот человек, который спасся, сказал:

— Они говорили, что еще вернутся сюда, чтобы убедиться, что мы не создали нового города. Они хотят напасть на тех, кто

вернется сюда, и увезти в рабство. Здесь не должно быть ничего. Только воздушные акулы должны рыскать над печальными развалинами, тщетно ища себе поживу.

— Мы беспомощны без наших богов! — вскричал кто-то.

Больше выживших не нашлось. Вернувшись на корабль, Намали сообщила печальные вести команде. Капитан посерел лицом и в глубочайшем горе нанес себе такую рану, что чуть не умер от потери крови.

Пока они не прилетели в город, у них была надежда, что, как бы ни была ужасна ситуация, город возродится вновь. В конце концов, боги ведь все еще были с ними. Пусть они позволили страшному бедствию обрушиться на город, но не допустят, чтобы погибли все, кто поклонялся им.

Им при этом не приходило в голову, что и Авастия и Манарикаспа погибли. Их боги допустили смерть тех, кто поклонялся им.

Теперь же положение жителей Заларампатры стало безнадежным. Даже прибытие остальных китобойных кораблей не улучшит положения, вновь прибывшие лишь придут в глубокое отчаяние.

Прошло шесть дней. Люди постепенно приходили в себя. Им нужно было охотиться, чтобы добывать себе пищу. Капитан Барашха умер от занесенной в рану инфекции и от нежелания жить. Его корабль поднял тело капитана высоко в небо, и после короткой церемонии труп по доске соскользнул за борт.

— На кораблях есть боги, — сказал Измаил. — Почему же...

— Они имеют силу только на корабле, — ответила Намали. — Это слабые боги. Нет, нам нужны боги города. Нам нужен главный бог, Зоомашматра.

— Иначе вы все умрете? — спросил Измаил.

Она не ответила, но по выражению ее лица Измаил все понял. Все они сейчас сидели вокруг костра в одной из восстановленных пещер. Костер был маленький и совершенно бездымный. Свежий воздух проникал в пещеру, освещенную факелами, через отверстия в потолке. Стены пещеры тряслись.

Измаил сидел вместе с Намали, ее пятью прибывшими сестрами и капитанами кораблей. Вокруг другого костра сидели старшие помощники. Вторые помощники сидели возле третьего костра, а остальные находились в соседнем помещении.

Измаил задумался, сколько же людей осталось на Земле. Если у них у всех такой склад ума, то они будут часто оказываться в ситуации, когда легче умереть, чем жить. Неужели так происходит везде? Неужели человечество так долго путешествовало сквозь время, что смертельно устало от этого путешествия, потеряло волю к жизни? Вероятно, красное солнце и приближающаяся к Земле

луна постоянно напоминают людям о том, что конец близок и неотвратим.

А может, только эти люди, живущие на бывшем дне Тихого океана, такие фаталисты? Может, где-нибудь в другом месте живут люди, обладающие непобедимым желанием жить, каким обладали люди, жившие во времена Измаила?

Измаил посмотрел на Намали и разозлился. Нет, это неправильно, что такая красивая девушка добровольно отдает себя смерти, и все из-за каких-то кусков вонючего вещества.

Он встал и громко обратился ко всем. Остальные, сидя на корточках, смотрели на него выжидательно. Он вдруг понял, что все они надеются на то, что он, чужестранец, человек, не связанный их обычаями, традициями, законами, даст им мужество, даст им то, чего у них самих нет.

— Когда вы охотитесь за огромным китом, — говорил он, — вы не трусы. Я знаю это. Трус не сядет в хрупкую лодчонку, не приблизится к чудовищу и не полетит за ним на привязи вверх и вниз с такой скоростью, что смерть каждое мгновение будет, как ветер, свистеть у него в ушах. И я уверен, что если придется сражаться с другими людьми, вы будете храбрыми воинами.

Он помолчал, поглядел на них и увидел, что женщины смотрят на него, а мужчины опустили глаза.

— Но, — продолжил он еще громче, — вы нуждаетесь в чем-то постороннем, вне вас, чтобы оттуда черпать свое мужество. Вам нужны ваши боги, чтобы вы могли поступать, как мужчины. Мужество вдыхается в вас извне. Оно не живет внутри вас и не дышит в вашем сердце, не делает его горячим, как угли этих костров!

— Этим миром управляют боги, — сказала Намали. — Что мы можем сделать без них?

Измаил помолчал. Действительно, что они могут сделать? Ничего, если он первым не сделает что-нибудь для них. Но он так привык к роли зрителя или актера, играющего второстепенные роли... Он даже испугался при мысли, что теперь ему придется играть главную роль.

— Что мы можем сделать без богов? — переспросил он. — Вы можете сделать все то же, что делали, когда боги были с вами. — Затем он перефразировал слова древнего философа, которому даже и не снилось, что его будут цитировать в конце Времени под угасающим солнцем. — Когда-то ваши боги не существовали! Вы сами создали их! Ваша собственная религия говорит об этом. Я спросил Намали, почему вы не можете снова создать богов, если вы это уже делали раньше? Но она ответила, что то, что можно было сделать раньше, теперь нельзя. Отлично! Но ваши боги не

уничтожены! Их просто нет! Их украли! Почему бы вам не вернуть их себе? Пусть даже украсть — и обрести их снова? В конце концов, бог есть бог, даже если он не находится в доме того, кто поклоняется ему. И кто знает, может, Зоомашматра специально допустил это, чтобы проверить вашу веру. Если вы найдете в себе мужество и вернете его себе, значит, вы выдержали испытание. Но если вы будете сидеть возле костров и ждать, пока горе убьет вас окончательно, вы обречены.

Намали поднялась:

— Что ты предлагаешь?

— Вам нужен предводитель, который будет думать не так, как вы. Я поведу вас. Я сделаю новое оружие, которое люди не знали долгие века. Если же я не найду нужных материалов, нам придется быть хитрыми, коварными и мужественными. Но я требую плату за то, что поведу вас.

— Какая твоя цена? — спросила Намали.

— Вы сделаете меня Большим Адмиралом, — заявил Измаил.

Он не стал добавлять к этому, что ему нужен дом. Хотя за свою жизнь достаточно напутешествовался — с него было достаточно.

— А ты, Намали, будешь моей женой.

Капитаны не знали, что сказать. Впервые чужак требовал, чтобы его сделали Большим Адмиралом. Разве он не знает, что этот титул наследственный? А если Адмирал не имеет наследника, то Большой Адмирал выбирается из лучших капитанов.

И как он осмелился потребовать Намали, дочь Большого Адмирала, себе в жены?

Намали, однако, не выразила негодования. Измаил понял, что его предложение допустимо.

Он нравился ей. Может быть, она даже любит его. Хотя она ничем этого не выдавала. Он уже знал, что девушки этого народа очень хорошо владеют своими чувствами. Она ведь никому не сказала о его попытке поцеловать ее и о том, что они вместе спали ночью. И хотя вполне возможно, что она просто не желала губить его, ему все же хотелось думать, что это была не просто жалость.

Долгая тишина. Люди смотрели на Намали и видели, что она не оскорбилась. Тогда они посмотрели на Измаила и увидели пред собой сильного мужчину, который ничего не боится.

Наконец Даулхашра, ставший первым капитаном после смерти Барашхи, поднялся. Он осмотрелся и сказал:

— Заларампатра умрет, если не получит новую кровь. Ему нужен этот чужак, который объявил, что пришел из далекой древности. Может быть, он послан богами. Если отвергнем его, нас всех ждет смерть. Я считаю, что он должен стать Большим Адмиралом.

Так Измаил, никогда не претендовавший ни на что особенное, стал Большим Адмиралом.

И с этого момента его мужество словно бы вселилось в людей этого времени. Они больше не сидели с опущенными головами, тихо скорбя. Теперь они ходили, гордо подняв голову, говорили громко, много смеялись. Но это не продлится долго, понимал Измаил, если он не поддержит их словом и делом. Он совершил поход в джунгли, чтобы найти гхайашри — растение, которое при горении выделяет много тепла и дым которого напоминает дым от каменного угля. Измаил собрал много этих растений. В огромной пещере он сложил все в большую печь, которую матросы сделали по его указанию. После этого стал жечь растения и конденсировать дым, который при охлаждении превращался в жидкость. Работы было много. Все матросы таскали из джунглей топливо.

Прилетели еще два корабля, и потребовалось некоторое время, чтобы убедить вновь прибывших, что бледнокожий сероглазый чужак стал Большим Адмиралом.

Измаил ждал, что он и Намали скоро поженятся. Но потом понял, что это произойдет только после освобождения Зоомашматры.

Большой Адмирал никогда не женится, пока не совершит Великого Деяния. Обычно таким подвигом считалось загарпунивание десяти китов или двадцати акул в день, нападение на вражеский город или корабль и захват их.

Чтобы доказать свое право на эту роль, Измаилу нужно было совершить нечто, чего еще никто не совершал.

Он приказал построить корабль вдвое больше любого из имеющих. Как обычно, жители Заларампатры не спешили выполнять приказ, не узнав, для чего это нужно.

— Ясно, что большой корабль не нужен для охоты на китов, — сказал Измаил. — Это будет военный корабль. С его помощью я хочу уничтожить целый город. Его нужно построить как можно быстрее, так как я хочу, чтобы он вылетел раньше остальных кораблей. Он будет очень нагружен и полетит медленно.

Затем наступило время подготовки остальных кораблей к рейду. Люди тренировались к походу на Бурангах. В городе делались запасы продовольствия.

Сестры Намали настаивали на том, чтобы тоже идти в поход. В противном случае, говорили они, счастье отвернется от воинов.

Измаил спорил с ними. Если корабль погибнет, например, потерпит крушение, с ним погибнут и будущие матери. И тогда потребуется много времени, чтобы город возродился вновь. А если погибнет много женщин, то возрождение вообще станет невозможным.

Измаил, разумеется, был прав. Но традиции были против него. И традиции, как всегда, победили. Полетели не только все сестры — сама Намали заняла место на флагманском корабле.

Измаил понял, что спорить с ними бесполезно. Он и так сделал больше, чем мог. Если спорить дальше, то он просто устанет чисто физически и потеряет свой авторитет.

Он работал, как все, и даже больше. Спать ему приходилось совсем мало. Особенно трудно для него было уснуть днем, так как мешал свет. Странно, что люди за столько тысячелетий сохранили обычный восьмичасовой цикл отдыха и деятельности. Удлинение дня и ночи не повлияло на этот цикл. Поэтому сейчас приходилось спать часть дня и работать часть ночи. Однако вскоре Измаил приспособился и к этому.

И наконец настал день, когда громадный корабль был построен, нагружен запасами пищи и бомбами. Десять человек составили его команду, и «Бубарангу» медленно поднялся в воздух и полетел на северо-запад. Его целью был Бурангах, находившийся в тысячах миль отсюда.

Четыре корабля последовали за ним через пять дней, что составляло двадцать дней по времени, когда солнце было ярко-желтым.

Измаил командовал «Рулангой» — флагманским кораблем. Они летели по направлению к группе гор, которые Измаил считал Гавайскими островами, хотя вполне возможно, что он ошибался — за столько лет земной ландшафт мог измениться — одни острова могли возникнуть, другие — исчезнуть. Передвигаясь со средней скоростью десять узлов, флот мог достигнуть цели за двести часов, но Измаил приказал, чтобы запасы пищи на кораблях были минимальными. Он хотел привезти максимум бомб и другого оружия. Поэтому пришлось по пути охотиться на китов для пополнения запасов. А затем они догнали «Бубарангу», и им пришлось спустить часть парусов, чтобы присоединиться к ней. И когда до Бурангаха оставалась всего сотня миль, они начали опускать круги, чтобы дожидаться ночи.

При этом они внимательно следили за горизонтом, так как в любой момент могли быть застигнуты китобойными судами противника. Наконец красное солнце опустилось за горизонт, напоследок осветив вершины гор, которые были целью Измаила и его войска.

Капитаны собрались на флагманский корабль для последнего совета. Измаил хотел, чтобы каждый хорошо понял свою задачу.

После совета все выпили нахамчиза и разошлись. Капитаны были бледными, но полными решимости. Существование их

народа зависело от них. От них, а не от богов, которые народ потерял.

Более того, если они попадут в плен, их ждут ужасные муки. Враги знали, как причинять боль своим пленникам и как отдалять их смерть.

Будто схваченное за горло солнце, повисев над горизонтом, скрылось за горами. В безлунной ночи корабли поплыли к своей цели. Через час взошла луна и залила мир болезненным сиянием. Корпуса кораблей и их паруса были выкрашены в черный цвет, чтобы не выдавать себя в ночи.

Вблизи Бурангаха все корабли, кроме флагманского, стали делать маневры, чтобы окружить город. Корабли поднялись вверх настолько возможно. Матросы дышали сквозь маски, в которые подавался не разреженный воздух. Это изобрел Измаил. Через час, который отмерили песочные часы, тоже сделанные Измаилом, корабли должны были начать спуск. Они должны были делать это медленно, пока не увидят сигнал, а после этого следовало выпускать воздух из пузырей.

«Руланга» летел прямо вперед, постепенно снижаясь. Примерно в двадцати футах над землей он выравнился по горизонтали, медленно и спокойно скользя по ветру. Затем «Руланга» бросил якоря, которые зацепились за растения, и остановился у подножия горы, под выступом, на котором расположился вражеский город.

Над ними взад-вперед летали корабли-патрули, охранявшие город. Но они были слишком высоко, чтобы обнаружить «Рулангу».

Измаил переоделся в черную одежду, выкрасил лицо черной краской. Через некоторое время к нему присоединилась и Намали, также переодетая и перекрашенная. Измаил отдал последние приказы Наваштри, своему первому помощнику, который должен будет командовать кораблем в его отсутствие. Затем Измаил и Намали сели в лодку, и с ними были еще шесть человек. Каждый имел при себе длинный нож, сделанный из стебля растения, напоминавшего бамбук. Пузыри были предварительно наполнены, чтобы обеспечить быстрый подъем лодки. На дне лодки лежало и другое оружие: короткие копья и луки со стрелами. Измаилу долго пришлось убеждать своих подданных, чтобы они сделали луки. Люди знали, как их делать, но очень давно отказались от них, не пользовались ими. Однако Измаил сумел уговорить их, сославшись на то, что этого хотят боги.

К этому времени Измаил уже пришел к выводу, что этих людей всегда следует убеждать именно так, ссылаясь на богов. Он поступал так, будто получал приказы от богов и просто передавал их людям. И люди подчинялись этим приказам. Возможно, это получа-

лось потому, что люди сами хотели верить, что боги еще не окончательно покинули их.

Наконец настало время, когда лодка Измаила и пять других лодок начали подниматься вверх. Они поднимались со спущенными парусами, и вскоре над ними возникла каменная преграда — горный уступ. Каркри, который управлял маневрированием лодки Измаила, начал выпускать газ, чтобы замедлить подъем. На других лодках стали делать то же самое.

Эти люди родились в воздухе. Порции выпущенного газа они отмеряли почти автоматически, и лодки постепенно замедляли скорость подъема. И вот они поднялись до уступа. Люди легли на спину и, находясь под уступом, упираясь руками, стали медленно перемещать лодки к краю уступа.

Это была трудная работа, так как уступ был довольно широким. При этом они боялись порвать кожу, очень прочную, но тонкую.

Измаил слышал тяжелое дыхание людей на своей лодке. Справа и слева от него слышалось то же самое. Правая лодка находилась всего в шести футах от него, но в темноте Измаил видел лишь ее смутный силуэт.

Баргаяма, третий помощник, тихо воскликнул:

— Здесь какая-то дыра!

— Большая? — спросил Измаил. Он надеялся, что это отверстие одной из вентиляционных шахт.

— Довольно большая, но на ней деревянная решетка.

Измаил отдал приказ, и его лодка стала приближаться к этому отверстию. У него было два плана проникновения в город: один — это попасть в город сверху, и второй — проникнуть туда через вентиляционную шахту, если ее удастся найти в темноте и она будет достаточно большой, чтобы мог пролезть человек.

Намали говорила ему, что еще никто и никогда не попадал в город таким образом. Однако это не казалось невозможным. Тем более что и жители города думали об этом, так как все шахты были закрыты решетками и иногда возле них выставлялась охрана.

Когда его лодка подошла к отверстию шахты, Измаил схватился за решетку и потянул. Она не поддавалась. Просунув руку между прутьями решетки, Измаил обнаружил, что она закреплена веревками. Другие концы веревок, скорее всего, закреплены на решетке, закрывающей выход из шахты. Возможно, если попытаться сорвать решетку, веревки приведут в действие механизм, включающий сирену.

Чтобы избежать этого, Измаил привязал к палке нож и перерезал веревки. Затем осторожно снял решетку и, зацепившись за

веревку, спускающуюся из люка, полез вверх. Через некоторое время он решил, что удобнее лезть, упираясь руками и ногами в стенки хода. Подъем был довольно трудным, и он содрал бы кожу со спины, рук и ног, если бы на нем не было одежды из тонкой, но прочной кожи. Тем не менее, когда он добрался до верха, вся его одежда превратилась в лохмотья. Он задыхался и дрожал от напряжения. Возле верхней решетки Измаил подождал, пока у него не установится дыхание. Он прислушался: ничего опасного, только кровь стучала в висках.

Следующая решетка поддалась со страшным скрипом, который болезненно отозвался на его напряженных нервах. Он выждал немного, а затем высунул голову, ожидая удара каменным топором. Но никто не подстерегал его. Он осмотрелся. Пещера, вырубленная в камне. И в ней ничего, кроме нескольких ящиков в углу.

Измаил выбрался из люка и лег на пол, который слегка содрогался под ним. Выждав некоторое время, он поднялся, подошел к двери и выглянул. Никого. Тогда он вернулся к люку и сбросил веревку. Снизу дернули. Измаил сел возле люка, крепко держа веревку и упираясь ногами в камни. Вскоре из люка показалась Намали. Она помогла ему держать веревку, пока не выбрался Каркри.

Затем Каркри стал держать веревку, по которой взбирались другие воины.

Измаил взял небольшой факел, который находился в сумке Намали, зажег его и начал обследовать пещеру, в которую они попали. Он обнаружил несколько коридоров и лестниц, но решил не идти дальше, а подождать, пока соберется весь отряд.

Это был довольно медленный процесс. И когда наверх забрались все, внизу осталась лодка с тремя матросами. Они будут ждать три часа. Если к этому времени никто не вернется, лодка должна вернуться на «Рулангу», и тогда вступит в силу второй вариант плана.

Измаил повел отряд из пещеры наверх. Они шли по длинным коридорам.

Бурангах был выстроен так же, как Заларампатра. Вскоре они оказались там, где на стенах пещер были закреплены горящие факелы и в помещениях спали люди.

— Это рабы, — прошептала Намали.

Пещеры, где не было людей, были заполнены ящиками. Такие же ящики находились и в коридорах. Очевидно, их должны были занести в пещеры. Они шли дальше. Конечно, можно было бы перебить рабов, но при этом существовала вероятность, что кто-нибудь проснется и вскрикнет. К тому же рабы редко вступались за своих хозяев во время нападений.

Отряд быстро продвигался вперед: люди поняли, что этот город построен так же, как и их город, поэтому надеялись быстро найти ход в замок. Они дошли до поворота, а дальше Измаил пошел с двумя воинами. Они шли без факелов, держа наготове ножи. Другие остались их ждать. Коридор, по которому шел Измаил, был темным. Он прошел по нему до конца и увидел лестницу, ведущую наверх. К нему подтянулись остальные из их отряда. Намали сказала, что ждала этого, так как в их городе то же самое.

— По этой лестнице можно войти в замок богов, но...

— Что «но»? — спросил Измаил.

— Много-много лет назад, когда не родились еще мои прапрадеды, один заларампатриец бежал из Бурангаха. Он рассказывал очень странные истории. Он говорил, что замок богов в Бурангахе охраняют не люди, а чудовища, которых не мог убить основатель Бурангаха. Поэтому он оставил чудовищ для охраны замка...

— Сейчас не время слушать сказки, — перебил ее Измаил, но когда он поднялся по лестнице, то понял, что их ждет что-то необычное.

Коридор, куда он попал, был ярко освещен, через каждые шесть футов в стенах коридора были установлены факелы. Конец коридора можно было видеть, и там в свете факелов что-то сверкало.

Измаил остановился у поворота. Холодный воздух коснулся его лица, как рука трупа. В нижней части стены коридора виднелось много отверстий диаметром дюймов шесть. Видимо, вентиляционные отверстия, подумал он.

Измаил собрался с духом и пошел вперед. Остальные шли за ним, готовые к бою. Они приближались к тому месту, где их мог встретить вооруженный враг. В конце коридора оказалось прямоугольное отверстие в семь футов высотой и в шесть шириной. Отверстие было затянуто паутиной, сверкающей в свете факелов, будто в паутине запутались пластинки слюды.

— Что это? — шепотом спросил Измаил.

— Не знаю, — ответила Намали.

Измаил взял из рук воина факел и подошел вплотную к паутине, стараясь заглянуть сквозь нее. Факел отбросил тени нитей паутины на пол, но за ними была крошечная тьма.

Измаил колебался. Паутина казалась такой непрочной, что было непонятно, зачем она здесь. Какую защитную роль она играет? Может, колебание паутины включит сигнал тревоги или привлекает поджидающего хищника? Но долго стоять здесь было бессмысленно. А если люди заметят его нерешительность, они потеряют веру в него, а ведь только она привела их сюда.

Измаил поднес факел к паутине, и та моментально сгорела. Пластинки слюды упали на пол, как металлические хлопья.

Из тьмы донесся какой-то глухой звук. Держа факел перед собой, Измаил пошел вперед. Свет факела вырвал из темноты очертания очень большого помещения. Потолок был так высок, что терялся во тьме. Под ногами у Измаила был гладкий каменный пол.

Воздух был неподвижным, влажным и теплым. Однако в стенах не было заметно вентиляционных отверстий.

Отставшие люди подошли и сгрудились за ним. Еще четыре факела осветили внутренность помещений, загнав тьму в дальние углы. Но потолка не было видно и теперь...

Он услышал позади голос Намали:

— Говорят, что когда основатель Бурангаха привел сюда свой народ, он обнаружил, что здесь уже живут люди, вернее, жили. В стенах были вырублены пещеры, в которых жили странные животные. Прежние обитатели пещер либо вымерли, либо были убиты зверями. Герой Бурангах убил некоторых зверей, но многие оказались ему не под силу. Поэтому он завалил пещеры, а его народ вырубил в скале новые.

— В легенде есть доля истины, — сказал Измаил. — Но если звери в этих пещерах, то они, можно сказать, на свободе. Не может же паутина удержат их.

— Не знаю, — ответила Намали. — Может, паутина имеет какой-то запах, которого мы, люди, не ощущаем. Возможно и другое объяснение.

Их шепот, казалось, мечется в вечной ночи, как летучие мыши. Тишина и темнота пещеры как будто поглотили все: и свет, и звук. Казалось, дай им волю, они поглотят и людей. Измаил поднял факел и шагнул вперед. Он знал, что слишком плохо знаком с этим миром. Хотя он многое видел и ко многому привык, наверняка было здесь еще много такого, чего он не знал и к чему не был готов, так как не понимал природы явлений.

Он шел вперед. Факелы были как горящие корабли, плывущие в ночи. Тьма отступала перед ними, но смыкалась за их спинами. И тишина, глухая тишина.

Через некоторое время Измаилу показалось, что темнота дышит. Казалось, что темнота сама живое существо, громадное животное, не имеющее определенной формы и существующее везде вокруг них.

Измаил оглянулся. Входное отверстие снова светилось. Паутина!

Она снова затянула отверстие!

Намали, тоже оглянувшись, ахнула.

Остальные тоже повернулись.

— Возможно, этот паук плетет паутину с огромной скоростью, — сказал Исмаил. Он постарался сказать это со спокойствием и уверенностью, хотя не ощущал ни того, ни другого.

Он повернулся и снова пошел вперед. Главное — не удариться в панику и не броситься обратно. Может быть, тот, кто снова сплел паутину, только этого и ждет. В любом случае нужно идти только вперед.

Что-то просвистело возле его головы. Он отмахнулся от этого факелом. Что-то круглое, серое, с шестью короткими тонкими ногами и круглой головой с большим глазом и щелеобразной пастью, в которой сверкали длинные острые клыки, метнулось от него в темноту. Тело животного было величиной с человеческую голову. Что-то тонкое тянулось из его спины. Исмаил понял, что это нить, шнур, другой конец которого тянется к потолку, невидимому в темноте. Это существо прыгнуло на него сверху из темноты.

Он сказал:

— Пригнитесь и смотрите вверх!

Затем добавил, опустившись на колени:

— Не кричать, что бы ни произошло!

Может быть, эти существа были безвредными. Может, они просто играют роль сторожевых собак. Пугают пришельцев, чтобы те подняли крик и тем самым привлекли внимание людей.

Еще одно существо так внезапно выскочило из темноты, что защититься было невозможно. Оно схватило всеми шестью лапами голову матроса, стоящего рядом с Исмаилом. Человек упал от толчка, и его копье загремело на каменном полу. Другой матрос всадил свое копье в зверя, и тот, раскинув ноги, упал с головы жертвы. Существо лежало на полу, дрыгая ногами.

Матрос уже не встал.

Исмаил потряс его, затем приложил ухо к груди.

— Он умер, — сказал он.

На шее матроса виднелись три красные метки в тех местах, куда вцепились когти зверя.

Снова что-то серое вынырнуло из темноты. Матрос успел всадить в него копье. Существо вырвало копье из рук человека, но само упало на пол мертвым.

Еще тридцать секунд, и новое нападение. На этот раз существо пронеслось у них над головами и исчезло в темноте.

По способу нападений было ясно, что эти существа как будто висают с потолка на нитях.

Исмаил медленно сосчитал до двадцати, а затем приказал всем отскочить в сторону. И через десять секунд после этого маневра

снова пролетело такое же зловещее существо. Оно пролетело ниже, чем в первый раз, но никого схватить ему не удалось из-за того, что все переместились.

Вероятно, их тут были тысячи, но все они делали нападение с интервалом в тридцать секунд.

Измаил швырнул факел высоко в воздух. Он летел, рассыпая искры и освещая только пустоту, пока не достиг максимальной точки подъема. И тут Измаил увидел какую-то серую массу, из которой тянулись нити. Потолка по-прежнему не было видно.

Измаил не смог разглядеть, но предположил, что нити крепятся к спинам круглых существ с шестью конечностями. Серая масса, которая вбирала в себя все эти нити, по-видимому, управляла длинной нитей и, следовательно, расстоянием полета.

Те существа, которых осветил факел, видимо, были парализованы его светом. Но когда снова погрузились в темноту, продолжили нападения. И каждый раз интервал составлял тридцать секунд.

Измаил тихо приказал команде бежать за ним и в точности повторять его движения: прыгать в сторону, останавливаться, падать на пол.

Отсчет он начал с пятнадцати, решив, что пятнадцать секунд ему хватило, чтобы дать указания. При счете тридцать он прыгнул к упавшему факелу и распластался на полу.

Серое шестиногое существо пролетело над ними и исчезло в темноте.

Измаил вскочил и, считая про себя, бросился бежать дальше. При счете тридцать сделал два больших прыжка влево и упал.

В следующий раз он ударил копьем вверх и промахнулся, лишь слегка задев существо. Измаил снова побежал вперед и увидел его. Существо ковыляло по полу на трех ногах. Остальные были переломаны. Один из матросов швырнул в него факел. Запахло горелым мясом, страшилище поджало под себя ноги и умерло. Или сделало вид, что умерло. Измаил решил не оставлять это на произвол судьбы и добил его копьем.

Все это время он не прекращал счета. Так он вел своих людей к выходу из огромной пещеры, который тоже был затянут светящейся паутиной. Измаил сжег паутину и выбрался из пещеры. Одно из существ сделало отчаянную попытку настичь их и, не рассчитав, ударилось о стену. Оно превратилось в лепешку, и зеленоватая слизь потекла по стене на пол. Измаил тихо, но повелительно приказал всем не терять даром времени.

В следующей пещере, казалось, не было ничего, кроме темноты. Во всяком случае, брошенный вверх факел не высветил ничего

угрожающего. Но бдительность нельзя было терять: потолок все-таки скрывался в темноте.

Измаил бросил взгляд назад, где в темноте мерцала слабым светом паутина, затянувшая отверстие, через которое они вошли сюда. Она была похожа на светящееся окно в темной ночи. Измаил вдруг обнаружил, что не хватает одного из его людей.

— Где Памкамюм? — спросил он.

Остальные оглянулись, затем посмотрели друг на друга.

— Он только что был здесь, — сказал недоуменно Гунрайум.

— Он ведь нес факел, — сказал Измаил. — А теперь он у тебя.

Как это случилось?

— Памкамюм попросил поддержать факел, — сказал Гунрайум. А теперь Памкамюм исчез.

Измаил и остальные, держась поближе друг к другу, вернулись к двери. Она снова была затянута паутиной.

Измаил повел отряд обратно, внимательно осматриваясь. Памкамюма нигде не было. Снова он бросил факел в воздух.

И не увидел ничего, кроме... Но Измаил не был уверен.

Он снова бросил факел изо всех сил, и на этот раз огонь выхватил из тьмы, бледно осветил что-то, похожее на две голые ступни.

— Слушай, — сказала Намали.

Все притихли. Измаил слышал ток крови в своих жилах. И еще один звук. Слабый, еле слышный.

— Как будто кто-то жует, — сказала Намали.

— Чавкает, — подтвердил Каркри.

По просьбе Измаила Каркри взял факел и бросил его вверх. Каркри провел всю свою жизнь, бросая гарпун. Факел взлетел высоко вверх и осветил две голые ступни. Они висели в воздухе и медленно поднимались вверх.

Намали ахнула, а остальные стали громко молиться.

— Что-то подхватило Памкамюма и подняло в воздух, когда никто не смотрел на него, — сказал Измаил. Он похолодел, мышцы его сдавило судорогой.

— Выстрели туда из лука, — сказал Измаил Аварьяму. — Не бойся попасть в Памкамюма. Я думаю, что он мертв. Кто-то тащит его вверх.

Аварьям пустил стрелу в темноту. Зазвенела тетива, и послышался глухой удар. Стрела не упала обратно.

— Ты во что-то попал, — сказал Измаил, надеясь, что это был не Памкамюм. Может, бедняга не был мертв, а лишь без сознания. Но Измаил не мог ничего поделать. Сейчас главным была безопасность остальных.

Они пошли дальше, пока Исмаил не приказал остановиться. Каркри снова бросил факел вверх, и теперь они уже увидели ноги до колен. Верхняя часть тела Памкамюма была как будто в тумане.

— Сейчас он ниже, чем раньше, — сказал Исмаил, и тут впереди раздался глухой звук. Они поспешили туда и в свете факелов увидели тело Памкамюма. Кости его были переломаны, на теле зияли раны. Но убило его не падение с высоты. На шее у него было багровое пятно, глаза выкатились из орбит, язык торчал изо рта. Что-то съело его скальп, уши и часть носа.

— Все закройте руками шеи, — приказал Исмаил.

— Во что же попала стрела? — спросила Намали. Она посмотрела вверх и вскрикнула, забыв обо всех указаниях Исмаила. Она отскочила назад. Все остальные тоже подняли головы и тоже отпрыгнули в стороны, освобождая место.

Какое-то существо упало на каменный пол рядом с телом Памкамюма. Оно имело форму шара с большой присоской на спине, а с другой стороны в клубке щупальцев виднелся огромный рот с большим количеством мелких, но острых зубов. Видимо, стрела пронзила его насквозь, и существо погибло. Присоска отвалилась от потолка, и животное упало на пол.

Очевидно, это животное присосалось щупальцем к шее Памкамюма и подняло его вверх. Исмаил не знал, почему жертвой пал именно Памкамюм. Может, это была чистая случайность, а может, чудовище выбрало его именно потому, что на несчастного в тот момент никто не смотрел.

Во всяком случае для Исмаила было ясно, что он и его люди находятся в опасности. Однако было ясно и то, что эти чудовища по какой-то причине не совершают массированного нападения. Может, у них общий мозг или общая нервная система, как у существ в соседней пещере? И поэтому каждому из них по очереди предоставляется право выбирать себе жертву? А может, они могут нападать только тогда, когда за жертвой не наблюдают товарищи?

Но если это так, тогда нападение можно предотвратить, если не выпускать из поля зрения никого из отряда.

Исмаил склонился над чудовищем, чтобы рассмотреть его. Бледно-зеленая жидкость вытекала из раны. Стрела попала в область, по форме напоминающую куриное яйцо. Вероятно, какой-то жизненный орган. На теле чудовища Исмаил насчитал более пятидесяти таких областей. Остальная часть тела представляла собой плотную массу.

Исмаил поднялся и дал знак двигаться дальше. Они пошли, закрывая руками шеи и внимательно следя, не появится ли из тьмы щупальце.

Через некоторое время Исмаил остановил группу и приказал Каркри бросить факел вверх. И они увидели с десяток щупальцев, извивавшихся вверх. Они медленно спустились вниз.

Исмаил понял, что чудовища начали совместные действия. Очевидно, они сообразили, что нападение поодиночке обречено на провал. А может, смерть одного из них вызвала необходимость координированных действий.

Исмаил отдал приказ, и все бросились бежать. Они бежали плотной группой, прикрывая шеи. Но вот из темноты высунулись несколько щупальцев и обхватили нескольких людей за шеи, прикрывшие руками.

В их числе была и Намали.

Исмаил оглянулся на крики. Он крикнул лучникам опуститься на пол и начать стрелять вверх.

Сам он схватил факел, который был брошен матросом, сейчас старающимся освободиться от поднимающего его вверх щупальца. Рука предохраняла его от удушения, но лицо постепенно багровело.

Исмаил ударил факелом по щупальцу, оно выпустило человека и скрылось в темноте. Запах горелого мяса остро ударил в ноздри.

Исмаил прыгнул вперед и провел факелом по поверхности щупальца, обвивавшего шею Намали. Щупальце судорожно дернулось, изогнулось и отпустило пленницу.

После этого с помощью факелов люди освободились от смертельных объятий. Что-то тяжелое упало впереди них. Они осторожно подошли и увидели еще одно мертвое чудовище, убитое случайной стрелой.

Теперь они шли так, чтобы люди с факелами были по краям и один человек с факелом в центре. Исмаил надеялся, что это отпугнет чудовищ. Пройдя еще метров сорок, отряд подошел к стене с небольшим квадратным отверстием. Они побыстрее бросились отсюда вон. Исмаил понимал неразумность спешки, вполне возможно, что сейчас они, вырвавшись из одной ловушки, попадут в другую, еще более опасную.

Но он ничего не мог поделать со своими людьми... и с собой.

Факелы осветили коридор, плавно поворачивающий направо. Ширина коридора была такой, что по нему могли идти рядом два человека, высота его была в два человеческих роста. Они прошли по коридору восемьдесят шагов, и затем коридор начал закругляться налево. Через сотню шагов они оказались у каменной лестницы, очень узкой, по которой можно было идти лишь поодиночке. Лестница была крутой и все время закруглялась вправо.

Впереди шел Измаил с факелом в одной руке и копьём в другой. Он поднимался и думал, сколько ужасов их еще ждет впереди, сколько пещер и коридоров им еще предстоит пройти. Не исключено, что в конце концов они окажутся в тупике или в ловушке, из которой никому из них не удастся спастись. Но Измаил не мог понять, как жители Бурангаха кормят этих чудовищ — хранителей пещер.

По всему было видно, что сюда не заходили с того времени, как были созданы эти пещеры.

Лестница все вела наверх. И вот наступил момент, когда они добрались до конца лестницы. Измаил остановился. Перед ними возвышалась громадная каменная фигура.

Она была серого цвета и напоминала черепаху с головой лягушки и ногами таксы. Высота ее в самой верхней точке — на панцире черепахи — достигала четырех футов. Постоянные сотрясения земли придали чудовищу видимость живого существа.

Глаза ее были такими же серыми, как и все остальное тело.

Но когда Измаил подошел ближе, он заметил, как в глубине глаз что-то шевельнулось. Нервы совсем распались, подумал Измаил и пошел в помещение, которое охраняла эта фигура.

Каменная голова со скрежетом повернулась. Если бы не этот скрежет, Измаил ничего бы не заметил и каменные челюсти сомкнулись бы на его плече.

Но он успел отпрыгнуть, и челюсти лязгнули, будто были из железа.

Когда пасть снова распахнулась, Измаил воткнул туда копьё.

Желтоватая жидкость хлынула изо рта чудовища прямо на Намали, и она упала. Измаил прыгнул на спину чудовища. Он выхватил свой каменный нож и стал бить в правый глаз каменного зверя. Нож его моментально раскрошился, а чудовище начало вытягивать шею из панциря. Голова начала приближаться к лежащей Намали.

Каркри выпустил стрелу прямо в открытую пасть чудовища.

Голова продолжала тянуться к Намали. Шея все вытягивалась и вытягивалась, ей как будто не было конца. Измаил видел, что шея сделана из камня или покрыта чем-то твердым, как гранит. Каменные чешуйки смещались относительно друг друга при движениях чудовища.

Но вот голова чудовища опустилась на пол, и из пасти потекла мутноватая жидкость.

Существо больше не двигалось.

Измаил заглянул в каменные глаза. Они были серы и неподвижны. Пасть его была все еще разинута, и факел осветил копьё Измаила и стрелу Каркри, которые пробили большую круглую вы-

пухлость в горле чудовища. Чудовище, похоже, действительно погибло.

Измаил спросил Намали, не ранена ли она. Намали ответила, что она просто очень испугалась. Затем Измаил постучал по спине чудовища. Что же потребовалось для того, чтобы эволюция превратила шкуру зверя в каменную броню?

Намали сказала, что никогда, даже в самых страшных легендах, не слышала о таких зверях.

— Но теперь чудовище мертво, — сказал Измаил. — Я не знаю, где жители Бурангаха нашли его. Наверное, в недрах горы, когда рыли свои пещеры. Надеюсь, что они нашли только одно. Во всяком случае, оно не помешает нам, когда мы будем возвращаться.

— Не уверен, — заметил Каркри.

Он осветил факелом пасть чудовища, и Измаил увидел, что и стрела, и копьё всасываются внутрь алой выпуклости, которая снова начала пульсировать. Или это была просто иллюзия, вызванная постоянным сотрясением земли?

Затем челюсти медленно сомкнулись, и шея начала втягиваться. Глаза были так же серы и безжизненны. Но люди попятились от чудовища, не сводя с него глаз. Они смотрели, не повернется ли эта страшная голова к ним. Лишь оказавшись позади чудовища, они остановились. Все посмотрели на Измаила, будто спрашивали: что дальше?

— Все, что нам осталось, это идти вперед, — сказал Измаил. — Но я уверен в одном: жрецы замка Бурангах думают, что никто не сможет живым выбраться из этих пещер. Так что мы заставим их врасплох.

— Если эти пещеры ведут в замок, — сказал Вангуянами.

— Кто-то же должен кормить этих страшилищ. Я сомневаюсь, что их пища приходит оттуда, откуда идем мы. Во всяком случае мы должны идти вперед, пока не выиграем или не проиграем.

И в этом, подумал он, вся мудрость жизни. Живое существо всегда должно идти вперед, пока не наступит конец. Тот или иной. Даже здесь, в мире трясущейся земли и красного солнца, этот закон остался справедливым. Пока им везло. Если бы эти стражи были более решительны, более свирепы, от отряда не осталось бы никого. Может быть, раньше так и случилось бы. Но прошли века, и чудовища утратили свою свирепость, свои боевые навыки, ослабели. Их хранители-жрецы, возможно, перестали обращать на них внимание, кормить, и звери, потерявшие свою силу, живущие в вечной тьме, не смогли сбросить с себя апатию, когда пришло время действовать.

Однако теперь они уже пришли в себя и будут гораздо более опасны, если людям придется возвращаться этой же дорогой.

Может быть...

Снова перед ними была крутая лестница, выбитая в каменной стене. Исмаил полез по ней, держа в руке факел.

Все время, пока они были в пещерах, Исмаил искал следы людей: отпечатки ног, стертую пыль. Но пока никаких следов не обнаружил. И вдруг он услышал что-то.

— Кажется, ты принесла нам счастье, Намали, — прошептал он.

— О чем ты?

— Подожди, — прошептал Исмаил и поднял руку, требуя тишины.

Все остановились и прислушались.

Снова до них донесся слабый звук. Это было что-то наподобие пения.

— Кажется, мы рядом с замком, — прошептала Намали.

— Надеюсь, что и выход здесь рядом, — сказал Каркри. — Кто-то преследует нас.

Исмаил оглянулся и попытался рассмотреть, что находится у подножия лестницы. Свет факелов едва достигал до низу. Но все же Исмаил рассмотрел какую-то темную, медленно движущуюся массу. Он сразу решил, хотя и не рассмотрел деталей, что это каменное чудовище.

— Оно не умерло, — сказала Намали.

— И оно ждет нас. Но вряд ли сможет взобраться по лестнице.

— Оно закрыло нам выход, — сказал Каркри. — И это чудовище не забудет, что мы причинили ему боль.

Исмаил полез дальше, и вскоре они все уже были в каменном коридоре. Еще футов шестьдесят — и перед ними оказалась глухая каменная стена.

Голоса звучали совсем громко. Можно было даже разобрать слова, хотя Исмаил ничего не мог понять. Это не был язык жителей Заларампатры, к которому он уже привык.

Он осторожно начал простукивать стенку и очень удивился, когда понял, что стена не тонкая, как он считал, а толстая и прочная. Он определил, что звуки проходят сквозь небольшие отверстия в стене. Эти отверстия были диаметром всего в четверть дюйма.

— Они как-то сдвигают стену, — сказал Исмаил. Он начал обшаривать стену и прилегающие стены коридора, стараясь найти механизм, приводящий стену в движение. Однако ему ничего не удалось обнаружить.

— Может, механизм с другой стороны стены? — предположила Намали.

— Надеюсь, что нет. Хотя такая возможность не исключена. Ведь это предохранило бы замок от вторжения врагов, которым удалось пройти через пещеры со зверями.

— Каменное чудовище лезет за нами, — сказал Каркри.

Измаил вернулся к лестнице и посмотрел вниз. Действительно, огромная каменная черепаха медленно, но неуклонно поднималась по ступеням, переставляя свои косолапые ноги. Каменные когти царапали камень ступеней. Голова вытянулась из панциря, пасть грозно раскрылась. Измаил осторожно спустился, чтобы подойти ближе к чудовищу. Он осветил факелом его голову: выпуклость в пасти бешено пульсировала, ни стрелы, ни копья там уже не было. Их поглотила выпуклость. Возможно, они даже послужили топливом для каменного чудовища. Вероятно, жизнь этого зверя можно сравнить с медленно горящим огнем под котелком. Его энергия низка, но даже небольшая прибавка топлива может вскипятить воду в котелке.

Измаил опустил еще ниже. Каменная голова повернулась из стороны в сторону, как бы стараясь увидеть Измаила обоими глазами. Измаил повернулся, чтобы подняться наверх. И тут вскрикнула Намали. Измаил не оборачиваясь, взлетел по ступеням и затем повернулся.

Чудовище взбиралось теперь гораздо быстрее, чем раньше. Каменные когти цеплялись за ступени и подтягивали вверх тяжелое тело. Шея втянулась в панцирь, но пасть была грозно разинута.

Измаил посмотрел на чудовище. Если оно взберется по лестнице и окажется на ровном полу, то в узком коридоре людям не будет спасения. Кроме того, ширина коридора не позволяла одновременно двум людям сражаться с чудовищем.

Он повернулся и сказал:

— Надо быстро найти выход, иначе...

Ему не требовалось заканчивать фразу. Всем и так было ясно. Каркри подошел к Измаилу.

— Есть только один способ не позволить ему взобраться сюда, — сказал Измаил.

Они спустились на четыре ступени и встали там. Затем, когда чудовище вытянуло лапу, чтобы схватиться за следующую ступень, одновременно прыгнули вниз, на панцирь.

С неожиданной быстротой шея вытянулась из туловища. К счастью, чудовище выбрало Каркри, а не Измаила. Если бы жертвой оказался Измаил, то он был бы схвачен прямо за шею, и на этом его путь завершился бы.

Но каменные зубы чудовища вонзились в ногу Каркри.

Измаил приземлился прямо на панцирь.

Каркри вскрикнул, когда его ногу стиснули тяжелые челюсти, и упал спиной на ступени.

Чудовище поднялось на задние лапы, но они соскользнули, и огромная черепаха покатила по ступеням вниз, держа кричащего Каркри в зубах. Наконец она рухнула в самом низу на спину и осталась лежать, дрыгая ногами. Каркри оказался на ней. Он лежал, и кровь из его раны сразу образовала лужу на животе черепахи.

Измаилу понадобилось несколько секунд, чтобы убедиться, что Каркри уже не спасти. Он взобрался по лестнице и снова подошел к стене. Хотя чудовище при падении наделало много шума, за стеной ничего не слышали. Пение продолжалось.

— Жаль, что они ничего не слышали, — пробормотал Измаил. — Тогда они бы вышли посмотреть, в чем дело, и мы смогли бы проникнуть внутрь.

Им оставалось одно: попытаться открыть проход. Но им не удалось найти никакого механизма. Ждать они тоже не могли. Ведь в действие должна будет вступить вторая часть плана, а если группа Измаила будет в это время заточена здесь, план провалится. Еще не поздно было вернуться обратно, сесть в лодки и напасть на город сверху. Но Измаилу очень не хотелось этого, да и всем в его отряде тоже. Ключ к проникновению в замок есть. Но они его не видят.

Измаил заглянул в одно из отверстий. Он увидел слабый свет. В двадцати футах от стены, возле которой он стоял, виднелась другая стена. Голоса слышались справа. Измаил сомневался, что поют в этой комнате.

Он стиснул зубы от бессильной злобы. Что же делать?

— Может, нам погасить факелы? — спросила Намали. — А то они могут увидеть свет и...

Измаил выругался про себя, что сам не подумал об этом. Он приказал погасить факелы, и они сидели в темноте и ждали.

Голоса затихли.

Измаил приложил ухо к отверстию. Немного погодя он услышал кашель. Несмотря на крайнюю серьезность ситуации, он невольно улыбнулся. В этом кашле было что-то успокаивающее. Хор замолчал, шла какая-то церемония, и, как часто случается в церкви, кто-то кашлянул в тишине.

Земля непрерывно тряслась, солнце умирало, луна медленно падала на Землю, вся жизнь переместилась в воздух, который постепенно улетучивался. Но природа человеческая не изменилась.

Затем улыбка сошла с лица Измаила. Он услышал голоса и шарканье ног. Церемония закончилась.

Через пару минут факел осветил комнату за стеной, и в нее вошли, тихо разговаривая, два человека. Они были в мантиях с капюшонами из алого материала и напоминали бы монахов, каких знал Измаил в своем времени, если бы их лица не были покрыты татуировкой.

За ними парами следовали и другие монахи. Измаил успел насчитать девять пар. Однако он был уверен, что в комнате, где шла служба, остались еще люди. Вероятно, они убирали помещение, но делали это бесшумно.

Он ждал. Тишина звенела у него в ушах. Темнота сдавливала мозг и тело почти физически ощутимо. В ней была какая-то неумолимая угроза. Позади послышался скрежет, и он резко обернулся. Но это все еще копошилось каменное чудовище, пытающееся перевернуться и встать на ноги.

Намали потянула носом воздух и приникла к отверстию.

— Запах богов. Я ощущаю его. Святилище совсем рядом, но нас от него отделяет каменная стена.

Измаил понюхал, но ничего не ощутил. Может, это и к лучшему. Запах богов действовал на него слишком сильно. Нет, если он в ближайшее время не найдет способ открыть дверь, ему не придется привыкать к этому запаху.

Измаил прислушался, но ничего не услышал. Он приказал зажечь один факел. Когда пламя разгорелось, он поднес факел к отверстию. Одно за другим он осматривал все отверстия, стараясь найти что-нибудь необычное. Но ничего не нашел.

Затем он стал осматривать стену, пол, потолок. И тут услышал скрежещущий звук и резко повернулся.

— Стена двигается, — прошептала Намали. Так оно и было. Она поворачивалась не по вертикальной оси, как он предполагал, а по горизонтальной. Нижняя часть стены поднималась вверх.

Измаил молился всем богам, включая и Йоджо, идола Квикега, чтобы ни один из бурангахцев не появился в этот момент.

Стена поднялась всего на фут с небольшим, когда он ползком проскользнул под нее. Остальные за ним. И еще до того, как стена закончила свое движение, все уже были в маленькой комнате.

— Почему она открылась? — спросила Намали.

— Не знаю, — ответил Измаил. — Но думаю, что механизм приводится в действие определенным порядком освещения отверстий. Я уверен, что ключ в этом. Свет факела воздействует на что-то. Может, вызывает химическую реакцию... — Он замолчал. В языке Заларампатры не было слов для объяснения химических терминов. А кроме того, какая разница, что подействовало на механизм. Главное, что он сработал.

— Зоомашматра с нами, — сказала Намали. — Он знает, что мы идем спасать его, и провел нас сквозь все преграды, он показал нам путь в награду за нашу верность ему.

— О, это объяснение опровергнуть невозможно, — сказал Измаил.

Он послал двоих в левый коридор на разведку, а сам с остальными пошел в противоположную сторону. Вскоре они пришли в большой зал со стенами из зеленого камня с красными прожилками. На стенах были укреплены факелы. В зале стоял тяжелый дурмящий запах — запах богов.

Измаил осторожно выглянул из-за угла.

Здесь были сотни алтарей, высеченных из камня, и на них стояли боги, большие и маленькие.

А в дальнем конце зала, в ста пятидесяти футах от них, стоял большой алтарь, на котором высился самый большой идол из всех, каких он видел до этого. Правда, он видел пока только маленьких богов китобойных кораблей.

Идол был в два с половиной фута высотой и сделан из темно-желтого камня или какого-нибудь другого материала с красными, черными и зелеными прожилками. Это был сам Камангай, великий бог Бурангаха.

В зале были десятки жрецов. Они стояли на коленях перед Камангаем, другие смахивали пыль с идолов и подметали пол метелками из перьев.

Измаил убрал голову, и его слегка замутило. Запах действовал на него даже на таком расстоянии.

— Посмотри, здесь ли Зоомашматра и остальные ваши боги, — сказал он Намали.

Намали наблюдала с минуту, а затем сказала:

— Все наши боги находятся возле алтаря Камангая.

Вернулись разведчики. Они прошли по коридору до его пересечения с другим коридором, но не рискнули идти дальше.

— Похоже, здесь часто бывают люди, — сказал Измаил. — Надо действовать быстро.

Он дал указания каждому Лучники со стрелами наготове вышли вперед. Нужно было подойти к жрецам как можно ближе, пока те не обнаружили их присутствие. Лучники должны будут стрелять в жрецов, которые находятся в самом конце зала.

Жрецы занимались своим делом, и до них оставалось двадцать футов, когда один из них заметил врагов. Глаза его широко раскрылись, кожа посерела от ужаса.

Измаил, не медля, швырнул копьё, которое попало прямо в рот жреца и пронзило его горло. Бедняга упал на алтарь, сбив с него небольшого идола.

В воздух взвились стрелы, и трое жрецов, стоявших возле Зоомашматры, рухнули на пол.

Затем копьё довершили дело. Никто из жрецов не успел даже вскрикнуть. Большинство умерло сразу, тех же, что ещё дышали, но были без сознания, прикончили, перерезав им горло. Тела оттащили за алтарь.

Измаил подошел вместе с Намали к алтарю, на котором бурангахцы поставили богов-пленников: Зоомашматру и остальных. Великий бог оказался высотой в полтора фута. Он был толст, имел два лица, сидел, скрестив ноги и держа в руках изображение молнии. Остальные боги были высотой не более фута. Все они источали сильный дурманящий запах.

Измаилу показалось, что он выпил не менее четырех стаканов неразбавленного рома.

— Нам нужно скорее убираться отсюда, — сказал он Намали. — Иначе вам придется меня выносить. Неужели на тебя этот запах не действует?

— Нет, мне хорошо, и немного кружится голова.

Измаил удивился, что жрецы спокойно переносят этот запах, но потом решил, что они как портовые пьяницы, которые могут пить сколько угодно и никогда не свалются под стол, в отличие от их менее опытных собутыльников.

Всех богов вместе с Зоомашматрой сложили в кожаные мешки. Измаил, решив, что их первая цель достигнута, отдал приказ к возвращению.

Однако Намали возразила:

— Нет, мы должны забрать с собой Камангая.

— Ты хочешь, чтобы бурангахцы мстили нам? Чтобы началась всеобщая резня?

— Богов всегда крадут, — ответила удивленная Намали.

— Тогда почему бы просто не бросить Камангая в море и не забыть о нем навсегда?

— Ему это не понравится, и он не успокоится, пока не увидит нашу гибель. А пока он у нас в плену, часть его могущества принадлежит нам...

Измаил был готов взорваться от негодования, но тут в зал вбежали двое часовых, стоявших на страже в коридоре.

— Мы застрелили двух жрецов. Один успел крикнуть и поднять тревогу. Сюда уже идут люди.

Камангая сунули в мешок, и весь отряд поспешил к выходу.

В коридоре они увидели толпу жрецов и вооруженных воинов. У некоторых были луки.

Измаил схватил факел и быстро побежал в комнату с вращающейся стеной. Он начал лихорадочно освещать отверстия, стараясь вспомнить ту последовательность, с помощью которой ему удалось открыть стену. Камень заскрежетал, и нижняя часть стены стала подниматься.

Бурангахцы завопили, увидев это, и двое лучников натянули тетиву. Но оба упали мертвыми. Лучники Измаила выстрелили раньше.

Весь вражеский отряд с боевым кличем бросился вперед. Но стрелы остановили первый порыв. Одни упали мертвыми, другие упали, споткнувшись о трупы товарищей. Измаил нырнул под стену вместе с Намали, тащившей мешок с Зоомашматрой. За ними проскочил человек с другими богами Заларампатры, а затем тот, кто нес Камангая. После него за стеной оказались и другие воины.

Стена уже опускалась, когда последний из людей Измаила, Адагринья, лез под ней. Его придавило стеной. Он крикнул, и люди Измаила, схватив его за руки, попытались вытащить несчастного из-под стены. Но было поздно. Огромная тяжесть легла ему на позвоночник, не дойдя пары дюймов до пола.

Враги стали рубить его тело, чтобы освободить место для стены. Возможно, без этого им было не поднять ее снова.

Лучники Измаила выстрелили под стену, и стрелы поразили двоих человек. Бурангахцы со своей стороны тоже начали стрелять, и стрела попала тому, кто нес одного из богов, в колено. Человек упал, и бог со звоном покатился по камням. Прежде чем раненый успел подняться, его достало копье из-под стены, которое поразило его насмерть.

Измаил приказал уходить. Оставаться было бессмысленно, шум за стеной все усиливался. Похоже было, что весь замок собрался здесь по тревоге. Если бы его отряд не успел пробраться за стену, сейчас бы никого из них в живых не осталось.

Впрочем, и здесь сейчас положение было не лучше. Бурангахцам нетрудно догадаться, каким путем пришли враги. Сейчас они пошлют флот к тому месту, откуда Измаил с отрядом проник сюда, и все будет кончено.

Единственной надеждой Измаила было добраться до лодок раньше врагов.

Он с факелом в руке спускался по лестнице. Намали поскользнулась, упала и покатилась с криком вниз.

Каменное чудовище каким-то образом умудрилось перевер-

нуться и сейчас стояло ногами на пятой ступени лестницы. Увидев падающую Намали, оно втянуло голову и открыло пасть.

Намали выронила каменного Зоомашматру, и тот, ударившись о ступени, взлетел в воздух и угодил прямо в пасть чудовищу.

Измаил догнал Намали и подхватил ее совсем рядом с головой чудовища. Девушка была в ссадинах и ушибах, но серьезных повреждений у нее не было. Чудовище снова открыло пасть. Каменный идол виднелся в глубине горла.

— Мы должны освободить великого бога! — выкрикнула Намали.

Измаил даже не выругался. Ситуация была слишком опасной и в то же время абсурдной, чтобы выразить ее простым ругательством.

— Мне кажется, твой бог не хочет вылезать оттуда. Если бы он хотел, он вел бы себя иначе.

Наверху жрецы подняли торжествующий гвалт.

Видимо, они уже вытащили тело и сейчас смогут поднять стелу. Измаил посмотрел на своих оставшихся в живых людей.

Впереди их ждало каменное чудовище, только что проглотившее божество, но не пожелавшее удовлетвориться этим и жаждавшее живой человеческой плоти.

От мешков с богами исходил одуряющий запах. Еще немного, и он, Измаил, будет видеть двоих каменных чудовищ вместо одного.

Он внезапно заметил, что тело Каркри исчезло. От него не осталось ничего, кроме нескольких пятен крови. Чудовище проглотило его без остатка.

Измаил стал спускаться вниз по ступеням. Он поскользнулся и чуть не упал. Огромная голова с немигающими глазами потянулась к нему, шея сжалась, как бы готовясь к удару.

Тем не менее Измаил прошел мимо чудовища, и оно не напало на него.

Намали последовала за ним, хотя все еще протестовала против того, чтобы оставлять Зоомашматру.

— Я не собираюсь совать голову в пасть чудовища, чтобы оставить ее там, — рявкнул Измаил. — Если мы уйдем, мы потеряем бога, это правда. Но если мы будем пытаться освободить его, то нас настигнут бурангахцы, и мы умрем, выбирай. Умереть с богом или жить без него?

— Почему это был не Камангай? — всхлипывая, сказала Намали. Один из его людей, шедших сзади, крикнул:

— Чудовище проглотило бога! Теперь бог у него в брюхе!

Измаил повернулся. Мимо чудовища прошли все, кроме троих. Эти трое сейчас стояли на лестнице, не решаясь идти вперед, так как чудовище угрожающе открыло пасть и вытянуло голову.

Теперь было мало шансов пройти мимо него. Первый же, кто отважится, пожертвует собой ради остальных.

Измаил крикнул:

— Подождите! — Он выхватил Камангая у того, кто нес его, и бросил бога первому стоящему на лестнице.

— Швыряй Камангая в пасть чудовищу, и идите мимо него.

— Нет, нет! — крикнула Намали. — Мы потеряем и Камангая!

— Бросай! — приказал Измаил. — Нам нельзя терять время.

Человек по имени Пункрай кинул бога чудовищу, и тот был схвачен ужасными челюстями. Три человека пробежали мимо чудовища. На этот раз оно переступило своими массивными ногами и придавило последнего к стене. Хрустнули кости, и для бедняги все было кончено.

— Когда-нибудь мы вернемся, убьем чудовище и освободим обоих богов, — сказал Измаил. — Бурангахцы и знать не будут, что они здесь. Это чудовище — настоящий сейф.

— Но мы потерпим поражение, — сказала Намали. — Все наши жертвы были напрасны.

— Вовсе нет, — возразил Измаил. — Мы знаем то, чего не знают враги. Мы еще вернемся сюда.

Он и сам не верил в это, так как все вентиляционные шахты будут теперь тщательно охраняться. Правда, в город ведет много и других путей.

Они вошли в пещеру, где к потолку присосались чудовища с щупальцами. Темнота расступилась перед ними и сомкнулась позади. Они быстро шли вперед, закрывая руками шеи. Тела Памкамюма и двух чудовищ уже исчезли. Не было видно никаких следов.

На полпути они были атакованы. Щупальца свешивались из темноты спереди и сзади, угрожающе извиваясь.

Измаил ударил факелом по одному из щупалец, и оно моментально исчезло. Намали всадила нож в щупальце, обхватившее ее шею. Из пореза полилась зеленоватая жидкость. Щупальце отпустило жертву и исчезло в темноте.

Теперь борьба с щупальцами показалась легкой игрой. Удар ножом или факелом — и путь свободен. Борьба длилась не более минуты. Они прошли через пещеру, не потеряв ни одного человека.

Внезапно они услышали сзади крики. Измаил обернулся и увидел факелы у входа в пещеру. Бурангахцы преследовали их.

— Быстрее! — крикнул Измаил и бросился вперед.

Добежав до затянутого паутиной отверстия, они остановились. По мельканию факелов было ясно, что преследователи вступили в бой с щупальцами. Измаил приказал лучникам стрелять, и четверо из бурангахцев упали. Еще выстрелы — и еще четверо рухнули на пол. Остальные бросились обратно к выходу. Но затем они повернули и снова устремились за отрядом Измаила. В свете факела Измаил увидел каменное чудовище, протискивающееся сквозь отверстие, его бока со скрежетом продирались сквозь проем.

Очевидно, оно, проглотив второго бога, горело желанием заесть его чем-нибудь более вкусным.

Измаил, поджигая паутину, думал, что было бы интересно посмотреть на борьбу каменного зверя с чудовищами, висящими на потолке. Что же побудило его продираться в эту пещеру, если он столько времени провел в своем тесном помещении? Может, запах богов одурманил его и спутал каменные мысли в каменной голове?

Отряд быстрым шагом прошел через пещеру с круглыми шестиногими существами. Те пытались напасть на них, раскачиваясь, как и раньше, с тридцатисекундным интервалом. Но люди запросто отбивали их нападение, разя ножами и факелами, отрубая ноги и нити. И вскоре они уже были в вентиляционной шахте, через которую попали сюда.

Трое лучников остались прикрывать отряд, хотя у них осталось всего три стрелы, а остальные поспешили к лодкам.

Прошло совсем немного времени, и лодки уже отчаливали одна за другой. Измаил как капитан дождался, пока будет загружена последняя лодка. Он все время ждал, что появятся преследователи, но они, очевидно, завязли в борьбе с обитателями пещер, и их не было видно.

Когда его лодка отчалила, он поджег факел и бросил его. Это был сигнал. Через минуту он увидел в темноте огонь. Это был ответ, который дал «Руланга».

Лодка Измаила направилась в сторону этого огонька, который был дан узконаправленным фонарем.

Наверху, в двухстах футах над лодкой, медленно проскользнула большая тень. Это был один из патрульных кораблей Бурангаха, которые охраняли город. Однако на корабле не заметили лодку, на всех парусах несущуюся к «Руланге». Вскоре они были на борту флагмана.

Измаил приказал начать осуществление второй части задуманного плана. На мачте «Руланги» вспыхнул сигнальный огонь.

Измаил, Намали и Пуняки стали напряженно вглядываться в темно-синее небо над спящим Бурангахом. И наконец, минут че-

рез десять, Намали показала рукой вверх:

— Вот он!

Вскоре и Исмаил увидел, как на Бурангах медленно опускается громада «Бубарангу».

Вот он уже всего в пятистах футах над городом.

— Пора зажигать фитили, — тихо сказал Исмаил Намали.

Это был второй этап плана, который придумал Исмаил.

«Бубарангу», который представлял собой гигантский брандер, начиненный огромным количеством бомб и горючих материалов, неотвратно летел на Бурангах.

Его команда, запалив фитили на бомбах, покинула корабль на лодках и вскоре была подобрана одним из кораблей Заларампатры.

И вот наконец раздался оглушающий взрыв, поразивший своей мощью даже Исмаила. Все вокруг озарилось ярким светом.

«Бубарангу», выбрасывая во все стороны хвостатые языки пламени, рухнул на Бурангах.

Пламя быстро охватило всю ту часть Бурангаха, которая висела в воздухе, поддерживаемая пузырями с легким газом. Из недр города время от времени выскакивали объятые пламенем пузыри и лопались со страшным грохотом.

В это время над городом проплывали корабли Заларампатры. С них посыпались бомбы с зажженными фитилями. Затем нападавшие корабли развернулись и еще раз обрушили свой смертоносный груз на Бурангах.

Рев пламени был слышен на многие мили, небо было озарено светом пожара, какого не видело тысячи лет.

И не было спасения.

Намали стояла, торжествующе вскинув вверх руки.

И в этот миг Исмаил подумал, что сейчас в пылающем аду оказались сотни людей, которых и так уже почти не осталось в этом угасающем мире. Но затем Исмаил вспомнил, что именно эти люди натравили Кахамауду на Заларампатру. Эти люди собирались вернуться назад, чтобы уничтожить всех оставшихся в живых жителей Заларампатры.

Исмаил увидел, как бурангахцы старались вывести из пожара свои корабли, чтобы уберечь их от уничтожения. Вероятно, люди спасались от огня и на маленьких лодках, хотя Исмаил отсюда не мог этого видеть.

В этот момент к городу приблизились и другие корабли заларампатрийцев. Они полетели низко над городом, швыряя вниз зажигательные бомбы. Пожар быстро распространялся по всей территории. Одна из бомб попала в корабль Бурангаха, только что отчаливший от пирса, и тот вспыхнул, как свеча.

Внезапно Намали стиснула локоть Измаила и показала куда-то в небо. Измаил взглянул и увидел в лунном свете десять темных точек.

— Должно быть, это возвращаются китобойные или военные корабли Бурангаха, — сказала она.

Настало время уходить. Было сделано уже все, что можно. Он отдал команду помощнику, и тот просигналил остальным кораблям. Маленький пузырь с прикрепленным к нему факелом, взвился высоко в воздух. Яркий свет был виден издалека. И корабли над городом направились к «Руланге». Сам «Руланга», не меняя курса, летел к вражеским кораблям. Измаил увидел, как от кораблей отчалили десятка два лодок. Это были очень быстрые суда, в каждом из которых находилось восемь человек. Лодки попытаются взять «Рулангу» на бордаж, а большие корабли пойдут на таран. Таран в воздухе был весьма тонким делом, так как при этом мог пострадать не только корабль, подвергающийся нападению, но и таранящий корабль.

Измаилу не нравился такой самоубийственный способ боя. Но он ничего не мог изменить. Он ждал, пока лодки, более быстрые, чем большие корабли, сблизятся с «Рулангой», и когда это произошло, с лодок полетели гарпуны, цеплявшиеся за такелаж. По канатам на палубу полезли воины Бурангаха, но лучники, выстроившиеся вдоль бортов, быстро охладили их наступательный пыл. А затем канаты были обрублены, и лодки отстали от «Руланги». Не было смысла брать на бордаж корабль, если рядом нет больших боевых кораблей с подкреплением.

В этот момент «Руланга» изменил курс и полетел так, чтобы соединиться с остальным флотом Заларампатры. Вскоре корабли выстроились в его кильватере, и вся колонна взяла обратный курс.

Скорость движения была невелика, так как на кораблях остался груз несброшенных бомб. Но Измаил приказал не выбрасывать их за борт, чтобы увеличить скорость. Ему не хотелось оставаться совсем без боезапаса.

Ночь продолжалась. Луна ушла за западный горизонт, и на планету опустилась тьма. В этой тьме виднелись только огни на кораблях Заларампатры и преследующих их кораблях Бурангаха. Измаил спал три раза. Луна восходила и заходила шесть раз, а преследование продолжалось. Взошло утрюмое красное солнце. Хотя расстояние между флотами сокращалось, оно все еще оставалось достаточно большим, чтобы Измаил мог не беспокоиться.

Трижды корабли прошли сквозь красные облака и набрали большое количество корма для животных, вырабатывающих газ. Это позволило флоту Измаила подняться на высоту двенадцати миль. Бурангахцы не прекращали преследования. На второй день корабли Заларампатры были выше преследователей на шесть ты-

сяч футов. Но в разреженном воздухе их скорость уменьшилась, бурангахцы нагоняли.

Первый помощник заявил, что бурангахцы догонят флот еще до того, как второй раз взойдет солнце

— Я на это и рассчитывал, — сказал Измаил. — Но я не мог специально спустить паруса, так как тогда они что-нибудь заподозрили бы и стали осторожны. Я хочу, чтобы они считали, что без труда справятся с нами. Ведь их гораздо больше, чем нас.

Пуняки знал план Измаила, но не очень верил в него. Еще никто и никогда не сражался так в воздухе. Весь вековой опыт был против плана Измаила. Но Пуняки не сказал ничего. Не стоит спорить с человеком, который проник во вражеский город, украл его богов — хотя и потерял после, — а затем уничтожил город изобретенным им же оружием.

Предсказание Пуняки оправдалось с достаточно высокой точностью. Бурангахцы не смогли догнать заларампатрийцев ночью, но через час после восхода солнца их передовой корабль был под замыкающим кораблем флота Измаила. И тогда Измаил отдал приказ, чтобы все его корабли спустили паруса и выстроились в одну линию. Приказ был выполнен быстро, хотя строй оказался не таким ровным, как он хотел.

Измаил начал давать новые указания сигнальщику, но тот был перепуган до смерти. Не предстоящей битвой, а чем-то, что увидел впереди. Огромной пурпурной массой.

— Это и есть Пурпурное Чудовище? — спросил Измаил. — Ты уверен?

— Да, — ответила за матроса Намали. Она побледнела, глаза ее расширились от ужаса.

Враги тоже увидели надвигающуюся угрозу. Их флагманский корабль спустил паруса, чтобы отстать.

— Наверное, это то самое, которое уничтожило мой народ, — сказала Намали.

Это было вполне вероятно. Ведь таких чудовищ, к счастью для людей, было мало, и передвигались они медленно, если верить рассказам жрецов. Они часто спускались на землю, чтобы пожрать все живое. Это Пурпурное Чудовище, видимо, только что поднялось в воздух, так как летело на высоте около шести тысяч футов медленно набирая высоту

Измаил долго стоял, размышляя. Пуняки нервно ходил взад-вперед, бросая на Измаила недоуменные взгляды. Он не мог понять, почему Адмирал не отдаст приказ об изменении курса.

— Бурангахцы заманили чудовище в Заларампатру, — сказал Измаил. — Они вели опасную игру, так как чудовище, несмотря на

свои размеры, может быть очень быстрым. Оно передвигается с помощью направленных взрывов, так ты говорил?

— Да, — ответил Пуняки. — Более того, чудовище может менять форму своего тела и использовать его как парус. Оно может создать тысячи парусов. И когда чудовище подплывает к кораблю, обхватывает его щупальцами, тогда...

— Думай лучше не о том, что чудовище может сделать с нами, — сказал Измаил, — а о том, что мы можем сделать с ним

Измаил все не отдавал приказ изменить курс. Ни Пуняки, ни Намали не спрашивали его о причине этого, хотя им очень хотелось узнать его мысли. Измаил смотрел на вражеский флот. Корабли уже развернулись и полным ходом летели прочь. Они, конечно, испугались. Ведь они с детства слышали рассказы о жутком чудовище, своими глазами видели, что сделало оно с Заларампатрой. Более того, изредка китобойные суда встречались с чудовищем, и чудом спасшиеся очень живописно рассказывали о происшедшем.

Шли часы. Теперь чудовище казалось большим островом, летающим островом диаметром в полторы мили и толщиной в триста футов. Измаил не видел ни глаз, ни ушей, ни рта, хотя Намали завила его, что рот он увидит и очень скоро.

Тело чудовища имело пурпурный цвет, а извивающиеся щупальца были кроваво-красного цвета.

Щупальца были везде — и сверху, и снизу тела.

— Оно поднимается, хотя и не быстро, — пробормотал Измаил. — Очевидно, ему все равно, где мы — над ним или под ним.

Он оглянулся. Заларампатрийцы были в панике оттого, что слишком близко подошли к чудовищу. Они считали, что уже давно пора менять курс. Они ждали этого приказа.

Но Измаил все медлил. Было очевидно, что если он не изменит курса, корабли проплывут над чудовищем на высоте двух сотен футов. И судя по скорости подъема чудовища, было ясно, что оно схватит корабли, так как они не успеют долететь до другого края чудовища. Даже если корабли начнут подниматься, это их не спасет, так как скорость подъема чудовища была достаточно большой. Но Адмирал все равно не отдавал приказа кормить выделяющих газ животных.

Намали и Пуняки взмокли от страха. И все остальные тоже. Они были мужественными людьми, но эта ситуация была выше их терпения. Ужас перед Пурпурным Чудовищем, впитанный с молоком матери, давал себя знать.

Измаил и сам немного побаивался. Это чудовище действительно внушало страх. Измаилу казалось, будто что-то жуткое, смерто-

носное вынырнуло из самых зловещих глубин ада и несет гибель всему человеческому роду...

Но несмотря ни на что, Измаил понимал, что это кошмарное чудовище — действительность, порожденная этим миром, миром, где Время подходит к своему концу.

Разве он, Измаил, не верит в оружие, находящееся на его кораблях, которое должно уничтожить Пурпурное Чудовище? Если Измаил ошибается в своих расчетах, значит, он ведет всех доверившихся ему на гибель.

Он оглянулся. Корабли бурангахцев маячили вдалеке.

И вдруг Измаил вздрогнул от неожиданности, как, наверное, вздрогнули все на его кораблях.

Раздалась серия громких взрывов. В теле чудовища открылись круглые отверстия, как жерла пушек. Они с грохотом извергали огонь и дым. Чудовище быстро двигалось вперед и вверх. Выстрелы звучали то с одной стороны, то с другой, благодаря чему движения чудовища были четко направленными. Это были настоящие ракетные двигатели. Измаил не ожидал такой скорости. Чудовище было так огромно, что казалось малоподвижным и неуправляемым. Теперь он понимал, что бурангахцы, заманившие Пурпурное Чудовище в Заларампатру, заплатили высокую цену.

Он решил, что пора действовать, отдал приказ, и сразу же заплескали сигнальные огоньки. Матросы вышли из оцепенения и бросились исполнять приказ. В кораблях открылись люки, на чудовище полетели зажигательные бомбы.

Однако кроваво-красные щупальца, извиваясь, тянулись к кораблям.

Черные бомбы с зажженными фитилями, источая серый дым, падали на пурпурную массу. Дым заволок все, а когда он рассеялся, Измаил увидел дыру в теле чудовища, а в ней — тонкие линии связей, артерий, кровеносных сосудов. Бомбы сожгли кожу во многих местах, и через образовавшиеся дыры изредка выскакивали и летели вверх пузыри с газом.

Измаил приказал спуститься еще ниже. Пуняки решил, что Адмирал совсем сошел с ума, но подчинился приказу.

Горящее масло из разорвавшихся бомб растекалось по коже чудовища, прожигало ее и капало внутрь. Внутри него все горело, пузыри с газом взрывались. Все окутал черный дым.

Измаил благодарил бога, что газ в пузырях чудовища не обладал способностью воспламеняться.

Однако произошло то, что было почти неминуемым: одно из щупалец схватило корабль. Оно обвило корпус корабля, сломав

мачту. А за ним последовали и другие щупальца. Корабль потянуло вниз. Дым от горящего чудовища разъедал глаза и легкие. Люди мучительно кашляли. Они старались забраться на мачты, на более высокие части корабля, куда еще не добрался дым.

Бомбардиры не прекращали бросать бомбы с зажженными фитилями. Бомбы взрывались, и вверх взметались новые языки пламени. Они почти достигали «Руланги».

Внезапно «Руланга» подскочил вверх. Этот прыжок был таким неожиданным, что многие попадали на палубу, а несколько человек сорвались с корабля и рухнули вниз, в пылающую бездну.

Огонь сжег основания щупальцев, удерживавших «Рулангу». Сброшенные бомбы существенно уменьшили вес корабля, и он взлетел вверх. Исмаил увидел, что другие его корабли тоже сбросили бомбы. Чудовище горело в сотне мест. Газовые пузыри взрывались со страшным грохотом, черный удушливый дым застилал все до самого горизонта.

Внезапно Намали вскрикнула, и Исмаил обернулся. Один из его кораблей проплывал прямо над взрывающимися пузырями. Горящий пузырь взлетел вверх и ударил в днище корабля. Корабль моментально охватило пламя, и он начал падать вниз. С корабля успела отчалить только одна лодка, но и она была схвачена щупальцами. Еще несколько секунд — и лодка с людьми исчезла в черном дыму и пламени.

Хотя ветер и был достаточно силен, он не успевал относить дым с места сражения. Чудовище оказалось скрытым в черном дыму, в темном удушливом облаке. Исмаил приказал подняться выше, чтобы оказаться над облаком дыма. Затем велел взять курс на северо-запад. Он хотел осмотреть подветренную сторону. Там «Руланга» встретился еще с двумя кораблями Заларампатры. Остальные, по всей вероятности, погибли.

— Чудовище умирает! — воскликнула Намали. Она посмотрела на Исмаила. — Ты совершил это! Только ты мог это сделать! Ты — бог!

— Чудовище пока еще живое! — хрипло сказал Пуняки.

Он показал вниз, и они увидели, как сквозь дым летят вверх куски плоти чудовища. На каждом из кусков извивались щупальца. Пурпурное Чудовище, умирая, разделилось на множество частей, каждая из которых была способна к самостоятельным действиям. Эти части сформировали из своей плоти паруса и теперь летели к «Руланге». Впрочем, возможно, это были просто другие, более мелкие твари, сопровождающие Пурпурное Чудовище.

Исмаил приказал лучникам стрелять по воздушным пузырям этих существ, а остальным встать возле борта с копьями. Три существа

прицепились к килю и, не найдя для себя входа, стали сами прогрызать его. Складки кожи на туловищах разошлись, и под ними обнаружили безгубые пасти, усеянные острыми треугольными зубами. Прочный, но тонкий материал не мог устоять перед этими зубами. Затем пурпурные пульсирующие тела вытянулись, приобрели форму змей и втянулись внутрь корабля через отверстия.

Матросы встретили их, и завязалась битва. Могучие щупальца хватали людей, тянули в пасти. Матросы обрубали щупальца, но все же некоторые не могли спастись и приняли ужасную смерть. Но битва продолжалась. Копья пронзали газовые пузыри. Матросы зажгли факелы и использовали их как оружие.

Вскоре все было кончено. Щупальца, извиваясь, исчезли в дыму, который исходил от огромной мертвой массы Пурпурного Чудовища.

Измаил повернулся к Пуняки.

— Я думаю, что нам следует заключить мир с Бурангахом.

— Ты сошел с ума! — крикнула Намали. — Ты хочешь заключить мир с этими убийцами, которые когда-нибудь снова придут в Заларампатру, чтобы убить нас всех!

— Я долго думал над этим, — сказал Измаил. — У меня было достаточно времени для размышлений. В Заларампатре осталось мало людей. И хотя в Бурангахе людей больше, их тоже мало. Потребуется несколько поколений, чтобы население городов полностью восстановилось. И за это время и они, и мы наверняка окажемся жертвами нападений других народов. Ведь мы будем практически беззащитны. Но что если два народа соединятся, решат жить вместе? Вместе, как один народ, в одном городе? Ведь тогда их шансы на выживание удвоятся...

— Это неслыханно... — в один голос закричали Намали и Пуняки.

— Да, конечно! — ответил Измаил. — Но я уже сделал много такого, что было неслыханно для вас.

— Но боги! — сказала Намали. — Что скажет Зоомашматра? Как он уживется вместе с Камангаем?

Измаил рассмеялся.

— Сейчас они спокойно уживаются в брюхе каменного чудовища. Да, это чудовище может считаться величайшим из богов, так как носит в своей утробе двух великих богов. Именно то, что он проглотил богов двух народов, и подсказало мне идею об объединении. Пусть заларампатрийцы и бурангахцы живут вместе и вместе борются со своими врагами. Пусть они поклоняются и Зоомашматре, и Камангаю. А может быть, и каменному чудовищу, которое станет богом двух народов. Я не знаю, как оно называется,

но у бурангахцев наверняка есть для него название. А если нет, они придумают его вместе с народом Заларампатры. Боги всегда называются так, как называют их люди.

Все боги, подумал Измаил, все, за исключением Времени. Боги Времени были всегда, но у людей нет имени для самого Времени. И он вспомнил о старом Ахаве, о его заведомо обреченной охоте за белым китом со сморщенным лбом и искалеченной челюстью. Но та охота была чем-то большим, чем просто месть бессловесному зверю.

И снова Измаил подумал, что Время для него — то же самое, что белый кит для Ахав. Только вместо шестидюймового ножа, которым Ахав надеялся достать сердце кита, у Измаила был разум, которым он надеялся постичь природу Времени. Но не все дано познать человеку. И тот, кто пытается понять природу Времени, обречен на поражение, как была обречена на поражение охота Ахав. Человек может просто жить бок о бок с величайшим и ужаснейшим чудовищем — Временем, а когда наступает срок, уходит в безвременность, так и не постигнув, не поняв природы Времени.

Измаил посмотрел на агонизирующее красное солнце, умирающее, как все живое. Посмотрел на большую луну, плывущую по темно-голубому небу. Она падала на Землю. И она встретится с Землей, пусть даже это случится через миллионы лет. И что тогда? Конец человечества? Конец всего, что знал человек? Конец Времени? Тогда зачем бороться, если ответ известен заранее?

Намали, все еще в шоке от его предложения объединиться с врагами, подошла к нему. Он обнял ее за плечи и притянул к себе, хотя такая близость была непривычна для ее народа. Пуняки в замешательстве отвернулись.

Намали была теплая, нежная, в ней было обещание любви, детей...

Вот что сохраняет человечество, сказал себе Измаил. Пусть сейчас это кажется невозможным, но когда-нибудь наши дети смогут найти путь к другим, иным звездам. А когда и те звезды составятся, они полетят к новым. У человечества будет достаточно времени, чтобы победить Время.

1971

Сильверберг Роберт

КАК МЫ ЕЗДИЛИ СМОТРЕТЬ КОНЕЦ СВЕТА

Ник и Джейн были очень рады, что съездили посмотреть конец света, потому что об этом можно было рассказать на вечере у Майка и Раби. Приятно прийти в гости и рассказать что-нибудь особенное. Майк и Раби устраивали прекрасные вечеринки. Их дом — один из лучших в округе, дом для всех сезонов, всех настроений... столько свободы... камин в гостиной...

Ник и Джейн подождали, пока не собралось достаточно гостей. Тогда Джейн толкнула Ника, и Ник весело сказал:

— Эй, вы, знаете, что мы делали на той неделе? Мы ездили смотреть конец света!

— Конец света? — спросил Генри.

— Смотреть? — удивилась жена Генри, Цинция.

— Как вам удалось? — поинтересовалась Паула.

— Этим с марта занимается «Американ экспресс», — объяснил ей Стэн.

— Да, — поспешно сказал Ник. — Вас сажают в машину, похожую на маленькую подводную лодку, с массой приборов и рычажков за прозрачной перегородкой, чтобы вы ничего не трогали, и засылают в будущее. Заплатить можно обычными кредитными карточками.

— Вероятно, очень дорого, — предположила Марсия.

— Цены быстро снижаются, — заверила Джейн. — В прошлом году такую поездку могли позволить себе лишь миллионеры.

— Что вы видели? — спросил Генри.

— Сперва один серый туман, — сказал Ник. — И что-то вспыхивает.

Все смотрели на него. Он наслаждался вниманием. На лице Джейн было восхищенное, любящее выражение.

— Затем туман рассеялся, голос по динамику объявил, что мы достигли конца времени, когда жизнь на Земле стала невозможной. А мы сидели в подводной лодке и смотрели. На берег, пустынный берег. И вода такого необычного серого цвета, с розовым оттенком. Взошло солнце. Красное, как иногда бывает на восходе, только оно оставалось таким и в полдень и казалось бугристым и распухшим по краям. Как некоторые из нас, ха-ха. Бугристое и распухшее. И холодный ветер, дующий по берегу.

— Откуда вы знали, сидя в лодке, что дует холодный ветер? — спросила Цинция.

Джейн бросила на нее яростный взгляд. Ник сказал:

— Мы видели, как поднимается песок. И чувствовалось, что холодно. Серый океан. Как зимой.

— Расскажи им о крабе, — подсказала Джейн.

— Да, и краб. Последняя форма жизни на Земле. Конечно, это был ненастоящий краб — знаете, что-то двух футов шириной и высотой в фут, с блестящей зеленой броней и, наверное, с дюжиной ног, и еще какие-то усики, и эта тварь медленно двигалась перед нами слева направо. Целый день краб полз по песку. А к ночи издох. Его усики опали, и он перестал двигаться. Начался прилив и унес его. Солнце село. Луны не было. Звезды сидели не на своих местах. По динамику объявили, что мы только что видели смерть последнего существа на Земле.

— Как жутко! — вскричала Паула.

— Вы долго там пробыли? — спросила Раби.

— Три часа, — сказала Джейн. — Там можно провести хоть неделю, если доплатить, но вернут вас все равно через три часа после отбытия.

Майк предложил Нику сигарету с марихуаной.

— Это грандиозно, — сказал он. — Съездить на конец света!.. Эй, Раби, надо поговорить с нашим агентом по путешествиям.

Ник глубоко затянулся и передал сигарету Джейн. Он был доволен собой. Его рассказ явно произвел впечатление. Раздутое красное солнце, краб... Поездка обошлась дороже, чем месяц жизни в Японии, но она стоила этих денег. Он и Джейн были первыми в округе. Это очень важно. Паула смотрела на него с восхищением. Ник знал, что она видит его сейчас в другом свете. Возможно, они встретятся во вторник в мотеле. В прошлом месяце она отказалась, но теперь другое дело. Цинция держала за руку Стэна. Генри и Майк расположились у ног Джейн. В комнату вошел двенадцатилетний сын Майка и Раби.

— Только что передавали новости. Радиоактивные мутантные амёбы из-за утечки на государственной исследовательской станции попали в озеро Мичиган. Они заражены тканерастворяющим вирусом, и в семи штатах впредь до особого уведомления необходимо кипятить воду.

Майк нахмурился и сказал:

— Тебе пора спать, Тимми.

Мальчик вышел. Раздался звонок. Раби пошла открывать и вернулась с Эдди и Фрэн. Паула сказала:

— Ник и Джейн ездили смотреть конец света. Они только что рассказывали нам об этом.

— Как! — воскликнул Эдди. — Мы тоже ездили, в среду вечером.

Ник пал духом. Джейн закусил губу и тихо спросила Цинцию, почему Фрэн всегда носит такие яркие платья. Раби сказала:

— Вы все видели? И краба, и солнце?..

— Краба? — переспросил Эдди. — Какого краба? Мы не видели никакого краба.

— Он, наверное, умер раньше, — сказала Паула. — Когда там были Ник и Джейн.

— Вы давно ездили? — спросил Эдди у Ника.

— В воскресенье днем. Мы, пожалуй, были первыми.

— Отличная штука, правда? — сказал Эдди. — Хотя немного мрачновато. Когда последняя гора скрывается в море.

— Мы видели совсем другое, — отрезала Джейн. Майк спросил:

— А как это происходило у вас?

Эдди обнял сзади Цинцию.

— Нас поместили в маленькую капсулу с приборами...

— Это мы уже знаем, — перебила Паула. — Что вы видели?

— Конец света, — ответил Эдди. — Когда все поглощает вода. Солнце и луна торчали на небе в одно время...

— Мы не видели луны, — заметила Джейн. — Ее там вовсе не было.

— Она была на одной стороне неба, а солнце — на другой, — продолжал Эдди. — Луна была ближе, чем обычно. Забавного цвета, почти бронзовая. И кругом один океан. Только в одном месте кусочек земли — эта гора. Гид сказал нам, что это вершина Эвереста. Представляете, плыть в крошечной лодке у вершины Эвереста! Может быть, футов на десять возвышалась. А вода все прибывает. Выше, выше, выше. И над вершиной — хлюп! Не осталось никакой земли.

— Как странно, — сказала Джейн. — Мы тоже видели океан, но был берег и песок, и медленно ползущий краб, и солнце... Вы видели красное солнце?

— Оно было бледно-зеленым, — сказала Фрэн.

— Вы говорите о конце света? — спросил Том. Он и Гарриет стояли у двери и снимали пальто. Их, вероятно, впустил сын Майка. Том передал свое пальто Раби и сказал: — О, что за зрелище!

— Так вы тоже ездили? — неприязненно спросила Джейн.

— Две недели назад, — ответил Том. — Позвонил агент по путешествиям и говорит: «Знаете, что мы предлагаем сейчас? Конец распроклятого света!». И мы поехали прямо к ним, в субботу — или в пятницу? — в общем, в тот день, во время волнений, когда сожгли Сент-Луис.

— В субботу, — уточнила Цинция. — Помню, я возвращалась домой, когда по радио сообщили, что применяют ядерное...

— Да, в субботу, — подхватил Том. — И вот мы пришли, и нас отправили.

— Вы видели берег с крабом или мир, затопленный водой? — спросил Стэн.

— Ни то, ни другое. Везде лед. Ни гор, ни океанов. Мы облетели весь мир, и он был как сплошной снежный ком. Мы включили прожектор — солнца не было.

— Я уверена, что видела солнце, — вставила Гарриет. — Будто потухший уголек в небе. Но гид сказал, что его нельзя больше увидеть.

— Как же получается, что все видят разное? — спросил Генри. — Ведь конец света должен быть только один.

— А это не надувательство? — спросил Стэн.

Все обернулись. Лицо Ника покраснело. У Фрэн было такое выражение, что Эдди выпустил Цинцию и погладил Фрэн по плечу.

— Я не утверждаю, — неуверенно стал оправдываться Стэн. — Просто предположил.

— Мне все показалось вполне реальным, — сказал Том. — Выгоревшее солнце. И Земля — ледяной шар. Конец распроклятого света.

Зазвонил телефон. Раби пошла отвечать. Ник предложил Пауле во вторник поужинать вместе. Она согласилась.

— Встретимся в мотеле, — сказал он, и она улыбнулась. Эдди снова обхаживал Цинцию. Генри неважно выглядел и с трудом боролся со сном. Пришли Фил и Изабель. Услышав разговор Тома и Фрэн о конце света, Изабель сказала, что они с Филом ездили туда позавчера.

— Черт побери! — воскликнул Том. — Ну и как ваша поездка? В комнату вернулась Раби.

— Звонила сестра из Фресно. У них все в порядке. Землетрясение Фресно не затронуло.

— Землетрясение? — повторила Паула.

— В Калифорнии, — объяснил ей Майк. — Сегодня днем. Ты не слышала? Разрушен Лос-Анджелес и почти все побережье до Монтерея. Полагают, что оно произошло из-за подземных испытаний новой бомбы в Мохавской пустыне.

— Калифорния всегда страдает от ужасных бедствий, — посетовала Марсия.

— Хорошо еще, что эти амебы не распространились на запад, — заметил Ник. — Каково сейчас было бы в Л-А!

— Еще дойдут, — сказал Том. — Два к одному, что они размножаются переносимыми по ветру спорами.

— Как брюшной тиф в прошлом ноябре, — припомнила Джейн.

— Сыпной тиф, — поправил Ник.

— Я рассказывал Тому и Фрэн, — начал Фил, — какой мы видели конец света. Солнце превратилось в Новую. Они все очень хорошо продумали. Я имею в виду, нельзя же просто сидеть, ждать и испытывать это — жара, радиация и прочее. Сперва вас привозят в момент за два часа до взрыва, ясно? Уж не знаю, сколько триллиардов лет пройдет, но много, очень много, потому что деревья совершенно другие, с ветками, как веревки, и синими листьями, и еще какие-то прыгающие одноногие твари...

— О, я не верю, — протянула Цинция. Фил не обратил на нее внимания.

— Мы не видели следов людей: ни домов, ни телефонных столбов, ничего. Я думаю, мы вымерли задолго до того. В общем, они дали нам некоторое время смотреть на это. Не выходя из нашей машины, разумеется, потому что, как они предупредили, атмосфера отравлена. Солнце стало постепенно разбухать. Мы заволновались, да, Изи? А что если они просчитались? Такие путешествия — дело новое... Солнце становилось все больше и больше, а потом эдакая штука, вроде руки, вытянулась у него слева, большая огненная рука, тянущаяся через пространство, все ближе и ближе. Мы смотрели сквозь закопченные стеклышки, как во время затмения. Нам дали две минуты, и мы уже почувствовали жару. А потом мы прыгнули на несколько лет вперед. Солнце опять было шаром, только маленьким, такое маленькое белое солнце вместо привычного большого желтого. А Земля обуглилась.

— Один пепел, — с чувством произнесла Изабель.

— Как Детройт после столкновения профсоюзов с Фордом, — сказал Фил, — только хуже, гораздо хуже. Расплавилась целые горы, испарились океаны. Все превратилось в пепел.

Он содрогнулся и взял у Майка сигарету.

— Изабель плакала.

— Те, с одной ногой... Они же сгорели! — всхлипнула Изабель. Стэн стал ее успокаивать.

— Интересно, почему все видят разные картины? Замерзание. Или этот океан. Или взрыв солнца.

— Я убежден, что каждый из нас по-настоящему пережил конец света в далеком будущем, — твердо заявил Ник. Он чувствовал, что должен как-то восстановить свое положение. Так хорошо было до прихода остальных! — Конец света не обязательно один, и нас посылают смотреть разные катастрофы. Я ни на миг не усомнился, что вижу подлинные события.

— Надо и нам съездить, — сказала Раби Майку. — Давай позвоним в понедельник и договоримся.

— В понедельник похороны президента, — сказал Том. — Агентство будет закрыто.

— Убийцу еще не поймали? — поинтересовалась Фрэн.

— В четырехчасовом выпуске об этом ничего не говорили, — сказал Стэн. — Думаю, что он сумеет скрыться, как и предыдущий.

— Понять не могу, почему люди хотят быть президентами, — произнес Фил.

Майк поставил музыку. Ник танцевал с Паулой, Эдди — с Цинцией. Генри дремал. Дэйв, муж Паулы, был не в себе из-за недавнего проигрыша и попросил Изабель посидеть с ним. Том танцевал с Гарриет, хотя они были женаты. Она только что вышла из больницы после трансплантации, и он был к ней чрезвычайно внимателен. Майк танцевал с Фрэн. Раби вклинилась между Эдди и Цинцией. Потом Том танцевал с Джейн, а Фил — с Паулой. Проснулась и вышла маленькая дочь Майка и Раби. Майк снова уложил ее спать. Издалека донесся приглушенный взрыв. Ник опять танцевал с Паулой, но, не желая наскучить ей до вторника, извинился и отошел к Дэйву. Раби спросила Майка:

— Ты позвонишь агенту после похорон?

Майк согласился, но Том сказал, что кто-нибудь застрелит нового президента и снова будут похороны.

— Эти похороны уменьшают общий национальный продукт, — заметил Стэн, — потому что постоянно все закрыто.

Цинция растолкала Генри и потребовала, чтобы он свозил ее посмотреть конец света. Генри был смущен. Его фабрику взорвали во время мирной демонстрации, и он оказался в тяжелом финансовом положении.

— Луи и Жанет тоже должны были прийти, — сказала Раби Пауле, — но их младший сын вернулся из Техаса с новой формой холеры.

Фил сказал:

— А одна пара видела, как разлетелась Луна. Она слишком близко подошла к Земле и разорвалась на куски. Один кусок чуть не разбил их машину.

— Мне бы это не понравилось, — сказала Марсия.

— У нас было чудесное путешествие, — сказала Джейн. — Никаких ужасов. Просто большое красное солнце, прилив и краб, ползущий по берегу. Мы оба были глубоко тронуты.

— Наука буквально творит чудеса в наши дни, — сказала Фрэн.

Майк и Раби решили съездить на конец света сразу после похорон. Цинция слишком много выпила и нехорошо себя почувствовала. Фил, Том и Дэйв обсуждали состояние рынка. Изабель флиртовала с Майком. В полночь кто-то включил радио. Еще раз напомнили о необходимости кипятить воду в пораженных штатах. Вдова президента посетила вдову предыдущего президента, чтобы обсудить детали похорон. Затем передали интервью с управляющим компанией путешествий во времени. «Дела идут превосходно, — сказал тот. — Наше предприятие даст толчок развитию всей национальной индустрии. Естественно, что зрелища типа конца света пользуются колоссальной популярностью в такие времена, как наше». Корреспондент спросил: «Что вы имели в виду, сказав “такие времена, как наше”?» Но когда тот стал отвечать, его прервали рекламой. Майк выключил радио. Ник обнаружил, что чувствует себя чрезвычайно подавленным. Наверное, оттого, решил он, что многие его приятели также совершили поездку, а они с Джейн думали, что будут единственными. Он сидел рядом с Марсией и пытался описать ей, как полз краб, но Марсия только хихикала.

Ник и Джейн ушли совсем рано. Наутро из-за забастовки не доставили воскресных газет, а по радио передали, что уничтожить мутантных амёб оказалось труднее, чем предполагалось ранее. Они распространились в соседние озера, и всем в этом регионе надо кипятить воду. Ник и Джейн обсудили планы на следующий отпуск.

— А не съездить ли нам снова посмотреть конец света? — предложила Джейн, и Ник долго смеялся.

1972

Валерий Генкин, Александр Кацура

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЛЮС

*Вот паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!..».*

Александр Блок

Пьер неотрывно смотрел на тающее тельце девочки. Темные ямки ключиц, тонкие руки с узелками суставов. Игла капельницы кажется огромной и жесткой в едва приметной ниточке вены. Голубые глаза безмятежны, в них он старается не глядеть. «Именно таких — белокурых и голубоглазых, словом, североевропейский тип — чаще поражает этот ужасный недуг. Редкая болезнь, господин Мерсье, особенно у нас во Франции. Не ждите повторной вспышки, увезите дочь куда-нибудь в жаркий сухой климат — в Северную Африку, например, или в Мексику».

Пьер не внял совету врача год назад, когда болезнь только слегка коснулась его Люс. Он был занят. Работал. И вот машина как будто готова. Они проделали щель, через которую человек, по всей видимости, сможет протиснуться туда, в неведомое, далекое, растянутое время. А Люс... А Люс свое время потеряла. Оно сжалось.

— Как себя чувствуешь, Люси? — Доктор Жироду тоже избегал глядеть прямо в лицо девочки. Поневоле привыкнув за долгую практику хладнокровно регистрировать признаки боли и страдания, он не мог смотреть на ребенка, улыбающегося за считанные дни — или часы? — до конца.

— Спасибо, мсье доктор. Я сегодня так хорошо плавала. Вода была теплая-претеплая. И ракушку нашла — вот такую. — Руки Люс оставались неподвижны, лицо сияло.

На тумбочке в углу — красный прямоугольник истории болезни.

«Может быть, вас утешит известие, что девочка не сознает своего положения. Она живет воображаемой жизнью — играет, бегает,

как вполне здоровый ребенок. Она с восторгом расскажет, какую красивую бабочку поймала, хотя подвижность у нее сохраняют только губы и веки. Эйфория на пороге смерти».

Жироду вытянул из красной папки листок с результатами последних анализов.

— Не хочу вас обманывать, вселять надежду. На этой стадии мы вряд ли увидим что-нибудь утешительное. — Он близоруко поднес листок к одутловатому, в прожилках лицу.

— Господин профессор, мадам Жироду просит вас к телефону. — Закованная в крахмал сестра профессионально суха, однако видно, как тревожно расширены ее зрачки.

Старик бормочет что-то извинительное и выходит с листком в руках.

Пьер снова мысленно перебирает варианты. Лететь самому? Но сможет ли он передать всю картину болезни? Послать Люс? Бред. Беспомощный ребенок, не способный даже самостоятельно двигаться, очутится за тысячу лет от дома. А на двоих машина не рассчитана. Впрочем, это к лучшему. Он имеет право рисковать только собой.

Аппарат даже не испытали. Точность перемещения — и пространственного, и временного — невелика. А если залететь далеко? Страшно. Жутко. Скажем, десять тысяч лет! Какой будет цивилизация в это фантастически далекое время? И будет ли вообще? Ну хорошо, он выберет нужный век, он попадет туда. Остается вопрос — как вернуться? Неопределенность обратного пути куда больше. К сожалению. И если высокая точность при движении в будущее не так уж и важна, век туда, век сюда, то вернуться он должен в точнейший миг, чтобы не опоздать к умирающей Люс.

Самый короткий прыжок машины — половина тысячелетия. Этого должно хватить. Не может быть, чтобы они там не одолели какого-то рассеянного склероза. Пьер перевел взгляд на красный коленкор: «Люс Мерсье, 6 лет. История болезни. Основной диагноз...».

Он бросил свой старенький, не раз битый «Пежо» в Форж-лез-О и оставшийся путь до виллы дю Нуи прошел пешком. Ветер тихонько тащил по дороге кленовые и каштановые листья. Уже в сумерках Пьер увидел знакомую позеленевшую черепицу. Он поправил на плечах лямки рюкзака, поставил ногу на осыпающийся фундамент ограды и ухватился за ржавые чугунные прутья.

Какая, однако, нелепость. Он вынужден... Да, просто-таки вынужден воровать собственную машину. Разумеется, они делали ее вместе, и вклад Шалона и дю Нуи велик. Теоретические расчеты, заклепки всяческие, деньги, наконец, — тут ничего не скажешь.

Но идея? Впрочем, ведь и идея не ему принадлежит. Пьер вспомнил Базиля. Вспомнил теплый от вечернего солнца камень, втащить который на холмик ему помог Жак Декур. Базиль. Одобрил бы он поступок Пьера? Пожалуй, да. Базиль был суров, но решителен и справедлив. А если он, Пьер, и сам погибнет, и погубит машину? Именно это втолковывали ему весь вчерашний вечер дю Нуи и Шалон, когда он заикнулся, что хочет воспользоваться аппаратом. Они по очереди бубнили, что надежность основных систем толком не проверена, что он неведь куда забросит машину, вряд ли уцелеет и ничем, естественно, не поможет несчастной крошке. Что ж, логика как будто на их стороне. Но что такое логика, если есть хотя бы ничтожный шанс, еле мерцающая надежда?

Аппарат помещался в ротонде, в дальней части парка. Когда Пьер взламывал дверь, сухое дерево скрипело и стреляло. К счастью, сегодня, кроме садовника дю Нуи, глухого Гастона, на вилле никого не должно быть. Пьер уже сидел в машине, когда раздались торопливые шаги. Он сдвинул рычажок дальности на минимум и выглянул наружу. К ротонде, тяжело дыша, бежал Гастон.

— Мсье! — кричал он в ужасе. — Мсье! Нельзя! Опомнитесь!

Он неуклюже прыгал на подагрических ногах, вытянув вперед правую руку. Где-то за его спиной вспыхнули фары автомобиля. Пьер захлопнул люк.

Крошечная пролысина в чаще леса была так плотно огорожена жимолостью, что Пьер счел всякую маскировку машины излишней.

Сунув под рубашку пакет с красной коленкоровой папкой, он стал продираться сквозь кусты в ту сторону, где лес казался чуть светлее. Гулко ухало сердце.

Судя по холодным каплям росы, положим лучам солнца, треску птиц, нежным клочьям тумана, зябкому запаху ромашек, было раннее летнее утро. Озноб от внутреннего возбуждения и ледяных уколов росинок гнал Пьера вперед. Через час он согрелся, умерил шаг. Но тревога не оставляла его. Километр за километром шел он по лесу — и никаких следов человека. Лежащие на земле деревья гордо подымали могучие комли с ветвистыми корнями — доказательство, что они упали сами, от старости, или были свалены бурей, не издавав ударов топора.

Еще через час, когда тревога перешла в страх, заросли наконец расступились, и открылась даль: широкая поляна в цветах, пологий склон травянистого холма, желтая лента тропы, ведущая к замку.

Крепостная стена срезает верхушку холма, над стеной — башни с черными пятнами бойниц. На густой синеве неба замок проступает светлым изломом.

При взгляде на это творение человеческих рук, которому теперь уже не менее тысячи лет, Пьер испытал огромное облегчение. Он скинул куртку, расстелил ее на просохшей траве и прилег, положив рядом пакет.

Разбудили его звуки, совсем не похожие на шум леса: металлическое бряцание, глухой топот, скрип, нестройный гул голосов. Из-за выводка молодых дубов шагах в двадцати от Пьера на тропу выезжал отряд всадников. В парном строю на тяжелых крупных конях ехали воины в кожаных куртках с нашитыми блестящими бляхами. В правое стремя каждого упирался тупой конец пики, украшенной сверху узким языком флажка. За пикейщиками ехали двое на сухих легконогих скакунах. Один — с массивной золотой цепью поверх стального нагрудника — энергично жестикулировал.

Павлинье перо на его шапочке беспокойно вздрагивало, когда он поворачивал голову к собеседнику. Тот был одет в темно-лиловый балахон с откинутым капюшоном, над которым сияло выбритое круглое пятно на макушке.

Немного отстав от двух всадников, трясся на муле рыжий монах, колотя понурое животное босыми пятками. Следом за ним тонкий юноша в блекло-зеленой куртке и красных чулках вел в поводу коня, к седлу которого были приторочены шлем с белым плюмажем и треугольный, в зазубринах щит.

Наконец показался последний всадник — огромного роста бородач в кольчужной рубаше. От луки его седла тянулся аркан, накинутый на шею тощего старика со сбитыми в кровь босыми ногами.

Повинуясь изгибу тропы, участники процессии поворачивались к Пьеру спиной и, постепенно уменьшаясь, терялись в поле, оставив крепкий запах конского пота и память о затравленном взгляде, который бросал престарелый пленник из-под грязных седых косм.

Что это за век? Куда его занесло? Смутные образы из прочитанных в детстве романов встали перед глазами — Рыцари Круглого стола, Роланд, Тристан, Оттон, Айвенго... Каролинги, капетинги, Пипин Короткий. Сказать определенно, какому времени принадлежат люди, только что проехавшие мимо него, Пьер не мог.

Он встал на ноги и, осторожно отогнув колючие ветки, сделал шаг в сторону тропы.

— Эй!

Мгновенно ослабев от страха, Пьер обернулся. В нескольких шагах от него стоял мальчишка, точная копия только что проскакавшего оруженосца. Он задумчиво грыз ногти и смотрел на Пьера.

— Ты откуда? — Мальчишка, улыбаясь, ждал ответа.

— Я? Я... оттуда. — Пьер махнул в сторону леса. Потом, собравшись с духом, выпалил: — Чей это замок?

— Замок, что ты видишь перед собою, принадлежит славнейшему в Нормандии рыцарю, воителю Святой земли и гроба Господня, грозе мавров и сарацин, моему сеньору барону Жилью де Фору, и все эти земли и угодья принадлежат ему, а я его кравчий и спешу в замок, чтобы поспеть к началу пира, который мой господин даст в честь своих гостей графа де Круа и аббата Бийона, только что проследовавших по этой дороге со своими слугами, пажами и оруженосцами... — тараторил паренек, а Пьер с изумлением сознавал, что тот говорит по-французски, хотя и с очень странным произношением. — А ты, наверно, колдун?

«Интересно, — думал Пьер, втолковывая кравчему благородного и достопочтенного барона, что он просто мимопроезжий чужестранец, — интересно, во времена крестоносцев уже сжигали колдунов или инквизиция была учреждена позже?» — И пусть не удивляет тебя моя одежда, — говорил Пьер, — ибо такое платье в обычае на моей родине.

— Жаль, что ты не колдун. У нас есть одна колдунья, вот было б здорово, если бы вы встретились. Устроили бы турнир, кто кого переколдует. А? Хорошо придумано? Но ты все равно приходи в замок. Ты, верно, голоден и устал от дальнего пути, а наш господин любит не только колдунов, но и путешественников, если только они добрые христиане. А ты ведь христианин, как я погляжу. Ты не похож ни на мавра, ни на еврея, ни на жителя страны Синь. Слушай, а может быть, ты жонглер или трувер?

Пьер на мгновение задумался. Жонглер? Кажется, так называли в их грубую эпоху бродячих комедиантов. Ирония судьбы! Мальчишка почти угадал. Но время ли сейчас признаваться в своем актерском прошлом?

— Нет, я не жонглер.

— Конечно, я и сам вижу, у тебя нет ни арфы, ни обезьянки. Ну, я побежал. Приходи на закате, пир будет в разгаре. Спроси Ожье де Тьерри, это мое имя. Я проведу тебя в зал и найду угол, откуда все хорошо видно. И накормлю отменно. Прощай!

Ожье де Тьерри дунул напрямик к замку, не разбирая дороги. Камзол его слился с густой зеленью, и Пьеру казалось, что две толстые красные ноги сами бегут по склону холма, смешно сгибаясь и разгибаясь.

Пьер возвращался к машине. Какая-то сила тянула его туда вопреки логике и здравому смыслу. Ведь ни доблестное крестоносное воинство, ни все колдуны этого скудного, жестокого, пестрого

и наивного мира не помогут ему доискаться до причины ошибки и устранить ее. Мысль о Люс сжимала сердце. Он шел и плакал, и искал хоть какую-нибудь зацепку, чтобы оправдать себя и жить, хотя бы и здесь, в этой варварской каше из холопов, воинов и монахов. Тогда, в сорок четвертом, он нашел себе оправдание — он бежал, спасая записи Дятлова, бежал, чтобы уберечь Бланш, а Декура с отрядом оставил пробиваться в горы. Тогда он тоже шел и плакал, и лес был чем-то похож на этот, хотя там были предгорья Альп, а здесь, если верить мальчишке, Нормандия.

Он вышел к знакомым зарослям жимолости. Сейчас он вытаскивает из машины рюкзак с консервами, разведет костер, поест, а уж потом обдумает свое положение. Низко нагнувшись и выставив перед собой локти, он нырнул в зеленую гущу, проскользнул на ту сторону и выпрямился. Прямо на него уставился апоплексического вида ражий детина в коричневой рясе. Детина сидел на пне, прислонившись спиной к обшивке аппарата, и тарачил на Пьера круглые пуговичные глазки. Левой рукой он придерживал на колене оловянную кружку, а правую воздел над головой, сжимая полубглоданную кость. Тут же на траве и поваленной лесине лежало и сидело с полдюжины бородатых парней в зеленых длинных кафтанах, а посреди поляны над догорающим костром висел черный котел, в котором ухало и кряхтело какое-то варево.

— *Vade retro, Satanas!* — неожиданно высоким голосом провещал монах и костью нарисовал в воздухе крест.

Зеленые кафтаны повскакали и, разинув рты, уставились на Пьера.

— Что-то твоя латынь его не берет, отец Турлумпий, — усмехнулся толстяк с рыжей кустистой бородой. В его окорокоподобной руке была зажата деревянная мешалка, которой он смело орудовал в котле.

— Сгинь, сатана, скройся, — отбросил монах латынь, продолжая крестить воздух, между тем как его товарищи, потеряв, видно, веру в столь прямое и быстрое действие крестного знамения, приступили к Пьеру.

Очень быстро он был скручен, обмотан колкой веревкой и брошен в развилку корней большого дуба, росшего на самом краю поляны как раз напротив машины.

— Не тебе ли принадлежит эта штука? — начал допрос монах, указывая все той же костью через плечо, в то время как рыжебородый кулинар поддел котел своей мешалкой и, ловко сняв с огня, опустил его на траву.

Кто ножом, кто ложкой стал выуживать из котла куски мяса и деловито чавкать.

Худой паренек наполнил дымящейся похлебкой большую миску и поставил ее перед монахом.

— Спасибо, отрок. Накормить слугу Господа — значит услужить самому Господу. — Турлумпий извлек из складок рясы изгрызенную ложку и припал к лохани.

— Так что же ты молчишь? — отдуваясь, обратился он к Пьеру. — Или язык твой прилип к гортани от страха перед гневом Божиим?

Язык Пьера отнюдь не прилип к гортани. Напротив, он обильно омывался слюной, и свирепый мясной запах терзал Пьера больше, чем страх перед чьим бы то ни было гневом.

— По-моему, это исчадие ада хочет жрать, — сказал толстяк повар.

— Ты прав, Крошка, клянусь мощами святого Ингордана. Надо его накормить, ибо сказал Принявший за нас муки на кресте: просящему у тебя — дай!

Крошка пошарил в траве, выудил еще одну деревянную миску, наполнил ее и отдал подскочившему худому парню. Тот поставил еду перед Пьером и, коротким движением ножа перерезав веревку, освободил ему руки.

— Ешь, ешь, — разрешил монах, увидав нетерпеливое движение Пьера. — Может, эта похлебка из козленка и не похожа на адское пойло из серы и змеиного яда, которым, как я слышал, питаются слуги преисподней, но ничего другого предложить тебе не можем. — И он закинул голову в смехе, открыв ослепительную молодечью глотку.

Пьер жевал горячие куски нежного мяса, запивая их бульоном прямо через край миски. Зеленые кафтаны настроены были благодушно. Увидав, что Пьер покончил со своей порцией, тот же услужливый паренек нацедил кружку из бочонка и поставил ее рядом с опустевшей миской. Пьер отхлебнул горьковатой жидкости и услышал голос монаха:

— Ну, чадо, расскажи, как попал ты во владения нашей вольной ватаги, что это за железная труба и почему на тебе платье, изобличающее принадлежность к колдовскому сословию? А мы послушаем твой рассказ за кружкой доброго пива, сваренного лучшим пивоваром Нормандии — Теофилом Липкие Штаны.

— Я, — начал Пьер, — чужестранец, путешественник.

— Откуда и куда ты путешествуешь?

— Оттуда — туда. — Пьер неопределенно махнул рукой и добавил, кивнув на машину: — А труба, как вы изволили выразиться, это мой экипаж... колесница... Я непонятно говорю?

— Ну да, помело. Чего тут не понять! Ха-ха-ха! — загоготал Крошка, а за ним и остальные.

В следующее мгновение грянул пронзительный свист, и между кустов просунулась плоская румяная рожа с реденькими метелками усов.

— Это отряд де Тардьё, — сообщила рожа. — Едут сюда, человек сорок.

Разбойники пришли в движение. Побросав кружки, они схватили лежавшие здесь же, в траве, короткие мечи и луки. Крошка и Турлумпий вооружились суковатыми дубинами.

— Кто их ведет? — деловито спросил монах.

— Кроме де Тардьё я не заметил рыцарей.

— Все равно их слишком много. Будем уходить. И этого прихватим с собой, он мне понравился. — Монах ткнул пухлым пальцем в то место, где только что сидел Пьер.

Но Пьера там уже не было.

Через минуту поляна опустела. Пьер выбрался из своего укрытия между корней того же дуба, но с противоположной стороны. Он метнулся сюда, улучив мгновение, когда разбойники разбирали оружие. Окончательно освободившись от веревок, он, озираясь, подошел к машине и забрался внутрь. Через минуту, заблокировав замок и подхватив рюкзак за лямки, он уже готовился спрыгнуть на землю. Но тут из-за кустов донесся лошадиный храп и топот. На поляне появились двое в кольчужных рубахах и принялись суетливо расстилать цветастый ковер как раз там, где несколько минут назад валялся связанный Пьер. «Смена декораций», — подумал он, опускаясь на порожек люка. Свесив ноги, он потянулся к нагрудному карману за сигаретой.

На поляну, легко ступая, вышел черноволосый рыцарь с непокрытой головой. Из-под низко обрезанной челки угрюмо смотрели темные красивые глаза. Он вел за руку молодую женщину в наряде, блестевшем, как елочный шар. Она ступила на ковер, в то время как рыцарь остановился перед его краем и, низко склонившись и почти тронув коленом землю, проговорил:

— Здесь, Алисия, ты сможешь отдохнуть и подкрепиться, чтобы усталость не помешала тебе насладиться праздником и в свою очередь доставить гостям наслаждение лицезреть совершенство столь полное, как твоя красота.

«Здорово заворачивает», — с одобрением подумал Пьер, на которого никто еще не обратил внимания.

— Благодарю, съёр Морис. Я действительно утомлена.

— Может быть, глоток теплого вина с пряностями?

— Вина? Пожалуй. — Алисия опустила на гору подушек, сваленных посреди ковра. — Немного мальвазии с корицей и карда-

моном. — Она томно улыбнулась и, угнездившись в подушках, медленно подняла глаза.

Под ее взглядом Пьеру стало неудобно. Через секунду на него уставился рыцарь с челкой, а затем и все присутствующие на поляне.

— Как интересно, — хихикнула вдруг Алисия и, вновь обретя капризную серьезность, обратилась к Пьеру: — Простите нас, любезный съёр рыцарь, за бесцеремонное вторжение в ваши владения. Мы, славный защитник гроба Господня съёр Морис де Тардые и я, Алисия де Сен-Монт, дочь графа Вильруа де Сен-Монта, направляемся к замку высокородного барона Жилия де Фор, дабы принять участие в турнире и празднестве, которые он устраивает по поводу — впрочем, я не помню в точности, по какому именно поводу он дает этот праздник, — и вот мы остановились отдохнуть на этой дивной поляне, чтобы восстановить телесную бодрость, утраченную в известной мере вследствие тягот обременительного для слабой женщины путешествия, не зная, впрочем, что место это уже занято достойным рыцарем, носящим столь странное облачение...

«Боже, — думал Пьер, — а эта-то за кого меня принимает? Нет, дудки, за рыцаря я не сойду — придется еще ломать копья в честь прекрасных дам. Лучше работать под колдуна, у меня для этого явно больше данных».

— ...и соблаговолит назвать нам свое имя, дабы мы могли приветствовать его, как того заслуживает носитель столь славного имени. — Тут Алисия несколько запуталась и снова хихикнула, после чего ожидающе заморгала.

Вместо ответа Пьер выпустил густую струю синеватого дыма.

— Святая Мария, да вы колдун, — оживилась дама, не выказав, однако, никакого страха. — Съёр Морис, я никогда не видела колдунов, а вы?

— Мне, Алисия, всякое приходилось встречать в Палестине и других местах. Но если тебя заинтересовал этот... Почему бы нам не пригласить его в Лонгибур?

— Прекрасная мысль! — захлопала в ладоши женщина, сверкая камнями перстней и браслетов. — Не откажите в любезности даме, благородный съёр, — говорила она уже Пьеру, — согласитесь сопровождать нас в замок барона, где вам, ручаюсь, окажут самое изысканное гостеприимство, которого заслуживает столь могущественный чародей.

Пьер продолжал молчать. Де Тардые сказал что-то своим людям, и те, взяв машину в полукольцо, стали приближаться к сидящему Пьеру. Он швырнул рюкзак обратно в машину, встал и захлопнул люк.

— Ну-ну, — сказал он. — Я иду.

Сохранять достоинство мага и чародея под недружелюбными взглядами латников было нелегко. В это время к Алисии подошел паж. Над серебряным подносом с двумя кубками вился пар.

— Принеси еще, — бросила Алисия пажу, протягивая Пьеру тяжелый металлический сосуд.

Он растерянно держал его двумя руками, пока такие же кубки не оказались в руках Алисии и де Тардьё.

— Пусть вам сопутствует удача! — звонко сказала Алисия. Пьер выпил вино. Теплая волна прошла по телу. — Садись, съер чародей, и расскажи нам о своих чудесах, а еще лучше — покажи что-нибудь не слишком страшное.

«В романах в таких случаях на помощь приходит солнечное затмение. А мне и затмение, начнись оно через минуту, все равно не поможет. Предсказать его я не могу, а тем более шикарно обставить». Пьер опустил на ковер рядом с томно взирающей на него дамой, тоскливо огляделся, достал зажигалку и неуверенно щелкнул. Алисия равнодушно посмотрела на язычок пламени и прилегла на подушках.

Пьер ошалело вертел головой. Кучка воинов закусывала холодным окороком. Пели птицы.

Очнувшись от задумчивости, Морис де Тардьё встал и, буркнув: «Разбудить Алиску», направился к лошадям.

Они проделали уже знакомый Пьеру путь, и Алисия непрерывно болтала, ловко управляя красивым гнедым мулом, а рыцарь Морис де Тардьё молчал, бросая на Пьера неприязненные взгляды. Молчал и Пьер, подпрыгивая на могучем пегом жеребце позади паж, и мысли его были расплывчаты и печальны. У подъемного моста замка Жилия де Форэ ехавший впереди кавалькады воин поднес к губам рог и громко затрубил.

Сотни коптящих факелов отгоняли тьму к потолку, и та сгущалась в сплетении балок. Узкие щели окон рождали сквозняки, от которых языки светильников раскачивались, внося тревогу, размывая предметы, лишая четкости жесты. Прямо на Пьера смотрел узкий белый лик с бескровной полоской губ. За ним лучами расходились мечи и копыя, схваченные щитом мрачной геральдики: ворон, несущий в когтях череп. Страх, отодвинутый было добряками разбойниками и болтовней Алисии, с новой силой сжал сердце Пьера при виде этого лица, недвижимого в мятежном метании теней.

Когда Пьер чуть свылся с желто-красными полутенями, перед ним мало-помалу стали материализовываться реальные предметы:

убегающий к возвышению длинный дубовый стол, гобелены с неуклюжими собаками, соколами в бледно-синем небе и трубящими в рога рыцарями, огромный очаг, черной пастью жующий оленью тушу. Достигнув помоста, стол упирался в другой, более высокий, стоящий поперек. За ним расположились хозяин и знатнейшие гости, среди которых оказались давешние утренние знакомцы — рыцарь с цепью и священник в лиловой рясе. За спинами публики попроще, сидящей на скамьях у длинного стола, шныряли и скалились вислоухие собаки.

Хозяин замка барон Жиль де Фор, чье лицо заворожило Пьера, неподвижно глядел перед собой, слушая, как тучный дворецкий с резным посохом в руке говорил ему что-то о новоприбывших. Потом барон медленно поднялся, сошел по трем высоким ступеням с помоста и двинулся навстречу Алисии и Морису. Пьер не слышал, какими словами обменялись хозяин и гости. Жиль де Фор повел Алисию к своему столу, за ними в сопровождении дворцового шел Морис де Тардьё. Пьер почувствовал себя неуютно, стоя у дверей. «Большого почета тут не жди, — думал он, заходя за каменный выступ близ очага. — Колдун у них по социальной шкале где-то между конюхом и свинопасом. Тем более такой завалящий — кроме фокуса с зажигалкой и сигаретой, ничего не пока-зал». В этот момент кто-то потянул его за полу куртки.

У локтя Пьера сиял черными глазами Ожье, кравчий хозяина замка.

— Молодец, что пришел. Сейчас будет самое интересное. Пристраивайся к столу.

— Скажи, милый Ожье, нельзя ли мне присесть где-нибудь в стороне, ну хотя бы здесь? — Пьер показал на темную нишу за очагом.

— Здесь так здесь. — Ожье поманил поваренка, поливавшего оленью тушу вином из ковша с длинной ручкой. — А ну-ка, Жермен, усади этого человека.

Стрельнув на Пьера живыми черными глазами, поваренок бросил ковш и расторопно прикатил две деревянные колоды. На одну из них уселся Пьер, на другую Ожье поставил тарелку с жареной дичью и кружку темного вина.

И снова мир распался на пятна и звуки. Вереницы слуг меняли блюда, гул наполнял сводчатую залу, и не мог Пьер расчленить этот великолепный оркестр шумов, красок и движений на вульгарные элементы, лишённые поэзии и высокого значения: хруст, сопение, урчание, шарканье, шмыганье, скрип, работа челюстей, локтей, подбородков, а вот холеная рука в перстнях и сале ползет по малиновому бархату, оставляя тусклый жирный след.

И вдруг — тишина и неподвижность. На возвышении у резного кресла барона выросла тощая фигура в рубахе, сшитой из красных и зеленых ромбов, с желтой обезьянкой на плече. Венок из темных привядших роз лихо сдвинут набекрень, лисье личико сосредоточенно, в левой руке — маленькая арфа. Уперев согнутую ногу в чурбак и утвердив арфу на колене, жонглер тронул струны. Резкий тревожный звук полетел к темным сводам.

— Небывальщину заморскую я не стану вам рассказывать, храбрые рыцари и прекрасные дамы, а послушайте побывальщину родной земли, милой Франции. Я песню заведу о храбром витязе, о Роланде пропою вам блистательном, о герое, верно служившем императору христианскому и победившем с Великим Карлом тьму язычников, подлых слуг мавританца-нехристя Марсилия.

Щелкнув по носу не в меру расшалившуюся обезьянку, певец снова бряцнул арфочкой и продолжал уже нараспев:

*Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял...*

Зачарованно внимая стихам, Пьер вспомнил, как убегал с уроков, предпочитая скучному Роланду пыльную зальцу синематографа «Мираж» с Гретой Гарбо на экране и острыми пальчиками Симоны, сжимавшими его локоть.

Жонглер тем временем играет всех героев. Тяжелым взглядом обвел он сидящих за малым столом рыцарей:

*«Бароны, я от вас совета жду,
Кого послать к Марсилию могу».*

Вот Ганелон, предложенный Роландом на опасную должность посла, гневно пророчит мечь:

*Роланду молвит он: «Безумец злобный,
Из-за тебя к Марсилию я послан,
Но коль вернуться мне Господь поможет,
Тебе за все воздам я так жестоко,
Что будешь ты меня до смерти помнить».*

Деловито разработан план злодейской операции. Изменник Ганелон и Марсилий, склонившись над картой — или это Пьеру только кажется, — водят пальцами по пергаменту. Вот оно, ущелье Сизы.

*«Карл арьергард оставит у теснины,
В нем будут граф Роланд неустрашимый*

*И Оливье, собрат его любимый,
И двадцать тысяч воинов-французов.
На них...»*

Ганелон шевелит пальцами, губами: он вычисляет. Мордочка жонглера напряглась.

«На них сто тысяч ваших мавров двиньте.»

За столом движение. Им, рыцарям, да и всякому ясно, как это много — сто против двадцати. Они прекрасно знают, чем все кончится, но забыли. Они все переживают заново. На лицах напряженное внимание. Беспризорная оленья туша обугливается в очаге. К Ронсевальскому ущелью, где встал лагерем отряд Роланда, спешат толпы мавров.

*...В доспехах сарацинских каждый воин.
У каждого кольчуга в три ряда.
Все в добрых сарагосских иишаках,
При валенсийских копьях и щитах...*

О, рыцари знают толк в оружии. Они понимающе переглядываются и чмокают губами, они живут этим. А он, Пьер, сбежал в кино с Симоной...

Окончив коллеж, он болтался без дела. Иногда помогал дяде продавать цветы. Но вот Симона привела его в театр Шатле, в студию самого Жана-Поля Моро. Тому был нужен мим. Он оглядел хрупкую, гибкую фигуру Пьера и удовлетворенно хмыкнул.

Моро оказался прав: у Пьера обнаружился дар. Жан-Поль открыл ему бесконечный мир знаков, язык пантомимы — зыбкий, как волны, шаг, птичий порыв кисти, скорбь белой маски лица.

На улицах Парижа звучал аккордеон. Шумели каштаны. Пьеру казалось, что это волшебное лето никогда не кончится. Но оно кончилось. Германия напала на Польшу.

Франция вступилась за бедных поляков. Началась «странная война». Моро забрали в армию. Его студия застыла, словно в обмороке. Пьера познакомили со старым актером Этьеном Жакье. Тот обещал дать ему роль в готовящемся спектакле. Отрава драматического театра оказалась еще острее. Какой тайной звучали для Пьера имена Станиславского, Мейерхольда, Пискатора! О Станиславском рассказывал Владимир Соколов, который вел занятия по сценическому мастерству. «Смотрите сюда. — Соколов поднимал над головой коробок спичек. — Сосредоточьтесь на этом предмете. А теперь представьте, вы — спички!»

Деревеня, Пьер ощущал себя тонким, оструганным. Он лежит в холодном сумраке, прижатый к жестким своим собратьям, а его далекий маленький затылок обмазан горючей коричневой массой. Но вот брызнул свет, огромные пальцы хватают его, затылок больно чиркает о шершавую стену. Шипение и жар окутывают голову, чернеет и гнется тело.

Этьен Жакье стал для Пьера пророком

— Мальчик мой, — говорил он во время бесконечных прогулок по весеннему Монмартру, — театр — это тот же корабль. Вольный ветер раздувает паруса занавесей, колосники — наш рангоут, сеть задника и канаты — такелаж. Софиты — это горящие иллюминаторы. И даже галерка созвучна галере. Каждый вечер ее заполняют рабы и пираты, жаждущие чуда — свободы и нежности. И спектакль в любую погоду снимается с якоря, чтобы подарить им это чудо... Театр выше жизни, Пьер.

Я выхожу на сцену, чтобы не участвовать в грубой комедии, которую называют реальной жизнью.

С волнением ждал Пьер своего дебюта. Но в это время война перестала быть странной. Обойдя через Бельгию линию Мажино, немцы хлынули на Париж.

Пьер одиноко стоял в толпе на Елисейских полях. Германские мотоциклы катились по улице длинной зеленой змеей. Какой-то худой бледный старик в берете повторял:

— Франция, наша Франция... — По его щекам катились слезы.

«Человек одновременно актер и зритель в театре жизни. Он живет и наблюдает себя со стороны. Живет, но знает, что умирает. Жизнь — это игра в предание смерти».

Какими мудрыми казались Пьеру эти слова Жакье. Но однажды он спросил, не правильно ли на время оставить театр и сражаться.

— Весь мир сейчас сражается, — отвечал Этьен, — и весь мир играет. Я знаю, мы кажемся чудовищами, озабоченными только своим делом — делом комедиантов, безразличных к борьбе. Но у нас свое поле боя — сцена. Ставка в нашей игре — величие духа родины. Духа Мольера, Корнеля, Расина. Мы поднимем на щит героическое прошлое Франции.

Слова старого актера убедили Пьера. Со страстью включился он в постановку «Сида».

— Понимаешь ли ты, что значит имя Сид сегодня? — Глаза старика светились. — Это не просто конфликт между страстью и долгом, это беспредельный героизм во славу своего государства, своей нации. То-то боши язык прикусят.

— Здорово было бы, — розовел Пьер

— Премьеру дадим четырнадцатого июля, — говорил Этьен, захлебываясь от возбуждения. — Ты представляешь себе эффект!

За неделю до премьеры к Жакье пришел немецкий полковник.

— Комендатура, — сказал он, — возлагает на вас ответственную и почетную миссию — постановку оперы «Золото Рейна».

— Но я никогда не ставил опер, я не смогу! — возразил Жакье.

— Ваша скромность делает вам честь, мсье, но в настоящую минуту она совершенно неуместна.

— Я... я очень занят. Я ставлю «Сиду».

— Корнель подождет, — спокойно ответил немец. — Вы будете ставить Вагнера.

Через неделю, 14 июля 1940 года Пьер навсегда ушел из театра. Он выбрал другое поле сражения...

Идет бой. Каждый из двенадцати пэров дает урок маврам. Перед Роландом вырастает волосатый язычник Шернобль. Сейчас, сейчас обрушится на него страшный удар Роландова меча — Дюрандаля. Рассказчик подкрадывается к этому мгновению, как лис к курятнику:

*Прорезал меч подишемник, кудри, кожу,
Прошел меж глаз середкой лобной кости,
Рассек с размаху на кольчуге кольца
И через пах наружу вышел снова...*

Жонглер взял с хозяйского стола кубок и отпил вина. А потом уже обыденно будничная работа, и голос его ровен, а жесты ленивы.

*И рубит он, и режет Дюрандалем,
Большой урон наносит басурманам,
И руки у него в крови, и панцирь,
Конь его залит от ушей до бабок.*

А рядом грубоватый Оливье крушит неверных обломком копья. И певец снова воодушевляется. Он вращает над головой арфу и говорит, отвечая на вопрос Роланда, почему столь необычно его, Оливье, оружие: «Я бью арабов, недосут мне доставать из ножен меч!». Добрый смех приветствует жонглера. Все пьют, и он пьет. И хохочет со всеми: «У него нет... ха-ха-ха... Времени у него нет, некогда ему... Ха-ха, он их оглоблей!». И вдруг посерьезнел:

*Взглянуть бы вам, как копыа там кровавят.
Как рвутся в клочья и значки, и стяги,
Как в цвете лет французы погибают!
Ждут матери и жены их напрасно,
Напрасно ждут друзья за перевалом.
Аой!*

Роланд трубит в свой рог, призывая дядю-императора на помощь. И голос певца напряжен и звонок, и полон боли и отчаяния, потому что медлит Карл, дурачимый Ганелоном, мешкает идти на подмогу.

*Уста покрыты у Роланда кровью,
Висок с натуги непомерной лопнул.
Трубит он в Олифан с тоской и болью.*

Но нет еще Карла, а рядом умирает Оливье. «Ах, край французский, милая отчизна, увы, твоя утрата велика!»

Глаза Алисии блестят слезами, мужчины хмурятся и закрывают лица.

Последний бой. Роланд с архиепископом Турпеном принимают удар четырехсот сарацин. Натиск отражен, и среди тысяч трупов лежит умирающий Роланд. Он поет элегию своему верному Дюрандалю, перед тем как его уничтожить. Жонглер, перебирая струны, заводит речитатив:

*«Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!..»*

И мужчины уже не скрывают слез.

Тщетно бьет Роланд мечом о скалы. Сокрушается камень, но не зубрится Дюрандаль.

И, обессилев, вручает рыцарь свою перчатку архангелу Гавриилу, уносящему его душу.

Певец умолк. Молчала восхищенная зала. Наконец поднялся Жиль де Фор.

— Отдохни, Жоффруа, отдохни и подкрепи себя пищей. Потом ты окончишь свою песнь, ибо нам хочется знать, как принял великий Карл известие о смерти любимого племянника, как отмстил он арабам, как осудил изменника Ганелона и что случилось с прекрасной Альдой — нареченной невестой Роланда. Но чтобы ты знал, сколь любим мы твое искусство, вот тебе награда. Прими ее сейчас, не будем дожидаться конца твоего рассказа — я уверен, он окажется не хуже начала. — Жиль де Фор нагнул голову и снял с себя тяжелую золотую цепь.

Жоффруа опустился на колени и согнал с плеча обезьянку, чтобы та не мешала барону.

— Спасибо, съер рыцарь, мы с Матильдой старались.

Барон расплылся в улыбке, оживившей его тонкие бледные губы, и, надев цепь на шею певцу, слегка подтолкнул его к подоспевшему дворецкому, который повел Жоффруа вдоль длинного стола. Однако высокородные гости, успевшие осушить слезы, а заодно и кубки, как

бы невзначай расставляли локти, так что бродяге-актеру не сразу нашлось место. Наконец он пристроился в самом конце стола возле юного пажа графа де Круа. Пьер с интересом разглядывал жонглера из своей ниши. Поразительный талант. Уж он-то знал в этом толк.

Между тем пир разгорелся с новой силой. Женщины, по наблюдениям Пьера, не отставали от мужчин, уписывая пироги с начинкой из жаворонков, зайчат на деревянных спицах, нежных карпов, запеченных в дубовых листьях, жареную свинину с репой и запивая все это тягучим красным вином. Наконец слуги обнесли всех медными тазами с водой для омовения рук. И потекла беседа.

— Неудивительно, — сказал де Тардьё, — что подвиги Роланда находят отзвук в сердцах рыцарей: он образец и доблести, и долга, и верности. Но что в рассказе нашего жонглера могло привлечь прекраснейшую даму? Ведь женская душа устроена не в пример грубым мужским натурам. Туго натянутой струной откликается она на человеческие муки, а искусный Жоффруа так живо изобразил страдания искалеченных и умирающих бойцов, что это не могло не причинить вам боли, благороднейшая Алисия.

— Вы правы, Морис, — отвечала Алисия. — Я сострадала Роланду и Оливье, но в этом и наслаждение от искусства, подаренного нам Жоффруа. Через страдание мы постигаем блаженство.

Граф де Круа поднял пьяную голову.

— А я, благородные съёры, об одном сожалею: не волен я кинуться в страшную сечу и спасти храбрейшего из храбрых... Объясните мне, гордые рыцари, почему не могу я быть вместе с Роландом? Где тот конь, что отвезет меня в Ронсевальское ущелье?

В глазах де Круа заблестели слезы.

— Нет таких коней, граф, — сказал де Тардьё, и трудно было сказать, насмехается он над молодым графом или сочувствует ему. — Судьба же Роланда прекрасна и возвышенна. И он уже не нуждается в нашей помощи.

— Судьба, судьба, — пробормотал де Круа, ударив по столу так, что посуда подпрыгнула, а сидящая напротив юная маркиза вздрогнула. — Не верю я в нее и не желаю ей подчиняться.

— Не кошунствуй! — сурово произнес аббат Бийон. — Господь справедливо распорядился за нас, нам же остались деяния к вящей его славе. Ни прошлое, ни будущее не в нашей власти.

— А вы, святой отец, — заговорил Жиль де Фор с некоторой нотой брезгливости, — что вы нашли в словах Жоффруа?

Аббат вскинул голову и с достоинством ответил:

— Что могу я черпать в этой славной песне, кроме благочестия и веры в силу Господа, вложившего Дюрандаль в Роландову десницу, дабы тот поразил язычников? Укрепившись в вере, я возвращаюсь

из тех героических дней в наше бренное настоящее, чтобы — увы! — убедиться, что даже цвет рыцарства начинает забывать о святом своем предназначении, о беспощадности к слугам дьявола...

— Что вы имеете в виду, отец Бийон? — мрачно перебил его Жиль де Фор.

— Не настаивайте на ответе, ибо я слишком чту законы гостеприимства, чтобы ответить на ваш вопрос без криводушия и лукавства, и слишком сильна во мне вера...

— Укрепленная фиглярюм Жоффруа?

— ...и слишком сильна во мне вера, — не замечая колкости, продолжал Бийон, — чтобы укрыть от вас свои мысли.

— Так откройте их, святой отец, откройте их! Тем более что я заранее знаю, о ком пойдет речь.

— Да, о ней, о гнусной колдунье, о сатанинской змее, свившей гнездо в сердце рыцаря, некогда благочестивого и безупречного.

— Радуйся, монах, она уже в подземелье!

— Это ты должен ликовать, что одержал победу над бесом искушения.

— А я ликую! Я ликую, ха-ха. Видит Бог, как я весел. — Барон сгреб со стола серебряный кубок, проворно наполненный верным Ожье, и осушил его залпом.

Лицо Бийона, багрово-красное от вина и гнева, поворачивалось, излучая в зал самодовольство. Взгляд его споткнулся о Пьера, пробежал чуть дальше и вернулся.

В следующий миг аббат нагнулся к Жилю де Фору и забормотал что-то ему на ухо.

Хозяин замка повернулся в сторону очага, глаза его впились в Пьера. Вздрогнула и остановилась картина. Лысина дворцового, склоненная к белому пятну на фоне резной высокой спинки. Отстраненная улыбка Мориса. Изумленные брови Алисии.

Туповатое любопытство в пьяных глазах графа де Круа.

— Эй, взять его! — Жиль де Фор тянул палец к Пьеру, а правая рука с кубком снова вознеслась к услужливому ковшу кравчего.

Пьер увидел вырезанный тенью острый кадык под серебряным донцем.

— К Урсуле его! Ей там скучно. Ха-ха!

Два жарких потных тела стиснули его между собой, потащили к стене. Метнулась рука Алисии и опустилась, перехваченная Морисом де Тардые. За креслом хозяина скорчилась запятой худенькая фигурка Ожье. Стало совсем тихо.

— А теперь послушаем конец твоей истории, Жоффруа, — сказал барон.

Что произошло дальше с Марсилием и Ганелоном, Пьер не услышал. Его вывели через обнаружившуюся вдруг боковую дверь, стащили по узкой лестнице — дюжины три крутых ступеней — в каменный мешок, где вместо дверей была скользящая вверх-вниз решетка из деревянных брусьев, а окон не было вовсе. При тусклом свете факела, продетого в железное кольцо, Пьер увидел на полу кучу соломы и ворох тряпья.

Решетка рухнула, топот стражей затих где-то наверху. Пьер постоял с минуту и направился было к соломе, как вдруг куча тряпья шевельнулась, поднялась над полом и обернулась скрюченной старухой с лицом, почти совершенно закрытым прядями нечесанных длинных волос. Она отвела космы со слезящихся глаз, глянула на Пьера и снова опустилась на пол, сцепив грязные руки и выставив острые, прикрытые бурой мешковиной колени.

Пьер тоже сел, скосив на старуху привыкшие к полутьме глаза. Тени, пробегаая по лицу женщины, оживляли брови и губы. Старуха заговорила, и рассказ ее звучал тепло и человечно под многими метрами земли и камня, хотя голос был глух и бесцветен.

— Я читаю по твоим глазам, чужеземец в невиданной одежде, что тебе отвратителен вид твоей сестры по заключению, — начала она и, не обращая внимания на протестующий жест Пьера, продолжала голосом настолько слабым, что только безнадежная тишина подземелья позволяла Пьеру расслышать ее речь.

— Я расскажу тебе о своей жизни, ибо ты — последний, кто выслушает меня в этом мире. Знай, выхода отсюда нет ни тебе, ни мне: если мы не умрем от голода и жажды, то добрый барон облегчит наши муки и прервет страдания плоти и терзания душ милосердным топором или очистительным пламенем костра. Ты вздрогнул, чужеземец, ты не хочешь умирать. Ты молод. Думаешь, я отжила свое? Знаешь ли ты, несчастный, что я моложе тебя, что мне нет еще и тридцати зим? Да-да, и пятнадцати раз не пробуждалась к жизни земля по весне с тех пор, как барон увидал на охоте девочку Урсулу, плетущую венок из первоцвета. Был апрель, зеленый апрель стоял тогда, и барон был весел и молод, и собаки его окружили меня и лаяли, а я смеялась. Я брала их за шерсть у шеи и заглядывала в желтые глаза, и они затихали, и виляли хвостами, и лизали мне ноги. «Что ты сделала с моими собаками, девчонка?» — кричал барон, а я смотрела на него и смеялась, и думала, что если я возьму его за голову, как большого пса, и загляну в его сверкающие глаза — а как они сверкали тогда, в апреле! — то он упадет на колени и, как пес, потянется к моим ногам. И когда я подумала об этом, он затих, опустил свою плетку, подошел ко мне с безумным лицом и упал на колени. Он полз за мной, сминая траву и

первые ландыши и пачкая мокрой землей свои бархатные штаны. Но я убежала и спряталась. А потом все рассказала отцу, и он избил меня тяжелой рукой кузнеца. И не велел выходить из дому. А как я могла сидеть дома, когда пастуха Жиля укусила змея и он распух, как подушка, и мне пришлось держать его за руку три часа, пока отравы не вышла. А потом у Марьяны были трудные роды.

А еще через несколько дней дикий кабан распорол живот кривому Гастону. И никто не мог обойтись без Урсулы, а отец не пускал их в дом, и я убежала, когда он напивался и спал. Я приходила к ним и касалась их ран, и гладила живот Марьяны, и раны их затягивались, а я смотрела им в глаза, и они вытирали слезы и улыбались. Только потом мне хотелось спать, и ноги дрожали, как будто я бегом бежала от деревни до замка и обратно. — Голос старухи шелестел, становился временами невнятным, но опять обретал силу.

Когда она вдруг умолкла, Пьер судорожно прижал руки к ушам — настолько тишина стала нестерпимой.

И снова Урсула заговорила:

— Меня никто не боялся и не считал колдуньей. Все в деревне знали, что эта сила перешла ко мне от матери, а к ней от ее матери, и так было всегда. И когда капеллан из замка, упав пьяным с лошади, сломал руку и долго болел, его принесли ко мне, и рука его стала здоровой к вечеру. И он тогда сказал, что на мне лежит Божья благодать. А потом капеллан увидел, как я велела нашему псу Винту принести горшок с бальзамом и тот принес его в передних лапах. И капеллан уже не говорил про Божью благодать. Он сказал, что я ведьма, что во мне сидит дьявол и что теперь его ждет адское пламя — он позволил ведьме его лечить. А меня, сказал он, надо побить камнями. Но люди не дали меня в обиду. А капеллана чуть не растерзали. Но я упросила их отпустить его. И когда он уходил, я негромко спросила, тихо так спросила — почему сын плотника Иисус мог исцелять прокаженных, возлагая персты на язвы, а дочь кузнеца не может залечить рану своей рукой?

Потом он все-таки нашел меня, мой барон. Жиль де Фор. Так его звали. И сейчас его так зовут. Да я и хотела, чтоб он меня нашел. У него тогда были сумасшедшие глаза и тонкие красные губы — как две змейки. Он искал меня, но никто не говорил ему, где я. Он велел схватить пастуха Жиля, когда тот гнал стадо мимо замка. Он показал ему щипцы и раскаленную маску с шипами, и Жиль испугался. Барон приехал один, без слуг, без воинов. Он плакал и звал меня в замок. А мне так хотелось в замок, но я боялась отца. И я сказала, что не поеду. Тогда он сказал, что убьет отца. Он стоял и грозил, а я знала, что он его не тронет. Это сейчас он зол и морщинист, а тогда был статен и весел, только бледен так же, и губы были такие же

тонкие, словно две змейки. Он вернулся в замок, а на следующий день я прибежала к нему сама. Отец сошел с ума и спалил кузню. Но что мне отец! Я любила своего барона, он хохотал и говорил: «Ведьмочка моя». И мы были счастливы год за годом, и было таких лет десять. А потом он поехал воевать гроб Господень.

Вернулся через год совсем больным. Горел весь и сох, а тут еще рана на бедре открылась — воспаленная, незалеченная. Смердела так, что стоять рядом никто не мог, слуги воротили носы, а лекарь сказал, чтоб звали капеллана. А я приходила к нему, ласкала его. И водила рукой над раной. И вот так вот рубила воздух рукой. Сбрасывала вторгшуюся чужую силу. Сбрасывала. И рана затянулась, жар спал, и своя сила вернулась в его тело. А от меня ушла моя. Вся сила моя и красота моя, и молодость — все в эту рану ушло навсегда.

И мой жар пропал, и руки мои уже не исцеляют, и дух мой не властен над человеком и зверем. А он, встав, сказал: «Уйди, Урсула. Ступай к отцу. Ты стала старой и безобразной». Я была молода, пока во мне жила моя сила. Мать моя до сорока восьми лет была свежа, как девочка, и осталась бы такой, но лесничий графа Турпена застрелил ее из арбалета, когда она собирала травы у Круглого озера. А я превратилась в старуху за те дни, что лечила моего тонкогубого. Я заплакала и пошла к отцу, но он прогнал меня. «Ты не дочь моя, ты баронова подстилка, — кричал он, — а дочь моя Урсула давно умерла. Она была молодой. А ты — гнусная старуха. Посмотри, как ты безобразна». И взял меня за шею и наклонил над бочкой с водой, которая стояла у крыльца еще с тех пор, как я жила там, и я увидела свое лицо и испугалась, а он все наклонял мою голову, и лицо мое уже касалось тухлой воды, а пальцы его, как клещи, сдавили затылок. Но мимо проходил Жиль, пастух. Он отбил меня у старика. Но и Жиль не узнал меня. «Оставь старуху, Кола», — сказал он отцу. Я подошла к нему ближе и сказала, что я Урсула. Та самая, что спасла его от укуса гадюки, та, которую он все это время тайно любил. «Урсула умерла, — сказал пастух. — Я сам убил ее».

Я вернулась в замок. Но барон не допустил меня к себе. Разрешил жить в дальней башне, в сыром ее низу. И велел меня кормить. С тех пор я живу без любви. Кому нужна любовь старой ведьмы..

Пьер боялся шелохнуться.

— А завтра смерть, вечный покой, вечные муки. — В голосе старухи появились злобные нотки. — Барон теперь женится на племяннице этого борова Бийона. Я всегда не любила попов, а этого ненавижу. Подлый аббат требует моей смерти, я знаю. Но они просчитались! Ненависть вернула мне силу, я выйду отсюда и убью их всех, убью, убью... — Старуха выла высоким голосом, и Пьера охватил ужас.

— Я снова чувствую жар в моих руках, — шипела Урсула и тянула к нему скрюченную лапку.

Он вздрогнул от ожога. Старуха сидела неподвижно. На его колене расплывалось пятно горячей смолы, упавшей с факела.

И вдруг на Пьера нахлынуло неистребимое, сумасшедшее желание рассказать кому-нибудь, хотя бы этой нахохлившейся мегере, тупо смотрящей во мрак, рассказать все-все: о неповторимом запахе кулис; о черной клеенке эсэсовских плащей на площади Этуаль; о том, как рвутся легкие, когда бежать уже не можешь, но бежишь; о том, как опустели глаза Базиля, когда Буше принес известие о смерти Колет; о том, как умирал Базиль и свистело его простреленное горло; о драгоценной коричневой тетради; об испуганных объятиях Бланш; о Люс, которая звонко смеялась и говорила: «Я сегодня бабочку поймала — во-от такую», — и показывала неподвижными руками.

— Я вообще считаю, что в этой затее «французского редута» к востоку от Роны много шума и мало толку. — Тяжелое лицо Дятлова в полумраке блиндажа казалось неподвижным.

Пьер сидел в углу перед ящиком с патронами и набивал пулеметные диски, стараясь не упустить ни слова.

— Вы полагаете, мы вообще тут сидим зря? В чем же наш просчет, мсье Дятлов? — Д'Арильи вытянул журавлиные ноги и уперся ими в ящик, блестя на Пьера идеально начищенными сапогами.

— В месте и способе ведения боевых действий. Здесь, в горах, самое большее, на что мы годимся, — это сковать несколько тысяч немцев. Разве это стоящее дело для трех тысяч партизан да роты альпийских стрелков?

— Могу добавить, что сегодня к нам присоединились еще остатки одиннадцатого пехотного полка и саперная рота из Армии перемирия. Они не выполнили приказа Петена разоружиться, переправились через Рону у Баланса и явились в Васье.

— Прекрасно. Однако им не следовало переправляться.

— Прикажете идти на Париж?

«Неужели, — думал Пьер, — Базиль не чувствует, что д'Арильи над ним издевается? Ведь он смеется над Дятловым, эта аристократическая каланча».

— На Париж бы неплохо, — гудел ровный голос Дятлова. — Но Париж далеко. А вот оседлать дороги от Прованса на север и рвать составы, идущие в Нормандию, — этого от нас ждут и союзники, и де Голль.

— Непременно передам генералу, что у него такой верный единомышленник. А пока, поскольку до де Голля еще дальше, чем

до Парижа, я приглашаю вас от имени Эрвье в Сен-Мартен. Сегодня в двадцать ноль-ноль. Судя по болтовне Декура, там будут обсуждаться идеи, близкие вашим. К тому же приехала связная из Тулузы. Кстати, ваша соотечественница. Из парижского круга русских литераторов. Поэтесса или что-то в этом роде. Впрочем, эмигрантскую поэзию вы, конечно, не любите.

— Где уж нам, медведям. — И добавил по-русски: — «У нубийских черных хижин кто-то пел, томясь бесстрастно: я тоскую, я печальна оттого, что я прекрасна».

— Как вы сказали? Это русские стихи?

— Эмигрантские. Автор решил, что в Африке все черное, даже хижины. И у этих хижин бродит черная же, очевидно, дама. Она испытывает мучения, но при этом остается холодной. И, прогуливаясь в таком противоречивом расположении духа, упомянутая особа поет, ставя словами своей песни в известность случайных прохожих — разумеется, тоже черных, — что причина переживаемого ею угнетенного состояния кроется в ее внешней привлекательности. Однако, если в двадцать ноль-ноль нас ждет Эрвье, пора ехать. — И, надев широкий ремень с кобурой, Дятлов открыл дверь. Изумленный Пьер смотрел ему вслед.

— Каков медведь, а? — сказал д'Арильи, когда Дятлов вышел. — Да ты в него влюбился, что ли? Смотри, станешь красным. У них там все красные, так же как в Нубии все черные. — И довольный, д'Арильи вышел вслед за Дятловым, оставив Пьера набивать диски.

Из дома Эрвье, где помещался штаб, расходились уже близко к полуночи. Было тихо. Немцы не стреляли, только изредка взлетали ракеты. Дятлов стоял у палисадника и ждал Сарру Кнут, связную из Тулузы, чтобы проводить ее в дом Колет. Оттуда обе женщины завтра утром отправятся на запад. Так решил Эрвье. Маленькую Бланш Дятлов отвезет к мадам Тибо — старуха не откажется взять внучку. При мысли о том, что Колет уедет, Дятлов испытывал жалость, почти страх: она попадет в самое логово немцев, а его с ней не будет.

Сарра Кнут вышла вместе с полковником. Эрвье подвел ее к Дятлову и сказал:

— Базиль, скажете Декуру, чтобы он вывел женщин к дороге на Шатильон. У заставы их встретит Буше, там они останутся до ночи. Затемно он выведет их к Дрому и переправит на тот берег. До Монтелимара они пойдут одни, а оттуда, если поезда еще ходят, поедут в Тулузу. Проститесь с Колет и возвращайтесь к себе — боши что-то зашевелились. Клеман принял радиogramму от Сустеля. По их данным, к Веркору движется танковая дивизия Пфлаума. Предполагают, что в Гренобле ее перефор-

мируют и направят в Нормандию. Вряд ли они будут с нами связываться, но...

Эрвье поцеловал руку Сарре, махнул Дятлову и исчез в доме. В лунном свете Сарра казалась моложе. Тогда, увидев ее в штабе, он дал ей лет пятьдесят: лицо болезненное, с черными кругами под глазами, волосы почти седые, голос низкий, хотя и звучный. Говорила она немного медленнее француженок — не по незнанию языка, а, видимо, по складу характера, — с некоторой обстоятельностью и московской округлостью. Сейчас она молчала, и профиль ее был чист и молод.

— Сколько вам лет, Сарра? — спросил он по-русски.

— Узнаю соотечественника. И не только по языку. Ни один француз не спросит женщину, даже такую старуху, как я, о ее возрасте. Мне сорок. Но уж коли мы говорим по-русски, то называйте меня и настоящим моим именем — Ариадна. Ариадна Александровна Скрябина-Кнут.

— Скрябина? Александровна? Так вы — дочь?

— Да, его дочь.

— Здорово! Во, как бывает. Какая встреча. Я не забуду. Но причем здесь кнут? И почему Сарра? Впрочем, это не мое дело.

— Я не делаю из этого тайны. Я пишу, вернее, писала стихи. А имя отца слишком ко многому обязывало. Выбирая псевдоним, я прикрылась именем мужа. Его зовут Довид Кнут. Он поэт. В отличие от меня, настоящий. Ну а Сарра — это уже для красоты и экзотики.

— А где сейчас ваш муж?

— Довид сейчас в Париже. В подполье.

— Понятно. И давно вы во Франции?

— С восемнадцатого года. Мне тогда четырнадцати не было. Но Россию помню. Больше всего Москву. Арбат, Пречистенку. Если бы вы знали, как хочется в Москву. Ну и в Питер, конечно. Вот кончится война — может быть, получится съездить.

— Почему бы нет.

— А вы откуда родом?

— Я из поморов. Холмогоры, помните такое название?

— Смеетесь?

— Но учился и жил до войны в Ленинграде.

— Как Ломоносов. Вы случайно не физик для полноты сходства?

— Именно. Физик. Правда, односторонний. Мозаикой не занимаюсь, стихов не сочиняю. Но люблю и слушаю с удовольствием. Прочтите что-нибудь свое.

— Момент не слишком располагает к поэзии.

— Хотя бы немного, Ариадна Александровна. Сарра! Несколько строк.

— Ну что ж... Вы первый человек оттуда, который услышит мои стихи.

И она негромким, но внятным низким голосом произнесла, почти пропела:

*Московская земля.
Реки излучина.
А в памяти гудят колокола.
С какою силой я сегодня поняла —
Судьба и время неразлучны..
Мы знаем все,
Мы помним всех,
То время бали и утех,
И голосов ушедших смех,
И расколовшийся орех.
Я помню все —
Над черною Невойю
Ни плача большие нет,
Ни вою.
Все отрыдало тут.
И пусть они уйдут.
Они уйдут —
Блаженны и спокойны,
Все пережив —
И пропасти, и войны.
Все отыграло тут,
И черная вода
Все унесла
Без слез и без следа.
Все отгорело здесь,
И черная вода
Все унесла
Без мук и без стыда.*

*Тревожный сон, рассвет и мгла.
И снова Кремль, седые стены.
Однако как Земля кругла!
Смешно, шаг влево — берег Сены.*

*Идет девчонка по Арбату,
Неслышно шепчут тополя.
Идет легко, навстречу брату —
На Елисейские Поля...*

— Слушайте, — она внезапно взглянула Дятлову в глаза, — это какая-то ерунда. Тополя почему-то. Откуда? Это я, видимо, у Довида стащила. — И она замолчала.

Дятлов протестующе поднял руку.

— Давайте-ка я вам лучше прочту что-нибудь из мужа. Это действительно поэзия.

Запрокинув голову, она начала почти шепотом:

*Я не умру. И разве может быть,
Чтоб без меня в ликующем пространстве
Земля чертила огненную нить
Бессмысленного, радостного странствия.*

*Не может быть, чтоб без меня земля,
Катясь в мирах, цвела и отцветала,
Чтоб без меня шумели тополя,
Чтоб снег кружился, а меня — не стало!*

*Не может быть. Я утверждаю: нет.
Я буду жить, тупой, упрямолюбый,
И в страшный час, в опустошенном сне
Я оттолкну руками крышку гроба.*

Последние строки она произнесла громко, с отчетливой тревогой, почти на грани нервного срыва.

— Бойтесь за мужа?

— Еще как.

— Понимаю. — Дятлов помолчал, а потом попросил почитать еще.

— В другой раз, — сказала она. — Вы не обижайтесь. Я сейчас не могу.

Колет уже легла. Она выскочила в рубашке, с торчащими, как у подростка, ключицами, и прильнула к Дятлову, не замечая его спутницы.

— Базиль, Базиль, какой ты молодец, что пришел. Ты голодный? Ой, здравствуйте, проходите, сейчас зажгу свет, только опущу шторы и укрою Бланш. Пойди, Базиль, посмотри на нее. Она сегодня так плакала. Мишо сказал, это зубки режутся. — Колет говорила без остановки.

Такой и запомнил ее Дятлов — в белой полотняной рубашке, полуробенка, смотрящую обращенными вверх, в его лицо, заспанными глазами и бормочущую быстро-быстро: «Она так плакала... зубки режутся...».

Восемь дней он ничего не знал о ней, а на девятый, когда немцы уже перекрыли все проходы и танки Пфлаума, двигаясь от Гренобля на юг, утюжили деревню за деревней, подползая к рубежу Сен-Мартен—Васье, на правом фланге которого держал оборону отряд Дятлова, к нему пробрался Буше и рассказал, что Колет, Сарра и еще четыре франтирера были схвачены в Тулузе во время облавы. Колет застрелили при попытке вырваться, остальных забрали гестаповцы.

Взвизгнув, решетка поползла вверх. Пьер очнулся. Этот звук после стольких часов тишины — неужели ночь прошла? — показался и страшным, и желанным. На пороге возникли те же два воина. Потоптавшись, один из них буркнул беззлобно, даже с некоторым, как показалось Пьеру, сочувствием:

— Ну, Урсула, надо идти. — А потом Пьеру, уже безразлично: — Вставай.

Старуха молча шагнула в проем за решетку. Пьер вышел следом и увидел, вернее, почувствовал по метнувшемуся свету и короткому шипению, как страж выдернул факел из кольца и швырнул в воду. Ступеньки были высокими, Урсула подхватывала расползающиеся тряпки, тонкие грязные лодыжки мелькали перед глазами Пьера. На последней ступеньке она обернулась и сказала громким хриплым шепотом:

— Это конец, чужеземец! Готовься к смерти, молись своему богу!

Пьер попятился. Но старуха уже мчалась вперед.

Коридоры замка были темны. Оранжевые пятна редких факелов создавали иллюзию сна, и Пьер шел легко и плавно. Реальность вернулась ярким солнечным светом, заливавшим двор, где широким крутом стояли слуги, воины, дети, монахи. Вот испуганно поникая мордочка Ожье рядом с бородачом-гигантом, который вчера волок на аркане босоногого оборванца. А вот и сам оборванец, но руки его уже свободны, и в глазах не мука, а живое гнусное любопытство. Разбойник-поп отец Турлумпий с красными наливными щеками высунулся из толпы своих зеленокафтаных приятелей, а за его плечом, приоткрыв щербатый рот, маячит Крошка. Здесь же на корточках пристроился паж Алисии, а рядом — поливальщик оленя, как его, ах да, Жермен. И тучный дворецкий тут, и вертлявый Жоффруа. Вертляв, но ведь и талантлив...

Отдельной группой на небольшом помосте стояли хозяин замка барон Жиль де Фор, аббат Бийон, граф де Круа, Алисия де Сен-Монт и Морис де Тардые. Низко надвинув капюшон, в смиренной позе застыл перед аббатом рыжий монах в веревочных сандалиях.

В центре круга, подобно верхушкам прясел, торчали из кучи хвороста два столба.

Монах подошел к Урсуле и что-то забормotal, сунув ей крест. Напряженная спина женщины не шелохнулась. Стражи медленно повели ее к одной из куч, на скате которой Пьер заметил широкую доску с набитыми поперечинами — нечто вроде трапа, ведущего к столбу. Урсула покорно ступила на трап. Пьер заворуженно смотрел на нее и не сразу понял, что монах с крестом уже перед ним и шевелит толстыми губами. Урсула сбросила драный балахон и осталась в тонкой белой рубахе. Она прижалась спиной к столбу, и, пока стражи обматывали ее веревкой, Пьер успел увидеть, как под отброшенными ветром седыми волосами гордо блеснули живые горячие глаза.

Справа и слева, качаясь, поплыли лица, куча хвороста выросла и заслонила небо.

Две сильные руки подперли поясницу и вознесли его. В глаза вновь хлынул солнечный свет. Ноги Пьера в рифленых туристских ботинках уцепились за шершавый дощатый скат.

— *In nomine patris et filii et spiritus sancti...**

Позвоночник и затылок уперлись в столб.

Две серые приплюснутые фигуры медленно приближались к горе хвороста. Прозрачный огонь факелов в их руках едва виден в солнечном свете. Совершенно безобидный с виду огонь.

«Какой бездарный конец», — подумал Пьер и закрыл глаза.

Он слышал, как огонь с легким треском побежал по сухим веткам.

— Стоп! Стоп! Все не так! Что за чучело мне подсунули? Помрежа ко мне! Костюмера! И сценарий! Где помощник, я вас спрашиваю?

Истощенный голос неся снизу. Пьер открыл глаза. Маленький патлатый человечек неистово рубил ладонью воздух и топал деревянными башмаками по древним плитам замкового двора.

Невесть откуда явился длинный нескладный мужчина в серых помятых штанах, в детских сандалиях с дырочками и начищенном медном шишаке. Он протянул патлатому растрепанную тетрадь и замер, приоткрыв рот и быстро двигая кадыком.

— Кто это? — визжал человечек, тыча тетрадью в Пьера.

Из тетради вылетело несколько листов, красиво улегшихся на плитах мостовой.

— Н-не знаю, — выдавил длинный, хлопая ресницами.

— А кто знает?

---

* Во имя Отца и Сына и Святого Духа (*лат.*).

Длинный молчал.

— Что ни день, то скандал. Вчера какой-то хулиган палил из пиццали по Лонгибуру. Пиццаль в двенадцатом веке! Хорошо, что не бластер. А этот откуда взялся? Кто его одевал? Где костюмер? — Патлатый нагнулся и, сердито сопя, стал собирать выпавшие листья.

Из толпы выдвинулась хрупкая девушка в платье служанки.

— Ваша работа? — Патлатый мотнул головой в сторону Пьера.

— Нет, — тихо ответила девушка.

— Так кто смеет мне мешать! — Он быстро переступал деревянными подошвами, переходя в гневе с фальцета на бас и обратно. — Где вы видели в сценарии этого фрукта? — кричал он, размахивая тетрадь. — Где? Покажите! Я жду.

— Видите ли, Реджинальд Семенович, — начал было длинный, но человечек остановил его жестом.

— Давайте его сюда, — сказал он устало. — И ее тоже.

Веревки отпустили обмякшее тело. Пьер сполз по дымящемуся хворосту.

— Кто вы такой? — спросил Реджинальд Семенович и вздернул подбородок, тряхнув патлами.

Пьер молчал.

— Ну скажите же, милый мой! — В голосе маленького человека зазвучали обиженные, какие-то детские оттенки. — Откуда вы?

— Мне уже доводилось отвечать, — пробормотал Пьер. — Пьер Мерсье из Форж-лез-О.

— Форж-лез-О? — застонал патлатый. — Где это? Урсула, звездочка моя, откуда он взялся?

Пьер оглянулся на старуху. Но старухи не было. Молодая горбоносая красавица с живым интересом смотрела на него желто-карими глазами.

— Понятия не имею, котенок. Я думала, это твой новый ход.

— Господи, какой еще ход! Белены вы объелись, что ли? Где вы видели у меня новый ход? У меня! Я вам кто — безответственный экспериментатор? Модернист? А ну скажите, кто считает меня пошлым модернистом? Вы? Вы?.. — Реджинальд Семенович тыкал пальцем в тихо приблизившихся Жилия де Фор, Мориса де Тардые, Бийона, Алисию. — Так вот, господа, к вашему сведению, я придерживаюсь классических традиций. Я — классик. Понятно? А вот кто вы такой? — Он устало повернулся к Пьеру.

— Я уже сказал, мое имя Пьер Мерсье. Могу только добавить, что я мирный путешественник. А вы кто, мсье классик?

— Я? — задохнулся человечек. — Вы не знаете ме-ня? — Он взглянул на Пьера с неподдельным изумлением. Потом приподнял

подбородок, наклонил голову так, что патлы мирно легли набок, и произнес с расстановкой:

— Я — Реджинальд Кукс.

— Прекрасно, мсье Кукс, — сказал Пьер. — Но прошу простить меня — я прибыл из такого далека, что ваше имя ничего не говорит мне.

Лицо длинного в шишаке исказилось в приступе суеверного ужаса. Он наклонился к Пьеру и громко зашептал:

— Бог с вами, это же Реджинальд Кукс, главный режиссер Второй зоны Третьего вилайета.

— Режиссер? Вилайета? — Пьер с трудом ворочал мозгами. — Простите, меня только что хотели сжечь, и я как-то еще не совсем...

— Вот что значит вжиться в образ! — восхищенно пробормотал аббат Бийон.

— Но ведь как будто к тому и шло, — сказал Пьер, слабо улыбаясь.

— К тому шло, — повторил Жиль де Фор. — Ха... ха... — И он зашелся тяжелым низким смехом.

Немедленно к нему присоединился залиvistый дискант Реджинальда Семеновича Куksа, главного режиссера Второй зоны Третьего вилайета. Через секунду грохотала вся площадь: визжали мальчишки во главе с Ожье, ржали парни в зеленых кафтанах, церковным колоколом бухал разбойник-монах, сверкая зубами, смеялась Урсула, а Алисия, держась рукой за бок, вытирала глаза розовым кружевным платочком.

Последним пришел в движение длинный в шишаке. Его тонкое блеяние разнеслось по двору, когда другие уже затихали.

Отсмеявшийся Кукс вновь подступил к Пьеру.

— Так откуда вы прибыли, мирный путешественник?

— Я же вам сказал — из Форж-лез-О.

— Опять вы за свое! Ничего не понимаю, — скривился Кукс. — А вы, Аристарх Георгиевич?

Длинный изобразил скорбную мину.

— Стойте, кажется, я знаю. — К ним, тряся полами коричневой рясы, пробирался монах. Его круглые пуговичные глаза сверкали. — Как же я сразу не понял, что это за штука. Отсутствие движителей... Да и форма.

— Какая штука? — спросил Кукс.

— Да там, в лесу. Неважно. По-моему, этот парень пришлепал к нам из другого времени.

— Что? Как? — Кукс даже привстал на цыпочки.

— А вот так — нехитрое устройство, бух, бах — и пары столетий как не бывало!

— Пара столетий? Из другого времени? — На этот раз глаза округли режиссер Кукс.

— Это правда, — сказал Пьер. — Но, ради Бога, скажите, какой у вас век?

Все растерянно молчали. Первым откликнулся Аристарх Георгиевич:

— Если вы только не шутите, то я вам отвечу: пятый век Великой эпохи.

— Скажите, э... а от Рождества Христова это как выглядит?

Монах посмотрел на Пьера с удивлением и ответил:

— Понял, понял. По предложенной вами шкале получается... ага, двадцать пятое столетие, семьдесят восьмой год. Я не ошибся? — Он оглянулся на толпу.

— Двадцать пятое! — закричал Пьер. — Все-таки двадцать пятое! Вы не обманываете меня? Нет? Боже правый, значит, машина... значит, Дятлов... мы... — И он замолк, жадно озирая обступивших его людей.

— А вы в таком случае из какого века, если, простите, это не секрет? — Аристарх Георгиевич от нетерпения переступал с ноги на ногу.

— Никакого секрета. Я из двадцатого. Вот так прямо к вам...

Реджинальд Кукс присвистнул:

— Экая даль. — Он робко тронул Пьера за рукав, словно желал убедиться, что беседует не с призраком. Потом осмелел и потрепал гостя по плечу. Потом потянул за полу куртки, словно хотел проверить прочность ткани. — Н-да. Надо бы отдать вас в хорошие руки. Аристарх Георгиевич, любезный, свяжите нас с Агентством по туризму.

— Сию минуту. — Помреж снял сверкающий шишак и, пристроив его под мышкой, крупно зашагал прочь. Все между тем сделались очень ласковыми к Пьеру. Морис де Тардые положил ему руку на плечо и говорил, что глубоко сожалеет о холодности их первой встречи там, на поляне. Алисия крутила пуговицу на куртке Пьера и восклицала:

— Подумать только! Ну просто не могу себе представить!

Тут снова появился Аристарх Георгиевич. С ним шел молодой человек в белой блузе и белых штанах. Он приветливо глянул на Пьера.

— Меня зовут Гектор. Мне выпала честь сопровождать дорогого и почетного гостя, многоуважаемый...

— Пьер Мерсье, — сказал Пьер.

— ...многоуважаемый Пьер Мерсье. А сейчас не желаете ли отдохнуть с дороги?

Они шли по красной каменной галерее. Сквозь щели густо лезла трава. Провал слева внизу — сплошное зеленое буйство. «Джунгли какие-то», — думал Пьер.

— Такой пейзаж нынче моден, — пояснил Гектор. Второй день этот голубоглазый красавец сопровождал Пьера повсюду.

— Скажите, я сделал ошибку? Мне не следовало прилетать?

— Нет, Пьер, вы не сделали ошибки, — ровно, дружелюбно сказал Гектор. — Я представлю вас членам Совета, вашему делу дадут ход. А вы пока отдыхайте.

Показалась низкая дверь из разошедшихся досок, схваченных коваными железными полосами. Гектор взял за ржавое кольцо. Из открывшейся темноты пахнуло погребной сыростью.

— Прошу, — сказал Гектор.

Пьер согнулся и шагнул. Еще шаг. Брызнул свет. Большой белый мяч летал под низким синим небом. Несколько девушек бросились к ним навстречу.

— Это Пьер, — сказал Гектор. — Он из двадцатого века.

Всеобщий вздох изумления. Но не чрезмерного, как показалось Пьеру. Одна — кареглазая, красивая — подошла ближе. Впрочем, они все были красивыми. Пьер растерянно молчал.

— Меня зовут Полина, — объявила кареглазая. — Или просто Ина.

— А меня Елена, — сообщила смутлянка в голубой тунике. — Если хотите, Ена.

— Пьер.

— Да, я уже знаю.

— Откуда?

— От Гектора. Он только что вас представил.

— Ох, правда.

Его окружили, забросали вопросами:

— Вы видели когда-нибудь Пруста? А правда, что Набоков всегда жил в гостиницах? А Маяковский... Лорка Фолкнер... Бруно Травен... Глешоу? Впрочем, нет — Глешоу жил позже. А Хлебников? О, Хлебников!

— Да Бог с вами, — отбивался Пьер, — я многих этих имен и не слышал. Я, знаете ли, далек от литературы. Пруста, правда, читал, но видеть не мог — он умер за пару лет до моего рождения. И вообще, я ведь всю жизнь, если не считать войны, прожил в одном городе, в Париже...

— Париж! — вздохнула Полина. — Ах, вы расскажете нам о тогдашнем Париже. — Она тронула его за руку, приблизила лицо и, горячо глядя прямо в глаза, произнесла с чувством: — «Пьер, правду скажи мне, скажи мне правду, я должна, я хочу все знать!»

Пьер испуганно отшатнулся.

— Да что вы, голубчик! Это же Превер. О нем вы слышали?

— Превер? — обрадовался Пьер. — Жака Превера я знал, однажды даже пил с ним вино, — добавил он тихо, но в это время другая девушка, та, что спрашивала о Маяковском, запрокинув лицо, спасаемое от чрезмерной красоты слегка вздернутым носом, вдруг продекламировала:

А может, лучшая потеха

Перстом Себастиана Баха

Органного не тронуть эха...

— Но это же не Маяковский! — засмеялась Полина.

— Сама знаю. Но как здорово!

— А меня больше всего интересует Станислав Лем, — сказала девушка по имени Асса.

— Кажется, я где-то слышал это имя.

— Всего лишь слышали? То, что вы говорите, ужасно. — И она ушла.

— Ну вот, навалились на бедного путешественника, — сказал Гектор. — А он еще не пришел в себя после темницы нашего славного барона.

— Темницы? — удивилась курносая.

— Какая темница? — подхватил хор.

— Пьер вынырнул из времени совершенно неожиданно. И знаете, в какое поле угодил? «Славное игрище в Лонгибуре». Там его приняли за лазутчика, введенного Куксом для оживления игры. И с радостным усердием водворили в подземелье.

— Какой ужас! — прошептали девушки.

Пьеру, впрочем, показалось, что их шепот-возглас был слишком мелодичным, чтобы выражать искреннее беспокойство.

— Бедняжка, — сказала Ина. — Вы, должно быть, очень перенервничали.

— Ничего страшного, — бодрился Пьер. — Все было очень интересно. Пока меня не потащили на костер...

— Ах, костер! Ай, ай! — Лица девушек выражали совершенное сочувствие.

— Ина, — сказал Гектор, — мы идем к Харилаю. Не знаешь, где он?

— У него роль механика в «Среде». Фу, там дышать нечем. Надеюсь, вы туда ненадолго. Возвращайтесь потом к нам! Ну пожалуйста!

Девушки, кланяясь и приседая одна за другой, побежали вверх по кособору. И только смуглянка в тунике смотрела вслед Гектору и Пьеру.

— Они тоже во что-нибудь играют? — спросил Пьер.

— Разумеется. Игра называется «Матушка филология».

— Странное название. Что же они делают?

— Пишут. Литературные манифесты, критические статьи. Придумывают школы, течения. Дают им имена. Назовут, скажем, одних романтиками, а других — утилитаристами. А потом бьют романтиков за безответственное стремление к безграничной свободе и неумную жажду обновления, а утилитаристов — за близорукое пренебрежение высокими страстями и легкомысленное неприятие мировой скорби.

— И этим занимаются такие славные девушки?

— Да, они зубастые. Играют весело, от души.

Они вернулись к дверце, которая с этой стороны оказалась похожей на легкую садовую калитку. Пьер доверчиво шагнул в темноту, ожидая увидеть уже знакомую каменную галерею и глухие заросли. Но вместо этого он очутился на сером асфальте у гранитного парапета, за которым свинцово лоснилась вода, играя чешуей нефтяных пятен.

— Не удивляйтесь, дружище. У нас особые двери. Они свертывают пространство, сразу соединяя нужные точки. Сейчас мы в поле игры под названием «Кризис окружающей среды».

На другой стороне реки за таким же парапетом из ноздреватого гранита громоздились серые, черные и грязно-желтые здания. Частокол труб, напоминающий гигантский крейсер, закрывал горизонт. Рыже-белые столбы дыма густо вспучивались под низким облачным небом.

— Здесь играют в отсталую индустрию, — говорил Гектор. — Наиболее увлекательные пассажи — отравленные реки, порубленные леса, изведенное зверье. Красные книги, штрафы, дебаты о безотходной технологии, проповеди об озоне, под шум которых живая природа потихоньку уступает место окружающей среде.

Навстречу им по чугунному мосту шел человек в выдавшей виды спецовке. Пьер и Гектор столкнулись с ним на самой горбине.

— Здравствуй, Харилай, — сказал Гектор. — Это Пьер из двадцатого века.

— О, — сказал человек в спецовке, — тогда вам это, — он широко повел рукой, — должно быть хорошо знакомо.

— Фабричные дымы? Пожалуй, да, — ответил Пьер.

Харилай протянул тяжелую руку. Пожимая ее, Пьер заметил большой гаечный ключ, торчащий из кармана потертого комбинезона. Механик улыбался озабоченно и вопросительно.

— Да, он прилетел, — сказал Гектор, — и мы сами не знаем как.

От Харилая исходила какая-то основательность. Пьер вдруг подумал, что этот человек поможет ему. И пока Гектор излагал существо просьбы Пьера, тот впился глазами в лицо мастера в спецовке, стараясь прочесть его решение и в то же время внушить ему ответ.

— Дело серьезное, — веско сказал механик. — Остаться равнодушными мы не можем. Вместе с тем не можем позволить себе опрометчивых решений. По всей видимости, придется...

Пьер почувствовал, что задыхается.

— ...придется безотлагательно сыграть во Всемирный Совет. — Механик извлек гаечный ключ и начал задумчиво крутить его.

«Сумасшедший!» — испуганно подумал Пьер.

Они возвращались в игру Гектора «Агентство по туризму».

— Не вредно и пообедать, — сказал Гектор. — Какую кухню предпочитаете сегодня, дружище?

— Я не хочу есть.

— Это глубоко неправильно, мой друг. Никогда впредь не говорите таких ужасных вещей.

— Ну хорошо. Давайте перекусим. Я согласен.

— Вы мне не сказали про кухню. В каком стиле будем пировать?

— Честно сказать, мне все равно.

— Напрасно, дружище, напрасно. Я вижу, последние слова Харилая оставили у вас неприятный осадок. Ну ничего. Ресторан «Сакртвело» — вот что поправит вам настроение. Застолье грузинских князей.

— Пусть так, — сказал Пьер.

Ближайшая дверь вывела их в светлый платановый лес. За голыми бледно-желтыми стволами синело небо, угадывались снежные вершины гор. Длинный дощатый стол на небольшой поляне был уставлен тонкогорлыми глиняными кувшинами. Многоцветье фруктов и овощей напомнило Пьеру сентябрь где-нибудь в Саvoye. За столом сидело с полдюжины усачей в наглухо застегнутых красных рубашках и схваченных тонкими поясами темных кафтанов с расходящимися полами. Раздались шумные крики. Один из пировавших, худой, легкий, как перышко, взвился навстречу.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — закричал он, топорща усы и вращая зрачками горячих глаз.

Пахло ароматным дымом. В стороне над открытым очагом на огромном вертеле жарился баран. Пьеру сунули в руки костяной в серебряном окладе рог, полный красного вина, пододвинули завернутые в тонкую лепешку ослепительно белый сыр и пахучую умытую траву.

— Кушай, дорогой, — сказал сосед, горбоносый смутный старик. — Гость в доме — радость в доме. Здоровье дорогого гостя. — Старик поднял свой кубок.

Пьер ел дымящуюся баранину, запивал ее нежным вином, ему было хорошо.

*В самом маленьком духане
Ты товарища найдешь.
Если спросишь «Телиани»,
Поплывет духан в тумане,
Ты в тумане поплывешь...*

И Пьер неумело подтягивал за тягучим тенором:

— Тайа-тайа-тайа-вота-тайа-йа...

Замирал, когда врывался бас:

— Дын-ды-лава...

Гектор рассказывал пирующим про маленькую Люс. Князя смотрели на Пьера маслинами глаз, качали головами и цокали языками.

— Сколько же у вас игр?

— Много. Очень много. Не знаю точно. Впрочем, детали касаются тех, кто играет в статистику, — ответил Гектор.

— Интересно бы узнать их названия.

— Почему же только названия? Можно и посмотреть и поиграть. Для начала могу познакомить вас со списком игр нынешнего сезона. Хотите?

Гектор подошел к ближайшему толстому дереву и, найдя дупло, удовлетворенно хмыкнул. Запустил руку в темную дыру и протянул Пьеру свернутый в трубочку лист бумаги.

— Изучайте.

Пьер уже давал себе зарок не выказывать удивления, однако вид у него был озадаченный.

— Обыкновенная свертка пространства, — пояснил Гектор. — Дупло сыграло роль дверцы между моей рукой и библиотекой Совета нашей зоны.

— Но почему там оказался именно нужный вам список?

— Считайте, что это та же телепатия, только на железных принципах биомашинной технологии.

— Понятно, — неуверенно отозвался Пьер и развернул пожелтевший листок. В десятке столбцов рукописной вязью теснились слова.

— Не удивляйтесь виду списка. В обычной жизни, в быту никто не желает иметь дело с кристаллами, голографией и прочей головомолной техникой. Всем подавай фолиант в коже с се-

ребрышками застёжками или, на худой конец, пергаментный свиток.

— И на всех хватает?

— А какие проблемы? Дома книг уже давно не держат. Зачем? Разве что в играх, где это необходимо. А так — протянул руку к ближайшей дверце и взял нужную книгу в библиотеке. Они там продублированы в соответствии со средней частотой запроса.

— Одним словом, в книги вы тоже играете.

— Само собой. Есть любопытные игры — «Пожар в Александрии», «Иоганн Гутенберг» или, например, «Имба-читальня».

— Имба?

— Так назывался древний русский дом из деревьев.

— Причем здесь читальня?

— Когда-то в России шла борьба с неграмотностью. Постойте, это ведь как раз в вашем веке, — книги, насколько я помню, складывали в крестьянские дома, сложенные из бревен, — избы...

— Вижу, вот эта игра, — сказал Пьер, просматривая список. В том же столбце он прочел:

«Трансвааль в огне»

«Дирижабль Нобиле»

«Белый квадрат на белом фоне»

«Базар в Коканде»

«Маки»

«Большой футбол»

«Залив свиней»

«Гласность и перестройка»...

Пьер поднял голову.

— Тут все двадцатый век?

— Да, а вот двадцать первый. — Гектор провел пальцем по строчкам. — «Башни большого города», «Любовь шахида», «Глобальный коллапс», «Мафусаилов век», «Марсианские хроники»... А здесь двадцать второй, двадцать третий...

Взгляд Пьера блуждал по листку, выхватывая разбросанные по векам игры: «Ронсевальское ущелье», «Тысяча видов Фудзи», «ГЭС на Замбези», «Бирманский лес», «Лагерь таборитов»...

— А это что? — воскликнул он вдруг, возвращаясь к двадцатому веку. — «Маки»! Вы играете в макизаров? Это про наше сопротивление бошам?

— Вы удивляетесь? Двадцатый век у нас в почете. Один из переломных в истории. — Гектор сделал шаг назад. Внимательно посмотрел на Пьера. — Послушайте, ведь это в вашем веке мир стоял на грани самоубийства. Жуткие войны, тоталитарные режимы, распад озонового слоя. Тяжелый век. В начале следующего, после

вспышки глобального террора, кошмары постепенно отступили. Он-то и стал называться первым веком Великой эпохи. Впрочем, это название установилось где-то веке в двадцать третьем. Хотите посмотреть «Маки»? Эта игра, правда, в другой зоне, здесь у нас в этом сезоне все больше средневековые. Но это не проблема.

— Хочу ли? Пожалуй. Но не сейчас. Можно попозже?

— Вы гость, ваши желания — закон.

В окоп, где сидели Дятлов, Декур и Пьер, спрыгнул д'Арильи, умудрившийся сохранить щегольской вид даже во время непрерывных боев последней недели. Он шел в штаб к Эрвье и решил дожидаться темноты. Д'Арильи немедленно схлестнулся с Декуром, мрачное молчание Дятлова, ради которого — это уже начинал понимать Пьер — аристократ всегда разглагольствовал, подливало масло в огонь.

— Попран рыцарский дух, веками, как драгоценное вино, сохраняемый цветом европейских наций, оберегаемый от тупых буржуа, темного пролетариата, извращенных интеллектуалов...

— Добавьте сюда плутократов, евреев и коммунистов, — вставил Декур, — и Геббельс с Гиммлером будут вам аплодировать.

— Безвкусно манипулируя символами, рожденными в служении Богу и чистой любви, названные вами лица опошлили идею рыцарства, низвели священные ритуалы на уровень кровавого балагана.

— И это все, что вас не устраивает в нацизме? Будь они пообразованней, поутонченней, средневековые побрякушки не тасовались бы с такой наглостью, это не травмировало бы ваш вкус, и фашизм бы вас устроил, а? — Декур начинал распаляться.

— Не придирайтесь, Жак. Я бьюсь с ними от имени светлых идеалов рыцарства.

— Вы бьетесь с варварством сегодняшнего дня от имени варварства прошлого.

— Ого! А вы? Я-то знаю, за что умру. И знаю, как это сделать. У меня хорошие учителя. Тристан и Гавэйн, Роланд и Ланселот, Сид и...

— Зигфрид, — вставил вдруг Дятлов.

— Что ж, и Зигфрид тоже. Почему нет?

— Вот и славно, д'Арильи. Вот и договорились. — Декур говорил беззлобно, но с неприязнью. — Вас не переубедишь, а вот Пьеру, которого вы пичкаете рассказами о славном французском рыцарстве, неплохо бы понять, что феодальная символика фашизма не случайна. Не ваши ли рыцари двинулись некогда темной тупой массой завоевывать земли несчастных арабов? Убивая по пути ев-

реев, цыган и славян. Есть в рыцарском кодексе та апология ограниченности, которая питает нацизм. Причем французское рыцарство так же мало отличалось от германского, как люди Кальтенбруннера от головорезов Дарнана.

Д'Арильи резко выпрямился, и его узкая голова поднялась над бруствером.

— Спрячьте голову, — сказал Дятлов.

— Хотя бы в храбрости вы не откажете французскому рыцарю?

— Не откажем, не откажем, — заторопился Дятлов. — Нагнитесь только.

— А умирать надо без звона, д'Арильи. — Декур перевернулся на спину и принялся задумчиво жевать травинку. — Вы спрашивали, во имя чего я согласен умереть? Видите ли, я склонен смотреть на себя как на лист большого дерева. Если лист отрывается и падает на землю, он удобряет почву. Качество почвы зависит от качества упавших листьев. А чем плодороднее земля, тем прекрасней будущий лес. Будущий, д'Арильи!

— Этак вы договоритесь до того, что во имя будущего процветания надо угробить как можно больше хороших людей, — нашелся д'Арильи.

— Надо не надо, а в истории так и получается.

— Ну а вы, Дятлов, — д'Арильи не выдержал и обратился к нему прямо, — вы, конечно, согласны с вашим собратом-марксистом? Что скажете?

— Скажу, что справа в трехстах метрах танки.

Пьер увидел несколько коробочек с лягушачьей камуфляжной раскраской. За ними густо шли эсэсовцы.

— Не менее роты, — сказал Декур.

— Давайте лучше посмотрим «Базар в Коканде». Восток — это интересно. Или вот — «Коммунальная квартира». О чем это?

— Не помню. Увы. Не все школьные знания столь уж прочны. — Гектор смутился.

— А играм учат в школе?

— Разумеется. Впрочем, не совсем точно сказано. Школа и сама игра. Вернее, часть ее. Игра шире. Ведь игра — это жизнь. Разве не так?

— Возможно, вы правы, — сказал Пьер.

— Знаете, как называлась моя начальная школьная игра? «Розовый оболтус». — Гектор от души хохотнул. — В средней школе я играл в «Чуффетино», а вот высшая называлась вполне серьезно: «Пилигрим с Альгаира». Нас учили этике общения с пришельцами.

Ох и весело же мы играли! И вот что любопытно: кто был отчаяннее всех в играх школьных, тот многого достиг в играх жизни. Те же, кто смотрел в рот учителям и хватал высшие оценки, те оказались в сетях привычных, проверенных знаний, разучились спорить и думать. А когда спохватились, хотели выпутаться, было поздно. У нас даже закон был, преследующий дидактиков, заглушающих творческие задатки малышей. А вот тем временем и «Базар» подоспел. Прямо за этими воротами. Заглянем? А потом в «Коммунальную», согласны?

Пьер кивнул. Они прошли ворота, выбеленные известью, и окунулись в цветную, громкую, жаркую круговерть. Кричали люди и ослы, пели нищие, с минарета плыл самозабвенный голос мурдзина. Горы груш истекали желтым соком, светилась покрытая белым пухом айва, бугристые комья винограда всех цветов — от янтарного до сине-черного — нежно тяжелели в тазах. Маленькими египетскими пирамидами громоздились курага и урюк, барханам изюма, арахиса, грецких орехов не было конца. Торговцы в тюбетейках и стеганых халатах, перехваченных пестрыми треугольными косынками, тягуче покрикивали, таскали бесконечные корзины, а чаще, скрестив ноги в благодатной тени просторного навеса, неспешно тянули бледно-желтый чай из надтреснутых пилал. Пьеру захотелось пить, но Гектор, предупреждая его желание, уже вел его к чайханчику. Коричневолицый старик в грязной чалме щепотью насыпал чай в пузатый фаянсовый чайник с надбитым носиком, налил кипятку и, передавая напиток Гектору, глянул на них из-под бровей. Пьера поразила кроткая мудрая печаль его выпуклых глаз.

Гектор накрошил в тарелку белую лепешку, и они принялись за чай. Все вокруг было в движении, лишь один осел как вкопанный стоял посредине площади. На осле сидел молодой человек с реденькой бородкой. Босые пятки его утопали в белой пыли. Он громко понукал животное, но то не желало двигаться. «Вот говорят, ишак глупое создание, — весело выкрикивал молодой человек, — но этот ишак совсем не глуп, если не хочет уносить меня из ваших несравненных мест!» Толпа смехом встречала каждое его слово.

— Ну как, хорошо передана атмосфера? — спросил Гектор, когда они покидали базар.

— Я не знаток Востока, но впечатление ошеломляющее.

Гектор был доволен.

— А какую помощь вы оказали бы нам, сделав замечания по играм, вам близким! Представляете, как драгоценна критика очевидца, скажем, того же движения Сопротивления для постановщика игры?

Дятлов отбросил пустой пистолет и тяжело опустил руки. Они приближались не спеша. У одного лицо молодое, румяное, с рыжей щетиной. Другой постарше, побледнее, в очках. Дятлов стал разбирать слова.

— Ты посмотри на него, — говорил молодой, — какая бандитская рожа. Такого и брать не хочу. Шлепну, и все.

— Давай, Фриц, давай, — улыбаясь, ответил бледный. Молодой немец поднял автомат.

«Надо же — Фриц. Имя-то какое нарицательное», — подумал Дятлов. Он сжал зубы, камня желваками щек.

— Господа! — раздался вдруг звучный голос.

Дятлов вскинул веки. Немцы непроизвольно оглянулись. В десяти шагах позади них стоял д'Арильи.

— Падайте, Базиль! — закричал он.

Автомат в его руках затрясся.

— Откуда вы? — спросил, отряхиваясь, изумленный Дятлов, когда стрельба смолкла. — Почему вы не в штабе?

— Потом, потом, — бормотал француз. — Надо уходить, немцы рядом.

Они подобрали автоматы убитых и быстро зашагали к отряду.

— До Эрвье я так и не дошел. Возвращался к вам и...

— Понятно. Но зачем вы крикнули этим типам «господа»?

— Не могу стрелять в спину, — сказал д'Арильи.

Вечером Пьер развел маленький костер. Декур раздобыл бутылку спирта и, наливая Дятлову, сказал:

— Базиль, я слышал о твоём чудесном спасении. За тебя!

— Ну нет, — возразил Дятлов. — За рыцаря д'Арильи! Вот кто был сегодня на высоте.

И Пьер уже во второй раз выслушал во всех подробностях историю о том, как потомок графа де Круа спас потомка крепостных князя Юсупова.

— Это судьба, Дятлов, — сказал д'Арильи. Красный свет причудливо играл на его длинном лице. — *Amor fati*

Дятлов хмыкнул, потом спросил:

— Ницше?

— Ницше, Шпенглер.

— Фашистская философия

— Бросьте, Базиль. Эта ваша склонность к хлестким эпитетам.

Они неприложимы к большим мыслителям.

— К Ницше — может быть. Но Шпенглер — это уже за гранью.

— Кто внушил вам этот бред? Шпенглер предельно честен: он предчувствует распад Европы и пишет о нем.

— И вы верите в это, д'Арильи?

- Это факт. У нас нет будущего, Базиль.
- За что же вы тогда сражаетесь?
- Француз пожал плечами.
- Ах да, вы уже говорили. Так вы цените Шпенглера за честность?
- Несомненно. Кроме того, он тонкий мыслитель и блестящий стилист.
- Но разве не стал он идеологом немецкого фашизма? И не говорите мне, что я смешиваю нацизм с немецкой культурой. Та борозда, которую распахал Освальд Шпенглер, очень удобна для прорастания нацистских идей: судьба, противостоящая причинности, общность крови, инстинкт мужчины-солдата, этика хищного зверя...
- О, вы знаток, — сказал д'Арильи.
- Кстати, наиболее интересное, что у него есть, — идею замкнутых, умирающих культур — Шпенглер заимствовал у Данилевского. Так что напрасно он считал себя Коперником истории.
- Данилевский? Не слышал такого имени.
- Данилевский писал о подобных вещах еще в прошлом веке.
- Я думал, вы физик, Дятлов, а вы, оказывается, философ.
- Я всю жизнь занимался проблемой будущего, — ответил Дятлов, — а это и физика, и философия. Шпенглер назвал дату смерти Европы — двухтысячный год. Меня интересуют другие сроки. Я хочу знать, что будет через тысячу лет. Более того, я хочу увидеть это собственными глазами. И я думаю, мое желание выполнимо.
- Вы, русские, большие оптимисты, — сказал д'Арильи.
- Это так. Нам, русским, только бы резать друг дружку поменьше.

Они стояли перед высоким угрюмым домом.

— Нам сюда. — Гектор толкнул тяжелую створку.

На лестнице было сумрачно. Пахло кошками. Сквозь пыльные окна с остатками витражей пробивался серый свет. Они поднялись на третий этаж и остановились у облупленной бурой двери, край которой был густо усыпан кнопками. Гектор долго изучал подписи под кнопками, потом нажал на одну четыре раза. Никто не открывал.

Гектор помешкал и нажал еще раз. В недрах квартиры что-то пискнуло, дверь дрогнула и открылась. Седая полная дама в халате с красными драконами молча смотрела на них.

— Мы к Николаю Ивановичу, — робко сказал Гектор.

Дама посторонилась. Гектор и Пьер вошли в пропахший керосином и капустой полумрак. Пока они искали дорогу в темных за-

коулках, Пьер дважды стукнулся о сундуки, запутался в сыром белье и сбил плечом велосипедную раму. Жилье Николая Ивановича — узкая, непомерно длинная комната с высоченным потолком — оказалось в конце сложной сети коридоров. Бритый человек в круглых железных очках сидел у единственного окна за столом, рабочим и обеденным одновременно. На углу его был стакан бледного чая. Меж грудями книг и стопками исписанных листков голубоватой бумаги выглядывали кусок затвердевшего сыра, банка с остатками варенья, плетеная тарелочка с растерзанным хлебом. Хозяин близоруко сощурился, протягивая мягкую, сильную руку.

— Вот, пишу книгу о справедливой мировой экономике. Из ЦК-то меня турнули.

— За что?

— Говорят — правый уклон.

— Ничего не понимаю в политике.

— Нечего там понимать. Надо быть честным человеком. И верить в высшую справедливость.

— Верить?

— Разумеется, дорогой друг. Только так. Верить! Зачем пожаловали?

Выслушав историю Пьера, Николай Иванович задумался. Гектор и Пьер сидели на шатких стульях, а хозяин, стоя у стола, рассеянно ворошил бумаги. За стеной брэнчала гитара и плакал ребенок. «Несчастье ты мое», — явственно произнес высокий женский голос. Грохнули в дверь, раздался зловещий крик: «К телефону!».

Пьер вздрогнул.

— Простите, — сказал Николай Иванович, выходя.

Вернувшись через пять минут, он сконфуженно объяснил:

— Домоуправ. Просит, чудак, чтобы я жильцам лекцию прочитал. О международном положении. — Он сокрушенно махнул рукой, забарабанил по столу. Потом воскликнул: — Что ж это я! Сейчас чай поставлю. Вот у меня и повидло...

— Нет, нет, спасибо. Мы только что из чайханы, — сказал Гектор.

— Вот как? — пробормотал Николай Иванович. — Ну а Харилай? Харилай что вам сказал?

— Он предлагает собрать Всемирный Совет.

— И правильно! — обрадовался Николай Иванович. — Вот и я так считаю. А вы, вы-то сами как думаете, голубчик?

Когда за спиной оттремели цепочки и засовы, Пьер спросил:

— А в этой квартире, собственно, во что играют? Я не уловил действия.

— Ну как же, действия сколько угодно. Там, за стенкой, где плакал ребенок, как раз пишется левой рукой письмо про Николая Ивановича. Письмо это дает начало динамичному авантюрно-сказочному сюжету: какой-то злодей насылает на Николая Ивановича черную птицу, кажется, ворона. И этот ворон уносит его в мрачное подземелье замка Иф, который стоит не на острове, а на известной в истории площади... Позвольте, как ее? Ледянка? Лунянка? Нет, кажется, Лубянка. И там, в подвале, его забивают до смерти. Или это уже из другой игры? Простите, Пьер, я забыл.

— Да, всего не вспомнишь, — согласился Пьер.

Утром явился связной от соседей справа и сказал Дятлову, что они отходят на юг и через десять-пятнадцать минут с их стороны надо ждать немецкие танки.

— Мы перехватили радиogramму бошей: они собираются отрезать нас от Дрома. Речь шла о десанте.

— Похоже, только мы мешаем немцам замкнуть кольцо, — сказал Дятлов Декуру, когда связной ушел. — Пройдите по траншеям, Жак. Поговорите с ребятами. Сейчас будет... Да что там, сами знаете.

Декур исчез.

— Базиль, — сказал вдруг Пьер, — что вы тогда говорили про будущее?

— Тебе не хотелось бы слетать на тысячу лет вперед, малыш? В гости?

— Сказки, Базиль.

— Вовсе нет. Ладно, мы еще потолкуем об этом. А сейчас... — Дятлов обернулся к д'Арильи. — Уходите, право. Эрве вас ждет.

— Подождет.

Д'Арильи остался. И был убит в самом начале боя. Тихо скользнул по стенке траншеи и сложился на дне, устроив голову на горке пустых пулеметных лент. А когда немцев отбили, пришел Буше.

— Представь себе число песчинок на этом берегу. — Широкое движение руки над охристой, уходящей вдаль полосой, и взгляд Пьера послушно оторвался от нежной зелени миртовой рощи, следуя за приглашающим жестом. — Число капель в этом море. Представь себе пустоту. Всякая мысль есть мысль о чем-то. Чтобы мысли рождались и жили...

Волны мерно ударяли в берег, на секунду возникал и таял белый зигзаг пены.

— Мыслимые же формы суть идеи, сущности вещей. Идеи блага, истины, красоты — это сущие реальности, но они бестелесны,

мир их совершенен и вечен. — Курчавый бородач в белом хитоне светлыми глазами смотрел на Пьера.

«Суть, сущие, сущности...» Пьер потерянно моргал.

— Не люди ли придумали эти идеи, Платон? А ведь люди не вечны, — сказал юноша с широким гладким лицом.

— Я отвечу тебе так, Харитон. Души вещей живут до своих жалких воплощений, наряду с ними и после них. А людям, — Платон поднял палец, — свойственно стремление обратить свою смертную природу в бессмертную и вечную, идеальную. Что есть счастье, свобода, жизнь человека в сравнении с государством, то есть идеей человеческого сообщества!

На всхолмии под высоким синим небом стоял белораморный храм. Шесть кариатид западного портика смотрели в море, второй портик легкой ионической колоннадой открывался им навстречу.

За спинами учеников мелькнула голубая туника Елены. Она перехватила взгляд Пьера и подошла.

— Вам не нравится?

— Что вы, напротив, — сказал он. — Где мы?

— В Пирее, — прошептала она.

— А мне показалось...

— Да ты меня не слушаешь! — загремел философ, но сразу же смягчился. — Ты, видно, утомлен дорогой, и мысли твои рассеяны. Я понимаю твое нетерпение: попасть сюда в пору жатвы в год Великих Панафиней и пропустить облачение Паллады в пеплос — это невозвратимая потеря. Ступай же, не теряя времени.

Толпа учеников двинулась вслед за Платоном к храму, оставив Пьера с девушкой на развилке дорог. Он снова взглянул на портик, перед глазами встала картинка из школьного учебника.

— Ведь это Эрехтейон?

— Да, — сказала Елена.

— Так он же в Афинах. А вы сказали, мы в Пирее.

— Какой вы, право, педант. Это во Второй зоне, где властвует Кукс, там все до ниточки, до последнего гвоздика... У нас проще. Разве этот холм над морем не лучшее место для такого храма? Идемте скорее, а то мы пропустим самое интересное.

Процессию они догнали через полчаса. Ладья с желтым флагом колыхалась на плечах мужчин в складчатых хитонах. За ними, оглашая воздух ревом и бляением, шли коровы и козы с вызолоченными рогами, гонимые юношами и девушками под жертвенный нож.

— А почему все смотрят на этот желтый флаг? — спросил Пьер.

— Перед вами тот самый пеплос — знаменитый плащ, в который облакают Афины каждые четыре года. Лучшие вышивальщицы города трудились над ним, изображая сцены гигантомахии: Геракла с натянутым луком, саму Афины, придавившую Сицилией могучего Энкелада...

В этот момент из рядов гоплитов, топающих по свежим коровьим блинам, вышел стройный воин и, раздвинув толпу зевак, радостно бросился к Пьеру.

— Дружище, наконец-то я вас нашел! — закричал он, швыряя на землю шлем с конской гривой и прочие медные предметы. — Дать себя увести моему конкуренту! Меня же лишат премиальных, посадят на гауптвахту, отлучат от церкви и сошлют на галеры. Ну Елена, ну лань Керинейская, — говорил он уже девушке, глядя на нее с восхищением.

— Нечего возмущаться, Гектор. Забыл, как в прошлом сезоне вы умыкнули у нас ганимедянина? А Пьеру у нас понравилось. Платон, правда, чуть его не усыпил...

— Говорил, что ни в грош не ставит человека, когда речь идет о благе человечества? — Гектор улыбнулся Пьеру.

— Я не уверен, что правильно понял. Я немного запутался, пока слушал, — сказал Пьер.

— Еще бы! Когда мы вернемся, я сведу вас в Скотопригоньевск. Там Иван Карамазов в два счета докажет вам, что все обстоит как раз наоборот.

— Опять в российские снега? — сказала Елена. — А меня вчера звали в Четвертую зону. Там скачут на мустангах по красной степи, плывут по большой реке на колесных пароходах и поют спиричуэлы. Не хотите?

— Естественно, хотим. Только в другой раз. А сейчас мне надо сообщить Пьеру нечто важное.

Уже отойдя на порядочное расстояние, они услышали голос Елены:

— Эй, шлемоблещущий Гектор великий! Захвати свои железки, их надо сдать в костюмерную!

— Итак, Пьер, завтра первое заседание Всемирного Совета, — объявил Гектор. — Я должен познакомить вас с Кубилаем. Это режиссер, которому поручено подготовить вашу роль на Совете. Вечерком вы немного порепетируете...

— Вы с ума сошли, Гектор. Какой режиссер? Какая роль? Нет, меня вы играть не заставите. Я должен паясничать, не будучи даже уверен, что вы мне поможете? Неужели нельзя прямо ответить, спасете вы мою дочь или нет. Скажете нет — я сяду в свою машину и уеду. Не знаю, правда, куда попаду, но вам что до этого. Вы пока

сыграете во что-нибудь веселое. В инквизицию, в Бухенвальд, например.

— Ну-ну, Пьер. Успокойтесь. Уехать вам так просто все равно не дадут. Подумали вы о том, что, свалившись невесть откуда в наше время, нанесли, мягко выражаясь, чувствительный щелчок по нашим причинным цепям? Подготовительная комиссия Совета гудит, как тысяча муравейников. Полеты во времени допустимы только с причинными компенсаторами. Но ваш-то, простите, драндулет ими не снабжен. Он, кстати, вообще больше не способен работать. Так что прекратите бунтовать, сохраняйте хладнокровие. — Гектор ласково улыбнулся.

Пьер подавленно молчал.

— Да будет вам! Не отчаивайтесь. Все не так скверно. Соберется Совет, потом другой. Люди там головастые, режиссеры толковые. Придумают что-нибудь. А сейчас пойдете к Кубилаю. Очень приятный человек, талантливый.

Знакомиться пришлось на каком-то банкете. Люди, шум. Невысокий юноша с нежно-зеленой косынкой вокруг хрупкой шеи застенчиво посмотрел на Пьера сквозь дымчатые очки, пробормотал что-то, отведя взгляд, и сделал попытку скрыться.

— Кубик, Кубик, — сказал Гектор, ловя его за руку, — как вам не стыдно. У нашего гостя трудная роль на завтрашнем Совете, а вы...

— А что я, я горжусь, — начал Кубилай, овладевая собой. — Я горжусь столь сложной и лестной задачей. — И продолжал рассыпчатым тенором: — Несомненно, мы будем много и плодотворно трудиться. Мы создадим нечто новое, глубокое, своеобразное, волнительное. Мы высекем... нет, высечем искру подлинного искусства...

Пьер потерянно смотрел на юношу, который все больше распалялся. Узкий пиджак режиссера распахнулся, щеки горели.

— Дорогой Пьер! Вы будете играть себя в предлагаемых обстоятельствах. Я вижу это. — Кубилай подхватил бокал пенящегося вина с проплывавшего мимо подноса. — Позвольте провозгласить тост. Позвольте выразить те чувства искренней любви, которые я испытываю к вам. Вы... вы... Вот. — Он восторженно схватил руку Пьера и прижал ее к сердцу. Из-под дымчатых очков выкатилась слезинка. — Мы с вами будем играть на пичико-пичико, Пьер. За наши взаимоотношения! — Кубилай залпом осушил бокал, отбросил его протяжным движением и вдруг рухнул на колено, придавив растопыренной ладошкой орхидею в петлице.

После того как Пфлаум сбросил в самое сердце Веркора батальон парашютистов, положение стало безнадежным. Черный от

горя и усталости Дятлов послал Пьера — рацию разнесло осколком в руках Декура — сообщить Эрвье, что отряда больше не существует и с наступлением ночи он отправит оставшихся в живых полтора десятка бойцов во главе с Декуром на юг с приказом пробиваться к Марселю, навстречу союзникам.

Эрвье кивнул Пьеру и продолжал диктовать Клеману радиogramму в Алжир — последнюю весть из Веркора: «Немецкая авиация бомбит Сен-Мартен, Васье, Ла-Шанель. Четыре часа назад с планеров десантирован батальон СС. Требуем немедленной поддержки с воздуха. Обещали держаться три недели, держимся полтора месяца. Если не примете срочных мер, мы согласимся с мнением, что в Лондоне и Алжире вовсе не представляют себе обстановки, и будем считать вас преступниками и трусами...».

Клеман поднял голову и вопросительно посмотрел на Эрвье.

— Да, преступниками и трусами. Передайте последнюю фразу дважды.

Помощь Веркору так и не пришла. Радиogramма слишком долго плутала по коридорам ведомства Сустеля, прежде чем попасть к де Голлю и его министру авиации Фернану Гренье.

Вслушав Пьера, Эрвье сказал:

— Передай Дятлову, его решение я поддерживаю. Пусть и сам уходит с остатками отряда.

Пьер вернулся в сумерках и увидел большое неловкое тело и лицо, такое же хмурое и сосредоточенное, как у живого Базиля.

— Пуля пробила горло, он не мог говорить. Только написал. — Декур вынул из планшета карту. На обратной стороне крупные буквы складывались в кривую строку: «Тетрадь Пьеру. Бланш... кю...».

— Какая тетрадь?

— Вот. — Жак подал Пьеру потрепанный коричневый блокнот в коленкоре. — Возьми.

Совсем стемнело. Холмик над могилой растаял во мраке. Декур выстроил отряд, а Пьер все сидел на теплом еще валуне.

— Ты чего? — подошел к нему Жак. — Пора, до реки двадцать километров.

— Вы идите, Жак. Я, пожалуй, останусь.

— Бланш?

Пьер кивнул.

Первое заседание Совета состоялось в замке Лонгибур. Председательствовал барон Жиль де Фор. Общее руководство постановкой осуществлял главный режиссер Второй зоны Третьего вилайета Реджинальд Кукс. Взаимодействие с подсоветами всех зон обеспечивал первый помреж Аристарх Георгиевич Непомнящий.

Обстановка напоминала Пьеру его первое посещение замка — стрельчатые окна, геральдические знаки, пышно разряженная толпа. Были, однако, отличия. Не горели смолистые чадающие факелы. Прекрасный рассеянный свет стекал из-под высоких сводов, падая на причудливые одежды членов Совета и зрителей: легкие туники, пестрые майки, шляпы самых диковинных форм. Председатель светился помолодевшим вдруг лицом. Вместо тяжелой кожи и тусклого металла на нем был белоснежный китель с пуговицами из сверкающих камней. Пьера тоже переодели. Кубилай нашел, что его куртка никак не соответствует духу роли. Вот почему Пьера обрядили в корявые кирзовые сапоги, темно-синий прорезиненный плащ и солидных размеров кепку из ткани «букле». Шею его укутали пестрым шарфом с болтающимися у колен кистями, а на нос нацепили черепаховые очки.

Звякнув позеленевшим колокольчиком, Жиль де Фор открыл заседание. Поднялся аббат Бийон, теребя пушок на щеках.

— Братцы, — начал он доверительно, — сестрички мои, давайте еще раз сердечно поприветствуем отважного Пьера Мерсье, храбро пронзившего пятисотлетний слой тягучего лежалого времени, чтобы привезти нам живое дыхание уже изрядно подзабытого нами двадцатого века.

Аббат повел глазами и слабо хлопнул в ладоши. В тот же миг зал наполнился гвалтом. О! А! Ы! У! Ура! Колыхались туники, взлетали шляпы. Члены Совета вскакивали на кресла и пускались в пляс. Почтенный старец в черном балахоне и белом жабо академика достал карманную чернильницу и в припадке восторга опрокинул ее на лысую яйцеобразную голову соседа. Тот немедленно принялся размазывать чернила по унылому лицу.

— Брат Цукерторт, — сказал академику джентльмен в узких полосатых штанах, укоризненно качая головой, — я вынужден буду сообщить ректору о ваших чудачествах.

Пьер безучастно смотрел на буйствовавший Совет. Ему хотелось размотать шарф и снять кепку, но Кубилай, предупреждая его движение, выглянул из-за колонны и погрозил пальцем. Пьер отвернулся и увидел Полину и ту, курносую, он забыл ее имя. Они восхищенно смотрели на него и яростно хлопали. Поневоле Пьер улыбнулся.

— Что ни говорите, — продолжал аббат Бийон, когда шум поух, — а мы уже ощущаем свежее, очистительное действие этого необычного визита. Прибытие дорогого гостя наполнило нашу жизнь новыми впечатлениями. Заработала фантазия, распустился букет невиданных доселе эмоций. Все это очень отраднo. Вeсьма! Но eсть, oднaкo, и нeкoтoрыe зaкaвыки. Я знaю, нaпpимep, чтo

представители научных игр поставлены этим визитом в тупик. Хотелось бы их послушать.

Бийон присвистнул и резко опустился в кресло.

Жиль де Фор предоставил слово академику Дрожжи.

— Друзья мои, — задребезжал старик с залитым чернилами теменем, — должен вам сообщить, что прилет этого обаятельного юноши никак не был предусмотрен нашими историческими программами и явился для нас полной неожиданностью. Причинная сеть испытала сильный удар. На компенсацию пришлось бросить четыре фундаментальные игры и одну субигру космологического ранга. С известным трудом мы выровняли положение, и сейчас я могу доложить высокому Совету, что все причинно-космические игры проходят в запланированных лимитах. Более того, мы приобрели ценный опыт, за что приносим благодарность этому милому молодому человеку по имени...

— Пьер Мерсье, — подсказал председатель.

— Да, да, — обрадовался старик. — Но вот вопрос: как быть дальше?

— А вот как! — В центр зала выкатился краснощекий толстяк, потрясая картонной папкой, в которой Пьер узнал историю болезни Люс. — Девочка больна. Мы даем папаше это, — он взметнул вверх пухлую руку с розовой облаткой, зажатой между большим и указательным пальцами, — и... тра-ля-ля, сажаем папашу в его машину и... тру-лю-лю, фьить! — Напевая па-де-де из «Лебединого озера», он запрыгал на одной ножке, изящно помахивая рукой с красной картонной папкой.

Подскакав к Пьеру, толстяк сделал ему «козу», пощупал пульс и двумя пальцами оттянул нижние веки.

— Скажите, любезнейший, «а-а-а», — потребовал он.

Пьер обалдело раскрыл рот.

— Прескверный язык! Мы и вас, батенька, подлечим. Да, да. Три дня игры в «Осенний госпиталь», а тогда уже — тру-лю-лю, фьить. — И толстяк исчез, послав Пьеру воздушный поцелуй.

Потрясенный простотой решения, предложенного доктором, Пьер дальнейшие выступления понимал смутно, однако у него сложилось впечатление, что идея толстяка не всем пришлась по вкусу. Тоскливое чувство стало разливаться в сердце. Из-за колонны снова выглянул Кубилай и громко зашептал:

— Ярче, ярче играйте растерянность!

Ощущение пустоты и обреченности овладело Пьером, когда он увидел обугленный остов дома старухи Тибо. Баланс вымер: на его жителях срывали злость десантники Пфлаума, ворвавшиеся

в городок по трупам его защитников. Жгли, стреляли, кололи, давили. Могли ли уцелеть в этом аду шестидесятилетняя женщина с грудным младенцем? Пьер добирался до Баланса неделю. За это время оставшиеся в живых макизары покинули Веркор.

Кто-то дернул Пьера за рукав.

— Кого-нибудь ищите, мсье?

— Здесь жила вдова Тибо. Вы ничего не знаете о ней?

— Мадам Тибо погибла в первый же день, когда боши вошли в город. — Говоривший оказался сутуловатым стариком. Правый пустой рукав серого пиджака приколот булавкой к карману. В левой руке сигарета. — Вы разрешите? — Он потянулся к тлеющей сигарете Пьера, прикурил. — Она ваша родственница?

— Да нет.

«Почему он ничего не сказал о ребенке?» — лихорадочно соображал Пьер, глядя в прищуренные от дыма глаза старика.

— Вот и я смотрю, откуда бы у мадам Тибо взялся такой молодой родственник. Ведь она вообще осталась одна, когда ее дочь ушла к русскому пленному. Он тут появлялся недавно, хотел отдать ей ребенка — их дочь, как он сказал. Но старуха взвилась! Знать, говорит, ничего не хочу. Пусть, говорит, Колет сама придет да на коленях у меня прощения просит, тогда, говорит, подумаю.

— Ну потом-то взяла, наверное? — Голос Пьера неестественно зазвенел. — Внучка ведь.

— Плохо вы знали старуху Тибо, молодой человек. Если она что сказала, то как отрезала. Муж ее покойный, Жан Тибо, говаривал...

— И что же он, этот русский, так и ушел с ребенком?

— Жена нашего кюре взяла девочку к себе. Уж так русский ее благодарил, так благодарил.

— И где она сейчас? У кюре?

— Кюре расстреляли. А девочка осталась у его жены, мадам Бетанкур. Утром я их видел. Нас всего-то здесь осталось человек тридцать. В доме кюре сохранился радиоприемник. Мы слушаем. Американцы уже в Монтелимаре. Через день-два будут здесь.

— Извините, вы не покажете мне, где дом кюре?

— Покажу и провожу, молодой человек. Так вас, стало быть, интересует не старуха Тибо, а ее внучка? Что? Вы не расположены говорить. Напрасно. Сейчас-то как раз нужно говорить. Как можно больше. Мы столько лет молчали, знаете, или говорили шепотом. Я устал молчать, молодой человек. Хочется кричать о том, что было. Здесь, в Балансе. Здесь, во Франции. Здесь, в этом мире. Когда кричишь, начинает казаться, что это не страшно. Не так страшно, как когда молчишь. Или когда шепчешь. Мы и говорим, наверное, чтобы отогнать страх. А храбрецы молчат. Вы храбрец, мсье.

Увидев стройную, тонконогую женщину лет сорока, пеленавшую ребенка, Пьер понял, что забирать Бланш — безумие. Но и оставить дочь Базиля он не мог. И Пьер остался. Три года он прожил рядом с мадам Бетанкур и Бланш, помогая им, чем мог, а когда в 1947 году вдова кюре скончалась от сердечного приступа, уехал с девочкой в Париж, поступать в университет. В Веркоре осталась его юность, его боль и две дорогие ему могилы — Василия Дятлова и Люс Бетанкур.

Мяч в последний раз стукнулся о машину и отскочил в кусты. Харилай в черной судейской фуфайке достал свисток и трижды озабоченно свистнул.

— Продолжаем заседание!

Пока члены Совета гоняли мяч, Пьер скромно стоял на краю поляны. Был теплый день. Хорошо, Кубилай пошел на уступки: отменил шарф и очки. Правда, тут же сунул Пьеру холщовую торбу с загадочной надписью «Жорж, ты заблуждаешься!» на одной стороне и не менее таинственной «Боб, ты дал маху!» — на другой.

— Цукерторт, на кого вы похожи! Заправьте футболку, — сказал Харилай и, встав на широкий пенек, призвал собравшихся к энергичному и деловому обсуждению проблемы.

Истерический выкрик прервал председателя. Какая-то женщина бросилась к Пьеру.

— Долой! Долой фальшивую радость! Долой проклятые игры! Долой режиссеров! Судью на мыло!

Она сорвала с головы парик. Потом еще один. Еще. «Сколько их у нее?» — изумился Пьер. Два крепких молодца подхватили кричавшую под руки. В одно мгновение они скрылись за деревьями.

— Талантливо сыгран стихийный протест, не правда ли? — спросил очутившийся рядом Гектор.

— Боже мой! — прошептал Пьер. — Она играла?

— Конечно. Такова ее роль.

— А эти, которые ее увели?

— У них своя роль, — терпеливо разъяснил Гектор.

Председатель снова овладел вниманием собрания.

— Итак, я предлагаю высказаться главному техническому эксперту инженеру Калимаху.

— Тот факт, — решительно заговорил Калимах, — что этот аппарат сработал, находится в вопиющем противоречии с наукой. — Инженер обернулся к Пьеру. — Сей сундук на гусеничном ходу мог закинуть вас черт знает куда, мог разрезать пополам — половину бросить в двадцать третий век, а другую — в двадцать седьмой. Он

мог растащить вас на атомы — на каждую секунду по одному. Вы, дорогой мой, вытянули единственный шанс из миллиарда.

Пьер виновато улыбнулся.

— Вы сами это построили? — Инженер небрежно кивнул на машину.

— Не совсем, — сказал Пьер. — Это длинная история. Идею машины выносил один человек. Василий Дятлов. Но построить ее он не успел. Дятлов погиб. Перед смертью он передал мне свои записи. Потом я с двумя друзьями... — Он замаялся.

— Расскажите подробно, — потребовал председатель, — это интересно.

Как быстро Париж стал прежним, довоенным Парижем! Только чуть сосредоточенней.

Только куда голоднее — двести граммов хлеба в день. Из них половину он отдавал Бланш. Но без Шалона и дю Нуи было бы совсем тяжело. Когда после занятий он забегал за девочкой и вел ее в Люксембургский сад, увалень Шалон встречал их — случайно, конечно, как он всегда подчеркивал, — либо у входа, либо на главной аллее и тащил за собой, бормоча:

— Тут, понимаешь, Альбер оказался... У него новая девушка. Он хочет ее показать тебе.

Или:

— У Альбера сегодня праздник. Он расстался с Жюли и хочет нас угостить.

Альбер дю Нуи встречал Бланш безупречным поклоном, сверкал зубами и пробором, сажал ее на плетеный стул и грозно кричал:

— Самую большую чашку кофе со сливками и самое вкусное пирожное для мадемуазель!

Когда Пьер намекал, что ему неловко, дю Нуи говорил:

— Оставь свою пролетарскую заносчивость. Считай, что ты экспроприируешь моего отца.

К выпуску стало ясно, что сближает эту троицу многое. Лидером незаметно стал Шалон. Он увлек их в организацию Ива Фаржа. А когда Пьер показал ему тетрадь Дятлова, Шалон сказал, что отныне ему понятно, зачем он живет, а также зачем живут они — Пьер Мерсье и Альбер дю Нуи. Смысл этот явствовал из такого общения Шалона:

— Ну что ж, это... Ясное дело, а? И вообще...

Они работали. Бланш росла. Настал апрель 1961 года. Газеты пестрели портретами Гагарина, Бланш стукнуло семнадцать лет, Шалон написал последнее уравнение, а Пьер и Альбер расшифровали

последние расчеты вычислительного центра компании «Дю Нуи и сын». Стало очевидным: идея Дятлова не блеф. Время не более властно над человеком, чем пространство.

Как они ликовали! Альбер привез ящик шампанского, Пьер позвонил Бланш, чтобы она приезжала на виллу дю Нуи, где они обычно работали, Шалон приволок старика Гастона, садовника. Они пировали всю ночь и решили отдохнуть недели две, а потом уже взяться за постройку самой машины. Тогда казалось — еще немного, ну, скажем, год, и... Кто знал, что цель еще так далека.

Отдыхать они все вместе поехали в Сен-Мартен. Пьер любил горы, и потом, он хотел показать Бланш могилу ее отца. Он провез их по знакомым местам, рассказал о Дятлове, д'Арильи, Декуре и обо всех-всех. В Балансе они зашли в дом, где когда-то жил кюре, и Бланш вспомнила этот дом и его хозяйку, Люс Бетанкур. За ними увязался парнишка с велосипедом. Он влюбился в Бланш сразу, бесповоротно.

Водил ее в кино, на танцы. Потом аккуратно доставлял в кабачок, где Пьер с Шалоном и дю Нуи сживали по вечерам в блаженном безделье. Накануне их отъезда он подошел к Пьеру и звонким голосом попросил руки Бланш.

— Ну а она, что она тебе сказала? — спросил Пьер.

— Она велела подойти к вам, мсье, и сказала, что сделает так, как вы сочтете нужным.

— Сочту нужным? — Пьер опешил.

У Бланш и раньше были приятели, но она расправлялась с ними без его помощи.

«Может, она влюбилась в мальчишку? — подумал Пьер. — Он симпатичный, простой. Смотрит на нее с обожанием».

— Вот что, дружок, зови-ка сюда Бланш. Я сочту нужнымсыпать ей как следует, чтобы она не морочила голову такому славному юноше.

Бланш появилась только поздно вечером.

— Что за фокусы? — спросил Пьер тоном скрипучего папашки. — Зачем ты мучаешь бедного парня?

— А что ты ему ответил?

— Обещал отстегать тебя крапивой.

— Что ж, приступай.

Тут только до Пьера начало доходить, что Бланш, возможно, и впрямь влюбилась. Что ей уже семнадцать. Что в последние месяцы он почти не разговаривал с ней серьезно, считая ребенком, а она... Она ведь скоро уйдет. Не с этим, так с другим.

— Ты стала совсем взрослой, дочка. Если он так тебе нравится, я не буду возражать, я...

И тут что-то произошло. Бланш билась в рыданиях и выкрикивала горькие упреки:

— Ты хочешь избавиться от меня. Ты обрадовался. Хорошо, я уйду. Ты никогда, никогда меня не любил. А я... Я всегда мечтала, что ты будешь приезжать от дю Нуи и Шалона домой и я буду... — Бланш плакала неудержимо, как ребенок. — И не смей называть меня дочкой! Ты мне не отец. Я никогда не считала тебя отцом! Ты — Пьер. Мой Пьер. Ты был моим Пьером. А теперь...

Они вернулись в Париж и скоро поженились. А через два года Бланш умерла от родов. Дочку Пьер назвал Люс, в память госпожи Бетанкур, спасшей ее мать.

Игре в Совет не было конца. Какие декорации! Версальский регулярный парк и тучные колонны египетских храмов, шатры Тамерлана из белого войлока и зал заседаний ООН, ночлежка из пьесы Горького и кают-компания ракеты Земля—Альгаир. За всем шутством Пьер с трудом улавливал ход дела. Обдирая шелуху лицедейства с речей и реплик, вопросов и заявлений, аргументов и возражений, исходящих то от упакованных во фраки дипломатов, то из уст трясущих кружевами вельмож, а то и услышанных в бормотании шамана догонов, когда отблески ритуальных костров ложились на маслянистое зеркало Нигера, Пьер пытался удерживать в памяти суть того, что произошло на последних заседаниях, то бишь в предшествующих актах, картинах, сценах и явлениях.

— В хрониках не отмечен факт создания машины времени в двадцатом веке, — назидательно поднимал палец худой мужчина со скучным взором, явившийся на Совет в калошах и пальто на вате. — Теоретические работы группы Шалона при «Эколь Нормаль» быстро зашли в тупик и сейчас представляют интерес лишь для играющих в историю науки. Поэтому возвращать туда, в двадцатый век, сей агрегат весьма опасно, чревато, я бы сказал... Как бы чего не вышло. И вообще, перемещения во времени с момента узаконенного введения таковых в обиход подвержены были и есть строжайшей регламентации соответствующим Уложением, какового Уложения параграфы 76 и 144 недвусмысленно полагают невозможным...

Пьер потерял мысль, но Гектор перевел ему, что оратор указал на нежелательность возвращения Пьера и машины в двадцатый век, поскольку это может перекроить всю историю, в то время как появление его, Пьера, в их времени теперь уже вполне безопасно, а стало быть, он может оставаться здесь как угодно долго.

— А закон статистического подавления мелких возмущений? — ехидно бросил на ходу ловкий усач в оперенном берете. —

Отпустить его — без машины, конечно, а девочку — вылечить. Пусть ее, чего там. — И ускакал, нахлестывая вороную лошадь.

— Предлагаемое деяние означало бы непозволительное вмешательство в ход исторического процесса, — бубнил тот, в калошах, поглаживая зачехленный зонтик, — а потому считаю своим долгом предостеречь. Быть надлежит предельно осторожным, а вы, сударь, — он повел головой в сторону исчезнувшего всадника, — манкируете, да-да.

— Но раз история не сохранила факта создания машины в двадцатом веке, стало быть, следы ее были уничтожены, что я и предлагаю сделать, оставив машину здесь и возвратив нашего гостя в его мир после небольшой процедуры, избавляющей его память от лишнего груза, — вставил Харилай. — А девочку... что ж, я думаю, девочку надо вылечить, а?

— Фи, не нравится мне эта ваша «небольшая процедура», Харилай, — это говорил Николай Иванович. — Пьер, я уверен, даст слово, что прекратит работу над машиной. Правда, если он сам захочет подвергнуться...

— Чтобы избегнуть, так сказать, соблазна, — подхватил Харилай.

— Вот именно. А сам факт исцеления одной девочки не страшен по той же причине подавления мелких возмущений, — закончил Николай Иванович.

— Протестую! — не унимался владелец зонтика. — Почему, на основании какого циркуляра из миллионов обреченных в этом суровом веке мы должны спасти одну, именно эту девочку?

— Что говорить об абстрактных миллионах! Добро всегда конкретно. Самый естественный поступок — вылечить девочку и вернуть ей отца, предоставив истории развиваться естественным путем.

— Но на естественном пути ребенок и должен погибнуть...

И так без конца.

Доктор сдержал слово, и Пьер провел несколько дней в «Осеннем госпитале»: кленовые листья, рябина, заморозки по ночам и слабый запах прели в парке, где молчаливо и печально стояли белые античные боги. Дважды его навещала Урсула. Они ходили по зябким аллеям, и Пьер чувствовал легкое головокружение. Прощаясь с ним после второй их встречи, она сказала:

— Ну вот, Пьер. Теперь вы никогда не будете болеть — в том смысле, который имеет слово «болезнь» в вашем веке.

Ночь после госпиталя ему выпало провести в бунгало южно-африканского магната.

Широкая лежанка, застланная шкурами, деревянные маски над камином. Спать не хотелось. Пьер сидел в кресле, смотрел на огонь

и вспоминал отсветы костра на лице Дятлова в последнюю его ночь, за несколько часов до того, как он послал Пьера в штаб с сообщением об отходе отряда.

— Что происходит, — говорил Дятлов, — когда глубину океанской впадины измеряют тросом? Рано или поздно трос обрывается под собственной тяжестью. То же происходит с причинными цепями. При очень большой длине они изнемогают и рвутся. И тогда новый мир становится независимым от старого. Это значит, что, улетев на тысячу лет вперед, можно встретить культуру, забывшую своих отцов, столкнуться с дикостью, каннибализмом...

— Значит, д'Арильи прав? — спросил Пьер. — Нет смысла стараться ради будущего?

— Вовсе нет. Разрыв преемственности не фатален. Чтобы передать будущему эстафету разума, нужно просто хорошо строить. Не пирамиды — общественный порядок, противостоящий дикости. Но и слетать туда, к потомкам, тоже ведь очень заманчиво.

— Нам отправиться туда? Может, реальнее ждать их к нам?

— Для этого нужна машина. Откуда взять машину им, если ее не сделаю я, ты, твой внук... Двигаться по времени запрещает причинный парадокс. Вот улетишь ты лет на сорок назад и отобьешь невесту у собственного дедушки. Как тогда родится твоя мать?

— Действительно, — пробормотал Пьер.

— К счастью, мы живем в вероятностном мире. Значит, можно лететь в такие далекие времена, где вероятность воздействия на причинную цепь, могущую парадоксально изменить наше время, ничтожна. Недавно я прикинул кое-что. Изолировать аппарат от причинного окружения напрямую невозможно — такой энергии не сыскать во всем нашем мире. Но есть другой путь: не через барьер, а сквозь него. Энергии немного, а эффект!.. — Дятлов засмеялся, похлопал по вещевому мешку. — Здесь описан этот путь...

Вкрадчивый стук в дверь вернул Пьера к действительности.

— Кто там?

— Простите, что побеспокоил. Да дело важное.

Из тьмы, очерченной дверной рамой и оглушительно звенящей цикадами, выплыла мощная фигура. Пьер подбросил в камин кривые колючие сучья. Пламя осветило круглые щеки и глубокие пытливые глазки монаха-разбойника.

— Садитесь, прошу вас. Я тут сижу в одиночестве. Сон не идет. Заскрипела, прогибаясь, солома кресла.

— Меня прислал Харилай, — сказал Турлумпий, смущенно теребя завитки вокруг тонзуры.

— Да, да, я слушаю.

— Мне трудно начать, ну да ладно, приступлю сразу к делу. В некоторых кругах, Пьер, — ничего если я буду вас называть просто Пьером? — так вот, в некоторых кругах вашему визиту придают исключительно большое значение. Но... тс-с... Это не для всех.

Пьер насторожился.

— Вы, должно быть, заметили, что в нашем сверхблагополучном обществе далеко не все благополучно. Мы давно уже живем двойной жизнью. Для других, на поверхности — каждый играет. А что он думает про себя? Этого никто не узнает. Игра, игра, будь она трижды благословенна, будь она четырежды проклята. Ты можешь играть императора, можешь играть раба. Ты можешь сказать подлецу всю правду в глаза. Он заплещет ладошками и скажет: «Как прекрасно! Как замечательно сыграно!». И тут же вы сыграете бесильную, не находящую выхода ярость.

— Что же случилось с вами? — спросил Пьер.

— Режиссеры проклятые! Власть взяли. Раньше-то шутки были. Поиграли в то, в это. Хиханьки-хаханьки. Дальше — больше. Еще было время, когда учителя пытались что-то сделать. Да поздно, упустили. Над каждым членом педагогической коллегии уж был свой режиссер. Попробуй, сыграй не так! Измена делу Станиславского! А кто помнит, чего этот Станиславский хотел? Но поди возрази. Однако есть еще здоровые, естественные силы. Ваш приезд, приезд человека, для которого игра — просто игра, а не образ жизни, их всколыхнул, вы понимаете?

— Не совсем. Чем я могу вам помочь? Как могу я влиять на вашу жизнь? Одиноким пришелец из другого времени, явившийся как проситель...

— Есть одна идея. Харилай...

Большая черная тень стремительно влетела в окно, едва не задела Пьера и исчезла в дверном проеме.

— Ух, дают! — восхитился монах.

— Что это было?

— А кто его знает, — беспечно ответил толстяк. — Какая-то местная птица. Если постановщик не напугал. — Он наклонился к огню, поворошил угли.

— Вы что-то хотели мне сказать, — напомнил Пьер.

— Харилай предлагает вот что. Вы человек приезжий и, стало быть, вовсе не обязаны плясать под их дудку. Плюньте на них. При этом — и в этом вся суть — плюньте публично. Это что-то да пробудит в заигравшихся душах. Тут главное — дать толчок.

— Откровенно говоря, и мне не по душе эта вакханалия игры. Я видел, как одна женщина выражала протест против этой традиции, но оказалось, что и протест ее — часть какой-то игры. Я ре-

шил тогда никак не выражать своего отношения к вашей жизни. Ведь в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Тем более мое положение просителя...

— А вы не смущайтесь... Помочь вам обязаны. Нам это вообще в радость. А плясать за это вовсе не обязательно.

— Обязаны, говорите? Не знаю. Обнаруживаются какие-то трудности. А я даже улететь не могу. Я переоценил свою машину.

— А наши машины на что? На них к королю Артуру летают.

— Я просто не в состоянии уследить за всем, что творится на заседаниях Совета.

— Вы, видно, не театрал. Но нам-то помогите немного прищучить режиссеров.

— Не знаю, смогу ли.

— А мы вам подскажем, не волнуйтесь...

— А мы вам подскажем, не волнуйтесь, — сказал Кубилай.

Они завтракали в легком павильоне над озером. Далекий духовой оркестр играл смутно знакомые вальсы и марши. Толстая официантка в замызганном переднике неспешно накрыла стол. К завтраку была подана свежая редиска, крабы, бледно-желтый омлет с зеленым луком и темный напиток под названием кью-вас.

— Допустим, у вас появляется желание противиться диктату режиссера. Допустим, кто-то пытается возбудить в вас такое желание. Как вам наиболее точно сыграть в таком случае? Сие не просто. Но мы вам подскажем...

Пьер чуть не подавился омлетом.

— Так вы все знали? Про этого монаха?

— Про брата Турлуппия и его заговор? Естественно. Вот уже неделя, как Кукс поручил мне вести его роль.

— Вы его ко мне и подослали? Зачем?

— Так острее. Мы построим вашу роль на контрастах!

— Скажите, Гектор, когда наконец соберется последнее заседание? Боюсь вас обидеть, но эти игры, эти чудеса так далеки от меня. Проходит неделя за неделей, а там... Люс.

— Напрасно волнуетесь, дружище. Если Совет примет решение помочь вам, то вас вернут в тот же момент времени в прошлом, из которого вы отправились к нам. Но ваше раздражение, Пьер, оно необоснованно. Вот уже сто пятьдесят лет мы играем.

— Но ведь бывают минуты, когда вам не до игр? Бывают и здесь несчастья, утраты друзей, родных, любимых... И потом, простите мне высокопарность, но где же собственное лицо вашего времени? Один мой друг, знаток театра, говорил, что великий актер не имеет собственного лица, собственной души. Это и позволяет

ему без остатка воплощаться в иной образ, в чужую душу, в другую жизнь. Но ведь это страшно — не иметь собственной души, своего лица...

— Что вы называете лицом времени?

— Ну, свою поэзию, свою философию, научные открытия, страсти, страдания — свои, не заимствованные у других эпох.

— Все это отлично вписывается в систему игр. Научные открытия? Так входят в роль, что заткнут за пояс Эйнштейна вместе с Бором и Хокингом. Стихи? Так разыграются, что твой Байрон! Шиллер! Лермонтов! Важно, чтобы режиссер и актеры были талантливы. Вспомните, ведь и в вашем веке жили великие актеры — разве их страдания на сцене не были прекрасны?

— Это так, но они потому и были прекрасны, что походили на жизнь. А у вас и жизни-то... нет. — Пьер испуганно взглянул на Гектора.

— Наш друг хотел сказать, — вмешался Харилай, — что трагедия — необходимый компонент положительного развития общества. Но, милый Пьер, если игра стала нашей жизнью, разве жизнь стала от этого менее насыщенной? Менее полнокровной? Менее достойной? Напротив, каждый из нас проживает множество жизней, имеет столько судеб, сколько им сыграно ролей. Индивидуальность не страдает. У нас есть гениальные универсалы: Дубовской-Галстян был великолепен в образе Иосифа Прекрасного, вызывал слезы своим Борисом Годуновым, пять лет играл гарибальдийца, ранчеро с Дальнего Запада, космолетчика, поселенца на Обероне, да что там говорить... Все дело в умении отдаться игре. И она становится жизнью. Неотличимой от настоящей.

— Может быть, вы и правы, Харилай. Но мне не по себе, когда я думаю, что вы не игру сделали жизнью, а жизнь — игрой. Вот вы сказали, этот актер вызывал слезы. Значит, зрители плакали по-настоящему?

— Конечно же по-настоящему. Что может быть проще настоящих слез при игре в театр! Это умеет любой ребенок.

Последний акт разыгрывался в просторной избе на окраине села. По широким лавкам под тускло блестящими окладами рассаживались, побрякивая шпорами ботфортов, задумчивый Харилай, оживленный Гектор, рассеянный Николай Иванович и еще человек пять-шесть — члены Совета, которых Пьер хорошо помнил по прошлым сценам. С печи на шитье мундиров таращились хозяйские дети, допущенные в избу. Сам же хозяин с прочими домохозяевами был удален по этому случаю в сарай позади дома.

Пьера усадили на трехногий стул у стены, откуда хорошо было видно всех. И вроде собрались начинать, да мешкал Харилай, пока

не дождался еще одного: шумно дыша, взошел в горницу на коротких пухлых ногах тучный старик в белой фуражке, один глаз закрыт черным шелком, другой смотрит сонно. Дверь прикрыл — и в угол, за печку, в складное кресло. Глаз рукой загородил и вроде дремать начал. Пьер почувствовал глухое раздражение. От привычного лицедейства веяло жутким холодом.

Сейчас, в этой избе, они решат. Чужие. Даже лучшие из них — Гектор, Харилай, Ина.

Он начал свою речь в ослеплении. На ощупь. Он не видел их.

— Я виноват перед вами, — говорил он, — я ворвался в ваше время, чем-то нарушил спокойное течение вашей жизни, ваш уклад, привычки. Простите. Правда, я летел с надеждой спасти самое дорогое мне существо, маленькую девочку, чья судьба затеряна для вас в безмерной толще прошлого. Я надеялся. И мне стыдно сознавать, что я стал жертвой собственного эгоизма, надумав решать свои проблемы с помощью других эпох, чужих, как мне теперь начинает казаться. Там, в прошлом, я думал, что мы должны помогать друг другу. Мы вам — тем хотя бы, что стараемся сделать своих детей лучше, сделать вас лучше, ведь вы — наши дети. А вы могли бы помочь нам своей мудростью. Я верил, ваша мудрость и сила столь велики, что вы сможете помочь самозванному гостю из древней, страдающей, а в ваших глазах — просто мрачной эпохи. Помочь, несмотря на его личную незначительность, слабость. Однако мое самоуничижение кажется мне ошибочным. Глядя на вас, я начинаю понимать, что и опыт нашего времени бесценен. Он утрачен вами, это сделало вас другими, чужими...

Я смотрел на вашу жизнь и думал: да живете ли вы? Вы способны чувствовать боль, но боль эта не настоящая. Вы проливаете кровь, иной раз ручьями, но это шутейная кровь, одно из чудес хитроумной технологии. Вы изобрели новые слезы и муки, но это стерильные слезы, сделанные гением химии, они не оставляют следов-морщинок на безукоризненной коже. А муки так точно рассчитаны психологами, что превратились в род щекотки. Ха-ха, как больно, хи-хи, как печально, го-го, как тяжело... И вот я, ископаемое, подумал: не есть ли это чудовищный обман? Абсолютное равнодушие предельно сытых людей? И еще я подумал: Боже мой, так вот какое будущее нас ожидает! Мы, напрягая все силы, боремся... нет, боремся в трудном, кровавом, жестоком, горящем нашем двадцатом веке. Да, в грязном и подлом веке, но вместе с тем и таком светлом из-за свершений его лучших людей, его настоящих героев, из-за высоких движений души, неодолимого стремления людей к справедливости. Мы боремся против крови, огня, мук... И я вижу, их нет. Нет настоящих. Есть поддельные. Но для чего? Да,

и тепло, и сыто, и всего вдоволь, и выдумка безгранична, но объясните мне, для чего? Нет, наши слезы, наши страдания предстают теперь иными. Надо ли избавляться от них? Может быть, они делают жизнь подлинной? Простите, я запутался...

Страшная это пропасть — половина тысячелетия. Наверное, я ошибаюсь, я просто не в силах понять истинных глубин вашей жизни. Она должна быть прекрасной и цельной. Видимо, все там, дальше, за этими играми. Может быть, с высоты своих знаний вы поймете меня, покрытого шерстью прищельца, который вторгся в ваш мир не для забавы, поверьте, а из страха за маленькую девочку. И еще я сделал это в слепой, но твердой убежденности, что люди далекого будущего не только намного разумнее нас, но и намного добрее. Эта вера и заставила меня дернуть рычаг той несурзадной в ваших глазах колымаги, в проводах, кристаллах и железе которой билась, однако, гениальная мысль, стучало живое сердце моего друга, товарища по борьбе с варварами нашего времени, Василия Дятлова. Его внучку и мою дочь я и прошу вас спасти.

— Прелестно, голубчик, ну распотешил старика, ну спасибо! — Сухонький человек в камергерском мундире опустил слуховую трубку и кинулся обнимать Пьера. — До слез довел, шельмец.

— М-да, неплохо сыграно. Резковато по нынешним меркам, но... — заговорил незнакомый Пьеру генерал. — Господа Совет, а не посмотреть ли судьбу нашего гостя и дочери его в реальной истории? Может статься, там и есть решение.

— Там-то оно есть, — заметил кривоногий старик, поигрывая темляком сабли, — да прилично ли, узнавши судьбу человека и чад его, ему таковой не открыть? А открыть так совсем невозможно.

— Важно не сокрыть судьбу от Пьера Мерсье, а привести его в состояние резиныции, дабы с покорностью ее пинки и уколы принимал, — задумчиво поднял палец Николай Иванович.

В наступившей паузе Пьер подумал, что сейчас либо взбунтуется, либо и впрямь впадет в состояние резиныции. Знай он лучше русскую историю, то понял бы, что в сцене этой все до того сказанное значения не имело, и с большим вниманием следил бы за дремавшим в кресле стариком с повязкой на глазу.

Речь Пьера привела в восторг и Гектора. Сияя, он толкал локтем корнета, в котором без труда можно было узнать Полину.

— Посмотри, что Кубилай сотворил с этим новичком! Отличный парень этот Пьер. Веселый, а?

Ина вспыхнула:

— Ты сказал — веселый? А по-моему, вы с Кубилаем настоящие ослы. Вам не приходило в голову, что Пьер не играл? Ему больно.

Очень больно. — В глазах Ины застыли слезы. — Только, пожалуйста, не думай, что и я сейчас играю. Лучше скажи: долго там еще намерены его мучить?

Гектор растерянно посмотрел на девушку.

— Ты всерьез? Не может быть. Ведь все уверены, что Пьер в полном восторге. — Гектор замолчал. И вдруг побледнел от внезапной догадки. — Слушай, а если... если он вообще не уверен, что мы дадим ему лекарство?

— А я тебе о чем говорю!

— Ой-ой-ой! У Кубилая ведь еще десяток эпизодов в программе. Надо срочно кончать все это. — Гектор схватил Ину за руку и, грубо нарушая торжественное течение высокого Совета, полез по рядам.

Между тем два седоусых унтер-офицера установили на поставце ящик красного дерева с большой серебряной трубой. Подле ящика тотчас возник вертлявый субъект в табачном сюртуке. Поклонившись в сторону печки, субъект утвердил сверху ящика черный диск и покрутил торчащую сбоку ручку. Чарующая, чуть угловатая музыка вошла в избу сразу со всех сторон.

— Симфоническая поэма Людмилы Кнут, в девичестве Люс Мерсье, — торжественным фальцетом объявил владелец табачного сюртука, когда музыка умолкла.

— Алоизий Макушка собственной персоной, — прошептал Николай Иванович на ухо Пьеру. — Главный историк режиссерского консулата.

— Мысль о том, что решение наше надлежит выводить из естественного течения истории, — заговорил Макушка нормальным голосом, — подвигла меня на исследование некоторых обстоятельств, приведших тому триста лет к появлению хронолетов Владимира Каневича. Избегая частных, могущих утомить высокое собрание, сообщаю главное следствие произведенной экзаменации, состоящее в том, что поименованный Владимир Каневич приходится по материнской линии правнуком Людмиле Кнут, в девичестве, как уже указывалось, Люс Мерсье.

В это время Пьер заметил, как Гектор что-то горячо втолковывает Кубилаю, оторопело смотрящему то на Гектора, то на него, Пьера.

Выдержав паузу, чтобы позволить всем оценить важность сказанного, Макушка продолжал:

— Дочь присутствующего здесь Пьера Мерсье есть необходимое звено в цепи событий, приведших, во-первых, к появлению у нас человека из далекого прошлого, поскольку таковое вызвано ее тяжелым недугом, во-вторых, к созданию машины времени,

ставшей тривиальным предметом материальной культуры нашей эпохи. Цепь эта разорвана сейчас, и мы держим в руках ее части, раздумывая, соединить их или оставить эту цепь разъятой. Я веду вас вдоль этой цепи, милостивые государи: в первой половине трудного века, известного невиданными бурями в жизни общества, потрясениями умов и государств, родился и погиб в зените дарования инженер-физик Василий Дятлов. Вот первое звено. Через тридцать без малого лет его друг, ныне стоящий перед вами, с двумя помощниками сделал первый, несовершенный, по нашим меркам, аппарат, воплотивший идею Дятлова. Аппарат этот перенес своего создателя к нам. Это второе звено. Здесь цепь обрывается. Ибо третье звено — Люс Мерсье — умирает в своем двадцатом веке.

Макушка снова прервался. Кубилай с Гектором и Иной пробрались к сидящему за печкой старику.

— Если Люс Мерсье останется жива, — продолжал историк, — то через много лет выйдет замуж за внука погибшей вместе с ее дедом Сарры Кнут, дочери русского композитора Александра Скрябина. Люс, или по-русски Людмила, сама станет известным музыкантом, а ее правнук Владимир Каневич создаст аппарат, способный вернуть Пьера Мерсье к его дочери, а дочь — к жизни. Я закончил.

В наступившей тишине Пьер услышал тихий скрип за печкой. Грузная фигура старика распрямилась, он отнял руку от лица, извлек из шлица мундирного сюртука гигантский платок и отер лоб. Потом заговорил размеренно и внятно:

— Благодарю всех, господа. Благодарю вас особенно. — Он слегка поклонился Пьеру. — Как только что было отмечено, аппарат Каневича — это живая часть нашей культуры. Мы без нее — не мы. Раз был в истории Владимир Каневич, значит, история уже распорядилась за нас. Мы не делаем благодеяния, мы спасаем друг друга. Спасая прошлое, мы спасаем себя. Отказать Пьеру Мерсье — значит взорвать наше собственное существование. Человечество едино не только в пространстве, но и во времени. («Боже мой, — сверкнуло в уме Пьера, — он буквально повторяет Базиля».) Однако что это я? Пространство, время... Ящик, не более. А душа-то человеческая? К ней, к душе, продираться надо. И пусть бездна лет, пусть неразличимы вдали их лица. Можем ли мы смотреть на них в перевернутую подзорную трубу с холодным, жестоким сочувствием, равноценным презрению? Нет, господа! Прав, навсегда прав Федор Михайлович. Не на муках и страданиях строим храм. Быть в силах и не помочь младенцу? Да можно ли помыслить такое? Мне остается только в согласии с историей и ролью в этой пьесе ска-

зять: «Господа! Властью, данной мне отечеством, приказываю...».

Синеющее окно вспыхнуло румянцем. В избу вошел темнолицый пожилой человек в длинной белой рубаше. Стало тихо.

— Пьер Мерсье, человек из прошлого, здравствуй!

Стен не было. Было бескрайнее поле. И тысячи лиц, лишенных грима. Человек протягивал Пьеру руки.

— Не сердись на наших детей, Пьер Мерсье. Это удача, что ты попал к ним. Они показали тебе нашу Землю. Они полюбили тебя.

— Дети? — пробормотал Пьер. — Вы сказали — дети?

— Да, Пьер. Это их дом, их школа. Они кажутся тебе взрослыми, но взгляди в них сейчас, взгляди внимательно.

— Боже мой, дети! — Пьер переводил взгляд с кудрявого, расплывшегося в улыбке Гектора на вдруг застеснявшуюся Алисию. Маленький Кукс пригласил вихры и смотрел на Пьера серьезно и напряженно, как отличник на доску с текстом трудной задачи. Кубилай лучился любовью и нежностью, а Турлупкий, щекастый Турлупкий пялил свои пуговицы так же, как на поляне при их первой встрече.

— Уже много лет, как Земля отдана детям, — говорил старик. — Сначала с ними жили педагоги и воспитатели. Но потом необходимость в этом исчезла. Взрослые стали даже мешать свободному развитию детей, их творчеству. Выяснилось, что лучшей формой такого развития является игра. Игра для нас — путь к знанию, утверждение личности, постижение живой истории. В нашем мире нет зла, рожденного темными движениями человеческой души, и мы оказались бы бессильными перед космосом, не постигни мы опыта борьбы прошлого. Но закалка против зла — не главная цель игры. История человечества, и твоего века тоже, Пьер, учит не только борьбе, но и состраданию. И, отдаваясь игре до конца, наши дети постигают главную науку — науку добра. Дети встретили тебя, они же отправят тебя домой. Они вылечат твою Люс.

— И все это они сделают сами? Дети?

— Не совсем. Мы поможем им. Хотя главное они уже сделали. Мы не сразу узнали о твоём прибытии, и на плечи детей легла эта задача — понять, что они встретились с человеком из далекого прошлого. Мне приходилось заниматься психологией людей вашего времени, и я знаю, как нелегко перешагнуть лежащую между нами пропасть. Твой приезд стал экзаменом для их умов и для их сердец. Мне кажется, они выдержали экзамен. Правда, тебе пришлось немало испытать, но это не вина детей, а скорее их беда — слишком уж широка оказалась эта пропасть. И все-таки они приняли правильное решение.

— Но что происходит с ними потом, когда кончается детство? Почему они скрыли от меня ваш большой мир?

— Наш мир мог испугать тебя. Дети не хотели причинить тебе боль. Пусть, увидев лишь верхушку айсберга, ты получил превратное представление о нашем времени. Горька была твоя речь на Совете. Но помнишь, ты сказал: истинные глубины нашей жизни могут быть дальше, за этими играми. Так и есть, Пьер.

— Так вы не дадите мне взглянуть на ваш взрослый мир? Это запрещено?

— Мы ничего не запрещаем. Но подумай, прежде чем решиться. Ты можешь испытать такое потрясение, что никогда не оправившись. Пожелай ты остаться у нас навсегда, я бы не отговаривал тебя. Но были люди, сильные люди, рожденные после тебя, Пьер, которые, прожив с нами краткий миг, возвращались домой и навсегда оставались несчастными. А ведь ты хочешь вернуться... — Старик отступил на шаг. — Теперь я оставлю тебя на время.

Он ушел, а Гектор, Ина, Асса, Харилай и другие, сияя, бросились к Пьеру.

— Ну вот, ну вот, что я говорил... что я говорила... — Пьер напрыгся, ожидая, что вот-вот услышит властное указание Кукса или Кубилая: «Ярче, ярче изображайте восторг!».

Но и Кубилай, и Кукс прыгали рядом и кричали:

— Ну вот, я же говорил! Я говорил!

Ах, какие были проводы!

Ставил, конечно, Кукс, забияка и большой любитель покомандовать. Толстяк, сидевший на последнем Совете за печкой, скинул повязку — мешала — и топал впереди парадирующих войск, воздев треуголку на шпагу и вопя что есть мочи: «Виват!». Бивак разбили у стен Лонгибура. Пьер сидел на слоне. Пальцы ласкали твердый цилиндрок в кармане куртки — маленький пенал с щепоткой оранжевого порошка, врученный ему нынче утром доктором из «Осеннего госпиталя». Пока пили-ели (Кубилай все норовил с Пьером чокнуться и поцеловаться, но не дотянувшись — высоко), площадку огородили, увили лентами, обставили флажками, и грузинский князь затрубил в рог. Граф де Круа и Морис де Тардые пустили коней в галоп, сейчас сшибутся, затрещат копыта, рассыплются, и — за мечи! Нет, передумали. Алисия им язык показала и — по хоботу — к Пьеру, с венком из ромашек. И села рядом.

Музыки было много. Елена в пурпурной stole перебирала струны кифары. Николай Иванович в сапогах и двубортном чутунном пиджаке растягивал зеленую гармонь, а соседка — тугое тело

рвется из цветастого ситца — за углы косынки взялась, пальчики отставила и тонюсенько выводила:

*Мы с миленочком прощались
От зари до темени,
Улетал соколик мой
На машине времени.
И-и-и-и-х...*

И пошла бить пыль босоножками.

Брат Турлумпий ходил с трубой, раздувал спелые щеки, всем надоел. А когда над ухом у академика Дрожжи взвизгнуло, тот осерчал и спихнул обидчика в бассейн. Его Урсула с чайханщиком вытаскивали, но Пьер этого не видел: проскальзывая длинными ногами, шел клетчатый Арлекин, смотрел провалами глаз, изгибал шею. Как ударом хлыста, сорвало Пьера с места. Он сполз по крутому слоновьему боку, вскочил на стол.

— Там у нас, в Шатле, это делали так!

Он пустил волну по рукам — туда, обратно, снова туда. И вдруг застыл в мучительном изломе.

— Еще, еще! — ревела толпа, а мим — Пьер узнал Жоффруа — глядел на него с восторгом темными крутами на меловой маске.

Кукс и Кубилай, отталкивая друг друга, бросились к нему — пожать руку, помочь слезть. Кубилай оказался проворней.

— Это... это... Нет слов. Вы гений. Умоляю, на одну минуту. Вот это движение... — И увлек Пьера в сторону.

Поляна за стеной жимолости раздалась, чтобы вместить всех. На трибуне скрипел Алоизий Макушка:

— Дорогие сограждане! Мы собрались здесь в эту торжественную минуту, чтобы проводить, как говорится, в дальний путь нашего, так сказать, замечательного и, я не боюсь этого слова, старого друга, — и бил пробкой о графин.

Из машины, весь в мазуте, вылез Калимах и поставил на землю большую медную масленку.

— Ты у меня полетишь, — мычал он, хмуро примериваясь разводным ключом к торчащему болту, которого раньше, Пьер мог поклясться, в машине не было. — Как пить дать полетишь.

— Свечи прокалил? — подошел Харилай. — Прокали свечи-то. Отсырела, небось, стояла сколько...

— И то, прокалить, — согласился Калимах. — Тащи паяльную лампу.

Что-то острое уперлось Пьеру в бок.

— Считаю своим долгом предостеречь, — зашептал старый знакомый в калошах, убирая зонтик. — Шум, несанкционированное

пение... Чего ж тут хорошего. Произнесение речей при большом скоплении публики. Это, знаете, чревато. Полезайте-ка вы в машину, и — скатертью... то есть счастливый, как говорится, путь. И вам хорошо, и нам спокойней. К обоюдному, так сказать. А то как бы они того... не передумали, а? — И, не выдержав, прыснул.

Пьер еще увидел прощальный взмах Гектора, немного растерянные лица Елены, Ассы. Он вытер щеки. Мелькнула косынка:

*Муженька я скину в реку,
Нам не надо третьего,
Из двадцатого из веку
Полюбила Петю я...*

— Не скучай, Пьер! Счастливо!

— Счастливо и вам! Спасибо за все. Как хорошо, что старик в балахоне не играл.

Внизу сверкнули удивленные глаза Полины.

— Старик в балахоне? Да это лучший актер нашего времени. Гений!

Люк захлопнулся.

— Мсье! — кричал Гастон. — Стойте! Нельзя!

Кто-то толкнул садовника в спину. В ротонду ворвались Шалон и дю Нуи. Скрипнул, распахиваясь, люк. Показалась нога в рифленом ботинке. Потом рука и, наконец, смущенное лицо Пьера.

— Ты сошел с ума! — закричал Шалон.

— Пьер, милый, разве так можно, — сказал Альбер.

— Да что вы, друзья, — медленно и тихо сказал Пьер. — Я только хотел попробовать...

Но Шалон уже вытаскивал из машины рюкзак и, поднимая его, взглянул в глаза Пьеру.

— Попробовать? А это что?

— Простите меня, — еще тише сказал Пьер.

— Слава Богу, хоть жив. Ты включал ее?

Пьер смотрел на них сквозь слезы, не слыша слов.

— Ничего, ребята, не огорчайтесь.

— Так она не работает?

Пьер покачал головой.

— Ты не находишь, что он какой-то странный? — повернулся дю Нуи к Шалону.

— Он потрясен неудачей. Нам это тоже предстоит пережить.

— Простите, я очень тороплюсь, — сказал Пьер. — Подбросьте меня до Форж-лез-О, я там оставил машину.

Он не сводил глаз с тщедушного тела, со страшной иглы. Ему казалось, миновала вечность с тех пор, как он уронил оранжевую крупинку в колбу капельницы, хотя на самом деле не прошло и половины суток. Пьер брал руку девочки, пытаясь ощутить намерок на ответное движение. Но нет, ничего не изменилось. Ничего. Утренний луч играл на красном коленкоре истории болезни.

— Ну, как ты сегодня себя чувствуешь? — Доктор вытянул из папки листок.

— Ой, мы опять с папой купались. И ракушку нашли огромную, во! — Руки Люс дрогнули.

Доктор снял очки и поднес листок к глазам.

— Господин профессор, вас к телефону, — объявила сестра.

— Что? А? Послушайте, мадам Планше, что вы мне подсунули? — Он свирепо ткнул пальцем в листок. — Чей это анализ?

Лицо сестры покрылось пятнами одного цвета с крестом на ее наложке.

— Это анализ Люс Мерсье, господин профессор. Я сама, — она сделала паузу, — сама вложила его в историю болезни пациентки.

— А в лаборатории не могли напутать? — спросил доктор, смягчаясь.

— В лаборатории сегодня не было других анализов, господин профессор. Вас ждет у телефона мадам Жироду, господин профессор.

— Не было других анализов? — Доктор надел очки. Он увидел привстающего Пьера и повернулся к ребенку. Знают ли они, какое чудо произошло? Какая милосердная воля вернула девочку этому человеку, а ей подарила настоящий мир, с настоящей травой, с морем, в котором можно по-настоящему плавать, в котором водятся живые рыбы и полным-полно огромных раковин.

— Ах да, иду, иду. Дождитесь меня, Мерсье. Я сейчас вернусь, только поговорю с женой. Дождитесь меня непременно.

Худая спина исчезла за бесшумно сдвинутой створкой. Но сквозь закрытую дверь Пьер отчетливо видел удаляющуюся фигуру в веселеньком домино с ромбами. На шутовском колпаке звонко потренькивал колокольчик.

1983, 1991

ВОПРОС ВРЕМЕНИ

(заключение)

Неумолимый ход времени начал раздражать фантастов с момента возникновения жанра. Символично, что произведение, из которого, как считают многие, выросла современная научная фантастика, называлось «Машина времени» (*The Time Machine*) и было посвящено возможности при помощи хитроумного устройства разорвать пути мироздания и совершать путешествия в прошлое или будущее. Впервые этот роман Герберта Уэллса увидел свет в 1888 г., но и спустя столетие с лишним не утратил актуальности, если судить по голливудской экранизации, сделанной уже в XXI веке.

Эта метаморфоза выглядит удивительно органичной и естественной, если мы попытаемся разобраться в причинах популярности подобных произведений. А популярность их — как среди читателей, так и среди авторов — огромна. О путешествиях во времени писали Айзек Азимов, Рэй Брэдбери, Роберт Сильверберг, Пол Андерсон, Фред Саберхаген, Марк Твен, Роберт Хайнлайн, Джеймс Баллард, Брайан Олдисс... И это только самые известные имена мировой НФ, а сколько трудилось над этой темой фантастов менее знаменитых! Да и о вкладе отечественных авторов забывать не стоит. Пусть он был более скромным, но Илья Варшавский, Север Гансовский, Александр и Сергей Абрамовы, Дмитрий Биленкин, Геннадий Гор, Кир Булычев, Ариадна Громова нашли свои, оригинальные повороты знакомого сюжета.

Но почему же так полюбились фантастам путешествия во времени? Вероятнее всего, потому, что овладеть секретом таких путешествий — значит победить судьбу, вырваться за пределы отведенного тебе исторического отрезка, в конечном счете — обмануть

саму смерть. А это великий соблазн и источник сильнейших эмоций. Неудивительно, что задолго до Уэллса о перемещениях во времени писали такие классики литературы, как Теофиль Готье, Чарльз Диккенс и Вашингтон Ирвинг.

Собственно говоря, литературным изобретением Уэллса стала сама машина, которая позволила ему заглянуть в такие дали, какие раньше были доступны только автору библейского Апокалипсиса. Увиденное «за горизонтом» оказалось столь мрачным, что Уэллс никогда больше не возвращался к предсказаниям подобного рода (более того, в рассказе «Новейший ускоритель» он придумал, как замедлять течение времени). Однако у английского писателя мгновенно отыскивались английские же эпигоны, чьи произведения заполнили книжные прилавки. При этом большинство из них предпочитало не механический, а ментальный способ путешествия, когда перед героем, погруженным в гипноз или принявшим наркотик, сами собой разворачиваются картины грядущего. Возможно, единственным исключением оказался роман Э. В. Одла «Заводной человек» (*The Clockwork Man*, 1923), а спустя десятилетие эстафету подхватили американские фантасты: в Соединенных Штатах как раз начинался «золотой век» НФ.

Впрочем, еще до этого Марк Твен в романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (*A Connecticut Yankee in King Arthur's Court*, 1889) и Дж. Коултон в романе «Фонарь монаха» (*Friar's Lantern*, 1906) использовали перемещения во времени, чтобы высмеять ностальгию по средневековому образу жизни, которая была в моде в определенных кругах. Совсем иное волновало Ральфа Милна Фарли, автора «Путешественника во времени» (1931), и Джона Тэйна, который написал «Поток времени» (1931): эти сочинители строили гипотезы насчет природы времени. Вскоре выяснилось, что в истории человечества есть периоды, особенно любопытные для фантастов, — скажем, эпоха динозавров. Первым отправил нашего современника в гости к ужасным ящерам тот же самый Тэйн — в рассказе «Перед рассветом» (1934).

Возможность встретиться со знаменитыми людьми прошлого также оказалась веским доводом в пользу путешествий. Первопроходцем стал Мэнли Уэллман, сочинивший рассказ «Дважды во времени» (1940). Несколько раньше Мюррею Лейнстеру пришла в голову идея, что во времени могут перемещаться не только отдельные люди, но и целые участки Земли. Он попытался представить, что произойдет, если разные участки будут перемещаться с разной скоростью, и написал рассказ «Бочком во времени» (1934). Та же идея впоследствии вдохновила Фреда Хойла на создание

романа «Первого октября слишком поздно» (*October the First is Too Late*, 1964). Еще одну категорию произведений о путешествиях во времени составили истории о посещении наших дней пришельцами из будущего. Здесь пальму первенства следует отдать Генри Каттнеру, который вместе со своей женой Кэтрин Мур сочинил два замечательных образчика историй такого рода — «Твонки» (1942) и «Все тенали бороговы» (1943).

Удивительно, но языковой барьер, который наверняка встал бы перед путешественником во времени, до 1937 г. попросту игнорировался фантастами. Впервые эту проблему сформулировал Спрэг де Камп в своем дебютном рассказе «Полиглоты». А Энтони Бучер пошел куда дальше, используя тот же прием при создании мрачной антиутопии о будущем, в котором Земля оказалась во власти фашистов, ведущих летоисчисление с Рождества Гитлерова (повесть «Барьер», 1942). По степени мрачности с Бучером вполне мог бы посостязаться Т. Л. Шерред: в его рассказе «Попытка» (1947) изобретение приборов, умеющих прозревать время, привело к крушению всего миропорядка.

Следующий этап развития темы связан с творчеством фантастов «новой волны». Ничего принципиально нового о путешествиях во времени они уже не открыли, однако создали немало запоминающихся и художественно убедительных произведений, относящихся к этому направлению фантастики. Рассказы и романы Джеймса Балларда («Хронополис», 1960; «Сад Времени», 1962), Брайана Олдисса («Человек в своем времени», 1965; «Эпоха», 1967; «Освобожденный Франкенштейн», 1973), Филипа Фармера («Летающие киты Измаила», 1971), Роберта Сильверберга («Что мы узнали из завтрашней газеты», 1972), Джеймса Типтри-младшего («Человек, который пошел домой», 1972), Гэри Килворта («Идем на Голгофу!», 1975) и Иена Уотсона («Очень медленная машина времени», 1978) ныне можно считать классическими.

Стали вновь появляться и произведения о ментальных путешествиях во времени, столь модные в начале XX в. В рассказе «Пристращение к Достоевскому» (1966) того же Олдисса герой отправляется в прошлое на встречу с любимым писателем, завладевая телами людей разных эпох. Нечто подобное можно обнаружить и в рассказе Колина Уилсона «Сдвиг времени» (1979). А вот о динозаврах стали писать значительно меньше, поскольку на передний план вышли ключевые моменты человеческой истории. Особым вниманием пользовались последние дни земной жизни Иисуса Христа — о них, в частности, говорится в произведениях Майкла Муркока («Се человек», *Behold the Man*, 1966) и Брайана Ирншоу («Планета в оке времени», *Planet in the Eye of Time*, 1968).

По сей день наиболее талантливым фантастам удается внести собственную лепту в развитие темы. Удалось же Роберту Холдстоку в 1982 г. написать роман «Когда дуют ветры времени» (*When Time Winds Blow*), в котором она звучит свежо и оригинально (на планете, придуманной писателем, ветер может забросить человека либо в прошлое, либо в будущее). Вполне оригинальны и произведения Майкла Бишопа («Нет врага, кроме времени», *No Enemy but Time*, 1982), Тима Пауэрса («Врата Анубиса», *The Anubis Gates*, 1983), Вернора Винджа («Забывшие в реальном времени», *Marooned in Realtime*, 1986), Конни Уиллис («Книга Судного дня», *Doomsday Book*, 1992).

Об одной из особенностей литературы подобного рода следует сказать отдельно. Дело в том, что путешествие в прошлое неминуемо должно привести к так называемому временному парадоксу. Его суть принято формулировать в виде вопроса: «Если я отправлюсь в гости к своему прадедушке и убью его, что случится тогда?». Однозначного ответа не существует, хотя большинство писателей уверены: изменяя минувшее, изменяешь и грядущее. Эта взаимосвязь лежит в основе хрестоматийного рассказа Рэя Брэдбери «И грянул гром» (1952): его герой, наступив на древнюю бабочку, обнаружил, что в современных США на выборах победил политический экстремист. Впрочем, произведение Брэдбери было далеко не первым в данном ряду. Еще в 1891 г. у английского писателя Ф. Энсти вышел рассказ «Торговля во времени», посвященный тому же самому парадоксу.

Кстати, видный исследователь фантастики Малькольм Эдвардс отмечает, что авторы НФ, пытаясь выйти из ситуации, поступают двояким образом. Одни готовы ввести в текст элементы абсурда, сталкивая персонажа с самим собой — более молодым или более старым (яркий пример — указанное произведение Ф. Энсти); другие всячески маскируют этот парадокс, не желая, чтобы он отягощал их сюжеты (в качестве примера можно назвать рассказ Джона Уиндэма «Хроноклазм», 1954). Наиболее оригинальным образом ситуацию разрешил Альфред Бестер, который в рассказе «Человек, который убил Магомета» (1958) дал каждому землянину персональный пространственно-временной континуум.

Очевидным следствием временного парадокса являются замкнутые петли во времени, где каждое событие в конечном счете предопределяет само себя. Такую фантастику писали Ральф Милн Фарли («Повелитель времени», 1940), Росс Роклинн («Времени нужен скелет», 1941), Альфред Бестер («Нажатие пальца», 1942), Мюррей Лейнстер («Призрак машины», 1952) и Мак Рейнольдс

(«Смешанный интерес», 1956). Эту схему существенно усложнил Роберт Хайнлайн, у которого в рассказе «Все вы зомби...» (1959) герой перемещается назад и вперед во времени и меняет при этом пол, чтобы стать собственными матерью и отцом.

Та же гипотеза, на которой построено названное выше произведение Рэя Брэдбери, вызвала к жизни множество текстов об альтернативных мирах, порожденных изменением прошлого. Первым из них, возможно, был рассказ Нэта Шэчнера «Голоса в наследство» (1933). Через пятнадцать лет Уильям Тенн выдвинул элегантную теорию о том, что гипотетический наблюдатель, скорее всего, не заметит этих изменений и воспримет существующий порядок вещей как естественный и единственно возможный («Бруклинский проект», 1948). Другой вариант — идея о множественности альтернативных миров, представители которых могут даже сражаться между собой за то, чтобы их будущее победило. Подобная ситуация была описана в романах Джека Уильямсона («Легион времени», *The Legion of Time*, 1938) и Баррингтона Бэйли («Падение Хронополиса», *The Fall of Chronopolis*, 1974). А в 50-х гг XX в. писатели додумались до создания временной полиции, которая призвана отслеживать попытки изменить ход истории и пресекать эту преступную деятельность. О ней можно прочесть в романе Айзека Азимова «Конец Вечности» (*The End of Eternity*, 1955), в произведениях Пола Андерсона из цикла «Патруль времени» и в повести Жерара Клейна «Время не пахнет» (1963).

Временной парадокс до сих пор привлекает внимание фантастов. Они эксплуатируют его комический (Боб Шоу «Кто здесь?», *Who Goes Here?*, 1977) и романтический (Хильберт Шенк «Роза для Армагеддона», *A Rose for Armageddon*, 1982) потенциал. А в 1991 г. Уолтер Джон Уильямс в романе «Дни искупления» (*Days of Atonement*) связал его с новейшими достижениями квантовой физики. Так что очень может быть, что мы еще станем свидетелями массовой эксплуатации аналогичных сюжетов.

А что же отечественные фантасты? Увы, приходится признать, что тема путешествий во времени никогда их особо не привлекала. У писателей, определивших лицо российской НФ XX столетия, — Александра Беляева, Ивана Ефремова, Аркадия и Бориса Стругацких — книг на эту тему практически нет. В 1930—1950-е гг. в СССР вообще печатали в основном «фантастику ближнего прицела», а путешествия во времени никак не укладывались в это прокрустово ложе. Да и позднее идеологические органы относились к такой литературе с повышенным вниманием, поскольку визиты в прошлое и особенно в будущее неминуемо приводили авторов

к социальным наблюдениям и обобщениям, которые могли разойтись с коммунистической доктриной.

И все-таки в середине 60-х гг. XX в. подобные книги начали появляться. Сперва фантасты просто отправляли своих героев в иные времена, как это сделали Александр и Сергей Абрамовы («Хождение за три мира», 1966; «Глаза века», 1967) и Геннадий Гор («Великий актер Джонс», 1966). Чуть позднее стали выходить произведения о временных парадоксах. К примеру, в рассказе Ильи Варшавского «Петля гистерезиса» (1968) ученый-историк захотел убедиться в том, что никакого Христа не существовало, однако его странные речи так обозлили жителей Иудеи, что те в конце концов распяли его... Более сложная цепь парадоксов описана в романе Ариадны Громовой и Рафаила Нудельмана «В Институте времени идет расследование» (1971), герой которого убивает в прошлом самого себя.

Многие авторы, верные традициям отечественной литературы, использовали путешествия во времени для постановки морально-нравственных проблем. Герои цикла новелл Игоря Забелина «Записки хроноскописта» (1969), придумавшие машину, которая восстанавливает события прошлого по предметам старины, видят, как одни исторические персонажи делают гадости, а другие — совершают подвиги. В повести Севера Гансовского «Винсент Ван Гог» (1970) мошенник из будущего, пожелавший по дешевке купить картины великого художника, под влиянием общения с ним отказался от этой затеи. У Кира Булычева наши потомки отправились в русское средневековье, чтобы вывезти оттуда гения-самородка («Похищение чародея», 1979). В повести Валерия Генкина и Александра Кацуры «Лекарство для Люс» (1983) описаны злоключения молодого отца, пытающегося отыскать в разных временах лекарство для смертельно больной дочери...

И сегодня российские фантасты посылают своих героев в минувшее и в грядущее. Об этом пишут Василий Головачев, Юрий Брайдер и Николай Чадович, Евгений Прошкин... Жизнь продолжается, и появление новаторских произведений на указанную тему — только вопрос времени.

Александр Ройфе

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Азимов Айзек (1920—1992) — один из классиков американской фантастической литературы XX в., автор огромного количества научно-фантастических произведений (более 400). Азимов — лауреат высших наград в американской НФ, в том числе одновременно премий «Хьюго» и «Небьюла» за роман «Сами боги».

Бестер Альфред (1913—1987) — выдающийся американский писатель, классик американской НФ. Родился в Нью-Йорке (США). За достижения в области НФ в 1987 г. американская ассоциация писателей-фантастов присудила Бестеру титул «Великий мастер».

Брэдбери Рэй (род. в 1920 г.) — выдающийся американский фантаст, классик современной фантастики. Родился в Уокигане (США). Первые произведения Брэдбери вышли в свет еще в 40-х гг. XX в. Первая публикация — рассказ «Маятник» (1941). В 1988 г. «Ассоциацией американских писателей-фантастов» Брэдбери был присвоен титул «Великий мастер» за достижения в области НФ-литературы.

Генкин Валерий Исаакович (род. в 1940 г.), Кацура Александр Васильевич (род. в 1941 г.) — российские писатели-фантасты, заметные представители отечественной НФ 80-х гг. XX в. Родились и живут в Москве. В. Генкин известен не только как писатель-фантаст, но и как переводчик и редактор. А. Кацура также не ограничивает свое творчество только литературой; он известный ученый, кандидат философских наук, автор более 100 научных работ. Научно-фантастические произведения соавторов стали появляться в печати с 1981—1982 гг.

Клейн Жерар (род. в 1937 г.) — один из ведущих авторов французской научно-фантастической литературы XX в. (наряду с Рене Баржавелем и Франсисом Карсаком), критик и редактор. Первые произведения Клейна вышли в 1955 г. под псевдонимом Жиль д'Аржи.

Кэмпбелл Джон (1910—1971) — выдающийся писатель-фантаст эпохи «золотого века» американской научной фантастики. Родился в Ньюарке (США). Кэмпбелл — автор ставших классическими НФ-рассказов «Сумерки» (1934), «Машина» (1939), «Кто ты?» (1938) и др. Однако в истории современной фантастической литературы Джон Кэмпбелл более известен как выдающийся редактор и «открыватель новых талантов».

Михайлов Владимир Дмитриевич (род. в 1929 г.) — известный отечественный писатель-фантаст, представитель старшего поколения российских фантастов, плодотворно продолжающий работать и в наше время. Родился в Москве. Книги этого автора «Дверь с той стороны» (1974), «Сторож брату моему» (1976), «Тогда придите, и рассудим» (1983) стали заметным событием в советской научно-фантастической литературе 70—80-х гг. XX в.

Сильверберг Роберт (род. в 1935 г.) — известный американский фантаст, создавший множество книг, вошедших в «золотой фонд» американской и мировой научной фантастики. Родился в Нью-Йорке (США). Публиковаться начал в 1954 г. Отечественным читателям хорошо известен его фэнтезийный цикл, посвященный гигантской планете Маджипур. Сильверберг — лауреат высших американских премий, присуждаемых за достижения в области фантастики.

Уиндэм Джон (Джон Уиндэм Паркас Лукас Бейнон Харрис) (1903—1969) — выдающийся английский фантаст. Родился в Ноле (Великобритания). Наибольшую известность ему принесли научно-фантастические романы о глобальных катастрофах, опубликованные с 1951 по 1957 г. — «День триффидов» (1951), «Кракен пробуждается» (1953), «Хризалиды» (1955), «Кукушата Мидвича» (1957).

Уэллс Герберт Джордж (1866—1946) — английский писатель, классик мировой научной фантастики, один из создателей этого жанра. Родился в Бромли (Великобритания). Английский фантаст является автором многих НФ-романов — «Машина времени» (1895), «Остров доктора Моро» (1896), «Человек-невидимка» (1897), «Война миров» (1898), «Когда спящий проснется» (1899) и др.

Фармер Филип Жозе (род. в 1918 г.) — американский писатель-фантаст. Родился в Норт-Терроте (США). Наибольший успех Фармеру принесли повесть «Любовники» (1952) и цикл НФ-романов, посвященный Миру Реки (1965—1983). Фармер — неоднократный лауреат самых известных научно-фантастических премий США, в том числе и премии «Хьюго».

Шекли Роберт (род. в 1928) — выдающийся американский фантаст, один из ведущих мастеров англоязычной НФ в области короткого юмористического рассказа (наряду с У.Тенном и Ф.Брауном). Родился в Нью-Йорке (США). Парадоксам путешествий во времени и в параллельном пространстве посвящены многие произведения Шекли.

СЛОВАРЬ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Антигравитационный парашют — индивидуальный спускательный аппарат, основанный на принципе нейтрализации силы тяготения.

Астродром — космический порт для взлета и посадки межзвездных кораблей. Упоминается в романе Ж. Клейна «Время не пахнет».

Болеизлучатель — фантастическое оружие, использующее энергию, увеличивающую болевые реакции.

Молекулярный фонограф — фантастическое изобретение, производящее записи на молекулярном уровне. Упоминается в романе А. Азимова «Конец Вечности».

Передачик материи — фантастическое изобретение, предназначенное для преобразования и транспортировки материи на далекие расстояния.

Подпространство — особая область пространства-времени, в которой возможно движение со скоростями, превышающими скорость света. Аналог гиперпространства.

Темпоральные поля — особые энергетические поля, благодаря которым возможно путешествие во времени.

Темпоральный маяк — фантастическое приспособление, помогающее хронавтам перемещаться во времени и пространстве.

Фотонная яхта — небольшой космический корабль, снабженный фотонным двигателем.

Хронавт — фантастический термин, обозначающий профессионального путешественника во времени. Слово составлено по аналогии с терминами «космонавт», «астронавт».

Хронолет — фантастический термин, иное название для машины времени.

Хроноскоп — прибор, при помощи которого можно наблюдать за событиями, происходящими в ином времени.

СОДЕРЖАНИЕ

Михайлов В.	
Обращение к читателям	5
Уэллс Г.	
Машина времени. <i>Перевод с английского В. Нифонтова</i>	7
Кэмпбелл Д.	
Сумерки. <i>Перевод с английского И. Гонтова</i>	79
Брэдбери Р.	
И грянул гром. <i>Перевод с английского Л. Жданова</i>	99
Шекли Р.	
Вор во времени. <i>Перевод с английского Б. Клюевой</i>	111
Бестер А.	
Выбор. <i>Перевод с английского В. Баканова</i>	131
Уиндэм Д.	
Хроноклазм. <i>Перевод с английского Д. Володихина</i>	140
Азимов А.	
Конец Вечности. <i>Перевод с английского И. Измайлова</i>	158
Клейн Ж.	
Время не пахнет. <i>Перевод с французского А. Григорьева</i>	342
Фармер Ф. Ж.	
Летающие киты Измаила. <i>Перевод с английского О. Колесникова</i>	440
Сильверберг Р.	
Как мы ездили смотреть конец света. <i>Перевод с английского В. Баканова</i>	522
Генкин В., Кацура А.	
Лекарство для Люс	529
Ройфе А.	
Вопрос времени (<i>заключение</i>)	598
Коротко об авторах	604
Словарь фантастических терминов	606

АНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ. ТОМ 2

Редактор

Н. Ипатько

Директор по производству

И. Кошелев

Корректор

О. Бурашникова

Художник

А. Грицай

Изготовление оригинал-макета

Е. Беспрозванная

Дизайн обложки

Е. Дукельская

Набор

О. Шевченко — начальник отдела

Ю. Антонова

Н. Гольдман

О. Демидова

М. Коробко

Т. Поповская

Ф. Тахирова

Е. Терёхина

Антология мировой фантастики. Том 2.

Изд. лиц. № 05330 от 09.07.2001. Подписано в печать 27.12.2002. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 38. Тираж 20 000 экз. Заказ № 0216970.

ЗАО Детское издательство «Аванта+». 125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1 (помещение ТАРП ЦАО г. Москвы).

Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

«Аванта+» представляет звездную галерею зарубежных и отечественных мастеров фантастической литературы в серии «Антология мировой фантастики»

В 15-ти томах — романы, повести и рассказы более 100 выдающихся фантастов, а также очерки известных отечественных критиков-фантастоведов.

Во 2-й том вошли произведения
Л. Лэимова, Л. Бестера, Р. Брэбери,
В. Генкина, А. Кацур, Ж. Клейна,
Д. Кэмпбелла, Р. Сильверберга,
Д. Уингема, Г. Уэллса, Ф. Ж. Фармера,
Р. Шефли.

